

ЛЕНИН

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЛЕНИН

СОЧИНЕНИЯ

5

ПЕЧАТАЕТСЯ
ПО ПОСТАНОВЛЕНИЮ
IX СЪЕЗДА РКП(б)
в II СЪЕЗДА СОВЕТОВ
СССР

ИНСТИТУТ МАРКСА-ЭНГЕЛЬСА-ЛЕНИНА при ЦК ВКП(б)

В. И. ЛЕНИН

СОЧИНЕНИЯ

Издание четвертое

ОГИЗ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1946

В. И. ЛЕНИН

ТОМ

5

Май 1901—февраль 1902

ПРЕДИСЛОВИЕ

Пятый том содержит произведения В. И. Ленина, написанные им в период с мая 1901 по февраль 1902 года.

В том входят статьи и заметки Ленина, опубликованные в «Искре»: «С чего начать?», «Новое побоище», «Ценное признание», «Уроки кризиса», «Крепостники за работой», «Борьба с голодающими», «Заграничные дела», «Беседа с защитниками экономизма», «Начало демонстраций», «Политическая агитация и «классовая точка зрения» и другие. В этих статьях Ленин откликается на все важнейшие события внутренней жизни России, освещает конкретные задачи строительства партии и классовой борьбы пролетариата.

Статья «Гонители земства и Аннибалы либерализма», опубликованная в журнале «Заря» в декабре 1901 года, посвящена разработке тактики марксистской партии пролетариата по отношению к либеральной буржуазии.

Произведение «Аграрный вопрос и «критики Маркса» посвящено изложению и развитию марксистской теории аграрного вопроса и критике русских и международных ревизионистов.

В настоящий том входит также работа Ленина «Что делать?», теоретические положения которой легли в основу идеологии большевистской партии.

В томе помещены впервые включенные в Сочинения В. И. Ленина семь ленинских работ. Из них три заметки из «Искры»: «Земский съезд», «О письме «Рабочих с юга» и «Ответ «Читателю»». Следующие четыре документа: «Речь 21 сентября (4 октября)» (речь Ленина на «объединительном» съезде заграничных организаций РСДРП

21 сентября (4 октября) 1901 года), «О журнале «Свобода», «К двадцатипятилетию революционной деятельности Г. В. Плеханова» и «Анархизм и социализм», — в период их написания не публиковались и увидели свет лишь после Октябрьской революции.

С ЧЕГО НАЧАТЬ?¹

Написано в мае 1901 г.

*Напечатано в мае 1901 г.
в «Искре» № 4*

*Печатается по тексту газеты
«Искра»*

С ЧЕГО ПЧАТЬ?

Вопрос, «с чего начать?» в отношении нашей партийной организации, в котором была сделана в нашей партии, в Москве, в начале 1901 г., в том, что касается, в частности, того, с чего начать партийную деятельность. Но мы не можем, что есть, сказать, что в отношении этой работы мы не имеем никакого опыта. Мы не знаем, как лучше начать работу, как лучше организовать нашу работу, как лучше организовать нашу работу. Мы не знаем, как лучше начать работу, как лучше организовать нашу работу, как лучше организовать нашу работу.

Вопрос, «с чего начать?» в отношении нашей партийной организации, в котором была сделана в нашей партии, в Москве, в начале 1901 г., в том, что касается, в частности, того, с чего начать партийную деятельность. Но мы не можем, что есть, сказать, что в отношении этой работы мы не имеем никакого опыта. Мы не знаем, как лучше начать работу, как лучше организовать нашу работу, как лучше организовать нашу работу.

Вопрос, «с чего начать?» в отношении нашей партийной организации, в котором была сделана в нашей партии, в Москве, в начале 1901 г., в том, что касается, в частности, того, с чего начать партийную деятельность. Но мы не можем, что есть, сказать, что в отношении этой работы мы не имеем никакого опыта. Мы не знаем, как лучше начать работу, как лучше организовать нашу работу, как лучше организовать нашу работу.

САМОБРАНИЕ П. ФАБРИСА

Понятно, почему П. Фабрис, редактор из Москвы, не хотел бы участвовать в нашей партии. Понятно, почему П. Фабрис, редактор из Москвы, не хотел бы участвовать в нашей партии. Понятно, почему П. Фабрис, редактор из Москвы, не хотел бы участвовать в нашей партии.

Вопрос, «с чего начать?» в отношении нашей партийной организации, в котором была сделана в нашей партии, в Москве, в начале 1901 г., в том, что касается, в частности, того, с чего начать партийную деятельность. Но мы не можем, что есть, сказать, что в отношении этой работы мы не имеем никакого опыта. Мы не знаем, как лучше начать работу, как лучше организовать нашу работу, как лучше организовать нашу работу.

Вопрос, «с чего начать?» в отношении нашей партийной организации, в котором была сделана в нашей партии, в Москве, в начале 1901 г., в том, что касается, в частности, того, с чего начать партийную деятельность. Но мы не можем, что есть, сказать, что в отношении этой работы мы не имеем никакого опыта. Мы не знаем, как лучше начать работу, как лучше организовать нашу работу, как лучше организовать нашу работу.

Вопрос, «с чего начать?» в отношении нашей партийной организации, в котором была сделана в нашей партии, в Москве, в начале 1901 г., в том, что касается, в частности, того, с чего начать партийную деятельность. Но мы не можем, что есть, сказать, что в отношении этой работы мы не имеем никакого опыта. Мы не знаем, как лучше начать работу, как лучше организовать нашу работу, как лучше организовать нашу работу.

Первая страница газеты «Искра» № 4 со статьей В. И. Ленина «С чего начать?» — 1901 г.

Уменьшено

Вопрос: «что делать?» за последние годы с особенной силой выдвигается перед русскими социал-демократами. Речь идет не о выборе пути (как это было в конце 80-х и начале 90-х годов), а о том, какие практические шаги и как именно должны мы сделать на известном пути. Речь идет о системе и плане практической деятельности. И надо признать, что этот основной для практической партии вопрос о характере и способах борьбы остается у нас все еще нерешенным, возбуждает все еще серьезные разногласия, обнаруживающие прискорбную неустойчивость и шатание мысли. С одной стороны, далеко еще не умерло «экономическое» направление, старающееся обкарнать и сузить работу политической организации и агитации. С другой стороны, попрежнему гордо поднимает голову направление беспринципного эклектизма, подделывающегося под каждое новое «веяние», не умеющего отличать запросов минуты от основных задач и постоянных нужд движения в его целом. Как известно, такое направление свило себе гнездо в «Рабочем Деле»². Его последнее «программное» заявление — громкая статья под громким заглавием «Исторический поворот» (номер 6 «Листка «Рабочего Дела»») — особенно наглядно подтверждает сделанную характеристику. Еще вчера мы заигрывали с «экономизмом», негодовали по поводу решительного осуждения «Рабочей Мысли»³, «смягчали» плекхановскую постановку вопроса о борьбе с самодержавием, — а сегодня мы уже цитируем слова Либкнехта: «Если обстоятельства изменятся в 24 часа, то нужно и тактику изменить в 24 часа», мы уже говорим о «крепкой боевой организации» для прямой атаки, для штурма на

самодержавие, о «широкой революционной политической (вот уж как энергично: и революционной и политической!) агитации в массе», о «неустанном призыве к уличному протесту», об «устройстве уличных манифестаций резко (sic!*) политического характера» и проч., и т. п., и т. д.

Мы могли бы, пожалуй, выразить удовольствие по поводу того, что «Раб. Дело» так быстро усвоило выдвинутую нами уже в первом номере «Искры»⁴ программу создания крепкой организованной партии, направленной на завоевание не только отдельных уступок, но и самой крепости самодержавия, но отсутствие у усвоивших всякой твердой точки зрения способно испортить все удовольствие.

Имя Либкнехта «Раб. Дело», конечно, приемлет всеу. В 24 часа можно изменить тактику агитации по какому-нибудь специальному вопросу, тактику проведения какой-нибудь детали партийной организации, а изменить не только в 24 часа, но хотя бы даже в 24 месяца свои взгляды на то, нужна ли вообще, всегда и безусловно боевая организация и политическая агитация в массе, могут только люди без всяких устоев. Смешно сослаться на различие обстановки, на смену периодов: работать над созданием боевой организации и ведением политической агитации обязательно при какой-угодно «серой, мирной» обстановке, в период какого-угодно «упадка революционного духа» — более того: именно при такой обстановке и в такие периоды особенно необходима указанная работа, ибо в моменты взрывов и вспышек поздно уже создавать организацию; она должна быть наготове, чтобы сразу развернуть свою деятельность. «Изменить в 24 часа тактику!» Да для того, чтобы изменить тактику, надо прежде иметь тактику, а если нет крепкой организации, искушенной в политической борьбе при всякой обстановке и во всякие периоды, то не может быть и речи о том систематическом, освещенном твердыми принципами и неуклонно проводимом плане деятельности, который только и заслуживает названия тактики. Посмотрите в самом деле: нам говорят уже, что «исторический момент» выдвинул перед нашей партией «совершенно новый» вопрос — о терроре. Вчера «совершенно новый» был вопрос о политической организации и агитации, сегодня — вопрос о терроре. Не странно ли

* — так! Ред.

слышать, как люди, до такой степени не помнящие родства, рассуждают о коренном изменении тактики?

К счастью, «Раб. Дело» не право. Вопрос о терроре совершенно не новый вопрос, и нам достаточно вкратце напомнить установившиеся взгляды русской социал-демократии.

Принципиально мы никогда не отказывались и не можем отказываться от террора. Это — одно из военных действий, которое может быть вполне пригодно и даже необходимо в известный момент сражения, при известном состоянии войска и при известных условиях. Но суть дела именно в том, что террор выдвигается в настоящее время отнюдь не как одна из операций действующей армии, тесно связанная и сообразованная со всей системой борьбы, а как самостоятельное и независимое от всякой армии средство единичного нападения. Да при отсутствии центральной и слабости местных революционных организаций террор и не может быть ничем иным. Вот поэтому-то мы решительно объявляем такое средство борьбы при данных обстоятельствах несвоевременным, нецелесообразным, отвлекающим наиболее активных борцов от их настоящей, наиболее важной в интересах всего движения задачи, дезорганизуя не правительственные, а революционные силы. Вспомните последние события: на наших глазах широкие массы городских рабочих и городского «простолюда» рвутся к борьбе, а у революционеров не оказывается штаба руководителей и организаторов. Не грозит ли при таких условиях уход самых энергичных революционеров в террор ослаблением тех боевых отрядов, на которые только и можно возлагать серьезные надежды? Не грозит ли это разрывом связи между революционными организациями и теми разрозненными массами недовольных, протестующих и готовых к борьбе, которые слабы именно своею разрозненностью? А ведь в этой связи — единственный залог нашего успеха. Мы далеки от мысли отрицать всякое значение за отдельными героическими ударами, но наш долг — со всей энергией предостеречь от увлечения террором, от признания его главным и основным средством борьбы, к чему так сильно склоняются в настоящее время очень и очень многие. Террор никогда не может стать заурядным военным действием: в лучшем случае он пригоден лишь как один из приемов решительного штурма. Спрашивается, можем ли

мы в данный момент *звать* на такой штурм? «Раб. Дело», повидимому, думает, что да. По крайней мере, оно восклицает: «Стройтесь в штурмовые колонны!» Но это опять-таки усердие не по разуму. Главная масса наших военных сил — добровольцы и повстанцы. Постоянного войска есть у нас лишь несколько небольших отрядов, да и те не мобилизованы, не связаны между собой, не приучены строиться в военные колонны вообще, а не то, что в штурмовые колонны. При таких условиях для всякого, кто способен обозреть общие условия нашей борьбы, не забывая о них при каждом «повороте» исторического хода событий, — должно быть ясно, что лозунгом нашим в данный момент не может быть «идти на штурм», а должно быть: «устроить правильную осаду неприятельской крепости». Другими словами: непосредственной задачей нашей партии не может быть призыв всех наличных сил теперь же к атаке, а должен быть призыв к выработке революционной организации, способной объединить все силы и руководить движением не только по названию, но и на самом деле, т. е. быть всегда готовой к поддержке всякого протеста и всякой вспышки, пользуясь ими для умножения и укрепления военных сил, годных для решительного боя.

Урок февральских и мартовских событий⁵ так внушительен, что вряд ли можно встретить теперь принципиальные возражения против такого вывода. Но от нас требуется в настоящее время не принципиальное, а практическое решение вопроса. Требуется не только уяснить себе, какая именно организация, для какой именно работы необходима, — требуется выработать известный *план* организации, чтобы к постройке ее могло быть приступлено со всех сторон. Ввиду неотложной важности вопроса мы решаемся, с своей стороны, предложить вниманию товарищей набросок плана, подробнее развиваемого нами в подготовляемой к печати брошюре.

По нашему мнению, исходным пунктом деятельности, первым практическим шагом к созданию желаемой организации, наконец, основною нитью, держаась которой мы могли бы неуклонно развивать, углублять и расширять эту организацию, — должна быть постановка общерусской политической газеты. Нам нужна прежде всего газета, — без нее невозможно то систематическое ведение принципиально выдержанной и всесторонней пропаганды и агитации,

которое составляет постоянную и главную задачу социал-демократии вообще и особенно насущную задачу настоящего момента, когда интерес к политике, к вопросам социализма пробужден в наиболее широких слоях населения. И никогда не чувствовалась с такой силой, как теперь, потребность в том, чтобы дополнить раздробленную агитацию посредством личного воздействия, местных листов, брошюр и пр., той обобщенной и регулярной агитацией, которую можно вести только при помощи периодической прессы. Бряд ли будет преувеличением сказать, что степень частоты и регулярности выхода (и распространения) газеты может служить наиболее точным мериллом того, насколько солидно поставлена у нас эта самая первоначальная и самая насущная отрасль нашей военной деятельности. Далее, нам нужна именно общерусская газета. Если мы не сумеем и пока мы не сумеем объединить наше воздействие на народ и на правительство посредством печатного слова, — будет утопией мысль об объединении других, более сложных, трудных, но зато и более решительных способов воздействия. Наше движение и в идейном и в практическом, организационном отношении всего более страдает от своей раздробленности, от того, что громадное большинство социал-демократов почти всецело поглощено чисто местной работой, суживающей и их кругозор, и размах их деятельности, и их конспиративную сноровку и подготовленность. Именно в этой раздробленности следует искать наиболее глубоких корней той неустойчивости и того шатания, о которых мы говорили выше. И *первым* шагом вперед по пути избавления от этого недостатка, по пути превращения нескольких местных движений в единое общерусское движение должна быть постановка общерусской газеты. Наконец, нам нужна непременно *политическая* газета. Без политического органа немислимо в современной Европе движение, заслуживающее название политического. Без него абсолютно неисполнима наша задача — сконцентрировать все элементы политического недовольства и протеста, оплодотворить ими революционное движение пролетариата. Мы сделали первый шаг, мы пробудили в рабочем классе страсть «экономических», фабричных обличений. Мы должны сделать следующий шаг: пробудить во всех сколько-нибудь сознательных слоях народа страсть *политических* обличений. Не надо смущаться тем, что политически

обличительные голоса так слабы, редки и робки в настоящее время. Причина этого — отнюдь не повальное примирение с полицейским произволом. Причина — та, что у людей, способных и готовых обличать, нет трибуны, с которой бы они могли говорить, — нет аудитории, страстно слушающей и ободряющей ораторов, — что они не видят нигде в народе такой силы, к которой бы стоило труда обращаться с жалобой на «всемогущее» русское правительство. И теперь все это изменяется с громадной быстротой. Такая сила есть, это — революционный пролетариат, он доказал уже свою готовность не только слушать и поддерживать призыв к политической борьбе, но и смело бросаться на борьбу. Мы в состоянии теперь, и мы обязаны создать трибуну для всенародного обличения царского правительства; — такой трибуной должна быть социал-демократическая газета. Русский рабочий класс, в отличие от других классов и слоев русского общества, проявляет постоянный интерес к политическому знанию, предъясвляет постоянно (а не только в периоды особого возбуждения) громадный спрос на нелегальную литературу. При таком массовом спросе, при начавшейся уже выработке опытных революционных руководителей, при той сконцентрированности рабочего класса, которая делает его фактическим господином в рабочих кварталах большого города, в заводском поселке, в фабричном местечке, — постановка политической газеты есть дело вполне посильное для пролетариата. А через посредство пролетариата газета проникнет в ряды городского мещанства, сельских кустарей и крестьян и станет настоящей народной политической газетой.

Роль газеты не ограничивается, однако, одним распространением идей, одним политическим воспитанием и привлечением политических союзников. Газета — не только коллективный пропагандист и коллективный агитатор, но также и коллективный организатор. В этом последнем отношении ее можно сравнить с лесами, которые строятся вокруг возводимого здания, намечают контуры постройки, облегчают сношения между отдельными строителями, помогают им распределять работу и обозревать общие результаты, достигнутые организованным трудом. При помощи газеты и в связи с ней сама собой будет складываться постоянная организация, занятая не только местной, но

и регулярной общей работой, приучающей своих членов внимательно следить за политическими событиями, оценивать их значение и их влияние на разные слои населения, вырабатывать целесообразные способы воздействия на эти события со стороны революционной партии. Одна уже техническая задача — обеспечить правильное снабжение газеты материалами и правильное распространение ее — заставляет создать сеть местных агентов единой партии, агентов, находящихся в живых сношениях друг с другом, вносящих общее положение дел, привыкающих регулярно исполнять дробные функции общерусской работы, пробующих свои силы на организации тех или иных революционных действий. Эта сеть агентов* будет остовом именно такой организации, которая нам нужна: достаточно крупной, чтобы охватить всю страну; достаточно широкой и разносторонней, чтобы провести строгое и детальное разделение труда; достаточно выдержанной, чтобы уметь при всяких обстоятельствах, при всяких «поворотах» и неожиданностях вести неуклонно свою работу; достаточно гибкой, чтобы уметь, с одной стороны, уклониться от сражения в открытом поле с подавляющим своею силою неприятелем, когда он собрал на одном пункте все силы, а с другой стороны, чтобы уметь пользоваться неповоротливостью этого неприятеля и нападать на него там и тогда, где всего менее ожидают нападения. Сегодня перед нами встала сравнительно легкая задача — поддержать студентов, демонстрирующих на улицах больших городов. Завтра встанет, может быть, более трудная задача, — напр., поддержать движение безработных в известном районе. Послезавтра мы должны оказаться на своем посту, чтобы принять революционное участие в крестьянском бунте. Сегодня мы должны воспользоваться тем обострением политического положения, которое создало правительство походом на вемство. Завтра мы должны поддержать возмущение населения против того или другого зарвавшегося царского башибузука и помочь — посредством бойкота, травли,

* Понятно само собой, что такие агенты могли бы работать успешно только при условии полной близости их к местным комитетам (группам, кружкам) нашей партии. Да и вообще весь намечаемый нами план осуществим, конечно, лишь при самой активной поддержке комитетов, которые не раз делали шаги к объединению партии и которые — мы уверены — добьются этого объединения не сегодня, так завтра, не в той, так в другой форме.

манифестации и т. п. — проучить его так, чтобы он принужден был к открытому отступлению. Такую степень боевой готовности можно выработать только на постоянной деятельности, занимающей регулярное войско. И если мы соединим свои силы на ведении общей газеты, то такая работа подготовит и выдвинет не только наиболее умелых пропагандистов, но и наиболее искусных организаторов, наиболее талантливых политических вождей партии, способных в нужную минуту дать лозунг к решительному бою и руководить им.

В заключение — пару слов во избежание возможного недоразумения. Мы говорили все время только о систематической, планомерной подготовке, но мы отнюдь не хотели этим сказать, что самодержавие может пасть исключительно от правильной осады или организованного штурма. Такой взгляд был бы велепым доктринерством. Напротив, вполне возможно и исторически гораздо более вероятно, что самодержавие падет под давлением одного из тех стихийных взрывов или непредвиденных политических осложнений, которые постоянно грозят со всех сторон. Но ни одна политическая партия, не впадая в авантюризм, не может строить своей деятельности в расчете на такие взрывы и осложнения. Мы должны идти своим путем, неуклонно делать свою систематическую работу, и, чем меньше будем мы рассчитывать на неожиданности, тем больше вероятия, что нас не застанут врасплох никакие «исторические повороты».

НОВОЕ ПОБОИЩЕ

Повидимому, мы переживаем момент, когда наше рабочее движение опять с неудержимой силой приводит к тем обостренным столкновениям, которые так пугают правительство и имущие классы, так ободряют и радуют социалистов. Да, нас ободряют и радуют эти столкновения, несмотря на громадное число жертв военной расправы, потому что своим сопротивлением рабочий класс доказывает, что он не мирится со своим положением, не хочет оставаться рабом, не подчиняется молча насилию и произволу. Современный порядок всегда и неизбежно, даже при самом мирном течении дел, возлагает на рабочий класс бесчисленные жертвы. Тысячи и десятки тысяч людей, трудящихся всю жизнь над созданием чужого богатства, гибнут от голодовок и от постоянного недоедания, умирают преждевременно от болезней, порождаемых отвратительными условиями труда, нищенской обстановкой жилищ, недостатком отдыха. И сто крат заслуживает название героя тот, кто предпочитает лучше умереть в прямой борьбе с защитниками и оберегателями этого гнусного порядка, чем умирать медленной смертью забитой, надорванной и покорной клячи. Мы вовсе не хотим сказать, что рукопашная с полицией есть лучшая форма борьбы. Напротив, мы всегда указывали рабочим, что в их же интересах сделать борьбу более спокойной и выдержанной, постараться направить всякое недовольство на поддержку организованной борьбы революционной партии. Но главным источником, питающим революционную социал-демократию, является именно тот дух протеста в рабочих массах, который при окружающем рабочих гнете и насилии не может

не прорываться от времени до времени в отчаянных вспышках. Эти вспышки пробуждают к сознательной жизни самые широкие слои задавленных нуждою и темнотою рабочих, распространяют в них дух благородной ненависти к угнетателям и врагам свободы. И вот почему известие о таком побоеще, какое было, напр., 7-го мая на Обуховском заводе, заставляет нас воскликнуть: «Рабочее восстание подавлено, да здравствует рабочее восстание!».

Было время, и сравнительно очень недавнее, когда рабочие восстания являлись редким исключением, вызывались только какими-нибудь особыми условиями. Теперь не то. Несколько лет тому назад мы переживали период процветания промышленности, когда торговые дела шли бойко, спрос на рабочих был большой. И тем не менее рабоче устраивали ряд стачек, добиваясь лучших условий труда: рабочие поняли, что они должны не упускать момента, должны пользоваться именно тем временем, когда прибыли фабрикантов особенно высоки и их легче принудить к уступкам. Но вот процветание сменилось кризисом: товары не идут с рук у фабрикантов, прибыли их уменьшаются, увеличивается число банкротств, фабрики сокращают производство, распускают рабочих, которые массами оказываются на улице без куска хлеба. Рабочим приходится отчаянно бороться уже не за улучшение своего положения, а за сохранение старого, за уменьшение тех потерь, которые взваливает на них фабрикант. Таким образом, рабочее движение углубляется и расширяется: сначала борьба в исключительных отдельных случаях, потом упорная и непрерывная борьба во время оживления промышленных дел и бойкого хода торговли, наконец — такая же непрерывная и упорная борьба во время кризиса. Теперь мы можем уже сказать, что рабочее движение стало постоянным явлением нашей жизни, что оно будет расти при всяких условиях.

Но смена промышленного оживления кризисом научит рабочих не только тому, что объединенная борьба стала для них постоянной необходимостью. Эта смена разрушит также те вредные иллюзии, которые начали уже образовываться в период процветания промышленности. Кое-где рабочим сравнительно легко удавалось вынуждать у хозяев уступки посредством стачек, и значение этой «экономической» борьбы стали преувеличивать, стали забывать о том,

что профессиональным (цеховым) союзам рабочих и стачкам удастся в лучшем случае только отстоять несколько более выгодные условия продажи товара: рабочей силы. Цеховые союзы и стачки бессильны помочь, когда этот «товар» в силу кризиса не находит спроса, бессильны изменить те условия, которые превращают рабочую силу в товар, осуждают массы трудящихся на самую тяжелую нужду и безработицу. Чтобы изменить эти условия, необходима революционная борьба со всем современным общественным и политическим строем, и промышленный кризис заставит многих и многих рабочих убедиться в справедливости этой истины.

Вернемся к побоищу 7-го мая. Мы приводим ниже имеющиеся у нас сведения о майских стачках и волнениях рабочих Петербурга⁶. Здесь же разберем полицейское сообщение о побоище 7-го мая. В последнее время мы уже немного приучены к правительственным (полицейским тож) сообщениям о стачках, демонстрациях, столкновениях с войсками; мы имеем уже теперь изрядный материал для суждения о степени достоверности таких сообщений, мы можем иногда по дыму полицейской лжи догадываться об огне народного возмущения.

«7-го сего мая — гласит официальное сообщение — после обеденного перерыва, на Обуховском сталелитейном заводе в селе Александровском, по Шлиссельбургскому тракту, около 200 рабочих разных отделений завода прекратили работу и, при объяснении с помощником начальника завода подполковником Ивановым, предъявили разные неосновательные требования».

Если рабочие прекратили работу без предупреждения за две недели — допустив, что прекращение работ не было вызвано беззакониями со стороны хозяев, как это случается очень не редко, — то это даже по русскому законодательству (которое в последнее время систематически дополнялось и усиливалось против рабочих) составляет простой полицейский проступок, подсудный мировому. Но русское правительство все больше попадает в смешное положение со своими строгостями: с одной стороны, издаются законы, устанавливающие новые преступления (напр., самовольный отказ от работы или участие в скопище, повреждающем чужое имущество или насильственно противодействующем вооруженной силе), повышаются наказания за стачки и пр., — с другой стороны, теряется и

физическая, и политическая возможность применять эти законы и налагать законосообразные наказания. Нет физической возможности тянуть к ответу за отказ от работы, за стачку, за «скопище» тысячи и десятки тысяч людей. Нет политической возможности устраивать в каждом таком случае судебное разбирательство, ибо, как ни подстраивай состав суда, как ни кастрируй гласность, все же хоть тень суда останется и, конечно, — «суда» не над рабочими, а над правительством. И вот уголовные законы, изданные с прямой целью облегчить *политическую* борьбу правительства с пролетариатом (и в то же время *прикрыть* ее политический характер посредством «государственных» соображений об «общественном порядке» и т. п.), неумолимо оттесняются на задний план *прямой* политической борьбой, открытой уличной схваткой. «Правосудие» сбрасывает с себя маску беспристрастия и возвышенности и обращается в бегство, предоставляя поле действия полиции, жандармам и казакам, которых угощают камнями.

Вспомните, в самом деле, эту ссылку правительства на «требования» рабочих. С точки зрения закона, прекращение работы есть проступок независимо от того, какие были требования рабочих. Но правительство именно потеряло уже возможность становиться на почву того самого закона, который оно так недавно издало, и расправу «своими средствами» оно старается оправдать, заявляя, что требования рабочих были неосновательны. А кто был судьей в этом вопросе? Подполковник Иванов, помощник начальника завода, т. е. то самое начальство, на которое рабочие и жаловались! Неудивительно, что на такие объяснения власть имущих рабочие отвечают камнями!

И вот, когда рабочие вышли все на улицу, остановив движение конки, началась уже настоящая баталия. Рабочие бились, видимо, изо всех сил, ибо им удалось *дважды* отбить нападение полиции, жандармов, конной стражи и вооруженной команды завода* — и это, несмотря на то,

* Кстати. Правительственное сообщение заявляет, что «вооруженная команда завода» «находилась уже наготове во дворе завода», тогда как жандармы, конная стража и городовые были вываны лишь впоследствии. С какого же времени и почему держали *наготове* во дворе завода *вооруженную* команду? Не с первого ли мая? Не ожидали ли рабочей демонстрации? Этого мы не знаем, но несомненно, что правительство умышленно скрывает имеющиеся у него фактически данные о том, чем вызывалось и как росло недовольство и возбуждение рабочих.

что единственным оружием рабочих были камни. Правда, «несколько выстрелов» раздалось и из толпы, — если верить полицейскому сообщению, — но ранен этими выстрелами никто не был. Зато камни летели *«градом»*, причем рабочие проявляли не только упорство сопротивления, но и находчивость, умение сразу приспособиться к условиям и выбрать лучшую форму борьбы. Они заняли соседние дворы и осыпали царских башибуауков камнями *из-за заборов*, так что даже *после* трех залпов, которыми был убит один (будто бы только один?) рабочий и ранено восемь (?) (один умер на другой день), даже после этого, несмотря на бегство толпы, сражение еще продолжалось, и вытребованные роты омского пехотного полка должны были «очищать от рабочих» соседние дворы.

Правительство победило. Но каждая такая победа будет неуклонно приближать его окончательное поражение. Каждая битва с народом будет увеличивать число возмущенных и готовых к бою рабочих, будет выдвигать более опытных, лучше вооруженных, смелее действующих вожаков. По какому плану должны стараться действовать вожаки, об этом нам уже приходилось высказываться. На безусловную необходимость крепкой революционной организации мы уже не раз указывали. Но по поводу таких событий, как 7-ое мая, надо также не упускать из виду следующее.

В последнее время много говорили о том, что уличная борьба против современного войска невозможна и безнадежна; особенно настаивали на этом те «критические» умники, которые выдавали старый хлам буржуазной учености за новые выводы беспристрастной науки, извращая при этом слова Энгельса, говорившего, и притом с оговорками, только о временной тактике немецких социал-демократов⁷. Мы видим даже на примере отдельной схватки, что все эти толки совершенно вздорны. Уличная борьба возможна, безнадежно не положение борцов, а положение правительства, если ему придется иметь дело с населением не одного только завода. Рабочие при схватке 7-го мая не имели ничего, кроме камней, — и уж, конечно, не запрещение же градоначальника помешает им в следующий раз запасть другим оружием. Рабочие были не подготовлены, и их было только 3½ тысячи, и тем не менее они отбивали несколько сотен конной стражи, жандармерии, городских

и пехоты. Вспомните, легко ли удался полиции штурм *одного* дома номер 63 по Шлиссельбургскому тракту!⁸ Подумайте, легко ли будет *«очистить от рабочих»* не два-три двора и дома, а целые рабочие кварталы Петербурга! Не придется ли также, когда дело дойдет до решительной борьбы, *«очищать»* столичные дома и дворы не только от рабочих, но и от всех тех, кто не забыл гнусной бойни 4-го марта⁹, кто не примирился с полицейским правительством, а только запуган им и не верит еще в свои силы.

Товарищи! Постарайтесь собрать имена всех убитых и раненых 7-го мая. Пусть все рабочие столицы чтят память их и готовятся к новой решительной борьбе с полицейским правительством за народную свободу!

«Искра» № 5, июнь 1901 г.

Печатается по тексту газеты
«Искра»

ГОНИТЕЛИ ЗЕМСТВА И АННИБАЛЫ ЛИБЕРАЛИЗМА¹⁰

Написано в июне 1901 г.

*Впервые напечатано в декабре
1901 г., в журнале «Заря» № 2—3.
Подпись: Т. П.*

*Печатается по тексту журнала,
сверенному с текстом сборника:
Вл. Ильин. «За 12 лет», 1907 г.*

№ 2-3

Декабрь
1901-го г.Die
MorgenrötheHeft 2-3
Dezember 1901

ЗАРЯ

Соціаль-демократическій ~~журналъ~~
научно-политическій журналъ.
Издается при ближайшемъ ~~участіи~~
участіи Г. В. Плеханова, В. И.
Засуличъ и П. Б. Аксельрода. »

Цѣна 3 руб.

Stuttgart

J. H. W. Dietz Nachf. (G. m. b. H.)

1901

Обложка журнала «Заря» № 2—3 — 1901 г., в котором были напечатаны работы В. И. Ленина: «Гонители земства и Аннибалы либерализма», первые четыре главы работы «Аграрный вопрос и «критики Маркса»» (под заглавием «Гг. «критики» в аграрном вопросе») и «Внутреннее обозрение»

Если про русского крестьянина было сказано, что он всего более беден сознанием своей бедности, то про русского обывателя или подданного можно сказать, что он, будучи беден гражданскими правами, особенно беден сознанием своего бесправия. Как мужик привык к своей безысходной нищете, привык жить, не задумываясь над ее причинами и возможностью ее устранения, так русский обыватель вообще привык к всевластью правительства, привык жить, не задумываясь над тем, может ли дальше держаться это всевластье и нет ли рядом с ним таких явлений, которые подтачивают застарелый политический строй. Особенно хорошим «противоядием» против этой политической бессознательности и спячки являются обыкновенно «секретные документы»*, показывающие, что не только какие-нибудь отчаянные головорезы или завязтые враги правительства, но и сами члены правительства, до министров и царя включительно, сознают шаткость самодержавной формы правления и изыскивают всяческие способы улучшить свое положение, совершенно их не удовлетворяющее. К таким документам принадлежит записка Витте, который, повздорив с министром внутренних дел, Горемыкиным, из-за вопроса о введении земских учреждений на окраинах, решил особенно выставить свою проницательность и преданность самодержавию составлением обвинительного акта против земства**.

* Я говорю, разумеется, только о том — далеко не единственном и далеко не особенно «сильно действующем» — роде «противоядий», который состоит из произведенной печати.

** *Самодержавие и земство*. Конфиденциальная записка министра Финансов С. Ю. Витте, с предисловием и примечаниями Р. Н. С. Печатано «Зарей»¹⁴. Stuttgart, Verlag von J. H. W. Dietz Nachf. (Штутгарт, издание наследников И. Г. В. Дитца. Ред.) 1901. Стр. XLIV и 212.

Обвиняется земство в том, что оно несовместимо с самодержавием, что оно конституционно по самому своему характеру, что существование его неизбежно порождает трения и столкновения между представителями общества и правительства. Обвинительный акт составлен на основании очень (сравнительно) обширного и очень недурно обработанного материала, а так как это обвинительный акт по политическому делу (и притом довольно своеобразному), то можно быть уверенным, что его будут читать с не меньшим интересом и с не меньшей пользой, чем печатавшиеся некогда в наших газетах обвинительные акты по политическим процессам.

I

Попробуем же рассмотреть, оправдывается ли фактами утверждение, что наше земство конституционно, и если да, то в какой мере и в каком именно смысле.

В этом вопросе особенно важное значение имеет эпоха введения земства. Падение крепостного права было таким крупным историческим переломом, который не мог не надорвать и полицейской завесы, прикрывающей противоречия между классами. Самый сплоченный, самый образованный и наиболее привыкший к политической власти класс — дворянство — обнаружил с полной определенностью стремление ограничить самодержавную власть посредством представительных учреждений. Напоминание об этом факте в записке Витте чрезвычайно поучительно. «Заявления о необходимости общего дворянского «представительства», о «праве земли русской иметь своих выборных для совета верховной власти» делались уже в дворянских собраниях 1859—1860 годов». «Произносилось даже слово «конституция»*. «На необходимость призыва общества к участию в управлении указывали и некоторые губернские комитеты по крестьянскому делу, и члены комитетов, вызванные в редакционные комиссии. «Депутаты явно стремятся к конституции», писал в 1859 г. в дневнике своем Никитенко».

* Драгоманов. «Земский либерализм в России», стр. 4. Автор записки г-н Витте частично не указывает, что он списывает Драгоманова (ср., напр., «Записку», стр. 36—37 и назв. статью, стр. 55—56), хотя в других местах он на него ссылается.

«Когда, после обнародования Положения 19-го февраля 1861 г., эти надежды на самодержавие оказались далеко не осуществленными, и вдобавок от исполнения этого Положения были удалены более «красные» элементы из самой администрации (как Н. Милютин), то движение в пользу «представительства» стало единодушнее. Оно выразилось в предложениях, внесенных во многие дворянские собрания 1862 г., и в целых адресах этих собраний в Новгороде, Туле, Смоленске, Москве, Петербурге, Твери. Из адресов более замечательный московский, который просил местного самоуправления, гласного судопроизводства, обязательного выкупа крестьянских земель, публичности бюджета, свободы печати и созыва в Москве Земской думы из всех классов для приготовления цельного проекта реформ. Резче всех были постановления и адрес тверского дворянства от 2-го февраля о необходимости ряда гражданских и экономических реформ (например, уравнивания прав сословий, обязательного выкупа крестьянских земель) и «созыва выборных всей землей русской, как единственного средства к удовлетворительному разрешению вопросов, возбужденных, но не разрешенных Положением 19-го февраля»*.

Несмотря на административные и судебные наказания, которым подверглись инициаторы тверского адреса**, — продолжает Драгоманов, — (впрочем, не прямо за адрес, а за резкую мотивировку коллективного выхода из должности мировых посредников) заявления в духе его делались в разных дворянских собраниях 1862 и начала 1863 г., в которых в то же время вырабатывались и проекты местного самоуправления.

В это время конституционное движение шло и среди «разночинцев» и выразилось здесь тайными обществами и прокламациями, более или менее революционными: «Великорусс» (с августа по ноябрь 1861 г.; в издании принимали участие офицеры, как Обручев и др.), «Земская дума» (1862 г.), «Земля и воля» (1862—1863 гг.)... Пуццын был при «Великоруссе» и проект адреса, который должен быть представлен государю, как говорилось многими, к празднованию 1000-летия России в августе 1862 г.». В этом проекте адреса, между прочим, говорилось: «Благоволите, государь, созвать

* Драгоманов, 5. Сокращенный пересказ в «Записке», стр. 64, с ссылкой не на Драгоманова, а на цитируемые Драгомановым «Колокол» № 126 и «Revue des deux Mondes» («Обозрение Старого и Нового Света». *Ред.*), 1862, 15-го июня.

** Кстати. Недавно (19-го апреля настоящего года, т. е. 1901 г.) скончался в своем родном имении Тверской губернии один из этих инициаторов, Николай Александрович Бакунин, младший брат знаменитого М. А. Бакунина. Н. А. вместе с своим младшим братом Алексеем и другими посредниками подписал адрес 1862 г. Этот адрес — сообщает автор заметки о Н. А. Бакунине в одной из наших газет — навлек на него на подписавшихся. После годового ареста в Петропавловской крепости заключенные были освобождены, причем Н. А. и брат его Алексей остались непрощенными (они не подписали просьбы о помиловании), вследствие чего им более не разрешили занимать общественных должностей. После этого Н. А. никогда более не выступал, да и не мог более выступать на общественном поприще... Вот как справлялось во время самых «великих реформ» наше правительство с легально действовавшими дворянами-помещиками! И это было в 1862 г., до польского восстания, когда даже Катков¹² предлагал созывание всероссийского Земского собора,

в одной из столиц нашей русской родины, в Москве или Петербурге, представителей русской нации, чтобы они составили конституцию для России...»*.

Если мы припомним еще прокламацию «Молодой России»¹³, многочисленные аресты и драконовские наказания «политических» преступников (Обручева, Михайлова и др.), увенчавшиеся незаконным и подтасованным осуждением на каторгу Чернышевского, то для нас ясна будет та общественная обстановка, которая породила земскую реформу. Говоря, что «мысль при создании земских учреждений была несомненно политическая», что с либеральным и конституционалистическим настроением общества в правящих сферах «несомненно считались», «Записка» Витте говорит лишь *половину* правды. Тот казенный, чиновнический взгляд на общественные явления, который обнаруживает везде автор «Записки», сказывается и здесь, сказывается в игнорировании *революционного* движения, в затушевывании тех драконовских мер репрессии, которыми правительство *защищалось* от натиска революционной «партии». Правда, на наш современный взгляд кажется странным говорить о революционной «партии» и ее натиске в начале 60-х годов. Сорокалетний исторический опыт сильно повысил нашу требовательность насчет того, что можно назвать революционным движением и революционным натиском. Но не надо забывать, что в то время, после тридцатилетия николаевского режима, никто не мог еще предвидеть дальнейшего хода событий, никто не мог определить действительной силы сопротивления у правительства, действительной силы народного возмущения. Оживление демократического движения в Европе, польское брожение, недовольство в Финляндии, требование политических реформ всей печатью и всем дворянством, распространение по всей России «Колокола», могучая проповедь Чернышевского, умевшего и подцензурными статьями воспитывать настоящих *революционеров*, появление прокламаций, возбуждение крестьян, которых «очень часто»** приходилось с помощью

* Ср. «За сто лет» В. Бурцева, стр. 39.

** Л. Пантелеев. «Из воспоминаний о 60-х годах», стр. 315 сборника «На славном посту». В этой статье сгруппированы некоторые очень интересные факты о революционном возбуждении 1861—1862 гг. и полицейской реакции... «К началу 1862 г. общественная атмосфера была до крайности напряжена; малейшее обстоятельство могло резко толкнуть ход жизни в ту или другую сторону. Эту роль и сыграли майские пожары 1862 года в Петербурге». Нача-

военной силы и с пролитием крови *заставлять* принять «Положение», обдирающее их, как липку, коллективные отказы дворян — мировых посредников применять *такое* «Положение», студенческие беспорядки — при таких условиях самый осторожный и трезвый политик должен был бы признать революционный взрыв вполне возможным и крестьянское восстание — опасностью весьма серьезной. При таких условиях самодержавное правительство, которое свое высшее назначение видело в том, чтобы, с одной стороны, отстоять во что бы то ни стало всевластие и безответственность придворной камарильи и армии чиновных пиявок, а с другой стороны, в том, чтобы поддерживать худших представителей эксплуататорских классов, — подобное правительство *не могло поступать иначе*, как беспощадно истребляя отдельных лиц, сознательных и непреклонных врагов тирании и эксплуатации (т. е. «коноводов» «революционной партии»), запугивать и подкупать небольшими уступками массу недовольных. Каторга — тому, кто предпочитал молчать, чем извергать тупоумные или лицемерные хвалы «великому освобождению»; реформы (*безвредные для самодержавия и для эксплуататорских классов*

лись они 16-го мая, особенно выделялись 22 и 23-го мая — в этот последний день было пять пожаров, 28-го мая запылал Апраксин двор и выгорело громадное пространство вокруг него. В народе стали обвинять в поджогах студентов, и эти слухи повторялись газетами. Прокламацию «Молодой России», которая объявляла кровавую борьбу всему современному строю и оправдывала всякие средства, рассматривали как подтверждение слухов об умышленных поджогах. «Вслед за 28-ым мая в Петербурге было объявлено нечто вроде Военного положения». Учрежденному особому комитету было поручено принятие чрезвычайных мер к охране столицы. Город был разделен на три участка, с военными губернаторами во главе. По делам о поджоге введет военно-полевой суд. Приостановлены на 8 месяцев «Современник»¹⁴ и «Русское Слово»¹⁵, прекращен «День»¹⁶ Аксакова, объявлены суровые временные правила о печати (утвержденные еще 12-го мая, т. е. до пожаров. След., *сход жизни*) резко направленные в сторону реакции и независимо от пожаров, вопреки мнению г. Пантелеева), правила о надзоре за типографиями, последовали многочисленные аресты политического характера (Чернышевского, Н. Серно-Соловьевича, Рымаренно и др.), закрыты воскресные школы и народные читальни, затруднено разрешение публичных лекций в С.-Петербург, закрыто 2-ое отделение при Литературном фонде, закрыт даже Шахматный клуб.

Следственная комиссия не отрицала никакой связи пожаров с политикой. Член комиссии, Столбовский, рассказывал г. Пантелееву, «как удалось ему в комиссии вывести на свежую воду главных личесвидетелей, которые, к счастью, были простым орудием полицейских агентов» (325—326). Итак, есть очень веское основание думать, что слухи о студентах-поджигателях распускала полиция. Гнуснейшее эксплуатирование народной темпоты для клеветы на революционеров и протестантов было, значит, в ходу и в самый разгар «похи великих реформ».

реформы) тем, кто захлебывался либерализмом правительства и восторгался эрой прогресса.

Мы не хотим сказать, что эта рассчитанная полицейско-реакционная тактика была отчетливо сознаваема и систематически преследуема всеми или хотя бы даже несколькими членами правящей клики. Отдельные члены ее могли, конечно, по своей ограниченности не задумываться над этой тактикой в ее целом и наивно восторгаться «либерализмом», не замечая его полицейского футляра. Но в общем и целом несомненно, что коллективный опыт и коллективный разум правящих заставлял их неуклонно преследовать эту тактику. Недаром же большинство вельмож и сановников прошло длинный курс николаевской службы и полицейской выучки, прошло, можно сказать, огонь и воду и медные трубы. Они помнили, как монархи то ваигрывали с либерализмом, то являлись палачами Радищевых¹⁷ и «спускали» на верноподданных Аракчеевых¹⁸; они помнили 14-ое декабря 1825 г.¹⁹ и проделывали ту функцию европейской жандармерии, которую (функцию) исполнило русское правительство в 1848—1849 годах²⁰. Исторический опыт самодержавия не только заставлял правительство следовать тактике запугивания и развращения, но и многих независимых либералов побуждал рекомендовать правительству эту тактику. Вот в доказательство правильности этого последнего мнения рассуждения Кошелева и Кавелина. В своей брошюре: «Конституция, самодержавие и Земская дума» (Лейпциг, 1862 г.) А. Кошелев высказывается *против* конституции за совещательную Земскую думу и предвидит такое возражение:

«Созывать Земскую думу — значит вести Россию к революции, т. е. к повторению у нас *Etats généraux**, превратившихся в Конвент и заключивших свои действия событиями 1792-го года, с прокрипциями, гильотинной, *poiyades*** и пр.». «Нет! господа, — отвечает Кошелев, — не созвание Земской думы открывает, подготавливает поприще для революции, как вы ее понимаете; а скорее и вернее ее производят действия со стороны правительства нерешительные и противоречащие, шаг вперед и шаг назад, повеления и законы неудобноисполнимые, оковы, налагаемые на мысль и слово; полицейское (явное и тем еще хуже тайное) наблюдение за действиями сословий и частных людей, мелочные преследования некоторых личностей, расхищения казны, чрезмерные и неразумные

* — Генеральные штаты²¹. *Ред.*

** — массовым потоплением. *Ред.*

ее расходы и награды, неспособность государственных людей и их отчужденность от России и пр. и пр. Еще вернее могут довести до революции (опять в вашем смысле) в стране, только очнувшейся от многолетнего гнета, военные экзекуции, казематы и ссылки: ибо раны наболевшие несравненно чувствительнее и раздражительнее, чем раны новые. Но не опасайтесь: революции, произведенной во Франции, как вы полагаете, журналистами и другими писателями, — у нас не будет. Надеемся также, что в России не составит (хотя за это отвечать труднее) общество горячих, отчаянных голов, которые изберут убийством средством к достижению своих целей. Но гораздо вероятнее и опаснее то, что возникнет, незаметно для земской, городской и тайной полиции, под влиянием раскола, согласие между крестьянами и мещанами, к которым присоединятся молодые и немолодые люди, сочинители и приверженцы «Великорусса», «Молодой России» и пр. Такое согласие, все уничтожающее и проповедующее равенство не перед законом, а вопреки ему (какой бесподобный либерализм! Мы, разумеется, за равенство, но за равенство *не вопреки* закону, — закону, разрушающему равенство!), не народную, историческую общину, а болевенное ее исчадие, и власть не разума, которую так боятся некоторые государственные дельцы, а власть грубой силы, к которой они сами так охотно прибегают, — такое согласие, говорю, у нас гораздо возможнее, и оно может быть гораздо сильнее, чем умеренная, благомыслящая и самостоятельная оппозиция правительству, которая так противна нашим бюрократам и которую они всячески теснят и стараются удушить. Не думайте, что партия внутренней, тайной, безымянной печати малочисленна и слаба, и не воображайте, что вы захватили ее ветви и корни; нет! воспрещением молодежи доучиться, возведением шалостей в чин государственных преступлений, всякими мелочными преследованиями и наблюдениями вы удесятерили силу этой партии, рассеяли и размножили ее по империи. При взрыве такого согласия к чему прибегнут наши государственные люди? — К военной силе? Но можно ли будет на нее наверное рассчитывать? (стр. 49—51).

Разве из пышных фраз этой тирады не вытекает с очевидностью тактика: истребить «отчаянные головы» и приверженцев «согласия между крестьянами и мещанами», а «благомыслящую умеренную оппозицию» удовлетворить и разьединить уступками? Только правительство оказалось умнее и ловчее, чем воображали гг. Кошелевы, и отделалось меньшими уступками, чем «совещательная» Земская дума.

А вот частное письмо К. Д. Кавелина к Герцену от 6-го августа 1862 года: «...Вести из России, на мой взгляд, не так плохи. Арестован не Николай, а Александр Соловьевич. Аресты меня не удивляют и, признаюсь, не кажутся мне возмутительными. Революционная партия считает пригодными все средства, чтобы испровергнуть

правительство, а правительство защищается всеми средствами. Другое дело были аресты и ссылки при подлом Николае. Люди гибли за свои мысли, убеждения, веру и слова. Я хотел бы, чтобы ты был на месте правительства, и посмотрел бы я тогда, как стал бы ты поступать против партий, которые и тайно и открыто работают против тебя. Я люблю Чернышевского, очень, очень люблю, но такого *brouillon*» (задиру, сварливого, неуживчивого человека, сеющего раздоры), «такого бестактного, самоуверенного человека я еще никогда не видал. Погибать из-за ничего, ровно-таки из-за ничего! Что пожары находятся в связи с прокламациями, это не подлежит теперь никакому сомнению»*. Вот образчик профессорски-лакейского глубокомыслия! Виноваты во всем эти революционеры, которые так самоуверенны, что освящают фразерствующих либералов, так задорны, что тайно и явно работают против правительства, так бестактны, что попадают в Петропавловку. С подобными людьми и он, либеральный профессор, расправлялся бы «всеми средствами», если бы был у власти.

II

Итак, земская реформа была одной из тех уступок, которые отбила у самодержавного правительства волна общественного возбуждения и революционного натиска. Мы остановились особенно подробно на характеристике этого натиска, чтобы дополнить и исправить изложение «Записки», бюрократический автор которой затушевывал борьбу, породившую эту уступку. Но половинчатый, трусливый характер этой уступки довольно ясно обрисован и «Запиской»:

«Вначале, когда только что приступлено было к земской реформе, несомненно, имелось в виду сделать первый шаг по пути к введению представительных учреждений**»; но потом, когда графа Ланского

* Цитируем по немецкому переводу драгомановского издания переписки К. Д. Кавелина и И. С. Тургенева с А. И. Герценом: *Bibliothek russischer Denkwürdigkeiten*, herausgegeben von Th. Schiemann, Bd. 4, S. 65—66. Stuttgart, 1894 (Библиотека русских литературных памятников, издаваемая Т. Шиманом, т. 4, стр. 65—66. Штутгарт, 1894. *Ред.*).

** «Несомненно», что автор «Записки», говорящий со слов Леруа-Болье, впадает в обычное бюрократическое преувеличение. «Несомненно», что ни Ланской, ни Милютин ничего действительно определенного в виду не имели, и приписать за «первый шаг» уклончивые фразы Милютина («в принципе сторонник конституции, но считает введение ее преждевременным») смешно.

и Н. А. Милютин сменил граф Валув, проявилось весьма ясно желание, которое не отрицал и сам бывший министр внутренних дел, действовать в духе «примирительном», «мягко и уклончиво». «Правительство само не выяснило себе своих видов», говорил он в это время. Словом, была сделана попытка, которая, к сожалению, весьма часто повторяется государственными людьми и всегда дает отрицательные для всех результаты, — попытка действовать уклончиво между двумя противоположными мнениями и, удовлетворяя либеральным стремлениям, сохранить существующий порядок.

Презабавно здесь это фарисейское «к сожалению»! Министр полицейского правительства выставляет здесь случайностью тактику, которой это правительство *не может не следовать*, которую оно проводило при издании законов о фабричной инспекции, закона о сокращении рабочего дня (2-го июня 1897 г.), — которую оно проводит и теперь (1901 г.) посредством заигрывания генерала Ванновского с «обществом»²².

«С одной стороны, в объяснительной записке к положению о земских учреждениях говорилось, что задача проектируемого закона — по возможности полное и последовательное развитие начал местного самоуправления, что «земское управление есть только особый орган одной и той же государственной власти»... Тогдашний Орган министерства внутренних дел, «Северная Почта», в своих статьях делал весьма ясные намеки, что создаваемые учреждения явятся школой учреждений представительных.

С другой стороны... земские учреждения называются в объяснительной записке частными и общественными, подчиняющимися общим законам на том же основании, как отдельные общества и частные лица...

Как самые постановления Положения 1864 г., так в особенности все последующие мероприятия министерства внутренних дел по отношению к земским учреждениям довольно ясно свидетельствуют, что «самостоятельности» земских учреждений весьма опасались, и боялись давать надлежащее развитие этим учреждениям, *вполне понимая к чему оно поведет*. (Курсив введе наш)... «Несомненно, что те, кому пришлось завершить земскую реформу, проводили эту реформу *лишь в уступку общественному мнению*, чтобы, как значилось в объяснительной записке, «положить предел возбужденным по поводу образования земских учреждений *несбыточным ожиданиям и свободным стремлениям разных сословий*»; в то же время лица эти ясно понимали ее (? реформу?) и *стремились не давать земству надлежащего развития*, придать ему частный характер, ограничить его в компетенции и проч. Успокаивая либералов обещаниями, что первый шаг не будет последним, говоря или, вернее, повторяя сторонников либерального направления о необходимости сообщить земским учреждениям действительную и самостоятельную власть, граф Валув *уже при самой выработке Положения 1864 г. всячески старался ограничить эту власть и поставить земские учреждения под строгую административную опеку*...

Не проникнутые одной руководящей мыслью, будучи компромиссом двух противоположных направлений, земские учреждения в той форме, в какой создало их Положение 1864 г., когда началось их применение, оказались не отвечающими ни основной идее самоуправления, положенной в их основание, ни тому административному строю, в который они были механически вставлены и который к тому же остался unreformированным и неприспособленным к новым условиям жизни. Положение 1864 г. пыталось совместить несогласимые вещи и тем одновременно удовлетворить сторонников и противников земского самоуправления. *Первым предлагалась внешность и надежды на будущее, в угоду вторым компетенция земских учреждений была определена крайне властично.*

Какие иногда меткие слова бросают нечаянно наши министры, когда они хотят подставить ножку какому-нибудь коллеге и выказать свое глубокомыслие, и как полезно было бы всем прекраснодушным русским обывателям и всем поклонникам «великих» реформ повесить себе на стену в золотой рамке великие заветы полицейской мудрости: «успокаивать либералов обещаниями, что первый шаг не будет последним», «предлагать» им «внешность и надежды на будущее»! Особенно в настоящее время полезно было бы справляться с этими заповедями при чтении каждой газетной статьи или заметки о «сердечном попечении» генерала Ванновского.

Итак, земство с самого начала было осуждено на то, чтобы быть пятым колесом в телеге русского государственного управления, колесом, *допускаемым* бюрократией лишь постольку, поскольку ее всевластие не нарушалось, а роль депутатов от населения ограничивалась голой практикой, простым техническим исполнением круга задач, очерченных все тем же чиновничеством. Земства не имели своих исполнительных органов, они должны были действовать через полицию, земства не были связаны друг с другом, земства были сразу поставлены под контроль администрации. И, сделав такую безвредную для себя уступку, правительство на другой же день после введения земства принялось систематически стеснять и ограничивать его: всемогущая чиновничья клика *не могла* ужиться с выборным сословным представительством и принялась всячески травить его. Свод данных об этой травле, несмотря на явную неполноту его, представляет собой очень интересную часть «Записки».

Мы видели, как трусливо и как неразумно поступали либералы по отношению к революционному движению на-

чала 60-х годов. Вместо того, чтобы поддерживать «согласие мещан и крестьян с приверженцами *«Великорусса»*», они боялись этого «согласия» и стращали им правительство. Вместо того, чтобы подняться на защиту преследуемых правительством коноводов демократического движения, они фарисейски умывали руки и оправдывали правительство. И они понесли справедливое наказание за эту предательскую политику широковещательного краснобайства и позорной дряблости. Расправившись с людьми, способными не только болтать, но и *бороться* за свободу, правительство почувствовало себя достаточно крепким, чтобы вытеснить либералов и из тех скромных и второстепенных позиций, которые ими были заняты «с разрешения начальства». Пока серьезно грозило «согласие мещан и крестьян» с революционерами, само министерство внутренних дел бормотало о «школе представительных учреждений», а когда «бестактные и самоуверенные» свистуны и «задиры» были удалены, — «школяров» без церемонии взяли в ежовые рукавицы. Начинается трагикомическая эпопея: земство ходатайствует о расширении прав, а у земства неуклонно *отбирают* одно право за другим и на ходатайства отвечают «отеческими» поучениями. Но пусть говорят исторические даты, хотя бы даже только приведенные в «Записке».

12-го октября 1866 г. циркуляр министерства внутренних дел ставит служащих земства в полную зависимость от правительственных учреждений. 21-го ноября 1866 г. выходит закон, ограничивающий право земств облагать сборами торговые и промышленные заведения. В Петербургском земском собрании 1867 г. резко критикуют этот закон и принимают (по предложению графа А. П. Шувалова) решение ходатайствовать пред правительством, чтобы вопросы, ватронутые этим законом, обсуждались «совокупными силами и одновременным трудом центральной администрации и земства». На это ходатайство правительство отвечает закрытием петербургских земских учреждений и репрессиями: председатель С.-Петербургской земской управы Крузе сослан в Оренбург, граф Шувалов — в Париж, сенатору Любошинскому велено подавать в отставку. Орган министерства внутренних дел, «Северная Почта», выступает с статьей, в которой «такая строгая карательная мера была объяснена тем, что и земские собрания с самого открытия своих заседаний действовали несогласно

с законом» (с каким законом? и почему нарушителей закона не преследовали *по суду*? ведь только что был введен суд скорый, правый и милостивый?) «и вместо того, чтобы поддерживать земские собрания других губерний, пользуясь высочайше дарованными им правами для действительного попечения о вверенных им местных земско-хозяйственных интересах» (т. е. вместо того, чтобы покорно повиноваться и следовать «видам» чиновничества), «непрерывно обнаруживали стремление неточным изъяснением дела и неправильным толкованием законов *возбуждать чувства недоверия и неуважения к правительству*». Неудивительно, что после такого назидания «другие земства не оказали поддержки петербургскому, хотя повсюду закон 21-го ноября 1866 г. вызвал сильное неудовольствие; многие называли его в собраниях равносильным уничтожению земств».

16-го декабря 1866 г. является «разъяснение» сената, предоставляющее губернаторам право отказывать в утверждении всякого избранного земским собранием лица, признаваемого им — губернатором — неблагонадежным. 4-го мая 1867 г. — другое разъяснение сената: несогласно с законом сообщение земских предположений во все другие губернии, ибо земские учреждения должны ведать дела местные. 13-го июня 1867 г. состоялось высочайше утвержденное мнение Государственного совета, запрещающее без разрешения местного губернского начальства печатать состоявшиеся в земских, городских и сословных общественных собраниях постановления, отчеты о заседаниях, прения в заседаниях и проч. Далее, тот же закон расширяет власть председателей земских собраний, предоставляет им право закрывать собрания и обязывает их *под угрозой наказания* закрывать собрания, в которых ставятся на обсуждение вопросы, несогласные с законом. Эту меру общество встретило весьма недружелюбно и взглянуло на нее, как на серьезное ограничение земской деятельности. «Все знают, — писал в дневнике своем Никитенко, — что земство связано по рукам и по ногам новым узаконением, в силу которого председатели собраний и губернаторы получили почти неограниченную власть над земством». Циркуляр 8-го октября 1868 г. подчиняет разрешению губернаторов печатание отчетов даже земских управ и ограничивает взаимные сношения земств. В 1869 г. учреждаются инспектора народ-

ных училищ в видах оттеснения земства от действительного заведывания народным образованием. Высочайше утвержденное 19-го сентября 1869 г. положение Комитета министров признает, что «земские учреждения ни по своему составу, ни по основным началам не суть власти правительственные». Закон 4-го июля 1870 г. и циркуляр 22-го октября 1870 г. подтверждают и усиливают зависимость земских служащих от губернаторов. В 1871 г. инструкция инспекторам народных училищ предоставляет им устранять от должности учителей, признаваемых неблагонадежными, и останавливать всякое решение училищного совета с предоставлением дела на разрешение попечителя. 25-го декабря 1873 г. Александр II в рескрипте на имя министра народного просвещения выражает опасение, что народная школа *при недостатке попечительного наблюдения* может быть обращена *«в орудие нравственного растления народа, к чему уже и обнаружены некоторые попытки»*, и повелевает предводителям дворянства способствовать ближайшим своим участием обеспечению нравственного влияния этих школ. Затем в 1874 г. выходит новое Положение о народных училищах, отдающее всю силу заведывания школами в руки директоров народных училищ. Земство «протестует», если можно без иронии назвать протестом ходатайство о пересмотре закона при участии земских представителей (ходатайство Казанского земства в 1874 г.). Ходатайство, конечно, отклоняется. И т. д. и т. д.

III

Таков был первый курс наук, преподанный российским гражданам в устроенной министерством внутренних дел «школе представительных учреждений». К счастью, кроме политических школяров, которые по поводу конституционных заявлений 60-х годов писали: «Пора бросить глупости и начать дело делать, а дело теперь в земских учреждениях и нигде больше»*, были в России и не удовлетворявшиеся такой «тактичностью» «задиры», которые шли с революционной проповедью в народ. Несмотря на то, что они шли под знаменем теории, которая была в сущности

* Письмо Кавелина 1865 г. к родным по поводу ходатайства московского дворянства о «созвании общего собрания людей от земли русской для обсуждения нужд, общих всему государству».

революционна, — их проповедь будила все же чувство недовольства и протеста в широких слоях образованной молодежи. Вопреки утопической теории, отрицавшей политическую борьбу, движение привело к отчаянной схватке с правительством горсти героев, к борьбе за политическую свободу. Благодаря этой борьбе и только благодаря ей, положение дел еще раз изменилось, правительство еще раз вынуждено было пойти на уступки, и либеральное общество еще раз доказало свою политическую незрелость, неспособность поддержать борцов и оказать настоящее давление на правительство. Конституционные стремления земства обнаружилось явственно, но оказались бессильным «порывом». И это несмотря на то, что сам по себе земский либерализм сделал заметный шаг вперед в политическом отношении. Особенно замечательна попытка его образовать нелегальную партию и создать свой собственный политический орган. «Записка» Витте сводит данные нескольких нелегальных произведений (Кеннана, Драгоманова, Тихомирова), чтобы охарактеризовать тот «скользкий путь» (стр. 98), на который вступили земства. В конце 70-х годов было несколько съездов земских либералов. Либералы решили «принять меры хотя бы к временному прекращению разрушительной деятельности крайней революционной партии, ибо они были убеждены, что нельзя ничего будет достигнуть мирными средствами, если террористы будут продолжать раздражать и тревожить правительство угрозами и актами насилия» (с. 99). Итак, вместо заботы о расширении борьбы, о поддержке отдельных революционеров более или менее широким общественным слоем, об организации какого-либо общего натиска (в форме демонстраций, отказа земств от исполнения обязательных расходов и т. п.) либералы опять начинают все с той же «тактичности»: «не раздражать» правительство! добиваться «мирными средствами», каковые мирные средства так блистательно доказали свое ничтожество в 60-ые годы!*. Понятно, что

* Справедливо говорил Драгоманов: «Собственно вполне «мирных способов» у либерализма в России и быть не может, так как всякое насилие об немилости высшего управления у нас запрещено законами. Земские либералы должны были решительно переступить через это запрещение и хоть этим показать свою силу и перед правительством и перед террористами. Так как земские либералы такой силы не показали, то им довелось дожидаться до намерения правительства уничтожить даже обреченные уже земские учреждения» (изв. сч., 41—42).

ни на какое прекращение или приостановку военных действий революционеры не пошли. Земцы образовали тогда «лигу оппозиционных элементов», превратившуюся затем в «Общество земского союза и самоуправления» или «Земский союз». Программа Земского союза требовала: 1) свободы слова и печати; 2) гарантий личности и 3) созыва учредительного собрания. Попытка издавать нелегальные брошюры в Галиции не удалась (австрийская полиция арестовала и рукописи и лиц, намеревавшихся печатать их), и органом «Земского союза» стал с августа 1881 г. журнал «Вольное Слово», выходивший под редакцией Драгоманова (бывший профессор киевского университета) в Женева. «В конце концов — писал сам Драгоманов в 1888 г. — ...опыт издания земского органа в виде «Вольного Слова» нельзя признать удачным, хотя бы уже потому, что собственно земские материалы стали поступать в редакцию правильно только с конца 1882 г., а в мае 1883 г. издание было уже прекращено» (назв. соч., стр. 40). Неудача либерального органа явилась естественным результатом слабости либерального движения. 20-го ноября 1878 г. Александр II обратился в Москве к представителям сословий с речью, в которой выражал надежду на их «содействие, чтобы остановить заблуждающуюся молодежь на том пагубном пути, на который люди неблагонадежные стараются ее завлечь». Затем и в «Правительственном Вестнике»²³ (1878 г., № 186) появился призыв к содействию общества. В ответ на это пять земских собраний (Харьковское, Полтавское, Черниговское, Самарское и Тверское) заявили о необходимости созвать Земский собор. «Можно также думать», — пишет автор «Записки» Вите, изложив подробно содержание этих адресов, из которых только 3 проникли в печать целиком, — «что заявления земств о созыве Земского собора были бы гораздо более многочисленны, если бы министерство внутренних дел своевременно не приняло мер к недопущению таких заявлений: предводителям дворянства, председательствующим в губернских земских собраниях, разослан был циркуляр, чтобы они не допускали даже чтения в собраниях подобных адресов. В некоторых местах были произведены аресты и высылки гласных, а в Чернигове в залу заседания даже введены были жандармы, которые силой ее очистили» (104).

Либеральные журналы и газеты поддерживали это движение, петиция «25-ти именитых московских граждан» Лорис-Меликову указывала на созвание независимого собрания из представителей земств и предложение этому собранию участия в управлении нацией. И назначением министром внутренних дел Лорис-Меликова правительство, *повидимому*, делало уступку. Но именно *повидимому*, ибо не только никаких решительных шагов, но даже и никаких положительных и не допускавших перетолкования заявлений не было сделано. Лорис-Меликов созвал редакторов петербургских периодических изданий и изложил им «программу»: дознать желание, нужды и пр. населения, дать возможность земству и пр. воспользоваться законными правами (либеральная программа гарантирует земствам те «права», которые закон у них систематически урезывает!) и т. п. Автор «Записки» пишет:

«Через его собеседников — для того они и были приглашены — программа министра оповещена была всей России. В сущности она не обещала ничего определенного. Всякий мог вычитать из нее что угодно, т. е. все или ничего. Прав был по-своему (только «по-своему», а не безусловно «повсякому», прав?) один из подпольных листков того времени, выразившись об этой программе, что в ней одновременно мелькает «лисий хвост» и стучит зубами «волчья пасть». Такая выходка по адресу программы и ее автора тем понятнее, что, сообщая ее представителям печати, граф настойчиво рекомендовал им «не смущать и не волновать напрасно общественные умы своими мечтательными иллюзиями». Но либеральные земцы не послушались этой *правды* подпольного листка и сочли помахивание «лисьим хвостом» за «новый курс», которому позволительно довериться. «Земство верило и сочувствовало правительству», — повторяет «Записка» Витте слова нелегальной брошюры «Мнения земских собраний о современном положении России», — «как бы боялось забегать вперед, обращаться к нему с чрезмерными просьбами». Характерное признание свободно высказывающихся сторонников земства: Земский союз на съезде 1880 г. только что решил «добиться центрального народного представительства при обязательном условии одной палаты и всеобщего голосования», — и вот это решение *добиваться* осуществляется тактикой «не забегать вперед», «верить и сочувствовать» двусмыс-

ленным и ровно ни к чему не обязывающим заявлениям! С какой-то непростительной наивностью земцы воображали, что подавать петиции это значит «добиваться» — и петиции «посыпались от земства в изобилии». Лорис-Меликов 28-го января 1881 г. вошел с всеподданнейшим докладом об образовании комиссии из выборных от земств для разработки законопроектов, указанных «высочайшей волей», — с правом только совещательного голоса. Особое Совещание, назначенное Александром II, одобрило эту меру, заключение Совещания 17-го февраля 1881 г. было утверждено царем, который одобрил и предложенный Лорис-Меликовым текст правительственного сообщения.

«Несомненно, — пишет автор «Записки» Витте, — что учреждение такой чисто совещательной комиссии не создавало еще конституции». Но — продолжает он — едва ли можно отрицать, что это было дальнейшим (после реформ 60-х годов) шагом к конституции и ни к чему другому. И автор повторяет сообщение заграничной печати, что Александр II выразился по поводу доклада Лорис-Меликова: «Да ведь это États généraux»... «Нам предлагают не что иное, как собрание нотаблей Людовика XVI»²⁴.

Мы, с своей стороны, заметим, что осуществление лорис-меликовского проекта *могло бы* при известных условиях быть шагом к конституции, но могло бы и не быть таковым: все зависело от того, что пересилит — давление ли революционной партии и либерального общества или противодействие очень могущественной, сплоченной и неразборчивой в средствах партии непреклонных сторонников самодержавия. Если говорить не о том, что могло бы быть, а о том, что было, то придется констатировать несомненный факт *колебания* правительства. Одни стояли за решительную борьбу с либерализмом, другие — за уступки. Но — и это особенно важно — и эти последние колебались, не имея никакой вполне определенной программы и не возвышаясь над уровнем бюрократов-дельцов.

«Граф Лорис-Меликов — говорит автор «Записки» Витте — как бы боялся прямо ваглянуть на дело, боялся вполне точно определить свою программу, а продолжал — в другом, правда, направлении — прежнюю уклончивую политику, которая по отношению к земским учреждениям была принята еще графом Валуевым.

Как справедливо было замечено и в тогдашней легальной печати, самая программа, заявленная Лорис-Меликовым, отличалась большой неопределенностью. Эта неопределенность видна и во всех

дальнейших действиях и словах графа. С одной стороны, он заявляет, что самодержавие «разобщено с населением», что «на подготовленную реформу «не смотрел как на нечто окончательное, а видел в ней только первый шаг» и т. д. В то же время, с другой стороны, граф заявлял представителям печати, что «...возбужденные в обществе надежды суть не что иное, как мечтательная иллюзия...», а во всеподданнейшем докладе государю категорически заявлял, что Земский собор был бы «опасным опытом возвращения к прошедшему...», что проектируемая им мера никакого значения в смысле ограничения самодержавия иметь не будет, ибо не имеет ничего общего с западными конституционными формами. Вообще, по справедливому замечанию Л. Тихомирова, самый доклад этот отличается замечательно запутанной формой» (стр. 117).

А по отношению к борцам за свободу этот пресловутый герой «диктатуры сердца»²⁵, Лорис-Меликов, довел жестокости до не бывавших ни раньше ни позже фактов смертной казни 17-тилетнего мальчика за найденный у него печатный листок. Лорис-Меликов не забыл отдаленнейших уголков Сибири, чтобы ухудшить там положение людей, страдавших за пропаганду» (В. Засулич, в № 1 «Социаль-Демократа»²⁶, стр. 84). При таком колебании правительства только сила, способная на серьезную борьбу, могла бы добиться конституции, а этой силы не было: революционеры исчерпали себя 1-ым марта, в рабочем классе не было ни широкого движения, ни твердой организации, либеральное общество оказалось и на этот раз настолько еще политически неразвитым, что оно ограничилось и после убийства Александра II одними ходатайствами. Ходатайствовали земства и города, ходатайствовала либеральная печать («Порядок», «Страна», «Голос»), ходатайствовали — в особенно благонамеренной, хитросплетенной и затуманенной форме — либеральные авторы докладных записок (маркиз Велепольский, проф. Чичерин и проф. Градовский — «Записка» Витте излагает их содержание по лондонской брошюре*: «Конституция графа Лорис-Меликова» изд. фонда вольной русской прессы. Лондон, 1893 г.), выдумывая остроумные попытки перевести монарха через

* Автор «Записки» вообще самым тщательным образом списывает, как мы видели, нелегальные брошюры и признает, что «подпольная пресса и иностранная литература с своих точек зрения давали довольно верную оценку положению вопроса» (стр. 91). У русского ученого «государствоведа» оказывается оригинальным только кое-какой сырой материал, а все основные точки зрения на политические вопросы в России он должен заимствовать из подпольной литературы.

заветную черту так, чтобы сам он этого не заметил». Все эти осторожные ходатайства и хитроумные выдумки оказались, разумеется, без революционной силы — но тем, и партия самодержавия победила, победила, несмотря на то, что 8-го марта 1881 г. на совете министров большинство (7 против 5) высказалось за проект Лорис-Меликова. (Так сообщается в той же брошюре, но усердно списывающий ее автор «Записки» Витте тут почему-то заявляет: «Что происходило на этом — 8-го марта — совещании и к чему оно пришло, достоверно неизвестно; полагаться же на слухи, проникшие в иностранную печать, было бы неосторожно», 124.) 29-го апреля 1881 г. вышел манифест, названный Катковым «манной небесной», — об утверждении и охране самодержавия.

Второй раз, после освобождения крестьян, волна революционного приюта была отбита, и либеральное движение вслед за этим и вследствие этого второй раз сменилось реакцией, которую русское прогрессивное общество приняло, конечно, горько оплакивать. Мы такие мастера оплакиванья: мы оплакиваем бестактность и самоуверенность революционеров, когда они задирают правительство; мы оплакиваем нерешительность правительства, когда оно, не видя пред собой настоящей силы, делает лжеуступки и, давая одной рукой, отнимает другой; мы оплакиваем «время безидейности и безидеальности», когда правительство, расправившись с не поддержанными народом революционерами, старается наверстать потерянное и укрепляется для новой борьбы.

IV

Эпоха «диктатуры сердца», как прозвали министерство Лорис-Меликова, показала нашим либералам, что даже «конституционализм» одного министра, даже министра-премьера, при полном колебании правительства, при одобрении «первого шага к реформе» большинством в совете министров не гарантирует ровно ничего, если нет серьезной общественной силы, способной заставить правительство сдаться. Интересно также, что и правительство Александра III, даже после выступления с манифестом об утверждении самодержавия, не сразу еще стало показывать все свои когти, а сочло необходимым попробовать некоторое

время подурочить «общество». Говоря «подурочить», мы не думаем приписать политику правительства какому-либо маккиавелистическому²⁷ плану того или другого министра, сановника и т. п. Нельзя достаточно настаивать на том, что система лжеустузок и некоторых кажущихся важными шагов «навстречу» общественному мнению вошла в плоть и кровь всякого современного правительства и русского в том числе, ибо и русское правительство в течение уже многих поколений сознало необходимость считаться с общественным мнением так или иначе, в течение уже многих поколений воспитывало государственных деятелей, изощренных в искусстве внутренней дипломатии. Таким дипломатом, имевшим назначение прикрыть отступление правительства к прямой реакции, явился сменивший Лорис-Меликова министр внутренних дел граф Игнатьев. Игнатьев выступал не раз как чистейший демагог и обманщик, так что автор «Записки» Витте проявляет не мало «полицейского благодушия», называя период его министерства «неудавшейся попыткой создать самоуправляющуюся местно землю с самодержавным царем во главе». Правда, именно такая «формула» была выдвинута в то время И. С. Аксаковым, ею пользовалось для своих заигрываний правительство, ее разносил Катков, основательно доказывая необходимую связь между местным самоуправлением и конституцией. Но было бы близорукостью *объяснять* известную тактику полицейского правительства (тактику, необходимо присущую ему по самой его природе) преобладанием в данный момент того или другого политического воззрения.

Игнатьев выступил с циркуляром, обещая, что правительство «примет безотлагательные меры, чтобы установить правильные способы, которые обеспечивали бы наибольший успех живому участию местных деятелей в деле исполнения высочайших предначертаний». Земства ответили на этот «призыв» ходатайствами о «созыве выборных от народа» (из записки гласного Череповецкого земства; мнение гласного Кирилловского земства губернатор не разрешил даже напечатать). Правительство предложило губернаторам оставлять такие ходатайства «без дальнейшего производства», «и в то же время были, повидимому, приняты меры, чтобы подобные ходатайства не были возбуждаемы в других собраниях». Делается пресловутая

попытка созывать по выбору министров «сведущих людей» (для обсуждения вопроса о понижении выкупных платежей, об упорядочении переселений, о реформе местного управления и пр.). «Работы экспертных комиссий не вызвали сочувствия в обществе, а со стороны земств, *несмотря на все предупредительные меры*, вызвали даже прямой протест. Двенадцать земских собраний заявили ходатайства, чтобы к участию в законодательной деятельности земские люди приглашались не в отдельных случаях и не по назначению от правительства, а постоянно и по выбору земств». В Самарском земстве подобное предложение было остановлено председателем, «после чего собрание в виде протеста разъехалось» (Драгоманов, н. с., стр. 29; «Записка», стр. 131). Что граф Игнатъев *надувал* земцев, это видно из такого, например, факта: «Полтавский предводитель дворянства, г. Устимович, автор проекта конституционного адреса 1879 г., заявил открыто в губернском дворянском собрании, что он получил от графа Игнатъева *положительное уверение* (sic! *), что правительство призвет представителей страны к участию в законодательной работе» (Драгоманов, там же).

Прикрытие правительственного перехода на решительно новый курс этими проделками Игнатъева закончилось, и назначенный 30-го мая 1882 г. министром внутренних дел Д. А. Толстой недаром заслужил себе прозвище «министра борьбы». Ходатайства земств даже об устройстве каких-нибудь частных съездов отклонялись без церемоний, и даже по жалобе губернатора на «систематическую оппозицию» земства (Череповецкого) был случай замены управы правительственной комиссией и административной ссылки членов управы. Д. А. Толстой, верный ученик и последователь Каткова, решил предпринять прямо уже «реформу» земских учреждений, исходя из той основной мысли (действительно подтверждаемой, как мы видели, историей), что «оппозиция правительству свила себе прочное гнездо в земстве» (стр. 139 «Записки»: из первоначального проекта земской реформы). Д. А. Толстой проектировал заменить земские управы подчиненными губернатору присутствиями и все постановления земских собраний признать подлежащими губернаторскому утверждению. Это была бы

действительно «радикальная» реформа, но интересно в высшей степени, что даже и этот ученик Каткова, «министр борьбы», «не отступил — по выражению самого автора «Записки» — от привычной политики министерства внутренних дел по отношению к земским учреждениям. Свою мысль — упразднить в сущности земство — он не выразил в своем проекте прямо; под видом правильного развития начал самоуправления он желал оставить внешнюю форму последнего, но лишив ее всякого внутреннего содержания». В Государственном совете эта мудрая государственная политика «лисьего хвоста» была еще дополнена и развита, и в результате земское положение 1890 г. «оказалось новой полумерой в истории земских учреждений. Оно не упразднило земства, но обезличило и обесцветило его; не уничтожило и всесословного начала, но придало ему сословную окраску; ...не сделало из земских учреждений действительных органов власти, ...но увеличило над ними опеку губернаторов, ...усилило право губернаторского протеста». «Положение 12-го июля 1890 г. было, в намерении его составителя, шагом по пути к упразднению земских учреждений, но никак не коренным преобразованием земского самоуправления».

Новая «полумера» — как излагает дальше «Записка» — оппозиция правительству не уничтожила (оппозицию реакционному правительству и невозможно было бы, разумеется, уничтожить усилением этой реакционности), а только сделала *некоторые* проявления ее скрытыми. Оппозиция проявлялась, во-первых, в том, что некоторые антиземские, если можно так выразиться, законы встречали отпор и *de facto** не осуществлялись; во-вторых, опять-таки в конституционных (или по крайней мере имеющих запах конституционализма) ходатайствах. Первого рода оппозицию встретил, например, закон 10-го июня 1893 г., подчинивший подробной регламентации земскую организацию врачебного дела. «Земские учреждения дали дружный отпор министерству внутренних дел, которое и отступило. Пришлось приостановить введение уже готового устава в действие, отложить его в сторону для полного собрания законов и выработать новый проект, построенный на началах совершенно противоположных (т. е. более угод-

* — фактически, на деле. *Ред.*

ных земствам)». Закон 8-го июня 1893 г. об оценке недвижимых имуществ, введший равным образом принцип регламентации и стесняющий права земства в деле обложения, тоже встречен несочувственно и в массе случаев «на практике вовсе не применяется». Сила созданных земством и принесших значительную (сравнительно с бюрократией, конечно) пользу населению врачебных и статистических учреждений оказывается достаточной, чтобы парализовать сфабрикованные в петербургских канцеляриях уставы.

Второго рода оппозиция выразилась и в новом земстве в 1894 г., когда адреса земств Николаю II снова намекнули совершенно определено на их требования расширить самоуправление и вызвали «знаменитые» слова о бессмысленных мечтаниях.

«Политические тенденции» земства не исчезли, к ужасу гг. министров. Автор «Записки» приводит горькие жалобы тверского губернатора (из отчета его за 1898 г.) на «тесно сплоченный кружок людей либерального направления», сосредоточивающий в своих руках все ведение дела губернского земства. «Из отчета того же губернатора за 1895 г. видно, что борьба с земской оппозицией составляет тяжелую задачу местной администрации и что от председательствующих в земских собраниях предводителей дворянства требуется иногда даже «гражданское мужество» (вот как!) для выполнения конфиденциальных циркуляров министерства внутренних дел о предметах, которых земские учреждения не должны касаться». И дальше идет рассказ о том, как губернский предводитель дворянства сдал перед собранием должность уездному (тверскому), тверской — новоторжскому, новоторжский тоже заболел и сдал председательство старицкому. Итак, даже предводители дворянства обращаются в бегство, не желая исполнять полицейских обязанностей! «Законом 1890 г. — сетует автор «Записки» — земству дана сословная окраска, усилен в собраниях правительственный элемент, в состав губернских земских собраний введены все уездные предводители дворянства и земские начальники, и если такое обезличенное сословно-бюрократическое земство продолжает тем не менее проявлять политическую тенденцию, то над этим следовало бы призадуматься» ...«Противодействие не уничтожено: глухое недовольство, молчаливая оппозиция

живут несомненно и будут жить до тех пор, пока не умрет всеобщее земство». Таково последнее слово бюрократической мудрости: если урезанное представительство порождает недовольство, то уничтожение всякого представительства — по простой человеческой логике — еще усилит это недовольство и оппозицию. Г-н Витте воображает, что если закрыть одно из учреждений, выносящих наружу хоть частичку недовольства, то недовольство исчезнет! Но думаете ли вы, что Витте предлагает поэтому что-либо решительное, вроде упразднения земства? Нет, ничуть не бывало. Разнося уклончивую политику ради красного словца, Витте сам не предлагает ничего, кроме нее же, — да и не может предлагать, не вылезая из своей шкуры министра самодержавного правительства. Витте бормочет что-то совершенно пустяковинное о «третьем пути»: не господство бюрократии и не самоуправление, а административная реформа, «правильно организующая» участие общественных элементов в правительственных учреждениях». Сказать такой вздор легко, но только ровно уже никого теперь — после всяких опытов со «сведущими людьми» — не обманет эта выдумка: слишком очевидно, что *без конституции* всякое «участие общественных элементов» будет фикцией, будет подчинением общества (или тех или других «призванных» от общества) бюрократии. Критикуя частную меру министерства внутренних дел — введение земства на окраинах, — Витте по общему вопросу, им же самим выдвинутому, не может дать ровно ничего нового, подогревая только старые приемы полумер, лжеуступок, обещанья всяких благ и неисполнения никаких обещаний. Нельзя с достаточной силой подчеркнуть, что по общему вопросу о «направлении внутренней политики» Витте и Горемыкин — едино суть, и спор между ними есть спор своих людей, домашняя ссора в пределах одной шайки. С одной стороны, и Витте спешит заявить, что «ни упразднения земских учреждений, ни какой-либо ломки существующего порядка я не предлагал и не предлагаю... об упразднении их (существующих земств) при настоящих условиях едва ли может быть речь». Витте, «с своей стороны, думает, что с созданием на местах сильной правительственной власти возможно будет с большим доверием отнестись к земствам» и т. д. Создавши сильный бюрократический противовес самоуправлению (т. е. обессилив самоуправление),

можно больше «доверить» ему. Старая это песенка! Г-н Витте боится только «всесословных учреждений», он «вовсе не имел в виду и не считал для самодержавия опасной деятельностью разного рода корпораций, обществ, сословных или профессиональных союзов». Например, относительно «сельских общин» г. Витте нимало не сомневается в их безопасности для самодержавия вследствие их «костности». «Преобладание отношений по земле и связанных с ними интересов придают сельскому населению такие духовные особенности, которые делают его безразличным ко всему, что выходит за пределы политики своей колокольни... Наш крестьянин занят на сходах раскладкой податей,... распределением поземельных участков и т. п. Кроме того, он неграмотен или полуграмотен, — *какая же тут может быть политика?*» Г-н Витте очень трезв, как видите. По отношению к сословным союзам он заявляет, что в отношении их опасности для центральной власти «существенное значение имеет разобщенность их интересов. Пользуясь этой разобщенностью, правительство против политических притязаний одного сословия всегда может находить опору и противовес в других». Не что иное, как одну из бесконечных попыток полицейского государства «разобщить» население, представляет собой и «программа» Витте: «правильно организованное участие общественных элементов в правительственных учреждениях».

С другой стороны, и г. Горемыкин, с которым г. Витте так яростно полемизирует, ведет и сам ту же систематическую политику разобщения и притеснения. Он доказывает (в своей записке, на которую отвечает Витте) необходимость создания новых должностей чиновников для надзора за земством, он — против разрешения даже простых местных съездов земских деятелей, он горой стоит за положение 1890 г., этот шаг к упразднению земства, он боится включения земствами в программы оценочных работ «тенденциозных вопросов», боится земской статистики вообще, он стоит за то, что народную школу надо изъять из рук земства и передать в ведение учреждений правительственных, он доказывает, что земства неспособны вести продовольственное дело (земские деятели вызывают — видите ли — «преувеличенные представления о размерах бедствия и потребностях пострадавшего от неурожая населения»!), он отстаивал правила о предельности земского обложения

«в целях ограждения землевладения от чрезмерного увеличения земских сборов». Таким образом Витте совершенно прав, когда он заявляет: «Вся политика министерства внутренних дел по отношению к земству заключается в медленном, но неуклонном подтачивании его органов, постепенном ослаблении их значения и постепенном же сосредоточении их функций в ведении правительственных установлений. Нисколько не преувеличивая, можно сказать, что когда указываемые в записке (Горемыкина) «мероприятия, принятые за последнее время в целях упорядочения отдельных отраслей земского хозяйства и управления», будут приведены к благополучному концу, то в действительности у нас не будет никакого самоуправления, — от земских учреждений останется одна идея да внешняя оболочка, без всякого делового содержания». Политика Горемыкина (п еще более Сипягина) и политика Витте идет, следовательно, к одному и тому же, и состязание по вопросу о земстве и конституционализме есть, повторяем, не более как домашняя ссора. Милые бранятся — только тешатся. Таков итог «борьбы» гг. Витте и Горемыкина. Что же касается до наших итогов по общему вопросу о самодержавии и земстве, то их удобнее подвести в связи с разбором предисловия г-на Р. Н. С.*

V

Предисловие г-на Р. Н. С. представляет много интересного. В нем затронуты самые широкие вопросы о политическом преобразовании России, о разнообразных способах этого преобразования, о значении тех и других сил, ведущих к преобразованию. С другой стороны, г. Р. Н. С., стоящий, очевидно, в близких отношениях к либеральным кругам вообще и земско-либеральным кругам в особенности, представляет из себя, несомненно, нечто новое в хоре нашей «подпольной» литературы. Поэтому и для выяснения принципиального вопроса о политическом значении земства и для ознакомления с веяниями и... не скажу: направлениями, а настроениями в кругах, близких к либералам — очень стоит остановиться поподробнее на этом

* Этим псевдонимом подписывался г. Струве. (Примечание автора к изданию 1907 г. Ред.)

предисловии, разобрать, плюс или минус, насколько плюс, насколько и в чем минус это новое?

Основная особенность воззрений г. Р. Н. С. состоит в следующем. Как видно из очень многих, цитируемых нами ниже, мест его статьи, он поклонник мирного, постепенного, строго легального развития. С другой стороны, он всей душой восстает против самодержавия и жаждет политической свободы. Но самодержавие потому и есть самодержавие, что оно запрещает и преследует *всякое* «развитие» к свободе. Это противоречие проникает собой всю статью г. Р. Н. С., делая его рассуждения крайне непоследовательными, нетвердыми, шаткими. Совместить конституционализм с заботой о строго легальном развитии самодержавной России можно только посредством предположения или хотя бы допущения того, что самодержавное правительство *само* поймет, утомится, уступит и т. п. И г-ну Р. Н. С. с высоты его гражданского негодования действительно случается падать и до этой вульгарной точки зрения самого неразвитого либерализма. Вот пример. Г-н Р. Н. С. говорит о себе: ...«мы, видящие в борьбе за политическую свободу для сознательных современных людей России их Аннибалову клятву, столь же святую, как некогда борьба за освобождение крестьян для людей сороковых годов»... и еще: ...«как ни тяжело нам, людям, давшим «Аннибалову клятву» борьбы с самодержавием», и т. д. Хорошо сказано, сильно сказано! Эти сильные слова служили бы украшением статьи, если бы всю ее проникал тот же дух непреклонной, непримиримой борьбы («Аннибалова клятва!»). Эти сильные слова — именно потому, что они так сильны — будут звучать чем-то фальшивым, если рядом с ними промелькнет нотка искусственного примирения и успокоения, попытка провести, хотя бы ценою *всяческих* натяжек, концепцию мирного, строго легального развития. А у г. Р. Н. С. таких ноток и таких попыток, к сожалению, слишком достаточно. Он уделяет, например, целых полторы страницы подробному «обоснованию» той мысли, что «государственная политика в царствование Николая II заслуживает *еще более* (курсив наш) сурового осуждения с нравственной и политической точки зрения, чем **черный** передел реформ Александра II при Александре III». Почему же *более* сурового осуждения? Оказывается, потому что Александр III боролся с революцией,

а Николай II — с «легальными стремлениями русского общества», первый — с политически сознательными, второй — «с вполне мирными и подчас даже действующими без всякой ясной политической мысли общественными силами» («плохо даже сознающими, что их сознательная культурная работа подтачивает государственный строй»). Это в очень значительной степени неверно фактически, — о чем речь ниже. Но и помимо того нельзя не отметить странности самого хода рассуждений автора. Он осуждает самодержавие, и из двух самодержцев он *более* осуждает одного не по характеру политики, которая осталась прежней, а потому, что перед ним нет (будто бы) «задир», вызывающих, «естественно», резкий отпор, нет, следовательно, повода к преследованиям. Не сквозит ли в самом уже употреблении подобного аргумента явной уступки тому верноподданному доводу, что-де нашему батюшке-царю нечего бояться созвать излюбленных людей, ибо все эти излюбленные люди и не помышляли никогда о чем-либо, выходящем из рамок мирных стремлений и строгой легальности? Нас не удивляет, если мы читаем такой «ход мыслей» (или такой ход лжи) у г. Витте, который пишет в своей записке: «Казалось бы, что там, где нет ни политических партий, ни революций, где никто не оспаривает прав верховной власти, — там нельзя противопоставлять администрацию народу или обществу...»* и т. д. Нас не удивляет такое рассуждение у г. Чичерина, который в записке, поданной графу Милютину после 1-го марта 1881 г., заявлял, что «власти необходимо прежде всего показать свою энергию, доказать, что она не свернула своего знамени пред угрозой», что «монархический порядок совместен с свободными учреждениями лишь тогда, когда они являются плодом мирного развития, спокойной инициативы самой верховной власти», и советовал создать «сильную и либеральную» власть, действующую при помощи «законодательного органа, усиленного и обновленного выборным элементом»**. Со стороны вот такого г. Чичерина было бы совершенно естественно признавать заслуживающей боль-

* Стр. 205. «Это даже неумно», замечает г. Р. Н. С. в примечании к этому месту. Совершенно справедливо. Но разве не из той же глупы слеплены вышеуказанные рассуждения г-на Р. Н. С. на стр. XI—XII его предисловия?

** «Записка» Витте, стр. 122—123. «Конституция графа Лорис-Меликова», стр. 24.

шего осуждения политику Николая II *потому*, что в его царствование мирное развитие и спокойная инициатива самой верховной власти *могли бы* привести к свободным учреждениям. Но естественно ли, прилично ли такого рода рассуждение в устах человека, давшего Аннибалу клятву борьбы?

И фактически г. Р. Н. С. не прав. «Теперь, — говорит он, сравнивая настоящее царствование с предыдущим, —... о том насильственном перевороте, который предносился деятелям «Народной воли»²⁸, никто серьезно не помышляет». Parlez pour vous, monsieur! Говорите только за себя! Нам же доподлинно известно, что революционное движение в России за последнее царствование не только не умерло и не ослабело по сравнению с прошлым царствованием, а, напротив, воскресло и возросло во много раз. И какое же это было бы «революционное» движение, если бы из его участников никто серьезно не помышлял о насильственном перевороте? Нам, может быть, возразят, что в приведенных строках г. Р. Н. С. имеет в виду не насильственный переворот вообще, а переворот специфически «народовольческий», т. е. переворот и политический и социальный в одно и то же время, переворот, ведущий не только к низвержению самодержавия, но и к захвату власти. Такое возражение было бы неосновательно, ибо, во-первых, для самодержавия как такового (т. е. для самодержавного правительства, а не для «буржуазии» или «общества») важно вовсе не то, *для чего* его хотят свергнуть, а *то, что* его хотят свергнуть. А, во-вторых, и деятели «Народной воли» в самом начале царствования Александра III «преподнесли» правительству альтернативу именно такую, какую ставит перед Николаем II социал-демократия: или революционная борьба, или отречение от самодержавия. (См. письмо Исполнительного комитета «Народной воли» к Александру III от 10-го марта 1881 г., где поставлены два условия: 1. общая амнистия по всем политическим преступлениям и 2. созыв представителей от всего русского народа при всеобщем избирательном праве и свободе печати, слова и схода.) Да г. Р. Н. С. и сам отлично знает, что о насильственном перевороте «серьезно помышляют» многие не только из среды интеллигенции, но и из среды рабочего класса: загляните на стр. XXXIX и след. его статьи, где говорится о «революционной

социал-демократии», которой обеспечены и «массовая основа и умственные силы», которая идет к «решительной политической борьбе», к «кровавой борьбе революционной России с самодержавно-бюрократическим режимом» (XLI). Не подлежит, таким образом, никакому сомнению, что «благонамеренные речи» г. Р. Н. С. представляют собой лишь особый прием, попытку повлиять на правительство (или на «общественное мнение») посредством уверений в своей (или в чужой) скромности.

Г-н Р. Н. С. думает, впрочем, что понятие борьбы можно истолковать очень широко. «Упразднение земства — пишет он — даст революционной пропаганде огромный козырь — мы говорим это вполне объективно (sic!), не испытывая никакого отвращения к тому, что обычно зовется революционной деятельностью, но и не восхищаясь и не увлекаясь именно этой формой (sic!) борьбы за политический и общественный прогресс». Эта тирада очень знаменательна. Если приподнять quasi*-ученую формулировку, щеголяющую совершенно нестатичностью «объективностью» (раз автор сам ставит вопрос о предпочтительности для него той или другой формы деятельности, или формы борьбы, то говорить при этом об объективности его отношения — то же самое, что приравнивать дважды два к стеариновой свечке), — то получится старая-престарая аргументация: мне вы, господа правители, можете поверить, если я вас пугаю революцией, ибо у меня к ней душа совсем не лежит. Ссылка на объективность есть не что иное, как фиговый листочек, прикрывающий субъективную антипатию к революции и революционной деятельности. А в прикрытии нуждается г. Р. Н. С. потому, что с Аннибаловой клятвой борьбы подобная антипатия никак не совместима.

Впрочем, не ошибаемся ли мы насчет этого самого Аннибала? Давал ли он в самом деле клятву борьбы с римлянами или только борьбы за прогресс Карфагена, каковой прогресс, конечно, в последнем счете повредил бы Риму? Нельзя ли понимать слово борьба не так «узко»? Г-н Р. Н. С. думает, что можно. Борьба с самодержавием — так следует из сопоставления Аннибаловой клятвы с текстом приведенной тирады — проявляется в разных «формах»: одна форма — это борьба революционная, нелегаль-

ная, другая форма — это вообще «борьба за политический и общественный прогресс», т. е., другими словами, мирная, легальная деятельность, насаждающая культуру в рамках, дозволенных самодержавием. Мы несколько не сомневаемся в том, что и при самодержавии возможна легальная деятельность,двигающая вперед российский прогресс: в некоторых случаях довольно быстро двигающая прогресс технический, в немногих случаях весьма незначительно — прогресс общественный, в совершенно исключительных случаях и в совершенно миниатюрных размерах — прогресс политический. Можно спорить о том, насколько именно велик и насколько возможен этот миниатюрный прогресс, насколько единичные случаи такого прогресса способны парализовать то массовое политическое развращение населения, которое производится самодержавием повсюду и постоянно. Но подводить, хотя бы и косвенно, мирную легальную деятельность под понятие борьбы с самодержавием — значит содействовать этому развращению, значит ослаблять и без того бесконечно слабое в русском обывателе сознание своей ответственности, как гражданина, за все, что делает правительство.

К сожалению, г. Р. Н. С. не одинок среди нелегальных писателей, пытающихся стереть разницу между революционной борьбой и мирным культурничеством. У него есть предшественник, г. Р. М., автор статьи «Наша действительность» в знаменитом «Отдельном приложении к «Рабочей Мысли»»²⁹ (сентябрь 1899 г.). Возражая социал-демократам-революционерам, он писал: «Ведь и борьба за земское и городское общественное самоуправление, и борьба за общественную школу, и борьба за общественный суд, и борьба за общественную помощь голодающему населению и т. д. есть борьба с самодержавием... Эта общественная борьба, по какому-то странному недоразумению не обращающая на себя благосклонного внимания многих русских революционных писателей, как мы видели, уже ведется русским обществом и не со вчерашнего дня... Настоящий вопрос в том, как этим отдельным общественным слоям... вести эту борьбу с самодержавием возможно успешнее... А главный для нас вопрос: как должны вести эту общественную борьбу с самодержавием наши рабочие, на движение которых наши революционеры смотрят

как на лучшее средство ниспровержения самодержавия» (стр. 8—9). Как видите, г. Р. М. не считает нужным и прикрывать свою антипатию к революционерам; легальную оппозицию и мирную работу он прямо объявляет борьбой с самодержавием и даже главным считает вопрос, как должны рабочие вести *эту* борьбу. Г-н Р. Н. С. далеко не так примитивен и не так откровенен, но родственность политических тенденций у нашего либерала и у крайнего поклонника чисто рабочего движения проглядывает довольно ясно*.

Что касается до «объективизма» г. Р. Н. С., то мы должны заметить, что он иногда и прямоком отбрасывает его. Он остается «объективным», когда говорит о рабочем движении, об его органическом росте, о грядущей неизбежной борьбе революционной социал-демократии с самодержавием, о том, что организация либералов в нелегальную партию будет неизбежным результатом упразднения земства. Все это изложено очень деловито и очень трезво, настолько трезво, что можно радоваться распространению в либеральных кругах правильного понимания рабочего движения в России. Но когда г. Р. Н. С. начинает говорить не о борьбе с врагом, а о возможном «смирении» врага, — он сразу теряет свой «объективизм», выражает свои чувства, переходит даже от изъяснительного наклонения к повелительному.

«Только в том случае дело не дойдет до конечной и кровавой борьбы революционной России с самодержавно-бюрократическим режимом, если среди власть имущих окажутся лица, у которых найдется мужество — смириться перед историей и смирить перед ней самодержавца... Несомненно, что среди высшей бюрократии есть лица, не сочувствующие реакционной политике... Они, единственные лица, имеющие доступ к престолу, никогда не решаются громко высказывать свои убеждения... Быть может, однако, огромная тень неизбежной исторической расплаты, тень великих событий внесет колебания в правительственную среду и во-время разрушит

* «Хозяйственные организации рабочих — говорит г. Р. Н. С. в другом месте — явятся школой реального политического воспитания рабочих масс». Мы бы посоветовали автору поосторожнее употреблять это истасканное рыцарями оппортунизма словечко «реальный». Нельзя отрицать, что при известных условиях и хозяйственные организации рабочих могут много дать для их политического воспитания (как нельзя отрицать, что при других условиях они могут дать кое-что и для их политического развращения). Но *реальное* политическое воспитание рабочим массам может дать только всестороннее участие их в революционном движении вплоть до открытой уличной борьбы, вплоть до гражданской войны с защитниками политического и экономического рабства,

железный строй реакционной политики. Для этого теперь нужно сравнительно немного... Быть может, оно (правительство) не слишком повдно поймет также фатальную опасность охранения самодержавного режима всеми средствами. Быть может, оно, еще не встретившись с революцией, само утомится своей борьбой с естественным, исторически необходимым развитием свободы и поколеблется в своей «непримиримой» политике. Перестав быть последовательным в борьбе со свободой, оно будет вынуждено все шире и шире раскрывать ей двери. Быть может... нет, не только может быть, но *да будет так!* (Курсив автора.)

Амины! остается нам только сказать по поводу этого благонамеренного и возвышенного монолога. Наш Аннибал так быстро прогрессирует, что выступает уже перед нами в третьей форме: первая форма — борьба с самодержавием, вторая — насаждение культуры, третья — призывы к смирению врага и попытки запугать его «тенью». Какие страсти! Мы вполне согласны с почтенным г. Р. Н. С. в том, что «теней»-то святоши русского правительства скорее всего на свете испугаются. И непосредственно пред этим заклинанием теней наш автор, указавши на рост революционных сил и на грядущий революционный взрыв, восклицал: «С глубокой скорбью мы предвидим те ужасные жертвы и людьми и культурными силами, которых будет стоить эта безумная агрессивно-консервативная политика, не имеющая ни политического смысла, ни тени нравственного оправдания». Какую бездонную пропасть доктринерства и елейности приоткрывает такой конец рассуждения о революционном взрыве! У автора нет ни капельки понимания того, какое бы это имело гигантское историческое значение, если бы народ в России хоть раз хорошенько проучил правительство. Вместо того, чтобы, указывая на «ужасные жертвы», принесенные и приносимые народом абсолютизму, будить ненависть и возмущение, разжигать готовность и страсть к борьбе, — вместо этого вы ссылаетесь на *будущие* жертвы, чтобы отпугнуть от борьбы. Эх, господи! Лучше уж вовсе не рассуждать о «революционном взрыве», чем портить это рассуждение подобным финалом. *Делать* «великие события» вы, очевидно, не хотите, а хотите только разговаривать о «тени великих событий», да и разговаривать-то с одними «лицами, имеющими доступ к престолу».

Подобного рода разговорами с тенями и о тенях полным-полна, как известно, и наша легальная пресса. А чтобы

придать тень реальность, принято ссылаться в виде примера на «великие реформы» и петь им полное условной лжи аллилуйя. Подцензурному писателю нельзя иногда не простить этой лжи, ибо иначе он не может выразить своего стремления к политическим преобразованиям. Но над г. Р. Н. С. цензуры не было. «Великие реформы — пишет он — были задуманы не для вящего торжества бюрократии». Посмотрите, до какой степени уклончива эта апологетическая фраза. *Кем «задуманы»?* Герценом, Чернышевским, Унковским и теми, кто шел с ними? Но эти люди требовали несравненно большего, чем то, что осуществили «реформы», и за свои требования они подвергались преследованиям со стороны правительства, проводившего «великие» реформы. — Правительством и теми, кто, слепо славословя, шел за ним, огрызаясь на «задир»? Но правительство сделало все возможное и невозможное, чтобы уступить как можно меньше, чтобы обкарнать демократические требования и обкарнать *именно* «для вящего торжества бюрократии». Г-н Р. Н. С. прекрасно знает все эти исторические факты и затушевывает их только потому, что они всецело опровергают его благодушную теорию о возможном «смирении» самодержца. В политике нет места смирению, и только безграничная простота (и святая и лукавая простота) может принимать за смирение исконный полицейский прием: *divide et impera*, разделяй и властвуй, уступи неважное, чтобы сохранить существенное, дай левой рукой и отними правой. «...Правительство Александра II, задумывая и проводя «великие реформы», не ставило себе в то же время сознательной цели — во что бы то ни стало отрезать русскому народу всякий легальный путь к политической свободе, не взвешивало с этой точки зрения всякий свой шаг, всякую статью закона». Это неправда. Правительство Александра II, и «задумывая» реформы и проводя их, ставило себе с самого начала совершенно сознательную цель: не уступать тогда же заявленному требованию политической свободы. Оно с самого начала и до самого конца отрезывало всякий легальный путь к свободе, ибо отвечало репрессиями даже на простые ходатайства, ибо не разрешало никогда даже говорить свободно о свободе. В опровержение славословия г-на Р. Н. С. достаточно сослаться хотя бы на приведенные нами выше факты, изложенные в «Записке» Витте. О лицах же, составлявших

правительство Александра II, сам Витте выражается, например, так: «Необходимо отметить, что выдающиеся государственные деятели эпохи 60-х годов, славные имена которых сохранятся и в благодарном потомстве, сделали в свое время столь много великого, сколько едва ли сделали их преемники, и трудились над обновлением нашего государственного и общественного строя по искренним своим убеждениям, с беззаветной преданностью своему государю и не вопреки его стремлениям» (стр. 67 «Записки»). Вот что правда — то правда: по искренним убеждениям, с беззаветной преданностью стоящему во главе полицейской шайки государю...

После вышеизложенного нас уже не должно удивлять, что г. Р. Н. С. дает крайне мало по самому важному вопросу о роли земства в борьбе за политическую свободу. Кроме обычных ссылок на «практическое» и «культурное» дело земства, он указывает бегло на его «воспитательно-политическое значение», говорит, что «земство имеет политическое значение», что земство, как ясно видит г. Витте, «опасно (для существующего порядка) только в силу исторической тенденции своего развития — как зародыш конституции». И в заключение этих, точно случайно оброненных замечаний выходка против революционеров: «Мы ценим произведение г. Витте не только за его правду о самодержавии, но также и как драгоценный политический аттестат, выданный земству самой бюрократией. Этот аттестат служит превосходным ответом всем тем, кто по недостатку политического образования или по увлечению революционной фразой (*sic!*) не желал и не желает видеть крупного политического значения русского земства и его легальной культурной деятельности». Кто же это обнаружил недостаток образования или увлечение фразой? где и когда? С кем и почему несогласен г. Р. Н. С.? На это нет ответа, и выходка автора не говорит ничего кроме разве заявления об антипатии его к революционерам, знакомой нам и по другим местам статьи. Нисколько не разъясняет дела еще более странное примечание: «Этими словами мы вовсе не хотим (!) задеть революционных деятелей, в которых нельзя не ценить прежде всего нравственного мужества в борьбе с произволом». Зачем это? к чему это? Какая есть связь между нравственным мужеством и неумением оценить земство? Г-н Р. Н. С. поправился поистине из кулика

в рогожку: сначала он «задел» революционеров голословным и «анонимным» (т. е. неизвестно против кого направленным) обвинением в невежестве и фразе, а теперь еще «задевает» их предположением, что пилюлю обвинения в невежестве их можно заставить проглотить, если позолотить ее признанием их нравственного мужества. В довершение неясности г. Р. Н. С. сам себе противоречит, заявляя — как бы в один голос с «увлекающимися революционной фразой», — что «современное русское земство... не есть политическая величина, которая своей непосредственной силой могла бы кому-либо импонировать, могла бы кого-либо устрашать... Оно еле-еле отстаивает свою скромную позицию»... «Такие учреждения (как земство)... сами по себе могут грозить этому (самодержавному) строю только в отдаленном будущем и лишь в связи с развитием всей культуры страны».

VI

Попробуем же разобраться в этом вопросе, о котором г. Р. Н. С. говорит так сердито и так бессодержательно. Факты, приведенные нами выше, показывают, что «политическое значение» земства, т. е. значение его, как фактора в борьбе за политическую свободу, состоит главным образом в следующем. Во-первых, эта организация представителей наших имущих классов (и в особенности земельного дворянства) постоянно противопоставляет выборные учреждения бюрократии, вызывает постоянные конфликты между ними, показывает на каждом шагу реакционный характер безответственного царского чиновничества, поддерживает недовольство и питает оппозицию самодержавному правительству*. Во-вторых, земства, втиснутые как пятое колесо в бюрократической повозке, стремятся упрочить свое положение, расширить свое значение, стремятся — и даже, по выражению Витте, «бессознательно идут» — к конституции, предъявляя ходатайства о ней. Они оказываются поэтому негодным союзником правительства в борьбе его с революционерами, они хранят дружественный нейтралитет

* См. чрезвычайно обстоятельное разъяснение этой стороны вопроса в брошюре П. В. Аксельрода: «Историческое положение и взаимное отношение либеральной и социалистической демократии в России» (Женева, 1898), особенно стр. 5, 8, 11—12, 17—19.

тет по отношению к революционерам и оказывают им хотя и косвенную, но несомненную услугу, внося в критические моменты колебания в репрессивные меры правительства. Разаумеется, ни «крупного», ни вообще сколько-нибудь самостоятельного фактора политической борьбы нельзя видеть в учреждении, которое в лучшем случае способно было до сих пор лишь на либеральные ходатайства и на дружественный нейтралитет, но роль одного из *вспомогательных* факторов за земством отрицать нельзя. В этом смысле мы готовы даже, если хотите, признать, что земство — кусочек конституции. — Читатель скажет, пожалуй: значит, вы соглашаетесь с г. Р. Н. С., который большего и не утверждает. Нисколько. Тут только наше разногласие и начинается.

Земство — кусочек конституции. Пусть так. Но это именно такой кусочек, посредством которого русское «общество» *отманивали* от конституции. Это — именно такая, сравнительно очень мало важная, позиция, которую самодержавие уступило растущему демократизму, чтобы сохранить за собой главные позиции, чтобы разделить и разъединить тех, кто требовал преобразований политических. Мы видели, как это разъединение на почве «доверия» к земству («зародышу конституции») удавалось и в 60-х годах и в 1880—1881 годах. Вопрос об отношении земства к политической свободе есть частный случай общего вопроса об отношении реформ к революции. И мы можем видеть на этом частном случае всю узость и нелепость модной бернштейннианской теории, которая заменяет революционную борьбу борьбой за реформы, которая объявляет (устаами, напр., г-на Бердяева), что «принцип прогресса — чем лучше, тем лучше». Этот принцип, в общей форме, так же неверен, как и обратный — чем хуже, тем лучше. Революционеры никогда не откажутся, конечно, от борьбы за реформы, от захвата хотя бы неважной и частной вражеской позиции, *если* эта позиция усилит их натиск и облегчит полную победу. Но они никогда не забудут также, что бывают случаи, когда уступка известной позиции делается самим неприятелем, чтобы разъединить нападающих и легче разбить их. Они никогда не забудут, что, только имея всегда в виду «конечную цель», только оценивая каждый шаг «движения» и каждую отдельную реформу с точки зрения общей революционной

борьбы, можно гарантировать движение от ложных шагов и поворных ошибок.

Вот этой-то стороны вопроса — значения земства, как орудия *укрепления* самодержавия посредством половинчатой уступки, как орудия привлечения к самодержавию известной части либерального общества, — г. Р. Н. С. совершенно не понял. Он предпочел сочинить себе доктринерскую схему, прямолинейно связывающую земство и конституцию по «формуле»: чем лучше, тем лучше. «Если вы раньше упраздните земство в России, — говорит он, обращаясь к Витте, — а потом расширите права личности, то вы окажетесь лишенным лучшего случая дать стране умеренную конституцию, исторически выросшую на основе местного самоуправления с сословной окраской. Делу консерватизма вы во всяком случае окажете очень плохую услугу». Какая стройная и красивая концепция! Местное самоуправление с сословной окраской — мудрый консерватор, имеющий доступ к престолу, — умеренная конституция. Жаль только, что в действительности мудрые консерваторы находили не раз благодаря земству «лучший случай» не «давать» стране конституции.

Мирная «концепция» г-на Р. Н. С. сказалась и на формулировке его лозунга, которым он заканчивает статью и который напечатан — именно как лозунг — на особой строке и жирным шрифтом: «Права и властное всероссийское земство!» Надо открыто признать, что это — такое же недостойное заигрыванье с политическими предрассудками широкой массы русских либералов, как у «Рабочей Мысли» мы видим заигрыванье с политическими предрассудками широкой массы рабочих. Мы обязаны восстать против этого заигрыванья и в первом и во втором случае. Это предрассудок, будто правительство Александра II не отрезывало легального пути к свободе, — будто существование земства представляет лучший случай дать стране умеренную конституцию, — будто знаменем — не говорю уже революционного, но хотя бы конституционного движения — может служить лозунг: «права и властное земство». Это не зная, помогающее отделять врагов от союзников, способное направлять движение и руководить им, это — тряпка, которая поможет только примазаться к движению самым ненадежным людям, которая облегчит правитель-

ству еще раз попытку отделаться громкими обещаниями и половинчатыми реформами. Да, не надо быть пророком, чтобы предсказать это: достигнет наше революционное движение своего апогея — удесятерится либеральное брожение в обществе — появятся в правительстве новые Лорис-Меликовы и Игнатьевы, которые напишут на своем знамени: «права и властное земство». По крайней мере, это было бы для России самым невыгодным, для правительства — самым выгодным исходом. Если сколько-нибудь значительная часть либералов поверит этому знамени и, увлекшись им, с тылу нападет на «задир»-революционеров, то последние могут оказаться изолированными, и правительство попытается обеспечить себе минимальные, какой-нибудь совещательной и дворянско-аристократической конституцией ограничивающиеся, уступки. Удастся ли такая попытка, — это будет зависеть от исхода решительной схватки между революционным пролетариатом и правительством, — но что либералы окажутся обманутыми, за это можно вполне поручиться. Посредством лозунга, вроде того, который выставлен г. Р. Н. С. («властное земство» или «земщина» и т. п.), правительство отманит их, как щенят, от революционеров и, отманивши, схватит за шиворот и будет пороть розгами так называемой реакции. А мы, господа, не преминем тогда сказать: *так вам и надо!*

И ради чего, вместо требования уничтожения абсолютизма, выставляется как заключительный лозунг подобное умеренное и аккуратное пожелание? Во-первых, ради филистерского доктринерства, желающего оказать «услугу консерватизму» и верующего, что правительство умилитса такой умеренностью и «смирится» перед ней. Во-вторых, ради того, чтобы «объединить либералов». Действительно, лозунг: «права и властное земство» объединит, пожалуй, *всех* либералов, — точно так же, как лозунг «копейка на рубль» объединит (по мнению «экономистов») *всех* рабочих. Только не будет ли *такое* объединение проигрышем вместо выигрыша? Объединение есть плюс, когда оно поднимает объединяемых на уровень сознательной и решительной программы объединяющего. Объединение есть минус, когда оно принижает объединяющих до уровня предрассудков массы. А среди массы русских либералов, несомненно, очень и очень распространен тот предрассудок, — что

земство есть воистину «зародыш конституции»*, только случайно, происками каких-нибудь безнравственных временщиков задерживаемый в своем «естественном» мирном и постепенном росте, — что достаточно нескольких ходатайств для «смирения» самодержца, — что легальная культурная работа вообще и земская в частности имеет «крупное политическое значение», избавляя тех, кто на словах враждебен самодержавию, от обязанности активно поддерживать, в той или другой форме, революционную борьбу с самодержавием, и пр., и т. п., и т. д. Объединение либералов — дело безусловно полезное и желательное, но только такое объединение, которое ставит своей целью борьбу с застарелыми предрассудками, а не заигрыванье с ними, повышение среднего уровня нашей политической развитости (вернее: неразвитости), а не санкционирование его, — одним словом, объединение для поддержки нелегальной борьбы, а не для оппортунистического фразерства о крупном политическом значении легальной деятельности. Если не может быть оправдано выставление перед рабочими политического лозунга: «свобода стачек» и т. п., то точно так же не может быть оправдано и выставление пред либералами лозунга: «властное земство». При самодержавии всякое земство, хоть бы и распренаи-«властное», неизбежно будет уродиком, неспособным к развитию, а при конституции земство сразу потеряет свое современное «политическое» значение.

* К вопросу о том, чего можно ждать от земства, небезынттересны следующие отзывы князя П. В. Долгорукова из его «Листка», издававшегося в 60-х годах (Бурцев, и. с., стр. 64—67): «Рассматривая основные положения земских учреждений, мы опять встречаем ту же самую, тайную, но постоянно на свет пробивающуюся мысль правительства — оглушать своим великодушием; громогласно провозглашать: «вот-де, сколько я вам дарую!» Но в сущности дать как можно менее и, давая как можно менее, стараться еще положить преграды, чтобы не могли вполне воспользоваться даже тем, что даровано... В настоящее время, при самодержавном порядке вещей, земские учреждения не принесут пользы и не могут ее принести, не будут иметь значения и не могут его иметь, но они богаты зародышами плодотворного развития в будущем... Новые земские учреждения, вероятно, судьбой предназначены служить основой будущему конституционному порядку в России... Но до времени введения в России образа правления конституционного, на время существования самодержавия, на время отсутствия свободы печатного слова земским учреждениям суждено остаться политическим призраком, безгласными сходками гласных земских». Таким образом Долгоруков даже тогда, в разгаре 60-х годов, не предавался чрезмерному оптимизму. А с тех пор 40 лет многому нас научили и показали, что земства предназначены были «судьбой» (а отчасти и правительством) служить основой целого ряда мероприятий, оглушающих конституционалистов.

Объединение либералов возможно в двух формах: посредством образования самостоятельной либеральной (нелегальной, разумеется) партии и посредством организации содействия либералов революционерам. Г-н Р. Н. С. сам указывает на первую возможность, но... если признать эти указания за действительное выражение видов и шансов либерализма, то к особенному оптимизму они не располагают. «Без земства — пишет он — земские либералы должны будут образовать либеральную партию или сойти с исторической сцены, как организованная сила. Мы убеждены, что организация либералов в нелегальную, хотя и очень умеренную по всей программе и приемам, партию будет неизбежным результатом упразднения земства». Если только «упразднения», то этого долго еще ждать, ибо даже Витте упразднить земства не желает, а русское правительство вообще очень заботится о сохранении внешности даже при полном вытравлении содержания. Что партия либералов будет очень умеренна, — это вполне естественно, и от движения в среде буржуазии (только на таком движении может держаться либеральная партия) другого нельзя и ждать. Но в чем же все-таки должна бы состоять деятельность этой партии, ее «приемы»? Г-н Р. Н. С. не разъясняет этого. «Сама по себе — говорит он — нелегальная либеральная партия, как организация, состоящая из наиболее умеренных и наименее подвижных оппозиционных элементов, не может развивать ни особенно широкой, ни особенно интенсивной деятельности»... Мы думаем, что в известной сфере, хотя бы даже и ограниченной пределами местных и главным образом земских интересов, либеральная партия вполне могла бы развить и широкую и интенсивную деятельность — укажем, напр., на организацию политических обличений... «Но при наличии такой деятельности со стороны других партий, в особенности партии социал-демократической или рабочей, либеральная партия — даже не вступая в прямое соглашение с социал-демократами — может оказаться очень серьезным фактором»... Совершенно справедливо, и читатель ждет естественно, чтобы автор хоть в самых общих чертах наметил работу этого «фактора». Но г. Р. Н. С. вместо этого обрисовывает рост революционной социал-демократии и заканчивает: «При наличии яркого политического движения... хоть сколько-нибудь организованная либеральная оппозиция может сыграть

крупную политическую роль: умеренные партии при умелой тактике всегда выигрывают от обостряющейся борьбы между крайними общественными элементами»... И только! «Роль» «фактора» (который уже успел превратиться из партии в «оппозицию») состоит в том, чтобы «выигрывать» от обострения борьбы. Об участии либералов в борьбе — ни слова, а о выигрыше либералов упомянуто. Обмолвка, можно сказать, провиденциальная...

Русские социал-демократы никогда не закрывали глаза на то, что политическая свобода, за которую они прежде всего борются, принесет пользу *прежде всего* буржуазии. Восставать на этом основании против борьбы с самодержавием мог бы только социалист, погрязающий в худших предрассудках утопизма или реакционного народничества. Буржуазия воспользуется свободой, чтобы почить на лаврах, — пролетариату необходимо нужна свобода, чтобы развернуть во всю ширь свою борьбу за социализм. И социал-демократия будет неуклонно вести освободительную борьбу, каково бы ни было отношение к этой борьбе тех или других слоев буржуазии. В интересах политической борьбы мы должны поддерживать всякую оппозицию гнету самодержавия, по какому бы поводу и в каком бы общественном слое она ни проявлялась. Для нас далеко не безразлична поэтому оппозиция нашей либеральной буржуазии вообще и наших земцев в частности. Сумеют либералы организовать в нелегальную партию, — тем лучше, мы будем приветствовать рост политического самосознания в *имущих* классах, мы будем поддерживать их требования, мы постараемся, чтобы деятельность либералов и социал-демократов взаимно пополняла друг друга*. Не сумеют — мы и в этом (более вероятном) случае не «махнем рукой» на либералов, мы постараемся укрепить связи с отдельными личностями, познакомить их с нашим движением, поддержать их посредством разоблачения в рабочей прессе всех и всяких гадостей правительства и предполож местных

* Пишущему эти строки приходилось указывать на пользу либеральной партии четыре года тому назад, по поводу партии «Народного права»³⁰. См. «Задачи русских социал-демократов» (Женева, 1898): «...Но если в этой партии («Народного права») есть и не маскарадные, а настоящие политики не-социалисты, демократы не-социалисты, — тогда эта партия может привести не малую пользу, стараясь сблизиться с политически оппозиционными элементами нашей буржуазии...» (стр. 26). (См. Сочинения, 4 изд., том 2, стр. 320—321. Ред.)

властей, привлечь их к поддержке революционеров. Обмен услуг подобного рода между либералами и социал-демократами происходит и теперь, он должен быть только расширен и закреплён. Но, будучи всегда готовы на этот обмен услуг, мы никогда и ни в каком случае не откажемся от решительной борьбы с теми иллюзиями, которых так много в неравном политически русском обществе вообще и русском либеральном обществе в частности. В сущности мы можем, видоизменяя известное изречение Маркса о революции 1848-го года, и о русском революционном движении сказать, что его прогресс состоит не в завоевании каких-либо положительных приобретений, а в освобождении от вредных иллюзий³¹. Мы освободились от иллюзий анархизма и народнического социализма, от пренебрежения к политике, от веры в самобытное развитие России, от убеждения, что народ готов для революции, от теории захвата власти и единоборства с самодержавием геройской интеллигенции.

Пора бы и либералам нашим освободиться от самой, казалось бы, несостоятельной теоретически и самой живучей практически иллюзии, будто возможно ещё парламентарство с русским самодержавием, будто какое-нибудь земство есть зародыш конституции, будто искренним сторонникам этой последней можно исполнить свою Аннибалову клятву посредством терпеливой легальной деятельности и терпеливых призывов к смирению врага.

ЦЕННОЕ ПРИЗНАНИЕ

Рабочие волнения в последнее время снова заставили повсюду усиленно говорить о себе. Обеспокоились и правящие сферы, обеспокоились не на шутку: это можно видеть из того, что сочли необходимым «покарать» приостановкой на одну неделю даже такую архиблагонамеренную, всегда угодничающую перед начальством газету, как «Новое Время»³² за его статью в номере 9051 (от 11-го мая) «По поводу рабочих беспорядков». Кара вызвана, конечно, не содержанием статьи, которая преисполнена самых добрых чувств по отношению к правительству, самой искренней заботливости о его интересах. Опасным признано всякое обсуждение этих «волнующих общество» событий, всякое упоминание об их распространении и их важности. Приводимый нами ниже тайный циркуляр (от 11-го же мая)³³ о том, чтобы печатать статьи о беспорядках на наших фабриках и заводах и об отношениях рабочих к хозяевам *только с разрешения департамента полиции*, доказывает лучше всяких рассуждений, насколько само правительство склонно считать рабочие волнения событием государственной важности. И статья «Нового Времени» представляет особый интерес именно потому, что в ней намечается целая государственная программа, которая, в сущности, целиком сводится к тому, чтобы потушить недовольство посредством нескольких мелких и частью лживых подачек, снабженных громкой вывеской попечительности, сердечности и т. п. и дающих повод усилить чиновничий надзор. Но эта не новая программа воплощает в себе, можно сказать, «предельную» мудрость современных государственных людей и даже не в одной только России, а и на Западе: в обществе,

основанном на частной собственности, на порабощении миллионов неимущих и трудящихся кучке богачей, правительство не может не быть вернейшим другом и союзником эксплуататоров, вернейшим стражем их владычества. А для того, чтобы быть надежным стражем, недостаточно в наше время пушек, штыков и нагаек: надо постараться внушить эксплуатируемому, что правительство стоит выше классов, что оно служит не интересам дворян и буржуазии, а интересам справедливости, что оно печется о защите слабых и бедных против богатых и сильных и т. п. Наполеон III во Франции, Бисмарк и Вильгельм II в Германии положили не мало труда на такое заигрывание с рабочими. Но в Европе, при существовании более или менее свободной печати и народного представительства, избирательной борьбы и сложившихся политических партий, все эти лицемерные проделки разоблачались слишком быстро. В Азии, и в том числе в России, так забиты и невежественны народные массы, так сильны предрассудки, поддерживающие веру в царя-батюшку, что подобные проделки пользуются большим успехом. И вот, одним из весьма характерных признаков того, что и в Россию проникает европейский дух, служит *неудача* подобной политики в последние 10—20 лет. Пускали в ход эту политику много и много раз, и всегда оказывалось, что через несколько лет после издания какого-либо «попечительного» (будто бы попечительного) закона о рабочих, дело снова приходило в прежнее положение — увеличивалось число недовольных рабочих, росло брожение, усиливались волнения — опять с шумом и треском выдвигается «попечительная» политика, гремят пышные фразы о сердечном попечении к рабочим, издается какой-нибудь закон, в котором на алтын пользы рабочим и на целковый — пустых и лживых слов, — и через несколько лет повторяется старая история. Правительство вертится, как белка в колесе, оно из кожи лезет, чтобы заткнуть то здесь, то там недовольство рабочих какой-нибудь тряпичкой, — а недовольство прорывается в другом месте и еще сильнее.

В самом деле, припомните самые крупные вехи, знаменующие историю «рабочего законодательства» в России. В конце 70-х годов происходят очень крупные стачки в Петербурге, социалистами делается попытка воспользоваться случаем для усиления агитации. Александр III включает

в свою так назыв. «народную» (а на самом деле дворянско-полицейскую) политику фабричное законодательство. В 1882 году учреждается фабричная инспекция, которая публиковала даже сначала свои отчеты. Правительству, конечно, отчеты не понравились, и оно *прекратило печатание их*. Законы о фабричном надзоре оказались именно тряпичкой. Наступает 1884—1885 год. Кризис в промышленности вызывает громадное движение рабочих и ряд самых бурных стачек в центральном районе (особенно замечательна морозовская стачка). Снова выдвигают «попечительную» политику, — на этот раз с особенной силой выдвигал ее Катков в «Московских Ведомостях»³⁴. Катков рвет и мечет по поводу того, что морозовских стачечников отдали под суд присяжных, он называет сто один вопрос, поставленный судом на разрешение присяжным, — «сто одним салютационным выстрелом в честь показавшегося на Руси рабочего вопроса», но он требует в то же время, чтобы «государство» заступилось за рабочих, запретило те безобразные штрафы, которые взорвали, наконец, морозовских ткачей. Выходит закон 1886 г., усиливающий во много раз фабричный надзор и запрещающий произвольные штрафы в пользу фабриканта. Проходит десять лет, — и новый взрыв рабочих волнений. Стачки 1895 года и особенно громадная стачка 1896 г. наводят трепет на правительство (особенно потому, что с рабочими теперь уже систематически идут рука об руку социал-демократы), и оно с невиданной прежде быстротой издает «попечительный» закон (2-го июня 1897 г.) о сокращении рабочего дня; в комиссии, обсуждавшей этот закон, чиновники министерства внутренних дел, и директор департамента полиции в том числе, во весь гелос кричат: необходимо, чтобы фабричные рабочие видели в правительстве постоянного защитника, справедливого и милосердного покровителя (см. брошюру: «Тайные документы, относящиеся к закону 2-го июня 1897 г.»³⁵). А попечительный закон, между тем, под сурдинкой всячески урезывается и отменяется циркулярами того же правительства. Наступает новый промышленный кризис, — рабочие в сотый раз убеждаются, что никакие «попечения» полицейского правительства не могут дать им серьезного облегчения и свободы самим заботиться о себе, — новые волнения и уличные битвы, — новое беспокойство правительства, — новые полицейские речи

о «государственной попечительности», ирекаемые на этот раз в газете «Новое Время». И не надоест это вам, господа, воду в решете носить?

Нет, правительству никогда, конечно, не надоест повторять свои попытки запугать непримиримых рабочих и подманить к себе какой-либо подачкой тех, кто послабее, поглупее и потрусливее. Но и нам никогда не надоест разоблачать истинный смысл этих попыток, разоблачать тех «государственных» мужей, которые сегодня кричат о попечительности, после того как они вчера приказывали солдатам стрелять в рабочих, — которые вчера заявляли о своей справедливости и покровительстве рабочим, а сегодня хватают и хватают для полицейской расправы без суда лучших людей и из рабочих и из интеллигентов. И поэтому мы считаем нужным остановиться на «государственной программе» «Нового Времени» заранее, прежде чем появился какой-нибудь еще новый «попечительный» закон. Да и те признания, которые делает при этом такой «авторитетный» в области нашей внутренней политики орган, заслуживают внимания.

«Новое Время» вынуждено признать, что «прискорбные явления в сфере рабочего вопроса» — не случайность. Конечно, виноваты тут и социалисты (газета избегает этого страшного слова, предпочитая более глухо говорить о «вредных лжеучениях», о «пропаганде противогосударственных и противообщественных идей»), но... но почему же это именно социалисты пользуются успехом в рабочей среде? «Новое Время», конечно, не упускает случая обругать рабочих: они так «неразвиты и невежественны», что охотнее слушают вредную для полицейского благополучия проповедь социалистов. Виноваты, значит, и социалисты и рабочие, — с этими виноватыми жандармы и ведут давным-давно отчаянную войну, наполняя тюрьмы и места ссылки. Не помогает. Очевидно, есть такие условия в положении фабрично-заводских рабочих, которые «вызывают и поддерживают недовольство своим настоящим положением» и таким образом «благоприятствуют успеху» социализма. Тяжелый труд фабрично-заводского рабочего в крайне малоблагоприятной житейской обстановке дает ему не более того, чтобы кормиться, пока в силах работать, а при всякой случайности, когда он на более или менее продолжительное время остается без работы, он оказывается в том

беспомощном положении, о котором, напр., на днях сообщалось в газетах про рабочих на бакинских нефтяных промыслах». Таким образом сторонники правительства должны признать, что успех социализма объясняется действительно плохим положением рабочих. Но признается это очень неопределенно и уклончиво, с такими оговорками, которые ясно показывают, что ни самонаименованного намерения затронуть «священную собственность» капиталистов, гнетущую рабочих, не может и быть у подобного рода людей. «К сожалению, — пишет «Новое Время», — мы слишком мало знаем фактическое положение вещей в сфере рабочего вопроса у нас в России». Да, к сожалению! И мало знаем «мы» именно потому, что позволяем полицейскому правительству держать в рабстве всю печать, затыкать рот всякому честному обличению наших безобразий. Зато вот «мы» стараемся направить ненависть рабочего человека не на азиатское правительство, а на «иностранцев»: «Новое Время» кивает на «иностранческие заводские администрации», называет их «грубыми и жадными». Такой выходкой можно поймать на удочку только самых неразвитых и темных рабочих, которые думают, что вся беда идет «от немца» или «от жида», которые не знают, что и немецкие и еврейские рабочие соединяются для борьбы со своими немецкими и еврейскими эксплуататорами. Да даже и не знающие этого рабочие видят из тысячи случаев, что всех «жаднее» и бесцеремоннее русские капиталисты, всех «грубее» русская полиция и русское правительство.

Интересно также сожаление «Нового Времени», что рабочий уж не так темен и не так покорен, как крестьянин. «Новое Время» плачет о том, что рабочий «отрывается от своих деревенских гнезд», что «в фабрично-заводских районах скапливаются сборные массы», что «сельчанин отрывается от села с его скромными (вот в чем суть-то), но самостоятельными общественно-экономическими интересами и отношениями». Как же не плакать, в самом деле? «Сельчанин» привязан к своему гнезду и из боязни потерять это гнездо не решается предъявить требование своему помещику, припугнуть его стачкой и т. п.; сельчанин не знает порядков в других местах, интересуется только своей деревушкой (сторонники правительства про это и говорят: «самостоятельные интересы» сельчанина; знает сверчок свой шесток, не сует носа в политику — что может быть

приятнее для начальства?) — а в этой деревушке местная пнявка, помещик или кулак, знает всех наперечет, и все от отцов еще и дедов переняли холопскую науку подчинения, и некому пробудить в них сознание. А на фабрике народ «сборный», к гнезду не привязанный (все равно, где работать), виды выдавший, смелый, интересующийся всем на свете.

Несмотря на это горестное превращение скромного мужика в сознательного рабочего, наши полицейские мудрецы надеются еще провести рабочую массу посредством «государственной попечительности о благоустройстве быта рабочих». «Новое Время» подкрепляет эту надежду следующим избитым рассуждением: «Гордый и всесильный на Западе, капитализм у нас — пока еще слабый ребенок, могущий ходить только на помочах, и водит его на помочах правительство»... Ну, этой старой песенке о всемогуществе власти поверит разве только скромный крестьянин! Рабочий же слишком часто видит, как капиталисты «водят на помочах» полицейских и духовных, военных и статских чиновников. И вот, — продолжает «Новое Время», — все дело в том, чтобы правительство *«настояло»* на улучшении быта рабочих, т. е. потребовало бы от фабрикантов этого улучшения. Видите, как просто: приказать — и дело в шляпе. Но просто это только сказать, а на деле приказания начальства, даже самые «скромные», вроде устройства больниц при фабриках, не исполняются капиталистами по целым десятилетиям. Да и не посмеет правительство ничего серьезного потребовать от капиталистов, не нарушая «священной» частной собственности. Да и не захочет правительство серьезного улучшения быта рабочих, потому что оно само в тысяче случаев является хозяином, обшчитывает и притесняет и рабочих Обуховского завода и сотен других заводов, и десятки тысяч почтовых, железнодорожных служащих, и проч., и проч. «Новое Время» и само чувствует, что в приказания нашего правительства никто не поверит, и оно старается найти себе опору в возвышенных исторических примерах. Это следует сделать, — говорит оно про улучшение быта рабочих, — «подобно тому, как полвека назад правительство взяло в свои руки крестьянский вопрос, руководствуясь мудрым убеждением, что лучше преобразованиями сверху предупредить требование таковых снизу, чем дожидаться последнего».

Вот это действительно ценное признание! Перед освобождением крестьян царь намекал дворянам на народное восстание, говоря: лучше освобождать сверху, чем ждать, когда станут сами освобождать себя снизу. И вот теперь прислужничающая правительству газета признается, что настроение рабочих внушает ей не меньше страха, чем настроение крестьян «перед волей». «Лучше сверху, чем снизу!» Глубоко заблуждаются газетные лакеи самодержавия, находя «подобие» между тогдашним и теперешним требованием преобразований. Крестьяне требовали отмены крепостного права, ничего не имея против царской власти и веря в царя. Рабочие восстановлены прежде всего и больше всего против правительства, рабочие видят, что их несправедливое положение перед полицейским самодержавием связывает их по рукам и ногам в борьбе с капиталистами, и рабочие требуют поэтому свободы от правительственного самовластья и правительственного бесчинства. Рабочие волнуются тоже «перед волей», — но это будет воля всего народа, выражающего политическую свободу у деспотизма.

* * *

Знаете ли, какой величайшей реформой хотят заткнуть недовольство рабочих и проявить к ним «государственную попечительность»? Если верить довольно упорным слухам, — идет борьба министерства финансов с министерством внутренних дел: последнее требует, чтобы фабричную инспекцию передали в его ведомство, уверяя, что тогда она меньше будет потакать капиталистам и больше заботиться о рабочих, предупреждая этим волнения. Пусть готовятся рабочие к новой царской милости: фабричные инспектора оденут новые мундиры и будут зачислены по другому ведомству (вероятно, с повышением содержания) и притом по тому самому ведомству, которое так давно и так любовно (особенно департамент полиции) печется о рабочих.

УРОКИ КРИЗИСА

Вот уже почти два года, как тянется торгово-промышленный кризис. И он, повидимому, все разрастается, захватывая новые отрасли промышленности, распространяется на новые районы, обостряется новыми банковскими крахами. Наша газета, начиная с декабря прошлого года, в каждом номере отмечала так или иначе развитие кризиса и его губительные действия. Пора поставить общий вопрос о причинах и значении этого явления. Для России оно сравнительно ново, как нов и весь наш капитализм. В старых же капиталистических странах, т. е. в таких странах, в которых большинство продуктов производится на продажу, в которых большинство рабочих не имеет ни земли, ни орудий труда и продает свою рабочую силу, нанимаясь в чужие хозяйства, нанимаясь к собственникам, владеющим землей, фабриками, машинами и проч., — в капиталистических странах кризис есть явление старое, повторяющееся от времени до времени, как припадок хронической болезни. Кризисы можно, поэтому, предсказывать, и, когда в России стал особенно быстро развиваться капитализм, — в социал-демократической литературе был предсказан и теперешний кризис. В брошюре: «Задачи русских социал-демократов», написанной в конце 1897 г., говорилось: «В настоящее время мы переживаем, видимо, тот период капиталистического цикла (оборота, повторяющего одни и те же события, как повторяются зима и лето), когда промышленность «процветает», торговля идет бойко, фабрики работают во-всю и, как грибы после дождя, появляются бесчисленные новые заводы, новые предприятия, акционерные общества, железнодорожные сооружения и т. д. и т. д. Не надо быть пророком, чтобы предсказать

неизбежность краха (более или менее крутого), который должен последовать за этим «процветанием» промышленности. Такой крах разорит массу мелких хозяйчиков, бросит массы рабочих в ряды безработных*... И крах наступил — такой крутой, какого еще Россия не видывала. От чего же зависит эта ужасная хроническая болезнь капиталистического общества, возвращающаяся так правильно, что ее можно предсказывать?

Капиталистическое производство не может развиваться иначе, как скачками, два шага вперед и шаг (а иногда и целых два) назад. Как мы уже заметили, капиталистическое производство есть производство на продажу, производство товаров на рынок. А распоряжаются производством отдельные капиталисты, каждый поодиночке, и никто не может в точности знать, сколько именно и каких именно продуктов требуется на рынке. Производят наугад, заботясь только о том, чтобы перегнать друг друга. Вполне естественно, что количество произведенного может не соответствовать потребности рынка. И эта возможность особенно велика, когда громадный рынок внезапно расширяется на новые, неизведанные и громадные области. Так именно обстояло дело, когда начиналось недавно пережитое нами «процветание» промышленности. Капиталисты всей Европы протянули лапы к населенной сотнями миллионов части света, к Азии, в которой до тех пор только Индия да небольшая часть окраины была связана тесно со всемирным рынком. Закаспийская дорога стала «открывать» для капитала Среднюю Азию, «Великая Сибирская дорога» (великая не только по своей длине, но и по безмерному грабежу строителями казенных денег, по безмерной эксплуатации строивших ее рабочих) открывала Сибирь, Япония стала превращаться в промышленную нацию и попробовала пробить брешь в китайской стене, открывая такой лакомый кусок, который сразу ухватили зубами капиталисты Англии, Германии, Франции, России и даже Италии. Постройки гигантских железных дорог, расширение всемирного рынка и рост торговли — все это вызвало неожиданное оживление промышленности, рост новых предприятий, бешеную погоню за рынком для сбыта, погоню за прибылью, основание новых обществ, привлечение

* См. Сочинения, 4 изд., том 2, стр. 322. *Ред.*

к производству массы новых капиталов, составленных отчасти и из небольших сбережений мелких капиталистов. Неудивительно, что эта бешеная всемирная погоня за новыми неизвестными рынками привела к громадному краху.

Чтобы ясно представить себе эту погоню, надо принять во внимание, какие колоссы участвовали в ней. Когда говорят: «отдельные предприятия», «одиночные капиталисты», то часто забывают, что в сущности эти выражения неточны. В сущности, отдельным и одиночным осталось только присвоение прибыли, а само производство стало общественным. Гигантские крахи только потому и стали возможны и неизбежны, что в подчинении у шайки богачей, ищущих одной наживы, оказались могучие *общественные* производительные силы. Поясним это примером из русской промышленности. В последнее время кризис распространился и на область нефти. А в этой промышленности ворочают такие, напр., предприятия, как «Товарищество нефтяного производства бр. Нобель». В 1899 г. товарищество продало 163 млн. пуд. нефтяных продуктов на сумму 53½ млн. руб., а в 1900 г. уже 192 млн. пуд. на сумму 72 млн. руб. В один год увеличение производства в одном предприятии на 18½ млн. руб.! Такое «одно предприятие» держится объединенным трудом десятков и сотен тысяч рабочих, занятых добыванием нефти, переработкой ее, доставкой ее по нефтепроводам, железным дорогам, морям и рекам, занятых постройкой необходимых для этого машин, складов, материалов, барж, пароходов и пр. Все эти десятки тысяч рабочих работают на все общество, а распоряжается их трудом горсточка миллионеров, которая присваивает себе всю прибыль, приносимую этим организованным трудом масс. (Т-во Нобель получило чистой прибыли в 1899 г. — 4 млн. руб., а в 1900 г. — 6 млн. руб., из которых акционеры получили по 1 300 руб. на пай в 5 000 руб., а пять членов правления получили награды 528 000 руб.!) Если несколько таких предприятий бросаются в бешеную гонку для захвата места на неведомом рынке, то удивительно ли наступление кризиса?

Мало того. Чтобы получилась прибыль от предприятия, надо продать товары, найти покупателей. И покупателем должна быть вся масса населения, потому что громадные предприятия производят горы и горы продуктов. А во всех капиталистических странах девять десятых населения

состоит из нищих: из рабочих, получающих самую скудную заработную плату, из крестьян, живущих в массе еще хуже рабочих. И вот, когда крупная промышленность во время процветания размахивается произвести как можно больше, — она выбрасывает на рынок такую массу продуктов, что за них не в состоянии заплатить неимущее большинство народа. Количество машин, орудий, складов, железных дорог и проч. все возрастает, но это возрастание от времени до времени прерывается, потому что масса народа, для которого в конце концов предназначены все эти улучшенные способы производства, остается в бедности, доходящей до нищенства. Кризис показывает, что современное общество могло бы производить несравненно больше продуктов, идущих на улучшение жизни всего трудящегося народа, если бы земля, фабрики, машины и проч. не были захвачены кучкой частных собственников, извлекающих миллионы из народной нищеты. Кризис показывает, что рабочие не могут ограничиться борьбой за отдельные уступки со стороны капиталистов: во время оживления промышленности такие уступки можно завоевать (и русские рабочие своей энергичной борьбой не раз завоевывали себе уступки в 1894—1898 гг.), — но приходит крах, и капиталисты не только отбирают назад данные ими уступки, но и пользуются беспомощностью рабочих для еще большего понижения платы. И так неизбежно будет продолжаться до тех пор, пока армии социалистического пролетариата не низвергнут господства капитала и частной собственности. Кризис показывает, как близоруки были те социалисты (называющие себя «критиками», должно быть, на том основании, что они без критики перенимают учения буржуазных экономистов), которые два года тому назад шумно заявляли о том, что крахи становятся теперь менее вероятными.

Уроки кризиса, разоблачающего всю нелепость подчинения общественного производства частной собственности, так назидательны, что теперь и буржуазная печать требует усиления надзора — напр., над банками. Но никакой надзор не помешает капиталистам основать во время оживления такие предприятия, которые неминуемо потом банкротятся. Алчевский, бывший основателем обанкротившихся земельного и торгового банков в Харькове, доставал себе правдами и неправдами миллионы рублей для основания и поддержки горнопромышленных предприятий, сулив-

ших золотые горы. И заминка в промышленности погубила эти банки и горные предприятия (Донецко-Юрьевское общество). Но что означает эта «гибель» предприятий в капиталистическом обществе? Это означает, что слабые капиталисты, капиталисты «второй величины», вытесняются более солидными миллионерами. Харьковского миллионера Алчевского заменяет московский миллионер Рябушинский, который, как более богатый капиталом, будет еще сильнее давить на рабочего. Замена второстепенных богачей первостепенными, увеличение силы капитала, разорение массы мелких собственников (напр., мелких вкладчиков, теряющих с крахом банка все имущество), страшное обнищание рабочих — вот что ведет за собой кризис. Напомним еще описанные в «Искре» случаи, что капиталисты удлиняют рабочий день и стараются при расчете заменить сознательных рабочих более покорными сермягами.

В России вообще действие кризиса неизмеримо сильнее, чем в какой-нибудь другой стране. К застою в промышленности присоединяется у нас голодовка крестьян. Безработных рабочих высылают из городов в деревни, но куда будут высылать безработных крестьян? Высылкой рабочих хотят очистить от беспокойного народа города, но, может быть, высылаемым удастся пробудить хоть часть крестьян от их вековой покорности и поднять их на заявления не одних только просьб, но и *требований*? Рабочих и крестьян сближает теперь не только безработица и голод, но также и тот полицейский гнет, который отнимает у рабочих возможность соединения и защиты, отнимает у крестьян даже приходящую к ним от доброхотных жертвователей помощь. Тяжелая полицейская лапа становится во сто раз тяжелее для миллионов народа, потерявшего всякие средства к жизни. Жандармы и полиция в городах, земские начальники и урядники в деревнях ясно видят, что ненависть к ним растет, и они начинают бояться не только деревенских столовых, но и газетных объявлений о сборе пожертвований. Боязнь пожертвований! И вправду, верно, на воре шапка горит. Когда вор видит, что обокраденному им человеку прохожий протягивает подавание, — вору начинает казаться, что они подают друг другу руки, чтобы общими силами расправиться с ним.

КРЕПОСТНИКИ ЗА РАБОТОЙ

Вышел новый закон 8-го июня 1901 г.: об отводе частным лицам казенных земель в Сибири. Какое применение получит новый закон, — это покажет будущее. Но уже самый характер этого закона настолько поучителен, так наглядно показывает он неподкрашенную натуру и истинные стремления царского правительства, что стоит обстоятельно разобрать этот закон и позаботиться о самом широком распространении знакомства с ним в рабочем классе и крестьянстве.

Подачки благородным дворянам-помещикам давно уже делает наше правительство: оно устроило для них дворянский банк, дало тысячи льгот по выдаче им ссуд и отсрочке недоимок, оно помогло им устроить стачку миллионеров-сахарозаводчиков для повышения цен и увеличения прибыли, оно позаботилось о местечках земских начальников для промотавшихся дворянских сынков, оно устраивает теперь благородным винокурным заводчикам выгодный сбыт водки в казну. Но посредством отвода земель оно уже не только дает подачку самым богатым, самым знатым эксплуататорам, — оно создает *новый* класс эксплуататоров, оно обрекает миллионы крестьян и рабочих на постоянную кабалу новым помещикам.

Рассмотрим главные основания нового закона. Надо заметить, прежде всего, что закон этот — прежде чем министр земледелия и государственных имуществ внес его в Государственный совет — *обсуждался в особом совещании по делам дворянского сословия*. Всем известно, что в настоящее время всего более бедствуют в России не рабочие и не крестьяне, а дворяне-помещики, и вот «особое совеща-

ние» не замедлило изыскать способ помочь их бедствию. Казенные земли будут в Сибири продаваться и отдаваться в аренду «частным лицам» под «частновладельческие хозяйства», причем нерусским подданным и инородцам (в число инородцев входят и евреи) *навсегда* запрещается какое бы то ни было приобретение этих земель, а сдача в аренду (эта, как увидим, самая выгодная для будущих помещиков операция) разрешается исключительно дворянам, «которые — гласит закон — по хозяйственной благонадежности своей являются желательными, в правительственных видах, землевладельцами в Сибири». Итак, правительственные виды состоят именно в том, чтобы трудящееся население было порабощено крупным землевладельцам-дворянам. Насколько крупным, — видно из того, что размер продаваемых участков не должен превышать, по закону, *три тысячи десятин*, размер сдаваемых в аренду участков не ограничен вовсе, а срок аренды определен *до 99 лет!* Бедствующему помещику нужно, по расчету нашего правительства, *в двести раз* больше земли, чем крестьянину, которому нарезавают в Сибири по 15 дес. на семью.

И притом каких только льгот и изъятий не предусматривает закон относительно помещиков! Арендатор в течение первых пяти лет никакой платы не вносит. Если он покупает арендуемую им землю (а он имеет на это *право*, по новому закону), то пользуется рассрочкой продажной цены на 37 лет. По особому разрешению допускается и отвод для продажи более трех тысяч десятин земли, и продажа по вольной цене, а не с публичного торга, и отсрочка недоимки на один год и даже на три года. Не надо забывать, что воспользуются вообще новым законом только высшие сановники и лица, имеющие связи при дворе и т. п., — таким лицам все эти льготы и изъятия даются шутя, после пары слов в гостинном разговоре с губернатором или министром.

Но — вот беда. Какую пользу извлекут из кусочков земли хотя бы и по три тысячи десятин все их владельцы-генералы, если не найдется «мужика», вынужденного на этих генералов работать? Как ни быстро растет народная нужда в Сибири, все же тамошний крестьянин несравненно самостоятельнее «российского» и к работе из-под палки мало приучен. Новый закон старается его приучить. «Предназначасмые для частновладельческих хозяйств земли

нарезаются, по возможности, попеременно с площадями, наделенными крестьянам», — гласит ст. 4 закона. Царское правительство заботится о «заработке» для бедных крестьян. Десять лет тому назад тот самый г. Ермолов, который теперь, в качестве министра земледелия и государственных имуществ, внес в Государственный совет закон об отводе казенных земель в Сибири частным лицам, издал (без своей подписи) книгу: «Неурожай и народное бедствие». В этой книге он прямо заявлял, что нет основания разрешать переселение в Сибирь тем крестьянам, которые могут иметь «заработки» у местных помещиков. Русские государственные люди не церемонятся выражать чисто крепостнические взгляды: крестьяне созданы для работы на помещиков, и потому крестьянам не следует даже «разрешать» переселяться, куда они хотят, если от этого помещики лишатся дешевых рабочих. А когда крестьяне, несмотря на все затруднения, волокиту и даже прямые запрещения, стали продолжать сотнями тысяч выселяться в Сибирь, — тогда царское правительство, точно бурмистр старого барина, побежало за ними вдогонку, чтобы донять их и на новом месте. Если «впережку» с скудными наделами и крестьянскими землями (лучшие из которых уже заняты) окажутся участки благородных помещиков по три тысячи десятин, — тогда, пожалуй, в скором времени мало будет и соблазна переселяться в Сибирь. И земли новых помещиков будут тем быстрее повышаться в цене, чем теснее станет жизнь окрестных крестьян: придется этим крестьянам и наниматься задешево и снимать помещичьи земли втридорога — совсем как в «России». Новый закон прямо о том и заботится, чтобы создать поскорее новый рай для помещиков и новый ад для крестьян: именно насчет сдачи земли в аренду на *один* посев сделана особая оговорка. Вообще говоря, на передачу взятой в аренду казенной земли требуется особое разрешение, а передача на один посев допускается совершенно свободно. Помещик может ограничить все свои заботы тем, что наймет приказчика, который будет сдавать землю подесятинно живущим «впережку» с помещичьим имением крестьянам — и посылать барину чистые денежки.

Впрочем, не всегда захотят дворяне вести даже и такое «хозяйство». Они могут сразу получить куш, если перепродадут казенную землю настоящим хозяевам. Недаром ведь

новый закон выходит именно в такое время, когда в Сибирь проведена железная дорога, когда ссылка в Сибирь отменяется, а переселения в Сибирь возросли в громадных размерах: все это неминуемо поведет (и ведет уже) к повышению земельных цен. Поэтому отвод казенных земель частным лицам в настоящее время есть, в сущности, расхищение казны дворянами: казенные земли повышаются в цене, а их на особо льготных условиях сдают и продают всяким генералам, которые этим повышением цен и воспользуются. Напр., в Уфимской губ. в одном только уезде дворяне и чиновники сделали такую операцию с проданными им (на основании подобного же закона) землями: они заплатили казне за земли 60 тыс. руб., а через два года продали эти же земли за 580 тыс. руб., т. е. получили за простую перепродажу *больше полумиллиона рублей!* Можно себе представить по этому примеру, сколько миллионов попадет в карманы бедствующих помещиков благодаря отводу земель по всей Сибири.

Правительство и его сторонники выдвигают для прикрытия этого наглого хищения всякие возвышенные соображения. Говорят о развитии культуры в Сибири, о важном значении образцовых хозяйств. На самом деле крупные имения, ставящие в безвыходное положение соседних крестьян, могут в настоящее время усилить только самые некультурные приемы эксплуатации. Образцовые хозяйства не создаются посредством казнокрадства, и отвод земель поведет к простому маклерству землей со стороны дворян и чиновников, либо к процветанию кабальных и ростовщических приемов хозяйства. Благородные дворяне в союзе с правительством для того устранили от казенных сибирских земель евреев и прочих инородцев (которых они стараются выставить перед темным народом особенно беззащитными эксплуататорами), чтобы *самим* заняться без помехи самого низкого сорта кулачеством.

Говорят еще о политическом значении дворянско-поместного сословия в Сибири: среди интеллигенции там особенно много бывших ссыльных, людей неблагонадежных, и вот, дескать, в противовес им надо создать надежный оплот государственной власти, надежный «земский» элемент. И в этих толках заключается гораздо больше и более глубокой правды, чем воображают «Гражданин»³⁶ и «Московские Ведомости». Полицейское государство настояте

восстанавливает против себя массу населения, что ему необходимо искусственно создавать группы лиц, способных служить столпом отечества. Ему необходимо создать класс крупных эксплуататоров, которые бы всем были обязаны правительству, которые зависели бы от его милости, которые пзвлекали бы громадные доходы самым низменным способом (маклерство, кулачество) и в силу этого являлись бы всегда надежными сторонниками всякого произвола и угнетения. Азиатскому правительству нужна опора в азиатском крупном землевладении, в крепостнической системе «раздачи имений». И если в настоящее время нельзя раздавать «населенные имения», то можно раздать имения *вперемежку* с землями нищающих крестьян; если неудобно прямо раздарить тысячи десятин придворным лизоблюдам, то можно прикрыть раздачу обставленными тысячами льгот продажей и «арендой» (на 99 лет). Как же не назвать крепостнической эту поземельную политику по сравнению с поземельной политикой современных передовых стран, напр., Америки? Там никто *не смеет* рассуждать о разрешении или неразрешении переселений, потому что каждый гражданин имеет право переселяться куда ему угодно. Там свободные земли на окраинах государства *по закону* имеет право занять всякий, кто хочет заниматься сельским хозяйством. Там создается не класс азиатских сатрапов, а класс энергичных фермеров, которые развили все производительные силы страны. Там рабочий класс, благодаря обилию свободных земель, занял первое место по высоте жизненного уровня.

И в какое время выступило наше правительство со своим крепостническим законом! Во время самого сильного промышленного кризиса, югда десятки и сотни тысяч не находят занятия, во время новой голодовки миллионов крестьян. Правительство все заботы направило на то, чтобы не «шумели» о бедствии. Для этого оно повысылало на родину безработных рабочих, для этого оно передало продовольственное дело из рук земства в руки полицейских чиновников, для этого оно запретило частным лицам устраивать для голодающих столовые, для этого оно заткнуло рот газетам. И вот, когда неприятный для сытых «шум» о голоде прекратился, — царь-батюшка принялся помогать, помогать бедствующим помещикам и несчастным

генералам-придворным. Повторяем: наше дело теперь — просто распространить сведения о новом законе. Ознакомившись с ним, самые неразвитые слои рабочих, самые серые и забитые крестьяне поймут, кому служит правительство и какое правительство нужно народу.

«Искра» № 8, 10 сентября 1901 г.

Печатается по тексту газеты
«Искра»

ЗЕМСКИЙ СЪЕЗД

Общественное оживление, волной прокатившееся по стране вслед за событиями весны этого года, не прекращается; в различных формах оно сказывается во всех слоях русского общества, еще в январе нынешнего года казавшегося глухим и чуждым сознательной работе русской социал-демократии. Правительство изо всех сил выбивается, чтобы поскорее успокоить взволновавшуюся общественную совесть обычными мыльными пузырями, вроде манифеста 25-го марта о «сердечном попечении», вроде так называемых реформ Ванювского или торжественно-шутовских поездов по России Сипягина и Шаховского... Кое-кто из наивных русских обывателей действительно будет успокоен этими мерами, но далеко не все. Даже современные земцы, наполовину состоящие из запуганных чиновников, начинают, повидимому, выходить из того состояния непрерывного трепета, в который они были повержены отходящей в историю эпохой безвременья «царя-миротворца».

Освободившаяся от элементарных покровов стыдливости ее величество бюрократия вызывает чувство негодования и гадливости и у них, робких людей с почти атрофированным гражданским мужеством и гражданской нравственностью.

Нам сообщают, что в конце июня в городе NN (из предосторожности не сообщаем названия города) был устроен съезд земских деятелей. Присутствовало на нем, как говорят, человек 40—50 земцев нескольких губерний.

Собрались земцы, конечно, не для разрешения политических вопросов, а для разрешения мирных, чисто земских задач, собрались «без нарушения круга ведомства и пре-

делов власти», как образно выражается земское положение (ст. 87); однако собрание это было созвано без разрешения и ведома администрации и, следовательно, выражаясь словами того же положения, собрание состоялось «с нарушением порядка действия земских учреждений», а собравшиеся земцы от мирных, невинных вопросов незаметно для себя перешли к обсуждению общего положения вещей. Такова логика жизни: добросовестные земцы, как они ни открепиваются порой от радикализма и нелегальной работы, силою вещей наталкиваются на необходимость незаконных организаций и более решительного образа действий. Не мы, конечно, будем осуждать этот естественный и совершенно правильный путь. Пора, наконец, и земским деятелям дать энергичный и организованный отпор закусившему удила правительству, убившему сельское самоуправление, изуродовавшему самоуправление городское и земское и с ослиной последовательностью замахнувшему свой топор над последними остатками земских учреждений. Говорят, на съезде один старый и почтенный земец, при обсуждении вопроса о том, как бороться с законом о предельности земского обложения, воскликнул: «Земские люди должны, наконец, сказать свое слово, или они никогда уже его не скажут!» Мы совершенно согласны с этим воплем либерального деятеля, готового бросить вызов к открытой борьбе с чиновным самодержавием. Земство накануне внутреннего банкротства. И если лучшие земцы теперь не примут решительных мер, если не порвут со своей обычной манцловщиной, со своими мелкими, второстепенными вопросами — «лужением тазов», как выразился один из маститых земцев, — земство обезлюдеет и обратится в обыкновенное «присутственное место». Эта бесславная смерть неизбежна, ибо нельзя безнаказанно десятки лет только и делать, что трусить, благодарить и униженно ходатайствовать: надо грозить, требовать и, бросив игру в бирюльки, приняться за настоящую работу.

АГРАРНЫЙ ВОПРОС И «КРИТИКИ МАРКСА»³⁷

Написано в июне — сентябре 1901 г.

Главы I—IV впервые напечатаны в декабре 1901 г., в журнале «Заря» № 2—3, подпись: Н. Л е н и н; главы V—IX — в феврале 1906 г., в журнале «Образование» № 2, подпись: Н. Л е н и н

Печатается по тексту «Зари» и «Образования», сверенному с текстом сборника: Вл. Ильин — «Аграрный вопрос», 1908 г.

XV.

1906.

БРАЗОВАНИЕ.

ЖУРНАЛЪ

Литературный

и

общественно-политическій.

№ 2.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типо-литографія Е. М. Вольфа. Разъѣзжалъ, 15.

1906.

Титульный листъ журнала «Образование» № 2 — 1906 г.,
в которомъ были напечатаны V—IX главы работы В. И. Ленина
«Аграрный вопросъ и критика Маркса»

«...Доказывать,... что догматический марксизм в области аграрных вопросов сбит с позиции, — значило бы стучаться в открытую дверь»... Так заявило в прошлом году «Русское Богатство»³⁹ устами г. В. Чернова (1900 г., № 8, стр. 204). Странным свойством обладает этот «догматический марксизм»! Вот уже много лет ученые и учейшие люди Европы важно заявляют (а газетчики и журналисты повторяют и пересказывают), что марксизм уже сбит с позиции «критикой», — и тем не менее каждый новый критик опять сначала начинает трудиться над обстреливанием этой якобы уже разрушенной позиции. Г-н В. Чернов, например, и в журнале «Русское Богатство» и в сборнике «На славном посту» на протяжении *целых 240 страниц* «стучится в открытую дверь», «беседуя» с читателем по поводу книги Герца. Столь обстоятельно пересказанное сочинение Герца, который в свою очередь беседует о книге Каутского, переведено уже на русский язык. Г-н Булгаков, исполняя свое обещание опровергнуть того же Каутского, выпустил целое двухтомное исследование. Теперь уже, наверное, никто не доищется и остатков «догматического марксизма», раздавленного насмерть этими горами критической печатной бумаги.

I

«ЗАКОН» УБЫВАЮЩЕГО ПЛОДОРОДИЯ ПОЧВЫ

Присмотримся сначала к общей теоретической физиологии критиков. Г-н Булгаков выступил еще в журнале «Начало»⁴⁰ со статьей против «Аграрного вопроса» Каутского и обнаружил сразу все свои «критические» приемы.

С необычайной хлесткостью и развязностью истинного наездника «разносил» он Каутского, подсовывая ему то, чего он не говорил, обвиняя его, Каутского, в игнорировании обстоятельств и соображений, точно изложенных им же, Каутским, преподнося читателю под видом *своих собственных* критических выводов — выводы, сделанные Каутским. С видом знатока г. Булгаков обвинял Каутского в смешении техники и экономики, — и сам при этом тут же обнаруживал не только невероятную путаницу, но и свое нежелание дочитывать до конца цитируемые им страницы у своего противника. Само собою разумеется, что статья будущего профессора кишела набитыми выходками против социалистов, против «теории краха», утопизма, веры в чудеса и проч.* Теперь в своей докторской диссертации («Капитализм и земледелие», СПб. 1900 г.) г. Булгаков покончил все счеты с марксизмом и довел свою «критическую» эволюцию до ее логического конца.

Во главу угла своей «теории аграрного развития» г. Булгаков ставит «закон убывающего плодородия почвы» (Нам приводят выдержки из сочинений классиков, устанавливающих этот «закон» (в силу которого каждое добавочное вложение труда и капитала в землю сопровождается не соответственным, а уменьшающимся количеством добываемого продукта). Нам сообщают список английских экономистов, признающих этот закон.) Нас уверяют, что он «имеет универсальное значение», что это — «вполне очевидная истина, которую совершенно невозможно отрицать», «которую достаточно лишь ясно констатировать», и пр. и т. д. Чем решительнее выражается г. Булгаков, тем яснее видно, что он *пятится назад*, к буржуазной политической экономии, заслонявшей общественные отношения вымышленными «вечными законами». В самом деле, к чему сводится «очевидность» пресловутого «закона убывающего плодородия почвы»? К тому, что если бы последующие приложения труда и капитала к земле давали не уменьшающееся, а одинаковое количество продукта, то тогда незачем было бы вообще расширять запашки, тогда добавочное количество хлеба можно было бы производить на

* На статью г-на Булганова в «Начале» я ответил тогда же статьей: «Капитализм в сельском хозяйстве». Вследствие вскрытия «Начала» статья эта была помещена в «Жизни»⁴¹ 1900 г., № 1 и 2. (См. Сочинения, 4 изд., том 4, стр. 89—141. Ред.) (Примечание автора к изданию 1908 г. Ред.)

прежнем количестве земли, как бы мало это количество ни было, тогда «земледелие всего земного шара можно бы было уместить на одной десяatine». Таков обычный (*и единственный*) довод в пользу «универсального» закона. И самое небольшое размышление покажет всякому, что этот довод представляет из себя бессодержательнейшую абстракцию, которая оставляет в стороне самое главное: уровень техники, состояние производительных сил. В сущности ведь самое понятие: «добавочные (или: последовательные) вложения труда и капитала» *предполагает* изменение способов производства, преобразование техники. Чтобы увеличить в значительных размерах количество вкладываемого в землю капитала, надо *изобрести* новые машины, новые системы полеводства, новые способы содержания скота, перевозки продукта и пр. и пр. Конечно, в сравнительно небольших размерах «добавочные вложения труда и капитала» могут происходить (и происходят) и на базе данного, неизменного уровня техники: в этом случае применим *до некоторой степени* и «закон убывающего плодородия почвы», применим в том смысле, что неизменное состояние техники ставит очень узкие сравнительно пределы добавочным вложениям труда и капитала. Вместо универсального закона мы получаем, следовательно, в высшей степени относительный «закон», — настолько относительный, что ни о каком «законе» и даже ни о какой кардинальной особенности земледелия не может быть и речи. Возьмем за данное: трехполье, посевы традиционных зерновых хлебов, навозное скотоводство, отсутствие улучшенных лугов и усовершенствованных орудий. Очевидно, что при условии неизменности этих данных пределы добавочных вложений труда и капитала в землю крайне узки. Но и в тех узких пределах, в которых все-таки добавочные вложения труда и капитала возможны, *отнюдь не всегда и не безусловно* будет наблюдаться уменьшение производительности каждого такого добавочного вложения. Возьмем промышленность. Представим себе мукомольное или железопередельное производство в эпоху, предшествовавшую всемирной торговле и изобретению паровых машин. При этом состоянии техники пределы добавочных вложений труда и капитала в ручные кузницы, ветряные и водяные мельницы были крайне узки; неизбежно должно было наблюдаться громадное распространение мелких кузниц

и мельниц, пока радикальное преобразование способов производства не создало базиса для новых форм промышленности.

Итак: «закон убывающего плодородия почвы» вовсе не применим к тем случаям, когда техника прогрессирует, когда способы производства преобразуются; он имеет лишь весьма относительное и условное применение к тем случаям, когда техника остается неизменной. Вот почему ни Маркс, ни марксисты и не говорят об этом «законосе», а кричат о нем только представители буржуазной науки, вроде Брентано, которые никак не могут отделаться от предрассудков старой политической экономии с ее абстрактными, вечными и естественными законами.

Г-н Булгаков защищает «универсальный закон» такими доводами, над которыми стоит посмеяться.

«То, что являлось свободным подарком природы, теперь должно быть сделано человеком: ветер и дождь разрыхляли почву, полную питательных элементов, достаточно было небольшого усилия со стороны человека, чтобы добыть необходимое. С течением времени все большая и большая часть производительной работы отходит на долю человека; как и ведае, искусственные процессы все больше становятся на место естественных. Но если в индустрии в этом выражается победа человека над природой, то в земледелии это указывает на растущую трудность существования, для которого природа сокращает свои дары.

В данном случае безразлично, выражается ли в увеличении человеческого труда или же его продуктов, напр., орудий производства или удобрения и т. п., увеличивающаяся трудность производства пищи» (г. Булгаков хочет сказать: безразлично, выражается ли увеличивающаяся трудность производства пищи в увеличении человеческого труда или же в увеличении его продуктов); «важно только то, что она обходится человеку все дороже и дороже. В этом замещении сил природы человеческим трудом, естественных факторов производства искусственными и заключается закон убывающего плодородия почвы» (16).

Очевидно, г-ну Булгакову не дают спать лавры гг. Струве и Туган-Барановского, додумавшихся до того, что человек работает при помощи машины, а машина при помощи человека. Подобно этим критикам и он падает до уровня

вульгарной экономии, толкуя о *замещении* сил природы человеческим трудом и т. п. Заместить силы природы человеческим трудом, вообще говоря, так же невозможно, как нельзя заместить аршины пудами. И в индустрии и в земледелии человек может только пользоваться действием сил природы, если он познал их действие, и *облегчать* себе это пользование посредством машин, орудий и т. п. Что первобытный человек получал необходимое как свободный подарок природы, — это глупая побасенка, за которую г. Булгакова могут освистать даже начинающие студенты. Никакого золотого века позади нас не было, и первобытный человек был совершенно подавлен трудностью существования, трудностью борьбы с природой. Введение машин и улучшенных способов производства неизмеримо облегчило человеку эту борьбу вообще и производство пищи в частности. Увеличилась не трудность производства пищи, а трудность получения пищи для рабочего — увеличилась потому, что капиталистическое развитие вздуло земельную ренту и земельную цену, сконцентрировало сельское хозяйство в руках крупных и мелких капиталистов, сконцентрировало еще больше машины, орудия, деньги, без которых невозможно успешное производство. Объяснять эту растущую трудность существования рабочих тем, что природа сокращает свои дары, — значит становиться буржуазным апологетом.

«Принимая этот закон, — продолжает г. Булгаков, — мы вовсе не утверждаем непрерывного увеличения трудности производства пищи или не отрицаем сельскохозяйственного прогресса: утверждать первое и отрицать второе значило бы идти против очевидности. Несомненно, что трудность эта растет не непрерывно, развитие движется зигзагами. Агрономические открытия, технические усовершенствования превращают бесплодные земли в плодородные, временно упраздняют тенденцию, отмеченную в законе убывающего плодородия почвы» (ibid.*).

Не правда ли, как это глубокомысленно?

Технический прогресс — «временная» тенденция, а закон убывающего плодородия почвы, т. е. уменьшающейся (да и то не всегда) производительности добавочных вложений капитала на базисе неизменной техники, «имеет

* — ibidem — там же. Ред.

универсальное значение!» Это совершенно все равно, что сказать: остановки поездов на станциях представляют из себя универсальный закон парового транспорта, а движение поездов между станциями — временная тенденция, парализующая действие универсального закона стояния.

Наконец, есть и массовые данные, опровергающие наглядно универсальность закона убывающего плодородия: данные о земледельческом и неземледельческом населении. Г-н Булгаков сам признает, что «добывание пищи требовало бы постоянно увеличивающегося относительно» (это заметьте!) «количества труда и, следовательно, земледельческого населения, если бы каждая страна была ограничена своими естественными ресурсами» (19). Если в Западной Европе земледельческое население уменьшается, то это объясняется тем, что посредством привоза хлеба удалось отклонить от себя действие закона убывающего плодородия. — Нечего сказать, хорошо объяснение! Наш ученый забыл о той мелочи, что относительное уменьшение земледельческого населения наблюдается во всех капиталистических странах, в том числе и в земледельческих, и в ввозящих хлеб. Земледельческое население относительно уменьшается в Америке и в России, оно уменьшается во Франции с конца XVIII века (см. цифры в том же сочинении г. Булгакова, II, стр. 168), причем это относительное уменьшение переходит даже иногда в абсолютное, между тем как перевес ввоза хлеба над вывозом был еще в 30-х и 40-х годах совершенно ничтожен, и *только с 1878 года* не встречается уже совершенно годов с перевесом вывоза над ввозом*. В Пруссии сельское население уменьшалось относительно с 73,5% в 1816 г. до 71,7% в 1849 г. и 67,5% в 1871 г., а ввоз ржи начался лишь с начала 60-х, пшеницы — с начала 70-х годов (там же, II, 70 и 88). Наконец, если мы возьмем европейские страны, ввозящие хлеб, — например, Францию и Германию последнего десятилетия, — то мы увидим *несомненный прогресс* сельского хозяйства наряду с *абсолютным уменьшением* числа занятых им рабочих: во Франции это число уменьшилось с 1882 по 1892 г. — с 6 913 504 до 6 663 135 («Statist. agric.», ч. II, стр. 248—251), в Германии с 1882 по 1895 г. — с 8 064 тыс. до

* «Statistique agricole de la France. Enquête de 1892». P. 1897. P. 113. («Сельскохозяйственная статистика Франции. Обследование 1892 г.». Париж, 1897, стр. 113. *Ред.*)

8045 тыс.* Таким образом можно сказать, что *вся* история XIX века массовыми данными по отношению к самым различным странам неопровержимо доказывает, что «универсальный» закон убывающего плодородия *совершенно парализован* «временной» тенденцией технического прогресса, который дает возможность уменьшающемуся относительно (а иногда даже абсолютно) сельскому населению производить увеличивающееся количество сельскохозяйственных продуктов на увеличивающуюся массу населения.)

Кстати сказать, эти массовые статистические данные вполне опровергают также два следующих центральных пункта «теории» г. Булгакова, именно: во-первых, его утверждение, что «к земледелию совершенно неприменима» теория более быстрого роста постоянного капитала (орудий и материалов производства) сравнительно с переменным (рабочая сила). Г-н Булгаков преважно заявляет, что эта теория неверна, ссылаясь в подтверждение своего мнения: а) на «проф. А. Скворцова» (знаменитого всего более тем, что теорию средней нормы прибыли Маркса он приписывал агитаторскому злоумышлению) и б) на тот факт, что при интенсификации хозяйства увеличивается количество рабочих на единицу площади. Это — одно из тех умышленных непониманий Маркса, которые постоянно выказывают представители модной критики. Подумайте только: теория более быстрого роста постоянного капитала сравнительно с переменным опровергается фактом увеличения *переменного капитала* на единицу площади! И г. Булгаков *не замечает*, что приводимые им самим в таком обилии статистические данные подтверждают теорию Маркса. Если во всем

* «Statistik des Deutschen Reichs», Neue Folge, Bd. 112: «Die Landwirtschaft im Deutschen Reich». Berlin, 1898. S. 6*. («Статистика Германской империи», новая серия, т. 112: «Сельское хозяйство в Германской империи». Берлин, 1898, стр. 6*. *Ред.*) Г-ну Булгакову, разумеется, неприятен этот, разрушающий все его мальтузианство⁴², факт технического прогресса при уменьшающемся сельском населении. Наш «строгий ученый» прибегает поэтому к такой уловке: вместо того, чтобы взять сельское хозяйство в собственном смысле слова (земледелие, садоводство и т. п.), он берет (вслед за данными об увеличивающемся количестве сельскохозяйственных продуктов с 1 гектара!) «сельское хозяйство в широком смысле», куда немецкая статистика включает и оранжерейное и торговое огородничество, и лесоводство, и рыболовство! Получается увеличение общей суммы лиц, действительно занятых «земледелием»! (Булгаков, II, 133). Приведенные в тексте цифры относятся к лицам, для которых земледелие составляло *главное* занятие. Число лиц, занимающихся земледелием побочно, возросло с 3 144 тыс. до 3 578 тыс. Складывать эти цифры с предыдущими не вполне правильно, но и при сложении мы получаем лишь весьма небольшое увеличение: с 11 208 до 11 623 тыс.

германском земледелии число рабочих с 1882 по 1895 г. уменьшилось с 8 064 до 8 045 тыс. (а при добавлении лиц, занятых земледелием побочно, увеличилось с 11 208 до 11 623 тыс., т. е. всего на 3,7%), тогда как количество скота за это время возросло с 23,0 миллионов до 25,4 миллионов (переводя весь скот на крупный), т. е. более чем на 10%, число случаев употребления пяти главных машин возросло с 458 тыс. до 922 тыс., т. е. более чем вдвое, количество ввозных удобрений с 636 тыс. тонн (1883 г.) до 1 961 тыс. тонн (1892 г.) и количество калийных солей с 304 тыс. двойных центнеров до 2 400 тыс.* — то не ясно ли, что отношение постоянного капитала к переменному увеличивается? Мы уже не говорим о том, что эти огульные данные в громадной степени скрадывают прогресс крупного производства. Об этом ниже.

Во-вторых, прогресс сельского хозяйства при уменьшении или ничтожном абсолютном увеличении сельского населения вполне опровергает нелепую попытку г. Булгакова воскресить мальтузианство. Из русских «бывших марксистов» эту попытку сделал едва ли не впервые г. Струве в своих «Критических заметках», но он, как и всегда, не пошел далее робких, недоговоренных и двусмысленных замечаний, недодуманных до конца и не сведенных к одной системе воззрений. Г-н Булгаков смелее и последовательнее: «закон убывающего плодородия» он, ничтоже сумняшеся, превращает в «один из важнейших законов истории цивилизации» (sic!** стр. 18). «Вся история XIX века... с его проблемами богатства и бедности была бы непонятна без этого закона». «Для меня совершенно несомненно, что социальный вопрос в теперешней его постановке существенно связан с этим законом» (это наш строгий ученый заявляет уже на 18-ой странице своего «исследования»!)... «Несомненно, — заявляет он в конце сочинения, — что, при наличии перенаселения, известная часть бедности должна быть отнесена на счет *абсолютной бедности*, бедности производства, а не распределения» (II, 221). «Проблема народонаселения в той особенной ее постановке, какую создают условия сельскохозяйственного производства, составляет, в моих глазах, главную трудность,

* «Statist. d. D. R.», 112, S. 36*. Булгаков, II, 136.

** — так! Ред.

которая лежит на пути — в настоящее, по крайней мере, время — сколько-нибудь широкому проведению принципов коллективизма или кооперации в сельскохозяйственном предприятии» (II, 265). «Прошлое оставляет в наследие будущему хлебный вопрос, более страшный и более трудный, чем вопрос социальный, — вопрос производства, а не распределения» (II, 455) и пр., и пр., и пр. Нам нет надобности говорить о научном значении этой «теории», неразрывно связанной с универсальным законом убывающего плодородия почвы, — после того, как мы разобрали этот закон. А что критическое заигрыванье с мальтузианством привело в своем неизбежном логическом развитии к самому вульгарному буржуазному апологетизму, — это засвидетельствовано в приведенных нами выводах г. Булгакова с не оставляющей ничего желать откровенностью.

В следующем очерке мы разберем данные некоторых новых источников, указываемых нашими критиками (которые все уши прожужжали о том, что ортодоксы чураются детализации), и покажем, что г. Булгаков вообще превращает словечко «перенаселение» в трафарет, прикладыванье которого избавляет его от всякого анализа и в особенности от анализа классовых противоречий внутри «крестьянства». Теперь же, ограничиваясь общетеоретической стороной аграрного вопроса, мы должны еще коснуться теории ренты. «Что касается Маркса, — пишет г. Булгаков, — то в III т. «Капитала», — в том виде, как мы сейчас его имеем, — он не прибавляет ничего, заслуживающего внимания, к теории дифференциальной ренты Рикардо» (87). Запомним это: «ничего, заслуживающего внимания», и сопоставим с приговором критика следующее, сделанное им раньше заявление: «Несмотря на очевидно отрицательное отношение к этому закону (закону убывающего плодородия почвы), Маркс усваивает в основных принципах теорию ренты Рикардо, которая построена на этом законе» (13). Выходит ведь, по г. Булгакову, что Маркс не заметил связи теории ренты Рикардо с законом убывающего плодородия и потому не свел концов с концами! Мы можем одно сказать по поводу такого изложения: никто так не извращает Маркса, как бывшие марксисты, никто не проявляет такой невероятной бес... бес... бесцеремонности в подсовывании критикуемому писателю тысячи и одного смертного греха.

Утверждение г. Булгакова есть вопиющее извращение истины. На самом деле Маркс не только заметил эту связь теории ренты Рикардо с его ошибочным учением об убывающем плодородии почвы, но и с полнейшей определенностью разоблачил ошибку Рикардо. Кто хоть с капелькой «внимания» читал III том «Капитала», тот не мог не заметить того в высшей степени «заслуживающего внимания» обстоятельства, что именно Маркс освободил теорию дифференциальной ренты от всякой связи с пресловутым «законом убывающего плодородия почвы». Маркс показал, что для образования дифференциальной ренты необходим и достаточен факт различной производительности различных приложений капитала к земле. Совершенно не существенно при этом, совершается ли переход от лучшей земли к худшей или наоборот, понижается ли производительность добавочных вложений капитала в землю или повышается. В действительности имеют место всевозможные комбинации этих различных случаев, и ни под какое единое общее правило этих комбинаций подвести нельзя. Так, напр., Маркс описывает сначала дифференциальную ренту первого вида, происходящую от различной производительности приложений капитала на различных участках земли, и поясняет свое изложение таблицами (по поводу которых г. Булгаков делает строгое внушение за «чрезмерное пристрастие Маркса к облачению своих — нередко очень простых — мыслей в сложную математическую одежду». Эта сложная математическая одежда ограничивается четырьмя действиями арифметики, а очень простые мысли оказались, как мы видим, совершенно непонятыми ученым профессором). Разобрав эти таблицы, Маркс заключает: «Таким образом, падает та первая неверная предпосылка дифференциальной ренты, которая еще господствует у Веста (West), Мальтуса, Рикардо, именно, что дифференциальная рента необходимо предполагает переход к худшей и худшей почве или же постоянно уменьшающуюся производительность земледелия. Дифференциальная рента, как мы видели, может иметь место при переходе к лучшей и лучшей земле; дифференциальная рента может иметь место, если низшую ступень занимает лучшая почва вместо прежней худшей; она может быть связана с растущим прогрессом земледелия. Ее условием является исключительно неравенство видов почвы». (Маркс не говорит здесь о различной производительности

последовательных вложений капитала в землю, ибо это порождает дифференциальную ренту *второго* вида, а в данной главе речь идет о дифференциальной ренте *первого* вида.) «Поскольку дело касается развития производительности, — постольку дифференциальная рента предполагает, что повышение абсолютного плодородия всей сельскохозяйственной площади не уничтожает этого неравенства, а либо усиливает его, либо оставляет неизменным, либо же только уменьшает» («Das Kapital», III, 2, S. 199*). Г-н Булгаков *не заметил* этого коренного отличия теории дифференциальной ренты Маркса от теории ренты Рикардо. Зато он предпочел разыскать в третьем томе «Капитала» «отрывок, позволяющий скорее думать, что Маркс относился к закону убывающего плодородия почвы далеко не отрицательно» (стр. 13, примеч.). Мы извиняемся пред читателем, что нам придется уделить очень много места совершенно несущественному (по отношению к интересующему нас с г. Булгаковым вопросу) отрывку. Но что прикажете делать, если герои современной критики (которые еще смеют обвинять ортодоксов в рабулистике**) извращают совершенно ясный смысл враждебного им учения посредством выхваченных из контекста цитат и посредством перевернутых переводов? Г-н Булгаков цитирует найденный им отрывок так: «С точки зрения капиталистического способа производства всегда происходит относительное удорожание (*земледельческих*) продуктов, *так как*» (мы просим читателя обратить особое внимание на подчеркиваемые нами слова) «для получения продукта делается известная затрата, должно оплачиваться нечто такое, что прежде не оплачивалось». И Маркс говорит дальше, что элементы природы, входящие в производство, как агенты его, ничего не стоя, являются даровой естественной производительной силой труда, а если для производства добавочного продукта приходится работать без помощи этой естественной силы, то необходимо затратить новый капитал, что ведет к удорожанию производства.

По поводу такого способа «цитировать» мы должны сделать три замечания. Во-первых, словечко «так как», придающее тираде абсолютный смысл установления какого-то

* — «Капитал», т. III, ч. 2, стр. 199.⁴³ Ред.

** — словесных ухищрениях. Ред.

«закона», вставлено г. Булгаковым от себя. В оригинале («Das Kapital», III, 2, S. 277—278*) стоит не «так как», а «если». Если должно оплачиваться нечто такое, что раньше не оплачивалось, то происходит всегда относительное удорожание продуктов; не правда ли, как это положение похоже на признание «закона» убывающего плодородия? Во-вторых, словечко «земледельческих» вставлено вместе со скобками г. Булгаковым. В оригинале его вовсе нет. Г-н Булгаков решил, вероятно, со свойственным гг. критикам легкомыслием, что Маркс может говорить здесь только о земледельческих продуктах, и поспешил дать читателю «пояснение» совершенно превратного свойства. На самом деле Маркс говорит здесь о всех продуктах вообще; отрывку, цитированному г. Булгаковым, предшествуют слова Маркса: «вообще должно заметить следующее». Даровые силы природы могут входить и в промышленное производство — таков приведенный Марксом в том же отделе о ренте пример водопада, заменяющего для одной из фабрик силу пара, — и если нужно произвести добавочное количество продукта без помощи этих даровых сил, то произойдет *всегда* относительное удорожание продуктов. В-третьих, надо рассмотреть, в каком контексте стоит этот отрывок. Маркс говорит в этой главе о дифференциальной ренте с худшей возделываемой земли и разбирает, как и *всегда*, два для него совершенно равноправных, совершенно одинаково возможных случая: первый случай — повышающуюся производительность последовательных приложений капитала (S. 274—276)⁴⁵ и второй случай — понижающуюся производительность их (S. 276—278)⁴⁶. По поводу этого последнего из возможных случаев Маркс говорит: «О понижающейся производительности почвы при последовательных приложениях капитала смотри у Либиха... Но должно *вообще* заметить следующее» (курсив наш). Следует «переведенный» г. Булгаковым отрывок, гласящий, что если оплачивается то, что раньше не оплачивалось, то *всегда* происходит относительное удорожание продуктов.

Предоставляем самому читателю судить о научной добросовестности критика, который превратил замечание Маркса об одном из возможных случаев в признание Марксом этого случая за какой-то общий «закон».

* — «Капитал», т. III, ч. 2, стр. 277—278. ⁴⁴ Ред.

А вот заключительное мнение г. Булгакова о найденном им отрывке:

«Этот отрывок, конечно, неясен»... Ну, еще бы! После булгаковской замены одного слова другим этот отрывок даже совершенно лишен смысла... «но не может быть понят иначе, как косвенное или даже прямое признание» (слушайте!) «закона убывающего плодородия почвы. Мне неизвестно, чтобы Маркс где-либо еще прямо высказывался по поводу последнего» (I, 14). Как бывшему марксисту, г. Булгакову «неизвестно», что Маркс прямо объявил совершенно неверным предположение Веста, Мальтуса, Рикардо, будто дифференциальная рента предполагает переход к худшим землям или падающее плодородие почвы*. Ему «неизвестно», что Маркс на протяжении всего своего объемистого анализа ренты *десять раз* показывает, что понижающуюся и повышающуюся производительность добавочных затрат капитала он рассматривает как совершенно одинаково возможные случаи!

II

ТЕОРИЯ РЕНТЫ

Теории ренты Маркса г. Булгаков вообще не понял. Он уверен, что разбивает эту теорию двумя следующими возражениями: 1) По Марксу, земледельческий капитал входит в выравнивание нормы прибыли, так что ренту создает добавочная прибыль, превышающая среднюю норму прибыли. Это неверно, по мнению г. Булгакова, ибо монополия землевладения устраняет свободу конкуренции, необходимую для процесса выравнивания нормы прибыли. Земледельческий капитал не входит в процесс выравнивания нормы прибыли. 2) Абсолютная рента есть лишь особый случай дифференциальной ренты, и различие ее от этой последней неправильно. Это различие основывается на совершенно произвольном двойном толковании одного и

* Это опровергнутое Марксом неверное предположение классической экономики перевал, разумеется, без критики и «критик» г. Булгаков вслед за своим учителем Брентано. «Условием возникновения ренты, — пишет г-н Булгаков, — является закон убывающего плодородия почвы...» (I, 90). «...Английская рента... фактически различает последовательные затраты капитала разной, в общем убывающей производительности» (I, 136).

того же факта — монопольного владения одним из факторов производства. Г-н Булгаков так уверен в сокрушительности своих доводов, что не может воздержаться от целого потока сильных слов против Маркса: *petitio principii**, немарксизм, логический фетишизм, утрата Марксом свободы умственного полета и пр. А между тем оба его довода основаны на довольно грубой ошибке. То же самое одностороннее упрощение предмета, которое побудило г. Булгакова возвести один из возможных случаев (понижение производительности добавочных затрат капитала) в универсальный закон убывающего плодородия, — приводит его в данном вопросе к тому, что он без критики оперирует с понятием «монополия», возводя это понятие в нечто в своем роде тоже универсальное, и смешивает при этом те последствия, которые вытекают, при капиталистической организации земледелия, из *ограниченности земли*, с одной стороны, и из *частной собственности на землю*, — с другой. Это ведь две вещи различные. Объяснимся.

«Условием, хотя и не источником возникновения земельной ренты, — пишет г. Булгаков, — является то же самое, что вызвало и возможность монополизации земли, — ограниченность производительных сил земли и безгранично растущая потребность в них человека» (I, 90). Вместо: «ограниченность производительных сил земли» надо было сказать: «ограниченность земли». (Ограниченность производительных сил земли сводится, как мы уже показали, к «ограниченности» данного уровня техники, данного состояния производительных сил.) Ограниченность земли предполагает действительно, при капиталистическом строе общества, монополизацию земли, *но земли как объекта хозяйства, а не как объекта права собственности*. Предположение капиталистической организации земледелия необходимо включает в себе то предположение, что вся земля занята отдельными, частными хозяйствами, *но отнюдь не включает предположения*, что вся земля находится в частной собственности этих хозяйств или других лиц или в частной собственности вообще. Монополия владения землей на праве собственности и монополия хозяйства на

* — аргумент, основанный на выводе из положений, еще требующего доказательства. *Ред.*

земле — вещи совершенно различные не только логически, но и исторически. Логически — мы вполне можем представить себе чисто капиталистическую организацию земледелия при полном отсутствии частной собственности на землю, при нахождении земли в собственности государства или общин и т. п. И в действительности мы видим, что во всех развитых капиталистических странах вся земля занята отдельными частными хозяйствами, но эти хозяйства эксплуатируют не только свои собственные, но и арендуемые ими земли частных собственников, и государственные земли, и земли общин (напр., в России, причем во главе частных хозяйств на крестьянских общинных землях стоят, как известно, капиталистические крестьянские хозяйства). И Маркс недаром делает в самом начале своего анализа ренты замечание, что капиталистический способ производства встает (и подчиняет себе) самые различные формы поземельной собственности, начиная от клановой собственности⁴⁷ и феодальной собственности и кончая собственностью крестьянских общин.

Итак, ограниченность земли неизбежно предполагает только монополизацию хозяйства на земле (при условии господства капитализма). Спрашивается, каковы необходимые последствия *этой* монополизации по отношению к вопросу о ренте? Ограниченность земли ведет к тому, что цену хлеба определяют условия производства не на среднего качества земле, а на худшей возделываемой земле. Эта цена хлеба дает фермеру (= капиталистическому предпринимателю в земледелии) покрытие его издержек производства и среднюю прибыль на его капитал. Фермер на лучшей земле получает добавочную прибыль, которая образует *дифференциальную ренту*. Вопрос о том, существует ли частная собственность на землю, не стоит ровно ни в какой связи с вопросом об образовании дифференциальной ренты, которая неизбежна в капиталистическом земледелии хотя бы на общинных, государственных, бесхозяйных землях. Единственное последствие ограниченности земли при капитализме — образование дифференциальной ренты вследствие различной производительности различных затрат капитала. Г-н Булгаков усматривает второе последствие в устранении свободы конкуренции в земледелии, говоря, что отсутствие этой свободы препятствует земледельческому капиталу участвовать в образовании средней

прибыли. Это — явное смешение вопроса о хозяйстве на земле с вопросом о праве собственности на землю. Из факта ограниченности земли (независимо от частной собственности на землю) вытекает логически только то, что вся земля будет занята капиталистами-фермерами, но отнюдь не вытекает необходимость каких бы то ни было ограничений свободы конкуренции между этими фермерами. Ограниченность земли есть явление общее, неизбежно кладущее свою печать на всякое капиталистическое земледелие. Логическая несостоятельность смешения этих различных вещей наглядно подтверждается и историей. Не говорим уже об Англии: в ней отделение землевладения от земледельческого хозяйства очевидно, свобода конкуренции между фермерами — почти полная, обращение образованного в торговле и промышленности капитала на сельское хозяйство имело и имеет место в самых широких размерах. Но и во всех остальных капиталистических странах происходит (вопреки мнению г. Булгакова, тщетно пытающегося, вслед за г. Струве, выделить «английскую» ренту в нечто совершенно своеобразное) *тот же самый процесс* отделения землевладения от земледельческого хозяйства — только в самых различных формах (аренда, ипотека). Не замечая этого процесса (усиленно подчеркиваемого Марксом), г. Булгаков, можно сказать, слона не замечает. Во всех европейских странах наблюдаем мы, после падения крепостного права, разрушение сословности землевладения, мобилизацию земельной собственности, обращение торгово-промышленного капитала на сельское хозяйство, рост аренды и ипотечной задолженности. И в России, несмотря на наибольшие остатки крепостного права, мы видим после реформы усиленную покупку земли крестьянами, разночинцами и купцами, развитие аренды частновладельческих, государственных и *общинных* земель и проч. и проч. О чем свидетельствуют все эти явления? О создании свободной конкуренции в *земледелии* — *вопреки монополии земельной собственности* и несмотря на бесконечно разнообразные формы этой собственности. В настоящее время во всех капиталистических странах всякий владелец капитала может так же легко или почти так же легко вложить этот капитал в сельское хозяйство (посредством покупки или аренды земли), как и в любую отрасль торговли или промышленности.

Г-н Булгаков в возражение против Марксовой теории дифференциальной ренты указывает на то, что «все эти различия (различия в условиях производства сельскохозяйственных продуктов) противоречивы и *могут*» (курсив наш) «взаимно уничтожать друг друга, — расстояние, как это указывал уже Родбертус, может парализоваться плодородием, различное же плодородие может выравниваться более усиленным производством на участках большего плодородия» (I, 81). Напрасно только забывает наш строгий ученый о том, что Маркс отметил этот факт и сумел дать ему не такую однобокую оценку. «Ясно, — пишет Маркс, — что эти два различные основания дифференциальной ренты, плодородие и положение» (земельных участков) «могут действовать в противоположном направлении. Земельный участок может быть хорошо расположен и очень мало плодороден, и наоборот. Это обстоятельство важно, ибо оно объясняет нам, почему при распашке земли в данной стране переход может совершаться точно так же от лучшей земли к худшей, как и наоборот. Наконец, ясно, что прогресс социального производства вообще действует, с одной стороны, нивелирующим образом на положение» (земельных участков) «как на основании дифференциальной ренты, создавая местные рынки, создавая положение посредством проведения путей сообщения; а, с другой стороны, усиливает различия в местном положении земельных участков как посредством отделения земледелия от промышленности, так и посредством образования крупных центров производства наряду с обратной стороной этого явления: усилением относительного одиночества деревни» (*relative Vereinigung des Landes*) («Das Kapital», III, 2, 190*). Таким образом, в то время как г. Булгаков с победоносным видом повторяет давно известное указание на *возможность* взаимного уничтожения различий, Маркс ставит *дальнейший* вопрос о превращении этой возможности в действительность и показывает, что рядом с нивелирующими влияниями наблюдаются и дифференцирующие. Конечный итог этих взаимно-противоречивых влияний состоит, как всякий знает, в том, что во всех странах и повсюду *существуют* громадные различия между земельными участками по плодородию и положению их. Возражение г. Булгакова

* — «Капитал», т. III, ч. 2, стр. 190.⁴⁸ *Ред.*

свидетельствует только о полной непродуманности его замечаний.

Понятие последней наименее производительной затраты труда и капитала — продолжает возражать г. Булгаков — «одинаково без критики употребляется и Рикардо и Марксом. Нетрудно видеть, какой элемент произвола вносится этим понятием: пусть на землю затрачивается $10a$ капитала, причем каждое последующее a отличается убывающей производительностью; общий продукт почвы будет A . Очевидно, средняя производительность каждого a будет равна $A/10$, и если весь капитал рассматривать как одно целое, то цена будет определяться именно этой средней его производительностью» (I, 82). Очевидно, — скажем мы на это, — что г. Булгаков за своими пышными фразами об «ограниченности производительных сил земли» просмотрел мелочь: ограниченность земли. Эта ограниченность — совершенно независимо от какой бы то ни было собственности на землю — создает известного рода монополию, именно: так как земля вся занята фермерами, так как спрос предъявляется на весь хлеб, производимый на всей земле, в том числе и на самых худших и на самых удаленных от рынка участках, то понятно, что цену хлеба определяет цена производства на худшей земле (или цена производства при последней, наименее производительной затрате капитала). «Средняя производительность» г. Булгакова есть пустое арифметическое упражнение, ибо действительному образованию этой средней препятствует ограниченность земли. Чтобы образовалась эта «средняя производительность» и определила собой цены, для этого необходимо, чтобы каждый капиталист не только мог вообще приложить капитал к земледелию (настолько в земледелии есть, как мы уже говорили, свобода конкуренции), но также, чтобы каждый капиталист мог всегда — сверх наличного числа земледельческих предприятий — основать новое земледельческое предприятие. Будь это так, тогда между земледелием и промышленностью никакой разницы не было бы, тогда никакой ренты не могло бы возникнуть. Но именно ограниченность земли делает то, что это не так.

Пойдем далее. Мы рассуждали до сих пор, совершенно оставляя в стороне вопрос о собственности на землю; мы видели, что такой прием обязателен и ввиду логических соображений, и ввиду исторических данных, свидетель-

ствующих о возникновении и развитии капиталистического земледелия при всяких формах землевладения. Введем теперь это новое условие. Предположим, что вся земля находится в частной собственности. Как отразится это на ренте? Дифференциальная рента будет отобрана землевладельцем, на основании его права собственности, у фермера; так как дифференциальная рента есть избыток прибыли сверх нормальной, средней прибыли на капитал, и так как свобода конкуренции в смысле свободы вложения капитала в сельское хозяйство в земледелии есть (*respective** создается капиталистическим развитием), то землевладелец всегда найдет фермера, удовлетворяющегося средней прибылью и отдающего ему, землевладельцу, сверхприбыль. Частная собственность на землю не создает дифференциальной ренты, а только перемещает ее из рук фермера в руки землевладельца. Ограничивается ли этим влияние частной поземельной собственности? Можно ли предположить, что землевладелец *даром* позволит фермеру эксплуатировать ту худшую и хуже всех расположенную землю, которая дает только среднюю прибыль на капитал? Конечно, нет. Землевладение есть монополия, и на основании этой монополии землевладелец потребует платы с фермера и за эту землю. Эта плата будет *абсолютной рентой*, не стоящей ни в какой связи с различной производительностью различных затрат капитала и *вытекающей из частной собственности на землю*. Обвиняя Маркса в произвольном двояком толковании одной и той же монополии, г. Булгаков не дал себе труда подумать, что мы имеем дело действительно с двоякой монополией; во-первых, мы имеем монополию хозяйства (капиталистического) на земле. Эта монополия вытекает из ограниченности земли, являясь поэтому необходимой во всяком капиталистическом обществе. Ведет *эта* монополия к тому, что цену хлеба определяют условия производства на худшей земле, а избыточная прибавочная прибыль, приносимая затратой капитала на лучшей земле или более производительной затратой капитала, образует *дифференциальную ренту*. Рента эта возникает совершенно независимо от частной поземельной собственности, которая только дает возможность землевладельцу отобрать ее у фермера. Во-вторых, мы имеем монополию частной собственности на

* — или. Рев.

землю. Ни логически, ни исторически эта монополия с предыдущей неразрывно* не связана. Ничего *необходимого* для капиталистического общества и для капиталистической организации земледелия эта монополия из себя не представляет. С одной стороны, мы вполне можем мыслить капиталистическое земледелие без частной собственности на землю, и многие последовательные буржуазные экономисты требовали национализации земли. С другой стороны, мы и в действительности встречаем капиталистическую организацию земледелия при отсутствии частной поземельной собственности, напр., на землях государственных и общинных. Поэтому различать эти двоякого рода монополии безусловно необходимо, а, следовательно, необходимо наряду с дифференциальной рентой признать и существование абсолютной ренты, которую *порождает* частная собственность на землю**.

Возможность происхождения абсолютной ренты из прибавочной стоимости земледельческого капитала Маркс объ-

* Вряд ли есть надобность напоминать читателю, что, имея здесь дело с общей теорией ренты и капиталистической организации земледелия, мы не касаемся таких фактов, как давность и распространенность частной поземельной собственности, как подрыв заочной конкуренцией последнего указанного нами вида монополии, а отчасти и обоих ее видов и т. п.

** Во второй части второго тома «Теории прибавочной стоимости» (Theorien über den Mehrwert, II. Band, II. Theil), вышедшей в 1905 году, Маркс дает разъяснения по вопросу об абсолютной ренте, которые подтверждают правильность моего толкования (особенно относительно двух видов монополии). Вот относящиеся сюда места у Маркса: «Если бы земля представляла из себя неограниченный элемент не в отношении к капиталу и к населению, но и фактически, т. е. была бы «неограниченна», как «воздух и вода», была бы «в наличии в неограниченном количестве» (цитаты из Рикардо), то тогда присвоение земли одним лицом не могло бы на деле несколько исключать присвоения земли другим лицом. Тогда не могло бы существовать никакой частной собственности на землю (и не только частной, но и «общественной» и Государственной собственности не могло бы быть). В этом случае, если бы к тому же вся земля была повсюду одинакового качества, за землю не могла бы быть взимаема никакая рента... Вся соль вопроса состоит в следующем: если бы земля по отношению к капиталу существовала как всякая элементарная сила природы, то капитал в области сельского хозяйства действовал бы совершенно так же, как и во всякой другой области промышленности. Тогда не было бы никакой поземельной собственности и никакой ренты... Наоборот, если земля 1) ограничена, 2) захвачена в собственность, если капитал встречается, в виде условия своего возникновения, собственность на землю — именно так обстоит дело в странах, где развивается капиталистическое производство, а в таких странах, где раньше не было налицо этого условия (как в старой Европе), капиталистическое производство само создает для себя эти условия: пример Соед. Штаты, — то тогда земля не представляет из себя элементарно доступного капиталу поприща деятельности. Поэтому существует абсолютная рента независимо от дифференциальной ренты» (стр. 80, 81)⁴⁰. Маркс с полной определенностью различает здесь ограниченность земли и нахождение земли в частной собственности. (Примечание автора к изданию 1908 г. *Ред.*)

ясняет тем, что в земледелии доля переменного капитала в общем составе капитала выше среднего (предположение вполне естественное при несомненной отсталости земледельческой техники сравнительно с промышленной). Раз это так — следовательно, стоимость земледельческих продуктов вообще выше их цены производства, а прибавочная стоимость выше прибыли. Между тем, монополия частной поземельной собственности препятствует этому излишку войти целиком в процесс выравнивания прибыли, и абсолютная рента берется из этого излишка*.

Г-н Булгаков очень недоволен этим объяснением и восклицает: «Что же за вещь такая — эта прибавочная ценность, что ее как сукна или хлопка или другого какого-либо товара может хватать или нехватать для покрытия возможного спроса. Прежде всего, это не материальная вещь, это — понятие, служащее для выражения определенного общественного отношения производства» (I, 105). Это противоположение «материальной вещи» — «понятию» представляет из себя наглядный образчик той схоластики, которую так любят в настоящее время преподносить под видом «критики». Какое значение могло бы иметь «понятие» о доле общественного продукта, если бы этому понятию не соответствовали определенные «материальные вещи»? Прибавочная ценность есть денежный эквивалент прибавочного продукта, который состоит из определенной доли сукна, хлопка, хлеба и всех прочих товаров. («Определенность» надо понимать, конечно, не в том смысле, что наука может конкретно определить эту долю, а в том смысле, что известны условия, определяющие в общих

* Между прочим. Мы считали необходимым особенно подробно остановиться на теории ренты Маркса ввиду того, что ошибочное понимание ее мы встретили также у г. П. Маслова («Жизнь», 1901, № 3 и 4, «К аграрному вопросу»), который признает убывающую производительность добавочных затрат капитала, если не вакопом, то «обыкновенным» и как бы нормальным явлением, связывает с этим явлением дифференциальную ренту и отвергает теорию абсолютной ренты. Интересная статья г. П. Маслова содержит много верных замечаний по адресу критиков, но она сильно страдает как от указанной сейчас ошибочности теории вакопом, так от «обыкновенизма» и как бы потрудился точно определить отличие «своей» теории от теории Маркса, так и от ряда неосторожных и совершенно несправедливых утверждений вроде, напр., того, что г. Бердяев «совершенно освобождается от влияния буржуазных писателей» и отличается «выдержанностью классового точкой зрения не в ущерб объективности», что «во многих отношениях анализ, сделанный Каутским, является местами... тенденциозным», что Каутский «совершенно не определил, в каком направлении идет развитие производительных сил в земледелии» и т. п.

чертах размер этой доли.) В земледелии прибавочный продукт больше (в пропорции к капиталу), чем в других отраслях промышленности, и этого излишка (не входящего в выравнивание прибыли вследствие монополии поземельной собственности) может, естественно, «хватать или нехватать на покрытие спроса» со стороны монополиста-землевладельца.

Мы можем избавить читателя от подробного изложения той теории ренты, которую создал г. Булгаков, по собственному скромному замечанию, «собственными силами», «идя своим путем» (I, 111). Достаточно нескольких замечаний, чтобы охарактеризовать этот продукт «последней наименее производительной затраты» профессорского «труда». «Новая» теория ренты построена по старинному рецепту: «назвался груздем, полезай в кузов». Раз свобода конкуренции, — тогда уже не должно быть абсолютно никаких ограничений ее (хотя такой абсолютной свободы конкуренции нигде никогда и не существовало). Раз монополия, — кончено дело. Значит, рента берется вовсе не из прибавочной ценности, вовсе даже не из земледельческого продукта; она берется из продукта неzemледельческого труда, это просто — дань, налог, вычет из всего общественного производства, вексель землевладельца. «Земледельческий капитал с своей прибылью и земледельческий труд, вообще земледелие, как область приложения труда и капитала, составляют таким образом *status in statu** в капиталистическом царстве... все (*sic!*) определения капитала, прибавочной ценности, заработной платы и ценности вообще в применении к земледелию оказываются величинами мнимыми» (I, 99).

Так. Так. Отныне все ясно: и капиталисты и наемные рабочие в земледелии — все это величины мнимые. Но если г. Булгакову случается так зарпортоваться, то он иногда рассуждает и не совсем неразумно. Через четырнадцать страниц мы читаем: «Производство земледельческих продуктов стоит обществу известного количества труда; это — их ценность». Отлично. Значит, уже по крайней мере «определения» ценности — величины не совсем мнимые. Дальше: «Раз производство организовано капиталистически, и во главе производства стоит капитал, то цена хлеба опреде-

* — государство в государстве. Ред.

лится по ценам производства, значит будет произведен учет производительности данного приложения труда и капитала сравнительно с среднеобщественною». Прекрасно. Значит, и «определения» капитала, прибавочной ценности и заработной платы — величины не совсем мнимые. Значит, и свобода конкуренции (хотя и не абсолютная) имеется налицо, ибо без перехода капитала из земледелия в промышленность и обратно невозможен был бы «учет производительности сравнительно с среднеобщественною». Дальше: «Благодаря же земельной монополии цена поднимается выше ценности, до тех границ, до которых позволяют условия рынка». Превосходно. Но только где же это выдвигал г. Булгаков, чтобы дань, налог, вексель и проч. зависели от условий рынка? Если благодаря монополии цена поднимается до границ, допускаемых условиями рынка, то все отличие «новой» теории ренты от «старой» состоит в том, что шедший «своим путем» автор не понял, с одной стороны, разницы между влиянием ограниченности земли и влиянием частной собственности на землю, а с другой стороны, — связи между понятием «монополия» и понятием «последняя наименее производительная затрата труда и капитала». Удивляться ли после этого, что еще через семь страниц (I, 120) г. Булгаков совсем забыл уже о «своей» теории и рассуждает о «способе дележа этого (земледельческого) продукта между землевладельцем, капиталистическим фермером и сельскохозяйственными рабочими»? Блестящий финал блестящей критики! Замечательный результат новой, обогатившей отныне науку политической экономии, *булгаковской теории ренты!*

III

МАШИНЫ В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ

Перейдем теперь к «замечательной», по отзыву г. Булгакова, работе Герца (*Die agrarischen Fragen im Verhältniss zum Sozialismus*. Wien, 1899*. Русский перевод А. Ильинского, С.-Петербург. 1900). Нам придется, впрочем, некоторое время разбирать одинаковые доводы обоих этих писателей совместно.

* — «Аграрные вопросы в их связи с социализмом». Вена, 1899 г. Ред.

Вопрос о машинах в сельском хозяйстве и в тесной связи с ним вопрос о крупном и мелком производстве в земледелии служат для «критиков» особенно часто поводом к «опровержению» марксизма. Ниже мы подробно разберем некоторые приводимые ими детальные данные, а теперь рассмотрим относящиеся сюда общие соображения. Критики посвящают целые страницы подробнейшим рассуждениям насчет того, что машины в земледелии встречаются больше трудностей применения, чем в промышленности, и потому применяются меньше и имеют меньше значения. Все это бесспорно и совершенно определенно было указано, например, и тем самым Каутским, одно имя которого приводит гг. Булгаков, Герца и Чернова в состоянии, близкое к невменяемости. Но этот бесспорный факт нимало не опровергает того, что применение машин быстро развивается и в земледелии, оказывая на него могучее преобразующее действие. Критики могут только «отговариваться» от этого неизбежного вывода посредством таких, например, глубокомысленных рассуждений: ...«Земледелие характеризуется господством природы в процессе производства, несвободой человеческой воли» (Булгаков, I, 43)... «вместо неуверенной и неточной работы человека она» (машина в промышленности) «с математической правильностью выполняет как микрометрические, так и колоссальные работы. Машина не может сделать ничего подобного (?) относительно производства земледельческих продуктов, ибо до сих пор рабочий инструмент этот находится в руках не у человека, а у матери-природы. Это — не метафора» (там же). Это действительно не метафора, а просто пустая фраза, ибо всякий знает, что паровой плуг, рядовая сеялка, молотилка и т. п. *делают* работу *более* «уверенной и точной», а, следовательно, сказать «ничего подобного» — значит сказать пустяки! Точно так же, как сказать, что машина в земледелии «не может ни в какой мере (sic!) революционизировать *производство*» (Булгаков, I, 43—44, причем цитируются специалисты по сельскохозяйственному машиностроению, которые, однако, говорят только о сравнительном отличии машин сельскохозяйственных и промышленных), или сказать: «машина не только не может здесь превратить работника в свой придаток (?), но этому работнику остается попрежнему роль руководителя процесса» (44) — например, подавальщика при молотилке?

Превосходство парового плуга г. Булгаков старается ослабить ссылками на Штумпфе и Кутцлеба (писавших о способности мелкого хозяйства конкурировать с крупным) в противоположность выводам специалистов по сельскохозяйственному машиностроению и сельскохозяйственной экономии (Фюлинга, Перельса), причем фигурируют доводы вроде того, что возможность паровой вспашки требует особой почвы* и «чрезвычайно обширных размеров имений» (по мнению г. Булгакова, это довод не против мелкого хозяйства, а против парового плуга!), что при глубине борозды в 12 дюймов работа скота *дешевле*, чем пара, и т. п. Подобными доводами можно исписать целые томы, несколько не опровергнув этим ни того, что паровой плуг дал возможность чрезвычайно глубокой вспашки (и глубже, чем на 12 дюймов), ни того, что применение его быстро развивалось: в Англии в 1867 г. его применяли только 135 имений, в 1871 г. было уже в употреблении больше 2 000 паровых плугов (Каутский); в Германии число хозяйств, употреблявших паровые плуги, поднялось с 1882 по 1895 г. с 836 до 1 696.

По вопросу о сельскохозяйственных машинах г. Булгаков цитирует неоднократно Фр. Бензинга, «автора специальной монографии о сельскохозяйственных машинах», как он его аттестует (I, 44). Было бы большой несправедливостью, если бы мы не отметили и в данном случае, как цитирует г. Булгаков и как побивают его им же вызываемые свидетели.

Утверждая, что «конструкция» Маркса о более быстром росте постоянного капитала по сравнению с переменным неприложима к земледелию, г. Булгаков ссылается на необходимость все большей затраты рабочей силы по мере увеличения производительности земледелия и цитирует, между прочим, расчет Бензинга. «Общая потребность в человеческом труде выражается при разных системах хозяйства так: при трехпольном хозяйстве — 712 рабочих дней; при норфолькском плодопеременном хозяйстве — 1 615 рабочих дней; при плодопеременном хозяйстве с значительным производством свеклы — 3 179 рабочих дней» на

* Герц с особенно «победоносным» видом настаивает на этом, доказывая неверность «абсолютного» суждения (S. 65, русский перевод 156), что паровой плуг «при всяких обстоятельствах» выше упряжного. Это вот именно называется ломиться в открытую дверь!

60 гектаров. (*Franz Bensing*: «Der Einfluss der landwirtschaftlichen Maschinen auf Volks- und Privatwirtschaft», Breslau, 1897, S. 42*. Булгаков, I, 32.) Беда только в том, что Бензинг этим расчетом хочет доказать именно растущую роль машин: применяя эти цифры ко всему сельскому хозяйству Германии, Бензинг вычисляет, что наличных сельскохозяйственных рабочих хватило бы только для обработки земли по трехпольной системе, и что, следовательно, введение плодоперемена было бы вообще *невозможно*, если бы не применялись машины. Так как известно, что при господстве старого трехполья машины почти совсем не употреблялись, то расчет Бензинга доказывает *обратное* тому, что хочет доказать г. Булгаков; именно: этот расчет доказывает, что рост производительности земледелия необходимо должен был идти в связи с более быстрым ростом постоянного капитала по отношению к переменному.

Другой раз, утверждая, что «существует коренная (*sic!*) равница между ролью машины в обрабатывающей промышленности и в земледелии», г. Булгаков цитирует слова Бензинга: «сельскохозяйственные машины не способны к такому безграничному повышению производства, как промышленные...» (I, 44). И опять не везет г. Булгакову. Бензинг отмечает эту, вовсе не «коренную» разницу между земледельческими и промышленными машинами в начале VI-ой главы, которая озаглавлена: «Влияние сельскохозяйственных машин на валовой доход». Разобрав подробно по отношению к каждому отдельному виду машин данные специальной сельскохозяйственной литературы и особо произведенной им анкеты, Бензинг получает такой общий вывод: увеличение валовой выручки получается при употреблении парового плуга — на 10 процентов, рядовой сеялки — на 10 процентов, молотилки — на 15 процентов, кроме того рядовая сеялка сберегает 20 процентов семян, и только при употреблении машины для сбора картофеля замечается понижение валовой выручки на 5 процентов. Утверждение г. Булгакова: «во всяком случае, паровой плуг есть единственная из сельскохозяйственных машин, в пользу которой могут быть приведены известные технические соображения» (I, 47—48), *во всяком случае* опроверг-

* — Франц Бензинг: «Влияние сельскохозяйственных машин на народное и частновладельческое хозяйство». Бреславль, 1897 г., стр. 42. *Ред.*

нуто тем самым Бензингом, на которого неосторожный г. Булгаков тут же ссылается.

Чтобы дать возможно более точное и цельное представление о значении машин в сельском хозяйстве, Бензинг дает ряд подробнейших расчетов о результатах хозяйничанья без машин, с одной, с двумя и т. д. и, наконец, со всеми важнейшими машинами, включая и паровой плуг и сельскохозяйственные подвозные железные дороги (Feldbahnen). Оказывается, что при отсутствии машин валовая выручка = 69 040 маркам, расход = 68 615 маркам, чистый доход = 425 маркам или по 1,37 марки с гектара, а при употреблении всех важнейших машин валовой доход = 81 078 маркам, расход = 62 551,5 марки, чистый доход = 18 526,5 марки, т. е. по 59,76 марки с гектара, то есть *более чем в сорок раз выше*. И это влияние одних только машин, ибо система хозяйства предположена неизменной! Что применение машин сопровождается, как показывают те же расчеты Бензинга, громадным ростом постоянного капитала и *уменьшением* переменного (т. е. капитала, расходуемого на рабочую силу, и самого числа рабочих), это разумеется само собою. Одним словом, работа Бензинга всецело опровергает г. Булгакова и доказывает как превосходство крупного хозяйства в земледелии, так и применимость к последнему закона о росте постоянного капитала на счет переменного.

Одно только сближает г. Булгакова и Бензинга: это то, что последний стоит на чисто буржуазной точке зрения, совершенно не понимает присущих капитализму противоречий и преспокойно закрывает глаза на вытеснение рабочих машинами и т. п. О Марксе этот умеренный и аккуратный ученик немецких профессоров говорит с такой же ненавистью, как и г. Булгаков. Только Бензинг последовательнее: он называет Маркса «противником машин» вообще, и в земледелии и в промышленности, так как, дескать, Маркс «извращает факты», толкуя о вредном влиянии машин на рабочих и вообще приписывая машинам всякие беды (Bensing, l. c., S. 4, 5, 11*). Отношение г. Булгакова к Бензингу паки и паки показывает нам, что перенимают у буржуазных ученых гг. «критики» и на что они смотрят сквозь пальцы.

* — loco citato — в цитированном месте, стр. 4, 5, 11. Ред.

Какого сорта «критика» Герца, это достаточно видно из такого примера: на стр. 149 (русск. пер.) он обвиняет Каутского в «фельетонных приемах» и на стр. 150 «опровергает» утверждение о превосходстве крупного производства по употреблению машин такими доводами: 1. посредством товариществ покупка машин *доступна* и мелким хозяйствам. Это, извольте видеть, опровергает *факт* большей распространенности машин в крупных хозяйствах! Кому более *доступны* блага товарищеского соединения, об этом мы во втором очерке особо побеседуем с Герцем. 2. Давид показал в «Sozialistische Monatshefte»* (V, 2), что употребление машин в мелких хозяйствах «широко распространено и сильно возрастает... что и рядовая сеялка часто (sic!) встречается даже в очень мелких хозяйствах. То же самое с сенокосилками и другими машинами» (S. 63, стр. 151 русск. пер.). А если читатель обратится к статейке Давида**, то увидит, что он берет *абсолютные цифры* о числе хозяйств, употреблявших машины, а не процентное отношение этих хозяйств ко всему числу хозяйств данной группы (как делает, разумеется, Каутский).

Сопоставим эти цифры, относящиеся ко всей Германии за 1895 год***.

Группы хозяйств	Всего хозяйств	В том числе употреблявших машины					
		сеялки	%	рядовые сеялки	%	косилки и жатки	%
До 2 га****	3 236 367	214	0,01	14 735	0,46	245	0,01
2 — 5 »	1 016 318	551	0,05	13 088	1,29	600	0,06
5 — 20 »	998 804	3 252	0,33	48 751	4,88	6 746	0,68
20 — 100 »	281 767	12 091	4,29	49 852	17,69	19 535	6,93
100 и больше га	25 061	12 565	50,14	14 366	57,32	7 958	31,75
Всего ...	5 558 317	28 673	0,52	140 792	2,54	35 084	0,63

Не правда ли, как подтверждаются этим слова Давида и Герца, что сеялки и косилки «часто» встречаются «даже в очень мелких хозяйствах»? И если Герц делает «вывод»,

* — «Социалистический Ежемесячник»⁵⁰. Ред.

** В книге Давида «Социализм и сельское хозяйство» (СПБ. 1906) повторен этот ошибочный прием (стр. 179). (Примечание автора к изданию 1908 г. Ред.)

*** «Stat. d. D. R.» 112. Bd., S. 36⁷.

**** — Употребляемое здесь и далее слово «га» — сокращение слова «гектар». Ред.

что «со стороны статистики утверждение Каутского совершенно не выдерживает критики», то на чьей стороне наблюдаем мы в самом деле поистине фельетонные приемы?

Как курьез надо отметить, что, отрицая превосходство крупного хозяйства по употреблению машин, отрицая вызываемый этим факт чрезмерного труда и недостаточного потребления в мелком хозяйстве, «критики» сами, однако, когда им приходится касаться фактического положения дел (и когда они забывают о своей «главной задаче» — опровержении «ортодоксального» марксизма), беспощадно себя побивают. «Крупное хозяйство — говорит, напр., г. Булгаков во II томе своей книги (стр. 115) — работает всегда капиталоемнее, чем мелкое, и потому, естественно, отдает предпочтение механическим факторам производства, сравнительно с живою рабочей силой». Что г. Булгаков, в качестве «критика», склоняется, вслед за гг. Струве и Туган-Барановским, к вульгарной экономии, противопоставляя механические «факторы производства» живым, — это, действительно, вполне «естественно». Но естественно ли было, что он так неосторожно отрицал превосходство крупного хозяйства?

О концентрации в сельскохозяйственном производстве г. Булгаков выражается не иначе, как «мистический закон концентрации» и т. п. Но вот приходится ему иметь дело с английскими данными, и оказывается, что тенденция к концентрации ферм имела место с 50-х годов вплоть до конца 70-х. «Мелкие потребительские хозяйства, — пишет г. Булгаков, — соединялись в более крупные. Эта консолидация земельных участков представляется отнюдь не результатом борьбы крупного и мелкого производства (?), а сознательного (!?) стремления лендлордов к повышению своей ренты соединением нескольких мелких хозяйств, плативших весьма низкую ренту, в крупное, могущее платить большую ренту» (I, 239). Вы понимаете, читатель: не борьба крупного с мелким, а вытеснение второго, как малопродуктивного, первым? «Раз хозяйство поставлено на капиталистическую ногу, то бесспорно, что, в известных границах, крупное капиталистическое хозяйство имеет несомненные преимущества над мелким капиталистическим» (I, 239—240). Если это бесспорно, то зачем же так шумит г. Булгаков и шумел (в «Начале») против Каутского, который *начинает* свою главу о крупном и мелком

производстве. (в «Аграрном вопросе») заявлением: «Чем более капиталистическим становится сельское хозяйство, тем более развивает оно качественное различие в технике между крупным и мелким производством?»

Но не только период процветания земледелия в Англии, а и период кризиса приводит к неблагоприятным для мелкого хозяйства выводам. Отчеты комиссий за последние годы «с удивительной настойчивостью утверждают, что наиболее тяжело кризис лег именно на мелких хозяев» (I, 314). «Дома их — говорит один отчет про мелких собственников — хуже средних коттеджей рабочих... Работа всех их удивительно тяжела и значительно продолжительнее, чем рабочих, причем многие из них говорят, что они не входят в столь выгодном материальном положении, как последние, что они живут не так хорошо и редко едят свежее мясо»... «Иомены, обремененные ипотеками, погибли первые» (I, 316)... «Они экономят во всем так, как это делают лишь немногие рабочие»... «Мелкие фермеры еще справляются до тех пор, пока пользуются неоплаченным трудом членов семьи»... «Что жизнь мелкого фермера бесконечно тяжелее, чем работника, едва ли нужно и добавлять» (I, 320—321). Мы привели эти выписки, чтобы читатель мог судить о правильности следующего вывода г. Булгакова: «Жестокое разорение хозяйств, сохранившихся до эпохи аграрного кризиса, говорит только (!!) о том, что мелкие производители в подобных случаях погибают скорее, чем крупные, — не более (sic!!). Сделать отсюда какое-либо общее заключение об их общей экономической жизнеспособности совершенно невозможно, ибо в эту эпоху оказалось несостоятельно все английское земледелие» (I, 333). Не правда ли, хорошо? И г. Булгаков в главе об общих условиях развития крестьянского хозяйства даже обобщает этот замечательный способ рассуждения: «Внезапное падение цен тяжело отзывается на все формы (всех формах?) производства, но крестьянское, как наиболее слабое капиталом, естественно, менее устойчиво, чем крупное (что нимало не затрагивает вопроса об его общей жизнеспособности)» (II, 247). Итак, в капиталистическом обществе слабые капиталом хозяйства менее устойчивы, но это не затрагивает их «общей» жизнеспособности!

Не лучше обстоит дело в отношении последовательности рассуждения и у Герца. Он «опрровергает» (охарактеризо-

ванными выше приемами) Каутского, но, когда речь заходит об Америке, он признает преимущество ее более крупных хозяйств, допускающих «в гораздо большей степени применение машин, чего не допускает наше парцелльное хозяйство» (S. 36, р. п. 93); он признает, что «европейский крестьянин хозяйничает часто, придерживаясь устарелых, рутинных способов производства, надрываясь (robotend) над куском хлеба как рабочий, не стремясь к лучшему» (там же). Герц признает и вообще, что «мелкое производство применяет сравнительно больше труда, чем крупное» (S. 74, русск. пер. 177), он мог бы с успехом поделиться с г. Булгаковым данными о повышении урожаев вследствие введения парового плуга (S. 67—68, русск. пер. 162—163) и т. п.

Естественным спутником неустойчивости теоретических воззрений наших критиков на значение сельскохозяйственных машин является беспомощное повторение ими чисто реакционных выводов аграриев, настроенных против машин. Герц еще очень нерешителен, правда, в этом щекотливом пункте; говоря о «затруднениях», которые ставит сельское хозяйство введению машин, он замечает: «высказывается мнение, что зимой остается столько свободного времени, что ручная молотба бывает выгоднее» (S. 65, русск. пер. 156—157). Герц склонен, видимо, заключать отсюда со свойственной ему логичностью, что этот факт говорит не против мелкого производства, не против капиталистических препятствий введению машин, а против машин! Зато г. Булгаков недаром выговаривает Герцу, что он «слишком связан мнениями своей партии» (II, 287). Российский профессор, конечно, выше таких унижительных «связей» и гордо заявляет: «Я достаточно свободен от столь распространенного, особенно в марксистской литературе предубеждения, согласно которому нужно видеть прогресс во всякой машине» (I, 48). К сожалению, полету мысли в этом великолепном рассуждении совершенно не соответствуют конкретные выводы. «Паровая молотилка, — пишет г. Булгаков, — лишив многих и многих рабочих зимних занятий, была, несомненно, значительным злом для рабочих, которое не окупалось техническими выгодами*. На это

* Ср. т. I, стр. 51: «...паровая молотилка... выполняет главную работу и без того бедного работами зимнего периода (полезность этой машины для всего (sic!) сельского хозяйства поэтому более чем сомнительна; мы еще встретимся с этим фактом)».

указывает, между прочим, Гольц, который выставляет даже утопическое пожелание» (II, 103), именно, пожелание *ограничить* употребление молотилки, особенно паровой, «для улучшения положения сельскохозяйственных рабочих, — добавляет Гольц, — а также для уменьшения эмиграции — и миграции» (под миграцией, вероятно, Гольц имеет в виду, добавим от себя, переселение в города).

Напомним читателю, что именно эту идею Гольца отметил в своем «Аграрном вопросе» и Каутский. Небезынтересно поэтому сравнить отношение к конкретному вопросу экономики (значение машин) и политики (не ограничить ли?) узкого ортодокса, погрязающего в марксистских предрассудках, и современного критика, прекрасно воспринявшего весь дух «критицизма».

Каутский говорит («Agrarfrage»*, S. 41), что Гольц приписывает молотилке особенно «вредное влияние»: она отнимает у сельских рабочих их главное зимнее занятие, гонит их в города, усиливает обезлюдение деревни. И Гольц предлагает ограничить употребление молотилки, предлагает — добавляет Каутский — «повидимому, в интересах сельских рабочих, а на самом деле в интересах помещиков, для которых», как говорит сам Гольц, «проистекающий от такого ограничения убыток будет с избытком возмещен — если и не тотчас, то в будущем — увеличением числа рабочих сил на летнее время». «К счастью, — продолжает Каутский, — это консервативное дружелюбие по отношению к рабочим есть не что иное, как реакционная утопия. Молотилка слишком выгодна «тотчас», чтобы помещики могли отказаться от ее употребления ради прибыли «в будущем». И потому молотилка будет продолжать свою революционную работу; она будет гнать сельских рабочих в города, она станет вследствие этого могучим орудием, с одной стороны, повышения заработных плат в деревне, с другой стороны, дальнейшего развития сельскохозяйственного машиностроения».

Отношение г. Булгакова к такой постановке вопроса социал-демократом и аграрием в высшей степени характерно: это маленький образец той позиции, которую заняла вообще вся современная «критика» между партией пролетариата и партией буржуазии. Критик, разумеется,

* — «Аграрный вопрос». Ред.

не так узок и не так шаблонен, чтобы встать на точку зрения классовой борьбы и революционизирования всех общественных отношений капитализмом. Но, с другой стороны, хотя наш критик и «поумнел», — все же воспоминания о том времени, когда он был «молод и глуп», разделяя предрассудки марксизма, — не позволяют ему целиком принять программу его нового товарища, агрария, совершенно резонно и последовательно заключающего от вреда машины «для *всего* сельского хозяйства» к пожеланию: запретить! И наш добрый критик оказывается в положении буриданова осла между двумя вязанками сена: с одной стороны, он утратил уже всякое понимание классовой борьбы и способен теперь говорить о вреде машин для «*всего* сельского хозяйства», забывая, что *всем* современным сельским хозяйством руководят на первом плане предприниматели, думающие только о своей прибыли, — он настолько забыл те «годы юности», когда он был марксистом, что ставит уже нелепейший вопрос, «окупают» ли технические выгоды машины ее вредное действие на рабочих (а это вредное действие оказывает не одна паровая молотилка, а и паровой плуг, и косилка, и зерноочистительная машина, и проч.)? Он не замечает даже, что аграрий хочет в сущности только более глубокого порабощения рабочего и зимой и летом. Но, с другой стороны, он смутно вспоминает тот устарелый «догматический» предрассудок, что запрещение машин есть утопия. Бедный г. Булгаков, выпутается ли он из этого неприятного положения?

Интересно отметить, что наши критики, стараясь всячески ослабить значение сельскохозяйственных машин, выставляя даже «закон убывающего плодородия почвы», забыли (или умышленно не пожелали) упомянуть о том новом техническом перевороте земледелия, который подготавливает электротехника. Напротив, Каутский, — который, по более чем несправедливому суждению г. П. Маслова, «сделал существенную ошибку, совершенно не определивши, в каком направлении идет развитие производительных сил в земледелии» («Жизнь», 1901, № 3, стр. 171), — Каутский указал на значение электричества в земледелии еще в 1899 году («Agriculture»). В настоящее время признаки грядущего технического переворота намечаются уже яснее. Делаются попытки осветить теоретически значение электротехники в земледелии (см. Dr. Otto Pringsheim: «Landwirtschaftliche

Manufaktur und elektrische Landwirtschaft», Brauns Archiv*, XV, 1900, S. 406—418, и статью К. Каутского в «Neue Zeit»** XIX, 1, 1900—1901, № 18, «Die Elektrizität in der Landwirtschaft»***), раздаются голоса практиков-помещиков, описывающих свои опыты по применению электричества (Прингсгейм цитирует книгу Адольфа Зейффергельда, рассказывающего об опыте в своем хозяйстве), видящих в электричестве средство сделать снова земледелие доходным, призывающих правительство и помещиков к устройству центральных силовых станций и массовому производству электрической силы для сельских хозяев (в Кенигсберге вышла в прошлом году книга помещика из Восточной Пруссии, П. Мака — Р. Mack: «Der Aufschwung unseres Landwirtschaftsbetriebes durch Verbilligung der Produktionskosten. Eine Untersuchung über den Dienst, den Maschinentchnik und Elektrizität der Landwirtschaft bieten»****).

Прингсгейм делает очень верное, на наш взгляд, замечание, что современное земледелие — по общему уровню его техники, да, пожалуй, и экономики — ближе подходит к той стадии развития промышленности, которую Маркс назвал «мануфактурой». Преобладание ручного труда и простой кооперации, спорадическое применение машин, мелкие сравнительно размеры производства (если считать, напр., по сумме ежегодно продаваемых одним предприятием продуктов), сравнительно мелкие, в большинстве случаев, размеры рынка, связь крупного производства с мелким (причем последнее, подобно кустарям в их отношении к крупному хозяину мануфактуры, доставляет рабочую силу первому, — или первое скупает «полуфабрикат» у второго, напр., крупные хозяева скупают свеклу, скот и т. п. у мелких), — все эти признаки, действительно, говорят за то, что земледелие еще не достигло ступени настоящей «крупной машинной индустрии», в смысле Маркса. В земледелии еще нет «системы машин», связанных в один производительный механизм.

* — Д-р Отто Прингсгейм: «Сельскохозяйственная мануфактура и электрифицированное сельское хозяйство». Архив Брауна. Ред.

** — «Новое Время»¹¹. Ред.

*** — «Электричество в сельском хозяйстве». Ред.

**** — П. Мак: «Подъем нашего сельскохозяйственного производства путем снижения издержек производства. Исследование об услугах, оказываемых сельскому хозяйству машинной техникой и электричеством». Ред.

Не надо, конечно, утрировать этого сравнения: с одной стороны, есть особенности земледелия, которые абсолютно неустранимы (если оставить в стороне слишком отдаленную и слишком проблематическую возможность лабораторного приготовления белка и пищи). Вследствие этих особенностей крупная машинная индустрия в земледелии никогда не будет отличаться *всеми* теми чертами, которые она имеет в промышленности. С другой стороны, и в мануфактуре крупное производство в промышленности достигло уже преобладания и значительного технического превосходства над мелким. Это превосходство мелкий промышленник пытался долгие еще время парализовать тем удлинением рабочего дня и сокращением потребностей, которое так характерно и для кустаря и для современного мелкого крестьянина. Преобладание ручного труда в мануфактуре давало еще некоторую возможность мелкому производству держаться посредством подобных «героических» средств, — но те люди, которые обольщались этим и говорили о жизнеспособности кустаря (подобно тому, как нынешние критики говорят о жизнеспособности крестьянина), оказывались очень быстро опровергнутыми той «временной тенденцией», которая парализует «универсальный закон» технического застоя. Напомним, для примера, русских исследователей кустарного ткачества в Московской губернии в 70-х годах. По отношению к хлопчатобумажному ткачеству, — говорили они, — дело ручного ткача проиграно: машина вяла верх, но вот зато в области шелкового ткачества кустари еще могут держаться, машины еще далеко не так усовершенствованы. Прошло два десятилетия — и техника отняла у мелкого производства еще одно из его последних убежищ, как бы говоря — тем, кто имеет уши, чтобы слушать, и глаза, чтобы видеть, — что экономист всегда должен смотреть вперед, в сторону прогресса техники, иначе он немедленно окажется отставшим, ибо кто не хочет смотреть вперед, тот поворачивается к истории задом: середины тут нет и быть не может.

«Писатели, которые, подобно Герцу, трактовали о конкуренции мелкого и крупного производства в земледелии, игнорируя при этом роль электротехники, должны будут сызнова начать свое исследование», — метко заметил

Прингсгейм, и его замечание с еще большей силой падает на двухтомный труд г. Булгакова.

Электрическая энергия дешевле паровой силы, она отличается большей делимостью, ее гораздо легче передавать на очень большие расстояния, ход машин при этом правильнее и спокойнее, — она гораздо удобнее поэтому применяется и к молотье, и к паханию, и к доению, и к резке корма скоту* и проч. Каутский описывает одну из венгерских латифундий**, в которой электрическая энергия проведена с центральной станции по всем направлениям в отдаленные части имения, служа для приведения в действие сельскохозяйственных машин, для резки свеклы, для подъема воды, для освещения и пр. и пр. «Для доставки 300 гектолитров воды ежедневно из колодца, глубиной в 29 метров, в резервуар, высотой в 10 метров, и для приготовления корма для 240 коров, 200 телят и 60 рабочих волов и лошадей, т. е. для резки, рубки свеклы и т. п., требовалось зимой две пары лошадей, летом одна пара, что стоило 1 500 гульденов. Вместо лошадей работает теперь трех- и пятисильный мотор, работа которых обходится, считая покрытие всех расходов, в 700 гульденов, т. е. на 800 гульденов меньше» (Kautsky, I. с.***). Мак рассчитывает стоимость конного рабочего дня в три марки, а при замене его электричеством — та же работа обходится в 40—75 пфеннигов, т. е. на 400—700% дешевле. Если бы лет через 50 или больше — говорит он — $1\frac{3}{4}$ миллиона лошадей в германском земледелии были заменены электрической силой (в 1895 году в германском земледелии употреблялось для полевых работ 2,6 миллиона лошадей + 1,0 миллиона волов + 2,3 миллиона коров, в том числе у хозяйств выше 20 га — 1,4 миллиона лошадей и 0,4 млн. волов), — то это уменьшило бы расходы с 1 003 миллионов марок до 261 миллиона, т. е. на 742 миллиона марок. Громадная площадь, дающая корм для скота, могла бы быть обращена на производство пищи людям, на улучшение пита-

* К сведению смелого г. Булгакова, который смело и неосновательно говорит о «таких отраслях сельскохозяйственного производства, которые совсем недоступны машинам, напр., скотоводство» (I, 40).

** Еще раз к сведению г. Булгакова, толкующего о «латифундиарном вырождении крупного хозяйства»!

*** — Каутский, в цитированном месте. *Ред.*

ния рабочих, которых г-н Булгаков так пугает «сокращением даров природы», «хлебным вопросом» и т. п. Мак настойчиво рекомендует соединение земледелия с промышленностью для постоянного эксплуатирования электрической энергии, рекомендует прорытие мазурского канала, который мог бы питать электрической силой 5 центральных станций, раздающих энергию на 20—25 километров вокруг сельским хозяевам, рекомендует утилизацию торфа для той же цели, требует объединения сельских хозяев: «только в товарищеском объединении с индустрией и крупным капиталом возможно сделать снова прибыльной нашу отрасль промышленности» (Мак, S. 48). Разумеется, применение новых способов производства встретит массу затруднений и пойдет не гладким, а зигзагообразным путем, но что оно пойдет, что революционизирование земледелия неизбежно, — в этом вряд ли можно сомневаться. «Замена большей части упряжек электромоторами означает — справедливо говорит Прингсгейм — возможность системы машин в земледелии... Чего не могла сделать сила пара, того наверно достигнет электротехника, а именно: превращения сельского хозяйства из старой мануфактуры в современное крупное производство» (I. с., p. 414).

Мы не будем распространяться о том, какую гигантскую победу крупного производства будет означать (отчасти означает уже) введение электротехники в земледелие, — это обстоятельство слишком очевидно, чтобы на нем настаивать. Посмотрим лучше, в каких современных хозяйствах имеются налицо зародыши той «системы машин», которую пустит в ход центральная силовая станция. Ведь для системы машин нужно сначала употребление различных машин на опыте, нужны примеры совместного употребления многих машин. Ответ на этот вопрос дают сведения германской переписи земледельческих хозяйств 14 июня 1895 года. Мы имеем данные о числе хозяйств каждой группы, употреблявших свои или чужие машины (г. Булгаков ошибается, приведя на 114 стр. второго тома часть этих данных и думая, что они относятся к числу машин. Кстати: сведения о числе хозяйств, употреблявших машины свои или чужие, представляют, разумеется, превосходство крупного производства более слабым, чем оно есть в действительности.

Крупные хозяйства чаще имеют собственные машины, чем мелкие, переплачивающие за пользование ими). Данные эти относятся к употреблению или машин вообще, или каждого рода машин в отдельности, так что мы не можем определить, *по скольку* машин употребляли хозяйства разных групп. Но если мы сложим для каждой группы число всех хозяйств, употреблявших каждый отдельный вид машин, то получим *число случаев употребления* всяких сельскохозяйственных машин. Приводим обработанные таким образом данные, показывающие, как подготавливается «система машин» в земледелии:

Размеры хозяйств	На 100 хозяйств приходится	
	хозяйств, употреблявших с.-х. машины вообще (1895)	случаев употребления той или другой с.-х. машины (1895)
До 2 га.....	2,03	2,30
2 — 5 ».....	13,81	15,46
5 — 20 ».....	45,80	56,04
20 — 100 ».....	78,79	128,46
100 и более га.....	94,16	352,34
<i>Всего</i>	16,36	22,36

Итак, в мелких хозяйствах, до 5 гектаров (таких хозяйств более трех четвертей всего числа, 4,1 млн. из 5,5 млн., т. е. 75,5%; но у них только 5 млн. гектаров земли из 32½ млн., т. е. 15,6%) — число *случаев* употребления каких бы то ни было сельскохозяйственных машин (мы сосчитали вместе-и машины для молочного хозяйства) совершенно ничтожно. В средних хозяйствах (5—20 га) меньше половины хозяйств употребляют вообще машины, и на 100 хозяйств приходится только 56 случаев употребления сельскохозяйственных машин. Только в крупном капиталистическом производстве* мы видим, что *большинство* хозяйств (¾—9/10) употребляют машины, и *начинает складываться система машин*: на каждое хозяйство приходится более одного случая употребления машин.

* Выше 20 га только 0,3 млн. хозяйств из 5,5 млн., т. е. только 6,5% всего числа, но у них 17,7 миллионов гектаров земли из 32,5, т. е. 54,4% всей сельскохозяйственной площади.

Употребляется, след., по несколько машин в одном хозяйстве: напр., хозяйства выше 100 га употребляли каждое *около 4-х машин* (352% на 94% употреблявших вообще). Из 572 латифундий (хозяйств с 1 000 и более га) 555 употребляли машины, и число случаев употребления машин равняется 2 800, т. е. каждое хозяйство употребляло *по пяти машин*. Понятно отсюда, какие хозяйства подготовляют «электрическую» революцию и какие больше всего ей воспользуются.

IV

УНИЧТОЖЕНИЕ ПРОТИВОПОЛОЖНОСТИ МЕЖДУ ГОРОДОМ И ДЕРЕВНЕЙ. ЧАСТНЫЕ ВОПРОСЫ, ПОДНЯТЫЕ «КРИТИКАМИ»

От Герца перейдем к г. Чернову. Так как последний только «беседует» по поводу первого, то мы ограничимся здесь краткой характеристикой приемов рассуждения Герца (и приемов перефразировки его г. Черновым), чтобы перейти (в следующем очерке) к разбору некоторых новых, выдвигаемых «критиками», фактических данных.

Что представляет из себя Герц в качестве теоретика, это достаточно показать на *одном* примере. В самом начале его книги мы встречаем параграф, носящий претенциозное заглавие: «Понятие национального капитализма». Герц хочет не больше и не меньше, как дать определение капитализму. «Мы можем, конечно, — пишет он, — охарактеризовать его, как такую народнохозяйственную систему, которая *юридически* основывается на вполне проведенных принципах свободы личности и собственности, *технически* — на производстве в широких» (крупных?) «размерах*, *социально* — на отделении средств производства от непосредственных производителей, *политически* — на обладании капиталистами центральной политической властью» (концентрированной политической силой государства?) «в силу одного экономического основания распределения собственности» (русск. пер., с. 37). Эти

* Г-л В. Чернов переводит («Р. Б.» № 4, 132): «на производстве, достигшем высокой степени развития». Это он ухитрился «понять» таким образом немецкое выражение «auf grosser Stufenleiter»!

определения неполны, требуют ограничений — говорит Герц — напр., домашняя работа и мелкая аренда держатся еще везде наряду с крупным производством. «Не вполне подходящим является также *реальное* (sic!) определение капитализма, как системы, при которой производство находится под контролем» (господством и контролем) «капиталистов» (капиталовладельцев). Не правда ли, как великолепно это «реальное» определение капитализма как господства капиталистов? И как характерна эта, столь модная в настоящее время, quasi*-реалистическая, а на самом деле эклектическая погоня за полным перечнем всех отдельных признаков и отдельных «факторов». В результате, конечно, эта бессмысленная попытка внести в общее понятие все частные признаки единичных явлений, или, наоборот, «избегнуть столкновения с крайним разнообразием явлений», — попытка, свидетельствующая просто об элементарном непонимании того, что такое наука, — приводит «теоретика» к тому, что за деревьями он не видит леса. Герц, напр., забыл о такой мелочи, как товарное производство и превращение рабочей силы в товар! Зато он сочинил следующее *генетическое* определение, которое — в наказание сочинителю — следует привести целиком: капитализм — «такое состояние народного хозяйства, в котором осуществление принципов свободного оборота, свободы личности и собственности достигло высшего (относительно) пункта, определяемого экономическим развитием и эмпирическими условиями каждого отдельного народного хозяйства» (S. 10, русск. пер. 38—39 не вполне точен). Г-н В. Чернов, разумеется, с восторженным благоговением переписывает и расписывает эти мыльные пузыри, угощая кроме того читателей «Русского Богатства» на протяжении целых тридцати страниц «анализом» типов национального капитализма. Из этого высокопоучительного анализа можно извлечь ряд чрезвычайно ценных и несколько не шаблонных указаний, напр., указание на «независимый, гордый и энергический характер британца», на «солидность» английской буржуазии и «несимпатичность» ее внешней политики, — на «страстный, увлекающийся темперамент романской расы» и на «немецкую аккуратность» (стр. 152

* — якобы. Ред.

в № 4 «Р. Б.»). «Догматический» марксизм, разумеется, окончательно уничтожен этим анализом.

Не менее сокрушительен произведенный Герцем анализ данных об ипотеках. По крайней мере, г. Чернов в восторге от него. «Факт тот, — пишет он, — что... данные Герца еще никем не опровергнуты. Каутский в своем ответе на книгу Герца, распространяясь чрезвычайно много по поводу некоторых частных» (вроде доказательства *передерзсек* Герца! Хороши «частности»!), «на аргументацию Герца в вопросе об ипотеках *не отвечает ни единым словом*» («Р. Б.» № 10, стр. 217, курсив г. Чернова). Как видно из ссылки на стр. 238 той же книжки «Р. Б.», г. Чернов знаком с ответной статьей Каутского («Zwei Kritiker meiner Agrarfrage»* в «Neue Zeit», 18, 1; 1899—1900); г. Чернов не мог не знать также, что журнал, в котором эта статья помещена, запрещен в России цензурой. Тем знаменательнее для характеристики всего облика современной «критики» тот факт, что подчеркнутые самим г. Черновым слова заключают в себе *прямую неправду*, ибо Каутский *ответил* по вопросу об ипотеках «Герцу, Давиду, Бернштейну, Шиппелю, Булгакову e tutti quanti»** на стр. 472—477 той самой статьи, которую г. Чернов указывает. Скучная эта обязанность — восстанавливать извращенную истину, — но, раз имеешь дело с гг. Черновыми, от этой обязанности никак не уклониться.

Каутский ответил Герцу, разумеется, насмешкой, ибо Герц и в этом вопросе обнаружил свое неумение или свое нежелание понять, что к чему, и склонность повторять избитые доводы буржуазных экономистов. В «Agrarfrage» Каутского речь шла (S. 88—89) о концентрации ипотек. «Многочисленные мелкие деревенские ростовщики — писал Каутский — все более и более оттесняются на второй план, уступая место крупным централизованным капиталистическим или общественным учреждениям, монополизирующим ипотечный кредит». Каутский перечисляет некоторые капиталистические и общественные учреждения этого рода, говорит об обществах взаимного поземельного кредита (genossenschaftliche Bodenkreditinstitute), указывает на то, что и *сберегательные кассы*, и страховые

* — «Два критика моего «Аграрного вопроса». Ред.

** Выражение Каутского: стр. 472, «N. Z.» (e tutti quanti — и всем им подобным. Ред.).

общества, и многие корпорации (S. 89) вкладывают свои фонды в ипотеки и т. п. Напр., в Пруссии 17 обществ взаимного кредита выпустили к 1887 г. на 1650 млн. марок закладных листов. «Эти цифры указывают уже на громадную концентрацию поземельной ренты в *немногих центральных учреждениях*» (курсив наш), «но концентрация быстро растет. В 1875 г. немецкие ипотечные банки выпустили закладных листов на 900 млн. марок, в 1888 — на 2½ миллиарда, в 1892 году эта сумма составляла уже 3400 миллионов, сконцентрированных в 31 (в 1875 г. в 27) банке» (S. 89). Эта концентрация поземельной ренты указывает ясно на концентрацию *поземельной собственности*.

Нет — отвечает Герц, Булгаков, Чернов и К^о — «мы встречаем самую решительную тенденцию к децентрализации, к раздроблению собственности» («Р. Б.» № 10, 216), ибо «более четверти ипотечного кредита сосредоточено в руках демократических (sic!) кредитных учреждений, с массою мелких вкладчиков» (там же). Герц, с необычайным усердием, приводя ряд таблиц, доказывает, что *мелкие вкладчики* составляют массу вкладчиков в сберегательные кассы и т. п. Спрашивается только, к чему все это? Ведь на общества взаимного кредита и сберегательные кассы указал сам Каутский (не воображая, конечно, как воображает г. Чернов, что это особо «демократические» учреждения). Каутский говорит о централизации ренты в немногих центральных учреждениях, — а ему указывают на массу мелких вкладчиков в сберегательные кассы! И называют это «раздроблением собственности»! Да какое же отношение к сельскому хозяйству (речь идет о концентрации ренты) имеет число вкладчиков в ипотечный банк? Разве крупная фабрика перестает означать централизацию производства на том основании, что акции ее распределены среди массы мелких капиталистов? «До тех пор пока Герц и Давид не осведомили меня, — писал Каутский в ответе Герцу, — я и понятия не имел о том, откуда берут сберегательные кассы свои деньги. Я думал, что они орудуют с сбережениями Ротшильдов и Вандербильтов».

По поводу передачи ипотек в собственность государства Герц говорит: «Это было бы очень плохое средство борьбы против крупного капитала и, конечно, прекрасное сред-

ство, чтобы восстановить против виновников такой реформы громадную, все увеличивающуюся армию мелких собственников, и в их числе особенно сельских батраков» (S. 29, русск. пер. 78. Г-н Чернов повторяет это с удовольствием на стр. 217—218 «Р. Б.»).

Так вот кто эти «собственники», об увеличении числа которых кричит Бернштейн и К⁰! — отвечает Каутский. — Это служанки с 20 марками в сберегательной кассе! И как стар и избит этот довод против социалистов, что «экспроприацией» своей они ограбят громадную армию трудящихся. Никто иной, как Евгений Рихтер с особенным усердием выдвигал этот довод в своей брошюре, которую он выпустил после отмены исключительного закона против социалистов⁵² (и которую фабриканты скупали тысячами для даровой раздачи рабочим). В этой брошюре Евгений Рихтер выдвинул свою знаменитую «бережливую Агнесу»: бедную швею, которая имела несколько десятков марок в сберегательной кассе и которая была ограблена злыми социалистами, захватившими государственную власть и превратившими банки в государственную собственность. Вот из какого источника черпают свои «критические» доводы Булгаковы*, Герцы и Черновы!

«В то время — говорит Каутский о «знаменитой» брошюре Евг. Рихтера — Евг. Рихтер был за это единодушно осмеян всеми социал-демократами. А теперь находятся среди последних люди, которые в нашем центральном органе» (имеются в виду статьи, кажется, Давида в «Vorwärts»**) «поют хвалебную песнь сочинению, повторяющему те же мысли: Герц, мы превозносим твои подвиги!

Для бедного Евгения на склоне его лет это — настоящий триумф, и я не могу не привести еще, к его удовольствию, следующего места, находящегося на той же странице у Герца: «Мы видим, что мелкого крестьянина, городского домовладельца и особенно крупного земледельца экспроприируют именно низшие и средние классы, и главный контингент их поставляется, несомненно, сельским населением» (Герц, S. 29, русск. пер. 77. — Перескавано с упоением в «Р. Б.» № 10, стр. 216—217). «Теория

* Г-н Булгаков выдвигал против Каутского те же доводы насчет ипотек в «Начале», а по-немецки и в «Архиве» Брауна.

** — «Вперед»⁵³. Ред.

Давида об «опорожнении» (Aushöhlung) капитализма посредством коллективных договоров о заработной плате (Tarifgemeinschaften) и потребительных обществ теперь превзойдена. Она бледнеет перед герцевской экспроприацией экспроприаторов посредством сберегательных касс. Бережливая Агнеса, которую считали уже умершей, воскресает к новой жизни» (Kautsky, l. c., S. 475) — и русские «критики» вместе с публицистами «Русского Богатства» спешат пересадить эту воскресшую «бережливую Агнесу» на русскую почву для посрамления «ортодоксальной» социал-демократии.

И вот этот-то г. В. Чернов, захлебывающийся от восторга по поводу повторяемых Герцем доводов Евгения Рпхтера, «разносит» Каутского на все корки на страницах «Русского Богатства» и сборника в честь г. Н. Михайловского «На славном посту». Было бы несправедливостью, если бы мы не отметили некоторые перлы этого разноса. «Каутский признает, опять-таки вслед за Марксом, — пишет г. Чернов в № 8 «Р. Б.», с. 229, — что прогресс капиталистического земледелия ведет к обеднению почвы питательными веществами: в виде различных продуктов у земли постоянно нечто отнимается, направляется в город и не возвращается обратно земле... Как видите, в вопросе о законах плодородия почвы Каутский беспомощно (sic!) повторяет слова Маркса, основывавшегося на теории Либиха. Но, когда Маркс писал свой первый том, либиховский «закон восстановления» был последним словом агрономии. Со времени этого открытия прошло уже более полувека. В наших знаниях о законах плодородия почвы произошла целая революция. И что же? Весь после-либиховский период, все последующие открытия Пастера, Вилле, опыты Солари с введением азота, открытия Бертелло, Гелльригеля, Вильфарта и Виноградского в области бактериологии почвы — все это для Каутского прошло бесследно... Милый г. Чернов! Как он удивительно похож на тургеневского Ворошилова: помните — в «Дыме» — молодого русского приват-доцента, который совершал променады по загранице, отличался вообще большой молчаливостью, но от времени до времени его прорывало, и он начинал сыпать десятками и сотнями ученых и ученейших, редких и редчайших имен? Точь-в-точь наш ученый г. Чернов, который совсем уничтожил этого невежественного Каут-

ского. Только... только не справиться ли нам все же с книгой Каутского? Не заглянуть ли нам хоть в оглавление ее? Находим главу IV: «Современное сельское хозяйство», параграф d) «удобрения, бактерии». Открываем параграф d) и читаем:

«Во второй половине прошлого десятилетия было сделано открытие, что стручковые растения в отличие от остальных культурных растений получают почти весь свой запас азота не из почвы, а из воздуха, что они делают почву не только не беднее азотом, а еще богаче. Но этим свойством обладают они лишь в том случае, если в почве имеются известные микроорганизмы, пристающие к их корням. Там, где нет этих микроорганизмов, — можно посредством соответствующей прививки придать стручковым растениям способность превращать бедную азотом почву в богатую азотом и таким образом удобрять до известной степени эту почву для других культурных растений. Прививка бактерий стручковым растениям дает, по общему правилу, возможность, в соединении с соответствующими минеральными удобрениями (фосфорнокислыми солями и калийными удобрениями), получать с земли постоянно самые высокие урожаи и без навоза. Лишь благодаря этому открытию «свободное хозяйство» приобрело вполне прочный базис» (Kautsky, 51—52). Кто же обосновал научно это замечательное открытие собирающих азот бактерий? — Гелльригель...

Вина Каутского в том, что он имеет скверную привычку (которая наблюдается также у многих узких ортодоксов) — не забывать никогда о том, что члены боевой социалистической партии должны и в ученых своих трудах не упускать из виду читателя-рабочего, должны стараться писать *просто*, без тех несущих ухищрений слога, без тех внешних признаков «учености», которые так пленяют декадентов и титулованных представителей официальной науки. Каутский и здесь предпочел рассказать толково и ясно, в чем состоят новейшие агрономические открытия, и опустить ничего не говорящие для девяти десятых публики ученые имена. Ворошиловы поступают наоборот: они предпочитают высыпать целый мешок ученых имен из области агрономии, политической экономии, критической философии и т. п., загромождая ученым сором суть дела.

Например, Ворошилов-Чернов своим облыжным обвинением Каутского в незнании ученых имен и научных открытий загрозил и занял крайне интересный и поучительный эпизод модной критики, именно: атаку буржуазной экономики на социалистическую идею об уничтожении противоположности между городом и деревней. Профессор Луио Brentano уверяет, например, что переселение из деревень в города вызывается не данными социальными условиями, а *естественной необходимостью*, законом убывающего плодородия почвы*. Г-н Булгаков, вслед за своим учителем, объявлял еще в «Начале» (1899, март, стр. 29) идею об уничтожении противоположности между городом и деревней «совершенной фантазией», которая «вызовет улыбку у агронома». Герц пишет в своей книге: «Уничтожение различия между городом и деревней является, правда, основным стремлением старых утопистов (и даже «Манifestа»), — но нам все же не верится, чтобы общественный строй, заключающий в себе все условия для направления человеческой культуры к высшим достижимым целям, действительно уничтожил те великие центры энергии и культуры, какими являются большие города, и, в угоду оскорбленному эстетическому чувству, отка-

* См. статью Каутского в «Neue Zeits», XIX, 2, 1900—1901, № 27: «Tolstoi und Brentano» («Толстой и Brentano». *Ред.*). Каутский сопоставляет с современным научным социализмом учение И. Толстого, остающегося глубоким наблюдателем и критиком буржуазного строя, несмотря на реакционную наивность своей теории, — и буржуазную экономику, «звезда» которой, Brentano (как известно, учитель гг. Струве, Булгакова, Герца и tutti quanti), обнаруживает самую невероятную путаницу, смешивая явления природы и явления общественные, смешивая понятия продуктивности и прибыльности, стоимости и цены и т. п. «Это не столь характерно для Brentano лично, — справедливо говорят Каутский, — как для той школы, к которой он принадлежит. Историческая школа буржуазной экономики в ее современном виде считает стремление к целостному пониманию общественного механизма превозиденной ступенью (überwundener Standpunkt). Экономическая наука должна, по этому воззрению, не исследовать социальные законы и сводить их в цельную систему, а ограничиваться протокольным описанием отдельных социальных фактов прошлого и настоящего. Так она и привывает к тому, чтобы касаться только поверхностной стороны явлений. А когда тот или другой представитель этой школы поддается тем не менее искушению рассмотреть более глубокие основания явлений, — тогда он оказывается совершенно не в состоянии ориентироваться и блуждает беспомощно кругом да около. И в нашей партии с некоторого времени проявляется стремление заменить Марсову теорию не какой-либо другой теорией, а тем отсутствием всякой теории (Theorielosigkeit), которое отличает историческую школу, — стремление принавать теоретика до роли репортера. Кому нужно не простое бесцельное перепрыгиванье (Fortwurcheln) от случая к случаю, а целостное энергичное движение вперед к великой цели, тому да послужит обнаруженная нами брентановская путаница предостережением от теперешних методов исторической школы» (S. 25).

вался от этих обильных сокровищниц искусства и науки, без которых невозможен прогресс» (S. 76. Русский переводчик, стр. 182, ухитрился слово «potenzirt»* перевести «потенциальный». Беда с этими русскими переводами! На стр. 270 тот же переводчик переводит: «Wer isst zuletzt das Schwein?»** — «Кто же в конце концов свинья?»). Как видите, Герц защищает буржуазный порядок от социалистических «фантазий» фразами, в которых не меньше «борьбы за идеализм», чем у гг. Струве и Бердяева! Но самая защита от этого напыщенного идеалистического фразерства нимало не выигрывает.

Что социал-демократы умеют ценить историческую заслугу великих центров энергии и культуры, это они доказывают своей непримиримой борьбой против всего, что прикрепляет к месту население вообще, крестьян и сельских рабочих в частности. И поэтому их, в отличие от критиков, не поймает на удочку ни один аграрий, стремящийся доставить «мужичку» зимние «заработки». Но решительное признание прогрессивности больших городов в капиталистическом обществе несколько не мешает нам включать в свой идеал (и в свою программу действия, ибо неосуществимые идеалы мы предоставляем гг. Струве и Бердяевым) уничтожение противоположности между городом и деревней. Неправда, что это равносильно отказу от сокровищ науки и искусства. Как раз наоборот: это необходимо для того, чтобы сделать эти сокровища *доступными всему народу*, чтобы уничтожить ту отчужденность от культуры миллионов деревенского населения, которую Маркс так метко назвал «идиотизмом деревенской жизни»⁶⁴. И в настоящее время, когда возможна передача электрической энергии на расстояние, когда техника транспорта повысилась настолько, что можно при меньших (против теперешних) издержках перевозить пассажиров с быстротой свыше 200 верст в час***, — нет ровно никаких технических препятствий тому, чтобы сокровищами науки и искусства, веками скопленными в немногих центрах, пользовалось все

* — возведенный в степень, обильный. *Ред.*

** — «Кто же в конце концов ест свинью?» *Ред.*

*** Проект такой дороги между Манчестером и Ливерпулем не получил утверждения парламента только вследствие корыстного противодействия железнодорожных тузов, болившихся разорения старых компаний.

население, размещенное более или менее равномерно по всей стране.

И если ничто не мешает уничтожению противоположности между городом и деревней (причем следует, конечно, представлять себе это уничтожение не в форме одного акта, а в форме целого ряда мер), то требует его отнюдь не одно только «эстетическое чувство». В больших городах люди задыхаются, по выражению Энгельса, в своем собственном навозе, и периодически все, кто могут, бегут из города в поисках за свежим воздухом и чистой водой⁵⁵. Промышленность тоже расселяется по стране, ибо и ей нужна чистая вода. Эксплуатация водопадов, каналов и рек для получения электрической энергии даст новый толчок этому «расселению промышленности». Наконец, — *last but not least**, — рациональная утилизация столь важных для земледелия городских нечистот вообще и человеческих экскрементов в частности тоже требует уничтожения противоположности между городом и деревней. И вот на этот-то пункт теории Маркса и Энгельса вздумали направить гг. критики свои агрономические возражения (от полного разбора теории, которая по этому вопросу особенно подробно изложена Энгельсом в «*Anti-Dühring*'e»**, гг. критики предпочли воздержаться, ограничиваясь, как и всегда, простой перефразировкой обрывков мысли какого-нибудь Brentano). Ход их рассуждения такой: Либих доказал необходимость отдавать почве столько же, сколько у нее берется. Он считал поэтому выбрасыванье городских нечистот в моря и реки бессмысленным и варварским расхищением веществ, необходимых для земледелия. Каутский разделяет теорию Либиха. Но новейшая агрономия показала полную возможность восстановления производительных сил земли без стойлового навоза, посредством искусственных удобрений, прививки известных бактерий собирающим азот стручковым растениям и т. п. Следовательно, Каутский и все эти «ортодоксы» — просто отсталые люди.

Следовательно, — ответим мы, — гг. критики и здесь совершают одну из своих бесчисленных и бесконечных *передержек*. Изложивши теорию Либиха, Каутский *тотчас*

* — последнее по счету, но не по значению. *Ред.*

** — в «*Анти-Дюринге*»⁵⁶. *Ред.*

же указал, что современная агрономия доказала полную возможность «обходиться совершенно без стойлового навоза» (S. 50, «Aggarfrage»; ср. вышеприведенное место), но добавил при этом, что это — *паллиатив* сравнительно с вызываемым системой очистки городов расхищением человеческих экскрементов. Вот этот пункт должны были бы опровергнуть критики, если бы они были способны спорить по существу, — показать, что это не паллиатив. Об этом они и не подумали. Понятно само собой, что возможность замены естественных удобрений искусственными и факт этой (*частичной*) замены ни на йоту не опровергает того, что нерационально выбрасывать естественные удобрения понапрасну, отравляя притом нечистотами реки и воздух в пригородных и прифабричных местностях. Около больших городов и сейчас существуют поля орошения, утилизирующие городские нечистоты с громадной пользой для земледелия, — но утилизируется таким образом только ничтожная доля нечистот. Искусственные удобрения, — говорит Каутский, отвечая на стр. 211 своей книги на то самое возражение, будто новейшая агрономия опровергает факт агрономической эксплуатации деревни городом, которое гг. критики преподносят ему за нечто новое, — искусственные удобрения «дают возможность предотвратить понижение плодородия почвы, но необходимость применять эти искусственные удобрения все в большем и большем размере означает лишь еще одно из тех многочисленных отягощений сельского хозяйства, которые *отнюдь не являются естественной необходимостью, а проистекают из существующих социальных отношений*»*.

В подчеркнутых нами словах заключается весь «гвоздь» вопроса, так усердно запутываемого критиками. Писатели, которые, подобно г. Булгакову, пугают пролетариат «хлебным вопросом», болсе страшным и важным, чем социальный вопрос, которые восторгаются искусственным ограничением деторождения, говоря, что «регулирование прироста населения» становится «основным (*sic!*) экономическим условием» благополучия крестьянства (II, 261), что это регулирование заслуживает «уважения», и что

* Разумеется, искусственные удобрения — говорит Каутский далее — не исчезнут с падением капитализма, но они будут обогащать почву особыми веществами, а не исполнять *ею* задачу восстановления плодородия почвы.

«много лицемерного негодования» (только лицемерного? а не законного негодования против современных общественных порядков?) «возбуждает крестьянский прирост населения у сентиментальных (!?) моралистов, как будто безудержная похотливость (sic!) сама по себе является добродетелью» (там же), — подобные писатели естественно и неизбежно должны стремиться к тому, чтобы оставить в тени *капиталистические* препятствия земледельческому прогрессу, чтобы свалить все на естественный «закон убывающего плодородия почвы», чтобы выставить уничтожение противоположности между городом и деревней «совершенной фантазией». Но каким безграничным легкомыслием должны отличаться гг. Черновы, чтобы вторить подобным рассуждениям и в то же время упрекать критиков марксизма в «отсутствии принципиальности, эклектизме и оппортунизме» («Р. Б.» № 11, стр. 246)?! Г-н Чернов, упрекающий других в отсутствии принципиальности и оппортунизме, — что может быть комичнее этого зрелища?

Все остальные критические подвиги нашего Ворошилова совершенно такие же, как сейчас нами разобранный.

Если Ворошилов уверяет вас, что Каутский не понимает разницы между капиталистическим кредитом и ростовщичеством, что он обнаруживает полное неумение или нежелание понять Маркса, когда говорит о крестьянине, исполняющем функции предпринимателя и в качестве такового занимающем относительно пролетариата место, подобное фабриканту, если Ворошилов бьет при этом себя в грудь и восклицает: «говорю это смело, ибо чувствую (sic!) под собою твердую почву» («На славном посту», стр. 169), — то вы можете быть спокойны: Ворошилов опять безбожно путает и так же безбожно хвастает. Он «не заметил» в книге Каутского мест, посвященных ростовщичеству как таковому («Agriculture», S. 11, 102—104, особенно 118, 290—292), и ломится изо всех сил в открытую дверь, крича при этом, как водится, о «доктринерском формализме», «нравственной черствости» Каутского, «издевательстве над человеческими страданиями» и пр. Что же касается до исполнения крестьянином функций предпринимателя, то эта удивительно мудреная вещь, по видимому, превосходит меру понимания Ворошилова. В следующем очерке мы попробуем, однако, разъяснить ему ее на самых конкретных примерах.

Если Ворошилов желает доказать, что он настоящий представитель «интересов труда», и громит Каутского за «изгнание из рядов пролетариата множества самого доподлинного рабочего люда» (там же, стр. 167), вроде Lumpenproletariat'a*, прислуги, кустаря и т. п., — то знайте, что Ворошилов путает. Каутский разбирает здесь признаки, выделяющие тот «современный пролетариат», который создал современное «социал-демократическое пролетарское движение» («Agrarfrage», S. 306), и Ворошиловы не сделали еще до сих пор такого открытия, чтобы босяки, кустари или прислуга создали социал-демократическое движение. Упрек же, что Каутский способен «изгонять» прислугу (начинающую теперь в Германии примыкать к движению), кустарей и пр. из рядов пролетариата, — показывает только в полном виде всю беззащитность Ворошиловых, которые тем охотнее проявляют свое дружелюбие к «доподлинному рабочему люду», чем меньше практического значения имеют такие фразы и чем безопаснее разносить *вторую часть* «Аграрного вопроса», непропущенную российской цензурой. Впрочем, по части беззащитности есть и еще перлы: восхваляя г. Н. — она⁶⁷ и Каблукова с полным умолчанием о направленной против них марксистской критике, г. Чернов в то же время с напускной наивностью спрашивает: кого это разумеют немецкие социал-демократы под своими русскими «товарищами»? Не верите, что в «Русском Богатстве» ставятся такие вопросы, так справьтесь с № 7, стр. 166.

Если Ворошилов уверяет, что «предсказания» Энгельса о безрезультатности бельгийского рабочего движения благодаря влиянию прудонизма «потерпели крушение», — то знайте, что Ворошилов опять извращает дело, слишком уверенный в своей, так сказать, «безответственности». Вот его слова: «Недаром Бельгия никогда не была ортодоксально-марксистской, и недаром недовольный ею за это Энгельс предрекал, что бельгийское движение, благодаря влиянию «прудонистских принципов», пойдет «von nichts durch nichts zu nichts»**. Увы! его предсказания потерпели крушение, а широта и всесторонность бельгийского движения сделали его в настоящее время образцом,

* — lumpenпролетариата, босяков. Ред.

** — «от ничего через ничто к ничему». Ред.

по которому многому научаются многие «правоверные» страны» («Р. Б.» № 10, стр. 234). Дело было так: в 1872-ом (семьдесят втором!) году Энгельс полемизировал в социал-демократической газете «Volksstaat»* с немецким прудонистом Мюльбергером и, возражая против преувеличения значения прудонизма, писал: «Единственная страна, в которой рабочее движение находится непосредственно под влиянием прудоновских «принципов», это — Бельгия, и именно поэтому бельгийское рабочее движение и идет, по выражению Гегеля, «от ничего через ничто к ничему»**.

Итак, это *пря́мая неправда*, будто Энгельс что-либо «предрекал» или «предсказывал». Он говорил только *про то, что́ есть*, т. е. про то, что́ было в 1872 году. А это несомненный исторический факт, что *в то время* бельгийское движение топталось на одном месте именно благодаря господству прудонизма, вожаки которого высказывались против коллективизма и отвергали самостоятельную политическую деятельность пролетариата. Только в 1879 году образована была «бельгийская социалистическая партия», и только с этого времени начинается та агитация за всеобщее избирательное право, которая ознаменовала победу марксизма над прудонизмом (признание политической борьбы пролетариата, организованного в самостоятельную классовую партию) и начало выдающихся успехов движения. Современная программа «бельгийской рабочей партии» восприняла (не говоря об отдельных менее важных пунктах) *все* основные идеи марксизма. И вот в 1887 году, в предисловии ко второму изданию своих статей о жилищном вопросе, Энгельс особенно подчеркивает «гигантский прогресс международного рабочего движения за последние 14 лет». Прогресс этот тесно связан — говорит он — с вытеснением прудонизма, который *тогда* господствовал, а *теперь* почти забыт. «В Бельгии — замечает Энгельс — фламандцы оттеснили валлонов от руководства движением, сместили (abgesetzt) прудонизм и сильно подняли движение» (стр. 4 той же брошюры, предисловие)⁶⁰. Не правда ли, как верно изображено дело в «Русском Богатстве»?

* — «Народное Государство»⁵⁸. Ред.

** См. брошюру «Zur Wohnungsfrage». Zürich, 1887 («К жилищному вопросу». Цюрих, 1887 г. Ред.), содержащую в себе перепечатку статей Энгельса против Мюльбергера 1872-го года и его введение, помеченное 10-ым января 1887-го года. Цитированное место на стр. 58.⁶⁰

Если Ворошилов... но довольно! За легальным журналом, который может ежемесячно врать на «ортодоксальный» марксизм, как на мертвого, — нам, разумеется, не угоняться.

V

«ПРОЦВЕТАНИЕ ПЕРЕДОВЫХ СОВРЕМЕННЫХ
МЕЛКИХ ХОЗЯЙСТВ». ПРИМЕР БАДЕНА *

— Детализация, детализация! — восклицал г. Булгаков в журнале «Начало» (№ 1, с. 7 и 13), и этот лозунг повторяется сотни раз и на сотни ладов всеми «критиками».

Хорошо, господа, возьмемся за детализацию.

Когда вы направляли такой лозунг против Каутского, это было совершенно бессмысленно, потому что главная задача научного исследования аграрного вопроса, загроможденного бесконечным количеством бессвязных деталей, состояла именно в создании общей картины всего современного аграрного строя в его развитии. Ваш лозунг прикрывал только вашу научную беспринципность, вашу оппортунистическую боязнь всякого целостного и продуманного мировоззрения. И если бы вы отнеслись к книге Каутского не по-ворошиловски, вы могли бы извлечь из нее массу указаний о том, как следует пользоваться детальными данными, как их надо обрабатывать. А что вы этими детальными данными пользоваться не умеете, это мы докажем сейчас на целом ряде *вами эсе самими выбранных* примеров.

В своей статье «Крестьянские варвары», направленной против Каутского и помещенной в журнале господ Ворошиловых «Sozialistische (??) Monatshefte» (III. Jahrg., 1899, Heft 2), Э. Давид с особенным торжеством сослался на «одну из *основательнейших и интереснейших монографий*» о крестьянском хозяйстве, появившихся в последнее время, именно на Морица Гехта (Hecht): «Drei Dörfer der badischen Hard» (Lpz. 1895)**.

* — Главы V—IX были опубликованы в журнале «Образование» со следующим примечанием автора: «Предлагаемые очерки написаны в 1901 году. Первая часть их издана в прошлом году в Одессе брошюрой (издательством «Буревестник»). Вторая часть их появляется в печати впервые. Каждый очерк представляет из себя более или менее самостоятельное целое. Их общая тема — разбор критики, направленной в русской литературе против марксизма». *Ред.*

** — «Три деревни баденского Гарда». Лейпциг, 1895 г. *Ред.*

ссылку, повторил вслед за Давидом несколько цифр из этого «прекрасного труда» (S. 68, русск. пер. 164) и «настоятельно рекомендовал» (S. 69, русск. пер. 188) ознакомление с ним либо в подлиннике, либо в извлечении Давида. Г-н Чернов в «Русском Богатстве» поспешил пересказать и Давида и Герца, противопоставляя Каутскому нарисованные Гехтом «яркие картины процветания передовых современных мелких хозяйств» (№ 8, 206—209).

Обратимся же к Гехту.

Гехт описывает три баденские деревни, находящиеся в 4—14 километрах от Карлсруэ: Гагсфельд, Бланкенлох и Фредрихсталь. Несмотря на мелкие размеры участков, 1—3 гектара (ha) на хозяина, крестьяне живут очень зажиточно и культурно, собирая с земли чрезвычайно высокие урожаи. Давид (а за ним и Чернов) сравнивает эти урожаи со средними для Германии (в допельцентнерах с 1 ha: картофеля 150—160 и 87,8, ржи и пшеницы 20—23 и 10—13, сена 50—60 и 28,6) и восклицает: каково? Вот вам «отсталые мелкие крестьяне»! Во-первых, ответим мы, поскольку здесь не дано никакого сравнения мелкого и крупного хозяйств, находящихся в равных условиях, смешно считать это доводом против Каутского. Еще более смешно, когда тот самый г. Чернов, который на стр. 229 № 8 «Русского Богатства» утверждает, что в «рудиментарном воззрении Каутского» (относительно агрономической эксплуатации деревни городом) «темные стороны капитализма даже преувеличиваются», — приводит на стр. 209 *против* Каутского как раз такой пример, где это капиталистическое препятствие прогрессу земледелия *устранено* в силу подгородного расположения выбранных им деревень. В то время, как громадное большинство сельского населения теряет массу естественных удобрений от порождаемого капитализмом обезлюдения деревни и концентрации населения в городах, — ничтожное меньшинство подгородных крестьян извлекает из своего положения особые выгоды и обогащается на счет обездоления массы. Неудивительно, что урожаи в описываемых деревнях так высоки, когда они приобретают на 41 000 марок в год навоза из военных конюшен трех соседних городов с гарнизонами (Карлсруэ, Брукзаль и Дурлах) и навозной жижи из городских ассенизационных учреждений (Necht, S. 65); искусственные удобрения прикупаются только на

7000 марок*. Опровергать техническое превосходство крупного хозяйства примером мелких хозяйств, поставленных в подобные условия, значит только доказывать свое бессилие. Во-вторых, насколько в действительности имеем мы в этом примере «настоящих мелких крестьян», *echte und rechte Kleinbauern*, как говорит Давид и повторяет за ним Герц и Чернов? Ссылаются они при этом *только* на размеры землевладения, обнаруживая как раз неумение пользоваться детальными данными. Для подгородного крестьянина, как всякому известно, десятина земли значит то же, что десять десятин для крестьянина в захолустье, да и *тип* хозяйства от соседства города радикально меняется. Напр., цена земли в самой малоземельной и самой богатой из этих подстоличных деревень, в Фридрихстале, равна 9—10 тыс. марок, *впятеро* больше средней баденской цены (1938 марок) и *раз в двадцать* больше цены земли в отдаленных местностях Восточной Пруссии. Следовательно, по размеру производства (единственно точному показателю размеров хозяйства) это вовсе не «мелкие» крестьяне. Что же касается *типа* их хозяйства, то мы видим здесь замечательно высокую степень развития *денежного* хозяйства и *специализации* земледелия, особенно подчеркиваемой Гехтом. Сеют табак (45% площади в Фридрихстале), высокосортный картофель (идущий отчасти на семена, отчасти к столу «знатных господ» — Неехт, 17 — в Карлсруэ), продают в столице молоко и масло, поросят и свиней, сами покупают себе и хлеб и сено. Земледельце вполне приняло здесь торговый характер, и подстоличный крестьянин — чистейшего типа *мелкий буржуа*, так что если бы г. Чернов действительно ознакомился с теми детальными данными, на которые он с чужих слов ссылается, то он, может быть, приблизился бы несколько к пониманию такой мудреной для него

* Кстати, г. Чернов уверяет читателей «Русского Богатства», что в этих селах «сколько-нибудь заметной дифференциации» в размерах землевладения не существует. Но если бы требование детализации не было в его устах пустой фразой, то он не мог бы забыть, что для этих подгородных крестьян количество земли имеет гораздо меньше значения, чем количество удобрения. А в этом отношении дифференциация очень заметна. Всего выше урожай и всего богаче крестьяне в деревне Фридрихсталь, хотя она самая малоземельная; по ней 48 000 марок расхода на удобрение падает на ее долю 28 000 марок, что при 258 гект. земли дает 108 марок на 1 гектар. Гасфельд расходует только по 30 марок на гектар (12 000 : 397 гектаров), а Вдашкенлох всего по 11 (8 000 : 736 гектаров).

категории, как «мелкобуржуазность» (ср. № 7 «Русского Богатства», с. 163) крестьянина. Прекурьезно, что Герц и г. Чернов, объявляя себя неспособными понять, как это крестьянин исполняет функции предпринимателя, как это он в состоянии фигурировать то как рабочий, то как предприниматель, ссылаются на детальное исследование, автор которого прямо говорит: «Крестьянин XVIII-го века с его 8—10 гектарами земли был крестьянином» (*был крестьянином*, г. Чернов!) «и физическим работником; карликовый крестьянин XIX-го века с его 1—2 гектарами есть умственный работник, предприниматель, торговец» (Necht, S. 69, ср. стр. 12: «сельский хозяин сделался купцом и предпринимателем». Курсив Гехта). Ну, разве не по-вороплозски «разносили» Каутского Герц и г. Чернов за смешение крестьянина с предпринимателем?

Самым рельефным признаком «предпринимательства» является употребление наемного труда. И в высшей степени характерно, что ни один из тех quasi-социалистов, которые ссылались на работу Гехта, *не проронил ни словечка* об этом факте. Сам Гехт — типичнейший Kleinbürger* благонамереннейшего направления, восторгающийся религиозностью крестьян и «отеческой попечительностью» о них великогерцогского начальства, вообще, и такой «важной» мерой, как устройство кулинарных курсов, в частности, — старается, естественно, замаять эти факты, доказать, что никакой «социальной пропасти» ни между богатыми и бедными, ни между крестьянином и батраком, ни между крестьянином и фабричным рабочим не существует. «Сословия сельскохозяйственных *поденщиков* не существует, — пипет Гехт. — Большинство крестьян в состоянии сами при помощи семьи обрабатывать свой участок; лишь немногие в этих трех деревнях испытывают цужду в чужих рабочих силах во время жатвы или для молотбы; такие семьи «зовут на помощь» («bitten»), по местному выражению, известных мужчин или женщин (которые и не думают называть себя «поденщиками») (31). Что из всего числа хозяев в трех деревнях лишь немногие нанимают поденщиков, это неудивительно, ибо очень многие «хозяева» представляют из себя, как увидим, фабричных рабочих. А какая доля чистых земледельцев

* — мелкий буржуа. Ред.

в частности прибегает к найму, Гехт не сообщает, предпочитая свою кандидатскую (докторскую, по-немецки) диссертацию, посвященную только трем деревням (из одной из этих деревень Гехт и сам родом), наполнять не точными статистическими данными о разных разрядах крестьян, а рассуждениями о высококонравственном значении прилежания и бережливости. (Несмотря на это, а, может быть, именно благодаря этому, Герц и Давид так превозносят труд Гехта.) Мы узнаем только, что заработная плата поденщикам всего ниже в самой богатой и чисто земледельческой деревне — Фридрихстале, которая всего дальше отстоит от Карлсруэ (в 14 килом.). В Фридрихстале поденщик получает в день 2 марки на своем содержании, в Гагсфельде (4 килом. от Карлсруэ, населенном фабричными рабочими) — 3 марки. Таково одно из условий «процветания» столь восхищающих критиков «настоящих мелких крестьян». «Между господами и *прислугой* (Gesinde = и прислуга и батраки), — сообщает нам Гехт, — существуют еще совершенно патрархальные отношения в этих трех деревнях. «Господин», т. е. крестьянин с 3—4 гектарами, «тыкает» батрака и батрачку, называет их просто по имени, а они называют крестьянина «дядей» (Vetter), а крестьянку «теткой» (Base) и говорят им «вы»... Батраки едят вместе с семьей и считаются как бы ее членами» (S. 93). О значении наемного труда в табаководстве, которое так широко развито в этом районе и которое требует особенно много рабочих рук, «основательнейший» Гехт хранит молчание, но так как он все-таки сказал хоть пару слов о наемном труде, то даже и этого благонамеренного буржуйчика приходится поставить выше по уменью «детализировать» исследование, чем Ворошиловых «критического» социализма.

В-третьих. На исследование Гехта ссылались в опровержение факта чрезмерной работы и недоедания в крестьянстве. И тут, однако, оказывается, что критики предпочли *умолчать* о фактах этого рода, *отмеченных* у Гехта. Им пришлось на помощь то понятие «среднего» крестьянина, посредством которого так распространено прикрашивание «крестьянства» и у русских народников и у западноевропейских буржуазных экономистов. «Вообще» крестьянство этих трех деревень очень зажиточно, но даже из самой неосновательной монографии Гехта ясно видно,

что в этом отношении обязательно различать три крупные группы. Около четверти (или 30%) хозяев (большинство в Фридрихстале и немногие из Бланкенлоха) — зажиточные мелкие буржуа, разбогатевшие благодаря близости столицы, ведущие доходное молочное хозяйство (продают 10—20 литров молока в день) и табаководство (один пример: валовая выручка 1 825 марок с 1,05 гектара под табаком), откармливающие свиней на продажу (в Фридрихстале 1 140 жителей, свиней держат 497, в Бланкенлохе на 1 684 жителей — 445, в Гагсфельде на 1 273 — 220) и т. п. Среди этого меньшинства (к которому, в сущности, единственно и применимы целиком восхищающие критиков признаки «процветания») употребление наемного труда несомненно встречается довольно часто. В следующей группе, к которой принадлежит большинство хозяев из Бланкенлоха, благосостояние уже значительно ниже; удобрения употребляется меньше, урожаи менее высоки, скота меньше (в Фридрихстале всего скота, в переводе на крупный, 599 штук на 258 га, в Бланкенлохе — 842 на 736 га, в Гагсфельде — 324 на 397 га), «чистые комнаты» в домах реже, мясо едят уже далеко не каждый день, наблюдается у многих семей такое (знакомое очень нам, русским) явление, что они из нужды в деньгах продают осенью хлеб, а весной опять покупают*. Центр тяжести передвигается постоянно для этой группы от земледелия к промышленности, и уже 103 бланкенлохских крестьянина работают в Карлсруэ, как фабричные рабочие. Эти последние вместе со всем почти населением Гагсфельда образуют третью группу (40—50 проц. всего числа дворов). Земледелие здесь уже подсобное занятие, которому посвящают свое время главным образом женщины. Уровень жизни хотя и выше, чем в Бланкенлохе (благодаря влиянию столицы), но нужда уже сильно дает себя знать. Молоко продают, а себе уже покупают отчасти «более дешевый маргарин» (24). Увеличивается быстро число коз: с 9 в 1855 г. до 93 в 1893 г. «Это увеличение, — пишет Гехт, —

* Между прочим хозяйственную отсталость Бланкенлоха Гехт объясняет преобладанием натурального хозяйства и существованием общины, благодаря которой кусочек земли (36 аров — *Almendgut*) обеспечен, по достижении 32 лет, каждому, «заявив ли он или прилежен, делает ли сбережения или нет» (S. 30). Но Гехт все же против раздела общинных земель: это, говорит, своего рода учреждение общественного призрения (*Altersversorgung*) для престарелых фабричных рабочих, число которых растет в Бланкенлохе.

может быть объяснено только исчезновением собственно крестьянских хозяйств и разложением (Auflösung) крестьянского сословия в сословие сельских фабричных рабочих с сильно парцелированным землевладением» (27). В скобках будь сказано, и во всей Германии число коз с 1882 по 1895 г. возросло в громадных размерах: с 2,4 млн. до 3,1 млн., что ясно указывает на обратную сторону того прогресса «крепкого крестьянства», который так воспевают гг. Булгаковы и мелкобуржуазные социалисты-«критики». Большинство рабочих пешком ходит за 3½ килом. на фабрику в город, боясь перерасходовать даже и марку (48 коп.) в неделю на железнодорожный билет. Около 150 рабочих из 300 гагсфельдцев находят даже дорогим для себя обед в «народной столовой» за 40—50 пфеннигов и получают обед из дому. «Бедные женщины, — сообщает Гехт, — ровно в 11 часов кладут обед в судки и относят на фабрику» (79). Что касается работниц, то они заняты на фабрике тоже по 10 часов и получают за это всего 1,10—1,50 марки (мужчины — 2,50—2,70 марки) и при поштучной плате 1,70—2 марки. «Некоторые работницы стараются повысить свою скудную плату посредством подсобных занятий; в Бланкенлохе 4 девушки работают в Карлсруэ на бумажной фабрике и берут бумагу на дом, чтобы по вечерам изготавливать из нее бумажные воронки; в вечер с 8 до 11 часов (sic!) делают до 300 мешков, получая за это 45—50 пфеннигов, — добавка к малому дневному заработку, служащая для покрытия расходов на поездки по железной дороге. В Гагсфельде некоторые женщины, которые девушками работали на фабриках, имеют маленький подсобный заработок, полируя в зимние вечера серебряные товары» (36). «Гагсфельдский рабочий, — умиляется Гехт, — имеет свою оседлость не в силу имперского закона, а благодаря своей собственной энергии, имеет домик, который он не должен делить с чужими людьми, имеет маленький кусочек земли; но что гораздо важнее, чем это действительное владение, это — сознание, что все это приобретено собственным прилежанием. Гагсфельдский рабочий — и фабричный рабочий и крестьянин в одно и то же время. У кого нет земли, тот арендует хоть несколько парцелл, чтобы увеличить свой доход посредством *утилизации свободных часов*. Если летом работа начинается на фабрике «только» («только»!) в 7 часов,

рабочий встает в 4, чтобы окопать на своем поле картофель или принести корму скоту. Или если вечером он приходит домой в 7 часов, то что же ему делать, особенно летом? Вот он и поработает еще час-полтора на своем поле: ему ведь не нужна высокая рента с земли, — он хочет только вполне (sic!) использовать свою рабочую силу»... И много еще таких елейностей говорит Гехт, заканчивающий свою книгу словами: «Карликовый крестьянин и фабричный рабочий — оба (sic!) поднялись до среднего сословия, и это не благодаря искусственным, принудительным мерам, а благодаря собственному прилежанию, собственной энергии, выработке в себе высшей нравственности»*.

«Три деревни баденского Гарда представляют теперь из себя *одно великое, широкое среднее сословие*» (курсив Гехта).

Что Гехт так пишет, это неудивительно, ибо он — самый дюжинный буржуазный апологет. Но какого имени заслуживают те люди, которые морочат других; называя себя социалистами, и которые прикрашивают действительность еще усерднее всякого Гехта, выдавая процветание буржуазного меньшинства за общий прогресс и замазывая пролетаризацию большинства посредством старого жупела: «соединение земледелия с индустрией»?

VI

ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТЬ МЕЛКОГО И КРУПНОГО ХОЗЯЙСТВ. ПРИМЕР ИЗ ВОСТОЧНОЙ ПРУССИИ

Перенесемся, для разнообразия, из далекой южной Германии поближе к России, в Восточную Пруссию. Мы имеем здесь одно в высшей степени поучительное *детальное* исследование, которым совершенно не сумел воспользоваться

* Гехт еще очень и очень много говорит об этой «высшей нравственности», восторгаясь не хуже г. Булганова «стрезвой брачной политикой», «железным прилежанием», «бережливостью» и «умеренностью», приводя даже известную крестьянскую поговорку: «Man sieht nicht auf die Gaschen (d. h. Mund), sondern auf die Groschen», в вольном русском переводе: «не так норовим, чтобы в рот, как чтобы в карман». Предлагаем читателю сопоставить эту поговорку с «ученым» киевского профессора г. Булганова, что крестьянское хозяйство (как не нуждающееся ни в ренте, ни в прибыли) — есть «самая выгодная для общества (sic!) организуемая земледелия» (Вулг., I, 154).

требовавший детализации г. Булгаков. «Сравнение данных о действительной производительности крупного и мелкого хозяйств, — пишет г. Булгаков, — не может решить вопроса об их технических преимуществах; потому что сравниваемые хозяйства могут находиться при разных экономических условиях. Самое большое, что могут дать такие данные, это фактическое подтверждение того отрицательного вывода, что крупное производство не имеет технических преимуществ пред мелким не только в теории, но при известных условиях и в действительности. Таких сравнений делалось в экономической литературе не мало, во всяком случае достаточно для того, чтобы подорвать в непредубежденном и свободном от предрассудков читателе веру в преимущество крупного производства вообще» (I; 57—58). И в примечании приводятся два примера. Первый — та самая работа Аугагена, — сравнивавшего всего два хозяйства в 4,6 и 26,5 ha в Ганновере, — которую цитировал и Каутский в «Agrarfrage» (S. 111) и Герц (S. 69, р. п. 166). Мелкое хозяйство в этом случае показывает более высокие урожаи, и Аугаген определил в нем высшую доходность против крупного, но Каутский показал уже, что эта высшая доходность проистекает из *недопотребления*. Герц пробовал опровергнуть это, но с обычным своим успехом, и так как Герц теперь переведен на русский язык, а ответ Каутского Герцу неизвестен в России, то мы укажем в двух словах на содержание этого ответа (в цитированной выше статье в «Neue Zeit»). Герц, по обыкновению, извратил довод Каутского, ссылавшегося будто бы только на содержание крупным хозяином сына в гимназии. На деле же Каутский только иллюстрировал этим уровень жизни, и если бы Герц привел *весь бюджет* сравниваемых семей (обе состоят из 5 человек), то получил бы цифры: для мелкого — 1 158,40 марки, для крупного — 2 739,25. При *одинаковом* уровне жизни с крупным хозяйством мелкое оказалось бы *менее* доходным; по расчету Аугагена, доход мелкого = 1 806 маркам, т. е. 5,45% на капитал (33 651 марку), а крупного — 2 720 марок — 1,82% на капитал (149 559 марок). Вычтите недопотребляемое мелким, и его доход окажется равным 258 маркам — 0,80%! И это при количестве труда непропорционально высоком: в мелком 3 работника на 4,6 гектара, т. е. по одному работнику на 1,5 гект., в крупном — 11 (ср. Герц, S. 75,

русск. пер. 179) на 26,5 г., т. е. по 1 работнику на 2,4 гектара. Мы уже не говорим о том справедливо осмеянном Каутским обстоятельстве, что якобы социалист Герц сравнивает труд детей современного крестьянина со сбором колосьев Руфью!⁶¹ Что касается г. Булгакова, то он ограничился только сообщением данных об урожайности и не заикнулся об уровне жизни мелкого и крупного хозяев.

«Другой пример, — продолжает наш сторонник детализации, — находим в новейшем исследовании *Karl Klawki*: «Ueber Konkurrenzfähigkeit des landwirtschaftlichen Kleinbetriebs» (в «Thiel's Landwirtschaftliche Jahrbücher», 1899, Heft 3—4)*. Его сравнение относится к Восточной Пруссии. Автор сравнивает по 4 хозяйства — крупных, средних и мелких размеров. Особенностью его сравнения является то, что, во-первых, доходы и расходы выражены в деньгах, а затем, что автор переводит на деньги и ставит в расход стоимость рабочей силы в мелком хозяйстве, где она не покупается; для нашей цели такой прием едва ли правилен» (sic! Г-н Булгаков забывает добавить, что Klawki переводит на деньги стоимость труда во всех хозяйствах, оценивая труд мелкого заранее дешевле!); «тем не менее мы имеем... Следует таблица, из которой мы теперь приведем лишь вывод: средняя чистая прибыль с 1 моргена (=1/4 гектара) в крупном хозяйстве — 10 марок, в среднем — 18, в мелком — 12. «Наибольшей доходностью, — заключает г. Булгаков, — отличается здесь среднее хозяйство, за ним следует мелкое и за ним крупное, которое оказывается таким образом позади всех».

Мы нарочно выписали целиком все, что говорит г. Булгаков о сравнении крупных и мелких хозяйств. Теперь рассмотрим, что доказывает интересная работа Klawki, описывающая 12 типичных и в одинаковых условиях стоящих хозяйств на протяжении целых 120 страниц. Приведем сначала общие данные о хозяйствах, причем ограничимся, для экономии места и наглядности выводов, средними данными о крупном, среднем и мелком хозяйствах (средний размер = 358; 50 и 5 гектаров).

* Карл Клавки: «О конкурентоспособности сельскохозяйственного мелкого производства» (в «Сельскохозяйственных Ежегодниках Тилля», 1899 г., выпуск 3—4). Ред.

Хозяйства	Приходится на 1 морген (1/4 гектара) в марках:											Расход на про-дукт. ценой в 100 марок*		На 100 моргенов		
	Всего дохода			Дохода от продажи продуктов			Потребления в собств. хов. продукт.			Всего						
	От земледелия	От скотоводства	Всего	Земледелия	Скотоводства	Всего	Земледелия	Скотоводства	Всего	Дохода	Расхода	Чист. прибыли	Марок		Наемных рабочих дней	Всего рабочих дней
													а	б		
Крупное.....	17	16	33	11	14	25	6	2	8	33	23	10	65	70	887	887
Среднее.....	18	27	45	12	17	29	6	10	16	45	27	18	35	60	744	924
Мелкое.....	23	41	64	9	27	36	14	14	28	64	52	12	8	80	—	—

Как будто бы *все* выводы г. Булгакова всецело подтверждаются работой Klawki: с уменьшением размеров хозяйства увеличивается и валовой доход и даже доход от продажи по расчету на один морген! Мы думаем, что при тех приемах, которые употребляет Klawki, — а эти приемы весьма распространенные и в основных своих чертах общие всем буржуазным и мелкобуржуазным экономистам; — во всех или почти во всех случаях получится превосходство мелкого земледелия. Поэтому *вся суть вопроса*, совершенно не замечаемая Ворошиловыми, состоит в разборе этих приемов, и повтому-то частичное исследование Klawki представляет громадный общий интерес.

Начнем с урожаяев. Оказывается, урожай громадного большинства злаков правильно и очень значительно *понижаются* от крупных хозяйств к мелким. Собирается (в центнерах с моргена) пшеницы: 8,7—7,3—6,4; ржи: 9,9—8,7—7,7; ячменя: 9,4—7,1—6,5; овса: 8,5—8,7—8,0; гороха: 8,0—7,7—9,2**; картофеля: 63—55—42; кормовой свеклы: 190—156—117. Только льну, которого крупные хозяйства не сеют вовсе, мелкие хозяйства (3 из 4-х) собирают больше, чем средние (2 из 4-х), именно 6,2 «Stein» (=18½ фунтов) против 5,5.

* а — если не переводить на деньги стоимость рабочей силы хозяина и его семьи; б — если переводить.

** Сеется только в двух хозяйствах из 4-х; в крупном и среднем — по три хозяйства из 4-х сеют горох.

От чего же зависит более высокая урожайность в крупных хозяйствах? Klawki придает решающее значение четырем следующим причинам: 1) дренажа почти не существует у мелких хозяев, а когда он имеется, то трубы кладут хозяева сами и кладут плохо; 2) мелкие хозяева пахут недостаточно глубоко — слабы лошади; 3) рогатый скот у мелких хозяев имеет большей частью недостаточно корма; 4) производство навоза у мелких хозяев хуже: солома у их хлебов короче, большая часть соломы идет на корм скоту (значит, опять-таки, ухудшение качества корма), и на подстилку скоту употребляется меньше соломы.

Итак; скот у мелких хозяев слабее, хуже качеством и хуже содержится. Это обстоятельство объясняет нам то странное и больше всего бросающееся в глаза явление, что при более высокой урожайности в крупных хозяйствах доход от земледелия оказывается в них, по расчету Klawki, меньше на 1 морген, чем в средних и мелких. Дело в том, что Klawki *исключает корм скота*, не считая его ни в доходах, ни в расходах. Таким образом искусственно и фальшиво приравнено то, что на самом деле создает существенную разницу между крупными и мелкими хозяйствами и разницу не в пользу последних. Крупное хозяйство оказывается; при таком способе вычисления, менее доходным *потому*, что оно большую долю сельскохозяйственной площади занимает производством корма для скота (хотя на единицу площади оно держит гораздо меньше скота, чем мелкое), тогда как мелкое хозяйство «обходится» соломой в виде корма. «Преимущество» мелкого земледелия состоит, следовательно, в том, что оно *лишнее обращается* и с землей (хуже удобрение), и со *скотом* (хуже корм). Разумеется само собой, что подобное сравнение доходности различных хозяйств лишено всякого научного значения*.

* Следует отметить, что подобное фальшивое приравнение заведомо неравных величин в мелком и крупном хозяйствах имеет место не только в отдельных монографиях, но и в массовых данных современной аграрной статистики. И французская, и немецкая статистика оперирует с «средним живым весом, с «средней» ценой штуки скота во всех и всяческих хозяйствах. Немецкая статистика определяет даже по этому приему общую стоимость всего количества скота в разных группах хозяев (по величине площадей), причем однако же делается оговорка, что предположение одинаковой ценности штуки скота в разных группах хозяйств «не соответствует действительности» (S. 35).

Далее, из числа причин высшей урожайности земли в крупных хозяйствах надо указать то, что они чаще (и, по-видимому; даже почти исключительно) применяют мергелевание почвы, больше употребляют искусственных удобрений (расход на 1 морген 0,81 марки — 0,38—0,43) и Kraftfuttermittel* (в крупных — 2 марки на морген, в остальных — ноль). «Наши крестьянские хозяйства; — говорит Klawki, относящийся к крупнокрестьянским и средние хозяйства, — не расходуют ничего на Kraftfuttermittel. Они туго поддаются прогрессу и особенно скупаются на расходы чистыми деньгами» (461). Крупные хозяйства стоят выше и по системе полеводства: улучшенный плодородия мы видим во всех 4-х крупных хозяйствах, в 3-х средних (в 1-м — старое трехполье) и только в одном мелком (в 3-х — трехполье). Наконец, и машин крупные хозяйства имеют гораздо больше. Правда, сам Klawki держится того мнения, что машины особенно большого значения не имеют. Но мы не ограничимся его «мнением», а возьмем выборки из данных. Машины следующих восьми родов — паровые молотилки; конные молотилки, зерноочистительные машины, триеры, рядовые сеялки; машины для разбрасывания навоза, конные грабли и крутые катки — распределяются между описываемыми хозяйствами так: у 4-х крупных — 29 (в том числе 1 паровая — молотилка), у 4-х средних — 11 (ни одной паровой), у 4-х мелких — 1 машина (конная молотилка). Конечно, никакое «мнение» никакого поклонника крестьянского хозяйства не может нас заставить думать, что зерноочистительные машины, рядовые сеялки, катки и пр. могут не оказывать влияния на урожайность. Кстати, мы имеем здесь данные о числе машин, находящихся во владении таких-то хозяев, в отличие от массовых данных германской статистики, регистрировавшей только случаи употребления машин, — и своих, и чужих безразлично. Очевидно, что такая регистрация тоже уменьшает преобладание крупного хозяйства и затушевывает следующие, описываемые Klawki; формы «позаимствования» машин: «Крупный хозяин охотно ссужает мелкому свой каток, свои конные грабли и зерноочистительную машину, если последний обещает ему за это поставить косца в горячее время» (443). Следовательно,

* — концентрированные норма. Ред.

известное число — и без того, как мы показали, крайне редких — случаев употребления машин в мелком хозяйстве представляет из себя превращенную форму приобретения рабочей силы.

Пойдем далее. Другой случай фальшивого приравнивания заведомо неравных величин представляет прием Кlawкі считать цену продукта при продаже одинаковой во всех разрядах хозяйств. Вместо действительных случаев продажи автор берет в основание своих расчетов предположение, на неверность которого он сам указывает. Крестьяне сбывают хлеб большей частью на месте, и торговцы в маленьких городах сильно понпжают цены. «Крупные имения лучше поставлены в этом отношении, так как они могут сразу отправлять крупные партии в главный город провинции. Они получают при этом обыкновенно 20—30 процентов на центнер больше, чем при продаже в маленьких городах» (373). Крупные хозяева лучше умеют оценивать свой хлеб (451) и продают его по весу; а не мерами, как продают крестьяне к невыгоде для себя. Точно так же по весу продают крупные хозяева и скот, тогда как у крестьян покупают просто на основании внешнего осмотра. Сбыт молочных продуктов тоже поставлен у крупных хозяев лучше, ибо они могут отправлять молоко в город и получать высшие цены, чем средние хозяева, которые переделывают молоко в масло и сбывают торговцам. В свою очередь у средних — масло лучше; чем у мелких (применение сепараторов, ежедневное изготовление и т. п.), которым и платят на 5—10 пфеннигов меньше за фунт. Откармливаемый на продажу скот мелкие хозяева должны продавать раньше (менее зрелым); чем средние, ибо у них нехватает корма (444). Все эти — в общей сложности очень и очень немаловажные — преимущества крупного хозяйства, как продавца на рынке; Кlawкі сбрасывает со счета в своей монографии, — подобно тому; как поклонники мелкого хозяйства из числа теоретиков отбрасывают этот *факт*, ссылаясь на *возможность* помочь делу кооперацией. Мы не желаем смешивать действительность капитализма с возможностями мещански-кооперативного парадиза: ниже мы приведем *факты* о том, кому достаются в действительности наибольшие выгоды от кооперации.

Отметим, что Кlawкі «не считает» в мелком и среднем хозяйствах труда самих хозяев по дренированию почвы,

по ремонту всякого рода («крестьяне сами работают») и т. п. Это «преимущество» мелкого хозяина социалист называет *Ueberarbeit*; чрезмерным трудом; перерабатыванием; а буржуазный экономист — одной из выгодных («для общества!») сторон крестьянского хозяйства. Отметим; что в средних хозяйствах, по указанию Кlawki; наемные рабочие получают лучшую плату и харчи, чем в крупных; но и работают интенсивнее: «пример» хозяина побуждает к «большему прилежанию и тщательности» (465). Кто же из этих двух капиталистических хозяев, помещик или «свой брат» крестьянин выжимает из рабочего больше труда за данную плату; — Кlawki не пытается определить. Мы ограничимся поэтому указанием на то, что расход на страхование рабочих от увечий и на случай старости составляет для крупного хозяина 0,29 марки на морген; для среднего — 0,13 марки (мелкий земледелец и здесь пользуется тем преимуществом, что вовсе себя не страхует; — разумеется, к немалой «выгоде общества» капиталистов и помещиков), — и затем еще ссылкой на пример русского земледельческого капитализма. Читатель, знакомый с книгой Шаховского «Отхожие земледельческие промыслы»; помнит; может быть; такое характерное наблюдение: мужики-хуторяне и немцы-колонисты (на юге) отбирают себе рабочих «на выбор», платят им на 15—20% дороже; чем крупные наниматели; и выжимают из них на 50% больше работы. Это сообщал г. Шаховской в 1896 г.; а в нынешнем году мы читаем, напр.; в «Торгово-Промышленной Газете» такое сообщение из Каховки: «...Крестьяне и хуторяне; по обычаю, платили дороже (чем экономии платили наемным рабочим), так как требуют лучших рабочих и более выносливых» (№ 109, 1901 года, от 16 мая). Вряд ли есть основания думать, что подобное явление свойственно одной только России.

В приведенной выше таблице читатель заметил два приема расчета: включая и не включая денежную оценку рабочей силы хозяина. Г-н Булгаков считает прием включения оценки «едва ли правильным». Разумеется, точный бюджет натуральных и денежных расходов и хозяев и батраков был бы гораздо правильнее, но раз таких данных нет, то приходится неизбежно определять денежные расходы семьи *приблизительно*. И вот чрезвычайно интересно, как Кlawki делает этот *приблизительный* расчет.

Крупные хозяева сами, конечно; не работают: они имеют даже особых управляющих, исполняющих за плату весь труд по руководству и надзору (из четырех имений три с управляющими, одно — без управляющего; это последнее имение в 125 ha Klawki считал бы более правильным называть крупнокрестьянским имением). Хозяевам двух крупных имений Klawki «кладет» по 2 000 марок в год «за труды» (состоящие, напр., в имении первом в том, что хозяин приезжает из своего главного имения раз в месяц на несколько дней, чтобы присмотреть за управляющим). Владельцу 125 ha (у первого 513 ha) он уже «кладет» только 1 900 марок за работу самого хозяина и трех его сыновей. Разве не «естественно», что при меньшем количестве земли должен «обходиться» меньшим бюджетом? Средним хозяевам Klawki кладет уже 1 200—1 716 марок за всю работу мужа и жены, а в трех случаях также и детей. Мелким хозяевам — по 800—1 000 марок за работу 4—5 (sic!) человек, т. е. немногим больше (если больше), чем получает батрак, инстан, зарабатывающий с семьей всего на 800—900 марок. Итак, здесь уже делается еще крупный шаг вперед: сначала приравнивалось заведомо неравное, теперь объявляется, что уровень жизни *должен* понижаться от крупного хозяйства к мелкому. Ведь это значит заранее признать тот факт принижения капитализмом мелкого крестьянина, который якобы опровергается выкладками о размерах «чистой прибыли»!

И если денежный доход понижается с уменьшением размеров хозяйства по *предположению* автора; то сокращение потребления доказывается прямыми данными. Количество потребляемых в хозяйстве продуктов земледелия составляет на одного человека (считая двоих детей за одного взрослого): у крупного хозяина — 227 марок (среднее из двух цифр), у среднего — 218 марок (среднее из четырех цифр); у мелкого — 135 (sic!) марок (среднее из 4-х цифр). И притом, чем крупнее хозяйство, тем больше прикупается предметов питания (S. 453). Klawki и сам заметил, что тут приходится поставить вопрос о той *Unterkonsumption* (недопотребление); которое г. Булгаков отрицал и о котором он здесь предпочел *умолчать*, оказываясь еще большим апологетом; чем Klawki. А Klawki старается ослабить этот факт. «Имеет ли место известное недопотребление у мелких хозяев, — говорит он; — этого мы не можем

утверждать, но считаем это вероятным по отношению к мелкому хозяйству IV» (97 марок на душу). «Факт тот, что мелкие крестьяне живут очень бережливо (!) и продают многое такое, что они сберегают у себя; так сказать, ото рта» (*sich zuzusagen vom Munde absparen*)*. Делается попытка доказать, что высшей «производительности» мелкого хозяйства этот факт не устраняет: если поднять потребление до 170 марок — сумма вполне достаточная (для «меньшего брата», но не для капиталиста-земледельца; как мы видим), — то получим, что на 1 морген надо бы увеличить потребление и уменьшить доход от продажи на 6—7 марок. За вычетом их получим (см. выше табличку) 29—30 марок, т. е. все же выше, чем в крупном хозяйстве (S. 453). Но если мы поднимем потребление не до этой на-глаз взятой цифры (и притом взятой пониже; ибо «ён достанет»), а до 218 марок (= действительность в среднем хозяйстве), то увидим, что доход от продажи продуктов упадет в мелком хозяйстве до 20 марок на морген против 29 при среднем и 25 при крупном хозяйстве. То есть: исправление одной этой (из многочисленных указанных выше) неправильности в сопоставлениях Кlawki разрушает уже всякое «преимущество» мелкого крестьянина.

Но в изысканиях преимуществ Кlawki неистощим. Мелкие крестьяне «соединяют земледелие с промыслами»: трое мелких крестьян (из 4-х) «прилежно ходят на поденщину, получая, кроме платы, и харчи» (435). Но особенно велики преимущества мелкого земледелия во время кризиса (как русским читателям давно уже известно из многочисленных народнических упражнений на эту тему, подогреваемых теперь гг. Черновыми): «Во время сельскохозяйственного кризиса, да также и в другое время, именно мелкое хозяйство будет обладать наибольшей прочностью, будет в состоянии сбывать сравнительно больше продуктов, чем

* Интересно, напр., что доход от продажи молока и масла в крупном хозяйстве равняется 7 маркам на морген, в среднем — 3, в мелком — 7. Дело в том, что мелкие крестьяне в своем хозяйстве «очень мало употребляют масла и цельного молока... а мелкое хозяйство IV (расход производимых в хозяйстве продуктов на потребление равен лишь 97 маркам на человека) и вовсе не употребляет» (450). Пусть читатель сопоставит с этим (впрочем, всем, кроме «критиков», давно известным) фактом великоленные рассуждения Герца (S. 113, русск. пер. 270): «Да разве крестьянин ничего не получает за молоко?» «Не крестьянин ли ест свинью?» (откармливаемую молоком). Эти нарекания надо почаще напоминать, как непревзойденный образец самого вульгарного приращивания выщеты.

другие разряды хозяйств, посредством крайнего сокращения домашних расходов, каковое сокращение должно, правда, вести к некоторому недопотреблению» (481 — последние выводы Klawki, ср. S. 464). «Многие мелкие хозяйства принуждаются, к сожалению, к этому высоким размером процентов по долгам. Но таким образом — хотя и с большим трудом — они получают возможность держаться и перебиваться. Вероятно; именно сильным сокращением потребления объясняется, главным образом, то увеличение мелкокрестьянских хозяйств в нашей местности, которое констатирует имперская статистика». И Klawki приводит данные о кенигсбергском регирунгсбецирке*, в котором с 1882 по 1895 г. число хозяйств до 2 ha возросло с 56 до 79 тыс., в 2—5 ha — с 12 до 14 тыс., в 5—20 ha с 16 до 19 тыс. Это — та самая Восточная Пруссия, в которой гг. Булгаковы усматривают «вытеснение» крупного производства мелким. И подобные господа, которые так по-суздальски толкуют цифры голой статистики площадей, кричат еще о «детализации»! Вполне естественно, что Klawki считает «важнейшей задачей современной аграрной политики для разрешения вопроса о сельских рабочих на востоке — поощрить наиболее дельных рабочих к оседлости посредством доставления им возможности если не в первом, то хотя бы во втором (sic!) поколении приобрести кусочек земли в собственность» (476). Не беда, что инстансы, которые покупают себе кусочек земли из своих сбережений, «оказываются большей частью в худшем положении в денежном отношении; они это и сами знают, но их приманивает более свободное положение», — и вся задача буржуазной экономии (а в настоящее время, повидимому, также и «критиков») поддерживать в самой отсталой части пролетариата эти иллюзии.

Таким образом исследование Klawki по всем пунктам опровергает ссылавшегося на него г. Булгакова. Оно доказывает техническое превосходство крупного хозяйства в земледелии, чрезмерный труд и недоедание мелкого крестьянства, превращение его в батрака и поденщика для помещика, доказывает связь роста числа мелких крестьянских хозяйств с ростом нужды и пролетаризации. Два вывода из этого исследования имеют особенно важное

* — административном округе. Ред.

принципиальное значение. Во-первых, мы видим наглядно препятствия к введению машин в земледелие: это — бесконечное принижение мелкого земледельца, готового «не считать» своего труда, делающего для капиталиста ручной труд более дешевым, чем машинный. Вопреки утверждениям г. Булгакова, факты вполне доказывают *полную аналогию* между положением мелкого крестьянина в земледелии и кустаря в промышленности при капиталистических порядках. Вопреки утверждениям г. Булгакова, мы видим в земледелии еще более широкое принижение потребностей и усиление интенсивности труда, как орудие в конкуренции с крупным производством. Во-вторых, по отношению ко всем и всяким сравнениям доходности мелких и крупных хозяйств в земледелии мы должны раз навсегда признать абсолютно негодными и вульгарно-апологетическими выводы, игнорирующие три обстоятельства: 1) Как питается, как живет и как работает *земледелец*? 2) Как содержится и как работает *скот*? 3) Как удобряется и рационально ли эксплуатируется *земля*? Мелкое земледелие держится всяческим хищничеством: расхищением труда и жизненных сил земледельца, расхищением сил и качеств скота, расхищением производительных сил земли, а потому всякое исследование, не принимающее всесторонне во внимание все эти обстоятельства, представляет из себя просто ряд буржуазных софизмов*.

* Leo Huschke в своей работе: «Landwirtschaftliche Reinertrags-Berechnungen bei Klein-, Mittel- und Grossbetrieb dargelegt an typischen Beispielen Mittelthüringens» (Jena, 1902, Gustav Fischer) (Лео Гущке: «Исчисление чистого дохода сельскохозяйственного производства в мелких, средних и крупных хозяйствах на типичных примерах Средней Тюрингии». Йена, 1902, Густав Фишер. *Ред.*) указывает справедливо, что «можно посредством одного только уменьшения» оценки рабочей силы мелкого земледельца получать тот же вычисление, которое докажет его превосходство по отношению к среднему и крупному хозяйству и его способность конкурировать с ними (S. 126). К сожалению, автор не подумал до конца этой мысли и потому не привел в своей книге систематических данных о содержании скота, об удобрении земли, о содержании земледельцев в разных хозяйствах. Мы надеемся вернуться еще в интересной книге г. Гущке. Пока же отметим лишь его указания на то, что мелкое хозяйство выручает низкие цены на продукты по сравнению с крупным (S.S. 146, 155), и его вывод: «мелкое и среднее хозяйство стремилось преодолеть кризис, наступивший после 1892 г. (понижение цен на с.-х. продукты) посредством возможно большего сокращения денежных расходов, а крупное хозяйство — посредством повышения урожаев путем повышения издержек на хозяйство» (S. 144). Расходы на семена, корма, удобрения уменьшились с 1887—1891 по 1893—1897 гг. в мелком и среднем хозяйстве, увеличились в крупном. В мелком эти расходы составляют 17 марок на 1 га, в крупном — 44 марки. (Примечание автора к изданию 1906 г. *Ред.*)

Неудивительно поэтому, что именно «теория» чрезмерного труда и недостаточного потребления мелких крестьян в современном обществе вызвала особенно ожесточенные нападки гг. критиков. Г-н Булгаков еще в журнале «Начало» «брался» (№ 1, с. 10) привести сколько угодно «цитат», доказывающих противоположное тому, что утверждал Каутский. Из исследования Союза социальной политики⁶² «Bäuerliche Zustände» («Положение крестьян»), — повторяет г. Булгаков в своей книге, — «Каутский, в своей попытке гальванизировать труп (sic!) устарелой догмы, выбрал несколько фактов, свидетельствующих о вполне понятной для данного момента угнетенности крестьянского хозяйства; пусть убедятся, что там можно найти свидетельства и несколько иного характера» (II, 282). Попробуем же «убедиться» и проверить «цитаты» строгого ученого, который отчасти просто повторяет цитаты Герца (S. 77, русск. пер. 183).

«Из Эйзенаха свидетельствуют об улучшении скотоводства, удобрения, употреблении машин и вообще прогрессе сельскохозяйственного производства»... Открываем статью об Эйзенахе («Bäuerl. Zust.», I. V.). Положение владельцев менее 5 ha (а таковых в описываемом районе 887 из 1 116) «в общем мало благоприятно» (66). «Поскольку они имеют заработки у крупных хозяев в качестве жнецов, поденщиков и пр., их положение сравнительно благоприятно» (67)... В общем за 20-тилетие — существенный технический прогресс, но «еще многого остается желать, в особенности по отношению к более мелким хозяйствам» (72)... «более мелкие хозяева употребляют отчасти для полевых работ слабосильных коров»... Подсобные заработки: лесные работы, возка дров; последняя «отвлекает от земледелия», ведет к «понижению благосостояния» (69). «Лесные работы тоже не дают достаточного заработка. В некоторых районах мелкие землевладельцы (Grundstücksbesitzer) занимаются ткачеством, которое плохо (leidlich) оплачивается. В единичных случаях — кустарная выделка сигар. В общем существует недостаток в подсобных заработках» (73)... И автор, Ökonomie-Commissar Dittenberger*, кончает замечанием, что крестьяне при их «простой жизни» и «скромных потребностях» сильны и здоровы, что даже

* — экономический комиссар Диттенбергер. Ред.

«удивительно при малопитательной пище беднейшего класса, у которого картофель составляет главную составную часть пищи» (74)...

Вот как опровергают «ученые» Ворошиловы «застарелый марксистский предрассудок, будто бы крестьянское хозяйство неспособно к техническому прогрессу»!

«...О королевстве Саксонии генеральный секретарь Лангедорф говорит, что в целых округах, в особенности же в более плодородных местностях, между крупными и мелкими имениями вряд ли уже существует разница по интенсивности хозяйства». Так опровергает Каутского Ворошилов австрийский (Герц, S. 77, русск. пер. 182—183) и вслед за ним повторяет Ворошилов русский (Булгаков, II, 282, со ссылкой на «Bäuerl. Zust.», II, 222). Открываем 222-ую страницу приводимого критиками источника и читаем непосредственно вслед за приведенными Герцем словами: «Такая разница более заметна в горных местностях, где более крупные имения хозяйничают с большим сравнительно оборотным капиталом; однако и здесь крестьянское хозяйство часто стоит не ниже по размерам чистой прибыли, так как менее высокий доход уравнивается большей бережливостью, которая при данном очень низком уровне потребностей (bei der vorhandenen grossen Bedürfnisslosigkeit) часто доходит до того, что крестьянин-хозяин живет хуже промышленного рабочего, ознакомившегося с более широкими потребностями» («Bäuerl. Zust.», II, 222). И дальше сообщается, что преобладающая система хозяйства — плодoperемная, которая преобладает уже у средних хозяев, а «трехполье встречается почти только еще у мелких владельцев крестьянских имений». По отношению к скотоводству тоже повсюду наблюдается прогресс. «Только по отношению к разведению рогатого скота и утилизации молочных продуктов крестьянин обыкновенно стоит позади крупного помещика» (223).

«Проф. Ранке, — продолжает г. Булгаков, — свидетельствует технический прогресс в крестьянском хозяйстве в окрестностях Мюнхена, типичных, по его словам, для всей верхней Баварии». Открываем статью Ранке: три общины *гроссбауэров*, хозяйничающих при помощи наемных рабочих; 69 крестьян из 119 имеют более 20 гектаров, у них $\frac{3}{4}$ всей земли, причем 38 «крестьян» имеют каждый

более 40 гектаров, в среднем каждый по 59 гектаров, и всего у них около 60% всей земли...

Кажется, этого достаточно для характеристики «цитат» гг. Булгакова и Герца.

VII

БАДЕНСКАЯ АНКЕТА О КРЕСТЬЯНСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ

«Мы не можем за недостатком места, — пишет Герц, — привести подробные и интересные отзывы из баденской анкеты о 37 общинах. По большей части отзывы эти аналогичны приведенным выше: наряду с благоприятными встречаются неблагоприятные и безразличные, *но нигде на всем протяжении трех томов анкеты подробные бюджеты расходов не дают права делать выводы о «недоедании» (Unterkonsumption), о «грязной, унижайшей нужде» и т. п.»* (S. 79, русск. пер. 188). Подчеркнутые нами слова Герца заключают в себе, по обыновению, *прямую неправду*: именно баденская анкета, на которую он ссылается, документальнейшим образом *доказала «недопотребление» именно мелкокрестьянства*. Извращение дела Герцем тесно связано здесь с тем приемом, который особенно культивировали русские народники, а теперь подхватывают все и всяческие «критики» в аграрном вопросе, — с огульными отзывами о «крестьянстве». А так как на Западе понятие «крестьянства» еще более неопределенно, чем у нас (нет резкого сословного признака), и так как «средние» отзывы и выводы прикрывают сравнительное «благополучие» (или хотя бы неголодание) меньшинства и обездоливание большинства, то поприще здесь для всяких апологетов открывается необъятное. Баденская же анкета дает как раз возможность различить отдельные группы крестьянства, чего Герц в качестве сторонника «детализации» предпочел не заметить. В 37 типичных общинах были выбраны типичные хозяйства крупных крестьян (Grossbauer), средних и мелких, а также поденщиков, всего 70 крестьянских (31 крупное, 21 среднее и 18 мелких) и 17 поденщичьих хозяйств, и эти хозяйства подверглись детальнейшему бюджетному исследованию. Обработать *все* эти данные мы не имели возможности, но достаточно и нижеприводимых *главных результатов*, чтобы получить весьма определенные выводы.

Приведем сначала данные об общем хозяйственном типе крупных (а), средних (b) и мелких (с) крестьянских хозяйств (из Anlage VI: «Uebersichtliche Darstellung der Ergebnisse der in den Erhebungsgemeinden angestellten Ertragsberechnungen»*, причем мы свели данные этой таблицы по отношению к Grossbauer'am, Mittelbauer'am и Kleinbauer'am** в отдельности). Размеры землевладения, — средние по группам: (а) 33,34 гектара, (b) 13,5 и (с) 6,96 — сравнительно высоки для такой страны мелкого землевладения, как Баден, но если исключить 10 хозяйств в общинах №№ 20, 22 и 30, отличающихся исключительно высокими размерами землевладения (до 43 гектаров у Kleinbauer'a и до 170 у Grossbauer'a), то получим более нормальные для Бадена цифры: а) 17,8 гект., б) 10,0 гект. и с) 4,25 гектара. Размеры семей: а) 6,4 человек, б) 5,8 и с) 5,9 (эти данные, как и все следующие, если нет оговорок, относятся ко всем 70 хозяйствам). Следовательно, у крупных крестьян семьи значительно выше, но, тем не менее, наемный труд играет у них несравненно большую роль. Вообще к найму прибегают 54 крестьянина из 70, т. е. более трех четвертей всего числа, именно 29 крупных крестьян (из 31), 15 средних (из 21) и 10 мелких (из 18). Таким образом, из крупных крестьян 93% не обходится без найма рабочих, — из мелких 55%. Эти цифры очень поучительны для проверки ходячего (и без критики перенятого «критиками») мнения о несущественном значении наемного труда в современном крестьянском хозяйстве. У крупных крестьян (размер землевладения которых, 18 гект., входит в рубрику 5—20 ha, причисляемую при всяких огульных отзывах к настоящему крестьянскому хозяйству) мы видим чисто капиталистические хозяйства: 24 хозяйства с 71 батраком, почти по три батрака на хозяйство, и 27 хозяев, нанимающих поденщиков в общей сложности на 4347 дней (по 161 рабочему дню на 1 хозяина). Сопоставьте с этим размеры землевладения у тех крупных крестьян в окрестности Мюнхена, «прогрессом» которых бравый г. Булгаков опровергал «марксистский предрассудок» о принижении крестьян капитализмом!

* — Приложение VI: «Краткий обзор результатов по исчислению доходности, определявшейся в сельских налоговых округах. Ред.

** — крупным, средним и мелким крестьянам. Ред.

Для средних крестьян мы имеем: у 8 — 12 батраков, у 14 — 956 поденных рабочих дней; для мелких: у 2 — 2 батрака, у 9 — 543 поденных рабочих дня. Половина *мелких* крестьян в течение двух месяцев ($543 : 9 = 60$ дней), т. е. в самый важный для земледельца период, не обходится без наемного труда (а эти мелкие крестьяне, несмотря на более крупные размеры землевладения, имеют несравненно меньшие размеры производства, чем те фридрихстальцы, которыми так умилялись гг. Черновы, Давиды, Герцы).

Результаты хозяйства таковы: у 31 крупного крестьянина 21 329 марок чистой прибыли и 2 113 марок дефицита, т. е. всего 19 216 марок прибыли, или на одно хозяйство 619,9 марки (а при вычете пяти хозяйств в общинах №№ 20, 22 и 30 — 523,5 марки), для среднего хозяйства соответствующая сумма будет 243,3 марки (272,2 при вычете трех общин), для мелкого — 35,3 марки (37,1 при вычете трех общин). Мелкий крестьянин, следовательно, в буквальном смысле слова *едва-едва сводит концы с концами, и это только благодаря сокращению потребления*. Анкета сообщает («Ergebnisse etc.»* в IV томе «Erhebungen»**, S. 138) данные о количестве потребляемых в каждом хозяйстве важнейших продуктов. Приводим эти данные, вычислив средние для каждой из вышеуказанных групп крестьянства:

Разряды крестьян	Потребление на 1 человека в один день				Расход на 1 человека	
	Хлеба и плодов	Картофеля	Мяса	Молока	В один день на колониальные товары, отопле- ние, освещение и т. п.	В год на одячку
Крупные крестьяне	1,84	1,82	138	1,05	72	66
Средние •	1,59	1,80	111	0,95	62	47
Мелкие •	1,49	1,94	72	1,11	57	38
Поденщина	1,69	2,14	56	0,85	51	32

* — «Результаты и т. д.». Ред.

** — «Обследований». Ред.

Вот в какого рода данных бравый Герц «не заметил» ни недоедания, ни нужды! Мы видим, что мелкий крестьянин сокращает свое потребление против среднего и крупного на весьма значительную величину, питаясь и одеваясь почти не лучше, чем поденщик. Мяса, напр., он потребляет в полтора раза меньше среднего и почти в два раза меньше крупного крестьянина. Эти данные еще и еще раз подтверждают, как негодны огульные отзывы и как фальшивы все вычисления доходности, игнорирующие различия в уровне жизни. Если мы возьмем, напр., *только* две последние графы нашей таблицы (чтобы не предпринимать сложных вычислений по переводу продуктов питания на деньги), то увидим, что «чистая прибыль» не только мелкого, но даже и среднего крестьянина есть *чистейшая фикция*, с которой могут возиться только чистейшие буржуа, вроде Гехта и Klawki, или чистейшие Ворошиловы, вроде наших критиков. В самом деле, если мы примем, что мелкий крестьянин расходует на денежные продукты столько, сколько средний, то его расход поднимется на *сотню* марок, и мы получим громадный *дефицит*. Если бы средний расходовал столько же, сколько крупный, его расход поднялся бы на 220 марок, и если бы он не «притеснял» себя в пище, то тоже имел бы дефицит*. Разве это ухудшение потребления мелким крестьянином, неразрывно связанное, как это само собою понятно, с ухудшением питания скота и с недостаточным восстановлением (а то и прямым расхищением) производительных сил земли, — не подтверждает всецело тех слов Маркса, по поводу которых с таким высокомерием пожимают плечами

* Г-н Чернов «возражает»: а разве крупный хозяин не притесняет еще более в пище и других расходах своего поденщика? («Р. Б.», 1900 г., № 8, стр. 212). Возражение это повторяет старый, кривцовско-поронцовский, если можно так выразиться, прием *подсовывания* марксисту либерально-буржуазной аргументации. Возражение имеет смысл по отношению к тому, кто скавал бы, что крупное производство выше не только технически, но и потому, что улучшает (или хотя бы даже делает хорошим вообще) положение работника. Марксисты говорят не то. Они только разоблачают фальшивые приемы *прикрашивания* положения мелкого земледельца посредством ли огульных отзывов о процветании (г. Чернов о Гехте), или посредством вычислений «доходности» с *умолчанием* о сокращении потребления. Буржуазия не может не стремиться к этому *прикрашиванию*, к поддержке иллюзий о возможности для рабочего стать «хозяином», для мелкого «хозяина» получать высокую доходность. Дело социалистов — разоблачение этой лжи и разъяснение мелким крестьянам, что им тоже нет спасения вне присоединения к революционному движению пролетариата.

современные критики: «Бесконечное раздробление средств производства и разъединение самих производителей. Безмерное расхищение человеческой силы. Прогрессивное ухудшение условий производства и удорожание средств производства — необходимый закон мелкой земельной собственности» («Das Kapital», III, 2, 342*).

По поводу этой же баденской анкеты отметим еще одно извращение г. Булгакова (критики взаимно пополняют друг друга, и если один исказит в известном источнике одну сторону дела, то другой — другую). Г-н Булгаков неоднократно цитирует баденскую анкету, — значит *как будто* знаком с ней. И тем не менее он проделывает такую штуку: «Исключительная и роковая будто бы задолженность крестьянина, — так гласит увертюра, II, 271, — составила один из непреложнейших догматов в мифологии, создавшейся относительно крестьянского хозяйства в литературе»... «В имеющихся у нас исследованиях отмечается высокая задолженность лишь самого мелкого, еще не окрепнувшего владения (Tagelöhnerstellen). Так, общее впечатление относительно данных обширной баденской анкеты (в примечании ссылка на анкету) Шпренгер выражает следующим образом: «...лишь задолженность участков поденщиков и мелкокрестьянских владений в значительном числе исследованных местностей является относительно значительной, но и здесь в большинстве случаев она не достигает возбуждающей опасение высоты...» (272). Странная это вещь! С одной стороны, ссылка на самую анкету, с другой стороны, приведение одного только «общего впечатления» какого-то Шпренгера, писавшего об анкете. И как на грех Шпренгер говорит неправду (по крайней мере, в цитированном г. Булгаковым месте, ибо мы с сочинением Шпренгера не знакомы). Авторы анкеты утверждают, что в большинстве случаев задолженность именно мелкокрестьянского землевладения *достигает* внушающей опасение высоты. Это раз. А второе — они утверждают, что в отношении задолженности положение мелких крестьян хуже не только положения средних и крупных крестьян (что Шпренгер отметил), но и *положения поденщиков*.

Вообще надо заметить, что авторы баденской анкеты устанавливают тот чрезвычайно важный факт, что в круп-

* — «Капитал», т. III, ч. 2, стр. 342. ⁶⁸ Ред.

ных хозяйствах *граница допустимой задолженности* (т. е. допустимой без опасности разорения) *выше, чем в мелком*. После приведенных нами выше статистических данных о результатах хозяйства у крупных, средних и мелких крестьян это обстоятельство не требует особых пояснений. По отношению к крупному хозяйству, а равно и среднему, авторы анкеты считают допустимой и безопасной (*unbedenklich*) задолженность в 40—70% стоимости земли, — в среднем в 55%. По отношению к мелкому хозяйству (размер которого они определяют в 4—7 ha при земледелии, в 2—4 ha при виноградарстве и посеве торговых растений) они находят, что «граница задолженности... не должна превышать 30% оценки имущества, если предполагать *полное* обеспечение *правильной* уплаты процентов и погашения долга» (S. 66, В. IV). В исследованных общинах (за исключением тех, где действует *Anerbengericht**, напр., *Unadingen'a* и *Neukirch'a***) процентуальная (к оценочной стоимости имущества) задолженность правильно понижается от мелких хозяйств к крупным. Напр., в общине *Dittwar**** в хозяйствах до $\frac{1}{4}$ гектара процент задолженности = 180,65%; с 1—2 ha — 73,07%; с 2—5 ha — 45,73%; с 5—10 ha — 25,34%; с 10—20 ha — 3,02% (S. 89—90 *ibid.*). Но одни цифры о высоте задолженности еще не все говорят, и авторы анкеты делают такое заключение:

«Предыдущие цифровые данные подтвердили таким образом очень распространенное мнение, что те владельцы крестьянских имений, которые стоят на границе (посредине) между поденщиками и средними крестьянами (в деревнях называют обыкновенно относящихся сюда сельских хозяев «средним сословием» — *Mittelstand*), находятся часто в более тяжелом положении, чем высшие и чем низшие (*sic!*) по размеру владения группы, — постольку, поскольку они, хорошо справляясь с *умеренной* задолженностью, при известной и не очень высокой границе задолженности, лишь с трудом могут исполнять свои обязательства, вследствие невозможности иметь *регулярные* сторонние заработки (поденщина и т. п.) и повышать посредством них свой доход»... Поденщики, «поскольку

* — наследственное право. *Ред.*

** — Унадингена и Нейкирха. *Ред.*

*** — Дитвар. *Ред.*

они имеют хоть сколько-нибудь регулярные сторонние заработки, находятся часто в существенно лучшем положении, чем принадлежащие к «среднему сословию», ибо, как показал расчет в очень многих случаях, сторонние заработки дают часто такие высокие чистые (т. е. денежные) доходы, чтобы дать возможность погашать даже *высокие долги* (67 л. с.)*. И в конце концов авторы еще раз повторяют, что задолженность мелких крестьянских хозяйств по отношению к допустимой границе задолженности «отчасти не безопасна», и потому «особенно большая хозяйственная осторожность при покупке земли... необходима прежде всего именно *мелкокрестьянскому* и стоящему рядом с ним *поденщицкому* населению» (98).

Вот он каков буржуазный советчик мелкого крестьянина! С одной стороны, он поддерживает в пролетариях и полупролетариях надежду — «если не в первом, то во втором поколении» купить землицы и получать с нее, при усердии и умеренности, громадный процент «чистой доходности»; с другой стороны, именно бедноте он рекомендует «особенно большую осторожность» при покупке земли, если нет «регулярных заработков», то есть если у господ капиталистов нет нужды в оседлых рабочих. И находятся «критические» простофили, которые принимают эту корыстную ложь и эти избитые пошлости за приговоры самой что ни на есть новейшей науки!

Приведенные нами детальные данные о крупных, средних и мелких крестьянах могли бы, казалось, даже г. В. Чернову сделать понятным, в чем именно состоит содержание той категории «мелкобуржуазности» в применении к крестьянину, которая внушает ему такой ужас. Капиталистическая эволюция настолько сблизила уже *общий* экономический строй не только западно-европейских государств по сравнению друг с другом, но и России по сравнению с Западом, что *основные черты* экономики крестьянского хозяйства в Германии оказываются те же, что и в России. Только тот процесс разложения крестьянства, который

* Мелкий крестьянин, — справедливо говорят авторы анкеты, — сравнительно мало продает на наличные деньги, а между тем нужда в деньгах у него особенно велика, и недостаток капитала делает для него всякий падеж, град и т. п. особенно чувствительным.

был подробно доказан русской марксистской литературой, в России находится на одной из начальных стадий развития, — там он не отлился еще в более или менее законченные формы, не выделил, напр., особый и для всех сразу видный и ясный тип крупных крестьян (*Grossbauer*ов), там массовая экспроприация и вымирание громадной части крестьянства слишком еще заслоняют «первые шаги» нашей крестьянской буржуазии. На Западе этот процесс, начавшийся еще до отмены крепостного права (ср. *Kautsky*, «*Agrarfrage*», S. 27), привел уже давно, с одной стороны, к уничтожению сословной грани между крестьянским и «частновладельческим» (по-нашему) хозяйством, а с другой стороны, к образованию довольно уже оформившегося класса сельскохозяйственных наемных рабочих*. Но было бы глубокой ошибкой думать, что этот процесс, — раз были выработаны более или менее определенные формы новых типов сельского населения, — приостановился. Напротив, процесс этот неуклонно идет вперед, идет, разумеется, то более, то менее быстро в зависимости от массы различных обстоятельств, принимая самые разнообразные формы, смотря по различию агрономических условий и т. д. Пролетаризация крестьянства продолжается, — это мы покажем ниже на массовых данных немецкой статистики, да это ясно видно и из приведенных выше данных о мелком крестьянстве. Один уже факт растущего бегства не только сельских рабочих, но и крестьян из деревень в города наглядно свидетельствует о росте пролетаризации. Но бегству крестьянина в город неизбежно предшествует его разорение. А разорению предшествует отчаянная борьба за свою экономическую самостоятельность. И вот эту-то борьбу рельефно показывают данные об употреблении наемного труда, о размерах «чистых доходов», о величине потребления у крестьян различных типов. Главное средство борьбы — «железное прилежание» и бережливость, бережливость: «не так норовим, чтобы в рот, как чтобы в карман». Неизбежный результат борьбы: выделение меньшинства зажиточных, состоятельных хозяев (и большей частью ничтожного меньшинства, — именно во всех случаях,

* «Крестьянство, — пишет г. Булгаков про Францию XIX века, — распалось на две, уже резко различные между собою, части: пролетариат и мелких собственников» (II, 176). Напрасно только воображает автор, что «распадение» на этом закончилось: оно представляет из себя безостановочно идущий процесс.

когда нет каких-нибудь особо благоприятных условий вроде близости столицы, проведения железной дороги, открытия какой-нибудь новой доходной отрасли торгового земледелия и т. п.) — и все большее нищание большинства, губящего хроническим голоданием и непомерным трудом силы работника, ухудшающего качество и земли и скота. Неизбежный результат борьбы: образование меньшинства *капиталистических*, основанных на наемном труде, хозяйств и растущая необходимость для большинства искать «сторонних заработков», т. е. превращаться в промышленных и земледельческих наемных рабочих. Данные о наемном труде яснее ясного показывают внутреннюю, неотвратимую при современном общественном строе, имманентную тенденцию всякого мелкого производителя превратиться в мелкого капиталиста.

Мы вполне понимаем, почему буржуазные экономисты, с одной стороны, и всякого рода оппортунисты, с другой, чураются и не могут не чураться этой стороны дела. Разложение крестьянства показывает нам *самые глубокие* противоречия капитализма в самом процессе их *возникновения* и дальнейшего роста; полная оценка этих противоречий неизбежно ведет к признанию безысходности и безнадежности положения мелкого крестьянства (безнадежности — вне революционной борьбы пролетариата против всего капиталистического строя). Неудивительно, что именно эти, самые глубокие и самые неразвитые, противоречия замалчиваются: пытаются обойти тот факт непосильного труда и недостаточного потребления мелких крестьян, отрицать который могут только недобросовестные или невежественные люди; оставляют в тени вопрос о наемных рабочих у крестьянской буржуазии, о наемной работе крестьянской бедноты. Напр., г. Булгаков представил целый «опыт теории аграрного развития», обойдя красноречивым молчанием* оба последние вопроса! «Крестьянским хозяй-

* Или не менее красноречивыми увертками вроде следующей: «...те многочисленные случаи соединения промышленности с земледелием, когда наемные промышленные рабочие обладают ключом земли... представляют из себя еще более, как деталь (!?) в народнохозяйственном строе; видеть в этом новое проявление индустриализации земледелия, потери им самостоятельности развития, пока вот (??) ввиду оснований, — явление это имеет слишком незначительные размеры (в Германии, напр., на долю промышленников приходится всего 4,09% сельскохозяйственной площади)» (sic! — II, 254—255). Во-первых, ничтожная доля земли у сотен тысяч рабочих указывает не на то, что это явление имеет незначительные размеры, а на применение и пролетаризацию

ством, — говорит он, — можно считать такое хозяйство, которое вполне или по преимуществу обходится трудом собственной крестьянской семьи; без чужого труда — соседской помощи или кратковременного найма — обходится редкое даже крестьянское хозяйство, но это не изменяет (ну, конечно!) его экономической физиономии» (I, 141). Герц — тот понаивнее и в самом начале своей книги оговаривается: «Под мелким или крестьянским хозяйством в дальнейшем изложении я буду все время понимать такое хозяйство, в котором работают лишь хозяин, его семья и не более 1—2 рабочих» (S. 6, русск. пер. 29). Когда дело касается найма «работничка», тогда наши Kleinbürger'ы быстро вабывают те самые «особенности» земледелия, с которыми они кстати и некстати носятся. В земледелии 1—2 рабочих, — даже если бы они работали только летом, — вовсе не мало. А главное не то, много это или мало, а то, что к найму рабочих прибегают именно наиболее зажиточные, состоятельные хозяева, «прогрессы» и «процветание» которых рыцари мещанства любят выставлять процветанием массы населения. А для придания более благовидного обоснования такой передержке эти рыцари величественно заявляют: «Крестьянин — такой же рабочий человек, как и пролетарий» (Булгаков, II, 288). И автор выражает удовольствие по поводу того, что «рабочие партии все более теряют свойственный им прежде (свойственный прежде!) крестьянофобствующий оттенок» (289). При этом «прежней» воззрению, видите ли, «упускалось из виду, что крестьянская собственность не есть орудие эксплуатации, а условие приложения труда». Вот как пишется

мелкого земледельца капитализмом. Ведь все земледельцы с количеством земли менее 2 га (хотя число их громадно: 3,2 миллиона из 5,5 млн., т. е. 58,2%, почти три пятых всего числа) владеют «всего» 5,6% сельскохозяйственной площади! Не выведет ли отсюда остроумный г. Булгаков, что все «явление» мелкого земледелия и земледелия есть вообще «деталь» и «имеет слишком незначительные размеры»? Из 5,5 млн. германских земледельцев — 791 тыс., т. е. 14,4%, — наемные промышленные рабочие, причем громадное большинство их владеет менее, чем 2 гектарами земли, именно 743 тыс., что составляет 22,9% ко всему числу земледельцев, имеющих менее 2 га. Во-вторых, г. Булгаков опять, по своему обыкновению, исказил цитируемую им статистику. По недосмотру, он взял с цитируемой им страницы германской аннеты («Stat. d. D. R.», 112. B., S. 49*) цифру земельной площади у самостоятельных промышленников-земледельцев. Несамостоятельные же промышленники-земледельцы (т. е. промышленные наемные рабочие) имеют всего 1,84% сельскохозяйственной площади. У 791 тыс. наемных рабочих — 1,84% площади, у 25 тысяч помещиков — 24% площади. Не правда ли, какая это незначительная «деталь»?

история! Мы, право, не можем воздержаться, чтобы не сказать: *извращайте, господа, да знайте же меру!* Ведь этот самый г. Булгаков написал двухтомное «исследование» в восемьсот страниц, переполненное «цитатами» (точность которых мы не раз уже показывали) из всех и всяческих анкет, описаний, монографий и т. п., но ни разу, *буквально ни единого раза*, он и не попытался даже рассмотреть, в каком отношении находятся крестьяне, собственность которых есть орудие эксплуатации, к крестьянам, собственность которых есть «просто» условие приложения труда. *Ни единого раза* он не привел систематических данных (имеющихся, как мы видели, и в цитированных им самим источниках) о том, каков тип хозяйства, уровень жизни и пр. у крестьян, нанимающих рабочих, у крестьян, не нанимающих и не нанимающихся, у крестьян, нанимающихся в рабочие. Мало того. Мы видели, как он ссылаясь в подтверждение «прогресса крестьянского хозяйства» (*вообще* крестьянского хозяйства!) на такие факты, которые относятся к *гроссбузерам*, на такие отзывы, которые констатируют и прогресс одних и обнищание, пролетаризацию других. Он видит даже вообще «социальное оздоровление» (*sic!*) в образовании «крепких крестьянских хозяйств» (II, 138; ср. общий вывод на стр. 456), как будто бы крепкое крестьянское хозяйство не было синонимом буржуазного, предпринимательского крестьянского хозяйства! Его единственная попытка выпутаться из этой сети противоречий состоит в следующем, еще более запутанном, рассуждении: «Крестьянство, конечно, не представляет однородной массы; это было показано выше (вероятно, в рассуждении о такой незначительной детали, как промышленная наемная работа земледельцев?); здесь происходит постоянная борьба течений дифференцирующих и нивелирующих; но разве эти различия и даже противоположность отдельных интересов больше, чем между отдельными слоями рабочего класса, между городскими и сельскими рабочими, между обученным и необученным трудом, тред-юнионистами и стоящими вне профессиональной организации? Ведь только полное игнорирование этих различий в среде рабочего сословия (которые побуждают иных исследователей отличать от четвертого уже пятое сословие) и позволяло противопоставлять мнимо-однородный рабочий класс разнородному крестьянству» (288).

Какая замечательная глубина анализа! Различия между профессиями смешать с различиями между классами; различия бытовые смешать с различным положением классов во всем строе общественного производства, — как это наглядно иллюстрирует полную научную беспринципность модной «критики»* и ее практическую тенденцию стереть самое понятие «класса», устранить самую идею классово-борьбы. Сельский рабочий зарабатывает 50 коп. в день; хозяйственный мужичок, держащий поденщиков, — 1 рубль в день; заводский рабочий в столице — 2 рубля в день; мелкий хозяин провинциальной мастерской — 1¹/₂ рубля в день. Всякий сколько-нибудь сознательный рабочий без малейшего труда разберется в том, к каким классам принадлежат представители этих различных «слоев», каким направлением должна отличаться общественная деятельность этих «слоев». А для представителя университетской науки или для современного «критика» это — такая премудрость, которой они никак вместить не в состоянии.

VIII

ОБЩИЕ ДАННЫЕ НЕМЕЦКОЙ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ СТАТИСТИКИ ЗА 1882 И 1895 ГОДЫ. ВОПРОС О СРЕДНИХ ХОЗЯЙСТВАХ

Рассмотрев детальные данные о крестьянском хозяйстве, — особенно важные для нас потому, что именно в вопросах крестьянского хозяйства лежит центр тяжести современного аграрного вопроса, — мы перейдем теперь

* Напомним, что ссылка на минимую однородность рабочего класса — ходячий довод Эд. Бернштейна и всех его сторонников. А насчет «дифференциации» еще р. Струве в «Критических заметках» глубокомысленно рассуждал: есть дифференциация, есть и нивелировка, для объективного исследователя это процессы равной важности (как для щедринаского объективного историка было все равно — Ильяслав Ярослав побил или Ярослав Ильяслава)¹⁴. Есть развитие денежного хозяйства, но есть и повороты к натуральному хозяйству. Есть развитие крупного фабричного производства, но есть и развитие капиталистической работы на дому (Булг., II, 88: «Hausindustrie (домашняя промышленность. Ред.)... еще не думает погибать в Германии»). «Объективный» ученый должен старательно собирать фактики, отмечать «с одной стороны» и «с другой стороны», «переходить (подобно гетевскому Вагнеру) от книги к книге, от листа к листу», отнюдь не посягая на то, чтобы составить себе последовательные взгляды, выработать общее представление о всем процессе в его целом.

к общим данным немецкой сельскохозяйственной статистики и проверим связанные с этими данными выводы «критиков». Приводим вкратце главные результаты переписей 1882 и 1895 годов:

Группы хозяйств	Число хозяйств (тысяч)		С.-х. площадь (тысяч га)		Относительные числа				Абсолютное увеличение или уменьшение числа	
					Хозяйств		Площади			
	1882	1895	1882	1895	1882	1895	1882	1895	Хоз.	Площ.
До 2 га	3 062	3 236	1 826	1 808	58,0	58,2	5,7	5,6	+174	- 18
2— 5 »	981	1 016	3 190	3 286	18,6	18,3	10,0	10,1	+ 35	+ 96
5— 20 »	927	999	9 158	9 722	17,6	18,0	28,7	29,9	+ 72	+ 564
20—100 »	281	282	9 908	9 870	5,3	5,1	31,1	30,3	+ 1	- 36
100 и более га	25	25	7 787	7 832	0,5	0,4	24,5	24,1	± 0	+ 45
Всего	5 276	5 558	31 869	32 518	100	100	100	100	+282	+ 649

Три обстоятельства должны быть разобраны в связи с этой картиной изменений, различно толкуемой марксистами и «критиками»: рост числа самых мелких хозяйств, рост латифундий, т. е. хозяйств, имеющих 1 000 и более гектаров и слитых в нашей краткой табличке со всеми хозяйствами, имеющими выше 100 гект., и, наконец, вызывающий всего более споров и всего более бросающийся в глаза факт роста среднекрестьянских (5—20 га) хозяйств.

Рост числа самых мелких хозяйств указывает на громадный рост нищеты и пролетаризации, ибо подавляющее большинство владельцев менее, чем 2-х гектаров, не может просуществовать одним земледелием и живет заработками, т. е. работой по найму. Исключения есть, конечно; при специальных культурах, виноградарстве, огородном хозяйстве, посевах торгово-промышленных растений, подгородном хозяйстве вообще и т. п. возможен самостоятельный (иногда даже не мелкий) земледelec и при 1½ гектарах. Но в общей сумме 3-х миллионов хозяйств — это исключения совершенно незначительные. Что масса этих мелких «земледельцев» (составляющих почти $\frac{3}{5}$ всего числа хозяев) — наемные рабочие, это на-

глядно показывают данные германской статистики о главных профессиях земледельцев разных групп. Вот эти данные в сокращенном виде:

Группы земледельцев	Сельские хозяйства по своему главному занятию (в %)					Из самостоятельных сельских хозяйств имеют подсобные занятия (%)
	Самостоятельное		Несамостоятельный труд	Прочие занятия	Всего	
	Земледелие	Торговля и пр.				
До 2 га	17,4	22,5	50,3	9,8	100	26,1
2—5 »	72,2	16,3	8,6	2,9	100	25,5
5—20 »	90,8	7,0	1,1	1,1	100	15,5
20—100 »	96,2	2,5	0,2	1,1	100	8,8
100 и более га	93,9	1,5	0,4	4,2	100	23,5
Всего	45,0	17,5	31,1	6,4	100	20,1

Мы видим отсюда, что из всего числа германских земледельцев только 45%, т. е. *меньше половины*, представляют из себя самостоятельных земледельцев и по своему *главному* занятию. Да и из этих самостоятельных земледельцев *пятая часть* (20,1%) имеет еще подсобные занятия. 17,5% земледельцев по своему главному занятию — торговцы, промышленники, огородники и пр. («самостоятельные», т. е. занимающие положение хозяина, а не рабочего в соответствующем промысле). *Почти треть* (31,3%) — наемные рабочие («несамостоятельные» во всяких отраслях земледелия и промышленности). 6,4% земледельцев заняты главным образом службой (военные, чиновники и пр.), свободными профессиями и т. д. Из числа же земледельцев, имеющих до 2 га, *половина* — наемные рабочие; «самостоятельных» земледельцев среди этих 3,2 миллионов «хозяев» — небольшое меньшинство, всего 17,4% всего числа. Да и из этих 17-ти процентов *четвертая часть* (26,1%) имеют *подсобные* занятия, т. е. являются наемными же рабочими по своему не главному (как вышеуказанные 50,3%), а подсобному занятию. Даже из числа земледельцев с 2—5 га только немногим больше половины (546 тыс. из 1 016 тыс.) представляют из себя самостоятельных земледельцев без всякого подсобного занятия.

Отсюда видно, до какой степени поразительно неверно изображает дело г. Булгаков, когда он, утверждая (и притом, как было уже показано, ошибочно) увеличение общей суммы лиц, действительно занятых земледелием, объясняет это «ростом самостоятельных хозяйств, — как мы уже знаем, прежде всего среднекрестьянских на счет крупных» (II, 133). Если доля числа среднекрестьянских хозяйств в общем числе хозяйств увеличилась всего более (с 17,6% до 18%, т. е. + 0,4%), то это еще нисколько не значит, чтобы рост сельского населения объяснялся прежде всего ростом среднекрестьянских хозяйств. Для ответа на вопрос о том, какие разряды внесли наибольшую прибавку в общую прибавку числа хозяев, мы имеем прямые и не допускающие двух толкований данные: все число хозяйств увеличилось на 282 тысячи, в том числе число хозяйств, имеющих до 2 га, увеличилось на 17 $\frac{1}{4}$ тысячи. Следовательно, рост сельского населения (если он наблюдается и поскольку он наблюдается) объясняется ростом именно несамостоятельных хозяйств (ибо хозяйства с землей до 2 га в массе своей не самостоятельны). Увеличение падает больше всего на parcelльные хозяйства, рост которых означает рост *пролетаризации*. Даже увеличение (на 35 тысяч) числа хозяйств с 2—5 га мы не имеем права всецело поставить в счет росту *самостоятельных* хозяйств, ибо и из этих хозяев только 546 тыс. из 1016 тыс. — самостоятельные земледельцы без собственного заработка.

Переходя к вопросу о крупных хозяйствах, мы должны отметить прежде всего следующий характерный (и очень важный для опровержения всякой апологетики) факт: соединение земледелия с другими занятиями имеет различное и противоположное значение в разных группах земледельцев. Для мелких оно означает пролетаризацию, уменьшение самостоятельности земледельца, ибо здесь соединяются с земледелием такие занятия, как наемная работа, мелкое ремесло и торговля и т. п. Для крупных оно означает либо усиление политического значения крупного землевладения посредством государственной, военной службы и т. п., либо соединение с земледелием лесного хозяйства и сельскохозяйственных технических производств. А это последнее явление, как известно, — один из характернейших признаков *капиталистического* про-

гресса земледелия. Вот почему мы видим, что процент тех земледельцев, которые считают «самостоятельное» сельское хозяйство своим главным занятием (т. е. ведут его в качестве хозяина, а не рабочего), быстро повышается с увеличением площади хозяйства (17—72—90—96%), но падает до 93% в группе хозяйств с 100 и более гектаров: в этой группе 4,2% хозяев считают своим главным занятием службу (разряд «прочих занятий»), 0,4% хозяев считают своим главным занятием «несамостоятельный» труд (это не наемные рабочие, а управляющие, инспектора и т. п.; ср. «Stat. d. D. R.», 112. B., S. 49*). Точно так же мы видим, что процент тех самостоятельных земледельцев, которые имеют еще сторонние занятия, быстро понижается с увеличением площади хозяйства (26—25—15—9%), но сильно возрастает у хозяев с 100 и более га (23%).

Что касается числа крупных хозяйств (100 и > * га) и их площади, то вышеприведенные данные показывают *уменьшение* их доли как в общем числе хозяйств, так и в общей площади. Спрашивается, можно ли отсюда заключать о вытеснении крупного хозяйства мелким и среднекрестьянским, как это торопится делать г. Булгаков? Мы думаем, что нет, и что г. Булгаков своими сердитыми выходками против Каутского по этому пункту доказал только свою неспособность опровергнуть мнение Каутского по существу. Во-первых, уменьшение доли крупных хозяйств весьма мало (по числу хозяйств с 0,47% до 0,45, т. е. на две сотых процента, а по доле площади с 24,43% до 24,088%, т. е. на 35 сотых процента). Что при интенсификации хозяйства иногда *приходится* несколько уменьшать площадь, что крупные хозяева сдают по мелочам отдаленную от центра имения землю, чтобы приобрести себе рабочих, — это явления общеизвестные. Мы показали выше, как автор детального описания крупных и мелких хозяйств на востоке Пруссии прямо признает служебную роль мелкого землевладения по отношению к крупному и усердно советует создание оседлых рабочих. Во-вторых, о вытеснении крупных хозяйств мелкими не может быть речи уже потому, что одни данные о *площади* хозяйства недостаточны еще для суждения о *размерах производства*.

* — болес. Ред.

А что в этом отношении крупные хозяйства сделали очень большой шаг вперед, это неопровержимо доказывают данные об употреблении машин (см. выше) и о сельскохозяйственных технических производствах (эти данные мы разберем особо ниже, ввиду поразительно неверного толкования г. Булгаковым соответствующих данных германской статистики). В-третьих, в группе хозяйств с 100 и более га особенно выделяются *латифундии*, хозяйства с 1 000 и > га, число которых возросло даже на больший процент, чем число среднекрестьянских хозяйств, именно с 515 до 572, т. е. на 11%, при увеличении числа среднекрестьянских хозяйств с 926 тыс. до 998 тыс., т. е. на 7,8%. Площадь латифундий *возросла* с 708 тыс. га до 802 тыс., т. е. на 94 тыс. га: в 1882 г. она составляла 2,22% всей с.-х. площади, в 1895 г. уже 2,46. Свои неосновательные возражения Каутскому по этому пункту в «Начале» г. Булгаков дополняет теперь в своей книге следующим, еще более неосновательным, обобщением: «Признаком, — пишет он, — свидетельствующим об упадке крупных хозяйств, является... увеличение латифундий, хотя прогресс сельского хозяйства, рост его интенсивности должен сопровождаться раздроблением» (II, 126) — и г. Булгаков, ничтоже сумняшеся, толкует уже прямо о «латифундиарном (!) вырождении» крупного хозяйства (II, 190, 363). Видите, как замечательно логично рассуждает наш «ученый»: *так как* уменьшение площади хозяйства означает *иногда*, при интенсификации, рост производства, *поэтому* увеличение числа и площади латифундий должно *вообще* означать упадок! Но если так плоха логика, отчего бы не обратиться за помощью к статистике? Ведь мы имеем в том источнике, из которого черпает г. Булгаков, целый ряд данных о хозяйстве этих латифундий. Приведем некоторые из этих данных: 572 крупнейшие хозяйства имели в 1895 г. площадь 1 159 674 гектара, в том числе 802 тыс. сельскохозяйственной, 298 тыс. лесной (часть этих владельцев латифундий главным образом лесопромышленники, а не сельские хозяева). Скот держат вообще 97,9% из них; рабочий скот — 97,7%; машины употребляют 555 хозяев, и на одно хозяйство приходится, как мы видели, *максимальное число случаев* употребления разных машин; паровой плуг употребляло 81 хозяйство, т. е. 14% всех латифундий. Скота у них — рогатого 148 678 голов, лошадей — 55 591, овец —

703 813, свиней — 53 543. Соединены из этих хозяйств с сахароваренными заводами — 16, с винокуренными — 228, пивоваренными — 6, крахмальными — 16, мельницами — 64. Об интенсификации можно судить по тому, что 211 выделывают свеклу (под ней 26 тыс. га) и 302 — картофель для технической переработки. 21 сбывают молоко в городах (от 1 822 коров, т. е. по 87 коров на 1 хозяйство) и 204 участвуют в молочных товариществах (с 18 273 коровами — по 89 на хозяйство). Не правда ли, как это похоже на «латифундиарное вырождение»?

Переходим к вопросу о среднекрестьянских хозяйствах (5—20 га). Их доля в общем числе хозяйств увеличилась с 17,6% до 18,0% (+ 0,4%), а в общей площади с 28,7% до 29,9% (+ 1,2%). И эти-то данные, вполне естественно, считают своим главным козырем все и всякие «истребители марксизма». Г-н Булгаков выводит отсюда и «вытеснение крупного хозяйства мелким», и «тенденцию к децентрализации», и пр. и пр. Мы показали выше, что именно по отношению «к крестьянству» огульные данные особенно непригодны, особенно способны вводить в заблуждение: именно здесь процессы образования мелких предпринимательских хозяйств и «прогрессы» крестьянской буржуазии всего более способны прикрыть пролетаризацию и обнищание большинства. И если мы вообще по отношению ко всему сельскому хозяйству Германии наблюдаем, с одной стороны, несомненное развитие крупного капиталистического хозяйства (рост латифундий, развитие употребления машин и с.-х. технических производств), а, с другой стороны, еще более несомненное усиление пролетаризации и обнищания (бегство в города, усиление дробления земли, рост числа parcelльных хозяйств, рост подсобной наемной работы, ухудшение питания мелких крестьян и пр.), — то было бы прямо невероятно и невозможно, чтобы те же процессы не имели места среди «крестьянства». Да и детальные данные указывают на эти процессы с полной определенностью, подтверждая ту мысль, что одной статистики площадей в данном случае совершенно недостаточно. Поэтому Каутский был вполне прав, когда на основании общей картины капиталистического развития германского сельского хозяйства заключил, что выводить из этих данных победу мелкого производства над крупным несомненно.

Имеются, однако, и прямые и притом массовые данные, доказывающие, что рост «среднекрестьянских хозяйств» означает *рост нужды*, а не рост довольства и благосостояния. Это — те самые данные о рабочем скоте, к которым г. Булгаков так неудачно подошел и в «Начале», и в своей книге. «Если бы надо было это еще доказывать, — писал г. Булгаков про свое утверждение о прогрессе среднего и упадке крупного хозяйства, — то к признаку количества рабочей силы можно добавить еще признак наличности рабочего скота. Вот красноречивая таблица»*:

	Число предприятий, которые имели скот для полевых работ		Разница
	1882	1896	
0 — 2 ha.....	325 005	306 340	— 18 665
2 — 5 ».....	733 967	725 584	— 8 383
5 — 20 ».....	894 696	925 103	+ 30 407
20 — 100 ».....	279 284	275 220	— 4 064
100 и более ha.....	24 845	24 485	— 360
<i>Всего.....</i>	<i>2 257 797</i>	<i>2 256 732</i>	<i>— 1 065</i>

«Количество хозяйств, имеющих рабочий скот, одинаково уменьшилось и в крупном и в мелком хозяйстве, и увеличилось только в среднем» (журнал «Начало» № 1, стр. 20).

Было бы еще простительно, если бы г. Булгаков в бегло написанной журнальной статье просмотрел ту ошибку, которая побудила его вывести из данных о рабочем скоте как раз обратное тому, что эти данные говорят, — но наш «строгий ученый» и в «исследовании» своем повторяет ту же ошибку (т. II, стр. 127, где, кроме того, цифры + 30 407 и — 360 отнесены к числу штук скота, тогда как они относятся к числу хозяйств, употреблявших рабочий скот; но это, конечно, мелочь).

Мы спросим нашего «строгого ученого», который так храбро говорит о «регрессе крупного хозяйства» (II, 127): какое значение имеет увеличение числа среднекрестьянских, держащих рабочий скот, хозяйств на 30 тысяч, когда

* Мы воспроизводим целиком приводимую г. Вулгановым таблицу, добавляя только отсутствующие у него итоговые цифры.

все число среднекрестьянских хозяйств увеличилось на 72 тысячи (II, 124)? Не ясно ли отсюда, что *процент* среднекрестьянских хозяйств, имеющих рабочий скот, *понижился*? А раз это так, то не следовало ли взглянуть, *какой процент* хозяйств разных групп держал рабочий скот в 1882 и 1895 гг., — тем более, что данные эти приведены на той же самой странице и в той же самой таблице, из которой брал г. Булгаков абсолютные цифры («Stat. d. D. R.», 112. V., S. 31').

Вот эти данные:

	Процент хозяйств, имеющих рабочий скот		Разница
	1882	1895	
0 — 2 ha.....	40,61	9,46	— 1,15
2 — 5 ».....	74,79	71,39	— 3,40
5 — 20 ».....	96,56	92,62	— 3,94
20 — 100 ».....	99,21	97,68	— 1,53
100 и более ha.....	99,42	97,70	— 1,72
<i>Всего</i>	42,79	40,60	— 2,19

Итак, процент хозяйств с рабочим скотом *вообще* понижился на два слишком процента, причем *выше среднего* это понижение в мелкокрестьянских и среднекрестьянских хозяйствах, *ниже среднего* — в крупных хозяйствах*. Кроме того, не надо забывать, что «именно в крупных хозяйствах часто вместо животной силы употребляется механическая в виде всякого рода машин вообще и паровых в частности (паровые плуги и пр.)» («Stat. d. D. R.», 112. V., S. 32'). Поэтому, если среди крупных хозяйств (100 и более ha) число хозяйств с рабочим скотом уменьшилось на 360, а в то же время число хозяйств, употребивших паровые плуги, *возросло на 615* (710 в 1882 г. и 1 325 в 1895 г.),

* Всего меньше понижение в самых мелких хозяйствах, на которых сравнительно ничтожная доля держит рабочий скот; мы увидим дальше, что именно в этих хозяйствах (и только в них) улучшился и состав рабочего скота, т. е. стали держать сравнительно больше лошадей и волов, сравнительно меньше коров. Это ясно указывает, как и заметили справедливо авторы немецкой анкеты (S. 32'), что хозяева самых мелких участков держат рабочий скот не для земледелия только, а для «сторонних работ по найму». Поэтому по вопросу о рабочем скоте было бы вообще неправильно принимать в расчет парцельные хозяйства, поставленные в совершенно исключительные условия.

то ясно, что в общем и целом крупные хозяйства не только не проиграли, а даже выиграли. Следовательно, мы получаем тот вывод, что единственная группа германских земледельцев, несомненно *улучшившая* условия хозяйства (в отношении употребления скота для полевых работ или замены скота паром), это — *крупные* хозяйства, с 100 и > га. Во всех остальных группах условия хозяйства ухудшились, и *всего более ухудшились они именно в группе среднекрестьянских хозяйств*, где понижение процента хозяйств с рабочим скотом *наивысшее*. Разница между крупными (100 и > га) и средними (5—20 га) хозяйствами по высоте процента хозяйств с рабочим скотом прежде была менее трех процентов (99,42—96,56), а теперь стала более пяти процентов (97,70—92,62).

Этот вывод еще очень значительно усиливается данными о составе рабочего скота. Чем мельче хозяйство, тем хуже состав рабочего скота: тем меньше сравнительно употребляется для полевых работ волов и лошадей и тем больше употребляется гораздо более слабых *коров*. Вот данные о том, как обстояло дело в рассматриваемом отношении в 1882 и 1895 годах:

На сто хозяйств, имевших скот для полевых работ, употребляли:

	Только коров			Коров, а также лошадей или волов		
	1882	1895		1882	1895	
0 — 2 га.....	83,74	82,10	—1,64	85,21	83,95	—1,26
2 — 5 ».....	68,29	69,42	+1,13	72,95	74,93	+1,98
5 — 20 ».....	18,49	20,30	+1,81	29,71	34,75	+5,04
20 — 100 ».....	0,25	0,28	+0,03	3,42	6,02	+2,60
100 и более га.....	0,00	0,03	+0,03	0,25	1,40	+1,15
Всего —	41,61	41,82	+0,21	48,18	50,48	+2,30

Мы видим общее ухудшение состава рабочего скота (парцелльные хозяйства, по указанной уже причине, в счет не идут) и *наибольшее ухудшение именно в группе среднекрестьянских хозяйств*. В этой группе из числа имеющих рабочий скот хозяйств *всего больше* увеличился процент таких, которые вынуждены употреблять для полевых работ *и коров*, — а также таких, которые могут употреблять для полевых работ *только коров*. В настоящее время уже более

трети имеющих рабочий скот среднекрестьянских хозяйств вынуждено употреблять для полевых работ коров (что ведет, конечно, и к ухудшению пахоты, а, следовательно, к уменьшению урожаев и к уменьшению удоильности коров), — и уже более пятой части могут употреблять для полевых работ только коров.

Если мы возьмем количество употреблявшегося для полевых работ скота, то увидим во всех группах (за исключением parcelльных хозяйств) увеличение числа коров. Число же лошадей и волов изменилось так:

Количество (в тысячах) употреблявшихся для полевых работ лошадей и волов

	1882	1895	Разница
0 — 2 га.....	62,9	69,4	+ 6,5
2 — 5 ».....	308,3	302,3	— 6,0
5 — 20 ».....	1437,4	1430,5	— 6,9
20 — 100 ».....	1168,5	1155,4	— 13,1
100 и более га.....	650,5	695,2	+ 44,7
Всего.....	3627,6	3652,8	+ 25,2

За исключением parcelльных хозяйств, увеличение собственно рабочего скота наблюдается *только* у крупных хозяев.

Общий вывод, следовательно, об изменении условий хозяйства по отношению к животной и механической силе для полевых работ такой: *улучшение* только у крупных хозяев, ухудшение у остальных и *наибольшее* ухудшение в *среднекрестьянских хозяйствах*.

Данные за 1895 г. позволяют нам далее разделить всю группу среднекрестьянских хозяйств на две подгруппы: с 5—10 га и с 10—20 га. Как и следовало ожидать, в первой (гораздо более многочисленной по числу хозяйств) подгруппе условия хозяйства по отношению к употреблению рабочего скота несравненно хуже. Из 606 тыс. владельцев 5—10 га имеют рабочий скот 90,5% (из 393 тыс. с 10—20 га — 95,8%), а из этих последних употребляют для полевых работ коров — 46,3% (17,9% в гр. с 10—20 га); употребляют только коров 41,3% (4,2% в гр. с 10—20 га). И вот оказывается, что именно эта группа с 5—10 га, особенно плохо обставленная по отношению к употреблению

рабочего скота, и *увеличилась всего более* как по числу хозяйств, так и по площади, с 1882 г. по 1895 год. Вот соответствующие данные:

Процентное отношение ко всему количеству

	хозяйств		всей площади		с.-х. площадь	
	1882	1895	1882	1895	1882	1895
5—10 га	10,50	10,90 + 0,40	11,90	12,37 + 0,47	12,26	13,02 + 0,76
10—20 »	7,06	7,07 + 0,01	16,70	16,59 - 0,11	16,48	16,88 + 0,40

В группе с 10—20 га увеличение числа хозяйств совершенно ничтожно; доля всей площади даже уменьшилась, а доля сельскохозяйственной площади увеличилась гораздо меньше, чем у хозяйств с 5—10 га. Следовательно, рост среднекрестьянских хозяйств падает главным образом (отчасти даже исключительно) на группу с 5—10 га, т. е. на ту группу, в которой условия хозяйства по отношению к употреблению рабочего скота особенно плохи.

Мы видим таким образом, что статистика неопровержимо устанавливает истинное значение пресловутого роста средних крестьянских хозяйств: это не рост довольства, а *рост нужды*, не прогресс мелкого земледелия, а его *принижение*. Если среднекрестьянские хозяйства *всего более* ухудшили условия своего хозяйства, всего более должны были расширить употребление коров для полевых работ, то мы по одной этой стороне хозяйства (и одной из самых важных сторон хозяйства вообще) не только вправе, но и обязаны сделать вывод о всех остальных сторонах хозяйства. Если увеличилось число безлошадных (употребляя знакомый русскому читателю и вполне применимый к данному случаю термин), если ухудшился состав рабочего скота, то не может подлежать никакому сомнению, что ухудшилось и содержание скота вообще, ухудшилось обращение с землей, ухудшилось питание и обстановка жизни земледельца, ибо в крестьянском хозяйстве, как всем и каждому известно, чем хуже содержится и чем тяжелее работает скот, тем хуже живет и тяжелее работает также и человек, и обратно. Выводы, сделанные нами выше из детального исследования Кlawki, вполне подтверждаются массовыми данными о всех мелких крестьянских хозяйствах Германии.

IX

МОЛОЧНОЕ ХОЗЯЙСТВО И СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЕ
ТОВАРИЩЕСТВА В ГЕРМАНИИ.
СЕЛЬСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ ГЕРМАНИИ ПО ПОЛОЖЕНИЮ
В ХОЗЯЙСТВЕ

Мы остановились так подробно на данных о рабочем скоте, потому что это — единственные данные (кроме ра- зобранных нами выше о машинах), которые позволяют заглянуть, так сказать, во внутрь хозяйства, в его оборудо- вание, его постановку. Все остальные данные — о коли- честве земли (которые мы уже приводили), о количестве скота (которые мы сейчас приведем) — описывают хозяй- ство только внешним образом, приравнивая то, что заве- домо неравно, ибо обращение с землей, а, следовательно, и урожайность ее, качество скота и производительность его различны в различных хозяйствах. Как ни общеизвестен факт этой разницы, в общих статистических выклад- ках о ней обыкновенно забывают, и только данные о ма- шинах и о рабочем скоте дают хоть некоторую возможность учесть эту разницу, показывают, в чью пользу (в общем и целом) эта разница. Если крупные хозяйства больше упо- требляют тех особенно сложных и дорогих машин, которые одни только учитываются статистикой, то ясно, что и все остальные орудия, о которых статистика умалчивает (плуги, бороны, телеги и проч.), в крупных хозяйствах луч- шего качества, полнее в каждом отдельном хозяйстве пред- ставлены и полнее (вследствие большего размера хозяйств) утилизируются. То же относится и к живому инвентарю. Мелкому хозяину неизбежно приходится противопоста- влять этим преимуществам прилежание и экономию (дру- гих орудий в борьбе за существование у него нет), и потому эти качества не случайно, а всегда и неизбежно отличают мелкого крестьянина в капиталистическом обществе. Бур- жуазный экономист (и современный «критик», который и в этом вопросе, как и во всех остальных, волочится у него в хвосте) называет это добродетелью бережливости, выдержки и проч. (ср. Гехт и Булгаков) и ставит в заслугу крестьянину. Социалист называет это чрезмер- ным трудом (*Ueberarbeit*) и недостаточным потреблением (*Unterkonsumption*) и ставит это в вину капитализму,

стараясь раскрыть глаза крестьянину на всю лживость маниловских речей, возводящих в добродетель социальное принижение и тем самым старающихся увековечить это принижение.

Перейдем к данным о распределении скота между разными группами германских земледельцев в 1882 и 1895 гг. Вот главные результаты этих данных:

	Относительные числа:								
	Всего скота (по стоимости)			Рогатого скота			Свиней		
	1882	1895	±	1882	1895	±	1882	1895	±
0— 2 га	9,3	9,4	+0,1	10,5	8,3	-2,2	24,7	25,6	+0,9
2— 5 „	13,1	13,5	+0,4	16,9	16,4	-0,5	17,6	17,2	-0,4
5— 20 „	33,3	34,2	+0,9	35,7	36,5	+0,8	31,4	31,1	-0,3
20—100 „	29,5	28,8	-0,7	27,0	27,3	+0,3	20,6	19,6	-1,0
100 и более га	14,8	14,1	-0,7	9,9	11,5	+1,6	5,7	6,5	+0,8
Всего	100	100	—	100	100	—	100	100	—

Таким образом доля крупного хозяйства в общем количестве скота уменьшилась, доля среднекрестьянских хозяйств возросла всех больше. Мы говорим о количестве всего скота, хотя данные относятся к стоимости, по той причине, что предположение статистиков о равной стоимости каждой штуки скота в разных группах заведомо неверно. Данные о стоимости, давая возможность складывать разные виды скота (результаты этого можно бы достигнуть и переводом скота на крупный, но это потребовало бы от нас новой счетной работы, выводов же сколько-нибудь существенно изменить не могло бы), показывают именно распределение всего живого инвентаря по количеству, а не по действительной стоимости. Так как скот у крупных хозяев лучше, чем у мелких, и, вероятно, улучшается больше, чем у них (судя по улучшению мертвого инвентаря), то эти данные в весьма значительной степени преуменьшают действительное превосходство крупного хозяйства.

Что касается отдельных видов скота, то надо заметить, что уменьшение доли крупного хозяйства всецело зависит от упадка торгового овцеводства: число овец уменьшилось с 1882 по 1895 год с 21,1 миллиона до 12,6 миллиона, т. е. на 8,5 миллиона, причем из всей суммы этой убыли 7 миллионов падает на хозяйства с 20 и более га. К развиваю-

щимся отраслям торгового скотоводства в Германии принадлежит, как известно, в особенности молочное и мясное скотоводство. Мы взяли поэтому данные о рогатом скоте и свиньях, причем оказалось, что крупное хозяйство (100 и > ha) в обеих этих отраслях скотоводства сделало *наибольший шаг вперед*: увеличение его доли в общем количестве рогатого скота и свиней наибольшее. Этот факт тем более обращает на себя внимание, что размер скотоводческих хозяйств обыкновенно бывает ниже размера хозяйств земледельческих, и поэтому можно было бы ожидать более быстрого развития не крупных капиталистических, а средних капиталистических хозяйств. Общий вывод (по отношению к количеству, но не качеству скота) должен быть такой: крупные хозяева потеряли всех больше от сильного упадка торгового овцеводства, и этот минус они не уничтожили, а только ослабили более значительным (по сравнению с мелкими и средними хозяйствами) увеличением разведения рогатого скота и свиней.

Говоря о молочном скотоводстве, мы не можем пройти мимо чрезвычайно поучительных и неиспользованных, насколько нам известно, данных по этому вопросу, имеющих в германской статистике. Но это относится уже к общему вопросу о соединении с земледелием технических производств, и нам надо остановиться на этом вопросе ввиду нового поразительного извращения фактов г. Булгаковым. Как известно, соединение с земледелием технической переработки продуктов сельского хозяйства представляет из себя один из наиболее рельефных признаков специфически капиталистического прогресса в земледелии. Г-н Булгаков еще в «Начале» заявлял: «На мой взгляд, значение этого соединения раздуто Каутским до последней степени: если взять данные статистики, то количество земли, связанной таким образом с промышленностью, совершенно ничтожно» (№ 3, стр. 32). Довод очень слабый, ибо технической прогрессивности этого соединения г. Булгаков отрицать не решается, а самый главный вопрос — крупное или мелкое производство есть носитель этого прогресса — он просто обходит. А так как статистика дает совершенно точный ответ на этот вопрос, то г. Булгаков в книге своей пускается... *sit venia verbo!**

* — с позволения сказать! Ред.

на хитрости. Он приводит процент хозяйств (всех вообще, а не по группам!), соединенных с теми или другими техническими производствами, и замечает: «Не нужно думать, что они соединены главным образом с крупными хозяйствами» (II, 116). Как раз наоборот, почтеннейший г. профессор: именно это и нужно думать, и ваша табличка (не дающая процента соединенных с техническими производствами хозяйств ко всему числу хозяйств данной группы) только отводит глаза несведущему или невнимательному читателю. Приводим (чтобы не пестрить страниц цифрами) вместе число хозяйств, соединенных с сахароваренными, винокуренными, крахмальными, пивоваренными заводами и мельницами (сумма дает, следовательно, число случаев соединения земледельческих хозяйств с техническими производствами), и получаем такую картину:

	Все число хозяйств	Число случаев соединения с технич. произв.	
			%
0 — 2 ha.....	3 236 367	11 364	0,01
2 — 5 ».....	1 016 318	13 542	1,09
5 — 20 ».....	998 804	25 879	2,30
20 — 100 ».....	281 767	8 273	2,52
100 и более ha.....	25 061	4 006	15,72
<i>Всего</i>	5 558 317	63 064	1,14
<hr/>			
Хозяйства с 1 000 и более ha.....	572	330	57,69

Таким образом, процент соединенных с техническими производствами хозяйств ничтожен в мелком хозяйстве и достигает заметной величины только в крупном (и громадной величины в латифундиях, из которых *больше половины* пользуется выгодами этого соединения). Если мы сопоставим с этим фактом приведенные выше данные о машинах и рабочем скоте, то читатель поймет всю претенциозную вадорность изречений г. Булгакова об «иллюзии консервативных» марксистов, «что крупное хозяйство является носителем хозяйственного прогресса, а мелкое — регресса» (II, 260).

«Подавляющее количество (сахарной свеклы и картофеля для винокурения) производилось, — продолжает г. Булгаков, — в мелких хозяйствах».

Как раз наоборот: *именно в крупных:*

	Число хозяйств, сеющих сахарную свеклу	% ко всему числу хозяйств	Площадь под свеклой в гектарах	%	Число хозяйств, сеющих картофель для технической переработки	% ко всему числу хозяйств
0 — 2 га.....	10 781	0,38	3 781	1,0	565	0,01
2 — 5 ».....	21 413	2,10	12 693	3,2	947	0,09
5 — 20 ».....	47 145	4,72	48 213	12,1	3 023	0,30
20 — 100 ».....	26 643	9,45	97 782	24,7	4 293	1,52
100 и более га.....	7 262	28,98	233 820	59,0	5 195	20,72
<i>Всего</i>	113 244	2,03	396 289	100	14 023	0,25
Хозяйства с 1 000 и более га.....	211	36,88	26 127	—	302	52,79

То есть, опять-таки, процент хозяйств, сеющих свеклу и картофель для технической переработки, совершенно ничтожен в мелких хозяйствах, значителен в крупных и очень высок в латифундиях. Подавляющее количество свеклы — 83,7%, судя по площади под свеклой, производится в крупных хозяйствах*.

Точно так же совершенно не выяснил себе г. Булгаков и «долю крупного хозяйства» в молочном хозяйстве (II, 117), а эта отрасль торгового скотоводства принадлежит к особенно быстро развивающимся во всей Европе и является равным образом одним из признаков

* Решительная... неудача утверждений г. Булгакова насчет технических производств так странна, что у нас невольно является вопрос: не зависит ли эта неудача от того, что г. Булгаков выписал приведенные в немецкой анкете таблички, не заметив, что в этих табличках дается процентное отношение числа соединенных с техническими производствами хозяйств *вообще не ко всему числу хозяйств данной группы?* С одной стороны, трудно допустить в «исследовании» строгого ученого такой ряд оплошностей (с рядом горделивых выводов). С другой стороны, тождественность табличек г. Булгакова с табличками анкеты (S. 40* и 41*) — несомненна... Ох, эти «строгие ученые»!

сельскохозяйственного прогресса. Вот данные о хозяйствах, продающих молоко и молочные продукты в городах:

	Число таких хозяйств	% к итогу*	% по всему числу хозяйств в группе	Число коров у них	% к итогу	На 1 хо- зяйство коров
0 — 2 га	8 998	21,46	0,3	25 028	11,59	2,8
2 — 5 „	11 049	26,35	1,1	30 275	14,03	2,7
5 — 20 „	15 344	36,59	1,5	70 916	32,85	4,6
20 — 100 „	5 676	13,54	2,0	58 439	27,07	10,3
100 и более га	863	2,06	3,4	31 213	14,46	36,1
<i>Всего</i>	41 930	100,0	0,8	215 871	100	5,1

Хозяйства с 1 000 и более га.....	21	—	3,7	1 822	—	87,0
---	----	---	-----	-------	---	------

Таким образом, крупные хозяйства и здесь стоят впереди: процент участвующих в молочной торговле сельских хозяев тем выше, чем крупнее хозяйство, и в латифундиях он выше всего («латифундиарное вырождение»). Напр., по сравнению с среднекрестьянскими (5—20 га) хозяйствами крупные (100 и > га) более, чем в два раза, чаще (3,4% и 1,5%) сбывают молоко в города.

Что крупные (по площади земли) хозяйства ведут также крупное молочное хозяйство, это видно из данных о числе коров на 1 хозяина, достигающем 36 у хозяев с 100 и > га и даже 87 в латифундиях. Вообще у явно капиталистических хозяйств (20 и > га) сосредоточено 41,5% всего числа коров, молоко от которых сбывается в города, хотя эти хозяева составляют ничтожную долю общего числа хозяев (5,52%) и весьма небольшую долю в числе хозяйств, сбывающих молоко в городах (15,6%). Прогресс именно капиталистического хозяйства и капиталистическая концентрация данной отрасли торгового скотоводства не подлежат, следовательно, сомнению.

Но концентрация молочного хозяйства далеко не полно характеризуется данными о группах хозяйств по величине площадей. Понятно уже и а priori**, что могут и должны

* Мы приводим этот столбец, чтобы читатель составил себе полное представление о приемах г. Вулганова, который только на этот столбец (звезды из анкеты) ссылается в подтверждение своих выводов!

** — варшав. Ред.

быть хозяйства с равной площадью, но неравным количеством скота вообще и молочного скота в частности. Сопоставим прежде всего распределение между хозяйствами *всего* рогатого скота и всего числа коров, молоко от которых сбывается в города.

	Процентные доли		
	всего рогатого скота	числа коров, от которых молоко сбывается в город	Разница
0 — 2 га.....	8,3	11,6	+ 3,3
2 — 5 »	16,4	14,0	— 2,4
5 — 20 »	36,5	32,8	— 3,7
20 — 100 »	27,3	27,1	— 0,2
100 и более га.....	11,5	14,5	+ 3,0
<i>Всего</i>	100,0	100	

Мы видим таким образом еще раз, что *всего хуже* оказывается положение именно *среднекрестьянских* хозяйств: из всего количества своего рогатого скота эта группа утилизирует наименьшую долю для сбыта молока в города (т. е. для наиболее выгодной отрасли молочного хозяйства). Наоборот, крупные хозяйства поставлены очень выгодно, утилизируя для сбыта в города молока сравнительно большую долю всего своего рогатого скота*. Но еще выгоднее положение самых мелких хозяев, утилизирующих *наибольшую* долю своего рогатого скота для молока в городах. Следовательно, в этих хозяйствах развиваются уже специально «молочные» фермы, для которых земледелие отодвигается на второй план или даже вовсе отсутствует (из 8 998 хозяйств этой группы, сбывающих молоко в городах, 471 хозяйство вообще не имеет земледельческой площади, и у этих хозяев 5 344 коровы, т. е. по 11,3 коровы на 1 хозяина). Мы получаем интересные данные о концентрации молочного хозяйства в пределах одной и той же по размеру земледельческой площади группы, если выделим, при помощи данных германской статистики, хозяйства с 1 и с 2 коровами.

* Эта разница не может быть объяснена тем, что в состав рогатого скота входят в неравном размере вола, ибо в крупном хозяйстве процент волов (по крайней мере, употребляемых для полевых работ) ко всему количеству рогатого скота выше, чем в среднекрестьянском хозяйстве.

Хозяйства, сбывающие молочные продукты в городах

	Число хозяйств	В том числе:		с 3 и более коров	У этих последних коров	Или на 1 хоз.	Всего коров
		с 1 кор.	с 2 кор.				
0—50 ар*	1 944	722	372	850	9 789	11,5	11 255
50 ар—2 га	7 054	3 302	2 552	1 200	5 367	4,5	13 773
<hr/>							
0—2 га	8 993	4 024	2 924	2 050	15 156	7,4	25 029
2—5 »	11 049	1 862	4 497	4 690	19 419	4,3	30 275

Среди хозяйств с совершенно ничтожной земледельческой площадью (0— $\frac{1}{2}$ га) мы видим громадную концентрацию молочного хозяйства: меньше половины этих хозяйств (850 из 1 944) сосредоточивают почти $\frac{9}{10}$ всего числа коров в этой группе (9 789 из 11 255), имея в среднем по 11,5 коров. Это уже вовсе не «мелкие» хозяйства, — это хозяйства с оборотом, достигающим, вероятно (в особенности около больших городов), нескольких тысяч марок в год, и вряд ли обходящиеся без наемных рабочих. Быстрый рост городов неуклонно увеличивает число таких «молочных фермеров», и всегда будут находиться, конечно, Гехты, Давиды, Герцы и Черновы, которые будут утешать задавленного нуждой массового мелкого крестьянина примером его единичного собрата, «вышедшего в люди» благодаря молочному хозяйству, табаководству и проч.

В группе хозяйств с $\frac{1}{2}$ —2 га мы видим, что менее пятой доли хозяйств (1 200 из 7 054) концентрируют свыше двух пятых всего числа коров (5 367 из 13 773); в группе с 2—5 га меньше половины хозяйств (4 690 из 11 049) — свыше трех пятых всего числа коров (19 419 из 30 275) и т. д. К сожалению, немецкая статистика не дает возможности выделить группы с более значительным числом коров**. Но и при-

* — ар — одна сотая гектара. Ред.

** Вернее, обработка данных немецкой статистики не дает этой возможности, ибо сведения имелись у авторов анкеты о каждом хозяйстве отдельно (по ответам сельских хозяйств на разосланные им листки). Кстати заметить: это собирание сведений о каждом хозяйстве отдельно выгодно отличает немецкую сельскохозяйственную статистику от французской, а, повидимому, также и от английской и других. Такая система дает возможность выделить хозяйства разных типов не только по величине площади, но и по размерам, напр., молочного хозяйства, по употреблению машин, по степени развития технических производств и т. д. Для этого необходима только более обстоятельная обра-

веденные данные вполне подтверждают тот общий вывод, что *концентрация капиталистического земледелия в действительности гораздо сильнее, чем это можно бы думать по данным одной только статистики площадей*. Такая статистика соединяет вместе мелкие по величине площади и по размеру хлебного производства хозяйства с крупными хозяйствами по размеру молочного или мясного скотоводства, виноградарства, табаководства, огородничества и пр. Конечно, все эти отрасли сравнительно с производством хлеба отступают далеко на второй план, и известные *массовые* выводы сохраняют свое полное значение и по данным о площадях. Но, во-первых, некоторые из специальных отраслей торгового земледелия растут особенно быстро именно в Европе и особенно характерны для процесса его *капиталистической* эволюции, а, во-вторых, указанное обстоятельство сплошь и рядом забывается и при ссылках на отдельные примеры или районы, и здесь открывается широчайшее поприще для той мешанской апологетики, образцы которой нам дали Гехт, Давид, Герц, Чернов. Они ссылались на табаководов, которые, по общей площади хозяйства, «*echte und rechte Kleinbauern*»*; но по размеру табаководства они вовсе не «мелкие» хозяева, и если взять данные о табаководстве специально, то мы и в нем увидим капиталистическую концентрацию. Напр., во всей Германии считалось в 1898 г. 139 тыс. табаководов с 17,6 тыс. га под табаком, но из этих 139 тыс. — 88 тыс., т. е. 63%, имеют вместе не более 3,3 тыс. га, т. е. всего пятую долю общей суммы табачных

ботка данных статистики, именно: во-первых, группировка хозяйств не по одному признаку (величина площади), а по нескольким признакам (количество машин, снога, площади под специальными культурами и пр.), а во-вторых, комбинирование различных группировок, т. е. разделение каждой группы, напр., по величине площади, на подгруппы по количеству снога и т. д. Образцом в этом отношении могла бы послужить и должна была бы послужить русская земская статистика крестьянского хозяйства. Насколько правительственная немецкая статистика выше *правительственной* русской по широте и полноте, единообразию и точности сведений, быстроте их обработки и опубликования, — настолько наша земская статистика выше европейских частичных анкет и исследований по замечательной полноте отдельных данных и деталям их обработки. Русская земская статистика давно уже ввела и подворное обследование, и равнообразные групповые таблицы, и те комбинационные таблицы, о которых мы говорили. Ближайшее ознакомление европейцев с нашей земской статистикой, вероятно, дало бы сильный толчок прогрессу социальной статистики вообще.

* — «настоящие мелкие крестьяне». Ред.

посевов; остальные четыре пятых находятся в руках 37% хозяев*.

То же самое и с виноградарством. Вообще площадь «среднего» виноградника, напр., в Германии очень мала: 0,36 гектара (344 850 хозяев и 126 109 га под виноградом). Но распределение виноградарей таково, что у 49% (до 20 аг виноградника) только 13% всех виноградников, у «средних» 30% хозяев (20—50 аг) — 26% и у крупных 20% ($1\frac{1}{2}$ га и выше) — 61% виноградников, т. е. более трех пятых**. Еще несравненно сильнее концентрация торгового огородничества (Kunst- und Handelsgärtnerei), которое так быстро растет во всех капиталистических странах в непосредственной зависимости от роста больших городов, крупных железнодорожных станций, индустриальных поселков и пр. В Германии считалось в 1895 г. 32 540 хозяйств с торговыми огородами и с 23 570 гектарами площади под нимп, — в среднем менее одного гектара. Но большая половина этой площади (51,39%) сосредоточена в руках 1932 хозяев, т. е. 5,94% всех огородников. Как велики площади огородов и остальной служащей для сельского хозяйства земли у этих крупных хозяев, видно из таких цифр: 1 441 огородник с огородом в 2—5 га имеет в среднем огородной земли по 2,76 га, а вообще земли по 109,6 га; 491 огородник с 5 га и более огородной земли имеет в среднем по 16,54 га огорода и всего земли по 134,7 гектаров.

* «Die deutsche Volkswirtschaft am Schlusse des 19. Jhrhd.», Berl. 1900, S. 60 («Немецкое народное хозяйство в конце 19 века». Берлин, 1900 г., стр. 60. *Ред.*): это по очень грубым данным фискальной статистики. Для России мы имеем такие сведения о распределении табаководства по трем уездам Полтавской губернии: из всего числа 25 089 крестьянских хозяйств с посевом табана 3015 хозяйств (т. е. менее $\frac{1}{2}$) имеют 74 565 дес. хлебных посевов и 146 774 дес., т. е. более половины, и 3 239 дес. табачных посевов из 6 844 дес., т. е. около половины. Группировка же этих хозяйств по размерам табачных плантаций показывает, что 324 хозяйства (из 25 089) имеют по 2 и более десятины под табаном, а всего 2 360 дес. из 6 844. Это те крупные табаководы-капиталисты, о безобразной эксплуатации которых рабочим так часто появляются известия. Выше полудесятины под табаном имели всего 2 773 хозяйства (немного более $\frac{1}{10}$), у них было 4 145 дес. под табаном из 6 844. См. «Обзор табаководства в России», вып. II и III. СПб. 1894.

** Интересно отметить, что во Франции, где виноградарство развито несравненно сильнее (1 800,5 тыс. гектаров), и концентрация виноградников гораздо более значительна. Но для суждения о ней приходится ограничиться данными общей статистики площадей, ибо во Франции не собирают сведений по отдельным хозяйствам и неизвестно число владельцев виноградников. В руках хозяев, имеющих всей земли 10 и более гектаров, находится в Германии — 12,83% всех виноградников, во Франции же — 57,02%.

Возвратимся к молочному хозяйству, данные о котором помогают нам ответить на вопрос о значении коопераций, превращаемых Герцем в панацею от капитализма. Герц видит «главную задачу социализма» в их поддержке (S. 21, русск. пер. 62; S. 89, русск. пер. 214), а г. Чернов, разбивающий себе, как водится, лоб от усердного поклонения новым божкам, сочинил уже «некапиталистическую эволюцию земледелия» при помощи кооперации. О теоретическом значении подобного замечательного открытия нам придется вообще сказать несколько слов ниже. Теперь мы отметим, что поклонники коопераций любят ссылаться на то, чего «возможно» достигнуть при их помощи (см. пример выше). А мы покажем лучше, что действительно достигается при помощи коопераций в современном капиталистическом строе. Немецкая статистика зарегистрировала при переписи хозяйств и занятий в 1895 году все земельные хозяйства, участвующие в товариществах для сбыта молочных продуктов (Molkereigenossenschaften und Sammelmolkereien), а равно и число коров, от которых каждый такой хозяин сбывает молочные продукты. Это, насколько мы знаем, едва ли не единственные массовые данные, точно определяющие не только степень участия хозяев разных разрядов в товариществах, но и — что особенно важно — хозяйственный, так сказать, размер этого участия, т. е. величину той именно отрасли хозяйства, которую каждый входит в товарищество (число коров, дающих продукт, сбыт которого товариществами организован). Приводим эти данные, распределенные на пять главных групп по величине земли у хозяев:

Хозяйства, участвующие в товариществах для сбыта молочных продуктов

	Число таких хозяйств	%		Число коров у них	%	На 1 хозяйна коров
		во всему числу хозяйств	% в итогу*			
0 — 2 га.....	10 300	0,3	6,95	18 556	1,71	1,8
2 — 5 ».....	31 819	3,1	21,49	73 156	6,76	2,3
5 — 20 ».....	53 597	5,4	36,19	211 236	19,51	3,9
20 — 100 ».....	43 561	15,4	29,42	418 563	38,65	9,6
100 и более га....	8 805	35,1	5,95	361 435	33,37	41,0
Всего....	148 082	2,7	100,00	1 082 946	100,00	7,3
Хозяйства с 1 000 и более га.....	204	35,6	—	18 273	—	89,0

* Г-н Булганов заявил: «Доля крупного хозяйства здесь будет ясна из следующих цифр» (II, 117) и привел только эти, которые «долю крупного хозяйства» не вычислил, а скорее (без сравнения с другими цифрами) *затемлял*.

Итак, из мелких земледельцев в товариществах участвует совершенно ничтожное меньшинство — 3—5%, т. е. такая доля, которая, вероятно, даже меньше доли капиталистических хозяйств и в низших группах. Напротив, из крупных, заведомо капиталистических хозяйств в товариществах участвует в три-семь раз больший процент, чем даже в среднекрестьянских хозяйствах. А латифундии участвуют в товариществах чаще всего. Мы можем судить теперь о всей безграничной наивности австрийского Ворошилова, Герца, который, возражая Каутскому тем, что в «германском сельскохозяйственном союзе для закупок (Bezugsvereinigunг), в который входят самые крупные товарищества, представлено 1050 000 сельских хозяев» (S. 112, русск. пер. 267, курсив Герца), — заключает, что, *значит*, не только крупные хозяева (выше 20 га всего 306 тыс. хозяев), но и крестьяне участвуют в товариществах! Стоило Герцу немного подумать над своим же собственным предположением (участие *всех* крупных хозяев в товариществах), и он увидел бы, что если крупные все входят в число членов товариществ, то *значит* из остальных входит *меньшая доля*, — значит, вполне подтверждается вывод Каутского о *превосходстве крупного хозяйства над мелким и в отношении кооперативной организованности*.

Но еще интереснее данные о числе коров, сбыт продукта от которых организован товариществами: *подавляющее большинство* этих коров, *почти три четверти* (72%), принадлежит крупным хозяевам, ведущим *капиталистическое молочное хозяйство* и имеющим по десяти, сорока, даже восьмидесяти (в латифундиях) коров на одно хозяйство. И теперь послушайте Герца: «Мы утверждаем, что *товарищества приносят наибольшую пользу именно мелким и самым мелким владельцам*»... (S. 112, русск. пер. 269, курсив Герца). Ворошиловы везде одинаковы: и в России и в Австрии, когда Ворошилов, бия себя в грудь, говорит и подчеркивает: «Мы утверждаем», — можно быть уверенным, что он утверждает как раз то, чего нет.

В заключение нашего обзора данных немецкой аграрной статистики бросим взгляд на общую картину распределения занятого сельским хозяйством населения по положению в хозяйстве. Мы берем, конечно, только сельское хозяйство в собственном смысле (А 1, а не А 1 — 6, по немецкому обозначению, т. е. не считываем вместе с земледель-

цами рыболовов, лесопромышленников и охотников), а затем берем данные о лицах, для которых земледелие было *главным занятием*. Немецкая статистика делит это население на три главные группы: а) самостоятельные (т. е. хозяева-собственники, арендаторы и пр.); б) служащие (управляющие, старосты, надсмотрщики, конторщики и пр.) и с) рабочие, причем эта последняя группа разделяется на следующие четыре подгруппы: с¹) «члены семьи, работающие в хозяйстве главы семьи, отца, брата и т. п.». Другими словами, это — семейные рабочие в отличие от наемных рабочих, к каковым относятся остальные подгруппы группы с. Ясно поэтому, что для изучения социального состава населения (и капиталистической эволюции его) этих семейных работников надо соединить в одну группу не с наемными рабочими, как это обыкновенно делают, а с хозяевами (а), ибо эти семейные работники, в сущности, тоже совладельцы, члены хозяйских семей, имеющие право наследования и т. п. Далее, подгруппа с²) сельскохозяйственные батраки и батрачки (Knechte und Mägde); с³) «сельскохозяйственные поденщики и прочие рабочие (овчары, пастухи) с собственной или арендованной землей». Следовательно, это — группа лиц, в одно и то же время и хозяев и наемных рабочих, т. е. промежуточная, переходная группа, которую следует поставить особо. Наконец, с⁴) «тоже — без собственной и без арендованной земли». Мы получаем, таким образом, три основные группы: I. Хозяева — владельцы земли и члены хозяйских семей. II. Хозяева — владельцы земли и в то же время наемные рабочие. III. Не владеющие землей наемные рабочие (служащие, батраки и поденщики). Вот как распределялось сельское население*

* Мы говорим только о населении «активном» (по французскому обозначению; «*erwerbthätige*» — по немецкому), т. е. действительно занимающемуся земледелием, не считая прислугу и тех членов семей, которые не принимают правильного и постоянного участия в земледельческих работах. Русская социальная статистика так неразвита, что не выработан даже особый термин для этого понятия «active», «*erwerbthätig*», «occupied». Якоби в своей обработке данных о занятиях петербургского населения («С.-Петербург по переписи 1890 года») употребляет термин «самостоятельные», но этот термин неудобен, ибо под «самостоятельными» принято разуметь хозяев, и таким образом деление по участию или неучастию в промысловой (в широком смысле слова) деятельности смешивается с делением по положению лица в промысле (хозяин-рабочий одиночка). Возможен термин: «производительное население», но и он негоден, ибо, напр., военные, рабье и т. п. классы уже совсем не «производительные». Может быть, удобнее был бы термин: «промысловое» население, т. е. участвующее во всякого рода «промысловой» (= дающей доход) деятельности, в отличие от тех, кто живет на счет «промышленящих».

Германии между этими группами в 1882 и 1895 годах:

	Активное (промысловое) население, видящее в земледелии свое главное занятие (в тысячах)			
	1882	1895		
а) хозяева-владельцы земли	2 253	2 522	+ 269	
с ¹) члены хозяйских семей	1 935	1 899	— 36	
I	4 188	4 421	+ 233	+ 5,6%
с ²) рабочие с землей (II)	866	383	— 483	— 55,8%
I + II	5 054	4 804	— 250	
б) служащие	47	77	+ 30	
с ³) батраки	1 589	1 719	+ 130	
с ⁴) рабочие без земли	1 974	1 445	+ 71	
III	3 010	3 241	+ 231	+ 7,7%
<i>Всего</i>	8 064	8 045	— 19	— 0,2%

Итак, все активное население уменьшилось, хотя и незначительно. Внутри его мы видим уменьшение населения, владеющего землей (I + II), и увеличение безземельного населения (III). Это ясно показывает, что *идет вперед экспроприация сельского населения* и притом именно мелких землевладельцев, ибо мы знаем уже, что наемные рабочие с кусочком земли принадлежат к числу наиболее мелких хозяев. Далее, из числа владеющих землей лиц убывают хозяева-рабочие, возрастают в числе хозяева. Мы видим, следовательно, *исчезновение средних групп и усиление крайних*: промежуточная группа исчезает, происходит *обострение капиталистических противоречий*. Из наемных рабочих увеличиваются в числе те, которые уже совершенно экспропрированы, уменьшаются в числе владельцы земли; из хозяев увеличиваются в числе непосредственные владельцы предприятий и уменьшаются в числе те, кто работает в предприятии главы семьи. (Это последнее обстоятельство, вероятно, находится в связи с тем, что работающие члены крестьянских семей не получают большей частью никакой платы от глав семьи, а потому особенно склонны к бегству в города.)

Если взять данные о населении, для которого земледелие является *побочным* занятием, то мы увидим, что все это население (активное или промысловое) увеличилось с 3 144 тыс. до 3 578, т. е. на 434 тыс., причем увеличение это почти целиком падает на группу работающих членов хозяйских

семей, увеличивающуюся на 397 тыс. (с 664 до 1 061 тыс.). Число хозяев увеличилось на 40 тыс. (с 2 120 до 2 160); число рабочих с землей увеличилось на 51 тыс. (с 9 до 60 тыс.); число рабочих без земли уменьшилось на 54 тыс. (с 351 до 297). Это гигантское увеличение — за 13 лет с 664 тыс. до 1 061 тыс., т. е. на 59,8%, — свидетельствует опять-таки о росте пролетаризации; рост числа крестьян, членов крестьянских семей, считающих уже земледелие своим только *побочным* занятием. Мы знаем, что главным занятием в этих случаях является прежде всего работа по найму (а затем уже мелкая торговля, ремесло и проч.). Если соединить вместе всех работающих членов крестьянских семей, как тех, для кого земледелие — главное занятие, так и тех, для кого оно только подсобное, то получим: 1882 — 2 559 тыс.; 1895 — 2 960. Это увеличение легко может подать повод к ошибочному толкованию и апологетическим выводам, особенно при сопоставлении с уменьшающимся, в общем и целом, числом наемных рабочих. На самом же деле это общее увеличение складывается из *уменьшения* числа членов крестьянских семей, для которых земледелие — главное занятие, и *увеличения* числа тех, для кого оно подсобное, так что эти последние в 1882 году составляли лишь 21,7% всего числа работающих членов крестьянских семей, а в 1895 году уже 35,8%. Таким образом, статистика *всего* земледельческого населения показывает нам с полной наглядностью именно те два процесса пролетаризации, на которые всегда указывал ортодоксальный марксизм и от которых такими шаблонными фразами стараются отговориться оппортунистические критики, — с одной стороны, растущее обезземеление крестьянства, экспроприация сельского населения, бегущего в города или превращающегося из рабочих с землей в рабочих без земли; — с другой стороны, развитие «подсобных заработков» крестьянства, т. е. того соединения земледелия с промышленностью, которое означает первую ступень пролетаризации и ведет всегда к усиленному росту нужды (удлинение рабочего дня, ухудшение питания и пр.). До известной степени оба эти процесса, если их рассматривать с внешней только стороны, даже противоположны: увеличение числа безземельных рабочих — и увеличение числа работающих членов семей крестьян-землевладельцев. Поэтому, смешивая эти процессы или игнорируя один из них, легко впасть в самые

грубые ошибки, образчики которых рассыпаны во множестве в книге Булгакова⁶⁵. Наконец, статистика занятий показывает нам еще выдающийся рост числа служащих*: с 47 тыс. до 77, т. е. на 63,8%. Наряду с ростом пролетаризации — рост крупного капиталистического производства, которое нуждается в служащих и притом тем в большей степени, чем более употребляются машины и развиваются технические производства.

Итак, в данных немецкой статистики г. Булгаков, при всей своей похвальбе «детализацией», совершенно не сумел разобраться. В статистике занятий он отметил только увеличение числа безземельных и уменьшение числа владеющих землей рабочих, как показатель «перемен, происшедших в организации сельскохозяйственного труда» (II, 106). Но это изменение организации труда во всем германском земледелии осталось для него совершенно случайным и непонятным фактом, не связанным с общим строем и общей эволюцией земледельческого капитализма. На самом же деле это только одна из сторон в процессе развития капитализма. Технический прогресс германского земледелия есть, вопреки мнению г. Булгакова, главным образом прогресс крупного производства, как это неопровержимо доказывают данные об употреблении машин, о проценте предприятий с рабочим скотом и о составе рабочего скота, о развитии сельскохозяйственных технических производств, о росте молочного хозяйства и пр. Неразрывно связан с этим прогрессом крупного производства рост пролетаризации и экспроприации сельского населения, увеличение числа parcelльных хозяйств и числа крестьян, главным источником существования для которых становятся подсобные заработки, усиление нужды в среднекрестьянском населении, которое всего более ухудшило условия своего хозяйства (наибольшее увеличение процента безлошадных и процента употребляющих для полевых работ коров), а, следовательно, также и условия всей своей жизни и качество ухода за землей.

* По поводу этого факта очень плоско острил г. Булгаков в «Начале»: «рост числа офицеров при уменьшении армии». Упрощенный взгляд на организацию труда в крупном производстве!

**«ОБЪЕДИНИТЕЛЬНЫЙ» СЪЕЗД
ЗАГРАНИЧНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ РСДРП**

21—22 СЕНТЯБРЯ (4—5 ОКТЯБРЯ) 1901 г.⁰⁸

1

РЕЧЬ 21 СЕНТЯБРЯ (4 ОКТЯБРЯ)

(ПРОТОКОЛЬНАЯ ЗАПИСЬ)

Товарищи!

Мы начнем с того пункта, от которого зависит успех съезда.

Как представитель «Искры» я считаю нужным коснуться истории наших отношений к другим организациям. С самого начала «Искра» выступила совершенно самостоятельно, признавая лишь идейную связь с российской социал-демократией, и действовала по поручению многих товарищей из России. Уже в первом номере «Искра» заявила, что не будет касаться организационных разногласий, происшедших в «Союзе русских социал-демократов»⁶⁷, и придает наибольшую важность своей принципиальной позиции*.

Часть членов «Союза» предложила нам конференцию для соглашения с заграничными организациями. Мы поняли это предложение в том смысле, что в «Союзе» существует группа, разделяющая те принципы, которые мы выставили, и что можно, следовательно, надеяться, что «Союз» признает их также. Революционная организация «Социал-демократ»⁶⁸, несмотря на существование организационных разногласий помимо принципиальных, ответила согласием. «Союз», к сожалению, отказался от переговоров. С появлением новой группы инициаторов «Союз» дал свое согласие на переговоры. Так как физиономия «Союза» была очень неопределенная, так как в «Союзе» появилось новое течение, тянущее в сторону революционного марксизма, то можно было надеяться, что принципиальное соглашение

* См. Сочинения, 4 изд., том 4, стр. 353—354. Ред.

возможно. «Искра» и «Соцпал-демократ» снова дали свое согласие, после чего состоялась женевская конференция. Товарищ Круглов прочел в начале нашего заседания ее резолюцию, не сделав к ней никаких замечаний. Никто из «Союза» не взял слова, чтобы высказаться против резолюции.

Мы констатируем, что в номере 10-м «Рабочее Дело» решительно порвало с традициями революционного марксизма и высказалось против принципиального соглашения, которое было выработано на женевской конференции, с тенденциями которой, очевидно, согласен «Союз».

Ввиду всего этого моя критика будет направлена против редакции «Р. Д.», а не против всего «Союза».

Сопоставим женевскую резолюцию с статьями 10 № «Р. Д.».

Женевская резолюция поражает своей удивительной детальностью и подчеркиванием пунктов, которые считаются общеизвестными.

Пункт 1-ый принципиального соглашения гласит: «Признавая основные принципы научного социализма и действуя солидарно с международной революционной социал-демократией, мы отвергаем всякие попытки внесения оппортунизма в классовую борьбу пролетариата, — попытки, выразившиеся в так называемом экономизме, бернштейнстве, мильеранизме и т. п.». Тут, очевидно, на что-то намекается, очевидно шла борьба между оппортунизмом и революционным марксизмом. Каково бы ни было содержание 10-го № «Р. Д.», во всяком случае, оно не может уничтожить того исторического факта, что состоялась женевская конференция и что принятая ею резолюция может служить базисом для объединения. В 3-ем своем пункте, например, женевская резолюция признает, что социал-демократия должна взять на себя гегемонию в борьбе за демократию. Очевидно и по этому пункту раньше были разногласия. В своем стремлении отдалиться от оппортунизма резолюция доходит почти до курьезов. (См. пункт «д» в параграфе 5.) Следовательно, было также расхождение даже по таким элементарным вопросам. Теперь сопоставим эту резолюцию со статьями 10-го № «Р. Д.». К сожалению, у меня было лишь 3 дня для беглого ознакомления с ними.

Эти статьи обстоятельно выясняют разницу в наших взглядах; в них есть некоторые справедливые указания

«Заре» и «Искре», которыми мы и воспользуемся, но не это нас интересует сейчас. Нас интересуют те принципы, которые положены в основание этих статей. Принципиальная позиция № 10 «Р. Д.» ниспровергает позицию, занятую на женевской конференции делегатами «Союза». Примирение между этими позициями невозможно. Надо вскрыть разногласия, заключающиеся в них, чтобы знать, на какой почве стоит «Союз», чтобы знать возможно ли идейное объединение, без которого нет смысла объединению организационному; такого объединения мы не искали и не могли искать. На страницах 32 и 33 10-го № «Р. Д.» автор статьи недоволен противопоставлением Горы и Жиронды в международной социал-демократии⁶⁹. Посмотрите на женевскую конференцию, разве она не представляет собой столкновения между Горой и Жирондой? Разве «Искра» не представляет собой Горы? Разве еще в первом своем редакционном заявлении «Искра» не говорит, что не желает никакого организационного объединения до идейного размежевания? В 10-м № «Р. Д.» говорится, что даже самые отъявленные бернштейнианцы стоят на почве классовых интересов. Резолюция специально говорит о бернштейнианстве, на опровержение его члены конференции потратили массу труда, и вот уже теперь в статьях 10-го № «Р. Д.» говорится старое. Что это, вызов или насмешка? Зачем же было огород городить? Люди точно смеются над тем трудом, который мы положили на выработку теоретического базиса. Мы не должны забывать, что без идейного общего базиса не может быть вопроса об объединении. Затем в той же статье мы находим обещание еще расширить пределы наших разногласий. Так, например, на стр. 33 автор говорит: «быть может наши разногласия вытекают из различного толкования марксизма». Еще раз повторяю, зачем было огород городить?!

Пункт «в» § 4 женевской резолюции говорит о необходимости борьбы со всеми противниками революционного марксизма, а тут нам говорят, что может мы вообще различно понимаем марксизм.

Я отмечу также и то, что все это сопровождается рассуждениями о вреде сковывания мысли и т. д., т. е. как раз тем, о чем говорят все бернштейнианцы. Об этом уже говорилось и на Любекском партийном съезде⁷⁰, об этом же твердят и жоресисты; пункты же соглашения как раз не говорят об этом, так как соглашение состоялось на почве именно

революционного марксизма. Даже слабые проявления критицизма повели бы к полному разрыву. Мы съехались говорить о содержании мнений, а не о свободе мнений. Ссылки на французские и немецкие образцы совершенно неудачны. Немцы уже добились того, за что мы еще боремся. У них есть единая социал-демократия, которой принадлежит гегемония в политической борьбе. У нас же социал-демократия не является еще вожаком революционных групп, напротив того, у нас замечается оживление других революционных тенденций. В статьях 10-го № «Р. Д.» не только не замечается полного принципиального разрыва с оппортунизмом, но есть даже кое-что и похуже: восхваление преобладания стихийного движения. Я не придираюсь к словам: Все мы, товарищи из «Искры» и «Социал-демократа» и я, обращаем внимание лишь на основные тенденции статей, но эти слова, как выражаются немцы, *ins Gesicht schlagen**. А ведь по поводу этих пунктов женевская резолюция донельзя ясна. Еще недавно появившаяся «Рабочая партия политического освобождения России»⁷¹ ведет те же ноты, что и эти издания.

Обратите внимание в статье на знаменитое различие между тактикой-планом и тактикой-процессом. Автор говорит, что тактика-план противоречит основному духу революционного марксизма, и думает, что можно говорить о тактике-«процессе», под которой он понимает рост партийных задач, растущих вместе с ростом партии. По-моему, это просто нежелание разговаривать. Мы потратили столько времени и труда на формулирование определенных политических задач, на женевской конференции так много говорилось о них. И вдруг нам теперь говорят о «тактике-плане» и «тактике-процессе». Это, по-моему, возвращение к специфически узкому продукту бернштейнианства «Рабочей Мысли», утверждавшей, что должно вести только ту борьбу, которая возможна, а возможна та, что есть. Мы же утверждаем, что растет только извращение марксизма. Женевская резолюция говорит, что не нужно никаких стадий для перехода к политической агитации, и вдруг после этого появляется статья, в которой «обличительная литература» противопоставляется «пролетарской борьбе». Мартынов пишет про студентов и либералов, что они сами, мол,

* — бьют в нос. Ред.

могут заботиться о демократических требованиях. Мы же думаем, что вся особенность русской социал-демократии заключается в том, что либеральная демократия не взяла на себя инициативы политической борьбы. Если либералы сами лучше знают, что им делать, и сами могут делать, то нам делать нечего. Автор статьи доходит до того, что предполагает, что правительство само будет делать конкретные и административные мероприятия.

По вопросу о терроре, как всем известно, возникли на женевской конференции некоторые разногласия. После нее часть «Союза», Бунд⁷², на своем съезде решительно высказался против террора. На странице же 23 автор пишет, что мы «не хотим противодействовать террористическому настроению». Это самое резкое оппортунистическое заявление*.

Печатается впервые

Печатается по протокольной записи

* — На этом протокольная запись обрывается. Ред.

**ВОПРОСЫ, ПРЕДЛОЖЕННЫЕ
«СОЮЗУ РУССКИХ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТОВ»
НА «ОБЪЕДИНИТЕЛЬНОМ» СЪЕЗДЕ
21 СЕНТЯБРЯ (4 ОКТЯБРЯ) 1901 г.**

1. Все три организации признают ли в принципе резолюцию июньской конференции?

2. Намерен ли и может ли «Союз русских социал-демократов» обеспечить такую постановку литературной деятельности, которая делала бы невозможным беспринципные и оппортунистические отклонения от революционного марксизма, вносящие путаницу в умы, столь опасную для нашего движения, — которая устраняла бы заигрывание со скрытым и явным бервштейнианством и раболепство перед элементарными формами и стихийностью движения, неизбежно ведущие к превращению рабочего движения в орудие буржуазной демократии?

*Впервые напечатано в декабре
1901 г. в брошюре «Документы
«объединительного» съезда»*

Печатается по тексту брошюры

БОРЬБА С ГОЛОДАЮЩИМИ

Какую удивительную заботливость о голодающих проявляет наше правительство! Какой длиннейший циркуляр (от 17-го августа) выпустил министр внутренних дел к губернаторам пострадавших губерний! Это целое литературное произведение объемом больше обыкновенного печатного листа, изъясняющее устами г. Сипягина всю политику правительства в продовольственном деле. Опубликованием этого произведения рассчитывали, очевидно, произвести впечатление на «общество»: вот, дескать, как мы попечительны, как мы торопимся с мерами помощи, как мы заранее предусматриваем и организацию продовольственных учреждений и все виды и стороны их деятельности. И нельзя не сознаться, что циркуляр министерства внутренних дел действительно производит впечатление и не только своей величиной, но также (если иметь терпение дочитать до конца) и своим содержанием. Откровенное изложение правительственной программы дает всегда в руки лучшее оружие для агитации против царского правительства, и, принося свою почтительнейшую благодарность г. Сипягину, мы осмеливаемся рекомендовать и остальным гг. министрам почаще говорить о своей программе в циркулярах, публикуемых во всеобщее сведение.

Мы сказали: если иметь терпение дочитать циркуляр г. Сипягина до конца. Терпения на это надо не мало, ибо на три четверти... — какое! на девять десятых — циркуляр наполнен обычным казенным пустословием. Разжевывание вещей давным-давно известных и сотни раз повторенных даже в «Своде законов», хождение кругом да около, расписывание подробностей китайского церемониала сношений

между мандаринами, великолепный канцелярский стиль с периодами в 36 строк и с «речениями», от которых больно становится за родную русскую речь, — когда вчитываешься в эту прелесть, чувствуешь себя точно в русском полицейском участке, в котором от стен отдает затхлостью, отовсюду несет какой-то специфической вонью, чиновники уже по одному своему виду и обращению — олицетворение самой невыносимой волокиты, а виднеющиеся в окно надворные постройки живо напоминают о застенке.

Три главных пункта особенно обращают на себя внимание в новой правительственной программе: во-первых, усиление единоличной власти чиновников, попечение о том, чтобы дух казенщины и служебной дисциплины был укреплен и охранен от всякого дуновения свежего воздуха; во-вторых, определение норм пособия голодающим, т. е. указание, поскольку и как надо рассчитывать количество хлеба на «нуждающуюся» семью; в-третьих, выражение отчаянного ужаса по поводу того, что помогать голодающим бросаются «неблагонадежные» люди, способные возбуждать народ против правительства, и принятие варанее мер против этой «агитации». Остановимся поподробнее на каждом из этих пунктов.

Прошел всего год с тех пор, как правительство отняло у земств заведывание продовольственным делом и передало его в руки земских начальников и уездных съездов (закон 12-го июня 1900 года). И вот, раньше еще, чем этот закон успел войти в действие, — его уже отменяют простым циркуляром. Достаточно было нескольких сообщений губернаторов, чтобы разувериться в пригодности закона! Это как пельзя лучше показывает, какое значение имеют те законы, которые пекутся, как блины, в петербургских департаментах, без серьезного обсуждения людьми, действительно сведущими и способными высказать самостоятельное мнение, без серьезного намерения создать лучше удовлетворяющий своей цели порядок, просто по честолюбию какого-нибудь пройдохи-министра, желающего отличиться и поскорее выказать свою благонамеренность. Земство неблагонамеренно — отнять у него продовольственное дело! Но не успели еще отнять, — оказывается, что земские начальники, даже составленные из одних чиновников уездные съезды, как будто все еще слишком много рассуждают: из земских начальников попадались, вероятно, люди, которые

имели глупость называть голод голодом, имели наивность думать, что надо бороться с голодом, а не с теми, кто хочет действительно помочь голодающим; в уездных съездах некоторые чиновники, не состоящие в ведомстве министерства внутренних дел, обнаруживали, вероятно, такое же непонимание истинных задач «внутренней политики». И вот, по простому циркуляру министра — создается новое «уездное центральное»... да, да, это не опечатка: «уездное центральное по продовольственной части управление», все назначение которого в том, чтобы не пропускать неблагонамеренных людей, неблагонамеренных мыслей, неблагоразумных поступков по продовольственному делу. Напр., министр находит неблагоразумным и запрещает «преждевременно» (т. е. не перед самой раздачей хлеба) составлять списки нуждающихся: это вызывает в населении «преувеличенные надежды!» «Уездное центральное по продовольственной части управление» сосредоточивается в руках *одного лица*, а министерство рекомендует при этом *уездного предводителя дворянства*. И в самом деле: он настолько тесно связан с губернатором, он так много исполняет полицейских обязанностей, что наверное сумеет понять настоящий дух продовольственной политики. И притом он — местный крупный землевладелец, почтенный доверием всех помещиков. Такой человек уже наверное поймет лучше всех глубокую мысль министра о «деморализующем» действии пособий, которые даются людям, «могущим обойтись» и без них. Что касается полномочий губернатора, то министр напоминает о них с самого начала и много раз повторяет, что губернатор за все ответственен, что губернатору все должны повиноваться, что губернатор должен уметь принимать «особые» меры и т. д. Если и до сих пор губернатор в русской провинции был настоящим сатрапом, от милости которого зависело существование любого учреждения и даже любого лица во «вверенной» губернии, то теперь создается уже настоящее «военное положение» в этом отношении. Необыкновенное усиление строгостей — по поводу помощи голодающим! Это совсем по-русски!

Но усиление строгости, увеличение надзора, все это требует увеличения расходов на чиновничью машину. И министр не позабыл об этом: гг. уездным предводителям дворянства или другим лицам, заведующим «уездным

центральным по продовольственной части управлением», будет выдана в возмещение их расходов «особая сумма», «относительно размера коей, — добавляет циркуляр на своем «особом» наречии, — ваше превосходительство имеет войти ко мне с надлежащим представлением». Затем на «расходы по делопроизводству» уездных советов — по 1000 руб. одновременно, на канцелярские средства губернских присутствий по 1000—1500 руб. Канцелярии всего больше будут работать, вся работа и будет состоять в канцелярщине — как же тут не позаботиться о канцелярских средствах? Прежде всего на канцелярии, а что останется, то голодающим.

Г-н Сипягин проявляет удивительную настойчивость и изобретательность в изыскании мер *сокращения* пособия голодающим. Прежде всего он требует, чтобы губернаторы обсудили, какие уезды являются «неблагополучными по урожаю» (окончательно решать этот вопрос будет само министерство: даже губернаторам нельзя доверять, смогут ли они избежать «преувеличений!»). И вот преподаются указания, когда *не следует* признавать уезда неблагополучным: 1) когда не более трети волостей пострадало; 2) когда недостаток хлеба обычен и хлеб прикупается из года в год путем заработка; 3) когда недостаёт местных средств для выдачи пособий. Мы видим уже здесь маленький образчик чиновничьего решения продовольственных вопросов: одну мерку на всех! Как велико население в одной трети волостей, как сильно они пострадали, не упали ли обычные «заработки» в год сильнейшего промышленного кризиса, — это все праздные вопросы после решительных «предписаний» министерства! Но это только цветики, а ягодки дальше будут. Вся суть в том, кого считать нуждающимся и по сколько выдавать пособия. Г-н Сипягин рекомендует следующий «приблизительный расчет», который «редко оказывается сколько-нибудь значительно преувеличенным» (мы больше всего боимся преувеличений; боимся преувеличенных надежд, боимся преувеличенных ссуд! И голод и безработица — все это одни «преувеличения»: таков ясный смысл всех министерских рассуждений). Во-первых, по пробному умолоту определяется «средний сбор с десятины в каждом селении» и затем величина всего посева у каждого хозяина. Почему бы не определить также величины урожаев у хозяев разного достатка? У крестьян-

ской бедноты урожаи ниже, и определение «среднего» сбора именно нуждающимся-то и невыгодно. Во-вторых, считается не нуждающимся, у кого приходится не менее 48 пуд. хлеба в год на семью (считая по 12 пуд. на трех взрослых и по 6 пуд. на двух детей). Это расчет самого прижимистого кулака: в обыкновенный год даже беднейшие крестьяне потребляют хлеба не по 48, а по 80 пуд. в год на семью в 6—5 чел., как это известно из описаний крестьянского хозяйства; средний же крестьянин потребляет в обыкновенный год 110 пуд. хлеба на семью в 5 чел. Значит, царское правительство *на половину* понижает количество хлеба, необходимое в действительности на продовольствие. В-третьих, «это количество» (т. е. 48 пуд. на семью) — гласит циркуляр — «уменьшается на половину, ввиду того, что рабочий элемент составляет около 50% населения». Правительство неуклонно настаивает на своем правиле, что рабочее население не должно получить ссуду, ибо оно-де может заработать. Но ведь уже раз министр предписал не считать неблагополучными те уезды, где есть обычные заработки. Зачем же *второй раз* исключать из пособия рабочее население? Ведь всем известно, что в настоящий год не только нет особых заработков, но и обычные-то заработки все упали по случаю кризиса. Ведь само правительство повысылало из городов в деревни десятки тысяч безработных рабочих! Ведь опыт прежних голодовок доказал, что исключение рабочего населения ведет только к разделу недостаточной ссуды между детьми и взрослыми! Нет, поговорка: «с одного вола двух шкур не дерут» была бы еще слишком лестна для министерства внутренних дел, которое в два приема исключает из числа нуждающихся всех способных к работе! В-четвертых, и это вдвое уменьшенное количество совершенно недостаточного пособия *уменьшается* еще на $\frac{1}{3}$ — $\frac{1}{5}$ — $\frac{1}{10}$ «во внимание к приближительному числу состоятельных хозяев, имеющих запас от прошедшего года или же какой-либо материальный достаток»! Это уже третья шкура с одного и того же вола! Какой еще «достаток» или «запас» могут быть у крестьянина, собравшего не более 48 пуд. хлеба на семью? Все прочие заработки сочтены уже дважды, а кроме того ведь одним хлебом не может просуществовать даже русский крестьянин при всем нищенстве, до которого его довела политика правительства, гнет капитала и помещиков.

Необходим расход и на топливо, и на ремонт дома, и на одежду, и на пищу, кроме хлеба. В обыкновенный год даже беднейшие крестьяне, как это известно из научных описаний крестьянского хозяйства, расходуют *более половины* своего дохода на другие нужды, кроме хлеба. Если принять во внимание все это, то окажется, что министр определяет нужду в помощи *в четыре или в пять раз меньшие* действительной надобности. Это не борьба с голодом, а борьба с теми, кто хочет действительно помочь голодающим.

И циркуляр заканчивается прямым походом против частных благотворителей. Нередко обнаруживалось — гремит г. Сипягин — что иные благотворители стараются возбудить в населении «недовольство существующими порядками и ничем не оправдываемую требовательность по отношению к правительству», ведут «противуправительственную агитацию» и проч. Это — обвинения, в сущности, прямо *лжисые*. Известно, что в 1891 г. были рассылаемы прокламации «крестьянских добрототов»⁷³, прокламации, справедливо указывавшие народу на его настоящего врага; были, вероятно, и другие попытки агитации на почве голода! Но не было ни одного факта, чтобы, прикрываясь благотворительностью, вели агитацию революционеры. Масса благотворителей — это несомненный факт — были *только* благотворителями, и если г. Сипягин ссылается на то, что из них многие — «лица с безупречным политическим прошлым», то ведь кто у нас теперь с «безупречным прошлым»? Даже «высокопоставленные лица» отдавали очень часто в юности дань общедемократическому движению! Мы, конечно, не хотим сказать, чтобы агитация против правительства на почве голода была недозволительна или хотя бы даже нежелательна. Наоборот, агитация необходима всегда и во время голода в особенности. Мы хотим сказать только, что г. Сипягин *выдумывает* *небылицы*, стараясь выставить свои страхи и опасения результатом опыта. Мы хотим сказать, что слова г. Сипягина доказывают только одну старую истину: полицейское правительство боится всякого соприкосновения с народом сколько-нибудь независимой и честной интеллигенции, боится всякого правдивого и смелого слова, прямо обращенного к народу, подозревает — и подозревает совершенно справедливо, — что одна уже забота о действительном (а не мнимом) удовле-

творении нужды будет равносильна агитации против правительства, ибо народ видит, что частные благотворители искренно хотят ему помочь; а чиновники царя мешают этому, урезают помощь, уменьшают размеры нужды, затрудняют устройство столовых и т. д. Теперь новый циркуляр требует прямо «подчинить контролю властей» все пожертвования и приглашения к пожертвованиям; всякие устройства столовых; требует, чтобы все приезжающие «представлялись» губернатору, выбирали себе помощников не иначе, как с его разрешения; давали ему же отчет в своей деятельности!! Кто хочет помогать; подчиняйся полицейским чинам и полицейской системе всяческих урезок помощи и бессовестных сокращений пособий! Кто не хочет подчиняться этой гнусности; — тот не смеет помогать: в этом вся суть политики правительства. Г-н Сипягин кричит, что голодом «охотно пользуются неблагонадежные в политическом смысле лица для своих преступных целей под личиной помощи ближнему»; а вслед за ним вся реакционная печать повторяет этот крик (напр., «Московские Ведомости»). Какой ужас! Пользоваться народной нуждой для «политики»! На самом деле ужасно, наоборот, то, что в России всякая деятельность, *даже* самая далекая от политики, филантропическая (благотворительная) деятельность неизбежно ведет к столкновению независимых людей с полицейским произволом и с мерами «пресечения», «запрещения», «ограничения» и проч. и проч. Ужасно то, что правительство прикрывает соображениями высшей политики свое иудушкино стремление — отнять кусок у голодающего, урезать вкратце размер пособий, запретить всем, кроме полицейских чинов, подступаться к умирающим от голода! И мы повторяем еще раз призыв, сделанный уже «Искрой»: открыть обличительную кампанию против продовольственной кампании полицейского правительства, разоблачать в бесцензурной свободной печати все безобразия местных сатрапов, всю корыстную тактику урезывания пособий, всю мизерность и недостаточность помощи, жалкое преуменьшение голода и позорную борьбу против тех, кто хочет помогать голодающим! Мы советуем всем, у кого есть хоть капля искреннего сочувствия к народному бедствию, позаботиться о распространении в народе знакомства с истинным смыслом и значением министерского циркуляра. Ведь только

бесконечной темнотой народа и можно объяснить себе, что *подобные* циркуляры не вызывают тотчас всеобщего возмущения. И пусть сознательные рабочие, которые всего ближе стоят и к крестьянству и к неразвитым городским массам, возьмут на себя почин в деле разоблачения правительства!

«Искра» № 9, октябрь 1901 г.

Печатается по тексту газеты
«Искра»

ОТВЕТ С.-ПЕТЕРБУРГСКОМУ КОМИТЕТУ

В номере 12 «Рабочей Мысли» СПб. комитет (Союз борьбы) поместил возражение на заметку в номере 1 «Искры» о расколе заграничного «Союза русских социал-демократов». К сожалению, это возражение старательно *обходит* самое существо спорного вопроса: при такой системе полемика никогда не приводит к выяснению дела. Мы настаивали и настаиваем на том, что в заграничном «Союзе русских социал-демократов» произошел именно раскол, что «Союз» *распался* на две части после того, как на съезде 1900 г. удалилось значительное меньшинство членов и в том числе группа «Освобождение труда»; основавшая «Союз» и бывшая прежде редактором всех его изданий. После раскола ни одна из частей не может занимать то место, которое занимал старый «Союз» в целом виде. СПб. комитет *не пытается* опровергнуть этого мнения, говоря (неизвестно почему) об одном Плеханове, а не об организации «Социал-демократ» и давая только косвенно понять читателю, что СПб. Союз борьбы отрицает, повидимому, *факт раскола* и продолжает считать одну из частей бывшего «Союза» за все целое.

К чему вступать в полемику, если нет желания разобраться по существу мнение противника и прямо высказать свое собственное?

Далее. Мы настаивали и настаиваем на том, что основной причиной (не поводом, а причиной) раскола послужило принципиальное разногласие, именно: расхождение между революционной и оппортунистической социал-демократией. Уже по одному этому, между прочим, нельзя смотреть на происшедшее в заграничном «Союзе русских

социал-демократов» иначе; как на раскол старого «Союза». Спрашивается, как смотрит на этот вопрос СПб. комитет? Решается ли он отрицать существование глубокой принципиальной розни между обеими частями бывшего «Союза»? Неизвестно, ибо СПб. комитет ухитрился написать «возражение», не сказав *ни единого словечка* об этом основном вопросе. И мы еще раз спрашиваем петербургских, да и не одних только петербургских; товарищей: не грозит ли полемика, обходящая суть дела, выродиться в самую неприятную перебранку? Стоит ли вообще начинать полемику, если нет желания или если признается несвоевременным разобрать вопрос по существу и высказать свое мнение с полной определенностью и без всяких недомолвок?

«Искра» № 9, октябрь 1901 г.

Печатается по тексту газеты
«Искра»

ЗАГРАНИЧНЫЕ ДЕЛА

Заграничный отдел организации «Искры» объединился с заграничной революционной организацией «Социал-демократ» в одну организацию: «Заграничную лигу революционной русской социал-демократии»⁷⁴. Новая организация; как видно из изданного ею заявления; намерена приступить к изданию ряда брошюр пропагандистского и агитационного характера. Лига является заграничным представителем «Искры». Таким образом, заграничная организация революционных социал-демократов; руководимая группой «Освобождение труда»; окончательно объединилась с организацией; группирующейся около нашей газеты. Как и прежде, группа «Освобождение труда» принимает ближайшее редакционное участие в ведении наших изданий.

Объединение русских революционных социал-демократических организаций за границей совершилось после того, как потерпела неудачу попытка этих организаций соединиться с «Союзом русских социал-демократов за границей» (издающим «Рабочее Дело»). В начале лета конференция из представителей всех трех организаций выработала проект соглашения между ними. В основу соглашения положен был ряд принципиальных резолюций, содержавших в себе полный отказ «Союза» от заигрываний с экономизмом и бернштейнством и признание принципов революционной социал-демократии. Можно было надеяться, что объединение состоится; ибо до сих пор только принципиальная неустойчивость «Союза» и его органа — «Рабочее Дело» — стояла на пути к сближению. Эта надежда не оправдалась: вышедший недавно номер 10 «Рабочего Дела» содержал

в себе редакционные статьи, направленные прямо против тех резолюций, которые были выработаны при участии делегатов от «Союза» на конференции. Очевидно, «Союз» опять повернул в сторону правого крыла нашего движения. Действительно, на съезде всех трех организаций «Союз» внес такие «поправки» к упомянутым резолюциям, которые явно показывали, что он возвращается к своим прежним заблуждениям. Остальным организациям пришлось покнуть съезд, что они и сделали. Очевидно, для наших товарищей из «Союза» все еще недостаточно выяснилась опасность занимаемой их организацией промежуточной позиции между революционным социализмом и играющим в руку либералов оппортунизмом. Мы надеемся, что время и горький опыт убедят их в ошибочности их тактики. Замечающееся повсюду в партии стремление работать не только над развитием нашего движения вширь, но и над его качественным подъемом, служит нам лучшей порукой в том, что столь желанное объединение всех наших сил совершится под тем знаменем революционной социал-демократии, которому служит наша газета.

«Искра» № 9, октябрь 1901 г.

Печатается по тексту газеты
«Искра»

КАТОРЖНЫЕ ПРАВИЛА И КАТОРЖНЫЙ ПРИГОВОР

Еще одни «временные правила»!

На этот раз дело идет только не о студентах, повинных в непокорности, а о крестьянах, повинных в том, что они голодают.

15-го сентября высочайше утверждены — и немедленно вслед за этим опубликованы «Временные правила об участии населения пострадавших от неурожая местностей в работах, производимых распоряжением ведомств путей сообщения и земледелия и государственных имуществ». Познакомившись с этими правилами (конечно, не по газетным публикациям, а по собственному опыту), русский мужик увидит новое подтверждение той истине, которую вбило в него вековое порабощение помещикам и чиновникам: когда начальство торжественно заявляет, что мужику «предоставляется участие» в большом или маленьком деле, в выкупе помещичьей земли или в общественных работах по случаю голода, — надо ждать какой-нибудь новой казни египетской.

В самом деле, временные правила 15 сентября всем своим содержанием производят впечатление нового карательного закона, дополнительных правил к уложению о наказаниях. Прежде всего, самое устройство и ведение работ обставлено такой сугубой «осторожностью» и волокитой, как будто бы дело шло об обращении с какими-нибудь повстанцами или ссыльно-каторжными, а не с голодающими. Казалось бы, устроить работы — дело самое простое: земские и другие учреждения получают средства и нанимают рабочих строить шоссе, расчищать леса и т. п. Обыкновенно работы подобного рода так и производятся. А теперь создается

особый порядок: земский начальник указывает работы, губернатор составляет свое заключение, которое идет в СПб. в особое «совещание по продовольственному делу», состоящее под председательством товарища министра внутренних дел из представителей разных министерств. Кроме того, общее заведывание возложено на министра, который может назначать и особых уполномоченных. Петербургское совещание будет даже устанавливать предельные размеры вознаграждения рабочих — то есть; должно быть, следить за тем, чтобы не «развращали» мужика слишком высокой платой! Очевидно, что временные правила 15 сентября имеют целью *затруднить* широкое применение общественных работ, точно так же, как сиягинский циркуляр 17 августа *затруднил* выдачу пособий голодающим.

Но еще гораздо важнее и гораздо вреднее особые постановления о порядке найма крестьян на работы.

Если работы производятся «вне районов их оседлости» (так будет, естественно, в громадном большинстве случаев), то рабочие образуют особые артели *под наблюдением земского начальника*, который утверждает и старосту для надзора за порядком. Сами выбирать старосту, как делают обыкновенно рабочие; голодающие крестьяне не смеют. Их ставят под начало вооруженному розгой «земскому»! Членам артели составляется особый список; который *заменяет* для них установленные законом *виды на жительство*... Вместо отдельных паспортов будут, следовательно, артельные списки. К чему эта замена? К тому, чтобы *стеснить* мужика, который при отдельном паспорте свободнее мог бы устроиться, как ему удобнее, в новой местности, легче мог бы уйти с работы в случае недовольства.

Далее. «Забота о сохранении должного порядка во время пути и передача доставленных партий рабочих заведующим работами *вверяется* чинам; особо командирваемым *мин-ством внутр. дел*. Свободным рабочим выдают задатки на проезд, крепостных — «доставляют» *«партиями»* по списку и «передают» особым чинам. Не правы ли крестьяне, когда они смотрят на «общественные» и казенные работы, как на новое крепостное право?

И действительно, закон 15 сентября приближает голодающих крестьян к крепостным не только в том отношении, что отнимает у них свободу передвижения. Закон дает чиновникам право *удерживать часть заработной платы* для

отсылки семействам рабочих; если это находит нужным «губернское начальство местностей, где остались семьи». Заработанными деньгами будут распоряжаться без согласия самих рабочих! Мужик глуп: сам о своей семье позаботиться не сумеет. Начальство это все гораздо лучше сделает: кто не слышал, в самом деле; как оно хорошо заботилось о мужицких семьях в военных поселениях?

Одна беда: мужики теперь не так уже; пожалуй; покорны; как во времена военных поселений. Могут ведь и потребовать; чтобы им выдали обыкновенные паспорта, чтобы не смели, без их согласия, удерживать заработанных денег? На этот случай надо строгости усилить, и закон постановляет в особой статье, что «надзор над сохранением рабочими должного порядка в местах производства работ возлагается, по распоряжению министра внутренних дел, на местных земских начальников; офицеров отдельного корпуса жандармов; полицейских чиновников или особо для сего назначенных лиц». На голодающих крестьян правительство, очевидно, *заранее* смотрит, как на «бунтовщиков», устанавливая, кроме общего надзора всей российской полиции за всеми русскими рабочими, еще особый строжайший надзор. Мужика *заранее* решили взять в ежовые рукавицы за то, что он осмеливается «преувеличивать» голод и проявляет (как выразился Сипягин в своем циркуляре) «ничем не оправдываемую требовательность по отношению к правительству».

А чтобы не возиться с судами в случае каких-либо неудовольствий рабочих; временные правила дают чиновникам право подвергать рабочих аресту *до трех дней без особого судебного производства* за нарушение тишины; недобросовестность в работе; неисполнение распоряжений!! Свободного рабочего надо привлекать к мировому, перед которым он может защищаться и на решения подавать жалобу, — а голодающего мужика можно сажать в кутузку без всякого суда! Свободного рабочего за нежелание работать можно только рассчитать, — а голодающего мужика новый закон предписывает «за упорное уклонение от работ» *отправлять по этапу на родину*, вместе с ворами и разбойниками!

Новые временные правила, это — настоящие каторжные правила для голодающих; правила об отдаче их в работы с лишением прав за то, что они осмелились утруждать

начальство просьбами о помощи. Правительство не ограничилось тем, что отняло у земства заведывание продовольственным делом, запретило частным лицам устраивать, без разрешения полиции, столовые, предписало уменьшать впятеро действительные размеры нужды, — оно еще объявляет крестьян неполноправными и приказывает расправляться с ними без суда. К постоянной каторге вечно голодной жизни и непосильного труда присоединяется теперь угроза каторгой казенных работ.

Таковы мероприятия правительства по отношению к крестьянам. Что касается рабочих, то расправа с ними всего ярче характеризуется напечатанным в предыдущем номере нашей газеты «Обвинительным актом» по делу о майских волнениях на Обуховском заводе. «Искра» писала уже о самом событии в июньском и в июльском номерах. О суде наша легальная печать молчала, памятуя, очевидно, как даже благонамереннейшее «Новое Время» «пострадало» за попытку писать на эти темы. В газеты попала пара строк о том, что суд был в конце сентября, да затем в одной из южных газет, случайно, был сообщен приговор: двоим — *каторжные работы*, восемь оправдано, остальным — тюрьма и исправительные арестантские отделения на сроки от 2 до 3½ лет.

Итак, в статье «Новое побоище» (№ 5 «Искры»)* мы еще недостаточно оценили мстительность русского правительства. Мы думали, что к военной расправе оно прибегло как к последнему средству борьбы, боясь обращаться к суду. Оказывается, сумели соединить и то, и другое: после избития толпы и убийства трех рабочих выхватили 37 человек из нескольких тысяч и присудили их к драконовским наказаниям.

Как выхватили и как судили, — об этом дает некоторое представление обвинительный акт. Во главе зачинщиков поставлены Ан. Ив. Ермаков, Ефр. Степ. Дахин и Ан. Ив. Гаврилов. Обв. акт указывает, что Ермаков имел прокламации на квартире (по словам подручной в казенной винной лавке Михайловой, *не вызванной на суд* в качестве свидетельницы), что он говорил о борьбе за политическую свободу и ходил 22 апреля на Невский, захватив красный флаг. Далее подчеркивается, что и Гаврилов имел и

* См. настоящий том, стр. 13—18. *Ред.*

раздавал прокламации, призывавшие на демонстрацию 22 апреля. Про обвиняемую Яковлеву тоже говорится, что она участвовала в каких-то тайных сборищах. Несомненно, таким образом, что прокурор постарался выставить зачинщиками именно людей, в которых сыскная полиция подозревала политических деятелей. Политический характер дела виден также и из того, что толпа кричала: «нам нужна свобода!», виден и из связи с первым мая. В скобках сказать, расчет 26 человек за «прогул» первого мая и зажег весь пожар, но прокурор, разумеется, ни словечка не проронил о *незаконности* такого расчета!

Дело ясное. Для суда выхватили тех, в ком подозревали политических врагов. Сыскная полиция представила списки. А полицейские, разумеется, «удостоверили», что эти лица были в толпе и бросали камни и выделялись среди других.

Судом прикрыли вторичный (после побоища) акт политической мести. И подло прикрыли: о политике упомянули для отягощения вины, но политической обстановки всего происшествия разъяснить не позволили. Судили как уголовных по 263 ст. Улож., т. е. за «явное против властей, правительством установленных, восстание» и притом восстание, учиненное людьми вооруженными (?). Обвинение было *подтасовано*: полиция приказала судьям разбирать лишь одну сторону дела.

Заметим, что по 263—265 статьям Уложения можно закатать на каторгу за *всякую* манифестацию: «явное восстание с намерением не допустить исполнения предписанных правительством распоряжений и мер», хотя бы «восставшие» не были вооружены и даже не производили явных насильственных действий! Русские законы щедры на каторгу! И нам пора позаботиться о том, чтобы каждый такой процесс *был превращаем* в политический процесс самими обвиняемыми, чтобы правительство не смело свою политическую месть прикрывать комедией уголовщины!

А какой «прогресс» в самом судопроизводстве по сравнению; напр., с 1885-м годом! Тогда морозовских ткачей судили присяжные, в газетах были полные отчеты, на суде свидетели из рабочих вскрыли все безобразия фабриканта. А теперь — суд чиновников с безгласными сословными представителями, закрытые двери суда, немое молчание печати, подтасованные свидетели: заводское начальство,

заводские сторожа, полицейские, бывшие народ, солдаты, стрелявшие в рабочих. Какая гнусная комедия!

Сопоставьте этот «прогресс» расправы с рабочими в 1885 и 1901 гг. с «прогрессом» борьбы против голодающих в 1891 и 1901 гг., — и вы получите некоторое представление о том, как быстро растет и вглубь и вширь возмущение в народе и в обществе, как яростно начинает метаться правительство, «подтягивая» и частных благотворителей и крестьян, устрашая рабочих каторжными приговорами. Нет, каторга не устрашит рабочих, вожаки которых не боялись умирать в прямой уличной схватке с царскими опричниками. Память об убитых и замученных в тюрьмах героях-товарищах удесятит силы новых борцов и привлечет к ним на помощь тысячи помощников, которые; как 18-летняя Марфа Яковлева, скажут открыто: «мы стоим за братьев!». Правительство намерено, кроме полицейской и военной расправы с манифестантами, судить их еще за восстание; — мы ответим на это сплочением всех революционных сил, привлечением на свою сторону всех угнетенных царским произволом и систематической подготовкой общенародного восстания!

«Искра» № 10, ноябрь 1901 г.

Печатается по тексту газеты
«Искра»

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРЕНИЕ

Написано в октябре 1901 г.

*Впервые напечатано в декабре
1901 г., в журнале «Заря» № 2—3.
Подпись: Т. Х.*

Печатается по тексту «Зари»

I. ГОЛОД⁷⁶

Опять голод! Не одно только разорение, а прямое вымирание русского крестьянства идет в последнее десятилетие с поразительной быстротой, и, вероятно, ни одна война, как бы продолжительна и упорна она ни была, не уносила такой массы жертв. Против мужика соединились все самые могучие силы современной эпохи: и развивающийся все быстрее мировой капитализм, создавший заокеанскую конкуренцию и снабдивший небольшое меньшинство сельских хозяев, которые способны выжить в отчаянной борьбе за существование, самыми усовершенствованными способами производства и орудиями, и военное государство, ведущее политику приключений в своих колониальных владениях, на Дальнем Востоке и в Средней Азии, взваливающее все непомерные тяготы этой, стоящей бешеными деньгами, политики на рабочие массы и к тому же еще устраивающее на народные деньги все новые и новые батареи полицейского «пресечения» и «обуздания» против растущего недовольства и возмущения этих масс.

После того, как голод стал у нас явлением обычным, естественно было ожидать, что правительство постарается оформить и закрепить свою обычную же политику в продовольственном деле. Если в 1891—1892 гг. правительство было застигнуто врасплох и порядочно-таки растерялось сначала, то теперь оно уже богато опытом и твердо знает, куда (и как) идти. «В этот момент — писала «Искра» в июле (№ 6) — на страну надвигается черная туча народного бедствия, и правительство готовится снова разыграть свою гнусную роль бездушной силы, отводящей кусок хлеба от голодного населения, карающей всякое

не входящее в виды начальства «оказательство» заботы о голодных людях».

Приготовления правительства были очень быстры и очень решительны. В каком духе велись эти приготовления, — достаточно обнаружила елисаветградская история. Князь Оболенский, начальник Херсонской губернии, объявил сразу войну всем, кто был настолько дерзновенен, чтобы писать и говорить об елисаветградском голоде, призывать общество к помощи голодающим, устраивать частные кружки и приглашать частных лиц для организации этой помощи. Земские врачи писали в газетах, что в уезде голод, что народ болеет и мрет, что «хлеб», употребляемый им в пищу, есть нечто невероятное, вовсе и не заслуживающее названия хлеб. Губернатор вступает в полемику с земскими врачами, печатает официальные опровержения. Кто знает хоть сколько-нибудь общие условия нашей печати, кто возьмет на себя труд припомнить ту сугубую травлю, которой подверглись в последнее время весьма умеренные органы и еще несравненно более умеренные литераторы, — тот поймет, что означала эта «полемика» начальника губернии с какими-то земскими врачами, даже и на государственной службе не состоящими! Это было простое затыканье рта, это было самое явное и бесцеремонное заявление, что правительство не потерпит правды о голодовке. Да что заявление! Кого другого, а уж русское правительство вряд ли можно упрекнуть, что оно ограничивается заявлениями, когда есть возможность «власть употребить». И князь Оболенский не замедлил употребить власть, являсь лично на театр войны — войны против голодающих и против тех, кто, не числясь ни по какому ведомству, хотел оказать *действительную* помощь голодающим, — и *запретив устройство столовых* нескольким приехавшим уже на голод частным лицам (в том числе г-же Успенской). Подобно Юлию Цезарю, князь Оболенский пришел, увидел, победил, — и телеграммы немедленно оповестили всю читающую Россию об этой победе. Удивительно одно: что эта победа, этот нахальный вызов всем русским людям, в ком осталось хоть капля порядочности, хоть чуточку гражданского мужества, не встретил никакого отпора из среды наиболее заинтересованных, если можно так выразиться, лиц. В Херсонской губернии очень многие, несомненно, знали и знают всю подноготную этого замалчивания голода

и борьбы против помощи голодающим, но никто не опубликовал ни изложения этого поучительного дела, ни документов, к нему относящихся, ни даже простого призыва протестовать против чудовищного запрещения устраивать столовые. Рабочие устраивают стачку, когда правительство приводит в исполнение свою угрозу: рассчитать «прогулявших» первое мая; интеллигентное общество молчит, когда его представителям запрещают... оказывать помощь голодающим.

Как бы поощренное успехом этой первой стычки с «смутьянами», которые смеют помогать голодающим, правительство перешло вскоре к атаке по всей линии. Храбрый подвиг князя Оболенского возводится в руководящее начало, в закон, регулирующий отныне отношения всех администраторов ко всем прикосновенным к продовольственному делу лицам (слово «прикосновенный» есть, собственно, термин уголовный, принадлежащий специально нашему уложению о наказаниях, но мы уже видели и увидим еще ниже, что в настоящее время неразрешенная помощь голодающим всецело входит в понятие уголовщины). Такой закон и не замедлил последовать — на этот раз в упрощенной форме «циркуляра министра внутренних дел начальникам губерний, пострадавших от неурожая 1901 г.» (17-го августа 1901 г., № 20).

Этот циркуляр останется, надо думать, надолго памятником того, до каких геркулесовых столпов доводит полицейский страх перед грозным народным бедствием, перед сближением голодающих с помогающими им «интеллигентами», наряду с твердым намерением задавить всякий «шум» о голоде и ограничить помощь самыми ничтожными размерами. Можно только пожалеть, что неумеренный объем этого циркуляра и тяжеловесность того канцелярского слога, которым он написан, помешают, пожалуй, ознакомлению с ним самой широкой публики.

Известно, что закон 12-го июня 1900 г. извлек продовольственное дело из ведения земства и передал его в руки земских начальников и уездных съездов. Казалось бы, уж чего благонадежнее: выборный элемент устранен, мало-мальски независимые от начальства люди распорядиться делом и, следовательно, шуметь теперь не будут. Но, после похода князя Оболенского, всего этого показалось мало: надо строже подчищать все дело министерству и непосредственно

исполняющим его предписания чиновникам, надо устранить окончательно возможность всяких преувеличений. Поэтому *решать* вопрос о том, какие уезды являются «неблагополучными по урожаю», будет отныне исключительно само министерство*, в котором устроится, очевидно, главный штаб военных действий против голодающих. И чрез посредство гг. губернаторов этот штаб будет направлять деятельность тех лиц (главным образом, уездных предводителей дворянства), в руках которых сосредоточено «уездное центральное по продовольственной части управление». Инициатору военных действий против голодающих, князю Оболенскому, приходилось самому ехать на место, чтобы пресечь, обуздать и сократить. Теперь это «упорядочено», и достаточно будет простого обмена телеграммами (благо на канцелярские расходы ассигновано уже по тысячке на уезд) между «уездным центральным» и петербургским центральным управлениями, чтобы «распорядиться». Тургеневский цивилизованный помещик не только не шел сам на конюшню, но ограничивался вполголоса сделанным замечанием чрез одетого во фрак и белые перчатки лакея: «Насчет Федора... распорядиться!» Вот и у нас теперь так же «без шума», тихо-благородно будут «распоряжаться» об обуздании неумеренных appetитов голодающего населения.

А что г. Сипягин убежден в неумеренности appetитов голодного мужика, — это видно из той настойчивости, с которой циркуляр не только предостерегает от «преувеличений», но прямо создает новые и новые правила, устраняющие самую возможность преувеличений. С составлением списков нуждающихся — не торопитесь: это вызывает в населении «преувеличенные надежды» — прямо говорит министр и предписывает составлять списки только непосредственно перед самой раздачей хлеба. Далее, о том, когда *следует* считать уезд неблагополучным по урожаю, — цир-

* Как решат министерство этот вопрос, можно видеть из примера Пермской губернии. Как сообщают последние газеты, губерния эта продолжает все еще считаться «благополучной по урожаю», хотя неурожай в ней (по сведениям августинского губернского земского собрания, бывшего 10-го октября) *еще сильнее* неурожая 1898 года. Сбор хлебов составляет только 58 процентов среднего сбора, а по Шадринскому и Ирбитскому уездам — только 36 и 34 процентов. В 1898 году было выдано правительством (не считая местных средств) $1\frac{1}{2}$ миллиона пудов хлеба и более $\frac{1}{4}$ миллиона рублей деньгами. Теперь же у земства нет средств, земство ограничено в правах, неурожай гораздо сильнее, чем в 1898 году, цены на хлеб начали подниматься *еще с 1-го июля*, крестьяне уже *распродают скот*, — а правительство все-таки упорно считает губернию «благополучной»!

куляр находит излишним говорить, но зато с точностью определяет, когда *не следует* признавать уезда неблагополучным (например, когда пострадало не более трети волостей, когда существуют обычные заработки и т. д.). Наконец, относительно норм пособия голодающим министр преподает такие правила, которые яснее ясного показывают, что правительство хочет *во что бы то ни стало* урезать эти пособия до невозможности и отделаться подачками, нисколько не предохраняющими население от вымирания. В самом деле: норма — 48 пудов хлеба на семью (считая по величине среднего сбора в данном селении); кто имеет не меньше этого, — тот не нуждается. Каким путем получена эта цифра, — неизвестно. Известно только, что в год неголодный даже самые беднейшие крестьяне потребляют вдвое больше хлеба (см. земско-статистические исследования крестьянских бюджетов). Недоедание считается, следовательно, явлением нормальным, на основании предписания г. министра. Но и эта норма уменьшается, во-первых, вдвое, чтобы не мог получить ссуды рабочий элемент, составляющий около половины населения, а во-вторых, *еще* на $\frac{1}{3}$ — $\frac{1}{5}$ — $\frac{1}{10}$ «во внимание к приблизительному числу состоятельных хозяев, имеющих запас от прошедшего года или же какой-либо (именно так: «или же какой-либо»!) материальный достаток». Можно судить по этому, какой ничтожной дробью должна выразиться та доля действительно недостающего населению хлеба, которую намерено ему ссудить правительство! И, точно любуясь своим нахальством, г. Сипягин, изложив эту невероятную систему урезывания пособий, заявляет, что такой приблизительный расчет «редко оказывается сколько-нибудь значительно преувеличенным». Комментарии едва ли не излишни.

Официальные заявления русского правительства, когда в них кроме голых предписаний есть хоть какие-нибудь попытки объяснить эти предписания, заключают в себе почти всегда — это своего рода закон, гораздо более устойчивый, чем большинство наших законов, — два основных мотива или два основных типа мотивов. С одной стороны, вы встретите непременно несколько общих фраз, в напыщенной форме заявляющих о почтительности начальства, его желании считаться с требованиями времени и пожеланиями общественного мнения. Например,

говорится о «важном деле предотвращения в среде сельского населения продовольственной нужды», о «нравственной ответственности за благосостояние местного населения» и т. п. Само собою разумеется, что эти общие места ничего, в сущности, не означают и ни к чему положительному не обязывают; зато они похожи, как две капли воды, на бессмертные речи бессмертного Иудушки Головлева, отчитывавшего обираемых им крестьян. В скобках сказать, эти общие места эксплуатирует всегда (отчасти по наивности, отчасти по «долгу службы») либеральная подцензурная печать, чтобы конструировать принципиальную солидарность правительства с ее точкой зрения.

Но если вы внимательнее присмотритесь к другим, не столь общим и не столь очевидно пустозвонным, мотивам правительственных велений, вы найдете всегда конкретные пояснения, *целиком повторяющие* установившиеся доводы самых реакционных органов нашей печати (напр., «Московских Ведомостей»). Проследивать и отмечать в каждом отдельном случае эту солидарность правительства с «Моск. Ведомостями» было бы, на наш взгляд, небесполезной (и не совсем недоступной даже и для легальных деятелей) работой. В рассматриваемом циркуляре, напр., мы встречаем повторение самых гнусных обвинений, исходивших от самых «диких помещиков», — что преждевременное составление списков нуждающихся возбуждает «стремление некоторых состоятельных домохозяев привести свое хозяйство в вид обедневшего путем продажи запасов и излишков и инвентаря». Министр говорит, что это «доказал опыт предшествующих продовольственных кампаний». Следовательно? Следовательно, министр почерпает свой политический опыт из назиданий наиболее заядлых крепостников, которые так шумели в прежние голодные годы и шумят теперь об обманах крестьян и которые так возмущены «шумом» по поводу эпидемий голодного тифа.

У тех же крепостников научился г. Сяпигин говорить о деморализации: «весьма важно, — пипет он, — чтобы... местные учреждения... содействовали сбережению ассигнованных средств, а главное (*sic!**) — предотвратили имеющие вредное деморализующее влияние случаи неосно-

* — дані! Ред.

вательной выдачи правительственного пособия лицам обеспеченным». И это беззастенчивое предписание содействовать сбережению средств подкрепляется следующим принципиальным наставлением: «...широкая раздача продовольственных пособий могущим обойтись без оных семействам» (могущим обойтись 24-мя пудами хлеба в год на семью?) «независимо от непроизводительности (1) расходов казны в этих случаях имеет по пагубным последствиям такой системы в будущем не менее вредное с точки зрения пользы и нужд государственных значение, чем оставление без надлежащей помощи истинно нуждающихся». В старину расчувствовавшиеся монархи говорили: «лучше десять виновных оправдать, нежели одного невинного осудить». А теперь ближайший помощник царя заявляет: не менее вредно дать пособие семейству, которое может обойтись и 24-мя пудами хлеба в год, чем оставить без пособия «истинно» нуждающегося. Как жаль, что эта великолепная по своей откровенности «точка зрения» на «пользы и нужды государственные» прикрыта от широкой публики длиннейшим и скучнейшим циркуляром! Одна надежда: может быть, социал-демократическая печать и социал-демократическая устная агитация поближе познакомит народ с содержанием министерского циркуляра.

* *
* *

Но с особенной решительностью «нападает» циркуляр на частных благотворителей: по всему видно, что ведущие войну против голодающих администраторы наиболее важной позицией «неприятеля» считают частные кружки помощи, частные столовые и проч. Г-н Сипягин с прямою, заслуживающей полной признательности, объясняет, почему эта частная благотворительность давно уже не давала спать министерству внутренних дел. «Начиная с недорода 1891 и 1892 гг. и при всех последующих подобных же бедствиях — гласит циркуляр — нередко обнаруживалось, что иные благотворители наряду с оказанием материальной помощи жителям неблагополучных местностей стараются возбудить в их среде недовольство существующим порядком и ничем не оправдываемую требовательность по отношению к правительству. При этом не в полной мере удовлетворенная нужда, неизбежные при этом болезни и расстройства хозяйства создают весьма

благоприятную почву для противоправительственной агитации, и такой почвой охотно пользуются неблагонадежные в политическом смысле лица для своих преступных целей под личиной помощи ближнему. Обыкновенно при первых же известиях о значительном недороде в пострадавшую местность стекаются отовсюду лица с небезупречным политическим прошлым, стараются вступить в сношение с приезжающими из столиц уполномоченными благотворительных обществ и учреждений и принимают ими по неведению в сотрудники на места, чем создаются немало-важные затруднения интересам порядка и управления».

Однако тесно же становится на русской земле русскому правительству. Было время, когда особо охраняемой средой считалась только учащаяся молодежь: за ней учрежден был особо строгий надзор, сношения с ней со стороны каких-либо лиц с небезупречным политическим прошлым вменялись в большую вину, всякие кружки и общества, хотя бы и преследовавшие только цели материальной помощи, заподозривались в противоправительственных целях и проч. В те времена — и очень недавние времена — другого *слоя*, тем менее класса населения, представлявшего в глазах правительства «весьма благоприятную почву для противоправительственной агитации», не было. Но с половины 90-х годов вы встретите уже в официальных правительственных сообщениях указание на другой, неизмеримо более многочисленный класс населения, требующий особой охраны: фабрично-заводских рабочих. Рост рабочего движения заставил создать целые системы учреждений для надзора за новым буйным элементом; в списке местностей, запрещенных для жительства сомнительным в политическом отношении лицам, стали появляться наряду с столицами и университетскими городами, фабричные центры, поселки, уезды и целые губернии*. Особо охраняемыми от неблагонадежных оказались две трети Европейской России, а оставшуюся треть до того переполняет масса «лиц с небезупречным политическим прошлым», что

* Ср., напр., напечатанный в № 6 «Искры» секретный циркуляр о высылаемых из С.-Петербурга лицах, главным образом литераторах, многие из которых иногда ни к каким политическим делам вообще и ни к каким «рабочим» делам в частности не привлекались. Тем не менее им запрещены для жительства не только университетские города, но и «фабричные местности», а некоторым даже только фабричные местности.

даже самая глухая провинция становится беспокойной*. Теперь оказывается, что по авторитетному суждению такого компетентного лица, как г. министр внутренних дел, «благоприятную почву» для противоправительственной агитации представляет из себя и самая глухая деревня, поскольку в ней имеют место случаи не вполне удовлетворенной нужды, болезней и расстройства хозяйства. А много ли таких русских деревень, где этого рода «случаи» не постоянны? И не следует ли нам, русским социал-демократам, немедленно воспользоваться этим поучительным указанием г. Сипягина на «благоприятную» почву? Именно теперь, с одной стороны, деревня заинтересована доходившими кое-когда и кое-как слухами о февральских и мартовских стычках городского пролетариата и интеллигентной молодежи с правительственной опричиной, а, с другой стороны, разве любая такая фраза о «ничем не оправдываемой требовательности» мужика и т. п. не дает богатейшей программы для самой широкой и всесторонней агитации?

Полезным указанием г. Сипягина мы должны воспользоваться, а над наивностью его стоит посмеяться. Это, действительно, забавная наивность воображать, что подчинение частной благотворительности надзору и контролю губернатора затруднит возможность влияния «неблагонадежных» лиц на деревню. Настоящие благотворители никогда политическими целями не задавались, так что новые меры пресечения и обуздания падут всего больше на тех, кто для правительства наименее опасен. Люди же, которые захотят открыть глаза крестьянам на значение новых мер и отношение правительства к голоду вообще, наверно уже не встретят надобности в том, чтобы входить в сношения с уполномоченными Красного креста или представляться гг. губернаторам. Ведь вот, напр., раз оказалось, что фабрично-заводская среда есть «благоприятная почва», — те, кто хотели сблизиться с этой средой, не входили в сношения с управляющими фабрик для того, чтобы разузнать про фабричные порядки, и не представлялись гг. фабричным инспекторам для того, чтобы получить разрешение на устройство собраний с рабочими. Мы нисколько не забываем, конечно, что политическая агитация

* См., напр., корреспонденции в «Искре» №№ 6 и 7 о том, как общественное возбуждение и противоправительственные «оказательства» проникли даже в богоспасаемые грады вроде Пензы, Симферополя, Курска и т. п.

среди крестьян представляет громадные трудности тем более, что отвлекать для нее революционные силы из городов и невозможно и нерационально, но мы не должны также упускать из виду, что такие правительственные подвиги, как стеснение частной благотворительности, устраняют добрую половину этих трудностей и снимают с нас половину работы.

* * *

Мы не будем останавливаться на такой — сравнительно с разобраным циркуляром — «мелочи», как циркуляр того же министра об усилении надзора за благотворительными концертами, представлениями и проч. (Ср. «Искра» № 9, «Новые рогатки».)

Попробуем посмотреть, в каком отношении находится теперь правительственная помощь населению, назначенная и распределенная по новым правилам; к действительному размеру нужды. Правда, данные об этом до последней степени скудны. Печать теперь занузdana донельзя, голоса частных устроителей столовых замолкли вместе с «запрещением» их деятельности; и для осведомления оторопевшей от новых строгостей российской публики служат только казенно-полицейские пометки о благополучном ходе продовольственной кампании; да статейки в том же духе в «Московских Ведомостях»; да передаваемые кое-когда разговоры досужего репортера с тем или иным помладуром, преважно излагающим «мысли о градоначальническом единомыслии, а также о градоначальническом единовластии и о прочем»⁷⁸. Напр.; «Новое Время» в № 9195 передает, что саратовский (бывший архангельский) губернатор А. П. Энгельгардт принял сотрудника местной газеты и высказал ему; между прочим; что он; губернатор; лично устроил на месте совещание предводителей дворянства, представителей земских управ; земских начальников и представителей Красного креста и «распределил занятия».

«Цыңги, — сказал А. П. Энгельгардт; — в том виде, как я ее наблюдал в Архангельской губернии; здесь нет: там к больному нельзя подойти на пять шагов; там эта болезнь действительно «гнилая», — здесь же больше всего последствий сильного малокровия, развивающегося благодаря ужасной обстановке домашней жизни. Един-

ственные почти признаки цынготного заболевания здесь — белые губы, белые десны... Выздоровливает такой больной в течение недели при правильном питании. Теперь и идет это подкармливание. В общем выдается 1 000 порций в день; хотя зарегистрировано не больше 400 крайне нуждающихся.

Кроме цынготных заболеваний, по всей местности отмечены только три случая тифа. Дальше; надо надеяться, дело и не пойдет; так как везде уже открыты общественные работы и население обеспечено заработком.

Вот какое благополучие: на весь Хвалынский уезд (о котором говорит г. помпадур) только 400 крайне нуждающихся (остальные, вероятно; «могут обойтись»; по мнению гг. Сипягина и Энгельгардта; и 24-мя пудами хлеба в год на семью!); и население уже обеспечено и выздоравливают больные через неделю. Как же после этого не верить «Московским Ведомостям»; которые в особой передовице (№ 258) внушают нам, что «по последним известиям из 12 губерний; пострадавших от неурожая, в них кипит деятельная работа администрации по устройству помощи. Многие уезды уже обследованы на предмет признания их неблагополучными в продовольственном отношении; назначаются уездные заведующие продовольственной частью и т. д. Повидимому; правительственными должностными лицами делается все возможное для оказания своевременной и достаточной помощи».

«Кипит деятельная работа», п... «зарегистрировано не более 400 крайне нуждающихся»... В Хвалынском уезде 165 тысяч сельского населения; а порций выдается одна тысяча. Недобор ржи в этом году составляет во всем юго-восточном районе (в том числе и в Саратовской губернии) 34%. В Саратовской губернии из общего посева на крестьянских землях (1½ миллиона десятин) полным неурожаем поражены 15% (по данным губернской земской управы) и плохим — 75%; а Хвалынский уезд; вместе с Камышинским; принадлежат к наиболее пострадавшим уездам Саратовской губернии. Следовательно, общий недобор хлеба у крестьян Хвалынского уезда составляет не менее процентов 30-ти. Допустим; что половина этого недобора падает на зажиточное крестьянство; которое доведено этим еще не до голодания (хотя это допущение более чем рискованное; ибо зажиточное крестьянство имеет лучшие

земли и лучше их обрабатывает, так что от неурожая страдает всегда меньше бедноты). Даже и при таком предположении окажется, что голодающих должно быть процентов 15, т. е. до 25-ти тысяч. А нас хотят утешить тем, что хвалынской цынге далеко еще до архангельской; что случаев тифа будто бы было только три (врали бы хотя поискуснее!) и что выдается одна тысяча порций (рассчитанных и размеренных, вероятно, по сипягинской системе борьбы... с преувеличениями).

Что касается до тех «заработков», которые г. Сипягин в своем циркуляре старался *три* раза учесть, чтобы избежать преувеличений (раз — предписывая не считать неблагополучными уезды с развитыми обычно заработками, другой раз — предписывая уменьшать 48-ми пудовую норму наполовину, ибо 50 процентов рабочего населения «должны» заработать, и третий раз — предписывая уменьшать и эту последнюю цифру на $\frac{1}{3}$ — $\frac{1}{10}$, по местным условиям), что касается заработков; то в Саратовской губернии упали не только земледельческие, но и неземледельческие заработки. «Последствия неурожая — сообщает нам выше-названный доклад управы — отразились и на кустарях благодаря уменьшению сбыта их продуктов. В силу этих обстоятельств в уездах с наиболее развитыми кустарными промыслами *наблюдаются кризисы*». А к числу этих уездов принадлежит и наиболее пострадавший Камышинский уезд, в котором, между прочим, многие и многие тысячи бедноты заняты знаменитым сарпиночным промыслом. И в обыкновенные годы порядки в этом, заброшенном в деревенское захолустье, промысле были самые безобразные: работали, например, дети 6—7 лет, получая 7—8 копеек в день. Можно себе представить, что там делается в год громадного неурожая и особого кустарного кризиса.

Неурожай хлебов сопровождается в Саратовской губернии (как и во всех, разумеется, неурожайных губерниях) недостатком кормов. За последние месяцы (т. е. уже во второй половине лета!) было отмечено чрезвычайное развитие разных эпизоотий, усиливающих смертность скота. «По сообщению ветеринарного врача из Хвалынского уезда (заимствуем это сведение из той же газеты, которая излагала содержание вышеупомянутого доклада губернской земской управы), при вскрытии павших животных в желудках последних ничего кроме земли не оказывалось».

В «сообщении земского отдела министерства внутренних дел» о продолжении продовольственной кампании было сделано, между прочим, заявление, что из числа объявленных неблагополучными уездов «лишь в Хвалынском с июля месяца обнаружился, в двух селах, ряд эпидемических заболеваний цынгой, к прекращению которой направлены усилия местного врачебного персонала, причем в помощь местным силам командированы два отряда общества Красного креста, действующие, по донесению губернатора, — (того самого А. П. Энгельгардта, с которым мы уже познакомились), — с большим успехом; во всех же прочих, объявленных неблагополучными в продовольственном отношении уездах, по имеющимся в министерстве к 12-му сего сентября сведениям, случаев неудовлетворенной острой продовольственной нужды не было, и развития болезней на почве недостаточного питания не замечается».

Чтобы показать, какого доверия может заслуживать это утверждение, будто не было случаев неудовлетворенной *острой* нужды (а *хроническая* нужды была?) и будто не замечается развития болезней, мы ограничимся сопоставлением данных еще по двум губерниям.

В Уфимской губернии объявлены неблагополучными Мензелинский и Белебеевский уезды, и земский отдел министерства внутренних дел сообщает, что правительственная ссуда «собственно на продовольствие» потребуется, «по заявлению губернатора», в размере 800 000 пудов. Между тем чрезвычайное Уфимское губернское земское собрание, созванное на 27-ое августа для обсуждения вопроса о помощи пострадавшим от неурожая; определило нужду этих уездов на продовольствие в 2,2 миллиона пудов хлеба, да плюс 1 миллион на остальные уезды, независимо от ссуды на обсеменение (3,2 миллиона пудов на губернию) и на прокорм скота (600 000 пудов). Продовольственная ссуда, следовательно, определена министерством в *одну четвертую долю* того, что определяло земство.

Другой пример. В Вятской губернии уездов, объявленных неблагополучными, не было к тому времени, когда земский отдел опубликовал свое сообщение, а размер ссуды на продовольствие он же определял в 782 000 пудов. Это — та самая сумма, которую исчислило, по сообщениям газет, еще Вятское губернское присутствие

по продовольственной части в своем заседании 28-го августа (исчислило согласно с постановлениями уездных съездов от 18 до 25-го августа). *Те же* самые съезды *около 12-го* августа определили размер ссуды иначе, именно: 1,1 млн. пудов на продовольствие и 1,4 млн. пудов на обсеменение. Откуда эта разница? Что произошло между 12-м и 28-м августа? Произошло то, что появился циркуляр г. Сипягина от 17-го августа о борьбе с голодающими. Действие циркуляр возымел, значит, моментальное, и маленькая сумма в 230 тысяч пудов хлеба была вычеркнута из расчета, составленного — это заметьте — уездными съездами, т. е. учреждениями, заменившими (по закону 12-го июня 1900 г.) неблагонадежное земство, учреждениями, состоящими из чиновников вообще и земских начальников в особенности... Неужели мы в самом деле доживем до того, что и земские начальники обвинены будут в либерализме? Чего доброго. По крайней мере, в «Московских Ведомостях» мы прочитали недавно такой реприманд некоему г. Ом., осмелившемуся в «Приазовском Крае» предложить, чтобы печатались в газетах протоколы заседаний губернских по городским делам присутствий (если уже нельзя в эти заседания допустить представителей печати):

«Цель слишком прозрачна: русский чиновник часто страдает боязнью показаться нелиберальным, и гласность может заставить его, иногда даже против совести, поддерживать какую-нибудь либерально-фантастическую затею города или земства. Расчет не совсем ошибочный».

Не следует ли назначить особый надзор за вятскими земскими начальниками, которые — очевидно из боязни показаться нелиберальными — обнаружили непростительное легкомыслие в «преувеличении» продовольственной нужды?*

* А вот еще образчик борьбы с преувеличениями, которую ведет вятский губернатор:

«Вятский губернатор в «объявлении», разосланном по волостным правлениям, констатирует весьма осторожное отношение крестьян к продовольственной ссуде, выдаваемой правительством и земством. «При объезде губернии, — говорит г. Клянгенберг, — я убедился, насколько крестьяне обдуманно и осторожно относятся к внешним обстоятельствам, боятся брать на себя не вынужденные крайнюю необходимость долги и твердо решились терпеливо ждать божей помощи в будущем году, стараясь своими силами выйти из затруднительного положения. Это дает начальнику Вятской губернии уверенность в том, что «никакие слухи о даровой правительственной и земской помощи и о возможности сложения долгов и недоимок, а равно о преувеличенных раз-

Впрочем, «либерально-фантастическая затея» вятского земства (если бы мудрое русское правительство не отстранило его от ведения продовольственного дела) доходила до определения нужды еще в гораздо больших размерах. По крайней мере, чрезвычайное губернское собрание, происходившее с 30 августа по 2-ое сентября, определило недобор хлеба до потребного количества в 17 процентов, а кормов — в 15 процентов. А величина этого количества — 105 млн. пудов (обычный сбор — 134 млн. пудов, а в настоящем году — 84 млн. пудов). Недобор, следовательно, составляет 21 миллион пудов. «Общее число волостей в губернии, необеспеченных сбором текущего года, — 158 из 310. Население их составляет 1 566 тысяч душ обоего пола». Да, несомненно, «кипит деятельная работа администрации» — по уменьшению действительных размеров нужды и по сведению всего дела помощи голодающим до какого-то акробатства копеечной благотворительностью.

Впрочем, «акробаты благотворительности» было бы еще слишком лестным названием для сплоченных под знаменем сипягинского циркуляра администраторов. Общего у них с акробатами благотворительности — мизерность их помощи и стремление раздуть ее размеры. Но акробаты благотворительности смотрят на благодетельствуемых ими людей, в худшем случае, как на игрушку, приятно щекочущую их самолюбие, а сипягинская администрация смотрит на них как на неприятелей; как на людей, на что-то незаконно посягающих («ничем не оправдываемая требовательность по отношению к правительству») и потому подлежащих обузданию. С полной рельефностью

мерах недорода, не будут смущать спокойное и благоразумное население Вятской губернии. Губернатор считает нужным предупредить крестьянское население, «что если при проверке приговоров окажется, что домохозяин, хотя и не имеет никаких запасов, но собрал в нынешнем году хлеб в достаточном количестве на прокормление семьи и на обсеменение полей, но хлеб этот продал и вырученные деньги употребил на другие надобности, то он уже рассчитывать на получение ссуды не может. Выданные ссуды будут, по новому закону, взыскиваться без ответственности круговою порукою, по тем же правилам, по коим взыскиваются окладные сборы. Поэтому домохозяин, просивший и получивший ссуду, должен помнить, что он один и должен будет ее возвратить, что никто ему не поможет и что взыскание будет производиться строго, так что в случае законенности недоимки все движимое имущество может быть продано, а недвижимое отобрано».

Можно себе представить, как обращаются полостные ваправилы с просящими ссуду голодающими недоимщиками, после такого объявления губернатора!

выразился этот взгляд в замечательных «Временных правилах», высочайше утвержденных 15-го сентября 1901 г.

Это — целый закон, состоящий из 20 статей, и замечательного в нем так много, что мы не поколебались бы причислить его к важнейшим законодательным актам начала XX века. Начать с названия: «временные правила об *участии* населения пострадавших от неурожая местностей в работах, производимых распоряжением ведомств путей сообщения и земледелия и государственных имуществ». Вероятно, эти работы представляют из себя нечто до такой степени напичканное льготами, что «участие» в них есть особая милость? Вероятно, иначе и первая статья нового закона не повторяла бы: «сельским обывателям местностей, пострадавших от неурожая, *предоставляется участие* в производстве работ» и т. д.?

Но об этих «льготах» закон говорит уже во второй своей половине, а сначала устанавливается *организация* всего дела. Подлежащие управления «предназначают наиболее соответствующие работы» (ст. 2), причем «применяются к установленному в законе порядку» (ст. 3, которую, применительно к названию глав в некоторых романах Диккенса, можно бы назвать: «та статья нового закона, в которой говорится о необходимости применяться к старым законам»). Работы открываются либо на сметные средства, либо на особые кредиты, причем общее заведывание устройством работ принадлежит министру внутренних дел; который может назначать особых уполномоченных и при котором, под председательством его товарища, образуется особое «совещание по продовольственному делу» из представителей разных министерств. К обязанностям этого совещания относятся: а) разрешение отступлений от установленного порядка, б) обсуждение предположений о назначениях средств, в) «установление предельных размеров вознаграждения рабочих, а равно определение других условий предоставления населению участия в означенных работах, г) распределение рабочих партий по районам работ и д) заведывание передвижением этих партий к местам производства работ». Заключение совещания утверждает министр внутренних дел, а также, «в подлежащих случаях», и министры других ведомств. Далее, указание работ и выяснение численности нуждающегося в них населения возлагается на земских начальников,

которые все эти сведения сообщают губернаторам, а губернаторы со своим заключением в министерство внутренних дел «и, по указанию одного, распоряжаются чрез земских начальников отправлением рабочих к местам производства работ»...

Уф! Наконец-то мы осилили всю «организацию» нового дела! Спрашивается теперь, сколько потребуется смазки, чтобы привести в движение все колеса этой громоздкой, чисто русской административной машины? Попробуйте только представить себе это дело конкретно: непосредственно около голодающих находится один земский начальник. Ему, значит, принадлежит инициатива. Он пишет бумажку — кому? Губернатору, гласит ст. временных правил 15-го сентября. Но на основании циркуляра от 17-го августа создано ведь особое «уездное центральное по продовольственной части управление», назначение которого «сосредоточить заведывание *всею* продовольственной частью по уезду в руках одного должностного лица» (циркуляр 17-го августа — этим лицом предпочтительно должен назначаться уездный предводитель дворянства). Возникает «пререкание», которое, конечно, быстро разрешается на основании замечательно ясных и простых «начал»; изложенных в шести пунктах статьи 175-ой «общего учреждения губернского», определяющей «порядок разрешения пререканий... между присутственными местами и должностными лицами». В конце концов бумажка попадает все-таки в канцелярию губернатора; где и принимаются составлять «заключение». Затем все посылается в Петербург и поступает на рассмотрение особого совещания. Но участвующий в совещании представитель министерства путей сообщения не в состоянии решить вопрос о целесообразности такой работы, как исправление дорог Бугурусланского уезда, — и вот новая бумажка путешествует из Петербурга в провинцию и обратно. И когда наконец вопрос о целесообразности работы и проч. и проч. будет принципиально разрешен, тогда петербургское совещание займется «распределением рабочих партий» между Бузулукским и Бугурусланским уездами.

И ради чего создана такая машина? По новизне дела? Ничуть не бывало. До временных правил 15-го сентября общественные работы могли устраиваться гораздо проще «на основании действующих узаконений», и тот же

циркуляр 17-го августа, говоря об общественных работах, устраиваемых земствами и попечительствами о домах трудолюбия и губернскими властями, не предвидит надобности ни в какой особой организации. Как видите, «продовольственная кампания» правительства состоит в том, что петербургские департаменты целый месяц (с 17-го августа по 15 сентября) выдумывали и выдумали-таки бесконечное усложнение волокиты. Зато петербургское совещание, наверное уже, не поддастся той опасности впасть в преувеличения, от которой не защищены местные чиновники, «боящиеся показаться нелиберальными»...

Но гвоздь новых «временных правил», это — узаконения о нанимаемых на работы «сельских обывателях». Когда работы производятся «вне районов их оседлости», то рабочие, во-первых, образуют особые артели, «под наблюдением земского начальника», который утверждает и старосту для надзора за порядком; во-вторых, рабочим, вступившим в такую артель, составляется особый список, который «заменяет для внесенных в него («в оный», как выражается закон) рабочих — при передвижении и на время участия в работах — установленные законом виды на жительство и хранится до прибытия на место у чиновника, сопровождающего рабочих в пути, или, в случае его отсутствия, у артельного старосты, а затем — у заведующего производством работ лица».

К чему понадобилась эта замена обыкновенных паспортов, которые каждый желающий отлучиться крестьянин вправе получить бесплатно, — особым списком? Для рабочего это несомненное стеснение, потому что, живя по своему отдельному паспорту, он гораздо свободнее и в выборе себе квартиры, и в распределении своего времени, и в мере одной работы на другую более для него выгодную или удобную. Мы увидим из дальнейшего, что сделано это несомненно умышленно и не только из любви к казенщине, а именно для того, чтобы стеснить рабочих и приблизить их к партиям крепостных, транспортируемых «по описи», по своего рода «статейному списку». Оказывается, что, напр., забота «о сохранении должного порядка во время пути и передача (sic!) доставленных партий рабочих заведующим работами вверяется чинам, особо командированым министерством внутренних дел». Дальше в лес — больше дров. Замена паспортов списками

ведет за собой замену свободы передвижения — «доставкой и передачей партий». Что это, не о партиях ли ссыльно-каторжных идет речь? Не отменены ли уже (может быть, в наказание за «преувеличение» голода?) все законы о том, что крестьянин, снабдивший себя паспортом, может ехать куда ему угодно и как ему угодно? Неужели принятие перевозки на счет казны есть достаточное основание для лишения гражданских прав?

Далее. Оказывается, что заведующие распределением рабочих, выдачей платы и пр. должностные лица производящего работы ведомства, «по сообщению губернского начальства местностей, где остались семьи рабочих, удерживают, в случае возможности, часть заработной платы и отсылают ее по принадлежности для поддержки этих семейств». Новое лишение прав. Как смеют чиновники удерживать заработанные деньги? Как смеют они вмешиваться в семейные дела рабочих и решать за них, точно за крепостных, кого и насколько желают они поддерживать? Да позволят ли еще рабочие удерживать, без их согласия, заработанные ими деньги? Этот вопрос, вероятно, пришел в голову и составителям новых «каторжных правил», потому что статья закона, непосредственно следующая за приведенной выше, гласит: «Надзор за сохранением рабочими должного порядка в местах производства работ возлагается, по распоряжению министра внутренних дел, на местных земских начальников, офицеров отдельного корпуса жандармов, полицейских чиновников или особо для сего назначенных лиц». Положительно, речь идет о *наказании* крестьян лишением прав за «преувеличения» голода и «ничем не оправдываемую требовательность по отношению к правительству»! Мало того, что за всеми русскими рабочими вообще следит и полиция общая, и полиция фабричная, и полиция сыскная, здесь еще предписывается установление *особого* надзора. Правительство, можно подумать, совсем потеряло голову из страха перед этими отправляемыми, доставляемыми и передаваемыми с тысячей предосторожностей партиями голодающих крестьян?

Далее. «В случаях нарушения общественной тишины и спокойствия, явно недобросовестного отношения к работе или неисполнения законных требований лиц, заведывающих производством работ или наблюдающих за

порядком на оных, виновные в том рабочие могут быть подвергаемы, *без особого судебного производства*, по распоряжению чинов, упомянутых в ст. 16 (только что приведенной нами), аресту до *трех* дней; за упорное же уклонение от работы они, по распоряжению тех же чинов, могут быть *отправлены по этапу* в место постоянного их жительства».

Можно ли после этого иначе назвать временные правила 15-го сентября как временно-каторжными правилами? Расправа без суда, — высылка по этапу... Велика, очень велика темнота и забитость русского крестьянина, но есть же мера всему. Да и непрерывные голодовки и непрерывные высылки рабочих из городов не могли пройти бесследно. И наше правительство, которому так понравилось управлять посредством «временных правил»*, дождется-таки того, что найдет коса на камень.

Пусть послужат для нас «Временные правила» 15-го сентября поводом к самой широкой агитации в рабочих кружках и в крестьянстве; *давайте распространять* самый текст этих правил и листки с объяснением их, давайте устраивать собрания с чтением этого закона и объяснением его содержания в связи со всей «продовольственной» политикой правительства. Добьемся того, чтобы каждый сколько-нибудь сознательный рабочий, попадая так или иначе в деревню, имел точное представление о «временно-каторжных правилах» и был в состоянии рассказывать всем и каждому, в чем тут дело и что нужно делать для избавления от каторги голода, произвола и бесправия.

А тем российским прекраснородным интеллигентам, которые носятся со всякого рода артелями и тому подобными допускаемыми или поощряемыми правительством легальными обществами, пусть послужат эти временные правила о *рабочих артелях* — постоянным укором и серьезным предостережением: укором за ту наивность, с которой они верили в искренность правительственного допущения или поощрения, не видя самого подлого крепостнического нутра за вывеской «развития народного труда» и т. п.

* Давно уже сказано, что всякий дурак сумеет управлять посредством осадного положения. Ну, это в Европе нужны осадные положения, а у нас осадное положение есть общее положение, восполняемое то здесь, то там временными правилами. Ведь все политические дела в России ведутся на основании временных правил.

Предостережением, — чтобы впредь они, говоря об артелях и прочих допускаемых гг. Сипягинскими обществах, никогда не забывали сказать, и всю правду сказать, о рабочих артелях по временным правилам 15-го сентября, или же, если они не могут говорить о *таких* артелях, чтобы они лучше совсем молчали.

II. ОТНОШЕНИЕ К КРИЗИСУ И К ГОЛОДУ

Наряду с новой голодовкой все еще тянется старый, ставший уже затяжным, торгово-промышленный кризис, выбросивший на улицу десятки тысяч не находящих себе работы рабочих. Нужда среди них страшно велика, и тем более бросается в глаза совершенно различное отношение и правительства и образованного «общества» к этой нужде и к нужде крестьян. Никаких попыток ни со стороны общественных учреждений, ни со стороны печати определить число нуждающихся рабочих и степень нужды хотя бы с такой же степенью приближения, с какой определяется нужда крестьян. Никаких систематических мероприятий по организации помощи голодающим рабочим.

От чего зависит эта разница? Нам думается: всего менее от того, что нужда рабочих как бы меньше выступает наружу, проявляется в менее резких формах. Правда, городские жители, не принадлежащие к рабочему классу, мало знают о том, как маются теперь фабричные, теснясь еще более в подвалах, чердаках и конурах, недоедая еще больше, чем обыкновенно, сбывая ростовщикам последние остатки домашней рухляди; правда, увеличение числа босяков и нищих, посетителей ночлежных домов и обитателей тюрем и больниц не обращает на себя особенного внимания, потому что ведь «все» так привыкли к тому, что в большом городе должны быть переполнены ночлежные дома и всякие притоны самой безысходной нищеты; правда, безработные рабочие совсем не привязаны к месту, как крестьяне, и либо сами расходятся в разные концы государства, отыскивая занятие, либо высылаются «на родину» администрацией, опасаясь скопления безработных. Но, несмотря на все это, каждый, соприкасающийся с промышленной жизнью, наблюдает воочию и каждый, следящий за общественной жизнью, знает из газет, что безработица растет и растет.

Нет, причины указанного различия лежат глубже: их надо искать в том, что деревенская голодовка и городская безработица принадлежат к совершенно различным укладам хозяйственной жизни страны, обуславливаются совершенно различным взаимоотношением класса эксплуататоров и класса эксплуатируемых. В деревне отношения между этими двумя классами вообще чрезвычайно запутаны и усложнены массой переходных форм, когда земледельческое хозяйство соединяется то с ростовщичеством, то с работой по найму и пр. и пр. И голодают при этом не сельскохозяйственные наемные рабочие, противоположность интересов которых интересам помещиков и зажиточных крестьян ясна для всех и в значительной степени для самих рабочих, а голодают мелкие крестьяне, которых принято считать (и которые сами себя считают) самостоятельными хозяевами, лишь случайно попадающими иногда в ту или иную «временную» зависимость. Ближайшая причина голода — неурожай — бедствие, в глазах массы, чисто стихийное, божье попущение. А так как эти сопровождаемые голодовками неурожай тянутся с незапамятных времен, то и законодательство давно уже вынуждено считаться с ними. Давно уже существуют (главным образом на бумаге) целые уставы народного продовольствия, предписывающие целую систему «мероприятий». И как ни мало отвечают нуждам современной эпохи эти мероприятия, заимствованные большей частью из времен крепостного права и преобладания патриархального натурального хозяйства, тем не менее каждый голод приводит в движение целый административный и земский механизм. А этому механизму даже при всем желании власть имущих лиц трудно, почти невозможно обойтись без всесторонней помощи этих ненавистных «третьих лиц», интеллигентов, стремящихся поднять «шум». С другой стороны, связь голодовки с неурожаем и забитость крестьянина, — не сознающего (или до последней степени смутно сознающего), что только усиливающийся гнет капитала в связи с грабительской политикой правительства и помещиков довел его до такого разорения, — ведут к тому, что голодающие чувствуют себя совершенно беспомощными и не проявляют не только чрезмерной, но даже и ровно никакой «требовательности».

А чем ниже в угнетенном классе уровень сознания своего угнетения и требовательности по отношению к угнетате-

лям, тем больше является среди имущих классов лиц, склонных к благотворительности, тем меньше сравнительно сопротивление этой благотворительности со стороны непосредственно заинтересованных в нищете крестьянина местных помещиков. Если принять во внимание этот несомненный факт, то окажется, что усиление помещичьего сопротивления, усиление криков о «деморализации» мужика и, наконец, принятие «начиненным» в таком духе правительством чисто военных мер против голодающих и против благотворителей, — все это ясно свидетельствует о полном упадке и разложении того исконного, патриархального, веками освященного и непроборимо якобы устойчивого деревенского быта, которым восхищались наиболее ярые славянофилы, наиболее сознательные реакционеры и наиболее наивные «народники» стародедовского толка. Нас, социал-демократов, обвиняли всегда — народники в том, что мы искусственно переносим понятие классовой борьбы туда, куда оно вовсе не приложимо; — реакционеры в том, что мы разжигаем классовую ненависть и натравливаем «одну часть населения против другой». Не повторяя десятки раз уже данного ответа на эти обвинения, мы заметим только, что русское правительство идет *впереди нас всех* в оценке глубины классовой борьбы и в энергии мероприятий, из такой оценки вытекающих. Всякий, кто соприкасался так или иначе с публикой, направлявшейся в голодные годы «кормить» крестьян, — а кто из нас не соприкасался с ней? — знает, что ее побуждало к этому простое чувство человеческого сострадания и жалости, что какие бы то ни было «политические» планы были совершенно чужды ей, что пропаганда идей классовой борьбы оставляла эту публику совершенно холодной, что аргументы марксистов в их горячей войне с народническими взглядами на деревню эту публику не убеждали. При чем тут классовая борьба? говорили они. Просто крестьяне голодают, и надо им помочь.

Но кого не убедили аргументы марксистов, того, может быть, убедят «аргументы» г. министра внутренних дел. Нет, не «просто голодают» — вещает он благотворителям — и без разрешения начальства нельзя «просто» помогать, ибо это развивает деморализацию и ничем не оправдаваемую требовательность. Вмешиваться в продовольственную кампанию значит вмешиваться в те божеские

и полицейские предначертания, которые гг. помещикам обеспечивают рабочих, согласных работать чуть не даром, а казне обеспечивают поступление податей, собираемых посредством выколачивания. И кто внимательно вдумается в сипягинский циркуляр, тот должен будет сказать себе: да, в нашей деревне идет социальная война, и, как и при всякой войне, не доводится отрицать право воюющих сторон осматривать груз судов, идущих в неприятельские порты хотя бы и под нейтральным флагом! Отличие от других войн лишь то, что здесь одна сторона, обязанная вечно работать и вечно голодать, даже и вовсе не сражается, а только бывает сражаема... пока.

В области фабрично-заводской промышленности наличность этой войны давно уже не подлежит никакому сомнению, и «нейтральному» благотворителю нет надобности в циркулярах разъяснять, что, не спросясь броду (т. е. разрешения начальства и гг. фабрикантов), не следует соваться в воду. Еще в 1885 году, когда о сколько-нибудь заметной социалистической агитации среди рабочих не могло быть и речи, даже в центральном районе, где рабочие ближе стоят к крестьянству, чем в столице, промышленный кризис до такой степени сильно зарядил фабричную атмосферу электричеством, что взрывы постоянно происходили то здесь, то там. Благотворительность при таком положении дела заранее осуждена на бессилие, и она остается поэтому случайным и чисто индивидуальным делом тех или иных лиц, не приобретаая и тени общественного значения.

Отметим еще одну особенность в отношении общества к голодовкам. До самого последнего времени у нас, можно без преувеличения сказать, господствовало то мнение, что весь русский экономический, да даже и государственный, строй только и держится на *массе* владеющего землей и самостоятельно хозяйничающего на земле крестьянства. До какой степени этот взгляд проникал даже в передовые круги мыслящих людей, всего менее склонных попадать на удочку официального славословия, это особенно рельефно показала всем памятная книга Николая — она, вышедшая после голода 1891—1892 гг.⁷⁷ Разорение громадного числа крестьянских хозяйств казалось всем таким абсурдом, таким невозможным прыжком в небытие, что необходимость самой широкой помощи, способной

действительно «залечить раны», сделалась почти общим лозунгом. И опять не кто иной, как г. Сипягин взял на себя труд рассеять последние иллюзии. На чем же держится «Россия», чем живут земледельческие и торгово-промышленные классы, как не разорением и нищетой народа? Пытаться не на бумаге только залечить *эту* «рану» — да это государственное преступление!

Г-н Сипягин, несомненно, поспособствует распространению и укреплению той истины, что, кроме классовой борьбы революционного пролетариата против всего капиталистического строя, нет и не может быть иного средства ни против безработицы и кризисов, ни против тех азиатски-диких и жестоких форм экспроприации мелкого производителя, какие принял этот процесс у нас. До массовых жертв голода и кризисов хозяевам капиталистического государства так же мало дела, как мало дела паровозу до тех, кого он давит на своем ходу. Мертвые тела тормят колеса, поезд останавливается, он может даже (при чересчур энергичных машинистах) сойти при этом с рельсов, но он во всяком случае продолжает, после тех или иных задержек, свой путь. Вы слышите о голодной смерти и разорении десятков и сотен тысяч мелких хозяев, но в то же время вы слышите и о прогрессах отечественного земледелия, об успешном завоевании иностранного рынка российскими помещиками, отправившими экспедицию русских сельских хозяев в Англию, о расширении сбыта улучшенных орудий и распространении травосеяния и проч. Для хозяев русского земледелия (как и для всех капиталистических хозяев) усиление разорения и голодовки есть не более как маленькая временная задержка, на которую они почти и не обратят внимания, если голодающие не *заставят* обратить на себя внимания. Все идет своим чередом, — даже спекуляция по продаже земель той части *хозяев*, которую образуют зажиточные крестьяне.

Вот, напр., Бугурусланский уезд Самарской губернии объявлен «неблагонадежным по урожаю». Значит, разорение *массы* крестьянства и голодовка достигли здесь самой высокой степени. Но бедствие массы не только не мешает, а как будто бы даже содействует укреплению хозяйственной позиции буржуазного меньшинства крестьянства. Вот что мы читаем о том же уезде в сентябрьской корреспонденции «Русских Ведомостей»⁷⁸ (№ 244):

«Бугурусланский уезд Самарской губернии. Злобою дня у нас являются повсеместный быстрый рост цен на землю и огромная спекуляция ею, вызванная этим ростом. Всего каких-нибудь 15—20 лет тому назад прекрасные долинные земли шли здесь по 10—15 руб. за десятину: были местности, удаленные от железной дороги, в которых всего три года назад цена 35 руб. за десятину считалась высокой и только за самую лучшую землю с великолепной усадьбой и базаром было однажды заплачено 60 руб. за десятину. Теперь же за худшую землю дают 50—60 руб., а за лучшие земли цена поднялась до 80-ти и даже до 100 руб. за десятину. Спекуляции, вызванные этим ростом цен на землю, — двух родов: во-первых, это — скупка земли для немедленной же перепродажи (есть случаи, что земля покупалась по 40 руб. и через год перепродавалась местным крестьянам по 55-ти руб.); продают обыкновенно те помещики, которым или неохота, или уже некогда возиться с проволочками и формальностями продажи земли крестьянам через Крестьянский банк, покупают же купцы-капиталисты и перепродают тем же местным мужикам. Во-вторых, разного рода многочисленные посредники занимаются всучиванием крестьянам из дальних губерний (преимущественно малороссийских) всякого рода неудобной земли, за что получают от владельцев имений недурные проценты (от 1-го до 2-х руб. за десятину). Из сказанного уже видно, что главный объект земельной спекуляции — крестьянин, и на его жажде земли основывается вся эта невообразимая и необъяснимая простыми экономическими причинами скачка цен на землю; конечно, сыграли роль и железные дороги, но не такую, так как главным покупателем земли у нас остается крестьянство, для которого железная дорога — фактор далеко не первостепенный».

Эти цепкие «хозяйственные мужички», так жадно вкладывающие свои «сбережения» (и награбления) в покупку земли, неминуемо доконают и тех из малоимущих крестьян, которые еще уцелели от теперешней голодовки.

Если для буржуазного общества средством против разорения и голодания неимущих крестьян служит покупка земли важиточными крестьянами, то средством против кризиса, переполнения рынка продуктами промышленности, служат поиски новых рынков. Пресмыкающаяся

печать («Новое Время» № 9188) восторгается успехами новой торговли с Персией, оживленно обсуждаются коммерческие виды на Среднюю Азию и особенно на Манчжурию. Железоделательные и прочие промышленные тузы радостно потирают руки, слыша об оживлении железнодорожного строительства. Решено строить большие линии: Петербург — Вятка, Бологое — Седлец, Оренбург — Ташкент, гарантированы правительством железнодорожные займы на 37 миллионов (обществ Московско-Казанской, Лодзинской и Юго-Восточных дорог), предположены линии: Москва — Кыштым, Камышин — Астрахань и Черноморская. Голодающие крестьяне и безработные рабочие могут утешаться: казенные денежки (если казна добудет еще денег) не будут, разумеется, «непроизводительно» (ср. сипягинский циркуляр) расходоваться на пособия, нет, они польются в карманы инженеров и подрядчиков — вроде тех виртуозов казнокрадства, которые годы и годы крали и крали в Нижнем при постройке сормовской дамбы и которые только теперь осуждены (в виде исключения) сессией Московской судебной палаты в Нижнем-Новгороде*.

* К сожалению, недостаток места не позволит нам подробнее остановиться на этом процессе, который еще и еще раз показал, как хозяйничают и инженеры и подрядчики. Для нас, русских, это именно та старая история, которая вечно остается новой. Инженер Александров в компании с начальником нижегородского отделения Казанского округа министерства путей сообщения Шнакенбургом и с шестью привлеченными к делу, подрядчиками в течение трех лет (1893—1895) «сооружал» для себя и других тысячные капиталы, представляя в казну счета, ведомости, акты освидетельствования и проч. на никогда не существовавшие работы и поставки. Фиктивные были не только работы, но и сами подрядчики: простой псаец подписывался за подрядчика! Какую сумму хитнула вся братия, можно судить по следующему. Инженер Александров представил счетов (от попавших на скамью подсудимых «подрядчиков») на *двести слишком тысяч рублей*, а в этих счетах, например, вместо 400 рублей действительного расхода ставили 4400 руб. Инженер Александров, по показанию одного свидетеля, прокучивал то с девицами, то со своим непосредственным начальством, путевыми инженерами, рублей по 50—80 в один обед.

Но интереснее всего то, как велось и чем кончилось это дело. Полицией-майстер, которому донес агент сысольской полиции, «не захотел поднимать дело» (1). «Дело — говорит — не наше, а министерства путей сообщения», и агенту пришлось обратиться к прокурору. Далее, обнаружилось все только потому, что воры перессорились: Александров «не поделился» с одним из своих подрядчиков. Велось дело *шесть лет*, так что многие свидетели успели умереть и почти все успели позабыть самое важное. Даже таковой свидетель, как бывший начальник Казанского округа путей сообщения Лохтин, не *разыскал* (sic!): не то он в Казани, не то в г. Енисейске на командировке! Пусть читатель не думает, что это — шутка, это списано с отчета в судебном разбирательстве.

Что замешаны в этом деле далеко не одни обвиняемые, видно хотя бы из 2-х следующих фантов: во-первых, тот самый добродетельный агент полиции,

III. ТРЕТИЙ ЭЛЕМЕНТ

Выражение «третий элемент» или «третьи лица» пушено в ход, если мы не ошибаемся, самарским вице-губернатором, г. Кондоиди, в его речи при открытии Самарского губернского земского собрания 1900 г., для обозначения лиц, «не принадлежащих ни к администрации, ни к числу представителей сословий». Рост числа и влияния таких лиц, служащих в земстве в качестве врачей, техников, статистиков, агрономов, педагогов и т. п., давно уже обращает на себя внимание наших реакционеров, которые прозвали также этих ненавистных «третьих лиц» «земской бюрократией».

Надо вообще сказать, что наши реакционеры, — а в том числе, конечно, и вся высшая бюрократия, — проявляют хорошее политическое чутье. Они так искушены по части всяческого опыта в борьбе с оппозицией, с народными «бунтами», с сектантами, с восстаниями, с революционерами, что держат себя постоянно «на чеку» и гораздо лучше всяких наивных простаков и «честных кляч» понимают непримиримость самодержавия с *какой бы то ни было* самостоятельностью, честностью, независимостью убеждений, гордостью настоящего знания. Прекрасно впитав в себя тот дух низкопоклонства и бумажного отношения к делу, который царит во всей иерархии российского чиновничества, они подозрительно относятся ко всем, кто не похож на гоголевского Акакия Акакиевича или, употребляя более современное сравнение, на человека в футляре.

И в самом деле: если люди, исполняющие те или иные общественные функции, будут цениться не по своему служебному положению, а по своим знаниям и достоин-

который поднял дело, теперь в полиции не служит, а приобрел дом и ивет доходами с него. Во-вторых, инженер Макаров, начальник Казанского округа путей сообщения (в эпоху сормовской дамбы бывший помощником начальника), на суде на кожи лез, выгораживая Александра; он заявил даже — буквально! — что если дамбу весной 1894 г. размыло, то «это так и полагалось». По его, макаровским, ревициям, у Александра все было в порядке, и Александр отличался опытностью, усердием и аккуратностью!

Результат: Александру — один год крепости; Шнакенбургу — строгий выговор (не приведенный в исполнение за силой манифеста 1896 г.); остальные оправданы. Гражданский иск казны отклонен. Воображаю, как должны быть довольны и неразысканные Лохтины и состоящие на службе Макаровы.

ствам, — то разве это не ведет логически неизбежно к свободе общественного мнения и общественного контроля, обсуждающего эти знания и эти достоинства? Разве это не подкапывает в корне те привилегии сословий и чинов, которыми только и держится самодержавная Россия? Послушайте-ка, чем мотивировал свое недовольство тот же г. Кондоиди:

«Случается, — говорит он, — что представители сословий без достаточно проверенных оснований внемлют слову интеллигентов, хотя бы то были не более как вольнонаемные служащие в управе, лишь вследствие ссылки на науку или на поучения газетных и журнальных писателей». Каково? Простые «вольнонаемные служащие», а берутся учить «представителей сословий»! Между прочим: земские гласные, о которых говорит г. вице-губернатор, на самом деле члены учреждения бессословного; но так как у нас все и вся пропитано сословностью, так как и земства, по новому положению, громадную долю всей своей бессословности утратили, то для краткости можно действительно сказать, что в России два правящих «класса»: 1. администрация и 2. представители сословий. Третьему элементу в сословной монархии нет места. А если непокорное экономическое развитие все более подрывает сословные устои самым ростом капитализма и вызывает потребность в «интеллигентах», число которых все возрастает, то неизбежно надо ожидать, что третий элемент будет стараться расширить узкие для него рамки.

«Грезы лиц, не принадлежащих ни к администрации, ни к представителям сословий в земстве, — говорил тот же г. Кондоиди, — носят лишь фантастический характер, но могут, допустив в основании политические тенденции, иметь и вредную сторону».

Допущение «политических тенденций» — это только дипломатическое выражение того убеждения, что они есть. А «грезами» именуется здесь, если хотите, все предположения, вытекающие для врача — из интересов врачебного дела, для статистика — из интересов статистики и не считающиеся с интересами правящих сословий. Сами по себе эти грезы фантастичны, но они питают политическое недовольство, извольте видеть.

А вот попытка другого администратора, начальника одной из центральных губерний, дать иную мотивировку

недовольства третьим элементом. По его словам, деятельность земства *вверенной ему* губернии «с каждым годом все более и более отдаляется от тех основных начал; на которых зиждется Положение о земских учреждениях». Положением этим к заведыванию делами о местных пользах и нуждах призвано местное население; между тем вследствие индифферентного отношения большинства землевладельцев к предоставленному им праву «земские собрания приняли характер одной *формальности*, а дела вершатся управами, характер коих заставляет желать весьма многого». Это «повлекло за собою образование при управах обширных канцелярий и приглашение на земскую службу *специалистов*, — статистиков, агрономов, педагогов, санитарных врачей и т. д., — которые, чувствуя свое *образовательное*, а иногда и *умственное превосходство* над земскими деятелями, начали проявлять все *большую и большую самостоятельность*, что в особенности достигается путем открытия в губернии разных *съездов*, а при управах — *советов*. В результате все земское хозяйство очутилось в руках лиц, *ничего общего с местным населением не имеющих*». Хотя «среди этих лиц весьма много личностей, вполне благонамеренных и заслуживающих полного уважения, но на свою службу они не могут смотреть иначе, как на средство к существованию, а пользы и нужды местные их лишь настолько могут интересовать, насколько от таковых зависит их личное благополучие». — «В земском деле, по мнению начальника губернии, *наемник не может заменить собственника*». Эта мотивировка может быть названа и более хитрой и более откровенной, смотря по тому, как смотреть. Она более хитра, так как умалчивает о политических тенденциях и пытается свести основания своего суждения исключительно к интересам местных польз и нужд. Она более откровенна, ибо прямо противопоставляет «наемника» *собственнику*. Это — исконная точка зрения российских Китов Китычей, которые при найме какого-нибудь «учителишки» руководятся прежде всего и больше всего рыночными ценами на данный вид профессиональных услуг. Настоящие хозяева всего — *собственники*, так вещает представитель того самого лагеря, из которого постоянно несутся восхваления России с ее твердой, независимой ни от кого и выше классов стоящей властью, избавленной, слава богу, от того господства над

народной жизнью своекорыстных интересов, какое мы видим в развращенных парламентаризмом западных странах. А раз собственник — хозяин, то он должен быть хозяином и врачебного, и статистического, и образовательного «дела»: наш помпадур не стесняется сделать этот вывод; заключающий в себе прямое признание политического главенства имущих классов. Мало того: он не стесняется — и это особенно курьезно — признать, что эти «специалисты» чувствуют свое образовательное, а иногда и умственное превосходство над земскими деятелями. Да уж, против умственного превосходства, разумеется, никаких средств, кроме мер строгости, не имеется...

И вот недавно нашей реакционной печати представился особенно удобный случай повторить призыв к этим мерам строгости. Нежелание интеллигентов позволить третировать себя как простых наемников, как продавцов рабочей силы (а не как граждан; исполняющих определенные общественные функции); всегда приводило, от времени до времени, к конфликтам управских воротил то с врачами, которые коллективно подавали в отставку, то с техниками и т. д. В последнее же время конфликты управ с статистиками припяти прямо эпидемический характер.

В «Искре» было отмечено еще в мае (№ 4), что местные власти (в Ярославле) давно уже косились на статистику и после мартовских событий в С.-Петербурге произвели-таки «очистку» бюро и предложили заведующему «впредь принимать студентов со строгим выбором; так чтобы о них нельзя было и подумать, что они могут когда-либо оказаться неблагонадежными». В корреспонденции «Крамора во Владимире на Клязьме» («Искра» № 5, июнь) обрисовывалось общее положение заподозренной статистики и причины нелюбви к ней со стороны губернатора, фабрикантов и помещиков. Увольнение владимирских статистиков за подачу телеграммы с выражением сочувствия Анненскому (избитому на Казанской площади 4-го марта) повело к фактическому закрытию бюро, и так как иногородные статистики отказывались служить в земстве, которое не умеет отстаивать интересы своих служащих, то пришлось местной жандармерии выступить в роли посредника между уволенными статистиками и губернатором. «Жандарм явился на квартиры к некоторым статистикам и предлагал им снова подавать прошение о поступлении на службу

в бюро», но его миссия потерпела полную неудачу. Наконец, в августовском номере (№ 7) «Искры» был рассказан «инцидент в Екатеринославском земстве», в котором «паша» г. Родзянко (председатель губ. зем. управы) уволил статистиков за неисполнение «предписания» вести дневник и этим увольнением вызвал выход в отставку всех остальных членов бюро и протестующие письма харьковских статистиков (приведены в том же номере «Искры»). Дальше в лес — больше дров. Вмешался харьковский паша, г. Гордеенко (тоже председатель губ. зем. управы), и заявил статистикам «своего» земства, что не потерпит «в стенах управы никаких совещаний служащих по вопросам, не касающимся служебных обязанностей». Не успели, далее, харьковские статистики исполнить своего намерения потребовать увольнения находившегося среди них шпиона (Антоновича), как управа уволила заведующего стат. бюро, вызвав этим опять-таки уход всех статистиков.

До какой степени взволновали эти происшествия всю массу земских служащих по статистике, это видно, например, из письма вятских статистиков, которые пытались обстоятельно мотивировать свое нежелание пристать к движению и были за это по справедливости названы в «Искре» (№ 9) «вятскими штрейкбрехерами».

Но «Искра», конечно, отмечала только некоторые случаи, далеко не все конфликты, которые произошли, по сведениям легальных газет, кроме того в губерниях Петербургской, Олонцкой, Нижегородской, Таврической, Самарской (к конфликтам мы присоединяем здесь и случаи увольнения сразу по нескольку статистиков, так как эти случаи возбуждали сильное недовольство и брожение). До чего доходила вообще подозрительность губернских властей и беззастенчивость их, видно, например, из следующего:

«Заведывавший таврическим бюро С. М. Блеклов в представленном управе «Отчете по обследованию Днепровского уезда в течение мая и июня 1901 г.» рассказывает, что работы в этом уезде сопровождались небывалыми ранее условиями: хотя и допущенные к исполнению своих обязанностей губернатором, снабженные надлежащими документами и имевшие, на основании распоряжения губернского начальства, право на содействие местных властей, исследователи были окружены крайней подозрительностью

уездной полиции, следившей за ними по пятам, выражавшей свое недоверие в самой грубой форме, дошедшей до того, что, по словам одного крестьянина, вслед за статистиками ехал урядник и спрашивал крестьян, «не пропагандируют ли статистики вредных идей против государства и отечества». Статистикам приходилось; по словам г. Блеклова, «наталкиваться на разные препятствия и затруднения, которые не только мешали работе, но и глубоко затрагивали чувства собственного достоинства... Часто статистики оказывались в положении каких-то подследственных лиц, о которых производилось тайное дознание, всем, впрочем, хорошо известное, и относительно которых считалось необходимым предупреждать. Отсюда каждому может быть понятно, какое невыносимо тяжелое нравственное состояние приходилось нередко им переживать».

Недурная иллюстрация к истории земско-статистических конфликтов и к характеристике надзора за «третьим элементом» вообще!

Неудивительно, что реакционная печать набросилась на новых «бунтовщиков». «Московские Ведомости» поместили громовую передовицу «Стачка земских статистиков» (№ 263, 24 сент.) и особую статью «Третий элемент» г. Н. А. Знаменского (№ 279, 10 окт.). «Третий элемент» «зазнался», — писала газета, — он отвечает «систематической оппозицией и стачкой» на попытки ввести «необходимую служебную дисциплину». Виной всему — земские либералы, распустившие служащих.

«Нет никакого сомнения в том, что некоторое упорядочение земских оценочно-статистических работ предпринято наиболее трезвыми и разумными земскими деятелями, не пожелавшими допускать в подведомственных им *управлениях распущенность даже и под либерально-оппозиционным флагом*. И оппозиция, и стачки должны, наконец, открыть им глаза на то, с кем они имеют дело в лице *того умственного пролетариата, который, шатаясь из одной губернии в другую, занимался не то статистическими исследованиями, не то просвещением местных подростков в социально-демократическом духе*».

Во всяком случае, в форме «земских статистических конфликтов» благообразная часть земских деятелей получает для себя полезный урок. Полагаем, что она увидит теперь

вполне ясно, какую змею, под видом «третьего элемента», отогрели у себя на груди земские учреждения»*.

Мы, с своей стороны, тоже не сомневаемся в том, что эти вопли и завывания верного сторожевого пса самодержавия (известно, что так назвал себя «сам» Катков, сумевший так надолго «зарядить» «М. Вед.» своим духом) «откроют глаза» многим, не вполне еще понимавшим всю непримиримость самодержавия с интересами общественного развития, с интересами интеллигенции вообще, с интересами всякого настоящего общественного дела, не состоящего в казнокрадстве и предательстве.

Для нас, социал-демократов, эта маленькая картинка похода против «третьего элемента» и «земско-статистических конфликтов» должна послужить важным уроком. Мы должны почерпнуть новую веру в всеилие руководимого нами рабочего движения, видя, что возбуждение в передовом революционном классе передается и на другие классы и слои общества, что оно привело уже не только к небывалому подъему революционного духа в студенчестве**, но и к начинающемуся пробуждению деревни, и к усилению веры в себя и готовности к борьбе в таких общественных группах, которые (как группы) оставались до сих пор мало отзывчивыми.

Общественное возбуждение растет в России во всем народе, во всех его классах, и наш долг, долг революционных социал-демократов, направить все усилия на то, чтобы суметь воспользоваться им, чтобы разъяснить передовой рабочей интеллигенции; какого союзника имеет она и в крестьянстве, и в студенчестве, и в интеллигенции вообще, чтобы научить ее пользоваться вспыхивающими то здесь, то там огоньками общественного протеста. Роль передового борца за свободу мы в состоянии будем исполнить лишь тогда, когда руководимый боевой революционной партией рабочий класс, не забывая ни на минуту своего особого положения в современном обществе и своих

* «М. В.» № 263.

** В тот момент, когда мы пишем это, отовсюду идут известия о новом усилении брожения в среде студенчества, о сходках в Киеве, Петербурге и других городах, об образовании революционных студенческих групп в Одессе и проч. Может быть, история вовлечет на студенчество роль застрельщика и в решительной схватке? Как бы там ни было, но для победы в этой схватке необходим подъем масс пролетариата, и мы должны скорее и скорее позаботиться об увеличении их сознательности, воодушевления и организованности.

особых всемирно-исторических задач освобождения человечества от экономического рабства, поднимет в то же время общенародное знамя борьбы за *свободу* и привлечет под это знамя всех тех, кого теперь гт. Сипягины, Кондоиди и вся эта шайка так усердно толкает в ряды недовольных из самых разнообразных слоев общества.

Для этого нужно только, чтобы мы восприняли в свое движение не только непреклонно революционную теорию, выработанную вековым развитием европейской мысли, но и революционную энергию и революционный опыт, завещанные нам нашими западно-европейскими и русскими предшественниками, а не перенимали рабски всяческие формы оппортунизма, от которых начинают уже отделяться сравнительно мало пострадавшие от них западные наши товарищи; и которые так сильно задерживают наш путь к победе.

Перед русским пролетариатом стоит теперь наиболее трудная, но зато и наиболее благодарная революционная задача: раздавить врага, которого не могла осилить многострадальная русская интеллигенция, и занять место в рядах международной армии социализма.

IV. ДВЕ ПРЕДВОДИТЕЛЬСКИЕ РЕЧИ

«Факт печально-знаменательный, еще поныне небывалый, и много небывалых бед сулят России также факты, возможные только при уже очень далеко подвинувшейся нашей социальной деморализации»... Так писали «Московские Ведомости» в передовой статье № 268 (29 сент.) по поводу речи орловского губернского предводителя дворянства, М. А. Стаховича, на миссионерском съезде в Орле (съезд этот закончился 24 сентября)... Ну, уже если в среде предводителей дворянства, этих первых лиц в уезде и вторых — в губернии, проникла «социальная деморализация», то где же в самом деле конец «духовной моровой язве, охватывающей Россию»?

В чем же дело? А в том, что сей г. Стахович (тот самый, который хотел предоставить орловским дворянам места сборщиков по питейной монополии: см. № 1 «Заря», «Случайные заметки» *) сказал горячую речь в защиту свободы

* См. Сочинения, 4 изд., том 4, стр. 359—387. Реф.

совести, причем «дошел в своей бестактности, чтобы не сказать цинизме, до того, что внес такое предложение»*:

«Ни на ком в России не лежит более, чем на миссионерском съезде, долг провозгласить необходимость свободы совести, необходимость отмены всякой уголовной кары за отпадение от православия и за принятие и исповедание иной веры. И я предлагаю орловскому миссионерскому съезду так прямо и высказаться, и возбудить это ходатайство пригодным порядком!..»

Разумеется, насколько наивно было со стороны «Московских Ведомостей» произвести г. Стаховича в Робеспьеры (это жизнерадостный-то М. А. Стахович, которого я так давно знаю, Робеспьер! писал в «Новом Времени» г. Суворин, и трудно было без смеха читать его «защитительную» речь), — настолько же, в своем роде, был наивен г. Стахович, предлагая попам ходатайствовать «пригодным порядком» о свободе совести. Это все равно, что на съезде станковых предложить бы ходатайствовать о политической свободе!

Едва ли есть надобность добавлять читателю, что «сонм духовенства с архипастырем во главе» отклонили предложение г. Стаховича «и по существу доклада и по несоответствию его задачам местного миссионерского съезда», по выслушании «серьезных возражений» со стороны преосвященнейшего епископа орловского Никанора, профессора Казанской духовной академии Н. И. Ивановского, редактора-издателя журнала «Миссионерское Обозрение» В. М. Скворцова, миссионеров-священников таких-то и кандидатов университета — В. А. Тернавцева и М. А. Новоселова. Можно сказать: союз «науки» и церкви!

* «Московские Ведомости», там же. Извиняюсь пред читателями за свою симпатию к «Московским Ведомостям». Что прикажете делать! По-моему, все же это — самая интересная, самая последовательная и самая *дельная* политическая газета в России. Ведь нельзя же назвать «политической» в собственном смысле литературу, которая в лучшем случае подбирает кое-какие интересные сырые фантики и вздыхает вместо всяких «мудрствований». Не спору, что это может быть очень полезно, но это не политика. Точно так же и литературу новременского пошиба нельзя назвать в настоящем смысле слова политической, несмотря на то (или лучше вследствие того), что она чересчур политична. Никакой определенной политической программы и никаких убеждений у нее нет, а есть только умение подделываться под тон и настроение момента, пресмыкаться перед властью имущими, что бы они ни предписывали, и заигрывать с подобным общественным мнением. А «Московские Ведомости» свою линию ведут и не боятся (им-то бояться нечего!) идти впереди правительства, не боясь насатся и иногда очень откровенно самых ценолюбивых пунктов. Полезная газета, незаменимый сотрудник революционной агитации!

Но г. Стахович интересен для нас, разумеется, не как образчик человека с ясной и последовательной политической мыслью, а как образчик самого «жизнерадостного» русского дворянчика, всегда готового урвать кусочек каменного пирога. И до какой же безграничной степени должна доходить «деморализация», вносимая в русскую жизнь вообще и в жизнь нашей деревни в особенности полицейским произволом и инквизиторской травлей сектантства, чтобы даже камни возоняли! Чтобы предводители дворянства горячо заговорили о свободе совести!

Вот, из речи г. Стаховича, маленькие примерчики тех порядков и тех безобразных явлений, которые возмущают в конце концов и самых «жизнерадостных».

«Да возьмите сейчас, — говорит оратор, — в миссионерской библиотеке братства справочную книжку о законах, и вы прочтете, что одна и та же статья 783-ья, II т., I ч., среди забот станowego об искоренении дуэлей, пасквилей, пьянства, неправильной охоты, совмещения мужского пола и женского в торговых банях поручает ему наблюдение за спорами против догматов веры православной и соращение православных в иную веру или раскол!» И ведь действительно есть такая статья закона, возлагающая на станowego кроме перечисленных оратором еще много других таких же обязанностей. Для большинства жителей городов эта статья, конечно, покажется простым курьезом, как назвал ее и г. Стахович. Но для мужика за этим курьезом скрывается bitterer Ernst — горькая правда о бесчинствах низшей полиции, слишком твердо памятующей, что до бога высоко, до царя далеко.

А вот конкретные примеры, воспроизводимые нами вместе с официальным опровержением «председателя совета орловского православного петропавловского братства и орловского епархиального миссионерского съезда, протоиерея Петра Рождественского» («М. В.» № 269, из «Орловского Вестника» № 257):

«а) В докладе (г. Стаховича) сказано об одном селении Трубчевского уезда:

«С согласия и ведома и священника и начальства заперли заподозренных иштундистов в церкви, принесли стол, накрыли чистою скатертью, поставили икону и стали выводить по одному. — Приложись!

— Не хочу прикладываться к идолам... — *А! пороть тут же*. Послабже которые, после первого же раза, возвращались в православие. Ну, а которые до 4 раз выдерживали».

Между тем, по официальным данным, напечатанным в отчете орловского православного петропавловского братства еще в 1896 г., и по устному сообщению священника Д. Переверзева на съезде, описанная расправа православного населения с сектантами с. Любца, Трубчевского уезда, происходила по постановлению сельского схода и где-то на селе, но никак не с согласия бывшего тогда местного священника и отнюдь не в церкви; и этот печальный инцидент имел место 18—19 лет тому назад, когда о миссии в орловской епархии не было и помина».

«Московские Ведомости», перепечатывая это, говорят, что г. Стахович в своей речи привел только два факта. Может быть. Но зато и факты же это! Опровержение, основанное на «официальных данных» (от станового!) отчета православного братства, только подкрепляет всю силу возмущивших даже жизнерадостного дворянина безобразий. В церкви или «где-то на селе» происходила порка, полгода или 18 лет тому назад, — это дела нисколько не меняет (разве, впрочем, в одном: всем известно, что в последнее время преследования сектантов стали еще более зверскими, и образование миссий стоит с этим в прямой связи!). А чтобы местный священник мог стоять в стороне от этих инквизиторов в зипуне, — об этом, отец протоиерей, лучше бы в печати-то не говорили*. Осмеют! Конечно, «согласия» своего на уголовно-наказуемое истязание «местный священник» не давал, точно так же, как святая инквизиция не карала никогда сама, а передавала в руки светской власти, и не проливала никогда крови, а только предавала сожжению.

Второй факт:

«б) В докладе говорится:

«Только тогда у миссионера-священника не сойдет с языка тот ответ, который мы тоже здесь слышали: — *Вы*

* В своем возражении на официальные поправки г. Стахович писал: «Что значится в официальном отчете братства, я не знаю, но утверждаю, что священник Переверзев, рассказав на съезде все подробности и оговорив, что гражданские власти знали (sic!!!) о состоявшемся приговоре, на лично мною поставленный вопрос: А знал ли батюшка? — ответил: — Да, тоже знал. Комментарий излишни.

говорите, батюшка, их было вначале 40 семей, а теперь 4. Что ж остальные? — А милостью божьей сосланы в Закавказье и Сибирь».

На самом же деле, в деревне Глыбочке, Трубчевского уезда, о которой в данном случае идет речь, по сведениям братства; в 1898 году было штундистов не 40 семейств, а 40 душ обоого пола, включая сюда и 21 душу детей; сослано же было в Закавказье, по постановлению окружного суда, в том же году лишь 7 человек, за соращение ими других лиц в штунду. Что же касается фразы местного священника: «милостью божьей сосланы», то она случайно была брошена им в закрытом заседании съезда, в непринужденном обмене мнений между членами оного, тем более, что означенный священник всем известен раньше и обнаружил себя на съезде одним из достойнейших пастырей-миссионеров».

Это опровержение уже совсем бесподобно! Случайно сказал в непринужденном обмене мнений! Это-то и интересно, потому что все мы слишком хорошо знаем, какую цену имеют слова официальных лиц, официально ими изрекаемые. И если сказавший эти «душевные» слова батюшка — «один из достойнейших пастырей-миссионеров», то тем более они имеют значения. «Милостью божьей сосланы в Закавказье и Сибирь» — эти великолепные слова должны стать не менее знаменитыми в своем роде, чем защита митрополитом Филаретом крепостного права на основании священного писания.

Кстати, раз уже пришлось вспомнить Филарета, несправедливо было бы обойти молчанием напечатанное в журнале «Вера и Разум» за 1901 г.* письмо «ученого либерала» к преосвященному Амвросию; архиепископу харьковскому. Автор подписался: «Почетный гражданин из бывших духовных Иероним Преображенский» и кличку «ученого (I) либерала» дала уже ему редакция, убоявшаяся, должно быть, «бездны премудрости». Ограничимся воспроизведением нескольких мест из этого письма, которое еще и еще раз показывает нам, что политическое мышление и

* Пользуемся случаем поблагодарить корреспондента, приславшего нам отдельный оттиск из этого журнала. Наши командующие классы очень часто не стесняются показываться *au naturel* (в натуральном виде. *Ред.*) в специальных тюремных, церковных и тому подобных изданиях. Давно пора нам, революционерам, прилечь систематически утилизировать эту «богатую сопроицивищу» политического просвещения.

политический протест проникают невидимым путем в неизмеримо более широкие круги, чем иногда кажется.

«Я уже старик, мне под 60 лет, на своем веку мне немало пришлось наблюдать уклонений от исполнения церковных обязанностей и по совести скажу, что во всех случаях причиной тому было наше духовенство. А за «последние события» так приходится даже усердно благодарить наше современное духовенство, оно открывает глаза многим. Теперь не только волостные писаря, но стар и млад, образованные, малограмотные и едва читающие, все теперь стремятся читать великого писателя земли русской. За дорогую цену достают его сочинения (заграничного издания «Свободного Слова»⁷⁹, свободно обращающиеся в народе во всех странах мира, кроме России), читают, рассуждают, и решения, конечно, не в пользу духовенства. Масса людская теперь уже начинает понимать, где ложь и где правда, и видит, что духовенство наше говорит одно, а делает другое, да и в словах своих частенько себе же противоречит. Много правды можно было бы высказать, но, ведь, с духовенством нельзя говорить откровенно, оно сейчас же не преминет донести, чтобы напали и казнили... А ведь Христос привлекал не сялоу и казнию, а правдою и любовью...

...В заключении своей речи Вы пишете: «есть у нас великая сила для борьбы — это самодержавная власть благочестивейших государей наших». Опять подтасовки и опять мы не верим Вам. Хотя вы, просвещенное духовенство, стараетесь уверить нас, что «преданы самодержавной власти от сослов матери» (из речи нынешнего vicария при наречении во епископа), но мы, *непросвещенные*, не верим, чтобы годовой ребенок (хотя бы и будущий епископ) уже рассуждал об образе правления и отдавал преимущество самодержавию. После неудавшейся попытки патриарха Никона разыграть в России роль римских пап, совмещавших на Западе духовную власть с главенством светским, церковь наша, в лице высших своих представителей — митрополитов, всецело и навсегда подчинилась власти государей, и иногда деспотически, как это было при Петре Великом, диктовавшем ей свои указы. (Давление Петра Великого на духовенство в деле осуждения царевича Алексея.) В XIX столетии мы видим уже полную гармонию светской и церковной власти в России. В суровую эпоху Николая I, когда пробуждавшееся общественное самосознание, под влиянием великих социальных движений на Западе, и у нас выдвинуло единичных борцов против возмутительного порабощения простого народа, церковь наша оставалась совершенно равнодушной к его страданиям, и, вопреки великого завета Христа о братстве людей и милосердии к ближним, ни один голос из среды духовенства не раздавался в защиту обездоленного народа от сурового помещичьего произвола, и это только потому, что правительство не решалось пока наложить руку на крепостное право, существование которого Филарет Московский прямо оправдывал текстами св. писания из ветхого завета. Но вот грянул гром: Россия была разбита и политически унижена под Севастополем. Разгром явено открыл все недочеты нашего дореформенного строя, и прежде всего молодой, гуманный государь (обязанный воспитанием своего духа и воли поэту Жуковскому)

раабил вековые цепи рабства, и, по злой иронии судьбы, текст великого акта 19-го февраля был дан для редактирования с христианской точки зрения тому же Филарету, очевидно, поспешившему изменить, согласно духу времени, свои взгляды на крепостное право. Эпоха великих реформ не прошла бесследно и для нашего духовенства, вызвав в его среде при Макарии (впоследствии митрополит) плодотворную работу переустройства наших духовных учреждений, куда также было им прорублено, хотя малое, окно в область гласности и света. Наступившая после 1-го марта 1881 года реакция принесла с собою и в духовенство соответствующий элемент деятелей во вкусе Победоносцева и Каткова, и в то время, когда передовые люди страны в земстве и обществе подадут петиции об отмене остатков телесных наказаний, церковь молчит, не обмолвившись ни одним словом осуждения защитников розги, — этого орудия возмутительного унижения человека, созданного по образу и подобию божью. Ввиду всего сказанного, будет ли несправедливо предположить, что все наше духовенство, в лице своих представителей, *при изменении сверху режисме*, так же будет славословить государя конституционного, как славит оно теперь самодержавного. Итак, зачем лицемерие, ведь не в самодержавии тут сила, а в монархе. Петр I тоже был богоданный самодержец, однако духовенство его и до сих пор не очень-то жалует, и Петр III был такой же самодержец, собиравшийся остричь и образовать наше духовенство, — жаль, не дали ему поцарствовать года два-три. Да если бы и ныне царствующий самодержец Николай II соизволил выравнить свое благоволение достославному Льву Николаевичу — куда бы вы попортались с своими кознями, страхами и угрозами?

Напрасно вы приводите текст молитв, которые духовенство возносит за царя, — этот набор слов, на тарабарском наречии, ни в чем никого не убеждает. Самодержавие ведь у нас: прикажут, и напишете молитвы втрое длиннее и более выразительней.

* * *

Вторая предводительская речь в нашу печать, насколько нам известно, не попала. Нам прислал ее неизвестный редакции корреспондент еще в августе, в гектографированном виде с надписью карандашом: «Речь одного из уездных предводителей дворянства на частном собрании предводителей по поводу студенческих дел». Приводим эту речь целиком:

«Вследствие краткости времени, я выражу свои соображения по поводу нашего собрания предводителей дворянства в форме тезисов:

Чем обусловлены теперешние беспорядки, приблизительно известно: они вызваны, во-первых, общей неурядицей, водворившейся во всем государственном строе, олигархическим управлением чиновничьей корпорации, т. е. е. диктатурой чиновничества.

Эта неурядица чиновничьей правительственной диктатуры проявляется во всем русском обществе, сверху донизу, как всеобщее

неудовольствие, выражающееся с внешней стороны в образе всеобщего политиканства, но политиканства не временного, поверхностного, но глубокого, хронического.

Политиканство это, как общая болезнь всего общества, отражается на всех его проявлениях, отправлениях и учреждениях, поэтому оно необходимо отражается и на учебных заведениях с их более молодым, а поэтому и более восприимчивым населением, находящимся под тем же давящим бюрократической диктатуры.

Признавая корень зла студенческих беспорядков в общей государственной неурядице и в общем, возбужденном неурядицей, недомогании, тем не менее — и ввиду непосредственного чувства и ввиду необходимости задержать развитие местного зла — нельзя не обращать внимания на эти беспорядки и не стараться хотя бы и с этой стороны уменьшить страшно разрушительное проявление общего зла, вроде того, как при общем болезненном состоянии всего организма, имея в виду медленное, коренное его излечение, принимают быстрые меры к подавлению местных, острых, разрушительных осложнений этой болезни.

В учебных заведениях средних и высших зло чиновнического режима выражается, главным образом, в подмене человеческого (человеческого) развития и образования чиновнической дрессировкой, связавшей с систематическим подавлением человеческой личности и ее достоинства.

Возбуждаемые всем этим, среди молодежи, недоверие, негодование и озлобление к начальству и к наставникам переносятся из гимназий в университеты, где, к несчастью, при теперешнем положении университетов, молодежь встречается с тем же злом, с тем же подавлением и человеческой личности и ее достоинства.

Одним словом, молодежь встречается в университетах не с храмом науки, но с фабрикой, выделывающей из обезличенной студенческой массы потребный государству чиновнический товар.

Это подавление человеческого лица (при обращении студенчества в безразличную, обделываемую массу), проявляясь систематическим, хроническим давлением, гонением всего личного и достойного, а часто и грубым насилием, легло в основание всех студенческих волнений, которые уже длятся несколько десятков лет и грозят, все усиливаясь, продлиться и в будущем, унося с собою лучшие силы русской молодежи.

Все это мы знаем, — но как же нам быть при настоящем положении? Как нам помочь настоящему, острому положению дня со всей его злобой, со всей его бедой и горем? Бросить что ли, ничего не попытавши? Бросить без всякой помощи нашу молодежь на произвол судьбы, чиновничества и полиции, и умывши руки прочь уйти? Вот в чем главный, по мне, вопрос, т. е. как помочь настоящему острому проявлению болезни, признавая ее общий характер?

Наше заседание напомнило мне толпу благонамеренных людей, вошедших в дикую тайгу с целью ее расчистить и остановившихся в полном недоумении перед громадною непосильной общей работой, вместо того, чтобы сосредоточиться на какой-нибудь одной точке.

Профессор К. Т. нам представил общую блестящую картину современного и настоящего положения университета и студенче-

ства, укавав на влияние среди расшатанного студенчества зловердных равных внешних воздействий, не только политических, но даже и полицейских; — но все это нам было более или менее известно и прежде, хотя не с такою ясностью.

Как на единственно возможную меру, он нам указал на радикальную ломку всего современного строя всех учебных заведений вообще и на замену его новым, лучшим; но при этом профессор заметил, что это дело потребует вероятно очень продолжительного времени; а если принять во внимание, что всякий частный строй в русском государстве, как и во всяком другом, связан органически с общим, то этому времени, пожалуй, и конца не предвидится.

Что же делать теперь, чтобы ослабить, по крайней мере, нестерпимую боль, причиняемую болезнью в настоящее время? Какое паллиативное средство? Ведь и паллиативы, временно успокаивающие больного, признаются часто необходимыми? Но на этот вопрос мы не ответили; а вместо ответа, по отношению к учащейся молодежи вообще, предлагались какие-то, скажу, неопределенные, расшатанные суждения, еще более затемнявшие вопрос; эти суждения трудно даже и в памяти восстановить, но попытаюсь.

Говорили о курсистках, что вот-де — мы им преподнесли и курсы и лекции, а они чем нас благодарят: — участием своим в студенческих беспорядках!

Если бы это были букеты или дорогие украшения, которые бы мы преподнесли прекрасному полу, то такой упрек был бы понятен; но устройство женских курсов — это не любезность, а удовлетворение общественной потребности; так что женские курсы — не прихоть, а такие же необходимые обществу высшие учебные заведения, как и университеты и т. д. для высшего развития молодежи, без различия пола, — и поэтому между женскими и мужскими учебными заведениями является полная солидарность и общественная и товарищеская.

Этой солидарностью вполне, по моему мнению, объясняется и то, что волнение молодежи захватывает и учащихся в женских учебных заведениях; волнуется вообще учащаяся молодежь, в каких бы костюмах, мужских или женских, она ни ходила.

Затем перешли опять к студенческим волнениям и говорили, что студентам не следует давать потачки, что безобразия их следует подавлять силой; на это, по моему мнению, вполне резонно возражали, что если это и безобразия, то они, во всяком случае, не случайные, а хронические, обусловленные глубокими причинами, и что поэтому они одному лишь воздействию карательных мер не поддадутся, что доказывается нам прошлым опытом. По моему же личному мнению, еще большой вопрос, с какой стороны главное безобразие всех этих безобразных беспорядков, волнующих и губящих наши учебные заведения; правительственным сообщениям я не верю.

А то-то и дело, что другую сторону у нас не слушают, да и слушать нельзя; у ней вжат рот (но не вполне подтвердилась справедливость моих слов, а именно, что администрация в своих сообщениях лжет и что все безобразие главным образом с ее стороны, со стороны ее безобразного воздействия).

Укавывали на воздействия извне разных революционных сил на учащуюся молодежь.

Да, это водействие существует, но ему придают слишком большое значение: фабриканты, например, у которых на фабриках, главным образом, это водействие проявляется, все слагают тоже на него, говоря, что не будь его, у них царили бы тишь да гладь и божья благодать, забывая и замалчивая всяческую законную и незаконную эксплуатацию рабочих, которая, обездоливая этих последних, вызывает среди них неудовольствия, а затем и беспорядки; не будь этой эксплуатации, и революционные внешние элементы не имели бы тех многочисленных поводов и причин, при помощи которых они так легко вторгаются в фабричные дела, — все это, по моему мнению, можно сказать и про наши учебные заведения, обращенные из храмов науки в фабрики, подготовляющие чиновнический материал.

В общем инстинктивном сознании гнета, тяготеющего над всею учащеюся молодежью, в общем болезненном самочувствии, вызываемом этим гнетом среди молодежи всех учебных заведений, и заключается та сила небольшой, но сознательной кучки юношей, о которой говорил г. профессор, которая в состоянии загипнотизировать и направить куда угодно, на забастовки, на разные беспорядки, целые толпы молодежи, повидимому совсем не склонной к беспорядкам. — Так бывает на всех фабриках!

Затем, помнится мне, указывали на то, что не следует кадить студентам; не следует к ним проявлять сочувствие во время их беспорядков; это проявление сочувствия возбуждало их к новым беспорядкам, что иллюстрировалось и примерами, т. е. разными случаями; — по этому поводу я, во-первых, замечу, что в равнообразной путанице и пестроте всевозможных случаев при беспорядках нельзя ни на какие из них указать, как на доказательные, так как всяким случаям найдется множество других, противоречащих им, — а возможно останавливаться лишь на общих признаках, которые я и постараюсь вкратце разобрать.

Студенчество, как нам всем известно, далеко не избаловано, ему не только не кадили (я не говорю о 40-х годах), но оно и не пользовалось и особенным сочувствием общества; во времена же его беспорядков общество относилось к студентам либо совсем равнодушно, либо больше даже чем отрицательно, обвиняя исключительно их и не зная и не желая даже знать о причинах, вызвавших эти беспорядки (давали веру лишь враждебным студенчеству правительственным сообщениям, не сомневаясь в их правдивости; в первый раз, кажется, общество усомнилось в этом), — так что о каком-нибудь нападении и говорить нечего.

Не ожидая себе поддержки ни среди интеллигентного общества вообще, ни среди профессоров и университетского начальства, студенчество, наконец, стало искать себе сочувствия в различных народных элементах, и мы видим, что студенчеству это более или менее, наконец, и удалось; оно стало приобретать понемногу сочувствие народной толпы.

Чтобы убедиться в этом, стоит только вспомнить разницу отношения толпы к студентам во времена охотничьих избений и теперь. И в этом скрывается большая беда: беда не в сочувствии вообще, но в односторонности этого сочувствия, в демагогическом оттенке, который оно принимает.

Отсутствие какого бы то ни было сочувствия и содействия учащейся молодежи со стороны солидной интеллигенции, а поэтому образовавшееся недоверие бросают волею-неволею нашу молодежь в руки демагогов и революционеров; она становится орудием их, и в ней самой, тоже волею-неволею, все более и более развиваются демагогические элементы, удаляющие ее от мирного культурного развития и от существующего порядка (если это только можно назвать порядком) в враждебный лагерь.

Мы сами на себя должны пенять, если молодежь перестанет доверять нам; мы ничем не заслужили ее доверия!

Это, кажется, главные мысли, высказанные среди собравшихся; остальные (а их было тоже немало), кажется, и вспоминать нечего.

Итак, кончаю. Собравшись, мы имели в виду что-нибудь сделать для смягчения алобы настоящего дня; для облегчения тяжелой участи нашей молодежи — сегодня, а не когда-то там после, и были разбиты, — и опять молодежь будет иметь право сказать и скажет, что и сегодня, как и прежде, мирная, солидная русская интеллигенция не может, да и не желает, оказать ей какую бы то ни было помощь, заступиться за нее, понять ее и облегчить ее горькую долю. — Раскол между нами и молодежью еще более увеличится, и она еще дальше уйдет в ряды рааной демагогии, протягивающей ей руки.

Не разбиты мы были тем, что не принята предлагаемая нами мера обращения к царю; может быть, эта мера и в самом деле непрактична (хотя, по мне, и она не была рассмотрена), — но разбиты тем, что всякая возможность какой бы то ни было меры, в пользу страдающей нашей молодежи, была среди нас уничтожена, мы признались в своем бессилии и опять остались, как и прежде, в темноте.

Но что же тогда делать?

Умывши руки мимо пройти?

В этой темноте и заключается страшный непросветный трагизм русской жизни».

Комментировать эту речь много не доводится. И она принадлежит тоже, видимо, достаточно еще «жизнерадостному» русскому дворянину; который по мотивам не то доктринерского, не то шкурного характера благоговееет перед «мирным культурным развитием» «существующего порядка» и негодует против «революционеров», смешивая их с «демагогами». Но это негодование, как присмотреться к нему поближе, граничит с воркотней старого (не по возрасту, а по воззрениям) человека; готового; пожалуй, признать и хорошее в том, на что он ворчит. Говоря о «существующем порядке», он не может не оговориться: «если это только можно назвать порядком». У него немало уже накипело в душе от неурядиц «диктатуры чиновничества», от «систематического, хронического гонения всего личного и достойного», он не может не видеть, что все безобразие идет главным образом со стороны администрации, у него

хватает прямоты сознаться в своем бессилии, в неприличии «умывания рук» перед бедствиями всей страны. Правда, его еще пугает «односторонность» сочувствия «толпы» к студентам; его аристократически-изнеженному уму чудится «демагогическая» опасность, может быть, даже опасность социализма (отплатим ему за прямоту прямоотой!). Но было бы неразумно испытывать на социалистическом оселке воззрения и чувства предводителя дворянства, которому осточертела поганая российская казенщина. Нам хитрить нечего — ни с ним, ни с кем бы то ни было; когда русский помещик, например; будет громить незаконную эксплуатацию и обездоление *фабричных* рабочих, мы не преминем, в скобках, сказать ему: «не худо б на себя, кума, оборотиться!» Мы ни на минуту не скроем от него, что стоим и будем стоять на точке зрения непримиримой классовой борьбы против «хозяев» современного общества. Но политическая группировка определяется не только конечными, а и ближайшими целями, не только общими воззрениями, а и давлением непосредственной практической необходимости. Всякий; перед кем ясно встало противоречие между «культурным развитием» страны и «давящим режимом бюрократической диктатуры», рано или поздно самой жизнью будет приведен к выводу, что это противоречие неустранимо без устранения самодержавия. Сделав этот вывод, он непременно будет помогать, — ворчать будет, а станет помогать, — той партии, которая сумеет двинуть против самодержавия грозную (не в ее только глазах, а в глазах всех и каждого) силу. Чтобы стать такой партией, социал-демократия должна, повторяем, очиститься от всякой оппортунистической скверны и, под знаменем революционной теории, опираясь на самый революционный класс, направить свою агитационную и организационную деятельность во все классы населения!

А предводителям дворянства мы скажем, прощаясь с ними: до свидания, господа завтрашние наши союзники!

ПРЕДИСЛОВИЕ К БРОШЮРЕ «ДОКУМЕНТЫ «ОБЪЕДИНИТЕЛЬНОГО» СЪЕЗДА»

В № 9 «Искры» (октябрь 1901 года)* было уже рассказано о неудавшейся попытке объединения заграничного отдела организации «Зари» и «Искры», революционной организации «Социал-демократ» и заграничного «Союза русских социал-демократов». Чтобы все русские социал-демократы могли составить себе самостоятельное суждение о причинах неудачи попытки заграничного объединения, мы решили опубликовать протоколы «объединительного» съезда. К сожалению, секретарь съезда, избранный «Союзом», отказался от участия в составлении протоколов съезда (как это видно из приводимого ниже, стр. 10—11, ответного письма его на приглашение секретарей двух других организаций).

Отказ этот тем более является странным, что «Союз» в настоящее время сам издал рассказ об «объединительном» съезде («Два съезда», Женева, 1901). Значит, «Союз», желая познакомить русских товарищей с результатами съезда, *не пожелал* познакомить их с прениями на съезде**.

* См. настоящий том, стр. 221—222. *Ред.*

** По регламенту съезда, протоколы должны были утверждаться самим съездом, именно каждое последующее заседание должно было начаться утверждением протоколов предыдущего заседания. Но во второй день съезда, когда председатель в самом начале заседания предложил утвердить протоколы двух заседаний первого дня, то все три секретари единогласно заявили, что они протоколов представить не могут. Записи прений, вследствие отсутствия стенографа, оказались в совершенно неудовлетворительном виде. Понятно, поэтому, что если в ночь между первым и вторым днем съезда секретари не смогли составить протокола, то вечером во второй день, когда мы ушли со съезда, о протоколе не могло быть и речи. Все прекрасно знали, что протоколы не готовы. След., возмущение «Союза», что наш председатель «дезертировал», «не дондавшись утверждения протоколов съезда» (стр. 29 брошюры «Два съезда»), есть не более как увертка. За отсутствием стенографических протоколов не оставалось ничего иного, как собраться трем секретарям и составить хотя бы краткое изложение хода прений. Мы это и предложили, но «Союз» от этого уклонился. Ясно, что ответственность за отсутствие если не полных, то хотя бы кратких протоколов падает на «Союз».

Предоставляем читателям самим судить о возможных и вероятных причинах такого нежелания.

Мы, с своей стороны, сочли неудобным, после отказа «Союза», издавать составленное не всеми секретарями изложение прений; и потому вынуждены ограничиться опубликованием *всех внесенных в бюро съезда документов и заявлений*. В бюро съезда участвовали председатели и секретари от всех трех организаций, и все заявления вносились в бюро не иначе, как в письменной форме, так что беспристрастность составленного из документов и заявлений описания съезда не может подлежать сомнению.

С другой стороны, издание *всех внесенных в бюро документов и заявлений* представляется в настоящее время тем более необходимым, что «Союз» свой странный отказ от участия в составлении протоколов увенчал еще более странным способом составления отчета о съезде. Так, «Союз» не привел целиком запросов, внесенных представителем «Искры» (Фреем) в бюро съезда от имени заграничного отдела «Искры» и организации «Социал-демократ»*, но привел не внесенный в бюро и даже не читанный на съезде ответ, который был только «выработан» «Союзом» (стр. 26 брошюры: «Два съезда»). «Союз» ошибается, говоря, что «запрос» был взят обратно. Запрос состоял из двух вопросов, предложенных Фреем «Союзу» от имени двух организаций (см. ниже стр. 6). Ни один из этих вопросов не был взят обратно, а была только изменена форма вопроса, изменена так, что вопросы превращались в резолюцию, которую можно было поставить на баллотировку (вместо «признает ли «Союз» в принципе резолюцию июньской конференции?» было сказано: «все три организации признают в принципе резолюцию июньской конференции» и т. д.), далее, «Союз» не привел *внесенного в бюро заявления группы «Борьба»* (см. ниже стр. 6—7).

«Союз» не только не изложил содержания, но и не упомянул** о речи одного из членов группы «Борьба», сказанной им после внесения «Союзом» поправок к июньским резолюциям. В этой речи член группы «Борьба», участвовавший и в июньской конференции, высказался против поправок «Союза». Зато «Союз» напечатал «мотивы» к поправкам,

* См. настоящий том, стр. 210. *Ред.*

** Страница 28 брошюры «Два съезда».

изложенные на съезде в речи Б. Кричевского, но в бюро не внесенные. Одним словом, отвергнув наше предложение сообща составить изложение всех прений, «Союз» предпочел изложить только то, что он считал для себя выгодным, и обойти молчанием кое-что даже из того, что было внесено в бюро.

Мы этому примеру следовать не намерены. Мы ограничимся перепечаткой всех внесенных в бюро заявлений и документов и голым указанием на то, в каком смысле высказывались ораторы *всех* присутствовавших на съезде организаций. Пусть читатели сами уже судят о том, нарушили ли статьи в № 10 «Рабочего Дела» и *поправки* «Союза» тот принципиальный базис соглашения, который был выработан июньской конференцией. Точно так же мы оставляем, разумеется, без ответа все те сердитые слова, которые в таком изобилии украшают брошюру «Союза» вплоть до обвинения в «клевете» или в том, что нашим уходом съезд был «сорван». Такое обвинение может вызвать только улыбку: три организации сошлись для обсуждения вопроса о соединении; две организации убедились, что они соединиться с третьей не могут. Естественно, что им ничего не оставалось, как изложить свое мнение и уйти. Называть это «сорванием» съезда, а мнение о принципиальной неустойчивости «Союза» обзывать «клеветой» могут только люди, которые сердятся именно потому, что они неправы.

Что же касается нашего мнения о спорных вопросах русской социал-демократии, то мы предпочитаем не смешивать его с объективным изложением данных о съезде. Помимо статей, которые были и будут еще помещены в «Искре» и «Заре», у нас готовится и в непродолжительном времени выйдет в свет брошюра, специально посвященная наиболее важным вопросам нашего движения.

Написано в ноябре 1901 г.

*Первые напечатано в декабре 1901 г.
в брошюре, изданной «Лигой
русской революционной социал-
демократии»*

Печатается по тексту брошюры

ПРОТЕСТ ФИНЛЯНДСКОГО НАРОДА

Приводим полностью новый массовый адрес, посредством которого финляндский народ выражает свой решительный протест против политики правительства, посягнувшего и продолжающего посягать на конституцию Финляндии в нарушение *клятвы*, торжественно данной всеми царями, начиная с Александра I и кончая Николаем II.

Адрес этот подан 17 (30) сентября 1901 г. в финляндский сенат для доставления царю. Подписан он 473 363 финляндцами обоюго пола и всех слоев общества, т. е. почти *полу-миллионом* граждан. Все население Финляндии равняется $2\frac{1}{2}$ миллионам, так что новый адрес является поистине *голосом всего народа*.

Вот полный текст этого адреса:

«Державнейший всемилостивейший государь император и великий князь!» Изменение вашим императорским величеством закона о воинской повинности Финляндии вызвало повсеместно в крае всеобщую тревогу и глубочайшую скорбь.

Утвержденные вашим императорским величеством 12 июля (29 июня) сего года повеления, манифест и закон о воинской повинности составляют коренное нарушение основных законов великого княжества и драгоценнейших прав, принадлежащих финскому народу и всем гражданам края в силу его законов.

Правила об обязанностях граждан по защите края не могут, на основании основных законов, издаваться в ином порядке, как с согласия земских чинов. В этом порядке и был издан закон о воинской повинности 1878 года согласным решением императора Александра II и земских чинов. В царствование императора Александра III последовали многие частные изменения этого закона, но каждый раз не иначе, как с согласия земских чинов. Вопреки сему ныне без согласия земских чинов объявлено, что закон 1878 года отменяется, между тем как изданные взамен его новые постановления всецело расходятся с решением земских чинов Чрезвычайного Сейма 1899 года.

Одно из важнейших прав, принадлежащих каждому финляндскому гражданину, — жить и действовать под защитой финляндских законов. Ныне этого права лишены тысячи и тысячи финляндских граждан, так как новый закон о воинской повинности обязует их служить в русских войсках, превращая выполнение воинской повинности в страдание для тех сынов края, которые насильственно будут зачисляемы в войска, чуждые им по языку, религии, нравам и обычаям.

Новые постановления отменяют всякое законом определенное ограничение ежегодного контингента. Сверх того в них нет никакого признания указанного в основных законах права земских чинов участвовать в определении военного бюджета.

Даже ополчение, вопреки основного положения закона 1878 года, поставлено в совершенную зависимость от усмотрения военного министерства.

Впечатление от подобных установлений не смягчается объявленными в манифесте облегчениями в продолжение неопределенного пока еще переходного времени, так как вслед за временным уменьшением числа призываемых последуют неограниченные призывы на службу в русских войсках.

Финляндский народ не просил какого-либо облегчения в несомой им ныне военной тяготе. Земские чины, высказавшие мнение народа, доказали готовность со стороны Финляндии по мере сил увеличить долю участия по защите государства, при условиях сохранения правового положения финских войск в качестве финляндских учреждений.

В противоположность сему устанавливается в новых постановлениях, что финские войска по большей части будут упразднены, что русские офицеры могут поступать на службу в немногие остающиеся части; что даже унтер-офицеры в этих частях должны владеть русским языком, чем финляндские уроженцы по преимуществу из крестьянского сословия совершенно устраняются от занятия названных должностей; что эти войска поступают под ведомство русских управлений и что они также и в мирное время могут размещаться вне пределов Финляндии.

Эти повеления, не составляющие какой-либо реформы, а преследующие лишь уничтожение национальных войск Финляндии, вызывают на недоверие, к которому финляндский народ ничем не дал повода за все время почти столетнего его соединения с Россией.

В новых постановлениях о воинской повинности встречаются также выражения, заключающие в себе отрицание существования у финляндского народа своего отечества, а у уроженцев края — прав финляндского гражданства. В этих выражениях просвечивают цели, несовместимые с непременимым правом финляндского народа сохранить в соединении своем с Россией то политическое положение, которое непоколебимо было удостоверено за Финляндию в 1809 году.

За последние годы накоплялось над нашим краем тяжелое горе. Равно как и разом убеждались, что установления основных законов края игнорировались, отчасти в законодательных мероприятиях, отчасти замещением важных должностей русскими уроженцами.

Администрация края направлялась таким образом, как будто задача ее поколебать спокойствие и порядок, препятствовать общепользным стремлениям и вызывать неприязнь между русскими и финляндцами.

Самым тяжелым несчастьем для края является, однакож, введение новых постановлений о воинской повинности.

В всеподданнейшем ответном представлении от 27 мая 1899 года земские чины подробно доложили о том порядке, который по основным законам Финляндии должен быть соблюден при издании закона о воинской повинности. При этом они указали, что если новый закон о воинской повинности будет издан в ином порядке, то подобный закон, даже если он будет действовать под давлением насилия, не может быть признан правовым законом, а в глазах финляндского народа понажится лишь повелением силы.

Все, что земскими чинами было указано, продолжает неизменно составлять правосознание финляндского народа, которое насильственно не может быть изменено.

Надо опасаться весьма тяжелых последствий от повелений, несогласованных с законами края. Для чиновников и правительственных учреждений возникает мучительный разлад с чувством долга, так как совесть побуждает их не руководствоваться подобными повелениями. Число трудоспособных переселенцев, уже ранее вынужденных выселиться из опасения грозящих перемен, еще более увеличится, если объявленные постановления приведены будут в действие.

Новые постановления о воинской повинности, как и другие мероприятия, направленные против прав финляндского народа на особое политическое и национальное существование, неминуемо должны подрывать доверие между монархом и народом, а равно вызывать все усиливающееся неудовольствие, чувство всеобщего гнета, неуверенность и величайшие затруднения для общества и для его членов в работе на благо края. Для предотвращения сего не имеется иных средств, как заменить вышеприведенные повеления законом о воинской повинности, изданным при участии земских чинов, а правительственным властям края вообще руководствоваться точно указаниями основных законов.

Финляндский народ не может перестать быть особым народом. Сплотившийся благодаря общей исторической судьбе, правовым понятиям и культурной работе, наш народ останется верным своей любви к финляндскому отечеству и к своей закономерной свободе. Народ не уклонится в своем стремлении с достоинством занимать в среде народов свое скромное, судьбою ему указанное место.

Так же твердо, как мы верим в наше право и уважаем наши законы, служащие нам опорой в общественной нашей жизни, так же твердо мы убеждены в том, что единству могущественной России не может быть причинен вред, если Финляндия и впредь будет управляема в согласии с основными началами, определенными в 1809 году, дабы чувствовать себя счастливою и спокойною в соединении своем с Россиею.

Чувства долга перед родиною заставляют жителей всех общин и словес общества обратиться к вашему императорскому величеству с правдивым и неприкрашенным изложением положения дела. Выше мы указали, что недавно обнародованные постановления

о воинской повинности, противоречащие торжественно удостоверенным основным законам великого княжества, не могут быть признаны правовым законом. Считаю долгом добавить к сему, что военная тягота сама по себе не такое значение имеет для финляндского народа, как потеря твердых правовых установлений и законом обеспеченное спокойствие по отношению к этому столь важному вопросу. Всеподданнейше просим посему, да соблаговолите ваше императорское величество подвергнуть вопросы, затронутые в этом представлении, такому все милостивейшему рассмотрению, которое вызывается серьезностью их свойства. Пребываем и проч.»

Нам остается немного добавить к этому адресу, который выражает собою настоящий народный суд над шайкой нарушающих основные законы русских чиновников.

Напомним главные данные по «финляндскому вопросу».

Финляндия присоединена к России в 1809 г., во время войны с Швецией. Желая привлечь на свою сторону финляндцев, бывших подданных шведского короля, Александр I решил признать и утвердить старую финляндскую конституцию. По этой конституции, *иначе как с согласия сейма, т. е. собрания представителей всех сословий*, не может быть издан, изменен, пояснен или отменен никакой основной закон. И Александр I в нескольких манифестах «торжественно» подтвердил *«обещание о святом хранении основной конституции края»*.

Это клятвенное обещание подтверждали затем все русские государи, в том числе и Николай II в манифесте 25 октября (6 ноября) 1894 г.: «...обещая хранить оные (основные законы) в ненарушимой и непреложной их силе и действии».

И вот, не прошло и пяти лет, как русский царь оказался *клятвопреступником*. После того, как продажная и пресмыкающаяся печать долго травила Финляндию, был издан «манифест» 3 (15) февраля 1899 г., установивший новый порядок: *без согласия сейма* могут быть изданы законы, «если они касаются общегосударственных потребностей или находятся в связи с законодательством империи».

Это было вопиющее нарушение конституции, настоящий *государственный переворот*, потому что ведь про всякий закон можно сказать, что он касается общегосударственных потребностей!

И этот государственный переворот был совершен *насильственно*: генерал-губернатор Бобриков грозил ввести войска в Финляндию, если сенат откажется опубликовать

манифест. Русским войскам, расположенным в Финляндии, были уже розданы (по словам русских же офицеров) боевые патроны, лошади стояли под седлом и т. д.

За первым насилием последовал бесчисленный ряд других: запрещали одну за другой финляндские газеты, отменили свободу собраний, наводнили Финляндию сворами русских шпионов и гнуснейших провокаторов, которые возбуждали к восстанию, и т. д. и т. д. Наконец, *без согласия сейма*, издан был закон 29 июня (12 июля) о воинской повинности, — закон, достаточно разобранный в адресе.

И манифест 3 февраля 1899 г., и закон 29 июня 1901 г. *незаконны*, это — насилие клятвопреступника с шайкой башибузуков, которая называется царским правительством. Двум с половиной миллионам финляндцев нечего, конечно, и думать о восстании, но нам всем, русским гражданам, надо думать о том позоре, какой на нас падает. Мы всё еще до такой степени рабы, что нами пользуются для обращения в рабство других племен. Мы всё еще терпим у себя правительство, не только подавляющее со свирепостью палача всякое стремление к свободе в России, но и пользующееся, кроме того, русскими войсками для насильственного посягательства на чужую свободу!

«Искра» № 11, 20 ноября 1901 г.

Печатается по тексту газеты
«Искра»

Шушкынава «Свобода» сабын шотон
Абшорт ево — урдунам урдуводоу аман.
но унас саргафия, на шудо он он асар д)
карто до конья дт сымодном выри.
шефедуги на кондружие тизаны «А
даван». Кодр на кондружие, о ду
кого зона кондружиевента. Словина
на просоро, во с урдуном... А у выдо
ман, дега «каудав» саравенн «на
родавен» сивенер — в рад «хри» и
авшорт на скарт на одна урду. И
этан урдуном урдуном урдуном
се ду конья димон ду конья урду
пот ду конья урдуном урдуном конья.
Заравен манс, урдуном вырду
урудуном. Кондружие, скарт он на
авшорт, оном дилка у вырдуном,
на кондружие. Кондружие манс
кондружие урдуном и урдуном манс, к урду
конья урдуном, скарт на манс урду
и кондружие димон, урдуном урду
конья кондружие кондружие кондружие
на кондружие кондружие манс Свобода
на манс димон, кондружие димон.
кондружие на кондружие и димон:
на кондружие. Кондружие манс на
кондружие на кондружие, на урду.
конья на на урдуном димон урду
манс, — кондружие на кондружие в кондружие
кондружие кондружие кондружие кондружие.

Первая страница рукописи В. И. Ленина
«О журнале «Свобода» — 1901 г.

Уменьшено

О ЖУРНАЛЕ «СВОБОДА»

Журнальчик «Свобода» совсем плохой. Автор его — журнал производит именно такое впечатление, как будто бы он весь от начала до конца был писан одним лицом — претендует на популярное писанье «для рабочих». Но это не популярность, а дурного тона популярничанье. Словечка нет простого, все с ужимкой... Без выкрутас, без «народных» сравнений и «народных» словечек — вроде «ихний» — автор не скажет ни одной фразы. И этим уродливым языком разжевываются без новых данных, без новых примеров, без новой обработки избитые социалистические мысли, умышленно вульгаризируемые. Популяризация, сказали бы мы автору, очень далека от вульгаризации, от популярничанья. Популярный писатель подводит читателя к глубокой мысли, к глубокому учению, исходя из самых простых и общеизвестных данных, указывая при помощи несложных рассуждений или удачно выбранных примеров главные *выводы* из этих данных, наталкивая думающего читателя на дальнейшие и дальнейшие вопросы. Популярный писатель не предполагает не думающего, не желающего или не умеющего думать читателя, — напротив, он предполагает в неразвитом читателе серьезное намерение работать головой и *помогает* ему делать эту серьезную и трудную работу, ведет его, помогая ему делать первые шаги и *уча* идти дальше самостоятельно. Вульгарный писатель предполагает читателя не думающего и думать не способного, он не наталкивает его на первые начала серьезной науки, а в уродливо-упрощенном, посоленном шуточками и прибауточками виде, преподносит

ему «готовыми» все выводы известного учения, так что читателю даже и жевать не приходится, а только проглотить эту кашу.

Написано осенью 1901 г.

*Впервые напечатано в 1936 г.
в журнале «Большевик» № 2*

Печатается по рукописи

БЕСЕДА С ЗАЩИТНИКАМИ ЭКОНОМИЗМА

Приводим целиком присланное нам одним из наших представителей

«Письмо в русские социал-демократические органы.»

В ответ на предложение наших товарищей по ссылке высказаться по поводу «Искры» мы решили заявить о причинах нашего несогласия с этим органом.

Признавая вполне своевременным появление особого социал-демократического органа, специально посвященного вопросам политической борьбы, мы не думаем, чтобы «Искра», взявшая на себя такую задачу, удовлетворительно ее разрешила. Основной ее недостаток, красной нитью проходящий через все ее столбцы и обуславливающий все ее остальные крупные и мелкие недостатки, заключается в том, что «Искра» отводит весьма видное место идеологам движения в смысле их влияния на то или иное его направление. В то же время «Искра» мало считается с теми материальными элементами движения и той материальной средой, из взаимодействия которых создается известный тип рабочего движения и определяется его путь, совлечь с которого его не в состоянии все усилия идеологов, хотя бы и вдохновенных самыми лучшими теориями и программами.

Этот недостаток «Искры» особенно резко бросается в глаза при сравнении ее с «Южным Рабочим»⁸⁰, который, поднимая, подобно «Искре», амяя политической борьбы, ставит ее в связь с предыдущим фазисом южно-русского рабочего движения. Такая постановка вопроса совершенно чужда «Искре». Ставя своею целью создать «из искры большой пожар», она забывает, что для этого необходим подходящий горючий материал и благоприятные внешние условия. Обими руками отрещиваясь от «экономистов», «Искра» упускает из виду, что их деятельность подготовила то участие рабочих в февральских и мартовских событиях, которое она с особенным старанием подчеркивает и по всей видимости значительно преувеличивает. Отрицательно относясь к деятельности социал-демократов конца 90-х годов, «Искра» игнорирует отсутствие условий в то время для иной работы, кроме борьбы за мелкие требования, и то громадное воспитательное значение, которое имела эта борьба. Совершенно неправильно и неисторично оценивая этот

период и это направление деятельности русских социал-демократов, «Искра» отождествляет их тактику с тактикой Зубатова, не видя равницы между «борьбой за мелкие требования», расширяющей и углубляющей рабочее движение, и «мелкими уступками», имеющими целью парализовать всякую борьбу и всякое движение.

Насквозь пропитанная сектантской нетерпимостью, столь характерной для идеологов младенческого периода социальных движений, «Искра» всякое равногласие с нею готова заклеить не только как отступление от социал-демократических принципов, но даже как переход во враждебный лагерь. Такова ее крайне неприличная и заслуживающая самого строгого и беспощадного осуждения выходка против «Рабочей Мысли», которой она посвятила статью о Зубатове и влиятельно которой приписала его успехи среди некоторой части рабочих. Отрицательно относясь к другим социал-демократическим организациям, иначе, чем она, смотрящим на ход и задачи русского рабочего движения, «Искра» в пылу полемики с ними забывает подчас истину и, придираясь к отдельным, действительно неудачным выражениям, приписывает своим противникам взгляды, им не принадлежащие, подчеркивает пункты разногласия, часто мало существенные, и упорно замалчивает многочисленные точки соприкосновения во взглядах: мы имеем в виду отношение «Искры» к «Рабочему Делу».

Эта чрезмерная склонность ее к полемике вытекает прежде всего из переоценки ею роли «идеологии» (программ, теорий...) в движении, отчасти же является отголоском междоусобной брани, которая вовгорелась на Западе среди русских эмигрантов и о которой они допешили поведать миру в ряде полемических брошюр и статей. На наш взгляд, все эти их разногласия не имеют почти никакого влияния на фактический ход русского социал-демократического движения; разве только вредят ему, внося нежелательный раскол в среду действующих в России товарищей, а потому мы не можем не отнестись отрицательно к полемическому задору «Искры», особенно, когда она выходит из допускаемых приличием рамок.

Тот же основной недостаток «Искры» является причиной ее непоследовательности в вопросе об отношениях социал-демократии к различным общественным классам и направлениям. Решив посредством теоретических выкладок задачу о немедленном переходе к борьбе против абсолютизма и чувствуя, вероятно, всю трудность этой задачи для рабочих при настоящем положении дел, но не имея терпения ждать дальнейшего накопления ими сил для этой борьбы, «Искра» начинает искать союзников в рядах либералов и интеллигенции и в своих поисках нередко сходит с классовой точки зрения, затушевывая классовые противоречия и выдвигая на первый план общность недовольства правительством, хотя причины и степень этого недовольства у «союзников» весьма различны. Таковы, напр., отношения «Искры» к земству. Фрондирующе выходя из него, вызываемые нередко недостаточной по сравнению с промышленностью защитой правительством аграрных вожделений гг. земцев, «Искра» старается раздуть в пламя политической борьбы и обещает неудовлетворенным правительственными подачками дворянам помощь рабочего класса, ни словом при этом не обмолвившись о классовой розни этих слоев населения. Мы можем допустить,

что говорить о пробуждении земщины и указывать на земство, как на элемент, борющийся с правительством, можно, но только в ясной и отчетливой форме, которая не оставляла бы сомнений о характере нашего возможного соглашения с подобными элементами. «Искра» же ставит вопрос об отношении к земству так, что это, по нашему мнению, может только затемнить классовое сознание, так как здесь она наравне с проповедниками либерализма и различных культурных начинаний ставит противoves основной задаче социал-демократической литературы, задаче, заключающейся в критике буржуазного строя и выяснении классовых интересов, а не в затемнении их антагонизма. Таково же отношение «Искры» и к студенческому движению. Между тем, в других статьях «Искра» резко осуждает всякие «компромиссы» и выступает, напр., на защиту нетерпимого поведения гэдистов.

Не останавливаясь на других менее важных недостатках и промахах «Искры», мы в заключение считаем долгом заметить, что мы своей критикой отнюдь не хотим умалить того значения, которое может иметь «Искра», и не закрываем глаз на ее достоинства. Мы приветствуем ее, как политическую социал-демократическую газету в России. Мы считаем ее крупной заслугой удачное выяснение вопроса о терроре, которому она своевременно посвятила несколько статей. Наконец, мы не можем не отметить столь редкий в нелегальных изданиях образцовый литературный язык «Искры», регулярность ее выхода в свет и обилие свежего и интересного материала.

Сентябрь 1901 г.

Товарищи».

Заметим прежде всего по поводу этого письма, что мы от всей души приветствуем прямоту и откровенность его авторов. Давно пора перестать играть в прятки, скрывая свое экономическое «сredo»* (как это делает часть Одесского комитета, от которого отделились «политики») или заявляя, точно в насмешку над истиной, что в настоящее время «решительно ни одна социал-демократическая организация в экономизме не повинна» (изд. «Раб. Делом» брошюра «Два съезда», стр. 32). — А теперь к делу.

Основная ошибка авторов письма — совершенно та же, в какую впадает и «Раб. Дело» (см. особенно № 10). Они путаются в вопросе о взаимоотношении между «материальными» (стихийными, по выражению «Раб. Дела») элементами движения и идеологическими (сознательными, действующими «по плану»). Они не понимают, что «идеолог» только тогда и заслуживает названия идеолога, когда идет *вперед* стихийного движения, указывая ему путь, когда он умеет раньше других разрешать все теоретические, политические, тактические и организационные вопросы, на

* — символ веры, программа, изложение мирозерцания. *Ред.*

которые «материальные элементы» движения стихийно наталкиваются. Чтобы действительно «считаться с материальными элементами движения», надо критически относиться к ним, надо уметь указывать опасности и недостатки стихийного движения, надо уметь *поднимать* стихийность до сознательности. Говорить же, что идеологи (т. е. сознательные руководители) не могут совлечь движения с пути, определяемого взаимодействием среды и элементов, — это значит забывать ту азбучную истину, что сознательность *участвует* в этом взаимодействии и этом определении. Католические и монархические рабочие союзы в Европе — тоже необходимый результат взаимодействия среды и элементов, но только участвовала в этом взаимодействии сознательность попов и Зубатовых, а не сознательность социалистов. Теоретические взгляды авторов письма (как и «Раб. Дела») представляют из себя не марксизм, а ту пародию на него, с которой носят наши «критики» и бернштейнианцы, не понимающие, как связать стихийную эволюцию с сознательной революционной деятельностью.

Это глубокое теоретическое заблуждение необходимо приводит, в переживаемый нами момент, к величайшей тактической ошибке, которая уже причинила и причиняет неисчислимый вред русской социал-демократии. Дело в том, что стихийный подъем и рабочей массы и (благодаря ее влиянию) других общественных слоев происходит в последние годы с поразительной быстротой. «Материальные элементы» движения выросли гигантски даже по сравнению с 1898 г., но *сознательные руководители* (социал-демократы) *отстают от этого роста*. В этом — основная причина переживаемого русской социал-демократией кризиса. Массовому (стихийному) движению недостает «идеологов», настолько подготовленных теоретически, чтобы быть застрахованным от всякого шатания, недостает руководителей, обладающих таким широким политическим кругозором, такой революционной энергией, таким организаторским талантом, чтобы создать на базисе нового движения боевую политическую партию.

Все это, однако, было бы еще полбеды. И теоретические знания, и политический опыт, и организаторская ловкость, — все это вещи наживные. Была бы только охота учиться и выработать в себе требуемые качества. Но вот с конца 1897 г. и особенно с осени 1898 г. подняли в рус-

ской социал-демократии голову такие люди и такие органы, которые не только закрывали глаза на этот недостаток, но и объявили его особой добродетелью, которые возвели в теорию преклонение и раболепство перед стихийностью, которые стали проповедывать, что социал-демократы должны не идти впереди, а тащиться *в хвосте* движения. (К этим органам принадлежала не только «Раб. Мысль», но и «Раб. Дело», начавшее с «теории стадий» и кончившее принципиальной защитой стихийности, «полноправности движения в настоящем», «тактики-процесса» и проч.)

Вот это уже была настоящая беда. Это было образованием *особого направления*, которое принято называть экономизмом (в широком смысле слова) и которого основная черта состоит в непонимании и даже *защите отсталости*, т. е., как мы уже объяснили, отсталости сознательных руководителей от стихийного подъема масс. Это направление характеризуется: в принципиальном отношении — опощлением марксизма и беспомощностью перед современной «критикой», этой новейшей разновидностью оппортунизма; в политическом отношении — стремлением сузить или разменять на мелочи политическую агитацию и политическую борьбу, непониманием того, что, не взяв в свои руки руководства общедемократическим движением, социал-демократия не сможет свергнуть самодержавие; в тактическом отношении — полной неустойчивостью («Раб. Дело» весной в недоумении остановилось перед «новым» вопросом о терроре и только полгода спустя, после ряда колебаний, высказалось в очень двусмысленной резолюции против него, волочась, как и всегда, в хвосте движения); в организационном отношении — непониманием того, что массовый характер движения не только не ослабляет, а, напротив, усиливает нашу обязанность создать крепкую и централизованную организацию революционеров, способную руководить и подготовительной борьбой, и всяким неожиданным взрывом, и, наконец, последним решительным нападением.

С этим направлением мы вели и будем вести непримиримую борьбу. Авторы же письма, видимо, сами к нему принадлежат. Они указывают нам, что экономическая борьба подготовила участие рабочих в демонстрациях. Да, и именно мы раньше всех и глубже всех оценили эту подготовку, когда высказались еще в декабре 1900 г.

(№ 1) против теории стадий*, когда в феврале (№ 2), тотчас после отдачи студентов в солдаты и еще до начала демонстраций, звали рабочих идти на помощь студентам**. Февральские и мартовские события не «опровергли страхи и опасения» «Искры» (как думает — «Раб. Дело» № 10, стр. 53 — Мартынов, обнаруживающий этим полное непонимание дела), а всецело подтвердили их, ибо руководители оказались *позади* стихийного подъема масс, оказались неподготовленными к исполнению своих обязанностей как руководителей. Подготовка эта и в настоящее время очень еще несовершенна, а потому всякие толки о «переоценке роли идеологии» или роли сознательного элемента по сравнению с стихийным и т. п. продолжают оказывать самое вредное практическое влияние на нашу партию.

Такое же вредное влияние оказывают толки о том, что необходимо, во имя будто бы классовой точки зрения, поменьше подчеркивать общность недовольства правительством разных слоев населения. Напротив, мы гордимся тем, что «Искра» пробуждает политическое недовольство во *всех* слоях населения, и жалеем только, что нам не удастся делать это в еще более широком размере. Неправда, что мы затушевываем при этом классовую точку зрения: ни одного конкретного примера такого затушевывания авторы письма не указали и указать не смогут. Но, как передовой борец за демократию, социал-демократия должна — вопреки мнению «Раб. Дела» № 10, стр. 41 — руководить активной деятельностью различных оппозиционных слоев, разъяснять им общее политическое значение их частных и профессиональных столкновений с правительством, привлекать их к поддержке революционной партии, должна вырабатывать в своей среде таких вождей, которые бы умели политически влиять на все и всякие оппозиционные слои. Всякий отказ от этой роли, в какие бы пышные фразы о тесной, органической связи с пролетарской борьбой и т. п. он ни облакался, равносителен новой «защите отсталости» социал-демократов, отсталости от подъема демократического общенародного движения, равносителен передаче руководящей роли в руки буржуазной демократии. Пусть авторы письма поразду-

* См. Сочинения, 4 изд., том 4, стр. 341—346. *Ред.*

** См. Сочинения, 4 изд., том 4, стр. 388—393. *Ред.*

мают над тем, почему это весенние события вызвали такое оживление революционных не социал-демократических направлений вместо того, чтобы вызвать усиление авторитета и престижа социал-демократии!

Мы не можем не восстать также против поразительной близорукости, которую обнаруживают авторы письма по вопросу о полемике и междоусобной брани среди эмигрантов. Они повторяют старые пустяки о «неприличии» посвящения статьи о Зубатове «Раб. Мысли». Не вздумают ли они отрицать того, что распространение экономизма облегчает задачу гг. Зубатовым? Только это мы и говорим, отнюдь не «отождествляя» тактику экономистов и тактику Зубатова. А что касается «эмигрантов» (если бы авторы письма не были так непростительно беззаботны насчет преемственности идей в русской социал-демократии, то им было бы известно, что предостережения «эмигрантов», именно группы «Освобождение труда», насчет экономизма оправдались самым блистательным образом!), то вот послушайте, как судил действовавший в 1852 г. среди рейнских рабочих Лассаль о спорах в лондонской эмиграции:

«Едва ли — писал он Марксу — со стороны полиции встретятся затруднения к изданию твоего сочинения против «великих людей», Кинкеля, Руге и др. ... Правительство, я полагаю, даже радо появлению таких сочинений, ибо оно думает, что «революционеры перегрызут самі себя». Что партийная борьба придает партии силу и жизненность, что величайшим доказательством слабости партии является ее расплывчатость и притупление резко обозначенных границ, что партия укрепляется тем, что очищает себя, — этого чиновничья логика не подозревает и не опасается» (из письма Лассалья к Марксу, 24 июня 1852 г.)⁸¹.

К сведению всех, столь многочисленных ныне, прекраснородных противников резкости, непримиримости, полемического задора и проч.!

В заключение заметим, что мы могли здесь только бегло затронуть спорные вопросы. Подробному разбору их мы посвятим особую брошюру, которая выйдет в свет, мы надеемся, месяца через полтора.

К ДВАДЦАТИПЯТИЛЕТИЮ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Г. В. ПЛЕХАНОВА

Редакция «Искры» всей душой присоединяется к празднованию 25-тилетнего юбилея революционной деятельности Г. В. Плеханова. Пусть послужит это празднование к укреплению революционного марксизма, который один только способен руководить всемирной освободительной борьбой пролетариата и противостоять натиску так шумно выступающего под новыми кличками вечно старого оппортунизма. Пусть послужит это празднование к укреплению связи между тысячами молодых русских социал-демократов, отдающих все свои силы тяжелой практической работе, и группой «Освобождение труда», дающей движению столь необходимые для него: громадный запас теоретических знаний, широкий политический кругозор, богатый революционный опыт.

Да здравствует революционная русская, да здравствует международная социал-демократия!

Написано в начале декабря 1901 г.

*Впервые напечатано в 1924 г.
в журнале «Пролетарская
Революция» № 7 (30)*

Печатается по рукописи

НАЧАЛО ДЕМОНСТРАЦИЙ

Две недели тому назад мы отмечали 25-летие первой социально-революционной демонстрации в России 6 декабря 1876 г. на Казанской площади в Петербурге⁶² и указывали на громадный подъем демонстрационного движения в начале истекающего года. Мы говорили, что демонстранты должны выставить более определенный политический лозунг, чем «земля и воля» (1876 г.), — более широкое требование, чем «отмена Временных правил» (1901 г.). Таким лозунгом должна быть *политическая свобода*, таким общенародным требованием должно быть *требование созыва народных представителей*.

И вот мы видим уже, что демонстрации возобновляются по самым различным поводам и в Нижнем, и в Москве, и в Харькове. Возбуждение повсюду растет, и необходимость объединить его в один поток *против самодержавия*, сеющего везде произвол, угнетение и насилие, становится все настоятельнее. В Нижнем небольшая, но удачно сошедшая демонстрация 7-го ноября была вызвана проводами Максима Горького. Европейски знаменитого писателя, все оружие которого состояло — как справедливо выразился оратор нижегородской демонстрации — в свободном слове, самодержавное правительство высылает без суда и следствия из его родного города. Башибузуки обвиняют его в дурном влиянии на нас, — говорил оратор от имени всех русских людей, в ком есть хоть капля стремления к свету и свободе, — а мы заявляем, что это было хорошее влияние. Опричники бесчинствуют тайно, а мы сделаем их бесчинства публичными и открытыми. У нас бьют рабочих, отстаивающих свои права на лучшую жизнь, у нас бьют

студентов, протестующих против произвола, у нас дают всякое честное и смелое слово! — Демонстрация, в которой участвовали и рабочие, закончилась торжественной декламацией студента: «падет произвол, и восстанет народ, могучий, свободный и сильный!».

В Москве Горького ждали на вокзале сотни учащихся, и перепуганная полиция *арестовала* его среди пути в вагоне, запретила ему (несмотря на особо данное прежде разрешение) въезд в Москву и заставила прямо проехать с Нижегородской дороги на Курскую. Демонстрация по поводу высылки Горького не удалась, но 18 числа произошла, без всякой подготовки, небольшая демонстрация студентов и «посторонних лиц» (как выражаются наши министры) перед домом генерал-губернатора по поводу запрещения вечера в память Н. А. Добролюбова, со дня смерти которого минуло 17 ноября 40 лет. Представитель самодержавной власти в Москве был освистан людьми, которым, как и всей образованной и мыслящей России, дорог писатель, страстно ненавидевший произвол и страстно ждавший народного восстания против «внутренних турок» — против самодержавного правительства. Исполнительный комитет московских студенческих организаций справедливо указывал в своем бюллетене от 23 ноября, что эта неподготовленная демонстрация служит ясным показателем недовольства и протеста.

В Харькове демонстрация, вызванная студенческими делами, перешла уже в настоящую уличную свалку, в которой приняли участие и не одни студенты. Опыт прошлого года не прошел для студентов даром. Они увидели, что только поддержка народа и главным образом поддержка рабочих может обеспечить им успех, а для приобретения такой поддержки они должны выступать на борьбу не за академическую (студенческую) только свободу, а за *свободу всего народа, за политическую свободу*. Харьковский союзный совет студенческих организаций прямо выразил это уже в своей октябрьской прокламации. Да и студенты Петербурга, Москвы, Киева, Риги и Одессы, как видно из их листков и прокламаций, начали понимать всю «бессмысленность мечтаний» об академической свободе при беспросветном рабстве народа. Гнусная речь ген. Ванновского в Москве, опровергавшего «слухи», будто он что-то когда-то обещал; невиданная наглость сыщика

в Петербурге (схватившего студента в Электротехническом институте, чтобы отнять у него полученное им через посылного письмо); дикое избиение полицией ярославских студентов на улице и в участке, — все эти и тысячи других фактов вопияли о борьбе, борьбе и борьбе против всего самодержавного строя. Чашу терпения переполнил случай с харьковскими ветеринарами. Студенты 1-го курса подали петицию об удалении проф. Лагермарка, жалуясь на казенное отношение к делу, на невыносимую грубость, доходившую до бросания программы в лицо студентам! Правительство, не разобрав дела, ответило тем, что выбросило из института весь курс, да еще оболгало студентов в своем сообщении, заявив, будто они требуют себе права назначать профессоров. Тогда поднялось все харьковское студенчество, было постановлено устроить забастовку и демонстрацию. 28 ноября — 2 декабря Харьков второй раз в этом году превратился в поле сражения «внутренних турок» с протестовавшим против самодержавного произвола народом. Клики: «долой самодержавие! да здравствует свобода!», с одной стороны. Удары палками, битье нагайками, топтание народа лошадьми — с другой стороны. Полиция и казаки, нещадно избивавшие всех и каждого, не разбирая ни пола, ни возраста, одержали победу над безоружными и торжествуют...

Неужели мы дадим им торжествовать?

Рабочие! Вам слишком хорошо знакома та вражья сила, которая измывает над русским народом. Эта вражья сила связывает вас по рукам и ногам в вашей ежедневной борьбе с хозяевами за лучшую жизнь и за человеческое достоинство. Эта вражья сила выхватывает сотни и тысячи ваших лучших товарищей, бросая их в тюрьмы, отправляя в ссылку и, точно в издевку, объявляя еще их «лицами порочного поведения». Эта вражья сила 7 мая стреляла в обуховских рабочих в Петербурге, поднявшихся с кликом: «нам нужна свобода!», — а потом еще устроила комедию суда, чтобы закатать на каторгу тех героев, которых не уложила пуля. Эта вражья сила, избивающая сегодня студентов, завтра бросится с еще большим озверением избивать вас, рабочих. Не теряйте времени! Помните, что вы должны поддерживать всякий протест и борьбу против башибузуков самодержавного правительства! Старайтесь всеми средствами войти в соглашение с демонстрантами-

студентами, устраивайте кружки для быстрой передачи сведений и распространения воззваний; разъясняйте всем и каждому, что вы поднимаетесь на борьбу за свободу всего народа.

Когда здесь и там начинают вспыхивать огоньки народного возмущения и открытой борьбы, — всего прежде и всего более нужен сильный приток свежего воздуха, чтобы эти огоньки могли разгореться в широкое пламя!

«Искра» № 13, 20 декабря 1901 г.

*Печатается по тексту газеты
«Искра»*

О ПИСЬМЕ «РАБОЧИХ С ЮГА»

Мы получили письмо «Рабочих с юга», приветствующих усиление революционного направления в русской социал-демократии и поручающих нам передать их приветствие «Заграничной лиге русской революционной социал-демократии». К сожалению, недостаток места не позволяет нам поместить это письмо целиком. Мы вполне согласны с авторами письма, что «прокламационный способ, который практикуется у нас в России для проведения революционных идей в широкую массу, не в состоянии воспитать массу политически сознательно», что «необходимо создать специальную литературу для политического воспитания русского пролетариата». Но едва ли практичен проект авторов письма издавать с этой целью популярные брошюры в 3—4 страницы и распространять их «одновременно по всей России». Мы думаем, что русский пролетариат вполне созрел уже и для такого рода литературы, каким пользуются все остальные классы, т. е. для газеты. Только политическая газета может действительно воспитывать массу политически сознательно и освещать, по выражению авторов письма, «всю нашу общественную жизнь, начиная с четвертого сословия и кончая крупной буржуазией». Только общерусская газета может, при условии активной поддержки ее всеми комитетами и местными кружками, распространяться более или менее «одновременно по всей России» и выходить настолько часто, чтобы заслуживать названия газеты. И только прочная постановка такого революционного органа ознаменует окончательный переход нашего движения «от стачечно-экономической борьбы к широкой революционной борьбе с русским самодержавным правительством».

АНАРХИЗМ И СОЦИАЛИЗМ

Тезисы:

1) Анархизм за 35—40 лет (Бакунин и *Интернационал* 1866 —) своего существования (а со Штирнера много больше лет) не дал ничего кроме общих фраз против *эксплуатации*.

Более 2 000 лет эти фразы в ходу. Недостает (а) понимания *причин* эксплуатации; (β) понимания *развития* общества, *ведущего к социализму*; (γ) понимания *классовой борьбы*, как творческой силы осуществления социализма.

2) Понимание *причин* эксплуатации. *Частная собственность*, как основа *товарного хозяйства*. *Общественная собственность* на средства производства. Nil* у анархизма.

Анархизм — вывороченный наизнанку буржуазный *индивидуализм*. Индивидуализм, как основа всего мировоззрения анархизма.

{	Защита мелкой собственности и <i>мелкого хозяйства</i>
	на земле.
	Keine Majorität**.
}	Отрицание объединяющей и организующей силы
	власти.

3) Непонимание развития общества — роль крупного производства — развития капитализма в социализм.

(Анархизм — порождение *отчаяния*. Психология *выбитого из колеи интеллигента* или *босняка*, а не *пролетария*.)

* — Nil — ничего. *Ред.*

** — Никакого большинства (то есть отрицание анархистами подчинения меньшинства большинству). *Ред.*

4) Непонимание *классовой* борьбы пролетариата.

Нелепое отрицание политики в буржуазном обществе.

Непонимание роли организации и воспитания рабочих.

Панацей из односторонних, вырванных из связи средств.

5) В новейшей истории Европы, что дал анархизм, некогда господствовавший в романских странах?

— Никакой доктрины, революционного учения, теории нет.

— Раздробление рабочего движения.

— Полное *fiasko** в опытах революционного движения (прудонизм 1871, бакунизм 1873).

— Подчинение рабочего класса *буржуазной* политике под видом отрицания политики.

Написано в 1901 г.

*Впервые напечатано в 1936 г.
в журнале «Пролетарская
Революция» № 7*

Печатается по рукописи

* — *фиаско, провал. Ред.*

ПО ПОВОДУ ГОСУДАРСТВЕННОЙ РОСПИСИ

Как и всегда, наши газеты опубликовали всеподданнейший доклад министра финансов по поводу росписи государственных доходов и расходов на 1902 год. Как и всегда, оказывается, — по уверениям министра, — что все обстоит благополучно: «финансы в совершенно благоприятном состоянии», в бюджете «неуклонно соблюдено равновесие», «жел.-дорожное дело продолжает успешно развиваться», и даже «происходит постоянное нарастание народного благосостояния»! Неудивительно, что у нас так мало интересуются вопросами государственного хозяйства, несмотря на всю их важность: интерес притуплен обязательным казенным славословием, каждый знает, что бумага все терпит, что публику «все равно» «не велено пущать» за кулисы официального финансового фокусничества.

На этот раз однако особенно бросается в глаза следующее обстоятельство. Фокусник с обычной ловкостью показывает публике пустые руки и, взмахивая ими, предъявляет одну за другой золотые монеты. Публика аплодирует. Но фокусник тем не менее начинает сам преусерднейшим образом защищаться и, чуть не со слезами на глазах, уверяет, что он не мошенничает, что дефицита нет, что долгов у него меньше, чем имущества. Русская публика так вышколена по части благопристойного поведения в присутственных местах, что ей становится вчуже как-то неловко, и только немногие бормочут про себя французскую поговорку: «кто извиняется, тот сам себя обвиняет».

Посмотрим, как «извиняется» наш Витте. Гигантский расход почти в два миллиарда рублей (1 946 млн.) покрыт полностью только благодаря тому, что 144 млн. взяты

из знаменитой «свободной наличности» государственного казначейства, а свободная наличность пополнена прошлогодним 4% займом в 127 млн. руб. (весь заем был в 148 млн. руб., но 21 млн. еще не допущен). Значит, дефицит, покрытый займом? — Ничуть не бывало, уверяет нас маг, «заключение займа вызвано было отнюдь не необходимостью покрыть не предусмотренные сметами расходы», так как за покрытием их оставалось «вполне свободных» 114 млн. руб., а желанием строить новые железные дороги. — Очень хорошо, г. Витте! Но, во-первых, дефицита вы этим не опровергаете, ибо даже «вполне свободными» 114 млн. руб. не покрыть расхода в 144 млн. руб. Во-вторых, в свободную наличность (114 млн. руб.) вошли 63 млн. руб. превышения поступления обыкновенных доходов в 1901 г. против предположений росписи, а наша печать давно уже указывает, что вы *искусственно уменьшаете* предположения росписи доходов, дабы фиктивно вздуть «свободную наличность» и неуклонно повышать налоги. Так, в прошлом году повышены гербовые пошлины (новый гербовый устав), повышена цена казенной водки: с 7 руб. до 7 р. 60 к. за ведро, продолжено повышение таможенных пошлин (произведенное в 1900 г. якобы «временное», ввиду китайской войны) и пр. В-третьих, воспевая «культурную роль» железных дорог, вы скромно умалчиваете о чисто русском и совсем некультурном обычае *грабить казну* при постройке железных дорог (не говоря уже о безобразной эксплуатации жел.-дор. подрядчиками рабочих и голодающих крестьян!). Напр., одна русская газета недавно сообщала, что стоимость постройки Сибирской жел. дороги сначала была определена в 350 млн. руб., а на деле израсходовано 780 млн. руб., всего же перевалит, вероятно, и за миллиард (какой грабеж шел на Сибирской дороге, об этом «Искра» уже кое-что сообщала: см. № 2). Доходы-то вы правильно подсчитываете, г. Витте, без пропусков, а вот насчет *действительной величины расходов* попробовали бы дать отчет!

Затем не следует также упускать из виду, что постройка жел. дорог в 1902 г. вызвана отчасти военными целями нашего «миролюбивого» правительства (громадная Бологое-Седлецкая линия, протяжением более 1 000 верст), отчасти безусловной необходимостью хоть чем-нибудь «помочь» угнетенной промышленности, в делах которой

Государственный банк заинтересован непосредственно. Гос. банк не только щедро ссужал разные пошатнувшиеся предприятия, но и принял многие из них фактически в свое полное заведывание. Банкротство промышленных предприятий грозило привести к государственному банкротству! Наконец, не забудем и того, что постоянное повышение суммы займов и размера налогов происходит, под управлением «гениального» Витте, несмотря на то, что все капиталы сберегательных касс обращаются всецело на поддержку государственного кредита. А капиталы эти превысили уже 800 млн. руб. Примите все это во внимание, — и вы поймете, что Витте ведет хищническое хозяйство, что самодержавие медленно, но верно идет к банкротству, ибо нельзя же без конца повышать налоги, и не всегда же будет русского царя выручать французская буржуазия.

Витте защищается от обвинения в увеличении государственной задолженности такими доводами, над которыми стоит посмеяться. Он сравнивает долги и «имущество», сопоставляет сумму госуд. займов в 1892 и 1902 гг. со стоимостью казенных жел. дорог за те же годы и выводит уменьшение «чистой» задолженности. А ведь у нас и еще есть имущество: «крепости и военные суда» (ей-богу, так и сказано в докладе!), порты и казенные заводы, оброчные статьи и леса. — Великолепно, г. Витте! Но не замечаете ли вы, что вы уподобляетесь тому купцу, который уже вызван в суд по обвинению в банкротстве и который начинает оправдываться перед людьми, собирающимися описывать его имущество? Ведь покуда предприятие стоит действительно непоколебимо прочно, — никому и в голову не придет требовать специального обеспечения займов. Ведь никто не сомневается, что «имущества» у русского народа имеется много, но чем больше этого имущества, тем сильнее вина людей, которые, несмотря на обилие имущества, ведут хозяйство только при помощи увеличения займов и повышения налогов. Ведь вы доказываете только то, что народу следует как можно скорее прогнать распоряжающихся его имуществом хищников. В самом деле, ссылки на специальные государственные имущества в обеспечение государственных займов делала до сих пор из всех европейских стран одна только Турция. И эти ссылки вели естественно к тому, что *иностранные кредиторы налагали*

свой контроль на распоряжение тем имуществом, которое должно обеспечить возврат данных ими займы денег. Хозяйство «великой русской державы» под контролем приказчиков Ротшильда и Блейхредера: какую блестящую перспективу открываете вы нам, г. Витте!*

Мы не говорим уже о том, что крепости и военные суда ни один банкир в залог не возьмет, что это не плюс, а минус в нашем народном хозяйстве. Но и жел. дороги могут служить обеспечением только тогда, когда они приносят доход. А из того же доклада Витте мы узнаем, что до самого последнего времени все русские жел. дороги вообще приносили убыток. Только в 1900 г. покрыт был дефицит по сибирским дорогам и получилась «небольшая чистая прибыль», настолько небольшая, что о величине ее Витте скромно молчит. Молчит он и о том, что за первые две трети 1901 г. выручка железных дорог в Евр. России понизилась, по случаю кризиса. Каков-то был бы баланс нашего жел.-дор. хозяйства, если бы сосчитать не только казенные цифры выданных на постройку денег, но и действительные суммы расхищенных при постройке денег? Не пора ли в самом деле передать это действительно ценное имущество в более надежные руки?

О промышленном кризисе Витте говорит, разумеется, в самом успокоительном тоне: «заминка», «несомненно, общих промышленных успехов не коснется и, по истечении некоторого промежутка времени, вероятно (!!), наступит новый период промышленного оживления». Хорошо утешение для миллионов рабочего класса, страдающих от безработицы и уменьшения заработка! В перечне государственных расходов вы напрасно стали бы искать хоть какого-либо указания на то, сколько миллионов и десятков миллионов бросила казна на прямую и косвенную поддержку «страдающих» от кризиса промышленных предприятий. А что при этом не останавливались и перед гигантскими суммами, видно из того, сообщенного в газетах, факта, что общий размер ссуд, выданных

* Витте сам замечал неловкость своих рассуждений об «имуществе», и поэтому в другой части своего доклада он старается «поправиться», заявляя, что возрастание стоимости государственного имущества «в применении к обязательствам русской казны не имеет особого значения, так как кредит России не нуждается в специальных обеспечениях». Ну, конечно! А подробный отчетец с перечнем этих специальных обеспечений все-таки оставлен — на всякий случай!

Гос. банком с 1 января 1899 г. по 1 января 1901 г., увеличился с 250 млн. руб. до 449 млн. руб., а размер промышленных ссуд с 8,7 млн. до 38,8 млн. руб. Даже убыток в 4 млн. руб. по промышленным ссудам нисколько не затруднил казны. Рабочим же, которые приносили на алтарь «промышленных успехов» не содержимое своего кошелька, а свою жизнь и жизнь миллионов, существующих на их заработок, — рабочим казна помогала тем, что «даром» высылала их тысячами из промышленных городов в голодающие деревни!

Слова «голод» Витте совсем избегает, уверяя в своем докладе, что «тяжелое влияние неурожая... будет смягчено щедрой помощью нуждающимся». Эта щедрая помощь, по его же словам, равняется 20 млн. руб., тогда как недобор хлеба оценивается в 250 млн. руб. (считая по очень низкой цене, по 50 коп. за пуд, но зато сравнивая с годами благоприятных жатв). Не правда ли, как это в самом деле «щедро»? Допустите даже, что только половина недобора падает на крестьянскую бедноту, и все-таки окажется, что мы еще недостаточно оценивали скаредность русского правительства, когда писали (по поводу циркуляра Сипягина, см. № 9 «Искры»)*, что правительство урезывает ссуды *впятеро*. Щедр русский царь не на помощь мужику, а на полицейские меры против тех, кто действительно хотел помочь голодающим. Щедр он также и на миллионы, выбрасываемые для того, чтобы урвать пожирней кусок у Китая. За два года — сообщает Витте — на китайскую войну из чрезвычайных расходов пошло 80 млн. руб., да *«сверх того»* весьма значительные суммы были издержаны *за счет обыкновенного бюджета*. Всего, значит; вероятно, до *сотни миллионов рублей*, если не выше! Безработный рабочий и голодающий мужик могут утешиться тем, что Манчжурия зато наверное будет наша...

Недостаток места заставляет нас лишь вкратце коснуться остальных частей доклада. Витте защищается также от обвинения в скудости расходов на народное просвещение: к 36 млн. руб. по смете этого министерства он прибавляет расходы на учебное дело всех других ведомств и «нагоняет» цифру до 75 млн. руб. Но даже и эта (сомнительной верности) цифра совершенно мизерна на всю Россию, и

* См. настоящий том, стр. 211—218. *Ред.*

по отношению ко всему бюджету не составляет и пяти процентов. — То обстоятельство, что «наш государственный бюджет построен по преимуществу на системе косвенного обложения», Витте считает преимуществом, повторяя избитые буржуазные доводы о возможности «соразмерять потребление обложенных предметов со степенью благосостояния». На самом же деле, как известно, косвенное обложение, падая на предметы потребления масс, отличается величайшей несправедливостью. Всей своей тяжестью ложится оно на бедноту, создавая привилегию для богатых. Чем беднее человек, тем большую долю своего дохода отдает он государству в виде косвенных налогов. (Малоимущая и неимущая масса составляет $\frac{9}{10}$ всего народонаселения, потребляет $\frac{9}{10}$ всех обложенных продуктов и платит $\frac{9}{10}$ всей суммы косвенных налогов) а между тем из всего народного дохода она получает каких-нибудь две-три десятых.

В заключение — интересная «мелочь». По каким статьям всего более увеличились расходы с 1901 по 1902 год? Вся сумма расхода увеличилась с 1 788 млн. руб. до 1 946 млн. руб., т. е. меньше, чем на одну десятую. Между тем почти на четверть возросли расходы по двум статьям: «на содержание особ императорской фамилии» — с 9,8 млн. руб. до 12,8 млн. руб. и... «на содержание отдельного корпуса жандармов» с 3,96 млн. руб. до 4,94 млн. руб. Вот ответ на вопрос: какие «нужды русского народа» наиболее настоятельны? И какое трогательное «единение» царя с жандармами!

ПОЛИТИЧЕСКАЯ АГИТАЦИЯ И «КЛАССОВАЯ ТОЧКА ЗРЕНИЯ»

Начнем с примера.

Читатели помнят, вероятно, какой шум вызвал доклад орловского губернского предводителя дворянства, М. А. Стаховича, на миссионерском съезде о необходимости признания законом *свободы совести*. Консервативная печать, с «Московскими Ведомостями» во главе, рвет и мечет против г. Стаховича, не зная, как и обругать его, обвиняя чуть ли не в государственной измене всех орловских дворян за то, что они снова выбрали г. Стаховича в предводители. А этот выбор — действительно поучительное явление, приобретающее до известной степени характер дворянской демонстрации против полицейского произвола и безобразия.

Стахович — уверяют «Моск. Вед.» — «не столько предводитель дворянства, сколько Миша Стахович, весельчак, душа общества, краснобай...» (1901 г., № 348). Тем хуже для вас, господа защитники дубины. Если уже даже весельчаки-помещики заговорили о свободе совести, значит несть поистине числа тем гнусностям, которые чинят наши попы с нашей полицией. — ... «Какое дело нашей «интеллигентной» легкомысленной толпе, порождающей и рукоплещущей гг. Стаховичам, до нашей святыни, православной веры и до наших заветных к ней отношений?»... Опять-таки: тем хуже для вас, господа защитники самодержавия, православия, народности. Хороши же должны быть порядки нашего полицейского самодержавия, если оно даже религию настолько пропитало духом кутузки, что «Стаховичи» (не имеющие никаких твердых убеждений в религиозных вопросах, но заинтересованные, как увидим ниже,

в прочности религии) проникаются полным равнодушием (если не ненавистью) к этой пресловутой «народной» святыне! — ... «Они нашу веру называют заблуждением!! Они издеваются над нами за то, что мы, благодаря этому «заблуждению», боимся и бежим греха, исполняем безропотно наши обязанности, как бы тяжелы они ни были, за то, что мы находим силы и бодрость переносить горе, лишения и чуждаемся гордости при удачах и в счастьях»... Вот в чем суть-то! Святыня православия тем дорога, что учит «безропотно» переносить горе! Какая же это выгодная, в самом деле, для господствующих классов святыня! Когда общество устроено так, что ничтожное меньшинство пользуется богатством и властью, а масса постоянно терпит «лишения» и несет «тяжелые обязанности», то вполне естественно сочувствие эксплуататоров к религии, учащей «безропотно» переносить земной ад ради небесного, будто бы, рая. В пылу усердия «Моск. Вед.» начинают проговариваться. И они проговорились до такой степени, что *нечаянно правду сказали*. Слушайте дальше: ...«Они и не подозревают, что, благодаря тому же «заблуждению», они, гг. Стаховичи, едят сытно, спят спокойно и живут весело».

Святая истина! Именно так, именно благодаря громадному распространению в народных массах религиозных «заблуждений» «спят спокойно» и Стаховичи, и Обломовы, и все наши капиталисты, живущие трудом этих масс, да и сами «Моск. Вед.». И чем больше будет распространяться просвещение в народе, чем более религиозные предрассудки будут вытесняться социалистическим сознанием, тем ближе будет день победы пролетариата, избавляющей все угнетенные классы от их порабощения в современном обществе.

Но, проговорившись в одном пункте, «Моск. Вед.» слишком дешево отделались от другого интересного вопроса. Они явно заблуждаются, думая, что Стаховичи «не подозревают» указанного значения религии и требуют либеральных реформ просто по «легкомыслию». Такое объяснение враждебного политического направления уже очень ребячески-наивно! А что г. Стахович в данном случае явился именно глашатаем целого либерального направления, — это лучше всего доказали сами «Моск. Вед.»: иначе к чему было поднимать целый поход против одного

доклада? к чему было говорить не о Стаховиче, а о Стаховичах, об «интеллигентной толпе»?

Это заблуждение «М. Вед.» есть, конечно, корыстное заблуждение. «М. Вед.», разумеется, больше не желают, чем не умеют, применить классовую точку зрения к анализу ненавистного им либерализма. О нежелании нечего и говорить. А вот неумение представляет для нас большой общий интерес, ибо этим грехом страдают весьма многие революционеры и социалисты. Страдают им и авторы письма в № 12 «Искры», обвиняющие нас в отступлении от «классовой точки зрения» за то, что мы в своей газете стараемся следить за всеми проявлениями недовольства и протеста либералов; — и авторы «Пролетарской борьбы»⁸³ и некоторых брошюр «Социал-демократической библиотеки»⁸⁴, воображающие, что наше самодержавие есть самодержавное господство буржуазии; — и Мартыновы, зовущие нас от всесторонней обличительной кампании (т. е. от самой широкой политической агитации) против самодержавия к преимущественной борьбе за экономические реформы (давать «положительное» рабочему классу, выставлять от его имени «конкретные требования» законодательных и административных мероприятий, «сулящие известные осязательные результаты»); — и Надеждины, с недоумением спрашивающие по поводу наших корреспонденций о статистических конфликтах: «господи, да не для земцев ли этот орган?».

Все эти социалисты забывают, что интересы самодержавия совпадают только при известных обстоятельствах и только с известными интересами имущих классов, и притом часто не с интересами всех этих классов вообще, а с интересами отдельных слоев их. Интересы других слоев буржуазии, а также более широко понятые интересы *всей* буржуазии, всего развития капитализма вообще необходимо порождают либеральную оппозицию самодержавию. Если, напр., самодержавие гарантирует буржуазии возможность применять самые грубые формы эксплуатации, то, с другой стороны, оно ставит тысячи препятствий широкому развитию производительных сил и распространению просвещения, возбуждая этим против себя не только мелкую, но иногда и крупную буржуазию; если самодержавие гарантирует (?) буржуазии охрану от социализма, то, с другой стороны, эта охрана необходимо пре-

вращается, при бесправии населения, в такое полицейское бесчинство, которое возмущает всех и каждого. Каков результат этих противоположных тенденций, каково соотношение консервативного и либерального настроения или направления в буржуазии в данный момент, — этого нельзя вывести из пары общих положений; это зависит от всех особенностей общественно-политической обстановки в данный момент. Для определения этого необходимо детально знать эту обстановку, внимательно следить за всеми и всякими столкновениями с правительством какого бы то ни было общественного слоя. Именно в силу «классовой точки зрения» *непозволительно* социал-демократу оставаться безучастным к недовольству и протестам «Стаховичей».

Названные же социалисты и своими рассуждениями и своей деятельностью доказывают свое безучастие к либерализму, обнаруживая этим непонимание основных положений «Коммунистического манифеста», этого «евангелия» международной соц.-демократии. Вспомните, напр., слова о том, что буржуазия сама дает материал для политического воспитания пролетариата своей борьбой за власть, столкновением отдельных своих слоев и групп и пр.⁸⁵ Только в свободных политических странах этот материал достается пролетариату сам собою (да и то только отчасти). В рабской же России мы, социал-демократы, должны активно работать над доставлением рабочему классу этого «материала», т. е. должны *взять на себя* задачу всесторонней политической агитации, всенародной обличительной кампании против самодержавия. И эта задача особенно настоятельна в периоды политического брожения. Надо помнить, что за год политического оживления пролетариат может научиться, в смысле революционного воспитания, большему, чем за несколько лет затишья. Вот почему особенно вредна тенденция указанных социалистов сознательно или бессознательно *суживать* размах и содержание политической агитации.

Далее, вспомните слова о поддержке коммунистами *всякого* революционного движения против существующего строя. Эти слова часто понимают слишком узко, не распространяя их на поддержку либеральной оппозиции. Не следует, однако, забывать, что бывают эпохи, когда всякое столкновение с правительством на почве

прогрессивных общественных интересов, как бы мелко оно само по себе ни было, может при известных условиях (*а наша поддержка есть одно из этих условий*) разгореться в общий пожар. Достаточно напомнить, в какое общественное движение разрослось в России столкновение студентов с правительством на почве академических требований⁸⁶ или во Франции столкновение всех прогрессивных элементов с военщиной на почве одного, решенного путем подлогов, судебного дела⁸⁷. Вот почему наш прямой долг разъяснять пролетариату, расширять и, путем активного участия рабочих, поддерживать всякий либеральный и демократический протест, будет ли он происходить из столкновения земцев с министерством внутренних дел, или дворян с ведомством полицейского православия, или статистиков с помпадуром, крестьян с «земскими», сектантов с урядниками и проч. и проч. Кто морщит презрительно нос по поводу мизерности некоторых из этих столкновений или «безнадежности» попытки раздуть их в общий пожар, тот не понимает, что всесторонняя политическая агитация есть именно фокус, в котором совпадают насущные интересы политического воспитания пролетариата с насущными интересами всего общественного развития и всего народа в смысле всех демократических элементов его. Наш прямой долг — вмешиваться во всякий либеральный вопрос, определять свое, социал-демократическое, отношение к нему, принимать меры к тому, чтобы пролетариат активно участвовал в решении этого вопроса и заставлял решать его по-своему. Кто сторонится от такого вмешательства, тот на деле (каковы бы ни были его намерения) пасует перед либерализмом, отдавая в его руки дело политического воспитания рабочих, уступая гегемонию политической борьбы таким элементам, которые в конечном счете являются вожаками буржуазной демократии.

Классовый характер соц.-демократического движения должен выражаться не в сужении наших задач до непосредственных и ближайших нужд «чисто рабочего» движения, а в руководстве всеми сторонами и всеми проявлениями великой освободительной борьбы пролетариата, этого единственного действительно революционного класса современного общества. Социал-демократия должна всегда и неуклонно расширять воздействие рабочего движения на

все сферы общественной и политической жизни современного общества. Она должна руководить не только экономической борьбой рабочих, но также и политической борьбой пролетариата, она должна ни на минуту не упускать из виду нашей конечной цели, всегда пропагандировать, охранять от искажений и развивать дальше пролетарскую идеологию — учение научного социализма, т. е. марксизм. Мы должны неустанно бороться против всякой буржуазной идеологии, в какие бы модные и блестящие мундиры она ни рядилась. Названные нами выше социалисты отступают от «классовой» точки зрения также потому и постольку, поскольку они безучастны к задаче борьбы с «критикой марксизма». Только слепые люди могут не видеть, что эта «критика» всего быстрее привилась в России и всего торжественнее подхвачена русской либеральной публицистикой именно потому, что она является одним из элементов складывающейся буржуазной (теперь уже сознательно буржуазной) демократии в России.

Что касается политической борьбы в особенности, то именно «классовая точка зрения» требует, чтобы пролетариат *подталкивал* вперед всякое демократическое движение. Рабочая демократия своими политическими требованиями не принципиально, а только по степени отличается от буржуазной демократии. В борьбе за экономическое освобождение, за социалистическую революцию, пролетариат стоит на принципиально ином базисе и стоит одиноко (мелкий производитель лишь постольку, поскольку он переходит или готовится перейти в ряды пролетариата, придет ему на помощь). В борьбе же за политическое освобождение у нас много союзников, безучастно относиться к которым непозволительно. Но в то время как наши союзники из буржуазной демократии, борясь за либеральные реформы, всегда будут оглядываться назад, стараясь устроить дело так, чтобы им можно было попрежнему «есть сытно, спать спокойно и жить весело» на чужой счет, пролетариат пойдет вперед без оглядки до самого конца. Когда какие-нибудь гг. Р. Н. С. (автор предисловия к записке Витте) будут торговаться с правительством о правах властного земства или о конституции, мы будем бороться за демократическую республику. Не забудем только, что для того, чтобы подталкивать другого, надо

всегда держать руку на плече этого другого. Партия пролетариата должна уметь ловить всякого либерала как раз в тот момент, когда он собрался подвинуться на вершок, и заставлять его двинуться на аршин. А упрется, — так мы пойдем вперед без него и через него.

«Искра» № 16, 1 февраля 1902 г.

Печатается по тексту газеты
«Искра»

ОТВЕТ «ЧИТАТЕЛЮ»

Мы получили следующее письмо в редакцию:

«Касаясь вопроса об агитации (если не ошибаюсь, в № 13), «Искра» высказывается против летучей агитационной литературы (брошюрки в два-три листика) на политические темы. Такая литература, по мнению редакции, с успехом заменяется газетами. Газеты, конечно, — дело хорошее. Против этого никто и спорить не будет. Но могут ли они заменить такие летучие листки, специальное предназначение которых — широкое распространение среди масс? В редакции уже имеется одно письмо из России, в котором группа рабочих-агитаторов высказывается по этому вопросу. Ответ «Искры» на это письмо — очевидное недоразумение. Вопрос об агитации так же теперь важен, как и вопрос о демонстрациях. Поэтому желательно, чтобы редакция сызнова подняла бы его, и на этот раз отнеслась бы к нему более внимательно.

Читатель».

Кто даст себе труд внимательно перечитать, наряду с этим письмом, наш ответ «Рабочим с юга» в № 13 «Искры»*, тот легко убедится, что в очевидное недоразумение впал именно автор письма. О том, чтобы «Искра» высказалась «против летучей агитационной литературы», не было и речи; «замена» газетою «летучих листов» никому и в голову не приходила. Автор письма не заметил, что летучие листки — это и есть прокламации. Что такой род литературы, как прокламации, *ничем незаменим* и всегда будет *безусловно нужен*, — в этом и «Рабочие с юга» и «Искра» были вполне согласны. Но они были согласны и в том, что этого рода литературы *недостаточно*. Если мы говорим о хорошем жилище для рабочих, соглашаясь,

* См. настоящий том, стр. 299. *Ред.*

что хорошей пищи им недостаточно, то это наверное не значит, чтобы мы были «против» хорошей пищи. Спрашивается, каков же более высокий вид *агитационной литературы*? «Рабочие с юга», поставив этот вопрос, *ни словом не упомянули* о газете. Это умолчание могло, конечно, зависеть от местных условий, и, несколько не думая «спорить» с нашими корреспондентами, мы не могли, естественно, не напомнить им, что пролетариат тоже должен поставить свою газету, как сделали уже другие классы населения; — что недостаточно одной раздробленной работы, а необходима регулярная, активная, общая работа всех местностей над революционным органом.

Что же касается «брошюр в 3—4 страницы», то мы и «против» них *отнюдь не высказались*, а только усомнились в практичности плана создать из них *регулярную литературу*, распространяемую «одновременно по всей России». При объеме в 3—4 страницы это будут, в сущности, те же прокламации. Мы имеем со всех концов России много очень хороших и несколько не тяжеловесных прокламаций, и студенческих, и рабочих, которые равняются даже 6—8 страницам малого формата. А действительно *популярная брошюра*, способная *разъяснить* даже совсем не подготовленному рабочему хоть какой-нибудь отдельный вопрос, будет, наверное, гораздо больше объемом, и распространять ее «одновременно по всей России» не будет ни возможности, ни надобности (ввиду ее не временного значения). Вполне признавая все и всякие, старые и новые, виды политической литературы, будь это только действительно хорошая политическая литература, мы бы, с своей стороны, советовали работать не над выдумкой среднего типа между летучими листками и популярной брошюрой, а над революционным органом, заслуживающим *на деле* название периодического (т. е. выходящего не раз в месяц, а по меньшей мере, два-четыре раза в месяц) и *общерусского*.

ЧТО ДЕЛАТЬ ?

НАБОЛЕВШИЕ ВОПРОСЫ НАШЕГО ДВИЖЕНИЯ⁸³

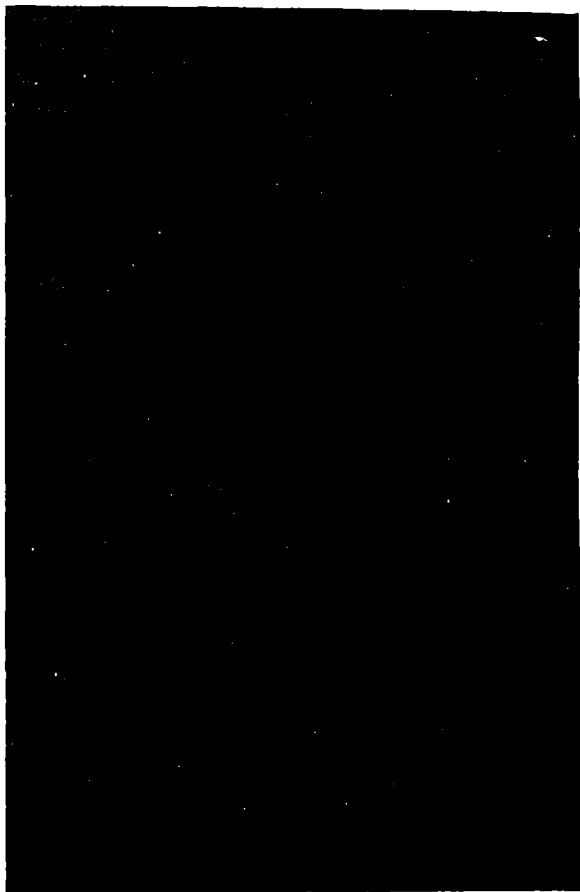
«...Партийная борьба придает партим силу и жизненность, величайшим доказательством слабости партии является ее расплывчатость и притупление резко обозначенных границ, партия укрепляется тем, что очищает себя...»

(Из письма Лассаля к Марксу
от 24 июня 1852 г.)

Написано осенью 1901 — февраль
1902 гг.

Впервые напечатано отдельной
книжкой в марте 1902 г.

Печатается по тексту книги,
сверенному с текстом сборника:
Ел. Ильин. «За 12 лет», 1907 г.

Обложка книги В. И. Ленина «Что делать?». — 1902 г.

Уменьшено

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемая брошюра должна была, по первоначальному плану автора, быть посвящена подробному развитию тех мыслей, которые высказаны в статье «С чего начать?» («Искра» № 4, май 1901 г.)*. И мы должны прежде всего принести извинение читателю за позднее исполнение данного там (и повторенного в ответ на многие частные запросы и письма) обещания. Одной из причин такого запоздания явилась попытка объединения всех заграничных социал-демократических организаций, предпринятая в июне истекшего (1901) года. Естественно было дожидаться результатов этой попытки, ибо при удаче ее пришлось бы, может быть, излагать организационные взгляды «Искры» под несколько иным углом зрения, и во всяком случае такая удача обещала бы положить очень быстро конец существованию двух течений в русской социал-демократии. Как известно читателю, попытка окончилась неудачей и, как мы постараемся доказать ниже, не могла не окончиться так после нового поворота «Рабочего Дела» в № 10 к экономизму. Оказалось безусловно необходимым вступить в решительную борьбу с этим расплывчатым и мало определенным, но зато тем более устойчивым и способным возрождаться в разнообразных формах направлением. Сообразно этому видоизменился и весьма значительно расширился первоначальный план брошюры.

Главной темой ее должны были быть три вопроса, поставленные в статье «С чего начать?». Именно: вопросы о характере и главном содержании нашей политической

* См. настоящий том, стр. 1—12. Ред.

агитации, о наших организационных задачах, о плане построения одновременно и с разных концов боевой общерусской организации. Вопросы эти давно уже интересуют автора, пытавшегося поднять их еще в «Рабочей Газете» при одной из неудавшихся попыток ее возобновления (см. гл. V). Но первоначальное предположение ограничиться в брошюре разбором только трех этих вопросов и изложить свои воззрения по возможности в положительной форме, не прибегая или почти не прибегая к полемике, оказалось совершенно неосуществимым по двум причинам. С одной стороны, экономизм оказался гораздо более живучим, чем мы предполагали (мы употребляем слово экономизм в широком смысле, как оно было пояснено в № 12 «Искры» (декабрь 1901 г.) в статье «Беседа с защитниками экономизма», наметившей, так сказать, конспект предлагаемой читателю брошюры*). Стало несомненным, что различные взгляды на решение этих трех вопросов объясняются в гораздо большей степени коренной противоположностью двух направлений в русской социал-демократии, чем расхождением в частностях. С другой стороны, недоумение экономистов по поводу фактического проведения в «Искре» наших воззрений показывало с очевидностью, что мы часто говорим буквально на разных языках, что мы *не можем* поэтому ни до чего договориться, если не будем начинать *ab ovo***, что необходимо сделать попытку возможно более популярного, поясняемого самыми многочисленными и конкретными примерами, *систематического «объяснения»* со всеми экономистами по всем коренным пунктам наших разногласий. И я решил сделать такую попытку «объясниться», вполне сознавая, что это очень сильно увеличит размеры брошюры и замедлит ее выход, но не видя в то же время никакой возможности *иначе* исполнить данное мной в статье «С чего начать?» обещание. К извинению по поводу опоздания мне приходится таким образом прибавить еще извинение по поводу громадных недостатков в литературной отделке брошюры: я должен был работать *до последней степени наспех*, отрываемый притом всякими другими работами.

* См. настоящий том, стр. 287—293. *Ред.*

** — с самого начала. *Ред.*

Разбор указанных выше трех вопросов составляет, по-прежнему, главную тему брошюры, но начать мне пришлось с двух более общих вопросов: почему такой «невинный» и «естественный» лозунг, как «свобода критики», является для нас настоящим боевым сигналом? почему мы не можем столкнуться даже по основному вопросу о роли социал-демократии по отношению к стихийному массовому движению? Далее, изложение взглядов на характер и содержание политической агитации превратилось в объяснение разницы между тред-юнионистской и социал-демократической политикой, а изложение взглядов на организационные задачи — в объяснение разницы между удовлетворяющим экономистов кустарничеством и необходимой, на наш взгляд, организацией революционеров. Затем, на «плане» общерусской политической газеты я тем более настаиваю, чем несостоятельнее были сделанные против него возражения и чем менее ответили мне по существу на поставленный в статье «С чего начать?» вопрос о том, как могли бы мы одновременно со всех концов приняться за возведение необходимой нам организации. Наконец, в заключительной части брошюры я надеюсь показать, что мы сделали все от нас зависевшее, чтобы предупредить решительный разрыв с экономистами, который оказался однако неизбежным; — что «Раб. Дело» приобрело особое, «историческое», если хотите, значение тем, что всего полнее, всего рельефнее выразило не последовательный экономизм, а тот разброд и те шатания, которые составили отличительную черту *целого периода* в истории русской социал-демократии; — что поэтому приобретает значение и чрезмерно подробная, на первый взгляд, полемика с «Раб. Делом», ибо мы не можем идти вперед, если мы окончательно не ликвидируем этого периода.

Н. Ленин.

Февраль 1902 г.

I

ДОГМАТИЗМ И «СВОБОДА КРИТИКИ»

а) ЧТО ЗНАЧИТ «СВОБОДА КРИТИКИ»?

«Свобода критики» — это, несомненно, самый модный лозунг в настоящее время, всего чаще употребляемый в спорах между социалистами и демократами всех стран. На первый взгляд, трудно себе представить что-либо более странное, чем эти торжественные ссылки одной из спорящих сторон на свободу критики. Неужели из среды передовых партий раздались голоса против того конституционного закона большинства европейских стран, который обеспечивает свободу науки и научного исследования? «Тут что-то не так!» — должен будет сказать себе всякий сторонний человек, который услышал повторяемый на всех перекрестках модный лозунг, но не вник еще в сущность разногласия между спорящими. «Этот лозунг, очевидно, одно из тех условных словечек, которые, как клички, узаконяются употреблением и становятся почти нарицательными именами».

В самом деле, ни для кого не тайна, что в современной международной* социал-демократии образовались два

* Кстати. В истории новейшего социализма это едва ли не единичное и в своем роде чрезвычайно утешительное явление, что распря различных направлений внутри социализма из национальной впервые превратилась в интернациональную. В прежние времена споры между лассальянцами и эйзенхакцами⁸⁹, между геддстами и поссибилистами⁹⁰, между фабианцами⁹¹ и социал-демократами, между народовольцами и социал-демократами оставались чисто национальными спорами, отражали чисто национальные особенности, происходили, так сказать, в разных плоскостях. В настоящее время (теперь это уже явственно видно) английские фабианцы, французские министерялисты, немецкие бернштейнцы, русские критики, — все это одна семья, все они друг друга хвалят, друг у друга учатся и сообща ополчаются против «догматического» марксизма. Может быть, в этой первой действительно международной схватке с социалистическим оппортунизмом международная революционная социал-демократия достаточно окрепнет, чтобы положить конец давно уже царящей в Европе политической реакции?

направления, борьба между которыми то разгорается и вспыхивает ярким пламенем, то затихает и тлеет под теплом внушительных «резолуций о перемирии». В чем состоит «новое» направление, которое «критически» относится к «старому, догматическому» марксизму, это с достаточной определенностью *сказал* Бернштейн и *показал* Мильеран.

Социал-демократия должна из партии социальной революции превратиться в демократическую партию социальных реформ. Это политическое требование Бернштейн обставил целой батареей довольно стройно согласованных «новых» аргументов и соображений. Отрицалась возможность научно обосновать социализм и доказать, с точки зрения материалистического понимания истории, его необходимость и неизбежность; отрицался факт растущей нищеты, пролетаризации и обострения капиталистических противоречий; объявлялось несостоятельным самое понятие о «конечной цели» и безусловно отвергалась идея диктатуры пролетариата; отрицалась принципиальная противоположность либерализма и социализма; отрицалась *теория классово́й борьбы*, неприложимая будто бы к строго демократическому обществу, управляемому согласно воле большинства, и т. д.

Таким образом, требование решительного поворота от революционной социал-демократии к буржуазному социал-реформаторству сопровождалось не менее решительным поворотом к буржуазной критике всех основных идей марксизма. А так как эта последняя критика велась уже издавна против марксизма и с политической трибуны и с университетской кафедры, и в массе брошюр и в ряде ученых трактатов, так как вся подрастающая молодежь образованных классов в течение десятилетий систематически воспитывалась на этой критике, — то неудивительно, что «новое критическое» направление в социал-демократии вышло как-то сразу вполне законченным, точно Минерва из головы Юпитера. По своему содержанию, этому направлению не приходилось развиваться и складываться: оно прямо было перенесено из буржуазной литературы в социалистическую.

Далее. Если теоретическая критика Бернштейна и его политические вожелания оставались еще кому-либо неясными, то французы позаботились о наглядной демонстрации «новой метoды». Франция и на этот раз оправдала

свою старинную репутацию «страны, в истории которой борьба классов, более чем где-либо, доводилась до решительного конца» (Энгельс, из предисловия к сочинению Маркса: «Der 18 Brumaire»^{*}). Французские социалисты стали не теоретизировать, а прямо действовать; более развитые в демократическом отношении политические условия Франции позволили им сразу перейти к «практическому бернштейнианству» во всех его последствиях. Мильеран дал прекрасный образчик этого практического бернштейнианства, — недаром Мильерана так усердно бросились защищать и восхвалять и Бернштейн, и Фольмар! В самом деле: если социал-демократия в сущности есть просто партия реформ и должна иметь смелость открыто признать это, — тогда социалист не только вправе вступить в буржуазное министерство, но должен даже всегда стремиться к этому. Если демократия в сущности означает уничтожение классового господства, — то отчего же социалистическому министру не пленять весь буржуазный мир речами о сотрудничестве классов? Отчего не оставаться ему в министерстве даже после того, как убийства рабочих жандармами показали в сотый и тысячный раз истинный характер демократического сотрудничества классов? Отчего бы ему не принять лично участия в приветствовании царя, которого французские социалисты зовут теперь не иначе как героем виселицы, кнута и ссылки (*knouteur, pendeur et déportateur*)? А возмездием за это бесконечное унижение и самооплевание социализма перед всем миром, за развращение социалистического сознания рабочих масс — этого единственного базиса, который может обеспечить нам победу, — в возмездие за это громкие *проекты* мизерных реформ, мизерных до того, что у буржуазных правительств удавалось добиться большего!

Кто не закрывает себе намеренно глаз, тот не может не видеть, что новое «критическое» направление в социализме есть не что иное, как новая разновидность *оппортунизма*. И если судить о людях не по тому блестящему мундиру, который они сами себе надели, не по той эффектной кличке, которую они сами себе взяли, а по тому, как они поступают и что они на самом деле пропагандируют, — то станет ясно, что «свобода критики» есть

* — «18 брюмера»⁹². Ред.

свобода оппортунистического направления в социал-демократии, свобода превращать социал-демократию в демократическую партию реформ, свобода внедрения в социализм буржуазных идей и буржуазных элементов.

Свобода — великое слово, но под знаменем свободы промышленности велись самые разбойнические войны, под знаменем свободы труда — грабили трудящихся. Такая же внутренняя фальшь заключается в современном употреблении слова: «свобода критики». Люди, действительно убежденные в том, что они двинули вперед науку, требовали бы не свободы новых воззрений наряду с старыми, а замены последних первыми. А современные выкрикивания «да здравствует свобода критики!» слишком напоминают басню о пустой бочке.

Мы идем тесной кучкой по обрывистому и трудному пути, крепко взявшись за руки. Мы окружены со всех сторон врагами, и нам приходится почти всегда идти под их огнем. Мы соединились, по свободно принятому решению, именно для того, чтобы бороться с врагами и не отступать в соседнее болото, обитатели которого с самого начала порицали нас за то, что мы выделились в особую группу и выбрали путь борьбы, а не путь примирения. И вот некоторые из нас принимаются кричать: пойдете в это болото! — а когда их начинают стыдить, они возражают: какие вы отсталые люди! и как вам не совестно отрицать за нами свободу звать вас на лучшую дорогу! — О да, господа, вы свободны не только звать, но и идти куда вам угодно, хотя бы в болото; мы находим даже, что ваше настоящее место именно в болоте, и мы готовы оказать вам посильное содействие к *вашему* переселению туда. Но только оставьте тогда наши руки, не хватайтесь за нас и не пачкайте великого слова свобода, потому что мы ведь тоже «свободны» идти, куда мы хотим, свободны бороться не только с болотом, но и с теми, кто поворачивает к болоту!

б) НОВЫЕ ЗАЩИТНИКИ «СВОБОДЫ КРИТИКИ»

И вот этот-то лозунг («свобода критики») торжественно выдвинут в самое последнее время «Раб. Делом» (№ 10), органом заграничного «Союза русских социал-демократов», выдвинут не как теоретический постулат, а как

политическое требование, как ответ на вопрос: «возможно ли объединение действующих за границей социал-демократических организаций?» — «Для прочного объединения необходима свобода критики» (стр. 36).

Из этого заявления вытекают два совершенно определенных вывода: 1. «Рабоч. Дело» берет под свою защиту оппортунистическое направление в международной социал-демократии вообще; 2. «Р. Дело» требует свободы оппортунизма в русской социал-демократии. Рассмотрим эти выводы.

«Р. Делу» «в особенности» не нравится «склонность «Искры» и «Зари» пророчить разрыв между *Горой* и *Жирондой* международной социал-демократии»*.

«Нам вообще — пишет редактор «Р. Д.» Б. Кричевский — разговор о *Горе* и *Жиронде* в рядах социал-демократии представляется поверхностной исторической аналогией, странной под пером марксиста: *Гора* и *Жиронда* представляли не разные температуры или умственные течения, как это может казаться историкам-идеологам, а разные классы или слои — среднюю буржуазию, с одной стороны, и мелкое мещанство с пролетариатом, с другой. В современном же социалистическом движении нет столкновения классовых интересов, оно все целиком, во *всех* (курс. Б. Кр.) своих разновидностях, включая и самых отъявленных бернштейнцев, стоит на почве классовых интересов пролетариата, его классовой борьбы за политическое и экономическое освобождение» (стр. 32—33).

Смелое утверждение! Не слышал ли Б. Кричевский о том, давно уже подмеченном, факте, что именно широкое участие в социалистическом движении последних лет *слоя* «академиков» обеспечило такое быстрое распространение бернштейнизма? А главное, — на чем основывает наш автор свое мнение, что и «самые отъявленные бернштейнцы» стоят на почве классовой борьбы за политическое и экономическое освобождение пролетариата? Неизвестно. Решительная защита самых отъявленных бернштейнцев равно никакими ни доводами, ни соображениями не подкрепляется. Автор думает, очевидно, что раз он повторяет то, что говорят про себя и самые отъявленные

* Сравнение двух течений в революционном пролетариате (революционное и оппортунистическое) с двумя течениями в революционной буржуазии XVIII века (якобинское — «Гора» — и жирондистское) было сделано в передовой статье № 2 «Искры» (февраль 1901 г.). Автор этой статьи — Плеханов. Говорить о «якобинстве» в русской социал-демократии до сих пор очень любят и надеются, и «беззащитные»⁸², и меньшевики. Но о том, как Плеханов впервые выдвинул это понятие против правого крыла социал-демократии, — об этом ныне предпочитают молчать или... вафлять. (Примечание автора к изданию 1907 г. *Ред.*)

бернштейнщины, — то его утверждение и не нуждается в доказательствах. Но можно ли представить себе что-либо более «поверхностное», как это суждение о целом направлении на основании того, что говорят сами про себя представители этого направления? Можно ли представить себе что-либо более поверхностное, как дальнейшая «мораль» о двух различных и даже диаметрально противоположных типах или дорогах партийного развития (стр. 34—35 «Р. Д.»)? Немецкие социал-демократы, видите ли, признают полную свободу критики, — французы же нет, и именно их пример показывает весь «вред нетерпимости».

Именно пример Б. Кричевского — ответим мы на это — показывает, что иногда называют себя марксистами люди, которые смотрят на историю буквально «по Иловайскому»⁹⁴. Чтобы объяснить единство германской и раздробленность французской социалистической партии, вовсе нет надобности копаться в особенностях истории той и другой страны, сопоставлять условия военного полуабсолютизма и республиканского парламентаризма, разбирать последствия Коммуны и исключительного закона о социалистах, сравнивать экономический быт и экономическое развитие, вспоминать о том, как «беспримерный рост германской социал-демократии» сопровождался беспримерной в истории социализма энергией борьбы не только с теоретическими (Мюльбергер, Дюринг*, катедер-социалисты⁹⁵), но и с тактическими (Лассаль) заблуждениями, и проч. и проч. Все это лишнее! Французы ссорятся, потому что они нетерпимы, немцы едины, потому что они пай-мальчики.

И заметьте, что посредством этого бесподобного глубокомыслия «отводится» факт, всецело опровергающий

* Когда Энгельс обрушился на Дюринга, но взглядам последнего склонялись довольно многие представители германской социал-демократии, и обвинения в резкости, нетерпимости, нетоварищеской полемике и проч. ссылались на Энгельса даже публично на съезде партии. Мост с товарищами внос (на съезде 1877 года) предложение об устранении статей Энгельса из «Vorwärts'a» («Вперед. Ред»), как «не представляющих интереса для громадного большинства читателей», а Вальтейх (Vahlteich) заявил, что помещение этих статей принесло большой вред партии, что Дюринг тоже оказал услуги социал-демократии: «мы должны пользоваться всеми в интересах партии, а если профессора спорят, то «Vorwärts» вовсе не место для ведения таких споров» («Vorwärts», 1877, № 65 от 6-го июня). Как видите, это — тоже пример защиты «свободы критики», и над этим примером не мешало бы подумать нашим легальным критикам и нелегальным оппортунистам, которые так любят ссылаться на пример немцев!

защиту бернштейнианцев. *Стоят* ли они на почве классовой борьбы пролетариата, этот вопрос окончательно и бесповоротно может быть решен только историческим опытом. Следовательно, наиболее важное значение имеет в этом отношении именно пример Франции, как единственной страны, в которой бернштейнианцы попробовали *встать* самостоятельно на ноги, при горячем одобрении своих немецких коллег (а отчасти и русских оппортунистов: ср. «Р. Д.» № 2—3, стр. 83—84). Ссылка на «непримиримость» французов — помимо своего «исторического» (в ноздревском смысле) значения — оказывается просто попыткой замазать сердитыми словами очень неприятные факты.

Да и немцев мы вовсе еще не намерены подарить Б. Кричевскому и прочим многочисленным защитникам «свободы критики». Если «самые отъявленные бернштейнианцы» терпимы еще в рядах германской партии, то лишь постольку, поскольку они *подчиняются* и ганноверской резолюции⁹⁶, решительно отвергнувшей «поправку» Бернштейна, и любекской⁷⁰, содержащей в себе (несмотря на всю дипломатичность) прямое предостережение Бернштейну. Можно спорить, с точки зрения интересов немецкой партии, о том, насколько уместна была дипломатичность, лучше ли в данном случае худой мир, чем добрая ссора, можно расходиться, одним словом, в оценке целесообразности того или другого *способа* отклонить бернштейнианство, но нельзя не видеть факта, что германская партия дважды *отклонила* бернштейнианство. Поэтому думать, что пример немцев подтверждает тезис: «самые отъявленные бернштейнианцы стоят на почве классовой борьбы пролетариата за его экономическое и политическое освобождение» — значит совершенно не понимать происходящего у всех перед глазами*.

* Надо заметить, что по вопросу о бернштейнианстве в германской партии «Р. Дело» всегда ограничивалось голым пересказом фактов с полным «воздержанием» от собственной оценки их. См., напр., № 2—3, стр. 66 — о Штутгартском съезде⁹⁷; все разногласия сведены к «тактике», и констатируется лишь, что огромное большинство верно прежней революционной тактике. Или № 4—5, стр. 25 и след. — простой пересказ речей на Ганноверском съезде с приведением резолюции Бебеля; изложение и критика Бернштейна отложены опять (нак и в № 2—3) до «особой статьи». Курьезно, что на стр. 33 в № 4—5 читаем: «...взгляды, изложенные Бебелем, имеют за собой огромное большинство съезда, а несколько ниже: «...Давид защищал взгляды Бернштейна... Раньше всего он старался показать, что... Бернштейн и его друзья все же (sic!) (так! *Ред.*) стоят на почве классовой борьбы»... Это писалось в декабре 1899 г., а в сентябре 1901 г. «Р. Дело», должно быть, уже разуверилось в правоте Бебеля и повторяет взгляд Давида как свой собственный!

Мало того. «Раб. Дело» выступает, как мы уже заметили, перед русской социал-демократией с требованием «свободы критики» и с защитой бернштейнианства. Очевидно, ему пришлось убедиться в том, что у нас несправедливо обижали наших «критиков» и бернштейнианцев. Каких же именно? кто? где? когда? в чем именно состояла несправедливость? — Об этом «Р. Дело» молчит, не упоминая ни единого раза ни об одном русском критике и бернштейнианце! Нам остается только сделать одно из двух возможных предположений. Или несправедливо обиженной стороной является не кто иной, как само «Р. Дело» (это подтверждается тем, что в обеих статьях десятого номера речь идет только об обидах, нанесенных «Зарей» и «Искрой» «Р. Делу»). Тогда чем объяснить такую странность, что «Р. Дело», столь упорно отрекавшееся всегда от всякой солидарности с бернштейнианством, не могло защитить себя, не замолвив словечко за «самых отъявленных бернштейнианцев» и за свободу критики? Или несправедливо обижены какие-то третьи лица. Тогда каковы могут быть мотивы умолчания о них?

Мы видим, таким образом, что «Р. Дело» продолжает ту игру в прятки, которой оно занималось (как мы покажем ниже) с самого своего возникновения. А ватем обратите внимание на это *первое* фактическое применение хваленной «свободы критики». На деле она сейчас же свелась не только к отсутствию всякой критики, но и к отсутствию самостоятельного суждения вообще. То самое «Р. Дело», которое умалчивает точно о секретной болезни (по меткому выражению Старовера⁹⁸) о русском бернштейнианстве, предлагает для лечения этой болезни *просто-напросто списать* последний немецкий рецепт против немецкой разновидности болезни! Вместо свободы критики — рабская... хуже: обезьянья подражательность! Одинаковое социально-политическое содержание современного интернационального оппортунизма проявляется в тех или иных разновидностях,сообразно национальным особенностям. В одной стране группа оппортунистов выступала издавна под особым флагом, в другой оппортунисты пренебрегали теорией, ведя практически политику радикалов-социалистов, в третьей — несколько членов революционной партии перебежали в лагерь оппортунизма и стараются добиться своих целей не открытой борьбой за принципы

и за новую тактику, а постепенным, незаметным и, если можно так выразиться, ненаказуемым развращением своей партии, в четвертой — такие же перебежчики употребляют те же приемы в потемках политического рабства и при совершенно оригинальном взаимоотношении «легальной» и «нелегальной» деятельности и проч. Браться же говорить о свободе критики и бернштейнианства, как условия объединения *русских* социал-демократов, и при этом не давать разбора того, в чем именно проявилось и какие особенные плоды принесло *русское* бернштейнианство, — это значит браться говорить для того, чтобы ничего не сказать.

Попробуем же мы сами сказать, хотя бы в нескольких словах, то, чего не пожелало сказать (или, может быть, не сумело и понять) «Р. Дело».

в) КРИТИКА В РОССИИ

Основная особенность России в рассматриваемом отношении состоит в том, что уже *самое начало* стихийного рабочего движения, с одной стороны, и поворота передового общественного мнения к марксизму, с другой, ознаменовалось соединением заведомо разнородных элементов под общим флагом и для борьбы с общим противником (устарелым социально-политическим мировоззрением). Мы говорим о медовом месяце «легального марксизма». Это было вообще чрезвычайно оригинальное явление, в самую возможность которого не мог бы даже поверить никто в 80-х или начале 90-х годов. В стране самодержавной, с полным порабощением печати, в эпоху отчаянной политической реакции, преследовавшей самомалейшие ростки политического недовольства и протеста, — внезапно пробивает себе дорогу в *подцензурную* литературу теория революционного марксизма, излагаемая эзоповским, но для всех «интересующихся» понятным языком. Правительство привыкло считать опасной только теорию (революционного) народолюбия, не замечая, как водится, ее внутренней эволюции, радуясь *всякой* направленной против нее критике. Пока правительство спохватилось, пока тяжеловесная армия цензоров и жандармов разыскала нового врага и обрушилась на него, — до тех пор прошло немало (на наш русский счет) времени. А в это время

выходили одна за другой марксистские книги, открывались марксистские журналы и газеты, марксистами становились повально все, марксистам льстили, за марксистами ухаживали, издатели восторгались необычайно ходким сбытом марксистских книг. Вполне понятно, что среди окруженных этим чадом начинающих марксистов оказался не один «писатель, который зазнался»...⁹⁹

В настоящее время об этой полосе можно говорить спокойно, как о прошлом. Ни для кого не тайна, что кратковременное процветание марксизма на поверхности нашей литературы было вызвано союзом людей крайних с людьми весьма умеренными. В сущности, эти последние были буржуазными демократами, и этот вывод (до очевидности подкрепленный их дальнейшим «критическим» развитием) напрашивался кое перед кем еще во времена целостности «союза»*.

Но если так, то не падает ли наибольшая ответственность за последующую «смуту» именно на революционных социал-демократов, которые вошли в этот союз с будущими «критиками»? Такой вопрос, вместе с утвердительным ответом на него, приходится слышать иногда от людей, чересчур прямолинейно смотрящих на дело. Но эти люди совершенно неправы. Бояться временных союзов хотя бы и с ненадежными людьми может только тот, кто сам на себя не надеется, и ни одна политическая партия без таких союзов не могла бы существовать. А соединение с легальными марксистами было своего рода первым действительно политическим союзом русской социал-демократии. Благодаря этому союзу была достигнута поразительно быстрая победа над народничеством и громадное распространение вширь идей марксизма (хотя и в вульгаризированном виде). Притом союз заключен был не совсем без всяких «условий». Доказательство: сожженный в 1895 г. цензурой марксистский сборник «Материалы к вопросу о хозяйственном развитии России»¹⁰⁰. Если литературное соглашение с легальными марксистами можно сравнить с политическим союзом, то эту книгу можно сравнить с политическим договором.

* Здесь имеется в виду статья К. Туляна против Струве (см. Сочинения, 4 изд., том 1, стр. 315—484. *Ред.*), составленная из реферата, который носил заглавие «Отражение марксизма в буржуазной литературе». (Примечание автора к изданию 1907 г. *Ред.*)

Разрыв вызван был, конечно, не тем, что «союзники» оказались буржуазными демократами. Напротив, представители этого последнего направления — естественные и желательные союзники социал-демократии, поскольку дело идет о ее демократических задачах, выдвигаемых на первый план современным положением России. Но необходимым условием такого союза является полная возможность для социалистов раскрывать рабочему классу враждебную противоположность его интересов и интересов буржуазии. А то бернштейнианство и «критическое» направление, к которому повально обратилось большинство легальных марксистов, отнимало эту возможность и развращало социалистическое сознание, опошля марксизм, проповедуя теорию притупления социальных противоречий, объявляя нелепостью идею социальной революции и диктатуры пролетариата, сводя рабочее движение и классовую борьбу к узкому тред-юнионизму и «реалистической» борьбе за мелкие, постепенные реформы. Это вполне равносильно было отрицанию со стороны буржуазной демократии права на самостоятельность социализма, а следовательно, и права на его существование; это означало на практике стремление превратить начинающееся рабочее движение в хвост либералов.

Естественно, что при таких условиях разрыв был необходим. Но «оригинальная» особенность России сказалась в том, что этот разрыв означал простое удаление социал-демократов из наиболее всем доступной и широко распространенной «легальной» литературы. В ней укрепились «бывшие марксисты», вставшие «под знак критики» и получившие почти что монополию на «разнос» марксизма. Клики: «против ортодоксии» и «да здравствует свобода критики» (повторяемые теперь «Р. Делом») сделались сразу модными словечками, и что против этой моды не устояли и цензора с жандармами, это видно из таких фактов, как появление *трех* русских изданий книги знаменитого (геростратовски знаменитого) Бернштейна или как рекомендация Зубатовым книг Бернштейна, г. Прокоповича и проч. («Искра» № 10). На социал-демократов легла теперь трудная сама по себе, и невероятно затрудненная еще чисто внешними препятствиями, задача борьбы с новым течением. А это течение не ограничилось областью литературы. Поворот к «критике» сопровождался

встречным влечением практиков-социал-демократов к «экономизму».

Как возникла и росла связь и взаимозависимость легальной критики и нелегального экономизма, этот интересный вопрос мог бы послужить предметом особой статьи. Нам достаточно отметить здесь несомненное существование этой связи. Пресловутое «Credo»* потому и приобрело такую заслуженную знаменитость, что оно откровенно формулировало эту связь и проболтало основную политическую тенденцию «экономизма»: рабочие пусть ведут экономическую борьбу (точнее было бы сказать: тред-юнионистскую борьбу, ибо последняя объемлет и специфически рабочую политику), а марксистская интеллигенция пусть сливается с либералами для «борьбы» политической. Тред-юнионистская работа «в народе» оказывалась исполнением первой, легальная критика — второй половины этой задачи. Это заявление было таким прекрасным оружием против экономизма, что если бы не было «Credo» — его стоило бы выдумать.

«Credo» не было выдуманно, но оно было опубликовано помимо воли и, может быть, даже против воли его авторов. По крайней мере, пишущему эти строки, который принимал участие в извлечении на свет божий новой «программы»**, приходилось слышать жалобы и упреки по поводу того, что набросанное ораторами резюме их взглядов было распространено в копиях, получило ярлык «Credo» и попало даже в печать вместе с протестом! Мы касаемся этого эпизода, потому что он вскрывает очень любопытную черту нашего экономизма: боязнь гласности. Это именно черта экономизма вообще, а не одних только авторов «Credo»: ее проявляли и «Рабочая Мысль», самый прямой и самый честный сторонник экономизма, и «Р. Дело» (возмущаясь опубликованием «экономических» документов в «Vademecum'e»***), и Киевский комитет,

* — символ веры, программа, изложение мировоззрения. *Ред.*

** Речь идет о протесте 17-ти против «Credo». Пишущий эти строки участвовал в составлении этого протеста (конец 1899 года)¹⁰¹. Протест вместе с «Credo» был напечатан за границей весной 1900 года. (См. Сочинения, 4 изд., том 4, стр. 149—163. *Ред.*) В настоящее время из статьи г-жи Кусковой (нажмет, в «Былом»¹⁰²) уже известно, что автором «Credo» была она, а среди заграничных «экономистов» того времени виднейшую роль играл г. Пропопович. (Примечание автора к изданию 1907 г. *Ред.*)

*** — в «Путеводителе»¹⁰³. *Ред.*

не пожелавший года два тому назад дать разрешение на опубликование своего «Profession de foi»* вместе с написанным против него опровержением**, и многие, многие отдельные представители экономизма.

Эта боязнь критики, проявляемая сторонниками свободы критики, не может быть объяснена одним лукавством (хотя кое-когда, несомненно, не обходится и без лукавства: нерасчетливо открывать для натиска противников неокрепшие еще ростки нового направления!). Нет, большинство экономистов совершенно искренно смотрит (и, по самому существу экономизма, должны смотреть) с недоброжелательством на всякие теоретические споры, фракционные разногласия, широкие политические вопросы, проекты организовывать революционеров и т. п. «Сдать бы все это за границу!» — сказал мне однажды один из довольно последовательных экономистов, и он выразил этим очень распространенное (и опять-таки чисто тредюнионистское) воззрение: наше дело — рабочее движение, рабочие организации здесь, в нашей местности, а остальное — выдумки доктринеров, «переоценка идеологии», как выразились авторы письма в № 12 «Искры» в унисон с № 10 «Р. Дела».

Спрашивается теперь: ввиду таких особенностей русской «критики» и русского бернштейнианства в чем должна была бы состоять задача тех, кто на деле, а не на словах только, хотел быть противником оппортунизма? Во-первых, надо было позаботиться о возобновлении той теоретической работы, которая только-только была начата эпохой легального марксизма и которая падала теперь опять на нелегальных деятелей; без такой работы невозможен был успешный рост движения. Во-вторых, необходимо было активно выступить на борьбу с легальной «критикой», вносящей сугубый разврат в умы. В-третьих, надо было активно выступить против разброда и шатания в практическом движении, разоблачая и опровергая всякие попытки сознательно или бессознательно принижать нашу программу и нашу тактику.

Что «Р. Дело» не делало ни того, ни другого, ни третьего, это известно, и ниже нам придется подробно выяснять эту

* — символ веры, программа, положение миросозерцания¹⁰⁴. Ред.

** Насколько нам известно, состав Киевского комитета с тех пор изменился.

известную истину с самых различных сторон. Теперь же мы хотим только показать, в каком вопиющем противоречии находится требование «свободы критики» с особенностями нашей отечественной критики и русского экономизма. Взгляните, в самом деле, на текст той резолюции, которой «Союз русских социал-демократов за границей» подтвердил точку зрения «Р. Дела»:

«В интересах дальнейшего идейного развития социал-демократии мы признаем свободу критики социал-демократической теории в партийной литературе безусловно необходимой, поскольку критика не идет в разрез с классовым и революционным характером этой теории» («Два съезда», стр. 10).

И мотивировка: резолюция «в первой своей части совпадает с резолюцией любекского партийтага по поводу Бернштейна»... В простоте душевной, «союзники» и не замечают, какое *testimonium paupertatis* (свидетельство о бедности) подписывают они себе этим копированием!.. «но... во второй части более тесно ограничивает свободу критики, чем это сделал любекский партийтаг».

Итак, резолюция «Союза» направлена против русских бернштейнцев? Иначе было бы полным абсурдом ссылаться на Любек! Но это неверно, что она «тесно ограничивает свободу критики». Немцы своей ганноверской резолюцией отклонили пункт за пунктом именно те поправки, которые делал Бернштейн, а любекской — объявили предостережение *Бернштейну лично*, назвав его в резолюции. Между тем наши «свободные» подражатели *ни единым звуком* не намекают ни на одно проявление специально русской «критики» и русского экономизма; при этом умолчании голая ссылка на классовый и революционный характер теории оставляет гораздо больше простора лжетолкованиям, особенно если «Союз» отказывается отнести к оппортунизму «так называемый экономизм» («Два съезда», стр. 8, к п. I). Это однако мимоходом. Главное же то, что позиции оппортунистов по отношению к революционным социал-демократам диаметрально противоположны в Германии и в России. В Германии революционные социал-демократы стоят, как известно, за сохранение того, что есть: за старую программу и тактику, всем известную и опытом многих десятилетий разъясненную во всех деталях. «Критики» же хотят внести изменения, и так как этих критиков ничтожное меньшинство, а ревизионистские

стремления их очень робки, то можно понять мотивы, по которым большинство ограничивается сухим отклонением «новшества». У нас же в России критики и экономисты стоят за сохранение того, что есть: «критики» хотят, чтобы их продолжали считать марксистами и обеспечили им ту «свободу критики», которой они во всех смыслах пользовались (ибо никакой *партийной* связи они, в сущности, никогда не признавали*, да и не было у нас такого общепризнанного партийного органа, который мог бы «ограничить» свободу критики хотя бы советом); экономисты хотят, чтобы революционеры признавали «полноправность движения в настоящем» («Р. Д.» № 10, стр. 25), т. е. «законность» существования того, что существует; чтобы «идеологи» не пытались «совлечь» движение с того пути, который «определяется взаимодействием материальных элементов и материальной среды» («письмо» в № 12 «Искры»); чтобы признали желательным вести ту борьбу, «какую только возможно вести рабочим при данных обстоятельствах», а возможной признали ту борьбу, «которую они ведут в действительности в данную минуту» («Отдельное приложение к «Р. Мысли», стр. 14). Наоборот, мы, революционные социал-демократы, недовольны этим преклонением пред стихийностью, т. е. перед тем, что есть «в данную минуту»; мы требуем изменения господствующей в последние годы тактики, мы заявляем, что, «прежде, чем объединяться, и для того, чтобы объединиться, необходимо сначала решительно и определенно размежеваться» (из объявления об издании «Искры») **. Одним словом, немцы остаются при данном, отклоняя изменения; мы требуем изменения

* Уже одно это отсутствие открытой партийной связи и партийной традиции составляет такое кардинальное отличие России от Германии, которое должно бы было предостеречь всякого разумного социалиста от слепого подражания. А вот образец того, до чего доходит «свобода критики» в России. Русский критик, г. Булгаков, делает такой выговор австрийскому критику, Герцу: «При всей независимости своих выводов, Герц в этом пункте (о кооперациях), повидимому, все-таки остается слишком связан мнениями своей партии и, расходясь в подробностях, не решаетел расстаться с общим принятием» («Капитализм и земледелие», т. II, стр. 287). Подданный порабощенного политически государства, в котором $\frac{999}{1000}$ населения до мозга костей развращены политическим холопством и полным непониманием партийной чести и партийной связи, — высокомерно выговаривает гражданину конституционного государства за чрезмерную «связанность мнениями партии!» Только и остается нелегальным организациям нашим, нам приняться за составление резолюций о свободе критики...

** См. Сочинения, 4 изд., том 4, стр. 329. *Ред.*

данного, отвергая преклонение пред этим данным и примирение с ним.

Этой «маленькой» разницы и не заметили наши «свободные» копировальщики немецких резолюций!

г) ЭНГЕЛЬС О ЗНАЧЕНИИ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ

«Догматизм, доктринерство», «окаменение партии — неизбежное наказание за насильственное зашнуровывание мысли», — таковы те враги, против которых рыцарски ополчаются поборники «свободы критики» в «Раб. Деле». — Мы очень рады постановке на очередь этого вопроса и предложили бы только дополнить его другим вопросом:

А судьи кто?

Перед нами два объявления о литературном издательстве. Одно — «программа периодического органа Союза рус. с.-д. «Раб. Дело» (оттиск из № 1 «Р. Д.»). Другое — «объявление о возобновлении изданий группы «Освобождение труда». Оба помечены 1899-ым годом, когда «кризис марксизма» давно уже стоял на очереди дня. И что же? В первом произведении вы напрасно стали бы искать указания на это явление и определенного изложения той позиции, которую намерен занять до этого вопросу новый орган. О теоретической работе и ее насущных задачах в данное время — ни слова ни в этой программе, ни в тех дополнениях к ней, которые принял третий съезд «Союза» 1901 года («Два съезда», стр. 15—18). За все это время редакция «Р. Дела» оставляла в стороне теоретические вопросы, несмотря на то, что они волновали всех социал-демократов всего мира.

Другое объявление, наоборот, прежде всего указывает на ослабление в последние годы интереса к теории, настоятельно требует «зоркого внимания к теоретической стороне революционного движения пролетариата» и призывает к «беспощадной критике бернштейновских и других антиреволюционных тенденций» в нашем движении. Вышедшие номера «Зари» показывают, как выполнялась эта программа.

Итак, мы видим, что громкие фразы против окаменения мысли и проч. прикрывают собой беззаботность и беспомощность в развитии теоретической мысли. Пример русских социал-демократов особенно наглядно иллюстрирует то

общевропейское явление (давно уже отмеченное и немецкими марксистами), что пресловутая свобода критики означает не замену одной теории другою, а свободу от всякой целостной и продуманной теории, означает эклектизм и беспринципность. Кто сколько-нибудь знаком с фактическим состоянием нашего движения, тот не может не видеть, что широкое распространение марксизма сопровождалось некоторым принижением теоретического уровня. К движению, ради его практического значения и практических успехов, примыкало немало людей, очень мало и даже вовсе не подготовленных теоретически. Можно судить по этому, какое отсутствие такта проявляет «Раб. Дело», когда выдвигает с победоносным видом изречение Маркса: «каждый шаг действительного движения важнее дюжины программ»¹⁰⁵. Повторять эти слова в эпоху теоретического рабброда, это все равно что кричать «таскать вам не перетаскать!» при виде похоронной процессии. Да и взяты эти слова Маркса из его письма о готской программе, в котором он резко порицает допущенный эклектизм в формулировке принципов: если уже надо было соединиться, — писал Маркс вожакам партии, — то заключайте договоры, ради удовлетворения практических целей движения, но не допускайте торгашества принципами, не делайте теоретических «уступок». Вот какова была мысль Маркса, а у нас находятся люди, которые, во имя его, стараются ослабить значение теории!

Без революционной теории не может быть и революционного движения. Нельзя достаточно настаивать на этой мысли в такое время, когда с модной проповедью оппортунизма обнимается увлечение самыми узкими формами практической деятельности. А для русской социал-демократии значение теории усиливается еще тремя обстоятельствами, о которых часто забывают, именно: во-первых, тем, что наша партия только еще складывается, только еще вырабатывает свою физиономию и далеко еще не закончила счетов с другими направлениями революционной мысли, грозящими совлечь движение с правильного пути. Напротив, именно самое последнее время ознаменовалось (как давно уже предсказывал экономистам Аксельрод) оживлением не социал-демократических революционных направлений. При таких условиях «неважная» на первый взгляд ошибка может вызвать самые печальные последствия, и

только близорукие люди могут находить несвоевременными или излишними фракционные споры и строгое различие оттенков. От упрочения того или другого «оттенка» может зависеть будущее русской социал-демократии на много и много лет.

Во-вторых, социал-демократическое движение международно, по самому своему существу. Это означает не только то, что мы должны бороться с национальным шовинизмом. Это означает также, что начинающееся в молодой стране движение может быть успешно лишь при условии претворения им опыта других стран. А для такого претворения недостаточно простого знакомства с этим опытом или простого переписывания последних резолюций. Для этого необходимо уметь критически относиться к этому опыту и самостоятельно проверять его. Кто только представит себе, как гигантски разрослось и разветвилось современное рабочее движение, тот поймет, какой запас теоретических сил и политического (а также революционного) опыта необходим для выполнения этой задачи.

В-третьих, национальные задачи русской социал-демократии таковы, каких не было еще ни перед одной социалистической партией в мире. Нам придется ниже говорить о тех политических и организационных обязанностях, которые возлагает на нас эта задача освобождения всего народа от ига самодержавия. Теперь же мы хотим лишь указать, что *роль передового борца может выполнить только партия, руководимая передовой теорией*. А чтобы хоть сколько-нибудь конкретно представить себе, что это означает, пусть читатель вспомнит о таких предшественниках русской социал-демократии, как Герцен, Белинский, Чернышевский и блестящая плеяда революционеров 70-х годов; пусть подумает о том всемирном значении, которое приобретает теперь русская литература; пусть... да довольно и этого!

Приведем замечания Энгельса по вопросу о значении теории в социал-демократическом движении, относящиеся к 1874 году. Энгельс признает *не две* формы великой борьбы социал-демократии (политическую и экономическую), — как это принято делать у нас, — *а три, ставя наряду с ними и теоретическую борьбу*. Его напутствие практически и политически окрепшему немецкому рабочему движению так поучительно с точки зрения современных

вопросов и споров, что читатель не посетует на нас, надемся, за длинную выписку из предисловия к брошюре «Der deutsche Bauernkrieg»*, которая давно уже стала величайшей библиографической редкостью:

«Немецкие рабочие имеют два существенных преимущества пред рабочими остальной Европы. Первое — то, что они принадлежат к наиболее теоретическому народу Европы и что они сохранили в себе тот теоретический смысл, который почти совершенно утрачен так называемыми «образованными» классами в Германии. Без предшествующей ему немецкой философии, в особенности философии Гегеля, никогда не создался бы немецкий научный социализм, — единственный научный социализм, который когда-либо существовал. Без теоретического смысла у рабочих этот научный социализм никогда не вошел бы до такой степени в их плоть и кровь, как это мы видим теперь. А как необъятно велико это преимущество, это показывает, с одной стороны, то равнодушие ко всякой теории, которое является одной из главных причин того, почему английское рабочее движение так медленно двигается вперед, несмотря на великолепную организацию отдельных ремесл, — а с другой стороны, это показывает та смута и те шатания, которые посеял прудонизм, в его первоначальной форме у французов и бельгийцев, в его карикатурной, Бакуниным приданной, форме — у испанцев и итальянцев.

Второе преимущество состоит в том, что немцы приняли участие в рабочем движении почти-что позже всех. Как немецкий теоретический социализм никогда не забудет, что он стоит на плечах Сен-Симона, Фурье и Оуэна — трех мыслителей, которые, несмотря на всю фантастичность и весь утопизм их учений, принадлежат к величайшим умам всех времен и которые гениально предвосхитили бесчисленное множество таких истин, правильность которых мы доказываем теперь научно, — так немецкое практическое рабочее движение не должно никогда забывать, что оно развилось на плечах английского и французского движения, что оно имело возможность просто обратить себе на пользу их дорого купленный

* Dritter Abdruck. Leipzig, 1875. Verlag der Genossenschaftsbuchdruckerei. («Крестьянская война в Германии». Третье издание, Лейпциг, 1875 г. Кооперативное издательство. Ред.)

опыт, избежать теперь их ошибок, которых тогда в большинстве случаев нельзя было избежать. Где были бы мы теперь без образца английских тред-юнионов и французской политической борьбы рабочих, без того колоссального толчка, который дала в особенности Парижская Коммуна?

Надо отдать справедливость немецким рабочим, что они с редким умением воспользовались выгодами своего положения. Впервые с тех пор, как существует рабочее движение, борьба ведется планомерно во всех трех ее направлениях, согласованных и связанных между собой: в теоретическом, политическом и практически-экономическом (сопротивление капиталистам). В этом, так сказать, концентрическом нападении и заключается сила и непобедимость немецкого движения.

С одной стороны, вследствие этого выгодного их положения, с другой стороны, вследствие островных особенностей английского движения и насильственного подавления французского, немецкие рабочие поставлены в данный момент во главе пролетарской борьбы. Как долго события позволят им занимать этот почетный пост, этого нельзя предсказать. Но, покуда они будут занимать его, они исполнят, надо надеяться, как подобает, возлагаемые им на них обязанности. Для этого требуется удвоенное напряжение сил во всех областях борьбы и агитации. В особенности обязанность вождей будет состоять в том, чтобы все более и более просвещать себя по всем теоретическим вопросам, все более и более освобождаться от влияния традиционных, принадлежащих старому миросозерцанию, фраз и всегда иметь в виду, что социализм, с тех пор как он стал наукой, требует, чтобы с ним и обращались как с наукой, т. е. чтобы его изучали. Приобретенное таким образом, все более проясняющееся сознание необходимо распространять среди рабочих масс с все большим усердием и все крепче сплачивать организацию партии и организацию профессиональных союзов...

...Если немецкие рабочие будут так же идти вперед, то они будут — не то что маршировать во главе движения — это вовсе не в интересах движения, чтобы рабочие одной какой-либо нации маршировали во главе его, — но будут занимать почетное место в линии борцов; и они

будут стоять во всеоружии, если неожиданно тяжелые испытания или великие события потребуют от них более высокого мужества, более высокой решимости и энергии»¹⁰⁶.

Слова Энгельса оказались пророческими. Через несколько лет немецких рабочих постигли неожиданно тяжелые испытания в виде исключительного закона о социалистах. И немецкие рабочие действительно встретили их во всеоружии и сумели победоносно выйти из них.

Русскому пролетариату предстоят испытания еще неизмеримо более тяжкие, предстоит борьба с чудовищем, по сравнению с которым исключительный закон в конституционной стране кажется настоящим пигмеем. История поставила теперь перед нами ближайшую задачу, которая является *наиболее революционной из всех ближайших* задач пролетариата какой бы то ни было другой страны. Осуществление этой задачи, разрушение самого могучего оплота не только европейской, но также (можем мы сказать теперь) и азиатской реакции сделало бы русский пролетариат авангардом международного революционного пролетариата. И мы вправе рассчитывать, что добьемся этого почетного звания, заслуженного уже нашими предшественниками, революционерами 70-х годов, если мы сумеем воодушевить наше в тысячу раз более широкое и глубокое движение такой же беззаветной решимостью и энергией.

II

СТИХИЙНОСТЬ МАСС И СОЗНАТЕЛЬНОСТЬ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ

Мы сказали, что наше движение, гораздо более широкое и глубокое, чем движение 70-х годов, необходимо воодушевить такую же, как тогда, беззаветной решимостью и энергией. В самом деле, до сих пор, кажется, еще никто не сомневался в том, что сила современного движения — пробуждение масс (и, главным образом, промышленного пролетариата), а слабость его — недостаток сознательности и инициативности руководителей-революционеров.

Однако, в самое последнее время сделано сногшибательное открытие, грозящее перевернуть все господствовавшие до сих пор взгляды по данному вопросу. Это открытие сделано «Р. Делом», которое, полемизируя с «Искрой» и

«Зарей», не ограничилось одними частными возражениями, а попыталось свести «общее разногласие» к более глубокому корню — к «различной оценке *сравнительного* значения стихийного и сознательно «планомерного» элемента». Обвинительный тезис «Рабоч. Дела» гласит: «*преуменьшение значения объективного или стихийного элемента развития*»*. Мы скажем на это: если бы полемика «Искры» и «Зари» не дала даже ровно никаких других результатов кроме того, что побудила «Р. Дело» додуматься до этого «общего разногласия», то и один этот результат дал бы нам большое удовлетворение: до такой степени многозначителен этот тезис, до такой степени ярко освещает он всю суть современных теоретических и политических разногласий между русскими социал-демократами.

Вот почему вопрос об отношении сознательности к стихийности представляет громадный общий интерес, и на этом вопросе следует остановиться со всей подробностью.

а) НАЧАЛО СТИХИЙНОГО ПОДЪЕМА

Мы отметили в предыдущей главе *повальное* увлечение теорией марксизма русской образованной молодежи в половине 90-х годов. Такой же повальный характер приняли около того же времени рабочие стачки после знаменитой петербургской промышленной войны 1896 года. Их распространение по всей России явно свидетельствовало о глубине вновь поднимающегося народного движения, и если уже говорить о «стихийном элементе», то, конечно, именно это стачечное движение придется признать прежде всего стихийным. Но ведь и стихийность стихийности — рознь. Стачки бывали в России и в 70-х и в 60-х годах (и даже в первой половине XIX-го века); сопровождаясь «стихийным» разрушением машин и т. п. По сравнению с этими «бунтами» стачки 90-х годов можно даже назвать «сознательными» — до такой степени значителен тот шаг вперед, который сделало за это время рабочее движение. Это показывает нам, что «стихийный элемент» представляет из себя; в сущности, не что иное; как *зачаточную форму* сознательности. И примитивные бунты выражали уже собой некоторое пробуждение сознательности: рабочие

* «Раб. Дело» № 10, сент. 1901 г., стр. 17 и 18. Курсив «Раб. Дела».

теряли исконную веру в неизбежность давящих их порядков, начинали... не скажу понимать, а чувствовать необходимость коллективного отпора, и решительно порывали с рабской покорностью перед начальством. Но это было все же гораздо более проявлением отчаяния и мести, чем *борьбой*. Стачки 90-х годов показывают нам гораздо больше проблесков сознательности: выставляются определенные требования, рассчитывается наперед; какой момент удобнее, обсуждаются известные случаи и примеры в других местах и т. д. Если бунты были восстанием просто угнетенных людей, то систематические стачки выражали уже собой зачатки классовой борьбы, но именно только зачатки. Взятые сами по себе, эти стачки были борьбой тред-юнионистской, но еще не социал-демократической, они знаменовали пробуждение антагонизма рабочих и хозяев, но у рабочих не было, да и быть не могло сознания непримиримой противоположности их интересов всему современному политическому и общественному строю, то есть сознания социал-демократического. В этом смысле, стачки 90-х годов, несмотря на громадный прогресс по сравнению с «бунтами», оставались движением чисто стихийным.

Мы сказали, что социал-демократического сознания у рабочих *и не могло быть*. Оно могло быть принесено только извне. История всех стран свидетельствует, что исключительно своими собственными силами рабочий класс в состоянии выработать лишь сознание тред-юнионистское, т. е. убеждение в необходимости объединяться в союзы, вести борьбу с хозяевами, добиваться от правительства издания тех или иных необходимых для рабочих законов и т. п.*. Учение же социализма выросло из тех философских, исторических, экономических теорий, которые разрабатывались образованными представителями имущих классов, интеллигенцией. Основатели современного научного социализма, Маркс и Энгельс; принадлежали и сами, по своему социальному положению, к буржуазной интеллигенции. Точно так же и в России теоретическое учение социал-демократии возникло совершенно независимо от стихийного роста

* Тред-юнионизм вовсе не исключает всякую «политику», как иногда думают. Тред-юнионы всегда вели известную (по не социал-демократическую) политическую агитацию и борьбу. О различии тред-юнионистской и социал-демократической политики мы скажем в следующей главе.

рабочего движения, возникло как естественный и неизбежный результат развития мысли у революционно-социалистической интеллигенции. К тому времени, о котором у нас идет речь, т. е. к половине 90-х годов, это учение не только было уже вполне сложившейся программой группы «Освобождение труда», но и завоевало на свою сторону большинство революционной молодежи в России.

Таким образом налицо было и стихийное пробуждение рабочих масс, пробуждение к сознательной жизни и сознательной борьбе, и наличность вооруженной социал-демократическою теориею революционной молодежи, которая рвалась к рабочим. При этом особенно важно установить тот часто забываемый (и сравнительно мало известный) факт, что *первые* социал-демократы этого периода, *усердно занимаясь экономической агитацией* — (и вполне считаясь в этом отношении с действительно полезными указаниями тогда еще рукописной брошюры «Об агитации») — не только не считали ее единственной своей задачей, а, напротив, с *самого начала* выдвигали и самые широкие исторические задачи русской социал-демократии вообще и задачу ниспровержения самодержавия в особенности. Так, например, той группой петербургских социал-демократов, которая основала «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», был составлен еще в конце 1895-го года первый номер газеты под названием «Рабочее Дело». Вполне готовый к печати этот номер был схвачен жандармами в набег с 8-го на 9-е декабря 1895 г. у одного из членов группы, Анат. Алекс. Ванеева*, и «Раб. Делу» первой формации не суждено было увидеть света. Передовая статья этой газеты (которую, может быть, лет через 30 извлечет какая-нибудь «Русская Старина»¹⁰⁷ из архивов департамента полиции) обрисовывала исторические задачи рабочего класса в России и во главе этих задач ставила завоевание политической свободы. Затем была статья «О чем думают наши министры»**, посвященная полицейскому разгрому Комитетов грамотности, и ряд корреспонденций не только из Петербурга, но и из других местностей Рос-

* А. А. Ванеев скончался в 1899 году в Восточной Сибири от чахотки, которую он вынес из одиночного заключения в предварилке. Поэтому мы и сочли возможным опубликовать приводимые в тексте сведения, за достоверность которых мы ручаемся, ибо они исходят от лиц, непосредственно и ближайшим образом знавших А. А. Ванеева.

** См. Сочинения, 4 изд., том 2, стр. 71—76. Ред.

сии (напр., о побоище рабочих в Ярославской губ.). Таким образом вот; если не ошибаемся; «первый опыт» русских социал-демократов 90-х годов представлял из себя газету не узко местного, тем более не «экономического» характера, стремившуюся соединить стачечную борьбу с революционным движением против самодержавия и привлечь к поддержке социал-демократии всех угнетенных политикой реакционного мракобесия. И никто, хоть сколько-нибудь знакомый с состоянием движения в то время, не усомнится; что подобная газета встретила бы полное сочувствие и рабочих столицы и революционной интеллигенции и получила бы самое широкое распространение. Неуспех же предприятия доказал лишь, что тогдашние социал-демократы оказались не в силах удовлетворить насущный запрос момента вследствие недостатка у них революционного опыта и практической подготовленности. То же самое надо сказать и про «СПБ. Рабочий Листок»¹⁰⁸ и в особенности про «Рабочую Газету»¹⁰⁹ и про «Манифест» образованной весной 1898 года Российской социал-демократической рабочей партии. Само собою разумеется, что нам и в голову не приходит ставить эту неподготовленность в вину тогдашним деятелям. Но для того, чтобы воспользоваться опытом движения и извлечь из этого опыта практические уроки; необходимо дать себе полный отчет о причинах и значении того или другого недостатка. Поэтому крайне важно установить, что часть (может быть, даже большинство) действовавших в 1895—1898 гг. социал-демократов вполне справедливо считали возможным тогда же, в самом начале «стихийного» движения; выступать с самой широкой программой и боевой тактикой*. Неподготовленность же большинства революционеров; будучи

* «Отрицательно относясь к деятельности социал-демократов конца 90-х годов, «Искра» игнорирует отсутствие в то время условий для иной работы, кроме борьбы за мелкие требования» — заявляют экономисты в своем «Письме в русские социал-демократические органы» («Искра» № 12). Приведенные в тексте факты доказывают, что это утверждение об «отсутствии условий» диаметрально противоположно истине. Не только в конце, но и в половине 90-х годов вполне были налицо все условия для иной работы, кроме борьбы за мелкие требования, все условия, кроме достаточной подготовки руководителей. И вот вместо того, чтобы открыто признать этот недостаток подготовки со стороны нас, идеологов, руководителей, — «экономисты» хотят свалить все на «отсутствие условий», на влияние материальной среды, определяющей путь, с которого не совлечь движения никаким идеологам. Что это такое, как не раболепство пред стихийностью? как не влюбленность «идеологов» в свой недостаток?

явлением вполне естественным, никаких особенных опасений возбуждать не могла. Раз постановка задач была правильная; раз была энергия на повторные попытки осуществить эти задачи, — временные неудачи представляли из себя полбеды. Революционная опытность и организаторская ловкость — вещи наживные. Была бы только охота вырабатывать в себе требуемые качества! Было бы только сознание недостатков, равносильное в революционном деле больше чем половине исправления!

Но полбеды сделалось настоящей бедой, когда это сознание стало меркнуть (а оно было очень живо у деятелей названных выше групп), когда появились люди; — и даже социал-демократические органы; — которые недостаток готовы были возвести в добродетель, которые попытались даже *теоретически* обосновать свое *раболепство и преклонение пред стихийностью*. Этому направлению; содержание которого очень неточно характеризуется слишком узким для его выражения понятием «экономизма»; пора подвести итоги.

б) ПРЕКЛОНЕНИЕ ПРЕД СТИХИЙНОСТЬЮ. «РАБОЧАЯ МЫСЛЬ»

Прежде чем переходить к литературным проявлениям этого преклонения, отметим следующий характерный факт (сообщенный нам из упомянутого выше источника), который бросает некоторый свет на то, как в среде действовавших в Петербурге товарищей возникала и росла рознь будущих двух направлений русской социал-демократии. В начале 1897 года А. А. Ванееву и некоторым из его товарищей пришлось участвовать, перед отправкой их в ссылку; на одном частном собрании¹¹⁰, где сошлись «старые» и «молодые» члены «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». Беседа велась главным образом об организации и в частности о том самом «уставе рабочей кассы»; который в окончательном своем виде напечатан в № 9—10 «Листка «Работника»» (стр. 46)¹¹¹. Между «стариками» («декабристами», как их звали тогда в шутку петербургские социал-демократы) и некоторыми из «молодых» (принимавшими впоследствии близкое участие в «Раб. Мысли») сразу обнаружилось резкое разногласие и разгорелась горячая полемика. «Молодые» защищали

главные основания устава в том виде, как он напечатан. «Старики» говорили, что нам нужно прежде всего вовсе не это, а упрочение «Союза борьбы» в организацию революционеров, которой должны быть соподчинены различные рабочие кассы, кружки для пропаганды среди учащейся молодежи и т. п. Само собою разумеется, что спорившие далеки были от мысли видеть в этом разногласии начало расхождения, считая его, наоборот, единичным и случайным. Но этот факт показывает, что возникновение и распространение «экономизма» шло и в России отнюдь не без борьбы с «старыми» социал-демократами (это часто забывают нынешние экономисты). И если эта борьба не оставила, по большей части, «документальных» следов, то причина этого *единодушно* та; что состав работающих кружков менялся невероятно часто, никакая преемственность не устанавливалась; а потому и разногласия не фиксировались никакими документами.

Возникновение «Раб. Мысли» вывело экономизм на свет божий, но тоже не сразу. Надо конкретно представить себе условия работы и кратковременность жизни массы русских кружков (а конкретно представляет себе это только тот, кто это пережил), чтобы понять; как много случайного было в успехе или неуспехе нового направления в разных городах и как долго ни сторонники, ни противники этого «нового» не могли, буквально-таки не имели никакой возможности определить, действительно ли это особое направление или просто выражение неподготовленности отдельных лиц. Например, первые гектографированные номера «Раб. Мысли» остались даже совершенно неизвестны громадному большинству социал-демократов, и если мы теперь можем сослаться на передовицу первого ее номера, то только благодаря перепечатке ее в статье В. И — а¹¹² («Листок «Работника»» № 9—10, стр. 47 и сл.), который не преминул, разумеется, усердно — не по разуму усердно — расхвалить новую газету, столь резко отличавшуюся от названных нами выше газет и проектов газет*. А на передовице этой стоит остановиться —

* Кстати, эта похвала «Р. Мысли» в ноябре 1898 г., когда экономизм, особенно за границей, вполне определился, исходила от того самого В. И — а, который вскоре сделался одним из редакторов «Раб. Дела». И «Раб. Дело» отрицало еще существование двух направлений в русской социал-демократии, как продолжает отрицать и теперь!

настолько рельефно выразила она *весь дух* «Раб. Мысли» и экономизма вообще.

Указав на то, что руке в синем обшлаге не удержать развития рабочего движения, передовица продолжает: «...Такой живучестью рабочее движение обязано тому, что рабочий сам берется наконец за свою судьбу, вырвав ее из рук руководителей», и этот основной тезис подробно развивается дальше. На самом деле, руководители (т. е. социал-демократы, организаторы «Союза борьбы») были вырваны полицией из рук, можно сказать; рабочих*, — а дело представляется так, будто рабочие вели борьбу с этими руководителями и освободились от их ига! Вместо того, чтобы звать вперед, к упрочению революционной организации и расширению политической деятельности, стали звать *назад*, к одной тред-юнионистской борьбе. Провозгласили, что «экономическая основа движения затмевается стремлением постоянно не забывать политический идеал», что девиз рабочего движения — «борьба за экономическое положение» (1) или, еще лучше, «рабочие для рабочих»; объявлялось; что стачечные кассы «дороже для движения, чем сотня других организаций» (сравните это, относящееся к октябрю 1897 года, утверждение с спором «декабристов» с молодыми в начале 1897 года) и т. п. Словечки в том роде, что во главу угла надо ставить не «сливки» рабочих, а «среднего» рабочего, массового рабочего, что «политика всегда послушно следует за экономикой**» и т. д. и т. д., сделались модой и приобрели неограниченное влияние на массу привлекаемой к движению молодежи, знакомой в большинстве случаев только с обрывками марксизма в легальном его изложении.

Это было полным подавлением сознательности стихийностью — стихийностью тех «социал-демократов», которые повторяли «идеи» г-на В. В., стихийностью тех рабочих,

* Что это сравнение правильно, можно видеть из следующего характерного факта. Когда после ареста «декабристов» среди рабочих Шлиссельбургского тракта распространилось известие, что провалу посодействовал близкий к одной из «прикасавшихся к декабристам» групп провокатор Н. Н. Михайлов (зубной врач), то эти рабочие были так возмущены, что решили убить Михайлова.

** Из той же передовицы первого номера «Рабочей Мысли». Можно судить по этому, какова была теоретическая подготовленность этих «В. В. русской социал-демократии»¹¹⁸, которые повторяли грубое ополчение «экономического материализма» в то самое время, когда в литературе шла война марксистов против настоящего г. В. В., давно уже провозванного «рассудочных дел мастеров» за такое же понимание отношения политики и экономики!

которые поддавались тому доводу, что копейка на рубль ближе и дороже, чем всякий социализм и всякая политика, что они должны вести «борьбу, зная, что борются они не для каких-то будущих поколений, а для себя и своих детей» (передовая № 1 «Р. Мысли»). Подобные фразы составляли всегда излюбленное оружие тех западно-европейских буржуа, которые, ненавидя социализм, сами работали (вроде немецкого «социал-политика» Гирша) над пересаживанием английского тред-юнионизма на родную почву, говоря рабочим, что только-профессиональная борьба* есть именно борьба для самих себя и своих детей, а не для каких-то будущих поколений с каким-то будущим социализмом, — и теперь «В. В. русской социал-демократии» принялись повторять эти буржуазные фразы. Важно отметить здесь три обстоятельства, которые нам очень пригодятся при дальнейшем разборе *современных разногласий***.

Во-первых, указанное нами подавление сознательности стихийностью произошло тоже *стихийным путем*. Это кажется каламбуром, но это — увы! — горькая правда. Оно произошло не путем открытой борьбы двух совершенно противоположных воззрений и победы одного над другим, а путем «вырывания» жандармами все большего и большего числа революционеров-«стариков» и путем все большего и большего выступления на сцену «молодых» «В. В. русской социал-демократии». Всякий, кто — не скажу: участвовал в *современном* русском движении, а хотя бы только нюхал его воздух, превосходно знает, что дело обстоит именно так. И если мы тем не менее особенно настаиваем на том, чтобы читатель вполне уяснил себе этот общеизвестный факт, если мы для наглядности, так сказать, приводим данные о «Рабочем Деле» первой формации и о споре между «стариками» и «молодыми» в начале 1897 года; — то это потому, что на незнание широкой публикой (или совсем юной молодежью) этого факта спекулируют люди, хвастающиеся своим «демократизмом». Мы вернемся еще к этому ниже.

* У немцев есть даже особое слово: «Nur-Gewerkschaftler», обозначающее сторонников «только-профессиональной» борьбы.

** Мы подчеркиваем *современных* по адресу тех, кто фарисейски пожимет плечами и скажет: теперь легко разосить «Рабочую Мысль», но только это ведь арканам! Mutato nomine de te fabula narratur (под другим именем о тебе сказана сказывается. Ред.) — ответим мы таким современным фарисеям, полное порабощение которых идеями «Раб. Мысли» будет доказано ниже.

Во-вторых, уже на первом литературном проявлении экономизма мы можем наблюдать то в высшей степени своеобразное и крайне характерное для понимания всех разногласий в среде современных социал-демократов явление, что сторонники «чисто рабочего движения», поклонники самой тесной и самой «органической» (выражение «Раб. Дела») связи с пролетарской борьбой, противники всякой верабочей интеллигенции (хотя бы это была и социалистическая интеллигенция) вынуждены прибегать для защиты своей позиции к доводам *буржуазных* «только тред-юнионистов». Это показывает нам, что «Р. Мысль», с самого своего начала, принялась — бессознательно для самой себя — осуществлять программу «Credo». Это показывает, — (чего никак не может понять «Р. Дело»), — что *всякое* преклонение пред стихийностью рабочего движения, всякое умаление роли «сознательного элемента», роли социал-демократии *означает* тем самым, — *совершенно независимо от того, желает ли этого умаляющий или нет,* — усиление влияния буржуазной идеологии на рабочих. Все, кто толкует о «переоценке идеологии»*, о преувеличении роли сознательного элемента** и т. п., воображают, что чисто рабочее движение само по себе может выработать и выработает себе самостоятельную идеологию, лишь бы только рабочие «вырвали из рук руководителей свою судьбу». Но это глубокая ошибка. В дополнение к сказанному выше, приведем еще следующие, глубоко справедливые и важные слова К. Каутского, сказанные им по поводу проекта новой программы австрийской социал-демократической партии***:

«Многие из наших ревизионистских критиков полагают, будто Маркс утверждал, что экономическое развитие и классовая борьба создают не только условия социалистического производства, но также и непосредственно порождают сознание (курсив К. К.) его необходимости. И вот эти критики возражают, что страна наиболее высокого капиталистического развития, Англия, всего более чужда этому сознанию. На основании проекта можно было бы думать, что этот якобы ортодоксально-марксистский взгляд, опровергаемый указанным способом, разделяет и комиссия, вырабатывавшая

* Письмо «экономистов» в № 12 «Искры».

** «Р. Дело» № 10.

*** «Neue Zeit» («Новое Время. Ред.»), 1901—1902, XX, I, № 3, стр. 70. Проект комиссии, о котором говорит К. Каутский, принят Венским съездом (в конце прошлого года) в несколько измененном виде.

австрийскую программу. В проекте значится: «Чем более капиталистическое развитие увеличивает пролетариат, тем более он вынуждается и получает возможность вести борьбу против капитализма. Пролетариат приходит к сознанию возможности и необходимости социализма. В такой связи, социалистическое сознание представляется необходимым непосредственным результатом пролетарской классовой борьбы. А это совершенно неверно. Разумеется, социализм, как учение, столь же коренится в современных экономических отношениях, как и классовая борьба пролетариата, столь же, как и эта последняя, вытекает из борьбы против порождаемой капитализмом бедности и нищеты масс, но социализм и классовая борьба возникают рядом одно с другим, а не одно из другого, возникают при различных предпосылках. Современное социалистическое сознание может возникнуть только на основании глубокого научного знания. В самом деле, современная экономическая наука настолько же является условием социалистического производства, как и современная, скажем, техника, а пролетариат при всем своем желании не может создать ни той, ни другой; обе они возникают из современного общественного процесса. Носителем же науки является не пролетариат, а *буржуазная интеллигенция* (курсив К.К.): в головах отдельных членов этого слоя возник ведь и современный социализм, и ими уже был сообщен выдающимся по своему умственному развитию пролетариям, которые затем вносят его в классовую борьбу пролетариата там, где это допускают условия. Таким образом социалистическое сознание есть нечто извне внесенное (von Aussen Hineingetragenes) в классовую борьбу пролетариата, а не нечто стихийно (urwüchsig) из нее возникшее. Соответственно этому старая гайнфельдская программа и говорила совершенно справедливо, что задачей социал-демократии является внесение в пролетариат (бунвально: наполнение пролетариата) *сознания* его положения и сознания его задачи. В этом не было бы надобности, если бы это сознание само собой проистекало из классовой борьбы. Новый же проект перенял это положение из старой программы и пришил его к вышеприведенному положению. Но это совершенно перервало ход мысли...»

Раз о самостоятельной, самими рабочими массами в самом ходе их движения вырабатываемой идеологии не может быть и речи*, то вопрос стоит *только так*: буржуазная

* Это не значит, конечно, что рабочие не участвуют в этой выработке. Но они участвуют не в качестве рабочих, а в качестве теоретиков социализма, в качестве Прудонов и Вейтлингов, участвуют, другими словами, лишь тогда и постольку, поскольку им в большей или меньшей степени удается овладеть знанием своего века и двигать вперед это знание. А чтобы рабочим чаще удавалось это, для этого необходимо как можно больше заботиться о повышении уровня сознательности рабочих вообще, для этого необходимо, чтобы рабочие не замыкались в искусственно суженные рамки «литературы для рабочих», а учились бы овладевать все больше и больше *общей литературой*. Вернее даже было бы сказать вместо «замыкались» — были замыкаемы, потому что рабочие-то сами читают и хотят читать все, что пишут и для интеллигенции, и только некоторые (ялохие) интеллигенты думают, что «для рабочих» достаточно рассказывать о фабричных порядках и пережидывать давно известное.

или социалистическая идеология: Середины тут нет (ибо никакой «третьей» идеологии не выработало человечество, да и вообще в обществе, раздираемом классовыми противоречиями, и не может быть никогда внесклассовой или надклассовой идеологии). Поэтому всякое умаление социалистической идеологии, всякое отстранение от нее означает тем самым усиление идеологии буржуазной. Толкуют о стихийности. Но стихийное развитие рабочего движения идет именно к подчинению его буржуазной идеологии, идет именно по программе «Credo», ибо стихийное рабочее движение есть тред-юнионизм, есть *Nur-Gewerkschafterei*, а тред-юнионизм означает как раз идейное порабощение рабочих буржуазией. Поэтому наша задача, задача социал-демократии, состоит в борьбе со стихийностью, состоит в том, чтобы совлечь рабочее движение с этого стихийного стремления тред-юнионизма под крылышко буржуазии и привлечь его под крылышко революционной социал-демократии. Фраза авторов «экономического» письма в № 12 «Искры», что никакие усилия самых вдохновенных идеологов не могут совлечь рабочего движения с пути, определяемого взаимодействием материальных элементов и материальной среды, совершенно равносильна поэтому отказу от социализма, и если бы эти авторы способны были продумать то, что они говорят, до конца бесстрашно и последовательно, как должен продумывать свои мысли всякий, кто выступает на арену литературной и общественной деятельности, то им ничего не осталось бы, как «сложить на пустой груди ненужные руки» и... и предоставить поле действия гг. Струве и Прокоповичам, которые тянут рабочее движение «по линии наименьшего сопротивления», т. е. по линии буржуазного тред-юнионизма, или гг. Зубатовым, которые тянут его по линии поповско-жандармской «идеологии».

Вспомните пример Германии. В чем состояла историческая заслуга Лассалья пред немецким рабочим движением? В том, что он совлеч это движение с того пути прогрессистского тред-юнионизма и кооперативизма, на который оно стихийно направлялось (при благосклонном участии Шульце-Деличей и и.м. подобных). Для исполнения этой задачи нужно было нечто, совсем не похожее на разговоры о преуменьшении стихийного элемента, о тактико-процессе, о взаимодействии элементов и среды и т. п. Для этого нужна была отчаянная борьба со стихийностью,

и только в результате такой, долгие-долгие годы ведшейся борьбы достигнуто было, например, то, что рабочее население Берлина из опоры прогрессистской партии сделалось одной из лучших крепостей социал-демократии. И борьба эта отнюдь не закончена и по сей час (как могло бы показаться людям, изучающим историю немецкого движения по Прокоповичу; а философию его по Струве). И сейчас немецкий рабочий класс, если можно так выразиться, раздроблен между несколькими идеологиями: часть рабочих объединена в католические и монархические рабочие союзы, другая — в гириш-дункеровские¹¹⁴, основанные буржуазными поклонниками английского тред-юнионизма, третья — в союзы социал-демократические. Последняя часть неизмеримо больше всех остальных, но этого главенства социал-демократическая идеология могла добиться и это главенство она сможет сохранить только путем неуклонной борьбы со всеми остальными идеологиями.

Но почему же — спросит читатель — стихийное движение, движение по линии наименьшего сопротивления идет именно к господству буржуазной идеологии? По той простой причине, что буржуазная идеология по происхождению своему гораздо старше, чем социалистическая, что она более всесторонне разработана, что она обладает неизмеримо большими средствами распространения*. И чем моложе социалистическое движение в какой-либо стране, тем энергичнее должна быть поэтому борьба против всех попыток упрочить несоциалистическую идеологию, тем решительнее надо предостерегать рабочих от тех плохих советчиков, которые кричат против «преувеличения сознательного элемента» и т. п. Авторы экономического письма громят, в унисон с «Раб. Делом», нетерпимость, свойственную младенческому периоду движения. Мы ответим на это: да, наше движение действительно находится в младенческом состоянии, и для того, чтобы скорее возмужать, оно

* Часто говорят: рабочий класс стихийно влечется к социализму. Это совершенно справедливо, в том смысле, что социалистическая теория всех глубже и всех вернее определяет причины бедствий рабочего класса, а потому рабочие и усваивают ее так легко, если только эта теория сама не пасует перед стихийностью, если только она подчиняет себе стихийность. Обыкновенно это подразумевается само собою, по «Раб. Делу» как раз забывает и извращает это подразумеваемое. Рабочий класс стихийно влечется к социализму, но наиболее распространенная (и постоянно воскрешаемая в самых разнообразных формах) буржуазная идеология тем не менее стихийно всего более навязывается рабочему.

должно именно заразиться истерпимостью по отношению к людям, задерживающим его рост своим преклонением пред стихийностью. Нет ничего смешнее и ничего вреднее, как корчить из себя стариков, давно уже переживших все решительные эпизоды борьбы!

В-третьих, первый номер «Раб. Мысли» показывает нам, что название «экономизм» (от которого мы не думаем, разумеется, отказываться, ибо так или иначе, а эта кличка уже установилась) недостаточно точно передает сущность нового направления. «Раб. Мысль» не отрицает совершенно политической борьбы: в том уставе кассы, который напечатан в № 1 «Раб. Мысли», говорится о борьбе с правительством. «Рабочая Мысль» полагает лишь, что «политика всегда послушно следует за экономикой» (а «Рабочее Дело» варьирует этот тезис, уверяя в своей программе, что «в России более, чем во всякой другой стране, экономическая борьба неразрывна с политической»). Эти положения «Рабочей Мысли» и «Рабочего Дела» совершенно неверны, если понимать под политикой социал-демократическую политику. Очень часто экономическая борьба рабочих бывает связана (хотя и не неразрывно) с политикой буржуазной, клерикальной и проч., как мы уже видели. Положения «Раб. Дела» верны, если понимать под политикой политику тред-юнионистскую, т. е. общее стремление всех рабочих добиваться себе от государства тех или иных мероприятий, направленных против бедствий, свойственных их положению, но еще не устраняющих этого положения, т. е. не уничтожающих подчинения труда капиталу. Это стремление действительно общее и английским тред-юнионистам, враждебно относящимся к социализму, и католическим рабочим, и «зубатовским» рабочим, и проч. Есть политика и политика. Таким образом мы видим, что и по отношению к политической борьбе «Раб. Мысль» проявляет не столько отрицание ее, сколько преклонение пред ее *стихийностью*, пред ее бессознательностью. Вполне признавая стихийно вырастающую из самого рабочего движения политическую борьбу (вернее: политические пожелания и требования рабочих), она совершенно отказывается от *самостоятельной выработки* специфической социал-демократической политики, отвечающей общим задачам социализма и современным русским условиям. Ниже мы покажем, что такова же ошибка и «Раб. Дела».

в) «ГРУППА САМООСВОБОЖДЕНИЯ»
И «РАБОЧЕЕ ДЕЛО»

Мы разобрали так подробно мало известную и почти забытую в настоящее время передовицу первого номера «Раб. Мысли», потому что она всех раньше и всех рельефнее выразила ту общую струю, которая потом вышльвала на свет божий бесчисленными мелкими струйками. В. И — я был совершенно прав, когда, расхваливая первый номер и передовицу «Раб. Мысли», сказал, что она написана «резко, с задором» («Листок «Работника»» № 9—10, стр. 49). Всякий убежденный в своем мнении человек, думающий, что он дает нечто новое, пишет «с задором», и пишет так, что рельефно выражает свои взгляды. Только у людей, привыкших сидеть между двух стульев, нет никакого «задора», только такие люди способны, похвалив вчера задор «Раб. Мысли», нападать сегодня за «полемический задор» на ее противников.

Не останавливаясь на «Отдельном приложении к «Раб. Мысли»» (нам придется ниже по различным поводам ссылаться на это произведение, всего последовательнее выражающее идеи экономистов), мы отметим только вкратце «Воззвание группы самоосвобождения рабочих» (март 1899 г., перепечатано в лондонском «Накануне»¹¹⁵ № 7, июль 1899 г.). Авторы этого воззвания очень справедливо говорят, что «рабочая Россия *еще только просыпается*, только осматривается кругом и *инстинктивно хватается за первые попавшиеся средства борьбы*», но делают из этого тот же неправильный вывод, как и «Р. Мысль», забывая, что инстинктивность и есть бессознательность (стихийность), которой должны придти на помощь социалисты, что «первыми попавшимися» средствами борьбы всегда будут в современном обществе тред-юнионистские средства борьбы, а «первой попавшейся» идеологией — буржуазная (тред-юнионистская) идеология. Точно так же не «отрицают» эти авторы и политики, а говорят только (только!), вслед за г. В. В., что политика есть надстройка, а потому «политическая агитация должна быть надстройкой над агитацией в пользу борьбы экономической, должна вырастать на почве этой борьбы и идти за нею».

Что касается до «Р. Дела», то оно прямо начало свою деятельность с «защиты» экономистов. Сказав *прямо*

неправду в первом же своем номере (№ 1, стр. 141—142), будто оно «не знает, о каких молодых товарищах говорил Аксельрод», предостерегавший экономистов в своей известной брошюре*, «Раб. Дело» в разгоревшейся по поводу этой неправды полемике с Аксельродом и Плехановым должно было признать, что оно «в форме недоумения хотело защитить всех более молодых заграничных социал-демократов от этого несправедливого обвинения» (обвинения экономистов Аксельродом в уасти). На самом деле, обвинение это было вполне справедливо, и «Р. Дело» прекрасно знало, что оно падало между прочим и на члена его редакции В. И — на. Замечу кстати, что в указанной полемике Аксельрод был совершенно прав и «Р. Дело» совершенно не право в толковании моей брошюры: «Задачи русских социал-демократов»**. Эта брошюра писана в 1897 году, еще до появления «Раб. Мысли», когда я считал и вправе был считать господствующим первоначальное направление СПБ. «Союза борьбы», охарактеризованное мной выше. И по крайней мере до половины 1898 года это направление действительно было господствующим. Поэтому ссылаться в опровержение существования и опасности экономизма на брошюру, излагавшую взгляды, которые были вытеснены в С.-Петербурге в 1897—1898 г. «экономическими» взглядами, «Р. Дело» не имело ни малейшего права***.

Но «Р. Дело» не только «защищало» экономистов, а также и само сбивалось постоянно на их основные заблуждения. Источник этой сбивчивости лежал в двусмысленном понимании следующего тезиса программы «Р. Дела»: «важнейшим явлением русской жизни, которое главным образом

* «К вопросу о современных задачах и тактике русских социал-демократов». Женева, 1898. Два письма в «Рабочую Газету», писанные в 1897 году.

** См. Сочинения, 4 изд., том 2, стр. 299—326. Ред.

*** Первую свою неправду («мы не знаем, о каких молодых товарищах говорил П. Б. Аксельрод») «Р. Дело», защищаясь, дополнило второй, когда писало в «Ответе»: «С тех пор, как написана рецензия на «Задачи», среди некоторых русских социал-демократов возникли или более или менее ясно определились тенденции к экономической односторонности, являющиеся шагом назад по сравнению с тем состоянием нашего движения, которое изображено в «Задачах» (стр. 9). Так говорит «Ответ», вышедший в 1900 году. А первый номер «Р. Д.» (с рецензией) вышел в апреле 1899 года. Неужели в 1899 году только возник экономизм? Нет, в 1899 г. впервые раздался протест русских социал-демократов против экономизма (протест против «Credo»). Экономизм же возник в 1897 году, как это отлично знает «Р. Дело», ибо В. И — в уасти в ноябре 1898 года («Лист. «Раб.» № 9—10) раскваливал «Раб. Мысль».

будет определять задачи (курс. наш) и характер литературной деятельности Союза, мы считаем возникшее за последние годы *массовое рабочее движение*» (курс. «Р. Д.»). Что массовое движение есть явление важнейшее, об этом не может быть спора. Но весь вопрос в том, как понимать «определение задач» этим массовым движением. Понимать это можно двояко: *или* в смысле преклонения пред стихийностью этого движения, т. е. сведения роли социал-демократии до простого прислужничества рабочему движению как таковому (понимание «Раб. Мысли», «Группы самоосвобождения» и прочих экономистов); *или* же в том смысле, что массовое движение ставит перед нами *новые* теоретические, политические, организационные задачи, гораздо более сложные, чем те, которыми можно было удовлетворяться в период до возникновения массового движения. «Раб. Дело» склонялось и склоняется именно к первому пониманию, потому что оно ни о каких новых задачах ничего определенного не говорило, а рассуждало все время именно так, как будто бы это «массовое движение» *избавляет* нас от необходимости ясно сознать и решить выдвигаемые им задачи. Достаточно сослаться на то, что «Р. Дело» считало невозможным ставить массовому рабочему движению *первой* задачей — низвержение самодержавия, припихая эту задачу (во имя массового движения) до задачи борьбы за ближайшие политические требования («Ответ», стр. 25).

Минуя статью редактора «Раб. Дела» Б. Кричевского в № 7 — «Экономическая и политическая борьба в русском движении», статью, повторяющую те же самые ошибки*, перейдем прямо к № 10 «Р. Дела». Мы не станем, конечно, входить в разбор отдельных возражений Б. Кричевского и Мартынова против «Зари» и «Искры». Нас интересует

* «Теория стадий» или теория «робкого зигзага» в политической борьбе выражается, например, в этой статье так: «Политические требования, по своему характеру общие для всей России, должны однако на первых порах» (это писано в августе 1900 г.!) «соответствовать опыту, извлеченному данным слоем (sic!) рабочих в экономической борьбе. Только (!) на почве этого опыта можно и должно приступать к политической агитации» и т. д. (стр. 11). На стр. 4 автор, восставая против совершенно несомнительных, по его мнению, обвинений в экономической ереси, патетически восклицает: «Какой же социал-демократ не знает, что по учению Маркса и Энгельса экономические интересы отдельных классов играют решающую роль в истории и, следовательно, в частности борьба пролетариата за свои экономические интересы должна иметь первостепенное значение для его классового развития и освободительной борьбы?» (курс. наш). Это

здесь только та принципиальная позиция, которую заняло в № 10 «Рабочее Дело». Мы не будем, например, разбирать того курьеза, что «Р. Дело» усмотрело «диаметральное противоречие» между положением:

«Социал-демократия не связывает себе рук, не суживает своей деятельности одним каким-нибудь заранее придуманным планом или приемом политической борьбы, — она признает все средства борьбы, лишь бы они соответствовали наличным силам партии» и т. д. (№ 1 «Искра»)*.

и положением:

«Если нет крепкой организации, искушенной в политической борьбе при всякой обстановке и во всякие периоды, то не может быть и речи о том систематическом, освещенном твердыми принципами и неуклонно проводимом плане деятельности, который только и заслуживает названия тактики» (№ 4 «Искра»)**.

Смешать *принципиальное* признание всех средств борьбы, всех планов и приемов, лишь бы они были целесообразны, — с требованием *в данный политический момент* руководиться неуклонно проводимым планом, если хочешь толковать о тактике, это значило все равно что смешать признание медициной всяких систем лечения с требованием держаться одной определенной системы при лечении данной болезни. Но в том-то и дело, что «Раб. Дело», само страдая болезнью, которую мы назвали преклонением пред стихийностью, не хочет признать никаких «систем лечения» *этой* болезни. Оно сделало поэтому замечательное открытие, что «тактика-план противоречит основному духу марксизма» (№ 10, стр. 18), что тактика есть «*процесс роста партийных задач, растущих вместе с партией*» (стр. 11, курс. «Р. Д.»). Это

«следовательно» совершенно неуместно. Из того, что экономические интересы играют решающую роль, *отнюдь не следует* никакого вывода о первостепенном значении экономической (= профессиональной) борьбы, ибо самые существенные, «решающие» интересы классов могут быть удовлетворены *только* коренными *политическими* преобразованиями вообще; в частности, основной экономический интерес пролетариата может быть удовлетворен только посредством политической революции, заменяющей диктатуру буржуазии диктатурой пролетариата. Б. Кряжевский повторяет рассуждение «В. В. русской социал-демократии» (— политика следует за экономикой и т. п.) и Бернштейншланца немецкой (напр., Вольман именно таким рассуждением доказывал, что рабочие должны сначала приобрести «экономическую силу», прежде чем думать о политической революции).

* См. Сочинения, 4 изд., том 4, стр. 345—346. *Ред.*

** См. настоящий том, стр. 6. *Ред.*

последнее изречение имеет все шансы сделаться знаменитым изречением, неразрушимым памятником «направления» «Раб. Дела». На вопрос: *«куда идти?»* руководящий орган дает ответ: движение есть процесс изменения расстояния между исходным и последующим пунктами движения. Это несравненное глубокомыслие представляет из себя однако не только курьез (тогда бы на нем не стоило особенно останавливаться), но и *программу целого направления*, именно: ту самую программу, которую Р. М. (в «Отдельном приложении к «Раб. Мысли»») выразил словами: желательна та борьба, которая возможна, а возможна та, которая идет в данную минуту. Это как раз направление безграничного оппортунизма, пассивно приспособляющегося к стихийности.

«Тактика-план противоречит основному духу марксизма!» Да это клевета на марксизм, превращение его в ту самую карикатуру, которую противопоставляли нам в войне с нами народники. Это именно принижение инициативы и энергии сознательных деятелей, тогда как марксизм дает, напротив, гигантский толчок инициативе и энергии социал-демократа, открывая ему самые широкие перспективы, отдавая (если можно так выразиться) в его распоряжение могучие силы миллионов и миллионов «стихийно» поднимающегося на борьбу рабочего класса! Вся история международной социал-демократии кишит планами, которые выдвигались то одним, то другим политическим вождем, оправдывая дальновидность и верность политических, организационных взглядов одного, обнаруживая близорукость и политические ошибки другого. Когда Германия испытала один из величайших исторических переломов — образование империи, открытие рейхстага, дарование всеобщего избирательного права, — один план социал-демократической политики и работы вообще был у Либкнехта, другой у Швейцера. Когда на германских социалистов обрушился исключительный закон, — один план был у Моста и Гассельмана, готовых просто звать к насилию и террору, другой — у Хёхберга, Шрамма и (отчасти) Бернштейна, которые стали было проповедывать социал-демократам, что они своей неразумной резкостью и революционностью вызвали закон и должны теперь заслужить примерным поведением прощение; третий план — у тех, кто подготовлял и осуществлял издание

нелегального органа. Глядя назад, много лет спустя после того, как борьба из-за вопроса о выборе пути закончилась и история сказала свое последнее решение о пригодности выбранного пути, — нетрудно, конечно, проявить глубокомыслие изречением о росте партийных задач, растущих вместе с партией. Но в момент смуты*, когда русские «критики» и экономисты приписывают социал-демократию до тред-юнионизма, а террористы усиленно проповедают принятие «тактики-плана», повторяющего старые ошибки, в такой момент ограничиваться подобным глубокомыслием значит выдавать себе «свидетельство о бедности». В момент, когда многие русские социал-демократы страдают именно недостатком инициативы и энергии, недостатком «размаха политической пропаганды, агитации и организации»**, недостатком «планов» более широкой постановки революционной работы, — в такой момент говорить: «тактика-план противоречит основному духу марксизма» значит не только теоретически опознать марксизм, но и практически *тащить партию назад*.

«Революционер-социал-демократ имеет задачей — поучает нас далее «Р. Дело» — своей сознательной работой только ускорять объективное развитие, а не отменять его или заменять его субъективными планами. «Искра» в теории все это знает. Но огромное значение, справедливо придаваемое марксизмом сознательной революционной работе, увлекает ее на практике, благодаря ее доктринерскому взгляду на тактику, к *преуменьшению значения объективного или стихийного элемента развития*» (стр. 18).

Опять величайшая теоретическая путаница, достойная г-на В. В. с братиею. Мы спросили бы нашего философа: в чем может выразиться «преуменьшение» объективного развития со стороны составителя субъективных планов? Очевидно в том, что он упустит из виду, что это объективное развитие создает или укрепляет, губит или ослабляет такие-то классы, слои, группы, такие-то нации, группы наций и т. п., обуславливая этим такую-то и такую-то международную политическую группировку сил, позицию

* Ein Jahr der Verwirrung (год смуты) — так озаглавил Меринг тот параграф своей «Истории германской социал-демократии», в котором он описывает колебания и нерешительность, проявленные сначала социалистами при выборе «тактики-плана», соответствующего новым условиям.

** Из передовой статьи № 4 «Искры». (См. Сочинения, 4 изд., том 4, стр. 344. Ред.)

революционных партий и проч. Но вина такого составителя будет состоять тогда не в преуменьшении стихийного элемента, а в преуменьшении, наоборот, *сознательного* элемента, ибо у него нехватит «сознательности» для правильного понимания объективного развития. Поэтому один уже разговор об «оценке *сравнительного* (курс. «Рабочего Дела») значения» стихийности и сознательности обнаруживает полное отсутствие «сознательности». Если известные «стихийные элементы развития» доступны вообще человеческому сознанию, то неправильная оценка их будет равносильна «преуменьшению сознательного элемента». А если они недоступны сознанию, то мы их не знаем и говорить о них не можем. О чем же толкует Б. Кричевский? Если он находит ошибочными «субъективные планы» «Искры» (а он их именно объявляет ошибочными), то он должен был бы показать, какие именно объективные факты игнорируются этими планами, и обвинить «Искру» за это игнорирование *в недостатке сознательности*, в «преуменьшении сознательного элемента», выражаясь его языком. Если же он, недовольный субъективными планами, не имеет других аргументов кроме ссылки на «преуменьшение стихийного элемента» (11), то он доказывает этим лишь, что он (1) теоретически — понимает марксизм à la* Кареевы и Михайловские, достаточно осмеянные Бельтовым¹¹⁶, (2) практически — вполне доволен теми «стихийными элементами развития», которые увлекали наших легальных марксистов в бернштейнианство, а наших социал-демократов в экономизм, и что он «зело сердит» на людей, решившихся во что бы то ни стало *свалечь* русскую социал-демократию с пути «стихийного» развития.

А дальше уже идут совсем веселые вещи. «Подобно тому, как люди, несмотря ни на какие успехи естественных наук, будут размножаться стародедовским способом, — так и появление на свет нового общественного порядка, несмотря ни на какие успехи общественных наук и рост сознательных борцов, и впредь будет являться результатом *преимущественно* стихийных взрывов» (19). Подобно тому, как стародедовская мудрость гласит: чтобы иметь детей, кому ума не доставало? — так мудрость «новейших социалистов»

* — вроде. Ред.

(à la Нарцис Тупорылов¹¹⁷) гласит: чтобы участвовать в стихийном появлении на свет нового общественного порядка, ума хватит у всякого. Мы думаем тоже, что у всякого хватит. Для такого участия достаточно *поддаваться* — экономизму, когда царит экономизм, — терроризму, когда возник терроризм. Так, «Раб. Дело» весной этого года, когда так важно было предостеречь от увлечения террором, с недоумением стояло перед «новым» для него вопросом. А теперь, полгода спустя, когда вопрос перестал быть такой злобой дня, оно в одно и то же время преподносит нам и заявление: «мы думаем, что задачей социал-демократии не может и не должно быть противодействие подъему террористических настроений» («Р. Д.» № 10, стр. 23) и резолюцию съезда: «Систематический наступательный террор съезд признает несвоевременным» («Два съезда», стр. 18). Как это замечательно ясно и связно! Не противодействуем, — но объявляем несвоевременным, притом объявляем так, что несистематический и оборонительный террор «резолюцией» не объемлется. Надо признать, что такая резолюция очень безопасна и вполне гарантирована от ошибочности, — как гарантирован от ошибок человек, который говорил для того, чтобы ничего не сказать! И для составления такой резолюции нужно только одно: уметь держаться *за хвост* движения. Когда «Искра» посмеялась над тем, что «Раб. Дело» объявило вопрос о терроре новым вопросом*, то «Р. Дело» сердито обвинило «Искру» в «прямо невероятной претензии навязывать партийной организации решение тактических вопросов, данное группой писателей-эмигрантов более 15 лет тому назад» (стр. 24). Действительно, какая претенциозность и какое преувеличение сознательного элемента: решать вопросы заранее теоретически с тем, чтобы потом убеждать в правильности этого решения и организацию, и партию, и массу! ** То ли дело просто зады повторять и, никому ничего не «навязывая», подчиняться каждому «повороту» и в сторону экономизма, и в сторону терроризма. «Раб. Дело» даже обобщает этот великий завет житейской мудрости, обвиняя «Искру» и «Зарю» в «противопоставлении своей программы движе-

* См. настоящий том, стр. 6—8. Ред.

** Не надо забывать также и того, что, «теоретически» решая вопрос о терроре, группа «Освобождение труда» *обобщила* опыт предшествующего революционного движения.

нию как духа, витающего над бесформенным хаосом» (стр. 29). В чем же состоит роль социал-демократии, как не в том, чтобы быть «духом», не только витающим над стихийным движением, но и *поднимающим* это последнее *до «своей программы»*? Не в том же ведь, чтобы тащиться в хвосте движения: в лучшем случае это бесполезно для движения, в худшем — очень и очень вредно. «Рабочее» же «Дело» не только следует этой «тактике-процессу», но и возводит ее в принцип, так что и направление его вернее было бы назвать не оппортунизм, а (от слова: хвост) *хвостизмом*. И нельзя не признаться, что люди, твердо решившие всегда идти за движением в качестве его хвоста, навсегда и абсолютно гарантированы от «преуменьшений стихийного элемента развития».

* * *

Итак, мы убедились, что основная ошибка «нового направления» в русской социал-демократии состоит в преклонении пред стихийностью, в непонимании того, что стихийность массы требует от нас, социал-демократов, массы сознательности. Чем больше стихийный подъем масс, чем шире становится движение, тем еще несравненно быстрее возрастает требование на массу сознательности и в теоретической, и в политической, и в организационной работе социал-демократии.

Стихийный подъем масс в России произошел (и продолжает происходить) с такой быстротой, что социал-демократическая молодежь оказалась неподготовленной к исполнению этих гигантских задач. Эта неподготовленность — наша общая беда, беда *всех* русских социал-демократов. Подъем масс шел и ширился непрерывно и преемственно, не только не прекращаясь там, где он начался, но и захватывая новые местности и новые слои населения (под влиянием рабочего движения оживилось брожение учащейся молодежи, интеллигенции вообще, даже и крестьянства). Революционеры же *отставали* от этого подъема и в своих «теориях», и в своей деятельности, им не удавалось создать непрерывной и преемственной организации, способной *руководить* всем движением.

В первой главе мы констатировали принижение «Раб. Делом» наших теоретических задач и «стихийное»

повторение им модного клича «свобода критики»: у повторявших нехватило «сознательности» понять диаметрально противоположность позиций «критиков»-оппортунистов и революционеров в Германии и в России.

В следующих главах мы рассмотрим, как выразилось это преклонение пред стихийностью в области политических задач и в организационной работе социал-демократии.

III

ТРЕД-ЮНИОНИСТСКАЯ И СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА

Начнем опять-таки с похвалы «Раб. Делу». «Обличительная литература и пролетарская борьба» — так озаглавил Мартынов свою статью в № 10 «Рабочего Дела» о разногласиях с «Искрой». «Мы не можем ограничиться одним облчением порядков, стоящих на пути ее (рабочей партии) развития. Мы должны также откликаться на ближайшие и текущие интересы пролетариата» (стр. 63) — так формулировал он суть этих разногласий. «...«Искра»... фактически есть орган революционной оппозиции, обличающий наши порядки и преимущественно политические порядки... Мы же работаем и будем работать для рабочего дела в тесной органической связи с пролетарской борьбой» (там же). Нельзя не быть благодарным Мартынову за эту формулировку. Она приобретает выдающийся общий интерес, ибо охватывает, в сущности, вовсе не одни только разногласия наши с «Р. Делом», но и все вообще разногласия между нами и «экономистами» по вопросу о политической борьбе. Мы показали уже, что «экономисты» не отрицают безусловно «политику», а только сбиваются постоянно с социал-демократического на тред-юнионистское понимание политики. Совершенно так же сбивается и Мартынов, и мы согласны поэтому взять именно его за образец экономических заблуждений по данному вопросу. За такой выбор — мы постараемся показать это — на нас не вправе будут претендовать ни авторы «Отдельного приложения к «Раб. Мысли»», ни авторы прокламации «Группы самоосвобождения», ни авторы экономического письма в № 12 «Искры».

а) ПОЛИТИЧЕСКАЯ АГИТАЦИЯ И ЕЕ СУЖЕНИЕ
ЭКОНОМИСТАМИ

Всем известно, что широкое распространение и упрочение экономической* борьбы русских рабочих шло рука об руку с созданием «литературы» экономических (фабричных и профессиональных) обличений. Главным содержанием «листочков» были обличения фабричных порядков, и среди рабочих скоро вспыхнула настоящая страсть к обличениям. Как только рабочие увидали, что кружки социал-демократов хотят и могут доставлять им нового рода листовки, говорящие всю правду о нищенской жизни, непомерно тяжелом труде и бесправном положении их, — они стали, можно сказать, засыпать корреспонденциями с фабрик и заводов. Эта «обличительная литература» производила громадную сенсацию не только на той фабрике, порядки которой бичевал данный листок, но и на всех фабриках, где что-нибудь слышали о разоблаченных фактах. А так как нужды и бедствия рабочих разных заведений и разных профессий имеют много общего, то «правда про рабочую жизнь» восхищала *всех*. Среди самых отсталых рабочих развилась настоящая страсть «печататься» — благородная страсть к этой зачаточной форме войны со всем современным общественным порядком, построенным на грабеже и угнетении. И «листки» в громадном большинстве случаев были действительно объявлением войны, потому что разоблачение оказывало страшно возбуждающее действие, вызывало со стороны рабочих общее требование устранить самые вопиющие безобразия и готовность поддержать эти требования стачками. Сами фабриканты в конце концов до такой степени должны были признать значение этих листков, как объявления войны, что сплошь да рядом не хотели и дожидаться самой войны. Обличения, как и всегда, сделались сильны одним уже фактом своего появления, приобрели значение могучего нравственного давления. Случалось не раз, что одного появления листка

* Заметим, во избежание недоразумений, что в дальнейшем изложении мы понимаем везде под экономической борьбой (согласно установившемуся у нас словоупотреблению) ту «практически-экономическую борьбу», которую Энгельс назвал, в приведенной выше цитате, «сопротивлением капиталистам» и которая в свободных странах называется профессиональной, синдикальной или тред-юнионистской борьбой.

оказывалось достаточно для удовлетворения всех или части требований. Одним словом, экономические (фабричные) обличия были и теперь остаются важным рычагом экономической борьбы. И это значение сохранится за ними, пока будет существовать капитализм, порождающий необходимо самозащиту рабочих. В самых передовых европейских странах можно наблюдать и теперь, как обличие безобразий какого-нибудь захолустного «промысла» или какой-нибудь всеми забытой отрасли домашней работы служит исходным пунктом к пробуждению классового сознания, к началу профессиональной борьбы и распространения социализма*.

Преобладающее большинство русских социал-демократов последнего времени было почти всецело поглощено этой работой по организации фабричных обличий. Достаточно вспомнить «Раб. Мысль», чтобы видеть, до какой степени доходило это поглощение, как при этом забывалось, что сама по себе это, в сущности, еще не социал-демократическая, а только тред-юнионистская деятельность. Обличия захватывали, в сущности, только отношения рабочих *данной профессии* к их хозяевам и достигали только того, что продавцы рабочей силы научались выгоднее продавать этот «товар» и бороться с покупателем на почве чисто коммерческой сделки. Эти обличия могли сделаться (при условии известного использования их организацией революционеров) началом и составной частью социал-демократической деятельности, но могли также (а при условии преклонения пред стихийностью должны были) вести к «только-профессиональной» борьбе и к не социал-демократическому рабочему движению. Социал-демократия руководит борьбой рабочего класса

* В настоящей главе мы говорим только о политической борьбе, о более широком или более узком ее понимании. Поэтому лишь мимоходом отметим, просто как курьез, обвинение «Раб. Делом» «Искры» в «пализшем вондеритании» по отношению к экономической борьбе («Два съезда», стр. 27, равновено Мартыновым в его брошюре «Социал-демократия и рабочий класс»). Если бы гг. обвинители выразили хотя бы в пудах или печатных листах (как они любят это делать) отдел экономической борьбы в «Искре» за год и сравнили с соответствующим отделом «Р. Дела» и «Р. Мысли», вместе взятых, то они легко увидели бы, что они отстают даже и в этом отношении. Очевидно, сознание этой простой истины заставляет их прибегать и доводам, ясно показывающим их смущение. «Искре» — пишут они — «волей-неволей (!) приходится (!) считаться с властными запросами жизни и хотя бы (!!) помещать корреспонденции о рабочем движении» («Два съезда», стр. 27). Вот уже подлинно уничтожающий нас аргумент!

не только за выгодные условия продажи рабочей силы, а и за уничтожение того общественного строя, который заставляет неимущих продаваться богачам. Социал-демократия представляет рабочий класс не в его отношении к данной только группе предпринимателей, а в его отношении ко всем классам современного общества, к государству, как организованной политической силе. Понятно отсюда, что социал-демократы не только не могут ограничиться экономической борьбой, но и не могут допустить, чтобы организация экономических обличений составляла их преобладающую деятельность. Мы должны активно взяться за политическое воспитание рабочего класса, за развитие его политического сознания. С этим *теперь*, после первого натиска на экономизм со стороны «Зари» с «Искрой», «все согласны» (хотя некоторые только на словах, как мы сейчас увидим).

Спрашивается, в чем же должно состоять политическое воспитание? Можно ли ограничиться пропагандой идеи о враждебности рабочего класса самодержавию? Конечно, нет. Недостаточно *объяснять* политическое угнетение рабочих (как недостаточно было *объяснять* им противоположность их интересов интересам хозяев). Необходимо агитировать по поводу каждого конкретного проявления этого угнетения (как мы стали агитировать по поводу конкретных проявлений экономического гнета). А так как *это* угнетение падает на самые различные классы общества, так как оно проявляется в самых различных областях жизни и деятельности, и профессиональной, и общегражданской, и личной, и семейной, и религиозной, и научной, и проч. и проч., то не очевидно ли, что *мы не исполним своей задачи* развивать политическое сознание рабочих, если мы не возьмем на себя организацию *всестороннего политического обличения* самодержавия? Ведь для того, чтобы агитировать по поводу конкретных проявлений гнета, надо обличить эти проявления (как надо было обличать фабричные злоупотребления, чтобы вести экономическую агитацию)?

Казалось бы, это ясно? Но именно тут-то и оказывается, что с необходимостью *всесторонне* развивать политическое сознание «все» согласны только на словах. Тут-то и оказывается, что «Раб. Дело», например, не только не брало на себя задачи организовать (или положить почин

организации) всесторонних политических обличений, но стало *тащить назад* и «Искру», которая взялась за эту задачу. Слушайте: «Политическая борьба рабочего класса есть лишь» (именно не лишь) «наиболее развитая, широкая и действительная форма экономической борьбы» (программа «Раб. Дела», «Р. Д.» № 1, стр. 3). «Теперь перед социал-демократами стоит задача — как придать по возможности самой экономической борьбе политический характер» (Мартынов в № 10, стр. 42). «Экономическая борьба есть наиболее широко применимое средство для вовлечения массы в активную политическую борьбу» (резолюция съезда Союза и поправки): «Два съезда», стр. 11 и 17). Все эти положения пропихают собой «Раб. Дело», как видит читатель, с самого его возникновения и вплоть до последних «инструкций редакции», и все они выражают, очевидно, один взгляд на политическую агитацию и борьбу. Присмотритесь же к этому взгляду с точки зрения господствующего у всех экономистов мнения, что политическая агитация должна *следовать* за экономической. Верно ли это, что экономическая борьба есть вообще* «наиболее широко применимое средство» для вовлечения массы в политическую борьбу? Совершенно неверно. Нисколько не менее «широко применимым» средством такого «вовлечения» являются *все и всяческие* проявления полицейского гнета и самодержавного бесчинства, а отнюдь не такие только проявления, которые связаны с экономической борьбой. Земские начальники и телесное наказание крестьян, взяточничество чиновников и обращение полиции с городским «простонародьем»; борьба с голодающими и травля народного стремления к свету и знанию, выколачивание податей и преследование сектантов; муштровка солдат и солдатское обращение со студентами и либеральной интеллигенцией; — почему все эти и тысячи других

* Мы говорим «вообще», ибо речь идет в «Раб. Деле» именно об общих принципах и общих задачах всей партии. Несомненно, что бывают случаи на практике, когда политика действительно *должна* следовать за экономической, — но об этом говорить в резолюции, предназначенной для всей России, могут только экономисты. Бывают ведь и такие случаи, когда «с самого начала» можно вести политическую агитацию «только на экономической почве», — и тем не менее «Раб. Дело» додумалось наконец до того, что в этом «нет никакой необходимости» («Два съезда», стр. 11). В следующей главе мы покажем, что тактика «политиков» и революционеров не только не игнорирует тред-юнионистских задач социал-демократии, а, напротив, одна только и *обеспечивает* последовательное их выполнение.

подобных проявлений гнета, непосредственно не связанных с «экономической» борьбой, представляют из себя вообще *менее* «широко применимые» средства и поводы политической агитации, вовлечения массы в политическую борьбу? Как раз напротив: в общей сумме тех жизненных случаев; когда рабочий страдает (за себя или за близких ему людей) от бесправия, произвола и насилия — лишь небольшое меньшинство составляет, несомненно, случаи полицейского гнета именно в профессиональной борьбе. К чему же заранее *суживать* размах политической агитации, объявляя «наиболее широко применимым» лишь *одно* из средств, наряду с которыми для социал-демократа должны стоять другие; вообще говоря, не менее «широко применимые»?

Во времена давно, давно прошедшие (год тому назад!..) «Раб. Дело» писало: «Ближайшие политические требования становятся доступными для массы после одной или, в крайнем случае, нескольких стачек», «как только правительство пустило в ход полицию и жандармерию» (№ 7, стр. 15, август 1900 года). Эта оппортунистическая теория стадий в настоящее время уже отвергнута Союзом, который делает нам уступку, заявляя: «нет никакой необходимости с самого начала вести политическую агитацию только на экономической почве» («Два съезда», стр. 11). Будущий историк русской социал-демократии из одного этого отрицания «Союзом» части своих старых заблуждений увидит лучше, чем из всяких длинных рассуждений, до какого принижения доводили социализм наши экономисты! Но какая же наивность была со стороны Союза воображать; что ценой этого отказа от одной формы сужения политики нас можно побудить согласиться на другую форму сужения! Не логичнее ли было бы и тут сказать, что экономическую борьбу следует вести как можно более широко, что ей всегда следует пользоваться для политической агитации, но «нет никакой необходимости» считать экономическую борьбу *наиболее* широко применимым средством для вовлечения массы в активную политическую борьбу?

Союз придает значение тому, что он заменил выражением «наиболее широко применимое средство» выражение «лучшее средство», стоящее в соответственной резолюции 4-го съезда Еврейского Рабочего Союза (Бунда). Мы, право, затруднились бы сказать, какая из этих резолюций лучше:

по нашему мнению, *обе хуже*. И Союз и Бунд сбиваются тут (отчасти, может быть, даже бессознательно, под влиянием традиции) на экономическое, тред-юнионистское толкование политики. Дело нисколько, в сущности, не меняется от того, производится ли это посредством словечка: «лучший» или посредством словечка: «наиболее широко применимый». Если бы Союз сказал, что «политическая агитация на экономической почве» есть наиболее широко применяемое (а не «применимое») средство, то он был бы прав по отношению к известному периоду в развитии нашего социал-демократического движения. Именно он был бы прав по отношению к *экономистам*, по отношению к многим практикам (если не к большинству их) 1898—1901 годов, ибо эти практики-экономисты, действительно, политическую агитацию *применяли* (поскольку они вообще ее применяли!) *почти исключительно на экономической почве*. *Такую* политическую агитацию признавали и даже рекомендовали, как мы видели, и «Раб. Мысль» и «Группа самоосвобождения»! «Раб. Дело» должно было *решительно осудить* то, что полезное дело экономической агитации сопровождалось вредным сужением политической борьбы, а оно вместо того объявляет наиболее широко применяемое (*экономистами*) средство наиболее широко применимым! Неудивительно, что, когда мы называем этих людей экономистами, им ничего не остается, как ругать нас на все корки и «мистификаторами», и «дезорганизаторами», и «папскими нунциями», и «клеветниками»*, как плакать перед всеми и каждым, что им нанесли кровную обиду, как заявлять чуть ли не с клятвами: «в экономизме теперь решительно ни одна социал-демократическая организация не повинна»**. Ах, эти клеветники, злые — политики! Не нарочно ли они весь экономизм выдумали, чтобы нанести людям, из-за одного только своего человеконенавистничества, обиды кровные?

Какой конкретный, реальный смысл имеет, в устах Мартынова, постановка социал-демократии задачи: «придать самой экономической борьбе политический характер»? Экономическая борьба есть коллективная борьба рабочих с хозяевами за выгодные условия *продажи рабочей силы*,

* Подлинные выражения брошюры «Два съезда», стр. 31, 32, 28 и 30.

** «Два съезда», стр. 32.

за улучшение условий труда и жизни рабочих. Эта борьба по необходимости является борьбой профессиональной, потому что условия труда крайне разнообразны в разных профессиях, и, след., борьба за *улучшение* этих условий не может не вестись по профессиям (профессиональными союзами на Западе, профессиональными временными соединениями и листками в России и т. п.). Придать «самой экономической борьбе политический характер», значит, следовательно, добиваться осуществления тех же профессиональных требований, того же профессионального улучшения условий труда посредством «законодательных и административных мероприятий» (как выражается Мартынов на следующей, 43, странице своей статьи). Это именно делают и всегда делали все профессиональные рабочие союзы. Загляните в сочинение основательных ученых (и «основательных» оппортунистов) супругов Вебб, и вы увидите, что английские рабочие союзы давным-давно уже сознали и осуществляют задачу «придать самой экономической борьбе политический характер», давным-давно борются за свободу стачек, за устранение всех и всяческих юридических препятствий кооперативному и профессиональному движению, за издание законов в защиту женщин и детей, за улучшение условий труда посредством санитарного и фабричного законодательства и пр.

Таким образом за пышной фразой: «придать *самой* экономической борьбе политический характер», которая звучит «ужасно» глубокомысленно и революционно, прячется, в сущности, традиционное стремление *принизить* социал-демократическую политику до политики тред-юнионистской! Под видом исправления односторонности «Искры», которая ставит — видите ли — «революционизирование догмы выше революционизирования жизни»*, нам преподносят как нечто новое *борьбу за экономические реформы*. В самом деле, ровно ничего другого кроме борьбы за экономические реформы не содержится в фразе: «придать

* «Раб. Дело» № 10, стр. 60. Это — мартыновский вариант того применения и современному, хаотическому состоянию нашего движения тезиса: «каждый шаг действительного движения важнее дюжины программ, которое мы уже охарактеризовали выше. В сущности, это только перевод на русский язык пресловутой бернштейновской фразы: «движение — все, конечная цель — ничто».

самой экономической борьбе политический характер». И Мартынов сам бы мог додуматься до этого нехитрого вывода, если бы хорошенько вник в значение своих собственных слов. «Наша партия, — говорит он, выдвигая свое самое тяжелое орудие против «Искры», — могла бы и должна была бы ставить правительству конкретные требования законодательных и административных мероприятий против экономической эксплуатации, против безработицы, против голода и т. д.» (стр. 42—43 в № 10 «Р. Д.»). Конкретные требования мероприятий — разве это не есть требование социальных реформ? И мы спрашиваем еще раз беспристрастных читателей, клеветаем ли мы на рабочеделенцев (да простят мне это неуклюжее ходячее словечко!), называя их скрытыми бернштейнцами, когда они выдвигают, как свое *разногласие* с «Искрой», тезис о необходимости борьбы за экономические реформы?

Революционная социал-демократия всегда включала и включает в свою деятельность борьбу за реформы. Но «экономической» агитацией она пользуется для предъявления правительству не только требования всяких мероприятий, а также (и прежде всего) требования перестать быть самодержавным правительством. Кроме того, она считает своей обязанностью предъявлять правительству это требование *не только* на почве экономической борьбы, а и на почве всех вообще проявлений общественно-политической жизни. Одним словом, она подчиняет борьбу за реформы, как часть целому, революционной борьбе за свободу и за социализм. Мартынов же воскрешает в иной форме теорию стадий, стараясь предписать непременно экономический, так сказать, путь развития политической борьбы. Выступая в момент революционного подъема с особой якобы «задачей» борьбы за реформы, он этим тащит партию назад и играет наруку и «экономическому» и либеральному оппортунизму.

Далее. Стыдливо спрятав борьбу за реформы под напыщенный тезис: «придать самой экономической борьбе политический характер»; Мартынов выставил как нечто особое *одни только экономические* (и даже *одни только фабричные*) реформы. Почему он это сделал, мы не знаем. Может быть, по недосмотру? Но если бы он имел в виду не только «фабричные» реформы, то тогда весь его тезис; только что нами приведенный, потерял бы всякий смысл. Может быть,

потому, что он считает возможными и вероятными со стороны правительства «уступки» только в области экономической? * Если да, то это странное заблуждение: уступки возможны и бывают и в области законодательства о розге, о паспортах, о выкупных платежах, о сектантстве, о цензуре и проч. и проч. «Экономические» уступки (или лжеуступки) для правительства, разумеется, всего дешевле и всего выгоднее, ибо оно надеется внушить этим доверие рабочим массам к себе. Но именно потому мы, социал-демократы, и *не должны* никоим образом и абсолютно ничем давать место мнению (или недоразумению), будто для нас дороже экономические реформы, будто мы именно их считаем особо важными и т. п. «Такие требования, — говорит Мартынов о выдвинутых им выше конкретных требованиях законодательных и административных мероприятий, — не были бы пустым звуком, потому что, суля известные осязательные результаты, они могли бы быть активно поддержаны рабочей массой»... Мы не экономисты, о нет! Мы только пресмыкаемся так же рабски пред «осязательностью» конкретных результатов, как господа Бернштейны, Прокоповичи, Струве, Р. М. и tutti quanti! ** Мы только даем понять (вместе с Нарцисом Тупорыловым), что все, что не «сулит осязательных результатов», есть «пустой звук»! Мы только выражаемся так, как будто рабочая масса неспособна (и не доказала уже вопреки тем, кто сваливает на нее свое филистерство, свою способность) активно поддерживать *всякий* протест против самодержавия, даже *абсолютно никаких осязательных результатов ей не сулящий!*

Возьмите хотя бы те же, самым Мартыновым приведенные примеры о «мероприятиях» против безработицы и голода. В то время, как «Рабоч. Дело» занимается, судя по его обещанию, выработкой и разработкой «конкретных (в форме законопроектов?) требований законодательных и административных мероприятий»; «сулящих осязательные результаты», — в это время «Искра», «неизменно ставящая революционизирование догмы выше революционизированья

* Стр. 43: «Конечно, если мы рекомендуем рабочим предъявлять известные экономические требования правительству, мы это делаем потому, что в области экономической самодержавное правительство по нужде готово идти на известные уступки».

** — все им подобные! Ред.

жизни», старалась объяснить неразрывную связь безработицы со всем капиталистическим строем, предупреждала, что «голод идет», обличала полицейскую «борьбу с голодающими» и возмутительные «временно-каторжные правила», в это время «Заря» выпускала отдельным оттиском, как агитационную брошюру, часть посвященного голоду «Внутреннего обозрения»*. Но, боже мой, как «односторонни» при этом были несправимо-узкие ортодоксы, глухие к велениям «самой жизни» догматики! Ни в одной из их статей не было — о ужас! — ни одного, ну можете себе представить: решительно ни одного «конкретного требования», «сулящего осязательные результаты»! Несчастные догматики! Отдать их в науку Кричевским и Мартыновым для убеждения в том, что тактика есть процесс роста, растущего и т. д.; и что нужно *самой* экономической борьбе придать политический характер!

«Экономическая борьба рабочих с хозяевами и с правительством («экономическая борьба с правительством»!), кроме своего непосредственного революционного значения, имеет еще то значение, что она наталкивает рабочих непрерывно на вопрос об их политическом беспорядке» (Мартынов, стр. 44). Мы выписали эту цитату не для того; чтобы повторять в сотый и тысячный раз сказанное уже выше, а для того, чтобы особо поблагодарить Мартынова за эту новую и превосходную формулировку: «Экономическая борьба рабочих с хозяевами и с правительством». Какая прелесть! С каким неподражаемым талантом, с каким мастерским элиминированием** всех частных разногласий и различий в оттенках между экономистами выражена здесь в кратком и ясном положении *вся суть* экономизма, начиная с призыва рабочих к «политической борьбе, которую они ведут в интересах общих, имея в виду улучшение положения всех рабочих»***, продолжая теорией стадий и кончая резолюцией съезда о «наиболее широкой применимости» и проч. «Экономическая борьба с правительством» есть именно тред-юнионистская политика; от которой до социал-демократической политики еще очень и очень далеко.

* См. настоящий том, стр. 231—251. Ред.

** — устраненном. Ред.

*** «Раб. Мысль», «Отд. прилож.», стр. 14.

б) ПОВЕСТЬ О ТОМ, КАК МАРТЫНОВ
УГЛУБИЛ ПЛЕХАНОВА

«Как много появилось у нас в последнее время социал-демократических Ломоносовых!» заметил однажды один товарищ, имея в виду поразительную склонность многих из склонных к экономизму лиц доходить непременно «своим умом» до великих истин (вроде той, что экономическая борьба наталкивает рабочих на вопрос о несправедливости) и игнорировать при этом, с великолепным пренебрежением гениального самородка, все то, что дало уже предыдущее развитие революционной мысли и революционного движения. Именно таким самородком является Ломоносов-Мартынов. Загляните в его статью: «Очередные вопросы» и вы увидите, как он *подходит* «своим умом» к тому, что давно уже сказано Аксельродом (о котором наш Ломоносов, разумеется, хранит полное молчание), как он *начинает*, например, понимать, что мы не можем игнорировать оппозиционность тех или иных слоев буржуазии («Р. Д.» № 9, стр. 61, 62, 71 — сравни с «Ответом» Аксельроду редакции «Р. Дела», стр. 22, 23—24) и т. п. Но — увы! — только «подходит» и только «начинает», не более того, ибо мысли Аксельрода он все-таки настолько еще не понял, что говорит об «экономической борьбе с хозяевами и правительством». В течение трех лет (1898—1901) «Раб. Дело» собиралось с силами, чтобы понять Аксельрода, и — и все-таки его не поняло! Может быть, это происходит тоже от того, что социал-демократия, «подобно человечеству», всегда ставит себе одни лишь осуществимые задачи?

Но Ломоносовы отличаются не только тем, что они многого не знают (это бы еще было полбеды!), а также и тем, что они не сознают своего невежества. Это уже настоящая беда, и эта беда побуждает их сразу браться за «углубление» Плеханова.

«С тех пор, как Плеханов писал названную книжку («О задачах социалистов в борьбе с голодом в России»), много воды утекло, — рассказывает Ломоносов-Мартынов. — Социал-демократы, которые руководили в течение 10 лет экономической борьбой рабочего класса... не успели еще дать широкое теоретическое обоснование партийной тактики. Теперь этот вопрос назрел, и, если бы мы захотели дать такое теоретическое обоснование, мы несомненно должны были бы вначительную углубить те принципы тактики, которые развивал некогда Плеханов... Мы должны были бы теперь

определить разницу между пропагандой и агитацией иначе, чем это сделал Плеханов» (Мартынов только что привел слова Плеханова: «пропагандист дает много идей одному лицу или нескольким лицам, а агитатор дает только одну или только несколько идей, зато он дает их целой массе лиц»). «Под пропагандой мы понимали бы революционное освещение всего настоящего строя или частичных его проявлений, безразлично, — делается ли это в форме доступной для единиц или для широкой массы. Под агитацией, в строгом смысле слова (sic!), мы понимали бы призыв массы к известным конкретным действиям, способствование непосредственному революционному вмешательству пролетариата в общественную жизнь».

Поздравляем русскую — да и международную — социал-демократию с новой, мартиновской, терминологией, более строгой и более глубокой. До сих пор мы думали (вместе с Плехановым, да и со всеми вожаками международного рабочего движения), что пропагандист, если он берет, например, тот же вопрос о безработице, должен разъяснить капиталистическую природу кризисов, показать причину их неизбежности в современном обществе, обрисовать необходимость его преобразования в социалистическое общество и т. д. Одним словом, он должен дать «много идей», настолько много, что сразу все эти идеи, во всей их совокупности, будут усваиваться лишь немногими (сравнительно) лицами. Агитатор же, говоря о том же вопросе, возьмет самый известный всем его слушателям и самый выдающийся пример, — скажем, смерть от голодания безработной семьи, усиление нищенства и т. п. — и направит все свои усилия на то, чтобы, пользуясь этим, всем и каждому знакомым фактом, дать «массе» *одну идею*: идею о бессмысленности противоречия между ростом богатства и ростом нищеты, постарается *возбудить* в массе недовольство и возмущение этой вопиющей несправедливостью, предоставляя полное объяснение этого противоречия пропагандисту. Пропагандист действует поэтому главным образом *печатным*, агитатор — *живым* словом. От пропагандиста требуются не те качества, что от агитатора. Каутского и Лафарга мы назовем, например, пропагандистами, Бебеля и Геда — агитаторами. Выделять же третью область или третью функцию практической деятельности, относя к этой функции «призыв массы к известным конкретным действиям», есть величайшая несуразица, ибо «призыв», как единичный акт, либо естественно и неизбежно дополняет собой и теоретический трактат, и пропагандистскую

брошюру, и агитационную речь, либо составляет чисто исполнительную функцию. В самом деле, возьмите, например, теперешнюю борьбу германских социал-демократов против хлебных пошлин. Теоретики пишут исследования о таможенной политике, «призывая», скажем, бороться за торговые договоры и за свободу торговли; пропагандист делает то же в журнале, агитатор — в публичных речах. «Конкретные действия» массы — в данный момент представляют из себя подпись петиций рейхстагу о неповышении хлебных пошлин. Призыв к этим действиям исходит посредственно от теоретиков, пропагандистов и агитаторов, непосредственно — от тех рабочих, которые разносят по фабрикам и по всяческим частным квартирам подписные листы. По «мартыновской терминологии» выходит, что Каутский и Бебель — оба пропагандисты, а разносчики подписных листов — агитаторы, не так ли?

Пример немцев напомнил мне немецкое слово *Verballhornung*, по-русски буквально: обалгорнивание. Иван Балгорн был лейпцигский издатель в XVI веке; издал он букварь, причем поместил, по обычаю, и рисунок, изображающий петуха; но только вместо обычного изображения петуха со шпорами на ногах он изобразил петуха без шпор, но с парой яиц около него. А на обложке букваря добавил: «исправленное издание Ивана Балгорна». Вот с тех пор немцы и говорят *Verballhornung* про такое «исправление», которое на деле есть ухудшение. И невольно вспоминаешь про Балгорна, когда видишь; как Мартыновы «углубляют» Плеханова...

К чему «изобрел» наш Ломоносов эту путаницу? К иллюстрации того, что «Искра» «обращает внимание только на одну сторону дела, так же, как Плеханов это делал еще полтора десятка лет тому назад» (39). «У «Искры», по крайней мере для настоящего времени, задачи пропаганды отодвигают на задний план задачи агитации» (52). Если перевести это последнее положение с мартыновского языка на общечеловеческий язык (ибо человечество еще не успело принять вновь открытой терминологии), то мы получим следующее: у «Искры» задачи политической пропаганды и политической агитации отодвигают на задний план задачу «ставить правительству конкретные требования законодательных и административных мероприятий», «сулящие известные осязательные результаты» (или требования

социальных реформ, если позволительно еще хоть разок употребить старую терминологию старого человечества, которое еще не доросло до Мартынова). Предлагаем читателю сравнить с этим тезисом следующую тираду:

«Поражает нас в этих программах» (программах революционных социал-демократов) «и вечное выставление ими на первый план преимуществ деятельности рабочих в (несуществующем у нас) парламенте при полном игнорировании ими (благодаря их революционному нигилизму) важности участия рабочих в существующих у нас законодательных собраниях фабрикантов по фабричным делам... или хотя бы участия рабочих в городском самоуправлении»...

Автор этой тирады выражает немного прямее, яснее и откровеннее ту самую мысль, до которой дошел своим умом Ломоносов-Мартынов. Автор же этот — Р. М. в «Отдельном приложении к «Раб. Мысли»» (стр. 15).

в) ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОБЛИЧЕНИЯ И «ВОСПИТАНИЕ РЕВОЛЮЦИОННОЙ АКТИВНОСТИ»

Выдвигая против «Искры» свою «теорию» «повышения активности рабочей массы», Мартынов на самом деле обнаружил стремление *принизить* эту активность, ибо предпочтительным, особо важным, «наиболее широко применимым» средством пробуждения и поприщем этой активности он объявил ту же экономическую борьбу, пред которой пресмыкались и все экономисты. Потому и характерно это заблуждение, что оно свойственно далеко не одному Мартынову. На самом же деле «повышение активности рабочей массы» может быть достигнуто *только* при том условии, если мы не будем ограничиваться «политической агитацией на экономической почве». А одним из основных условий необходимого расширения политической агитации является организация *всесторонних* политических обличений. Иначе как на этих обличениях не может воспитаться политическое сознание и революционная активность масс. Поэтому деятельность такого рода составляет одну из важнейших функций всей международной социал-демократии, ибо и политическая свобода несколько не устраняет, а только несколько передвигает сферу направления этих обличений. Например, германская партия

особенно укрепляет свои позиции и расширяет свое влияние именно благодаря неослабной энергии ее политически-обличительной кампании. Сознание рабочего класса не может быть истинно политическим сознанием, если рабочие не приучены откликаться на *все и всяческие* случаи произвола и угнетения, насилия и злоупотребления, *к каким бы классам* ни относились эти случаи; — и притом откликаться именно с социал-демократической, а не с иной какой-либо точки зрения. Сознание рабочих масс не может быть истинно классовым сознанием, если рабочие на конкретных и притом непременно злободневных (актуальных) политических фактах и событиях не научатся наблюдать *каждый* из других общественных классов во *всех* проявлениях умственной, нравственной и политической жизни этих классов; — не научатся применять на практике материалистический анализ и материалистическую оценку *всех* сторон деятельности и жизни *всех* классов, слоев и групп населения. Кто обращает внимание, наблюдательность и сознание рабочего класса исключительно или хотя бы преимущественно на него же, — тот не социал-демократ, ибо самопознание рабочего класса неразрывно связано с полной отчетливостью не только теоретических... вернее даже сказать: не столько теоретических, сколько на опыте политической жизни выработанных представлений о взаимоотношении *всех* классов современного общества. Вот почему так глубоко вредна и так глубоко реакционна по своему практическому значению проповедь наших экономистов, что экономическая борьба есть наиболее широко применимое средство вовлечения масс в политическое движение. Чтобы стать социал-демократом, рабочий должен ясно представлять себе экономическую природу и социально-политический облик помещика и попа, сановника и крестьянина, студента и босняка, знать их сильные и слабые стороны, уметь разбираться в тех ходячих фразах и всевозможных софизмах, которыми *прикрывает* каждый класс и каждый слой свои эгоистические поползновения и свое настоящее «*нутро*», уметь разбираться в том, какие учреждения и законы отражают и как именно отражают те или другие интересы. А это «ясное представление» не почерпнешь ни из какой книжки: его могут дать только живые картины и по горячим следам составленные обличения того, что происходит в данный

момент вокруг нас, о чем говорят по-своему или хотя бы перешептываются все и каждый, что выражается в таких-то событиях, в таких-то цифрах, в таких-то судебных приговорах и проч., и проч., и проч. Эти всесторонние политические обличения представляют из себя необходимое и *основное* условие воспитания революционной активности масс.

Почему русский рабочий мало еще проявляет свою революционную активность по поводу зверского обращения полиции с народом, по поводу травли сектантов, битья крестьян, по поводу безобразий цензуры, истязаний солдат, травли самых невинных культурных начинаний и т. п.? Не потому ли, что его не «наталкивает» на это «экономическая борьба», что ему мало «сулит» это «осязательных результатов», мало дает «положительного»? Нет, подобное мнение есть, повторяем, не что иное, как попытка свалить с больной головы на здоровую, свалить свое собственное филистерство (бернштейнщанство тож) на рабочую массу. Мы должны винить себя, свою отсталость от движения масс, что мы не сумели еще организовать достаточно широких, ярких, быстрых обличений всех этих гнусностей. Сделай мы это (а мы должны сделать и можем сделать это), — и самый серый рабочий поймет *или почувствует*, что над студентом и сектантом, мужиком и писателем ругается и бесчинствует та самая темная сила, которая так гнетет и давит его на каждом шагу его жизни, а, почувствовав это, он захочет, неудержимо захочет отозваться и сам, он сумеет тогда — сегодня устроить кошачий концерт цензорам, завтра демонстрировать пред домом усмирившего крестьянский бунт губернатора, послезавтра прочить тех жандармов в рясе, что делают работу святой инквизиции, и т. д. Мы еще очень мало, почти ничего не сделали для того, чтобы *бросать* в рабочие массы всесторонние и свежие обличения. Многие из нас и не сознают еще этой своей *обязанности*, а стихийно волочатся за «серой текущей борьбой» в узких рамках фабричного быта. При таком положении дел говорить: ««Искра» имеет тенденцию умалывать значение поступательного хода серой текущей борьбы по сравнению с пропагандой блестящих и законченных идей» (Мартынов, стр. 61) — значит тащить партию назад, значит защищать и прославлять нашу неподготовленность, отсталость.

Что же касается до призыва массы к действию, то это выйдет само собой, раз только есть налицо энергичная политическая агитация, живые и яркие обличения. Поймать кого-либо на месте преступления и заклеить перед всеми и повсюду тотчас же — это действует само по себе лучше всякого «призыва», это действует зачастую так, что потом и нельзя будет определить, кто собственно «призывал» толпу и кто собственно выдвинул тот или иной план демонстрации и т. п. Призвать — не в общем, а в конкретном смысле слова — можно только на месте действия, призвать может только тот, кто сам и сейчас идет. А наше дело, дело социал-демократических публицистов, углублять, расширять и усиливать политические обличения и политическую агитацию.

Кстати о «призывах». *Единственным органом, который до весенних событий призвал рабочих активно вмешаться в такой, не сулящий решительно никаких осязательных результатов рабочему, вопрос, как отдача студентов в солдаты, — была «Искра».* Тотчас же после опубликования распоряжения 11 января об «отдаче 183 студентов в солдаты» «Искра» поместила статью об этом (№ 2, февраль)* и, до какого бы то ни было начала демонстраций, прямо звала «рабочего идти на помощь студенту», звала «народ» открыто ответить правительству на его дерзкий вызов. Мы спрашиваем всех и каждого: как и чем объяснить то выдающееся обстоятельство, что, говоря так много о «призывах», выделяя «призывы» даже в особый вид деятельности, Мартынов ни словечком не упомянул об этом призыве? И не филистерством ли является после этого мартыновское объявление «Искры» *одностороннею*, так как она недостаточно «призывает» к борьбе за требования, «сулящие осязательные результаты»?

Наши экономисты, и в том числе «Рабочее Дело», имели успех благодаря тому, что подделывались под неразвитых рабочих. Но рабочий-социал-демократ, рабочий-революционер (а число таких рабочих все растет) отвергнет с негодованием все эти рассуждения о борьбе за требования, «сулящие осязательные результаты», и преч., ибо он поймет, что это только варианты старой песенки о копейке на рубль. Такой рабочий скажет своим советчикам из

* См. Сочинения, 4 изд., том 4, стр. 388—393. Ред.

«Р. Мысли» и из «Раб. Дела»: зря вы суетитесь, господа, вмешиваясь чересчур усердно в то дело, с которым мы и сами справляемся, и отлынивая от исполнения ваших настоящих обязанностей. Совсем ведь это неумно, когда вы говорите, что задача социал-демократов придать самой экономической борьбе политический характер; это только начало, и не в этом главная задача социал-демократов, ибо во всем мире и в России в том числе *полиция нередко сама начинает придавать* экономической борьбе политический характер, рабочие сами научаются понимать, за кого стоит правительство*. Ведь та «экономическая борьба рабочих с хозяевами и правительством», с которой вы носитесь, точно с открытой вами Америкой, — ведется в массе русских захолустьев самими рабочими, слышавшими о стачках, но о социализме почитай-что ничего и не слышавшими. Ведь та «активность» нас, рабочих, которую вы все хотите поддерживать, выставляя конкретные требования, сулящие осязательные результаты, в нас уже есть, и мы сами в нашей будничной, профессиональной, мелкой работе выставляем эти конкретные требования зачастую без всякой помощи интеллигентов. Но нам мало *такой активности*; мы не дети, которых можно накормить кашей одной «экономической» политики; мы хотим знать все то, что знают и другие, мы хотим подробно познакомиться со *всеми* сторонами политической жизни и *активно* участвовать во всяком и каждом политическом событии. Для этого нужно, чтобы интеллигенты поменьше твердили то,

* Требование «придать самой экономической борьбе политический характер» самым рельефным образом выражает *преклонение пред стихийностью* в области политической деятельности. Политический характер экономической борьбы *привлекает* именно да рядом *стихийно*, то есть без вмешательства «революционной ~~базиллы~~ интеллигенции», без вмешательства сознательных социал-демократов. Политический характер приобрела, например, и экономическая борьба рабочих в Англии ~~без~~ всякого участия социалистов. Задача же социал-демократов не исчерпывается политической агитацией на экономической почве, задача их — *превратить* эту ~~тред-юнионистскую~~ политику в социал-демократическую политическую борьбу, — *воспользоваться* теми проблемами политического сознания, которые зародились в рабочих ~~экономическая~~ борьба, для того, чтобы *поднять* рабочих до социал-демократического политического сознания. А Мартыновы, вместо того, чтобы поднимать и толкать вперед *стихийно* пробуждающееся политическое сознание, *падают ниц перед стихийностью* и твердят, до тошноты часто твердят, что экономическая борьба *наталкивает* рабочих на вопрос об их политическом бесправии. Плохо то, господа, что *на-то* это стихийное пробуждение ~~тред-юнионистского~~ политического сознания не *наталкивает* на вопрос о наших социал-демократических задачах!

что мы и сами знаем*, а побольше дали нам того, чего мы еще не знаем, чего мы сами из своего фабричного и «экономического» опыта и узнать никогда не можем, именно: политического знания. Это знание можете приобрести себе вы, интеллигенты, и вы *обязаны* доставлять нам его во сто и в тысячу раз больше, чем вы это делали до сих пор, и притом доставлять не в виде только рассуждений, брошюр и статей (которые часто бывают — простите за откровенность! — скучноваты), а непременно в виде живых *обличений* того, что именно в данное время делает наше правительство и наши командующие классы во всех областях жизни. Исполняйте-ка поусерднее эту свою обязанность, и *поменьше толкуйте о «повышении активности рабочей массы»*. У нас активности гораздо больше, чем вы думаете, и мы умеем поддерживать открытой, уличной борьбой даже требования, никаких «осязательных результатов» не сулящие! И не вам «повышать» нашу активность, ибо *у вас самих как раз активности-то и нехватает*. Поменьше преклоняйтесь пред стихийностью и побольше думайте о *повышении своей активности, господа!*

г) ЧТО ОБЩЕГО МЕЖДУ ЭКОНОМИЗМОМ И ТЕРРОРИЗМОМ?

Выше, в примечании, мы сопоставили экономиста и не социал-демократа-террориста, случайно оказавшихся солидарными. Но, вообще говоря, между теми и другими

* В подтверждение того, что всю эту речь рабочих и экономистам мы не вря выдумали, сошлемся на двух свидетелей, несомненно знакомых с рабочим движением непосредственно и всего менее склонных быть пристрастными и нам, «догматам», ибо один свидетель — экономист (считающий даже «Рабочее Дело» органом политическим!), другой — террорист. Первый свидетель, автор замечательной по своей правдивости и живости статьи «Петербургское рабочее движение и практические задачи социал-демократии» в № 6 «Раб. Д.» Он делит рабочих на 1) сознательных революционеров, 2) промежуточный слой и 3) остальную массу. И вот промежуточный слой «часто интересуется больше вопросами политической жизни, чем своими ближайшими экономическими интересами, связь которых с общими социальными условиями давно понята... «Раб. Мысль» резко критикуют: «все одно и то же, давно известно, давно читали», «в политическом-то обозрении опять ничего нет» (стр. 30—31). Но даже и третий слой: «более чуткая, более молодая, менее развращенная кабаном и червонью рабочая масса, почти никогда не имея возможности достать книгу политического содержания, толкует вкрябь и вкось явления политической жизни, задумываясь над отрывочными сведениями о бунте студентов» и т. д. А террорист пишет: «...Раз-два прочтут о мелочах фабричной жизни, в разных, те своих городах, а потом и перестанут... Скучно... Не говорить в рабочей газете о государстве... значит смотреть на рабочего как на дитячко малое... Рабочий не дитячко» («Свобода», изд. революционно-социалистической группы, стр. 69 и 70).

есть не случайная, а необходимая внутренняя связь, о которой нам еще ниже придется говорить и коснуться которой необходимо именно по вопросу о воспитании революционной активности. У экономистов и современных террористов есть один общий корень: это именно то *преклонение пред стихийностью*, о котором мы говорили в предыдущей главе, как о явлении общем, и которое мы рассматриваем теперь в его влиянии на область политической деятельности и политической борьбы. На первый взгляд, наше утверждение может показаться парадоксом: до такой степени велика, повидимому, разница между людьми, подчеркивающими «серую текущую борьбу», — и людьми, зовущими к наиболее самоотверженной борьбе отдельных лиц. Но это не парадокс. Экономисты и террористы преклоняются перед разными полюсами стихийного течения: экономисты — перед стихийностью «чисто рабочего движения», террористы — перед стихийностью самого горячего возмущения интеллигентов, не умеющих или не имеющих возможности связать революционную работу в одно целое с рабочим движением. Кто изверился или никогда не верил в эту возможность, тому действительно трудно найти иной выход своему возмущенному чувству и своей революционной энергии, кроме террора. Таким образом, преклонение пред стихийностью в обоих указанных нами направлениях есть не что иное, как *начало осуществления* знаменитой программы «Credo»: рабочие ведут себе свою «экономическую борьбу с хозяевами и правительством» (да простит нам автор «Credo», что мы выражаем его мысль мартиновскими словами! Мы находим, что вправе делать это, ибо и в «Credo» говорится о том, как рабочие в экономической борьбе «наталкиваются на политический режим»), — а интеллигенты ведут себе своими силами политическую борьбу, естественно, при помощи террора! Это совершенно логичный и неизбежный вывод, на котором нельзя не настаивать, *хотя бы те*, кто начинает осуществлять эту программу, *сами и не сознавали* его неизбежности. Политическая деятельность имеет свою логику, не зависящую от сознания тех, кто в самых лучших намерениях вызывает либо к террору, либо к приданию политического характера самой экономической борьбе. Благими намерениями вымощен ад, и в данном случае благие намерения не спасают еще от стихийного влечения по «длинной

наименьшего сопротивления», по линии *чисто буржуазной* программы «Credo». Не случайно ведь также и то обстоятельство, что многие русские либералы — и явные либералы и носящие марксистскую маску — всей душой сочувствуют террору и стараются поддержать подъем террористических настроений в данный момент.

И вот, когда возникла «революционно-социалистическая группа Свобода», поставившая себе задачей именно всестороннее содействие рабочему движению, но с включением в *программу* террора и с эмансипированием, так сказать, себя от социал-демократии, — то этот факт дал еще и еще подтверждение замечательной прозорливости П. Б. Аксельрода, который *буквально предсказал* эти результаты социал-демократических шатаний *еще в конце 1897 года* («К вопросу о современных задачах и тактике») и набросал свои знаменитые «две перспективы». Все последующие споры и разногласия между русскими социал-демократами заключаются уже, как растение в семечке, в этих двух перспективах*.

С указанной точки зрения становится понятно и то, что «Раб. Дело», не устоявшее против стихийности экономизма, не устояло также и против стихийности терроризма. Очень интересно здесь отметить ту особенную аргументацию в защиту террора, которую выдвинула «Свобода». Устрашающую роль террора она «совершенно отрицает» («Возрождение революционизма», стр. 64), но зато выдвигает его «эксцитативное (возбуждающее) значение». Это характерно, во-первых, как одна из стадий разложения и упадка того традиционного (досоциал-демократического) круга идей, который заставлял держаться за террор.

* Мартынов «представляет себе другую, более реальную (?) дилемму» («Социал-демократия и рабочий класс», 19): «Либо социал-демократия берет на себя непосредственное руководство экономической борьбой пролетариата и этим (!) превращает ее в революционную классовую борьбу... «Этим, т. е., очевидно, непосредственным руководством экономической борьбой. Пусть укажет нам Мартынов, где это видно, чтобы одним только руководством профессиональной борьбой удавалось превратить тред-юнионистское движение в революционное классовое? Не собьрают ли он, что для этого «превращения» мы должны активно взяться за «непосредственное руководство» «всесторонней политической агитацией?.. «Либо другая перспектива: социал-демократия устранилась от руководства экономической борьбой рабочих и тем. л. подсекает себе крылья... «Устраняется», по приведенному выше мнению «Раб. Дела», «Искра». Но мы видели, что она делает для руководства экономической борьбой гораздо больше, чем «Раб. Дело», причем она не ограничивается этим и на суживает во имя этого своих политических задач.

Признать, что правительство теперь «устрашить» — а следовательно, и дезорганизовать — террором нельзя, — значит, в сущности, совершенно осудить террор как систему борьбы, как программой освящаемую сферу деятельности. Во-вторых, это еще более характерно, как образец непонимания наших насущных задач в деле «воспитания революционной активности масс». «Свобода» пропагандирует террор как средство «возбудить» рабочее движение, дать ему «сильный толчок». Трудно себе представить аргументацию, которая бы более наглядно опровергала сама себя! Неужели, спрашивается, в русской жизни мало еще таких безобразий, что нужно выдумывать особые «возбуждающие» средства? И, с другой стороны, если кто не возбуждается и невозбудим даже русским произволом, то не очевидно ли, что на единоборство правительства с горсткой террористов он тоже будет смотреть «ковыряя в носу»? В том-то и дело, что рабочие массы очень возбуждаются гнусностями русской жизни, но мы не умеем собирать, если можно так выразиться, и концентрировать все те капли и струйки народного возбуждения, которые высачиваются русской жизнью в количестве неизмеримо большем, чем все мы себе представляем и думаем, но которые надо именно соединить в *один* гигантский поток. Что это осуществимая задача, это неопровержимо доказывает громадный рост рабочего движения и отмеченная уже выше жадность рабочих к политической литературе. Призывы же к террору, равно как и призывы к тому, чтобы придать самой экономической борьбе политический характер, представляют из себя разные формы *отлынивания* от самой настоятельной обязанности русских революционеров: организовать ведение всесторонней политической агитации. «Свобода» хочет *заменить* агитацию террором, признаваясь прямо, что, **«раз начнется усиленная, энергичная агитация в массах, сто экзальтированная (возбуждающая) роль сыгран»** (стр. 68 «Возрожд. революцион.»). Это как раз и показывает, что и террористы и экономисты *недооценивают* революционную активность масс, вопреки явному свидетельству весенних событий*, причем одни бросаются искать искусственных «возбудителей», другие говорят о «конкретных требова-

* Речь идет о весне 1901 года, когда начались крупные уличные демонстрации. (Примечание автора к изданию 1907 г. Ред.)

ниях». И те и другие недостаточно обращают внимание на развитие *своей собственной активности* в деле политической агитации и организации политических обличений. А *заменить* этого дела невозможно ничем другим ни теперь, ни когда бы то ни было в иное время.

д) РАБОЧИЙ КЛАСС КАК ПЕРЕДОВОЙ БОРЕЦ
ЗА ДЕМОКРАТИЮ

Мы видели, что ведение самой широкой политической агитации, а следовательно, и организация всесторонних политических обличений есть безусловно необходимая и *настоятельнее всего* необходимая задача деятельности, если это деятельность истинно социал-демократическая. Но мы сделали этот вывод, исходя *только* из самой насущной потребности рабочего класса в политическом знании и политическом воспитании. Между тем только такая постановка вопроса была бы слишком узка, игнорировала бы общедемократические задачи всякой социал-демократии вообще и современной русской социал-демократии в особенности. Чтобы возможно конкретнее пояснить это положение, попробуем подойти к делу с самой «близкой» для экономиста, именно с практической стороны. «Все согласны», что необходимо развивать политическое сознание рабочего класса. Спрашивается, *как* это сделать и что надо для того, чтобы это сделать? Экономическая борьба «наталкивает» рабочих только на вопросы об отношении правительства к рабочему классу и поэтому, *сколько бы мы ни трудились* над задачей «придать самой экономической борьбе политический характер», мы *никогда не сможем* развить политическое сознание рабочих (до ступени социал-демократического политического сознания) в рамках этой задачи, ибо *самые эти рамки узки*. Мартыновская формула ценна для нас вовсе не потому, что она иллюстрирует способность Мартынова путать, а потому, что она рельефно выражает основную ошибку всех экономистов, именно убеждение, что можно развить классовое политическое сознание рабочих *изнутри*, так сказать, их экономической борьбы, т. е. исходя только (или хотя бы главным образом) из этой борьбы, базируясь только (или хотя бы главным образом) на этой борьбе. Такой взгляд в корне ошибочен, — и именно потому, что экономисты, сердясь на нас за полемику

против них, не хотят подумать хорошенько об источнике разногласий, и получается такая вещь, что мы буквально не понимаем друг друга; говорим на разных языках.

Классовое политическое сознание может быть принесено ~~работнику~~ *только* ~~извне~~, то есть извне экономической борьбы, извне сферы отношений рабочих к хозяевам. Область, из которой только и можно почерпнуть это знание, есть область отношений *всех* классов и слоев к государству и правительству, область взаимоотношений между *всеми* классами. Поэтому на вопрос: что делать, чтобы принести рабочим политическое знание? нельзя давать один только тот ответ, которым в большинстве случаев довольствуются практики, не говоря уже о практиках, склонных к экономизму, именно ответ: «идти к рабочим». Чтобы принести *рабочим* политическое знание, социал-демократы должны *идти во все классы населения*, должны рассылать *во все стороны* отряды своей армии.

Мы нарочно выбираем такую угловатую формулировку, нарочно выражаемся упрощенно резко — вовсе не из желания говорить парадоксы, а для того, чтобы хорошенько *снатолкнуть* экономистов на те задачи, которыми они *непростительно* пренебрегают, на то различие между тред-юнионистской и социал-демократической политикой, которого они не хотят понять. И потому мы просим читателя не горячиться, а внимательно дослушать нас до конца.

Возьмите наиболее распространенный в последние годы тип кружка социал-демократов и присмотритесь к его работе. Он имеет «связи с рабочими» и удовлетворяется этим, издавая листки, в которых бичуются фабричные злоупотребления, пристрастное к капиталистам поведение правительства и полицейские насилия; на собраниях с рабочими беседа не выходит обыкновенно или почти не выходит за пределы тех же тем; рефераты и беседы по истории революционного движения, по вопросам внутренней и внешней политики нашего правительства, по вопросам экономической эволюции России и Европы и положения в современном обществе тех или иных классов и т. п. представляют из себя величайшую редкость, о систематическом приобретении и расширении связей в других классах общества никто и не помышляет. В сущности, идеалом деятеля рисуется в большинстве случаев для членов такого кружка нечто гораздо более похожее на секретаря тред-юниона,

чем на социалиста — политического вождя. Ибо секретарь любого, например, английского тред-юниона всегда помогает рабочим вести экономическую борьбу, организует фабричные обличения, разъясняет несправедливость законов и мероприятий, стесняющих свободу стачек, свободу выставления сторожевых постов (для предупреждения всех и каждого, что на данном заводе стачка), разъясняет пристрастность третейского судьи, принадлежащего к буржуазным классам народа, и пр. и пр. Одним словом, всякий секретарь тред-юниона ведет и помогает вести «экономическую борьбу с хозяевами и с правительством». И нельзя достаточно настаивать на том, что это еще не социал-демократизм, что идеалом социал-демократа должен быть не секретарь тред-юниона, а народный трибунал, умеющий откликаться на все и всякие проявления произвола и гнета, где бы они ни происходили, какого бы слоя или класса они ни касались, умеющий обобщать все эти проявления в одну картину полицейского насилия и капиталистической эксплуатации, умеющий пользоваться каждой мелочью, чтобы излагать *пред всеми* свои социалистические убеждения и свои демократические требования, чтобы разъяснять *всем* и каждому всемирно-историческое значение освободительной борьбы пролетариата. Сравните, например, таких деятелей, как Роберт Найт (известный секретарь и вождь общества котельщиков, одного из самых могущественных английских тред-юнионов) и Вильгельм Либкнехт — и попробуйте применить к ним те противоположения, в которые укладывает Мартынов свои разногласия с «Искрой». Вы увидите, — я начинаю перелистывать статью Мартынова, — что Р. Найт гораздо больше «призывал массы к известным конкретным действиям» (39), а В. Либкнехт больше занимался «революционным освещением всего настоящего строя или частичных его проявлений» (38—39); что Р. Найт «формулировал ближайшие требования пролетариата и указывал на средства к их осуществлению» (41), а В. Либкнехт, делая и это, не отказывался также «одновременно руководить активной деятельностью разных оппозиционных слоев», «диктовать для них положительную программу действий»* (41); что

* Например, во время франко-прусской войны Либкнехт диктовал программу действий *всех демократий*, — и еще больше делали это Маркс с Энгельсом в 1848 году.

Р. Найт старался именно «придать по возможности самой экономической борьбе политической характер» (42) и прекрасно умел «ставить правительству конкретные требования, сулящие известные осязательные результаты» (43), тогда как В. Либкнехт гораздо более занимался «односторонними» «обличениями» (40); что Р. Найт больше придавал значения «поступательному ходу серой текущей борьбы» (61), а В. Либкнехт — «пропаганде блестящих и законченных идей» (61); что В. Либкнехт создавал из руководимой им газеты именно «орган революционной оппозиции, обличающий наши порядки, и преимущественно политические порядки, поскольку они сталкиваются с интересами самых различных слоев населения» (63), тогда как Р. Найт «работал для рабочего дела в тесной органической связи с пролетарской борьбой» (63) — если понимать «тесную и органическую связь» в смысле того преклонения пред стихийностью, которое мы изучали выше на примерах Кричевского и Мартынова — и «суживал сферу своего воздействия», уверенный, конечно, как и Мартынов, в том, что он «тем самым усложнял самое воздействие» (63). Одним словом, вы увидите, что *de facto** Мартынов принижает социал-демократию до тред-юнионизма, хотя делает он это, разумеется, отнюдь не потому, чтобы он не желал добра социал-демократии, а просто потому, что он немножечко поспешил углублять Плеханова вместо того, чтобы дать себе труд понять Плеханова.

Но вернемся к нашему изложению. Мы сказали, что социал-демократ, если он не на словах только стоит за необходимость всестороннего развития политического сознания пролетариата, должен «идти во все классы населения». Являются вопросы: как это сделать? есть ли у нас силы для этого? есть ли почва для такой работы во всех других классах? не будет ли это означать отступление или вести к отступлению от классовой точки зрения? Остановимся на этих вопросах.

«Идти во все классы населения» мы должны и в качестве теоретиков, и в качестве пропагандистов, и в качестве агитаторов, и в качестве организаторов. Что теоретическая работа социал-демократов должна направляться на изучение всех особенностей социального и политического поло-

* — фактически, на деле. Ред.

жения отдельных классов, — в этом никто не сомневается. Но делается в этом отношении очень и очень мало, непропорционально мало сравнительно с работой, направленной на изучение особенностей фабричного быта. В комитетах и кружках вы встретите людей, углубляющихся даже в специальное ознакомление с каким-нибудь железодельным производством, — но почти не найдете примеров, чтобы члены организаций (вынужденные, как это часто бывает, отойти по тем или иным причинам от практической работы) специально занимались собиранием материалов по какому-нибудь злободневному вопросу нашей общественной и политической жизни, могущему дать повод для социал-демократической работы в других слоях населения. Говоря о малой подготовленности большинства современных руководителей рабочего движения, нельзя не упомянуть и о подготовке в этом отношении, ибо это тоже связано с «экономическим» пониманием «тесной органической связи с пролетарской борьбой». Но главное, разумеется, — *пропаганда и агитация* во всех слоях народа. Западно-европейскому социал-демократу облегчают эту задачу народные собрания и сходки, на которые приходит *всякий* желающий, — облегчает парламент, в котором он говорит пред депутатами от *всех* классов. У нас нет ни парламента, ни свободы сходок, — но мы умеем тем не менее устраивать собрания с рабочими, которые хотят слушать *социал-демократа*. Мы должны также уметь устраивать собрания с представителями всех и всяческих классов населения, какие только хотят слушать *демократа*. Ибо тот не социал-демократ, кто забывает на деле, что «коммунисты поддерживают всякое революционное движение», что мы обязаны поэтому *пред всем народом* излагать и подчеркивать *общедемократические задачи*, не скрывая ни на минуту своих социалистических убеждений. Тот не социал-демократ, кто забывает на деле о своей обязанности быть *впереди всех* в постановке, обострении и разрешении *всякого* общедемократического вопроса.

«С этим решительно все согласны!» — перебивает нас нетерпеливый читатель — и новая инструкция для редакции «Раб. Дела», принятая на последнем союзном съезде, прямо говорит: «Поводами к политической пропаганде и агитации должны служить все явления и события общественной и политической жизни, которые затрагивают

пролетариат либо непосредственно как особый класс, либо как *авангард всех революционных сил в борьбе за свободу* («Два съезда», стр. 17, курсив наш). Да, это очень верные и очень хорошие слова, и мы были бы вполне довольны, если бы «Р. Дело» *понимало их, если бы оно не говорило наряду с этими словами того, что идет в разрез с ними.* Мало ведь назвать себя «авангардом», передовым отрядом, — надо и действовать так, чтобы все остальные отряды видели и вынуждены были признать, что мы идем вперед. И мы спрашиваем читателя: неужели же представители остальных «отрядов» такие дураки, чтобы поверить нам на-слово насчет «авангарда»? Представьте только себе конкретно такую картину. В «отряд» русских образованных радикалов или либеральных конституционалистов является социал-демократ и говорит: мы — авангард; «теперь перед нами стоит задача — как придать по возможности самой экономической борьбе политический характер». Сколько-нибудь умный радикал или конституционалист (а среди русских радикалов и конституционалистов много умных людей) только усмехнется, услышав такую речь, и скажет (про себя, конечно, ибо он в большинстве случаев опытный дипломат): «ну, и простоват же этот «авангард»! Не понимает даже того, что ведь это наша задача, задача передовых представителей буржуазной демократии — придать *самой* экономической борьбе рабочих политический характер. Ведь и мы, как и все западно-европейские буржуа, хотим втянуть рабочих в политику, но только именно в *тред-юнионистскую, а не в социал-демократическую политику.* Тред-юнионистская политика рабочего класса есть именно *буржуазная политика* рабочего класса. А формулировка этим «авангардом» его задачи есть именно формулировка тред-юнионистской политики! Поэтому пускай даже называют они себя, сколько угодно, социал-демократами. Не ребенок же я, в самом деле, чтобы мне из-за ярлыков горячиться! Только пусть не поддаются этим зловредным ортодоксальным догматикам, пусть оставляют «свободу критики» за теми, кто бессознательно тащит социал-демократию в тред-юнионистское русло!»

И легкая усмешка нашего конституционалиста превратится в гомерический хохот, когда он узнает, что говорящие об авангарде социал-демократии социал-демократы в настоящее время почти полного господства стихийности

в нашем движении всего больше на свете бояться «преуменьшения стихийного элемента», бояться «уменьшить значение поступательного хода серой текущей борьбы по сравнению с пропагандой блестящих и законченных идей» и проч. и проч.! «Передовой» отряд, который боится, как бы сознательность не обогнала стихийности, который боится выдвинуть смелый «план», вынуждающий общее признание и у несогласно мыслящих! Да уж не смешивают ли они слово авангард с словом арьергард?

Вдумайтесь, в самом деле, в следующее рассуждение Мартынова. Он говорит на стр. 40, что обличительная тактика «Искры» односторонняя, что, «сколько бы мы ни сеяли недоверия и ненависти к правительству, мы цели не достигнем, покуда нам не удастся развить достаточную активную общественную энергию для его низвержения». Это, в скобках сказать, знакомая уже нам забота о повышении активности массы при стремлении принизить свою активность. Но дело теперь не в этом. Мартынов говорит здесь, следовательно, о *революционной* энергии («для низвержения»). И к какому же он приходит выводу? Так как в обычное время разные общественные слои неизбежно идут вразброд, то «ввиду этого ясно, что мы, социал-демократы, не можем одновременно руководить активной деятельностью разных оппозиционных слоев, не можем для них диктовать положительную программу действий, не можем им указывать, какими способами следует изо дня в день бороться за свои интересы... Либеральные слои уже сами позаботятся о той активной борьбе за свои ближайшие интересы, которая их столкнет лицом к лицу с нашим политическим режимом» (41). Таким образом, начав говорить о революционной энергии, об активной борьбе за низвержение самодержавия, Мартынов сейчас же сбился на профессиональную энергию, на активную борьбу за ближайшие интересы! Понятно само собой, что мы не можем руководить борьбой студентов, либералов и проч. за их «ближайшие интересы», но ведь не об этом же была речь, почтеннейший экономист! Речь шла о возможном и необходимом участии разных общественных слоев в низвержении самодержавия, а этой «активной деятельностью разных оппозиционных слоев» мы не только *можем*, но и непременно должны руководить, если мы хотим быть «авангардом». О том, чтобы наши студенты, наши

либералы и пр. «сталкивались лицом к лицу с нашим политическим режимом», позаботятся не только они сами, — об этом прежде всего и больше всего позаботится сама полиция и сами чиновники самодержавного правительства. Но «мы», если мы хотим быть передовыми демократами, должны позаботиться о том, чтобы *наталкивать* людей, недовольных собственно только университетскими или только земскими и т. п. порядками, на мысль о негодности всего политического порядка. Мы должны взять на себя задачу организовать такую всестороннюю политическую борьбу под руководством *нашей* партии, чтобы посильную помощь этой борьбе и этой партии могли оказывать и действительно стали оказывать все и всякие оппозиционные слои. Мы должны выработать из практиков социал-демократов таких политических вождей, которые бы умели руководить всеми проявлениями этой всесторонней борьбы, умели в нужную минуту «продиктовать положительную программу действий» и волнующимся студентам, и недовольным земцам, и возмущенным сектантам, и обиженным народным учителям, и проч., и проч. Поэтому *совершенно неверно* утверждение Мартынова, что «по отношению к ним мы можем выступать *лишь в отрицательной* роли обличителя порядков... Мы можем *только* рассеивать их надежды на разные правительственные комиссии» (курсив наш). Говоря это, Мартынов показывает тем самым, что он *ровнезонько ничего не понимает* в вопросе о действительной роли революционного «авангарда». И если читатель примет это во внимание, то ему станет понятен *истинный смысл* следующих заключительных слов Мартынова: «Искра» есть орган революционной оппозиции, обличающий наши порядки, и преимущественно политические порядки, поскольку они сталкиваются с интересами самых различных слоев населения. Мы же работаем и будем работать для рабочего дела в тесной органической связи с пролетарской борьбой. Суживая сферу своего воздействия, мы тем самым осложняем самое воздействие» (63). Истинный смысл этого вывода такой: «Искра» хочет *поднимать* тред-юнионистскую политику рабочего класса (которой по недоразумению, неподготовленности или по убеждению ограничиваются у нас так часто практики) до социал-демократической политики. А «Раб. Дело» хочет *принимать* социал-демократическую политику до тред-юнио-

нистской. И при этом еще оно уверяет всех и каждого, что это — «вполне совместимые позиции в общем деле» (63). O, sancta simplicitas!*

Пойдем дальше. Есть ли у нас силы для того, чтобы направить свою пропаганду и агитацию во все классы населения? Конечно, да. Наши экономисты, склонные нередко отрицать это, упускают из виду тот гигантский шаг вперед, который сделало наше движение с 1894 (приблизительно) по 1901 г. Истинные «хвостисты», они живут зачастую в представлениях давно миновавшего периода начала движения. Тогда у нас действительно было поразительно мало сил, тогда была естественна и законна решимость всецело уйти в работу среди рабочих и сурово осуждать всякие отклонения от нее, тогда вся задача состояла в том, чтобы упрочиться в рабочем классе. Теперь в движение втянута гигантская масса сил, к нам идут все лучшие представители молодого поколения образованных классов, везде и повсюду по всей провинции ~~вынуждены~~ сидеть люди, принимавшие уже или желающие принять участие в движении, люди, тяготеющие к социал-демократии (тогда как в 1894 г. по пальцам можно было пересчитать русских социал-демократов). Один из основных политических и организационных недостатков нашего движения, — что мы *не умеем* ~~взять~~ все эти силы, дать всем подходящую работу (подробнее мы скажем об этом в следующей главе). Громадное большинство ~~этих~~ сил совершенно лишено возможности «идти к рабочим», так что об опасности отвлечь силы от нашего основного дела не может быть и речи. А для доставления рабочим настоящего, всестороннего и живого политического знания необходимы «свои люди», социал-демократы, везде и повсюду, во всех общественных слоях, на всяких позициях, дающих возможность знать внутренние пружины нашего государственного механизма. И необходимы такие люди не только в пропагандистском и агитационном, но еще более в организационном отношении.

Есть ли почва для деятельности во всех классах населения? Кто не видит этого, тот опять-таки отстает своей сознательностью от стихийного подъема масс. Рабочее движение вызвало и продолжает вызывать недовольство

* — O, святая простота! Ред.

в одних, надежды на поддержку оппозиции в других, сознание невозможности самодержавия и неизбежности его краха в третьих. Мы были бы только на словах «политиками» и социал-демократами (как очень и очень часто бывает в действительности), если бы не сознавали своей задачи использовать все и всякие проявления недовольства, собрать и подвергнуть обработке все крупицы хотя бы зародышевого протеста. Не говорим уже о том, что вся многомиллионная масса трудящегося крестьянства, кустарей, мелких ремесленников и проч. всегда жадно стала бы слушать проповедь сколько-нибудь умелого социал-демократа. Но разве можно указать хотя бы один класс населения, в котором не было бы людей, групп и кружков, недовольных бесправием и произволом, а потому доступных проповеди социал-демократа, как выразителя самых наболевших общедемократических нужд? А кто хочет конкретно представить себе эту политическую агитацию социал-демократа во *всех* классах и слоях населения, тому мы укажем на *политические обличения* в широком смысле этого слова, как на главное (и, разумеется, не единственное) средство этой агитации.

«Мы должны, — писал я в статье «С чего начать?» («Искра» № 4, май 1901 г.), о которой нам придется подробно беседовать ниже, — пробудить во *всех* сколько-нибудь сознательных слоях народа страсть *политических* обличений. Не надо смущаться тем, что *политические* обличительные голоса так слабы, редки и робки в настоящее время. Причина этого — отнюдь не повальное примирение с полицейским произволом. Причина — та, что у людей, способных и готовых обличать, нет трибуны, с которой бы они могли говорить, — нет аудитории, страстно слушающей и ободряющей ораторов, — что они не видят нигде в народе такой силы, к которой бы стоило труда обращаться с жалобой на «всемогущее» русское правительство... Мы в состоянии теперь, и мы обязаны создать трибуну для всенародного обличения царского правительства; — такой трибуной должна быть социал-демократическая газета»*.

Именно такой идеальной аудиторией для политических обличений является рабочий класс, которому всестороннее и живое политическое знание нужно прежде всего и больше всего; который наиболее способен претворять это знание в активную борьбу, хотя бы она никаких «осязательных результатов» и не сулила. А трибуной для

* См. настоящий том, стр. 9—10. *Ред.*

всенародных обличений может быть только общерусская газета. «Без политического органа немислимо в современной Европе движение, заслуживающее название политического», а Россия в этом отношении, несомненно, относится также к современной Европе. Печать давно стала уже у нас силой — иначе бы правительство не тратило десятков тысяч рублей на подкуп ее и на субсидирование разных Катковых и Мещерских. И не новость в самодержавной России; что нелегальная печать продавала цензурные запоры и ~~заставляла~~ открыто говорить о себе легальные и консервативные органы. Так было и в 70-х и даже в 50-х годах. А во сколько раз шире и глубже теперь те народные слои, которые готовы читать нелегальную печать и учиться по ней; «как жить и как умереть», ~~употребляя~~ выражение рабочего, обратившегося с письмом в «Искру» (№ 7)¹¹⁸. Политические обличения являются именно таким объявлением войны *правительству*, как экономические обличения — объявляют войну фабриканту. И это объявление войны имеет тем большее нравственное значение, чем шире и сильнее эта обличительная кампания, чем многочисленнее и решительнее тот общественный класс, который *объявляет войну, чтобы начать войну*. Политические обличения являются поэтому уже сами по себе одним из могучих средств *разложения* враждебного строя, средств отвлечения от врага его случайных или временных союзников, средств посеять вражду и недоверие между постоянными участниками самодержавной власти.

Авангардом революционных сил сумеет стать в наше время только партия, которая *организует* действительно *всенародные* обличения. А это слово: «всенародные» имеет очень большое содержание. Громадное большинство обличителей из не-рабочего класса (а чтобы стать авангардом, надо именно привлечь другие классы) — трезвые политики и хладнокровные деловые люди. Они прекрасно знают, как небезопасно «жаловаться» даже на низшего чиновника, а не то что на «всемогущее» русское правительство. И они обратятся к нам с жалобой только тогда, когда увидят, что эта жалоба действительно способна оказать действие, что мы представляем из себя *политическую силу*. Чтобы стать таковой в глазах посторонних лиц, надо много и упорно работать над *повышением* нашей

сознательности, инициативности и энергии; для этого недостаточно повесить ярлык «авангард» на теорию и практику арьергарда.

Но если мы должны взять на себя организацию действительно всенародных обличений правительства, то в чем же выразится тогда классовый характер нашего движения? — спросит и спрашивает уже нас усердный не по разуму поклонник «тесной органической связи с пролетарской борьбой». — Да вот именно в том, что организуем эти всенародные обличения мы, социал-демократы; — в том, что освещение всех поднимаемых агитацией вопросов будет даваться в неуклонно социал-демократическом духе без всяких потачек умышленным и неумышленным искажениям марксизма; — в том, что вести эту всестороннюю политическую агитацию будет партия, соединяющая в одно неразрывное целое и натиск на правительство от имени всего народа, и революционное воспитание пролетариата, наряду с охраной его политической самостоятельности, и руководство экономической борьбой рабочего класса, утилизацию тех стихийных столкновений его с его эксплуататорами, которые поднимают и привлекают в наш лагерь новые и новые слои пролетариата!

Но одной из самых характерных черт экономизма является именно непонимание этой связи — более того: этого совпадения самой насущной потребности пролетариата (всестороннее политическое воспитание посредством политической агитации и политических обличений) и потребности общедемократического движения. Непонимание выражается не только в «мартыновских» фразах, но также и в тождественных по смыслу с этими фразами ссылок на классовую якобы точку зрения. Вот; напр., как выражаются об этом авторы «экономического» письма в № 12 «Искры»: «Тот же основной недостаток «Искры» (переоценка идеологии) является причиной ее непоследовательности в вопросах об отношении социал-демократии к различным общественным классам и направлениям. Решив

* Недостаток места не позволил нам в «Искре» с полной обстоятельностью ответить на это крайне характерное для экономистов письмо. Мы были очень рады его появлению, ибо толки о невыдержанности классовой точки зрения в «Искре» доходили до нас уже давно и с самых различных сторон, и мы искали только удобного случая или оформленного выражения ходячего обвинения, чтобы ответить на него. А отвечать на нападения мы привыкли не защитой, а контрнападением.

посредством теоретических выкладок...» (а не посредством «роста партийных задач, растущих вместе с партией...») «задачу о немедленном переходе к борьбе против абсолютизма и чувствуя, вероятно, всю трудность этой задачи для рабочих при настоящем положении дел... (я не только чувствуя, но прекрасно зная, что рабочим эта задача кажется менее трудной, чем заботящимся о малых детях «экономическим» интеллигентам, ибо рабочие готовы драться даже за требования, не сулящие, говоря языком незабвенного Мартынова; никаких «осязательных результатов»)... «но не имея терпения ждать дальнейшего накопления ими сил для этой борьбы, «Искра» начнет искать союзников в рядах либералов и интеллигенции»...

Да, да, мы действительно потеряли уже всякое «терпение» «ждать» того блаженного, давным-давно уже нам всякими «примирителями» обещанного, времени, когда наши экономисты перестанут сваливать *свою* отсталость на рабочих, оправдывать недостаток своей энергии недостатком будто бы сил у рабочих. Мы спросим наших экономистов: в чем должно состоять «накопление рабочими сил для этой борьбы»? Не очевидно ли, что в политическом воспитании рабочих, в изобличении пред ними *всех* сторон нашего гнусного самодержавия? И не ясно ли, что *как раз для этой работы* нам и нужны «союзники в рядах либералов и интеллигенции», готовые делиться с нами обличениями политического похода на земцев, учителей, статистиков; студентов и проч.? Неужели в самом деле так уже трудно понять эту удивительно «хитрую механику»? Неужели П. Б. Аксельрод не твердит уже вам с 1897 года: «Задача приобретения русскими социал-демократами приверженцев и прямых или косвенных союзников среди непролетарских классов решается прежде всего и главным образом характером пропагандистской деятельности в среде самого пролетариата»? А Мартыновы и прочие экономисты все-таки продолжают представлять себе дело так, что рабочие *сначала* должны «экономической борьбой с хозяевами и с правительством» накопить себе силы (для тред-юнионистской политики), а *потом* уже «перейти», — должно быть, от тред-юнионистского «воспитания активности» к социал-демократической активности!

«...В своих поисках, — продолжают экономисты, — «Искра» нередко сходит с классовой точки зрения, затушевывая классовые противоречия и выдвигая на первый план общность недовольства правительством, хотя причины и степень этого недовольства у «союзников» весьма различны. Таковы, напр., отношения «Искры» к земству»... «Искра» будто бы «обещает неудовлетворенным правительственными подачками дворянам помощь рабочего класса, ни словом при этом не обмолвившись о классовой розни этих слоев населения». Если читатель обратится к статьям «Самодержавие и земство» (№№ 2 и 4 «Искры»), о которых, вероятно, говорят авторы письма, то увидит, что эти статьи* посвящены отношению правительства к «мягкой агитации сословно-бюрократического земства», к «самодеятельности даже имущих классов». В статье говорится, что рабочему нельзя смотреть равнодушно на борьбу правительства против земства, и земцы приглашаются бросить мягкие речи и сказать твердое и резкое слово; когда пред правительством встанет во весь рост революционная социал-демократия. С чем несогласны тут авторы письма? — неизвестно. Думают ли они, что рабочий «не поймет» слов: «имущие классы» и «сословно-бюрократическое земство»? — что *подталкивание* земцев к переходу от мягких к резким словам есть «переоценка идеологии»? Воображают ли они, что рабочие могут «накопить в себе силы» для борьбы с абсолютизмом, если они не будут знать об отношении абсолютизма и к земству? Все это опять-таки остается неизвестным. Ясно только одно: что авторы очень смутно представляют себе политические задачи социал-демократий. Еще яснее это из их фразы: «Таково же» (т. е. тоже «затемняющее классовые антагонизмы») «отношение «Искры» и к студенческому движению». Вместо призыва рабочих публичной демонстрацией заявить, что настоящим очагом насилия, бесчинства и разнузданности является не студенчество; а русское правительство (№ 2 «Искры»**) — мы должны были, вероятно, поместить рассуждение в духе «Р. Мысли!» И подобные мысли высказываются социал-демократами

* А между этими статьями (№ 3 «Искры») была помещена статья специально о классовых антагонизмах в нашей деревне. (См. Сочинения, 4 изд., том 4, стр. 394—401. Ред.)

** См. Сочинения, 4 изд., том 4, стр. 388—393. Ред.

осенью 1901 года, после февральских и мартовских событий, накануне нового студенческого подъема, обнаруживающего, что и в этой области «стихийность» протеста против самодержавия *обгоняет* сознательное руководство движением со стороны социал-демократии. Стихийное стремление рабочих вступиться за избиваемых полицией и казаками студентов обгоняет сознательную деятельность социал-демократической организации!

«Между тем, в других статьях — продолжают авторы письма — «Искра» резко осуждает всякие компромиссы и выступает, например, на защиту нетерпимого поведения гедистов». Мы советуем людям, которые так самоуверенно и так легкомысленно заявляют обыкновенно по поводу разногласий в среде современных социал-демократов, что-де эти разногласия несущественны и раскола не оправдывают, — порааздумать хорошенько над этими словами. Возможна ли успешная работа в одной организации людей, которые говорят, что в деле выяснения враждебности самодержавия самым различным классам, в деле ознакомления рабочих с оппозицией самодержавию самых различных слоев мы сделали еще поразительно мало — и людей, которые видят в этом деле «компромисс», очевидно, компромисс с теорией «экономической борьбы с хозяевами и с правительством»?

Мы говорили о необходимости внести классовую борьбу в деревню по поводу сорокалетия освобождения крестьян (№ 3*) и о непримиримости самоуправления и самодержавия по поводу тайной записки Витте (№ 4); мы напали на крепостничество землевладельцев и служащего им правительства по поводу нового закона (№ 8**) и приветствовали нелегальный земский съезд, поощряя земцев перейти к борьбе от униженных ходатайств (№ 8***); — мы поощряли студентов, начинавших понимать необходимость политической борьбы и переходивших к таковой (№ 3), и в то же время бичевали «дикое непонимание», обнаруженное сторонниками «только студенческого» движения, приглашавшими студентов не участвовать в уличных демонстрациях (№ 3, по поводу воззвания Исполнительного комитета московского студенчества от 25 февраля); —

* См. Бочиневия, 4 изд., том 4, стр. 394—401. Ред.

** См. настоящий том, стр. 78—83. Ред.

*** См. настоящий том, стр. 84—85. Ред.

мы разоблачали «бессмысленные мечтания» и «лижливое лицемерие» либеральных лукавцев газеты «Россия»¹¹⁹ (№ 5) и в то же время отмечали бешенство правительственного застенка, который «творил расправу над мирными литераторами, над старыми профессорами и учеными, над известными либеральными земцами» (№ 5: «Полицейский набег на литературу»); мы разоблачали настоящее значение программы «государственной поличительности о благоустройстве быта рабочих» и приветствовали «ценное признание», что «лучше преобразованиями сверху предупредить требования таковых снизу, чем дожидаться последнего» (№ 6*); — мы поощряли статистиков-протестантов (№ 7) и порицали статистиков-штрейкбрехеров (№ 9). Кто усматривает в этой тактике затемнение классового сознания пролетариата и *компромисс с либерализмом*, — тот тем самым обнаруживает, что он совершенно не понимает истинного значения программы «Credo» и *de facto* *проводит именно эту программу*, сколько бы он от нее ни отрекался! Потому что он *тем самым* тащит социал-демократию к «экономической борьбе с хозяевами и с правительством» и *пасует перед либерализмом*, отказываясь от задачи активно вмешиваться в *каждый* «либеральный» вопрос и определять *свое*, социал-демократическое, отношение к этому вопросу.

е) ЕЩЕ РАЗ «КЛЕВЕТНИКИ», ЕЩЕ РАЗ
«МИСТИФИКАТОРЫ»

Эти любезные слова принадлежат, как помнит читатель, «Раб. Делу», которое отвечает таким образом на наше обвинение его в «косвенном подготавливании почвы для превращения рабочего движения в орудие буржуазной демократии». В простоте душевной «Раб. Дело» решило, что это обвинение есть не что иное, как полемическая выходка: порешили, дескать, эти злые догматики наговорить нам всяких неприятностей: ну, а что же может быть более неприятного, как явиться орудием буржуазной демократии? И вот печатается жирным шрифтом «опровержение»: «ничем не прикрашенная клевета» («Два съезда», стр. 30), «мистификация» (31), «маскарад» (33). Подобно

* См. настоящий том, стр. 71—72. *Ред.*

Юпитеру, «Р. Дело» (хотя оно и мало похоже на Юпитера) сердится именно потому, что оно неправо, доказывая своими торопливыми ругательствами неспособность вдуматься в ход мысли своих противников. А ведь немного надо бы подумать; чтобы понять; почему всякое преклонение пред стихийностью массового движения, всякое приращение социал-демократической политики до тред-юнионистской есть именно подготовка почвы для превращения рабочего движения в орудие буржуазной демократии. Стихийное рабочее движение само по себе способно создать (и неизбежно создает) только тред-юнионизм, а тред-юнионистская политика рабочего класса есть именно буржуазная политика рабочего класса. Участие рабочего класса в политической борьбе и даже в политической революции несколько еще не делает его политики социал-демократической политикой. Не вздумает ли отрицать это «Р. Дело»? Не вздумает ли оно наконец изложить перед всеми прямо и без уверток свое понимание наболевших вопросов международной и русской социал-демократии? — О нет, оно никогда не вздумает ничего подобного, ибо оно твердо держится того приема; который можно назвать приемом «сказываться в нетях». Я не я, лошадь не моя, я не извозчик. Мы не экономисты, «Раб. Мысль» не экономизм, в России нет вообще экономизма. Это — замечательно ловкий и «политичный» прием; имеющий только то маленькое неудобство, что органы, его практикующие, принято называть кличкой: «чего изволите?».

«Раб. Делу» кажется, что вообще буржуазная демократия в России есть «фантом» («Два съезда», с. 32)*. Счастливые люди! Подобно страусу, прячут они голову под крыло и воображают, что от этого исчезает все окружающее. Ряд либеральных публицистов, ежемесячно оповещающих всех о своем торжестве по поводу распада и даже исчезновения марксизма; ряд либеральных газет

* Здесь не ссылка на «конкретные русские условия, фатально толкающие рабочее движение на революционный путь». Не хотят люди понять того, что революционный путь рабочего движения может еще быть и не социал-демократическим путем! Ведь вел западно-европейская буржуазия при абсолютизме толкала, сознательно толкала рабочих на революционный путь. Мы же, социал-демократы, не можем удовлетвориться этим. И если мы чем бы то ни было принуждаем социал-демократическую политику до стихийной, тред-юнионистской политики, то мы именно этим и играем на руку буржуазной демократии.

(«СПБ. Ведомости»¹²⁰, «Русские Ведомости» и мн. др.), поощряющих тех либералов, которые несут рабочим брентановское понимание классовой борьбы и тред-юнионистское понимание политики; — плеяда критиков марксизма, истинные тенденции которых так хорошо раскрыло «Credo» и литературные товары которых одни только безданным беспощадно гуляют по России; — оживление революционных не социал-демократических направлений, особенно после февральских и мартовских событий; — все это, должно быть, фантом! Все это не имеет ровно никакого отношения к буржуазной демократии!

«Раб. Делу», как и авторам экономического письма в № 12 «Искры», следовало бы «пораздумать над тем, почему это весенние события вызвали такое оживление революционных не социал-демократических направлений, вместо того, чтобы вызвать усиление авторитета и престижа социал-демократии»? — Потому, что мы оказались не на высоте задачи, активность рабочих масс оказалась выше нашей активности, у нас не нашлось налицо достаточно подготовленных революционных руководителей и организаторов, которые бы прекрасно знали настроение во всех оппозиционных слоях и умели ветать во главе движения, превратить стихийную демонстрацию в политическую, расширить ее политический характер и т. д. При таких условиях нашей отсталостью неизбежно будут пользоваться более подвижные, более энергичные революционеры не социал-демократы, и рабочие, как бы они самоотверженно и энергично ни дрались с полицией и войском, как бы они революционно ни выступали, окажутся только силой, поддерживающей этих революционеров, окажутся арьергардом буржуазной демократии, а не социал-демократическим авангардом. Возьмите германскую социал-демократию, у которой наши экономисты хотят перенять только ее слабые стороны. Отчего ни одно политическое событие в Германии не проходит без того, чтобы не повлиять на большее и большее усиление авторитета и престижа социал-демократии? Оттого, что социал-демократия всегда оказывается впереди всех в наиболее революционной оценке этого события; в защите всякого протеста против произвола. Она не убаюкивает себя рассуждениями, что экономическая борьба патолкиет рабочих на вопрос об их бесправии и что конкретные условия фа-

тально толкают рабочее движение на революционный путь. Она вмешивается во все области и все вопросы общественной и политической жизни, и в вопрос о неутверждении Вильгельмом городского головы из буржуазных прогрессистов (немцев еще не успели просветить наши экономисты, что это есть, в сущности, компромисс с либерализмом!), и в вопрос об издании закона против «безнравственных» сочинений и изображений, и в вопрос о правительственном влиянии на выбор профессоров и проч. и т. п. Везде они оказываются впереди всех, возбуждая политическое недовольство во всех классах, расталкивая сонных, подтягивая отсталых; давая всесторонний материал для развития политического сознания и политической активности пролетариата. И в результате получается то, что к передовому политическому борцу проникаются уважением даже сознательные враги социализма, и нередко важный документ не только из буржуазных, но даже и бюрократических и придворных сфер каким-то чудом попадает в редакционный кабинет «Vorwärts'a».

Вот где лежит разгадка того кажущегося «противоречия», которое до такой степени превосходит меру понимания «Раб. Дела», что оно только воздевает руки горе и кричит: «маскарад»! Представьте себе в самом деле: мы, «Раб. Дело», ставим *во главу угла* массовое рабочее движение (и печатаем это жирным шрифтом!), мы предупреждаем всех и каждого от преуменьшения значения стихийного элемента, мы хотим придать самой, самой экономической борьбе политический характер, мы хотим остаться в тесной и органической связи с пролетарской борьбой! А нам говорят, что мы подготовляем почву для превращения рабочего движения в орудие буржуазной демократии. И кто говорит это? Люди, которые вступают в «компромисс» с либерализмом, вмешиваясь в каждый «либеральный» вопрос (какое непонимание «органической связи с пролетарской борьбой»!), обращая так много внимания и на студентов и даже (о ужас!) на немцев! Люди, которые вообще хотят уделять больший (по сравнению с экономистами) процент своих сил на деятельность среди непролетарских классов населения! Это ли не «маскарад»??

Бедное «Раб. Дело»! Додумается ли оно когда-нибудь до разгадки этой хитрой механики?

IV

КУСТАРНИЧЕСТВО ЭКОНОМИСТОВ
И ОРГАНИЗАЦИЯ РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ

Разобранные нами выше утверждения «Раб. Дела», что экономическая борьба есть наиболее широко применимое средство политической агитации, что наша задача теперь — придать самой экономической борьбе политический характер и т. п., выражают собою узкое понимание не только наших политических, но и наших *организационных* задач. Для «экономической борьбы с хозяевами и с правительством» совершенно не нужна, — а потому на такой борьбе не может и выработаться, — общерусская централизованная организация, объединяющая в один общий натиск все и всяческие проявления политической оппозиции, протеста и возмущения, организация; состоящая из революционеров по профессии и руководимая настоящими политическими вождями всего народа. Да это и понятно. Характер организации всякого учреждения естественно и неизбежно определяется содержанием деятельности этого учреждения. Поэтому «Раб. Дело» своими вышеразобранными утверждениями освящает и узаконяет не только узость политической деятельности; но и узость организационной работы. И в этом случае, как и всегда, оно является органом, сознательность которого пасует пред стихийностью. А между тем преклонение пред стихийно складывающимися формами организации, отсутствие сознания того, насколько узка и примитивна наша организационная работа, какие еще мы «кустари» в этой важной области, отсутствие этого сознания, говорю я, представляет собою настоящую болезнь нашего движения. Это не болезнь упадка, а болезнь роста; само собою разумеется. Но именно теперь, когда волна стихийного возмущения захлестывает, можно сказать, нас, как руководителей и организаторов движения, особенно необходима самая непримиримая борьба против всякой защиты отсталости, против всякого узаконения узости в этом деле, особенно необходимо пробудить в каждом, кто участвует в практической работе или только собирается взяться за нее, недовольство господствующим у нас *кустарничеством* и непреклонную решимость избавиться от него.

а) ЧТО ТАКОЕ КУСТАРНИЧЕСТВО?

Попробуем ответить на этот вопрос маленькой картинкой деятельности типичного социал-демократического кружка 1894—1901 годов. Мы уже указывали на повальное увлечение марксизмом учащейся молодежи этого периода. Это увлечение относилось, разумеется, не только и даже не столько к марксизму, как к теории, а как к ответу на вопрос: «что делать?», как к призыву идти в поход на врага. И новые ратники шли в поход с удивительно первобытным снаряжением и подготовкой. В массе случаев не было даже почти никакого снаряжения и ровно никакой подготовки. Шли на войну, как мужики от сохи, захватив одну только дубину. Кружок студентов, без всякой связи с старыми деятелями движения, без всякой связи с кружками в других местностях, или даже в других частях города (или в иных учебных заведениях), без всякой организации отдельных частей революционной работы, без всякого систематического плана деятельности на сколько-нибудь значительный период, заводит связи с рабочими и берется за дело. Кружок разворачивает постепенно более и более широкую пропаганду и агитацию, привлекает фактом своего выступления сочувствие довольно широких слоев рабочих, сочувствие некоторой части образованного общества, доставляющего деньги и отдающего в распоряжение «Комитету» новые и новые группы молодежи. Растет обаяние комитета (или союза борьбы), растет размах его деятельности, и он расширяет эту деятельность совершенно стихийно: те же люди, которые год или несколько месяцев тому назад выступали в студенческих кружках и решали вопрос: «куда идти?», которые заводили и поддерживали сношения с рабочими, изготовляли и выпускали листки, заводят связи с другими группами революционеров, раздобывают литературу, берутся за издание местной газеты, начинают говорить об устройстве демонстрации, переходят наконец к открытым военным действиям (причем этим открытым военным действием может явиться, смотря по обстоятельствам, и первый же агитационный листок, и первый номер газеты, и первая демонстрация). И обыкновенно первое же начало этих действий ведет за собою немедленно полный провал. Немедленно и полный именно потому, что эти военные

действия явились не результатом систематического, заранее обдуманного и исподволь подготовленного плана длинной и упорной борьбы, а просто стихийным ростом традиционно ведущейся кружковой работы; потому что полиция, естественно, почти всегда знала всех главных деятелей местного движения, «зарекомендовавших» себя еще со студенческой скамьи, и только выжидала самого удобного для нее момента облавы, нарочно давая кружку достаточно разрастись и развернуться, чтобы иметь осязательный *corpus delicti**, и нарочно оставляя всегда нескольких известных ей лиц «на разводку» (как гласит техническое выражение, употребляемое, насколько мне известно, и нашим братом, и жандармами). Такую войну нельзя не сравнить с походом вооруженных дубинами шаек крестьян против современного войска. И надо только удивляться жизненности движения, которое ширилось, росло и одерживало победы, несмотря на это полное отсутствие подготовки у сражавшихся. Правда, с исторической точки зрения, примитивность снаряжения была не только неизбежна вначале, но *даже законна*, как одно из условий широкого привлечения ратников. Но как только начались серьезные военные действия (а они начались уже, в сущности, с летних стачек 1896 года), — недостатки нашей военной организации стали все сильнее и сильнее давать себя чувствовать. Опешив на первых порах и наделав ряд ошибок (вроде обращения к обществу с описанием злодейств социалстов или ссылки рабочих из столиц в промышленные центры провинции), правительство вскоре приспособилось к новым условиям борьбы и сумело поставить на надлежащие места свои, вооруженные всеми усовершенствованиями, отряды провокаторов, шпионов и жандармов. Погромы стали так часто повторяться, захватывать такую массу лиц, выметать до такой степени начисто местные кружки, что рабочая масса теряла буквально всех руководителей, движение приобретало невероятно скачкообразный характер, и абсолютно никакой преемственности и связности работы не могло установиться. Поразительная раздробленность местных деятелей, случайность состава кружков, неподготовленность и узкий круговор в области теоретических, политических и органи-

* — состав преступившил. Ред.

вационных вопросов были неизбежным результатом описанных условий. Дело дошло до того, что в некоторых местах рабочие в силу недостатка у нас выдержки и конспиративности проникаются недоверием к интеллигенции и сторонятся от нее: интеллигенты, говорят они, слишком необдуманно приводят к провалам!

Что это кустарничество стало наконец ощущаться всеми мыслящими социал-демократами, как болезнь, — это знает каждый, сколько-нибудь знакомый с движением. А чтобы читатель, незнакомый с ним, не подумал, что мы «конструируем» искусственно особую стадию или особую болезнь движения, — мы сошлемся на упомянутого уже раз свидетеля. Пусть не посетуют на нас за длинную выписку.

«Если постепенный переход к более широкой практической деятельности, — пишет Б — в в № 6 «Раб. Дела», — переход, находящийся в прямой зависимости от общего переходного времени, переживаемого русским рабочим движением, является характерной чертой... то есть еще другая не менее интересная черта в общем механизме русской рабочей революции. Мы говорим о том *общем недостатке годных к действию революционных сил**, который ощущается не только в Петербурге, но и во всей России. С общим оживлением рабочего движения, с общим развитием рабочей массы, с все учащающимися случаями стачек, с все более открытой массовой борьбой рабочих, усиливающей правительственные преследования, аресты, ссылку и высылку, этот недостаток в качественно *высоких революционных силах становится все заметнее и, несомненно, остается не без влияния на глубину и общий характер движения*. Многие стачки проходят без сильного и непосредственного воздействия революционных организаций... чувствуется недостаток в агитационных листках и нелегальной литературе... рабочие кружки остаются без агитаторов... Рядом с этим замечается постоянная нужда в денежных средствах. Словом, *рост рабочего движения опережает рост и развитие революционных организаций*. Наличный состав действующих революционеров оказывается слишком незначительным, чтобы сосредоточить в своих руках влияние на всю волнуемую рабочую массу, чтобы придать всем волнениям хотя бы оттенок стройности и организованности... Отдельные кружки, отдельные революционеры не собраны, не объединены, не составляют единой, сильной и дисциплинированной организации с планомерно развитыми частями... И, обговорившись, что немедленное появление новых кружков, на место разбитых, «докапывает только жизнеспособность движения... но не показывает еще наличие достаточного количества вполне пригодных революционных деятелей», автор заключает: «Практическая неподготовленность петербургских революционеров сказывается и в результатах их работы. Последние процессы, особенно групп «Самоосвобождение» и «Борьба

* Курсив везде наш.

труда с капиталом»¹²¹, ясно показали, что молодой агитатор, незнакомый детально с условиями труда, а следовательно, и агитации на данном заводе, не знающий принципов конспирации и усвоивший (усвоивший ли?) «только общие взгляды социал-демократии, может проработать каких-нибудь 4, 5, 6 месяцев. Затем наступает арест, часто влекущий за собой разгром всей организации или по крайней мере части ее. Спрашивается, возможна ли успешная и плодотворная деятельность группы, если время существования этой группы определяется месяцами?.. Очевидно, недостатки существующих организаций нельзя целиком относить на счет переходного времени... очевидно, количественный и, главное, качественный состав действующих организаций играет здесь немаловажную роль, и первой задачей наших социал-демократов... должно быть *реальное объединение организаций при строгом выборе членов*».

б) КУСТАРНИЧЕСТВО И ЭКОНОМИЗМ

Мы должны теперь остановиться на вопросе, который наверно напрашивается уже у всякого читателя. Можно ли ставить в связь это кустарничество, как болезнь роста, свойственную *всему* движению, с экономизмом, как с *одним* из течений в русской социал-демократии? Мы думаем, что да. Практическая неподготовленность, неумелость организационной работы обща действительно *всем нам*, в том числе и тем, кто с самого начала неуклонно стоял на точке зрения революционного марксизма. И за неподготовленность самое по себе никто не мог бы, конечно, и винить практиков. Но кроме неподготовленности в понятие «кустарничества» входит еще и нечто другое: узкий размах всей революционной работы вообще, непонимание того, что на этой узкой работе и не может сложиться хорошая организация революционеров, наконец — и это главное — попытки оправдать эту узость и возвести в особую «теорию», т. е. преклонение пред стихийностью и в этой области. Раз только обнаружили такие попытки, — стало уже несомненным, что кустарничество связано с экономизмом и что мы не избавимся от узости нашей организационной деятельности, не избавившись от экономизма вообще (т. е. узкого понимания и теории марксизма и роли социал-демократии и политических задач ее). А попытки эти обнаружили в двояком направлении. Одни стали говорить: рабочая масса не выдвинула еще сама таких широких и боевых политических задач, которые ей «навязывают» революционеры, она должна еще бороться за *ближайшие* политические требования, вести «экономи-

чекую борьбу с хозяевами и с правительством)* (а этой «доступной» массовому движению борьбе естественно соответствует и «доступная» даже самой неподготовленной молодежи организация). Другие, далекие от всякой «постепенщины», стали говорить: возможно и должно «совершить политическую революцию», но для этого нет никакой надобности в создании крепкой организации революционеров, воспитывающей пролетариат стойкой и упорной борьбой; для этого достаточно, чтобы мы все схватились за «доступную» и знакомую уже дубину. Говоря без аллегорий — чтобы мы устроили всеобщую стачку**; или чтобы мы возбудили «вялый» ход рабочего движения посредством «эксцитативного террора»***. Оба эти направления, и оппортунисты и «революционисты», пасуют пред господствующим кустарничеством; не верят в возможность избавления от него, не понимают нашей первой и самой настоятельной практической задачи: создать *организацию революционеров*, способную обеспечить энергию; устойчивость и преемственность политической борьбы.

Мы сейчас привели слова Б — ва: «рост рабочего движения опережает рост и развитие революционных организаций». Это «ценное сообщение близкого наблюдателя» (отзыв редакции «Рабочего Дела» о статье Б — ва) имеет для нас двойную ценность. Оно показывает, что мы были правы, усматривая основную причину современного кризиса в русской социал-демократии в *отсталости руководителей* («идеологов», революционеров, социал-демократов) от *стихийного подъема масс*. Оно показывает, что именно прославлением и защитой кустарничества являются все эти рассуждения авторов экономического письма (в № 12 «Искры»), Б. Кричевского и Мартынова об опасности пренебрегать значение стихийного элемента, серой текущей борьбы, о тактике-процессе и проч. Эти люди, которые без пренебрежительной гримасы не могут произносить слово: «теоретик», которые называют «чутьем к жизни» свое коленопреклонение пред житейской неподготовленностью

* «Раб. Мысль» и «Раб. Дело», особ. «Ответ» Плеханову.

** Брошюра «Кто совершит политическую революцию?» — в заданном в России сборнике «Пролетарская борьба». Вышла там же переиздана Киевским комитетом.

*** «Возрождение революционизма» и «Свобода».

и неразвитостью, обнаруживают на деле непонимание самых настоятельных наших *практических* задач. Людям отставшим кричат: идите в ногу! не опережайте! Людям, страдающим от недостатка энергии и инициативы в организационной работе, от недостатка «планов» широкой и смелой постановки дела, кричат о «тактике-процессе»! Основной наш грех состоит в *принижении* наших политических и организационных задач до ближайших, «осязательных», «конкретных» интересов текущей экономической борьбы, — а нам продолжают напевать: самой экономической борьбе надо придать политический характер! Еще раз: это буквально такое же «чутье к жизни», которое обнаруживал герой народного эпоса, кричавший: «таскать вам не перетаскать!» при виде похоронной процессии.

Вспомните, с каким несравненным, поистине «нарциссовским» высокомерием поучали эти мудрецы Плеханова: «рабочим *кружкам* вообще (sic!) недоступны политические задачи в действительном, *практическом* смысле этого слова, т. е. в смысле целесообразной и успешной *практической* борьбы за политические требования» («Ответ редакции «Р. Д.», стр. 24). Есть кружки и кружки, господа! Кружку «кустарей», конечно, недоступны политические задачи, покуда эти кустари не сознали своего кустарничества и не избавились от него. Если же эти кустари кроме того влюблены в свое кустарничество, если они пишут слово «практический» непременно курсивом и воображают, что практичность требует принижения своих задач до уровня понимания самых отсталых слоев массы, — то тогда, разумеется, эти кустари безнадежны, и им, действительно, *вообще недоступны политические задачи*. Но кружку корифеев, вроде Алексеева и Мышкина, Халтурина и Желябова, доступны политические задачи в самом действительном, в самом практическом смысле этого слова, доступны именно потому и постольку, поскольку их горячая проповедь встречает отклик в стихийно пробуждающейся массе, поскольку их кипучая энергия подхватывается и поддерживается энергией революционного класса. Плеханов был тысячу раз прав, когда он не только указал этот революционный класс, не только доказал неизбежность и неминуемость его стихийного пробуждения, но и поставил даже перед «рабочими кружками» высокую

и великую политическую задачу. А вы сосластесь на возникшее с тех пор массовое движение для того, чтобы *принизить* эту задачу, — для того, чтобы *сузить* энергию и размах деятельности «рабочих кружков». Что это такое, как не влюбленность кустика в свое кустарничество? Вы хвастаетесь своей практичностью, а не видите того, знакомого всякому русскому практику факта, какие чудеса способна совершить в революционном деле энергия не только кружка, но даже отдельной личности. Или вы думаете, что в нашем движении не может быть таких корифеев, которые были в 70-х годах? Почему бы это? Потому что мы мало подготовлены? Но мы подготовляемся, будем подготовляться и подготовимся! Правда, на стоячей воде «экономической борьбы с хозяевами и с правительством» образовалась у нас, к несчастью, плесень, появились люди, которые становятся на колени и молятся на стихийность, благоговейно созерцая (по выражению Плеханова) «заднюю» русского пролетариата. Но мы сумеем избавиться от этой плесени. Именно теперь русский революционер, руководимый истинно революционной теорией, опираясь на истинно революционный и стихийно пробуждающийся класс, может наконец — наконец! — выпрямиться во весь свой рост и развернуть все свои богатырские силы. Для этого нужно только, чтобы среди массы практиков, среди еще большей массы людей, мечтающих о практической работе уже со школьной скамьи, всякое поползновение принизить наши политические задачи и размах нашей организационной работы встречало насмешку и презрение. И мы добьемся этого, будьте спокойны, господа!

В статье «С чего начать?» я писал против «Рабочего Дела»: «В 24 часа можно изменить тактику агитации по какому-нибудь специальному вопросу, тактику проведения какой-нибудь детали партийной организации, а изменить не только в 24 часа, но хотя бы даже в 24 месяца свои взгляды на то, нужна ли вообще, всегда и безусловно, боевая организация и политическая агитация в массе, могут только люди без всяких устоев*». «Рабочее Дело» отвечает: «Это единственное из претендующих на фактический характер обвинение «Искры» ни на чем не основано.

* См. настоящий том, стр. 6. Ред.

Читатели «Р. Дела» хорошо знают, что мы с самого начала не только звали к политической агитации, не дожидаясь появления «Искры»... (говоря при этом, что не только рабочим кружкам, «но и массовому рабочему движению невозможно ставить первой политической задачей — низвержение абсолютизма», а только борьбу за ближайšie политические требования, и что «ближайšie политические требования становятся доступными для массы после одной или, в крайнем случае, нескольких стачек»)... «а и своими изданиями доставляли из-за границы действующим в России товарищам *единственный социал-демократический политически-агитационный материал*»... (причем вы в этом единственном материале не только применяли наиболее широко политическую агитацию лишь на почве экономической борьбы, но и додумались наконец до того, что эта суженная агитация «наиболее широко применима». И вы не замечаете, господа, что ваша аргументация доказывает именно необходимость появления «Искры» — при такого рода *единственном материале* — и необходимость борьбы «Искры» с «Рабочим Делом»?)... «С другой стороны, наша издательская деятельность на деле подготавливала тактическое единство партий»... (единство убеждения в том, что тактика есть процесс роста партийных задач, растущих вместе с партией? Ценное единство!)... «и тем самым возможность «боевой организации», для создания которой Союз делал вообще все доступное для заграничной организации» («Р. Д.» № 10, стр. 15). Напрасная попытка извернуться! Что вы делали все для вас доступное, этого я никогда и не думал отрицать. Я утверждал и утверждаю, что *пределы* «доступного» вам суживаются близорукостью вашего понимания. Смешно и говорить о «боевой организации» для борьбы за «ближайšie политические требования» или для «экономической борьбы с хозяевами и с правительством».

Но если читатель хочет видеть перлы «экономической» влюбленности в кустарничество, то он, разумеется, должен обратиться от эклектического и неустойчивого «Раб. Дела» к последовательной и решительной «Раб. Мысли». «Теперь два слова о собственно так называемой революционной интеллигенции, — писал Р. М. в «Отдельном приложении», стр. 13, — она, правда, не раз показала на деле свою полную готовность «вступить в решительную схватку

с царизмом». Вся беда только в том, что, беспощадно преследуемая политической полицией, наша революционная интеллигенция принимала борьбу с этой политической полицией за политическую борьбу с самодержавием. Поэтому-то для нее до сих пор и остается невыясненным вопрос, «откуда взять силы для борьбы с самодержавием?»».

Не правда ли, как бесподобно это великолепное пренебрежение к борьбе с полицией со стороны поклонника (в худом смысле поклонника) *стихийного* движения? Нашу конспиративную неумелость он готов *оправдать* тем, что нам, при стихийном массовом движении, и не важна, в сущности, борьба с политической полицией! Под этим чудовищным выводом подпишутся очень и очень немногие: до такой степени наболел у всех вопрос о недостатках наших революционных организаций. Но если под ним не подпишется, например, Мартынов, то только потому, что он не умеет или не имеет смелости додумывать до конца своих положений. В самом деле, разве такая «задача», как выставление массой конкретных требований, сулящих осязательные результаты, требует особенной заботливости о создании прочной, централизованной, боевой организации революционеров? разве эту «задачу» не выполняет и такая масса, которая вовсе не «борется с политической полицией»? Больше того: разве эта задача была бы выполнима, если бы кроме немногих руководителей за нее не брались также (в громадном большинстве) такие рабочие, которые вовсе *неспособны* «бороться с политической полицией»? Такие рабочие, средние люди массы, способны проявить гигантскую энергию и самоотвержение в стачке, в уличной борьбе с полицией и войском, способны (и одни только могут) *решить* исход всего нашего движения, — но именно борьба с *политической* полицией требует особых качеств, требует революционеров *по профессии*. И мы должны заботиться не только о том, чтобы масса «выставляла» конкретные требования, но и о том, чтобы масса рабочих «выставляла» все в большем числе таких революционеров по профессии. Мы подошли таким образом к вопросу о соотношении между организацией профессиональных революционеров и чисто рабочим движением. Мало отразившийся в литературе, этот вопрос много занимал нас, «политиков», в разговорах и спорах

*

с более или менее тяготеющими к экономизму товарищами. На нем стоит особо остановиться. Но сначала закончим еще одной цитатой иллюстрацию нашего положения о связи кустарничества с экономизмом.

«Группа «Осв. труда», — писал г. N. N.¹²² в своем «Ответе», — требует прямой борьбы с правительством, не взвесив, где материальная сила для этой борьбы, не указав, где пути для нее». И, подчеркнув последние слова, автор делает к слову «пути» такое примечание: «Это обстоятельство не может быть объяснено конспиративными целями, так как в программе речь идет не о заговоре, а о *массовом движении*. Масса же не может идти тайными путями. Разве возможна тайная стачка? Разве возможна тайная манифестация и петиция?» («Vademecum», стр. 59.) Автор вплотную подошел и к этой «материальной силе» (устроители стачек и манифестаций) и к «путям» для борьбы, но оказался все-таки в растерянном недоумении, ибо он «преклоняется» пред массовым движением, т. е. смотрит на него как на нечто, *избавляющее* нас от нашей, революционной, активности, а не как на нечто, *долженствующее* ободрять и *подталкивать* нашу революционную активность. Тайная стачка невозможна — для участников ее и непосредственно соприкасающихся с ней лиц. Но для массы русских рабочих эта стачка может остаться (и большей частью остается) «тайной», ибо правительство позаботится отрезать всякое сношение с стачечниками, позаботится сделать невозможным всякое распространение сведений о стачке. Вот тут уже нужна специальная «борьба с политической полицией», борьба, которую никогда не сможет активно вести столь же широкая масса, какая участвует в стачках. Эту борьбу должны организовать «по всем правилам искусства» люди, профессионально занятые революционной деятельностью. Организация этой борьбы не стала *менее* нужной оттого, что в движение стихийно втягивается масса. Напротив, от этого организация становится *более* нужной, ибо мы, социалисты, не исполнили бы своих прямых обязанностей перед массой, если бы не сумели помешать полиции делать тайной (а иногда и сами не подготовляли тайно) всякую стачку и всякую манифестацию. *Суметь* же это мы в состоянии именно потому, что стихийно пробуждающаяся масса будет *выдвигать* также из своей среды все большее и боль-

шее число «революционеров по профессии» (если мы не вздумаем на всякие лады приглашать рабочих топтаться на одном месте).

в) ОРГАНИЗАЦИЯ РАБОЧИХ
И ОРГАНИЗАЦИЯ РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ

Если понятие политической борьбы для социал-демократа покрывается понятием «экономической борьбы с хозяевами и правительством», то естественно ожидать, что понятие «организация революционеров» будет для него более или менее покрываться понятием: «организация рабочих». И это действительно случается, так что, разговаривая об организации, мы оказываемся буквально говорящими на разных языках. Как сейчас помню, например, разговор с одним довольно последовательным экономистом, которого мне не доводилось знать раньше. Речь зашла о брошюре «Кто совершит политическую революцию?», и мы быстро сошлись на том, что ее основной недостаток — игнорирование вопроса об организации. Мы воображали уже, что мы солидарны друг с другом — но... разговор идет дальше, и оказывается, что мы говорим про разное. Мой собеседник обвиняет автора за игнорирование стачечных масс, обществ взаимопомощи и т. п., я же имел в виду организацию революционеров, необходимую для «совершения» политической революции. И, как только обнаружилось это разногласие, — я не zapomню уже, чтобы мне приходилось вообще по какому бы то ни было принципиальному вопросу соглашаться с этим экономистом!

В чем же состоял источник наших разногласий? Да именно в том, что экономисты постоянно сбиваются с социал-демократизма на тред-юнионизм и в организационных, как и в политических, задачах. Политическая борьба социал-демократии гораздо шире и сложнее, чем экономическая борьба рабочих с хозяевами и правительством. Точно так же (и вследствие этого) организация революционной социал-демократической партии неизбежно должна быть *иного рода*, чем организация рабочих для такой борьбы. Организация рабочих должна быть, во-первых, профессиональной; во-вторых, она должна быть возможно более широкой; в-третьих, она должна быть возможно менее

конспиративной (я говорю, разумеется, здесь и ниже, имея в виду только самодержавную Россию). Наоборот, организация революционеров должна обнимать прежде всего и главным образом людей, которых профессия состоит из революционной деятельности (потому я и говорю об организации *революционеров*, имея в виду революционеров-социал-демократов). Пред этим общим признаком членов такой организации *должно совершенно стираться всякое различие рабочих и интеллигентов*, не говоря уже о различии отдельных профессий тех и других. Эта организация необходимо должна быть не очень широкой и возможно более конспиративной. Остановимся на этом тройком различия.

В странах с политической свободой различие профессиональной и политической организации совершенно ясно, как ясно и различие тред-юнионов и социал-демократии. Отношения последней к первым неизбежно видоизменяются, конечно, в разных странах смотря по историческим, юридическим и другим условиям, — они могут быть более или менее тесными, сложными и проч. (они должны быть, с нашей точки зрения, возможно более тесными и возможно менее сложными), но о совпадении организации профессиональных союзов с организацией социал-демократической партии в свободных странах нет и речи. В России же гнет самодержавия стирает, на первый взгляд, всякое различие между социал-демократической организацией и рабочим союзом, ибо *всякие* рабочие союзы и *всякие* кружки запрещены, ибо главное проявление и орудие экономической борьбы рабочих — стачка — является вообще уголовным (а иногда даже политическим!) проступком. Таким образом наши условия, с одной стороны, очень «наталкивают» ведущих экономическую борьбу рабочих на политические вопросы, а, с другой стороны, «наталкивают» социал-демократов на смешение тред-юнионизма и социал-демократизма (и наши Кричевские, Мартыновы и К^о, усердно толкуя о «наталкивании» первого рода, не замечают «наталкивания» второго рода). В самом деле, представьте себе людей, на 99 сотых поглощенных «экономической борьбой с хозяевами и правительством». Одни из них в течение *всего* периода их деятельности (4—6 мес.) ни разу не натолкнутся на вопрос о необходимости более сложной организации рево-

люционеров; другие «натолкнутся», пожалуй, на сравнительно распространенную бернштейнианскую литературу, из которой почерпнут убеждение в сугубой важности «поступательного хода серой текущей борьбы». Третьи, наконец, увлекутся, может быть, соблазнительной идеей явить миру новый образец «тесной и органической связи с пролетарской борьбой», связи профессионального и социал-демократического движения. Чем позже выступает страна на арену капитализма, а, следовательно, и рабочего движения, — могут рассуждать такие люди, — тем больше могут социалисты принимать участия в профессиональном движении и оказывать ему поддержку, тем меньше может и должно быть не социал-демократических профессиональных союзов. До сих пор такое рассуждение вполне правильно, но беда в том, что идут еще дальше и мечтают о полном слиянии социал-демократизма и тред-юнионизма. Мы сейчас увидим на примере «Устава С.-Петербургского Союза борьбы», как вредно отражаются эти мечты на наших организационных планах.

Организации рабочих для экономической борьбы должны быть профессиональными организациями. Всякий социал-демократ-рабочий должен по мере возможности оказывать содействие и активно работать в этих организациях. Это так. Но вовсе не в наших интересах требовать, чтобы членами «цеховых» союзов могли быть только социал-демократы: это сузило бы размеры нашего влияния на массу. Пусть в цеховом союзе участвует всякий рабочий, понимающий необходимость объединения для борьбы с хозяевами и с правительством. Самая цель цеховых союзов была бы недостижима, если бы они не объединяли всех, кому доступна хотя бы только одна эта элементарная ступень понимания, если бы эти цеховые союзы не были бы очень *широкими* организациями. И чем шире эти организации, тем шире будет и наше влияние на них, влияние, оказываемое не только «стихийным» развитием экономической борьбы, но и прямым, сознательным воздействием социалистических членов союза на товарищей. Но при широком составе организации невозможна строгая конспирация (требующая гораздо большей подготовки, чем необходимо для участия в экономической борьбе). Как примирить это противоречие между необходимостью широкого состава и строгой конспирации? Как достигнуть

того, чтобы цеховые организации были возможно менее конспиративны? Для этого может быть, вообще говоря, только два пути: либо легализация цеховых союзов (в некоторых странах предшествовавшая легализации социалистических и политических союзов), либо сохранение организации тайной, но настолько «свободной», мало оформленной, *lose*, как говорят немцы, чтобы конспирация для массы членов сводилась почти к нулю.

Легализация не социалистических и не политических рабочих союзов в России уже началась, и не может подлежать никакому сомнению, что каждый шаг нашего быстро растущего социал-демократического рабочего движения будет умножать и поощрять попытки этой легализации, — попытки, исходящие главным образом от сторонников существующего строя, но отчасти и от самих рабочих и от либеральной интеллигенции. Знамя легализации уже выкинуто Васильевыми и Зубатовыми, содействие ей уже обещано и дано гг. Озеровыми и Вормсами, среди рабочих есть уже последователи нового течения. И мы не можем отныне не считаться с этим течением. Как считаться, — об этом среди социал-демократов вряд ли может быть два мнения. Мы обязаны неуклонно разоблачать всякое участие Зубатовых и Васильевых, жандармов и попов в этом течении и разъяснять рабочим истинные намерения этих участников. Мы обязаны разоблачать также всякие примирительные, «гармонические» нотки, которые будут проскальзывать в речах либеральных деятелей на открытых собраниях рабочих, — все равно, берут ли они эти ноты в силу искреннего своего убеждения в желательности мирного сотрудничества классов, в силу ли желания подслужиться к начальству или, наконец, просто по неловкости. Мы обязаны, наконец, предостерегать рабочих от той ловушки, которую им ставит зачастую полиция, высматривая «людей с огоньком» на этих открытых собраниях и в дозволенных обществах, пытаясь чрез посредство легальных организаций ввести провокаторов и в нелегальные.

Но делать все это — вовсе не значит забывать о том, что в конце концов легализация рабочего движения принесет пользу именно нам, а отнюдь не Зубатовым. Напротив, как раз своей обличительной кампанией мы и отделяем плевелы от пшеницы. Плевелы мы уже указали. Пшеница,

это — привлечение внимания еще более широких и самых отсталых слоев рабочих к социальным и политическим вопросам, это — освобождение нас, революционеров, от таких функций, которые по существу легальны (распространение легальных книг, взаимопомощь и т. п.), и развитие которых неизбежно будет давать нам все больший и больший материал для агитации. В этом смысле мы можем и должны сказать Зубатовым и Озеровым: старайтесь, господа, старайтесь! Поскольку вы ставите рабочим ловушку (в смысле ли прямого провокаторства или в смысле «честного» развращения рабочих «струвизмом») — мы уже позаботимся о вашем раоблачении. Поскольку вы делаете действительный шаг вперед, — хотя бы в форме самого «робкого зигзага», но шаг вперед — мы скажем: сделайте одолжение! Действительным шагом вперед может быть только действительное, хотя бы миниатюрное, расширение простора для рабочих. А всякое такое расширение послужит на пользу, нам и ускорит появление таких легальных обществ, в которых не провокаторы будут ловить социалистов, а социалисты будут ловить себе адептов. Одним словом, наше дело теперь бороться с плевелами. Не наше дело растить в комнатных горшках пшеницу. Вырывая плевелы, мы тем самым очищаем почву для возможного прорастания семян пшеницы. И покуда Афанасий Ивановичи с Пульхериями Ивановнами занимаются комнатным растениеводством, мы должны готовить жнецов, которые сумели бы и косить сегодняшние плевелы, и жать завтрашнюю пшеницу*.

Итак, посредством легализации *решать* вопрос о создании возможно менее конспиративной и возможно более широкой профессиональной организации мы не можем (но были бы очень рады, если бы Зубатовы и Озеровы открыли нам хотя частичную возможность такого решения, — для чего нам следует как можно энергичнее воевать

* Борьба «Искры» с плевелами вызвала со стороны «Раб. Дела» такую сердитую выходку: «Для «Искры» же знаменем времени служат не столько эти крупные события (весенние), как жалкие попытки зубатовских агентов «легализировать» рабочее движение. Она не видит, что эти факты именно и говорят против нее; они-то и свидетельствуют о том, что рабочее движение приняло очень угрожающие размеры в глазах правительства» («Два съезда», стр. 27). Вывод всему — «догматизм» этих «глухих и властных велениям князя» ортодоксов. Упорно не хотят видеть аршинной пшеницы и воюют с вершковыми плевелами! Это ли не «извращенное чувство перспективы по отношению к русскому рабочему движению» (там же, стр. 27)?

с ними!). Остается путь тайных профессиональных организаций, и мы должны оказать всяческое содействие рабочим, которые уже вступают (как нам доподлинно известно) на этот путь. Профессиональные организации не только могут принести громадную пользу в деле развития и упрочения экономической борьбы, но и стать весьма важным пособником политической агитации и революционной организации. Для того, чтобы достигнуть этого результата, для того, чтобы направить начинающееся профессиональное движение в желательное для социал-демократии русло, — необходимо прежде всего ясно представить себе нелепость того плана организации, с которым вот уже почти пять лет носятся петербургские экономисты. План этот изложен и в «Уставе рабочей кассы» июля 1897 года («Лист. «Раб.»» № 9—10, стр. 46, — из № 1 «Раб. Мысли») и в «Уставе союзной рабочей организации» октября 1900 года (особый листок, печатанный в С.-Петербурге и упомянутый в № 1 «Искры»). Основным недостатком обоих уставов — детальное оформление широкой рабочей организации и смешение с этой последней организации революционеров. Возьмем второй устав, как более разработанный. Корпус его состоит из *пятидесяти двух* параграфов: 23 параграфа излагают устройство, порядок ведения дел и пределы ведомства «рабочих кружков», устраиваемых на каждой фабрике («не более 10 человек») и выбирающих «центральные (фабричные) группы». «Центральная группа — гласит § 2 — следит за всем, что происходит на ее фабрике или заводе, и ведет хронику событий на нем». «Центральная группа ежемесячно дает отчет всем плательщикам о состоянии кассы» (§ 17) и т. п. 10 параграфов посвящены «районной организации» и 19 — крайне сложному сплетению «Комитета рабочей организации» и «Комитета СПб. Союза борьбы» (выборные от каждого района и от «исполнительных групп» — «групп пропагандистов, для сношения с провинцией, для сношения с границей, для завсидывания складами, издательской, кассовой»).

Социал-демократия = «исполнительные группы» по отношению к экономической борьбе рабочих! Трудно было бы рельефнее продемонстрировать, как сбивается мысль экономиста с социал-демократизма на тред-юнионизм, как чуждо ему всякое представление о том, что социал-демократ

должен прежде всего думать об организации революционеров, способных руководить *всей* освободительной борьбой пролетариата. Говорить о «политическом освобождении рабочего класса»; о борьбе с «царским произволом» — и писать такие уставы организации значит не иметь ровно никакого понятия о настоящих политических задачах социал-демократии. Ни единый из полусотни параграфов не обнаруживает и проблеска понимания того, что необходима самая широкая политическая агитация в массах, освещающая все стороны русского абсолютизма, весь облик разных общественных классов в России. Да и не только политические, даже тред-юнионистские цели не осуществимы при таком уставе, ибо они требуют организации *по профессиям*, о которой вовсе и не упоминается.

Но едва ли не всего более характерна поразительная тяжеловесность всей этой «системы», пытающейся связать каждую отдельную фабрику с «комитетом» постоянной нитью единообразных и до смешного мелочных правил, при трехступенной системе выборов. Сдавленная узким кругозором экономизма, мысль ударяется здесь в детали, от которых так и отдает волокитой и канцелярщиной. На деле, конечно, три четверти всех этих параграфов никогда не применяются, но зато жандармам такая «конспиративная» организация с центральной группой на каждой фабрике облегчает устройство невероятно широких провалов. Польские товарищи пережили уже такую полосу движения, когда все увлекались широким основанием рабочих касс, но они очень скоро отказались от этой мысли, убедившись, что доставляют только обильную жатву жандармам. Если мы хотим широких рабочих организаций и не хотим широких провалов, не хотим доставлять удовольствия жандармам, то мы должны стремиться к тому, чтобы эти организации были совершенно не оформлены. — Возможно ли будет тогда функционирование их? — А вот посмотрите на эти функции: «...следить за всем, что происходит на фабрике, и вести хронику событий на ней» (§ 2 устава). Неужели это непременно нужно оформливать? Неужели это не может быть еще лучше достигнуто корреспонденциями в нелегальные газеты без всякого образования для этого особых групп? «...Руководить борьбой рабочих за улучшение их положения на заводе» (§ 3 устава). Опять не к чему оформливать. Какие требования хотят

выдвинуть рабочие, это всякий мало-мальски толковый агитатор выведает досконально из простой беседы; а; выведав, сумеет передать в узкую уже; а не широкую; организацию революционеров для доставки соответствующего листка. «...Организовать кассу... со взносом по 2 коп. с рубля» (§ 9) — и затем ежемесячно давать всем отчет о кассе (§ 17); исключать неплатящих членов (§ 10) и т. п. Вот это для полиции прямо рай, потому что ничего нет легче проникнуть во всю эту конспирацию «центральной фабричной кассы» и деньги конфисковать и всех лучших людей убрать. Не проще ли пускать копеечные или двухкопеечные марки со штемпелем известной (очень узкой и очень конспиративной) организации; или без всяких марок делать сборы, отчеты по которым печатает, с известным условным паролем, нелегальная газета? Цель будет достигнута та же, а жандармы во сто раз труднее доберутся тогда до нитей.

Я мог бы продолжать свой примерный разбор устава, но думаю, что и сказанного довольно. Маленькое; тесно сплоченное ядро самых надежных, опытных и закаленных рабочих, имеющее доверенных людей в главных районах и связанное; по всем правилам строжайшей конспирации, с организацией революционеров, вполне сможет выполнить, при самом широком содействии массы и без всякого оформления, все функции, которые лежат на профессиональной организации, и кроме того выполнить именно так, как это желательно для социал-демократии. Только таким путем и можно достигнуть *упрочения* и развития, вопреки всем жандармам, *социал-демократического* профессионального движения.

Мне возражат: организация до такой степени loose*, что она и вовсе не оформлена, что в ней и членов-то даже, заведомых и зарегистрированных, никаких нет, не может быть и названа организацией. — Может быть. Я за названием не гонюсь. Но все, что нужно, эта «организация без членов» сделает и обеспечит с самого начала прочную связь наших будущих тред-юнионов с социализмом. А кто хочет *широкой* организации рабочих с выборами, отчетами, всеобщими голосованиями и пр. при абсолютизме, — тот просто несправимый утопист.

* — свободная, широкая. Ред.

Мораль отсюда простая: если мы начнем с прочной постановки крепкой организации революционеров, то мы сможем обеспечить устойчивость движения в его целом, осуществить и социал-демократические и собственно тред-юнионистские цели. Если же мы начнем с наиболее якобы «доступной» массе (а на деле с наиболее доступной жандармам и делающей революционеров наиболее доступными полиции) широкой рабочей организации, то мы ни тех, ни других целей не осуществим, от кустарничества не избавимся и своей раздробленностью; своей вечной разгро-мленностью будем только делать наиболее доступными массе тред-юнионы зубатовского или озеровского типа.

В чем же собственно должны состоять функции этой организации революционеров? — Об этом мы сейчас подробно побеседуем. Но сначала разберем еще одно весьма типичное рассуждение нашего террориста, который опять-таки оказывается (печальная его судьба!) в ближайшем соседстве с экономистом. В журнале для рабочих «Свобода» (№ 1) есть статья: «Организация», автор которой хочет защитить своих знакомых, иваново-вознесенских рабочих-экономистов.

«Плохо, — пишет он, — когда толпа безмолвна, бессознательна, когда движение идет не с низов. Вот посмотрите: студенты из университетского города разъезжаются на праздники или на лето по домам — и рабочее движение приостанавливается. Разве такое рабочее движение, подталкиваемое со стороны, может быть действительной силой? Куда там... Оно еще не выучилось ходить своими ногами, и его водят на помочах. И так во всем: студенты разъехались — остановка; выхватили наиболее способных из сливок — молоко закисло; арестовали «Комитет» — пока-то устроится новый, опять ватишье; да неизвестно еще, какой устроится — может быть, совсем непохожий на прежний: тот говорил одно, а этот скажет обратное. Связь между вчерашним и завтрашним днем теряется, опыт прошлого не в поученье будущему. И все оттого, что нет корней в глубине, в толпе, работает не сотня дураков, а десяток умников. Десяток всегда можно выловить щучьим хайлом, но, раз организация охватывает толпу, все идет от толпы, — ничье усердие не в состоянии погубить дела» (63 стр.).

Факты описаны верно. Картинка нашего кустарничества недурная. Но выводы — достойные «Рабочей Мысли» и по их неразумности, и по их политической бестактности. Это — верх неразумия, ибо автор смешивает философский и социально-исторический вопрос о «корнях» движения в «глубине» с технически-организационным вопросом

о лучшей борьбе с жандармами. Это — верх политической бестактности, ибо вместо того, чтобы апеллировать от плохих руководителей к хорошим руководителям, автор апеллирует от руководителей вообще к «толпе». Это — такая же попытка тащить нас назад в организационном отношении, как в политическом отношении тащит назад мысль о замене политической агитации эксплицитивным террором. Я, право, испытываю настоящий *embarras de richesses**, не зная, с чего начать разбор преподносимой нам «Свободую» путаницы. Попробую начать, для наглядности, с примера. Возьмите немцев. Надеюсь; вы не станете отрицать, что у них организация охватывает толпу; все идет от толпы, рабочее движение научилось ходить своими ногами? А между тем как умеет эта миллионная толпа ценить «десяток» своих испытанных политических вождей, как крепко держится она за них! В парламенте бывало не раз, что депутаты враждебных партий дразнили социалистов: «хороши демократы! на словах только у вас движение рабочего класса, — а на деле выступает все та же компания вожаков. Все тот же Бебель; все тот же Либкнехт из года в год, из десятилетия в десятилетие. Да ваши якобы-выборные делегаты от рабочих более несменяемы, чем назначаемые императором чиновники!». Но немцы встречали только презрительной усмешкой эти демагогические попытки противопоставить «вожакам» «толпу», разжечь в последней дурные и тщеславные инстинкты, отнять у движения его прочность и его устойчивость посредством подрыва доверия массы к «десятку умников». У немцев достаточно уже развита политическая мысль, достаточно накоплено политического опыта; чтобы понимать, что без «десятка» талантливых (а таланты не рождаются сотнями), испытанных, профессионально подготовленных и долгой школой обученных вождей, превосходно спевшихся друг с другом, невозможна в современном обществе стойкая борьба ни одного класса. Немцы видывали и в своей среде демагогов, которые льстили «сотням дураков», превознося их над «десятками умников», льстили «мускулисту кулаку» массы, возбуждая ее (подобно Мосту или Гассельману) на необдуманно «революционные» действия и посеяв недоверие к выдержанным и стойким вождям.

* — затруднение от избытка. *Ред.*

И только благодаря неуклонной и непримиримой борьбе со всеми и всяческими демагогическими элементами внутри социализма так вырос и окреп немецкий социализм. А наши мудрецы в такой период, когда весь кризис русской социал-демократии объясняется тем, что у стихийно пробужденных масс не оказывается налицо достаточно подготовленных, развитых и опытных руководителей, вещают с глубокомыслием Иванушки: «плохо, когда движение идет не с низов»!

«Комитет из студентов не годится, он неустойчив». — Совершенно справедливо. Но отсюда вывод тот, что нужен комитет из профессиональных *революционеров*, все равно, студент ли или рабочий сумеет выработать из себя профессионального революционера. А вы делаете вывод тот, что не след подталкивать рабочее движение со стороны! По своей политической наивности, вы и не замечаете, что играете этим на руку нашим экономистам и нашему кустарничеству. В чем это выражалось, позвольте спросить, «подталкивание» наших рабочих нашими студентами? *Единственно* в том, что студент нес рабочему те обрывки политического знания, которые у него были, те крохи социалистических идей, которые ему перенали (ибо главная умственная пища современного студента — легальный марксизм и не мог дать ничего кроме азбуки; кроме крох). *Такого-то* «подталкивания со стороны» не слишком много; а, наоборот, слишком мало, безбожно и бессовестно мало было в нашем движении, ибо мы чересчур усердно варились в собственном соку, чересчур рабски преклонялись пред элементарной «экономической борьбой рабочих с хозяевами и с правительством». *Таким-то* «подталкиванием» во сто раз больше должны заниматься и будем заниматься мы, революционеры по профессии. Но именно тем, что вы выбираете такое гнусное слово, как «подталкивание со стороны», которое неизбежно вызывает у рабочего (по крайней мере, у рабочего, столь же неразвитого, как неразвиты вы) недоверие ко *всем*, кто несет ему со стороны политическое знание и революционный опыт, вызывает инстинктивное желание дать отпор *всем* таким людям, — вы оказываетесь *демагогом*, а демагоги худшие враги рабочего класса.

Да, да! Не спешите поднимать вопль по поводу «нетопарищеских приемов» моей полемики! Я и не думаю

заподозривать чистоту ваших намерений, я уже сказал, что демагогом можно сделаться и в силу одной только политической наивности. Но я показал, что вы опустились до демагогии. И я никогда не устану повторять, что демагоги худшие враги рабочего класса. Худшие именно потому, что они разжигают дурные инстинкты толпы, что неразвитым рабочим невозможно распознать этих врагов; выступающих и иногда искренне выступающих в качестве их друзей. Худшие — потому, что в период разброда и шатания, в период, когда только еще складывается физиономия нашего движения, нет ничего легче, как демагогически увлечь толпу, которую потом только самые горькие испытания смогут убедить в ее ошибке. Вот почему лозунгом момента для современного русского социал-демократа должна быть решительная борьба и против опускающейся до демагогии «Свободы» и против опускающегося до демагогии «Рабочего Дела» (о чем еще подробно будет говорено* ниже).

«Десяток умников легче выловить, чем сотню дураков». Эта великолепная истина (за преподнесение которой вам всегда будет аплодировать сотня дураков) нажется самоочевидной только благодаря тому, что вы во время хода рассуждения перескочили с одного вопроса на другой. Вы начали говорить и продолжаете говорить о вылавливании «комитета», о вылавливании «организации», а теперь перескочили на вопрос о вылавливании «корней» движения «в глубине». Конечно, наше движение неуловимо только потому, что оно имеет сотни и сотни тысяч корней в глубине; но речь-то ведь идет совсем не об этом. В смысле «корней в глубине» нас не могут «выловить» и теперь, несмотря на все наше кустарничество, и тем не менее все мы жалуемся и не можем не жаловаться на вылавливание *организаций*, разрушающее всякую преимущество движения. А раз вы поставите вопрос о вылавливании *организаций* и не будете сбиваться с него, то я вам скажу, что десяток умников выловить гораздо труднее, чем сотню дураков. И я буду защищать это положение, сколько бы

* Здесь же заметим только, что все сказанное нами по поводу «подталкивания со стороны» и всех дальнейших рассуждений «Свободы» об организации целиком относится ко всем экономистам и «рабочеделешцам» в том числе, ибо они частью активно проповедывали и защищали те же взгляды на вопросы организации, частью сбивались на них.

вы ни науськивали на меня толпу за мой «антидемократизм» и т. п. Под «умниками» в отношении организационном надо разумеать только; как я уже не раз указывал, *профессиональных революционеров*, все равно — из студентов или из рабочих они выработаются. И вот я утверждаю: 1) что ни одно революционное движение не может быть прочно без устойчивой и хранящей преемственность организации руководителей; 2) что, чем шире масса, стихийно вовлекаемая в борьбу, составляющая базис движения и участвующая в нем, тем настоятельнее необходимость в такой организации и тем прочнее должна быть эта организация (ибо тем легче всяким демагогам увлечь неразвитые слои массы); 3) что такая организация должна состоять главным образом из людей, профессионально занимающихся революционной деятельностью; 4) что в самодержавной стране, чем более мы *сузим* состав членов такой организации до участия в ней таких только членов, которые профессионально занимаются революционной деятельностью и получили профессиональную подготовку в искусстве борьбы с политической полицией, тем труднее будет «выловить» такую организацию, и — 5) — тем *шире* будет состав лиц и из рабочего класса и из остальных классов общества, которые будут иметь возможность участвовать в движении и активно работать в нем.

Предлагаю нашим экономистам, террористам и «экономистам-террористам»* опровергнуть эти положения, из которых я остановлюсь сейчас на двух последних. Вопрос о легкости выловить «десяток умников» и «сотню дураков» сводится к разобранному выше вопросу о том, возможна ли массовая организация при необходимости строжайшей конспирации. Широкую организацию мы никогда

* Этот термин, может быть, более правилен по отношению к «Свободе», чем предыдущий, ибо в «Возрождении революционизма» защищается терроризм, а в разбираемой статье — экономизм. Охота смертная, да участь горькая! — можно вообще сказать про «Свободу». Самые хорошие задатки и самые лучшие намерения — и путаница в результате, путаница главным образом благодаря тому, что, защищая преемственность организации, «Свобода» не хочет знать преемственности революционной мысли и социал-демократической теории. Старается опять вызвать к жизни профессионального революционера («Возр. рев.») и предлагать для этого, во-первых, эксцессивный террор, а, во-вторых, «организацию рабочих-середняков» («Свобода» № 1, стр. 66 и сл.), поменьше «подталкиваемых со стороны», — это значит, поистине, для согревания своего жилища ломать на дрова это самое жилище.

не сможем поставить на ту конспиративную высоту, без которой не может быть и речи об устойчивой и хранящей преемственность борьбе с правительством. И сосредоточение всех конспиративных функций в руках возможно небольшого числа профессиональных революционеров вовсе не означает, что эти последние будут «думать за всех», что толпа не будет принимать деятельного участия в *движении*. Напротив, эти профессиональные революционеры будут выдвигаться толпой все в большем числе, ибо толпа будет тогда знать, что недостаточно собраться несколькими студентами и ведущим экономическую борьбу рабочим, чтобы составить «комитет», а что необходимо годами выработать из себя профессионального революционера, и толпа будет «думать» не об одном только кустарничестве, а именно о такой выработке. Централизация конспиративных функций *организации* вовсе не означает централизации всех функций *движения*. Активное участие самой широкой массы в нелегальной литературе не уменьшится, а *вдесятеро усилится* оттого, что «десяток» профессиональных революционеров централизует конспиративные функции этого дела. Так и только так мы добьемся того; что чтение нелегальной литературы, сотрудничество в ней, *отчасти даже и распространение ее почти перестанут быть конспиративным делом*, ибо полиция скоро поймет нелепость и невозможность судебной и административной волокиты по поводу каждого экземпляра из разбрасываемых тысячами изданий. И это относится не только к печати, а и ко всем функциям движения, вплоть до демонстрации. Самое активное и самое широкое участие в ней массы не только не пострадает, а, напротив, много выиграет от того, что «десяток» испытанных, профессионально-вышколенных не менее нашей полиции, революционеров централизует все конспиративные стороны дела, подготовку листовок, выработку приблизительного плана, назначение отряда руководителей для каждого района города, для каждого фабричного квартала, для каждого учебного заведения и т. п. (я знаю, мне возразят о «недемократичности» моих воззрений, но я отвечу на это, совсем неумное, возражение подробно ниже). Централизация наиболее конспиративных функций организацией революционеров не обессилит, а обогатит широту и содержательность деятельности целой массы других организаций,

рассчитанных на широкую публику и потому возможно менее оформленных и возможно менее конспиративных: и рабочих профессиональных союзов, и рабочих кружков самообразования и чтения нелегальной литературы, и социалистических, а также демократических кружков во всех других слоях населения и проч. и проч. Такие кружки, союзы и организации необходимы повсюду в самом широком числе, с самыми разнообразными функциями, но нелепо и вредно смешивать их с организацией революционеров, стирать грань между ними, угашать в массе и без того невероятно потускневшее сознание того, что для «обслуживания» массового движения нужны люди, специально посвящающие себя целиком социал-демократической деятельности, и что такие люди должны с терпением и упорством *вырабатывать* из себя профессиональных революционеров.

Да; это сознание невероятно потускнело. Основной наш грех в организационном отношении — что *мы своим кустарничеством уронили престиж революционера на Руси*. Дряблый и шаткий в вопросах теоретических; с узким кругозором, ссылающийся на стихийность массы в оправдание своей вялости, более похожий на секретаря тредюниона, чем на народного трибуна, не умеющий выдвинуть широкого и смелого плана, который бы внушил уважение и противникам, неопытный и неловкий в своем профессиональном искусстве, — борьбе с политической полицией, — помилуйте! это — не революционер, а какой-то жалкий кустарь.

Пусть не обижается на меня за это резкое слово ни один практик, ибо, поскольку речь идет о неподготовленности, я отношу его прежде всего к самому себе. Я работал в кружке¹²³, который ставил себе очень широкие, всеобъемлющие задачи, — и всем нам, членам этого кружка, приходилось мучительно, до боли страдать от сознания того, что мы оказываемся кустарями в такой исторический момент, когда можно было бы, видоизменяя известное изречение, сказать: дайте нам организацию революционеров — и мы перевернем Россию! И чем чаще мне с тех пор приходилось вспомнить о том жгучем чувстве стыда, которое я тогда испытывал, тем больше у меня накаплилось горечи против тех лжесоциал-демократов, которые своей проповедью «позорят революционера сан»,

которые не понимают того, что наша задача — не защищать принижение революционера до кустаря, а *поднимать* кустарей до революционеров.

г) РАЗМАХ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ РАБОТЫ

Мы слышали выше от Б — ва «о том недостатке годных к действию революционных сил, который ощущается не только в Петербурге; но и по всей России». И вряд ли кто станет оспаривать этот факт. Но вопрос в том, как объяснить его? Б — в пишет:

«Мы не будем вдаваться в выяснение исторических причин этого явления; скажем только, что общество, деморализованное продолжительной политической реакцией и разрозненное совершившимися и совершающимися экономическими изменениями, выделяет из своей среды *крайне малое число лиц, годных к революционной работе*; что рабочий класс, выделяя революционеров-рабочих, отчасти пополняет ряды нелегальных организаций, — но что число таких революционеров не отвечает потребностям времени. Тем более, что рабочий, занятый на фабрике 11½ часов, по своему положению может исполнять преимущественно функции агитатора; пропаганда же и организация, доставка и воспроизведение нелегальной литературы, вынужденности прокламаций и т. д. поневоле главной тяжестью ложатся на крайне незначительные интеллигентные силы» («Р. Дело» № 6, с. 38—39).

Мы во многом несогласны с этим мнением Б — ва и особенно несогласны с подчеркнутыми нами словами, которые особенно рельефно показывают, что, истрадавшись (как и всякий сколько-нибудь думавший практик) от нашего кустарничества, Б — в не может, вследствие его придавленности экономизмом, нащупать выход из невыносимого положения. Нет, общество выделяет *крайне много* лиц, годных для «дела», но мы не умеем утилизировать *всех их*. Критическое, переходное состояние нашего движения в рассматриваемом отношении можно формулировать словами: *людей нет и — людей масса*. Людей масса, потому что и рабочий класс и все более и более равнообразные слои общества выделяют с каждым годом все больше и больше недовольных, желающих протестовать, готовых оказать посильное содействие борьбе с абсолютизмом, невыносимость которого еще не всеми сознается, но все более широкой массой и все острее ощущается. И в то же время *людей нет*, потому что нет руководителей,

нет политических вождей, нет организаторских талантов, способных поставить такую широкую и в то же время единую и стройную работу, которая бы давала применение каждой, хотя бы самой незначительной силе. «Рост и развитие революционных организаций» отстает не только от роста рабочего движения, что признает и Б — в, но и от роста общедемократического движения во всех слоях народа. (Впрочем, в настоящее время, вероятно, Б — в признал бы и это дополнением к его выводу.) Размах революционной работы слишком узок сравнительно с широким стихийным базисом движения; слишком подавлен убогой теорией «экономической борьбы с хозяевами и с правительством». А между тем в настоящее время не только политические агитаторы; но и организаторы-социал-демократы должны «идти во все классы населения»*. И вряд ли хоть один практик усомнится в том, что социал-демократы могли бы распределить тысячи мелких функций своей организационной работы между отдельными представителями самых различных классов. Недостаток специализации — один из самых крупных недостатков нашей техники, на который так горько и так справедливо жалуется Б — в. Чем мельче будут отдельные «операции» общего дела, тем больше можно найти лиц; способных к выполнению таких операций (и совершенно неспособных в большинстве случаев к тому, чтобы стать профессиональными революционерами); и тем труднее для полиции «выловить» всех этих «детальных работников», тем труднее для нее смастерить из поймки человека на какой-либо мелочи «дело», окупающее расходы казны на «охрану». А что касается числа готовых оказывать нам содействие лиц, то мы уже и в предыдущей главе указывали на гигантскую перемену, происшедшую в этом отношении за каких-нибудь пять лет. Но, с другой стороны, и для того, чтобы собрать воедино все эти мелкие дробы, и для того, чтобы не раздробить вместе с функциями движения самого движения, и для того, чтобы внушить исполнителю мелких функций ту веру в необходимость и значение его

* Например, в военной среде в последнее время замечается несомненное оживление демократического духа, отчасти вследствие учащающихся случаев уличной борьбы против таких «врагов», как рабочие и студенты. И, как только поволит наличные силы, мы непременно должны обратить самое серьезное внимание на пропаганду и агитацию среди солдат и офицеров, на создание «военных организаций», входящих в нашу партию.

работы, без которой он никогда и не будет работать*, — для всего этого необходима именно крепкая организация испытанных революционеров. При такой организации вера в силу партии укрепитя тем более и распространится тем шире, чем конспиративнее будет эта организация, — а ведь на войне, известное дело, важнее всего внушить веру в свои силы не только своей армии, но и неприятелю и всем *нейтральным* элементам; дружественный нейтралитет может иногда решить дело. При такой организации, стоящей на твердом теоретическом базисе и располагающей социал-демократическим органом, нечего будет бояться того, что движение сойдут с пути многочисленные, привлеченные к нему, «сторонние» элементы (напротив, именно теперь, при господствующем кустарничестве, мы наблюдаем, как многие социал-демократы тянут по линии «Credo», воображая только себя социал-демократами). Одним словом, специализация необходимо предполагает централизацию и, в свою очередь, безусловно требует ее.

Но сам же Б — в, так прекрасно обрисовавший всю необходимость специализации, недостаточно оценивает ее, по нашему мнению, во второй части приведенного рассуждения. Число революционеров из рабочих недостаточно, говорит он. Это совершенно справедливо, и мы опять-таки подчеркиваем, что «ценное сообщение близкого наблюдателя» вполне подтверждает наш взгляд на причины современного кризиса в социал-демократии, а следовательно, и на средства исцеления от него. Не только вообще отстают революционеры от стихийного подъема

* Я помню, один товарищ передавал мне, как горько жаловался готовый помогать и помогавший социал-демократии фабричный инспектор на то, что он не знает, доходит ли его «информация» до настоящего революционного центра, насколько нужна его помощь и насколько имеется возможность утилизировать его маленькие и мелкие услуги. Всякий практик знает, конечно, не один подобный случай, когда наше кустарничество отняло у нас союзников. А «мелкие» в отдельности и неосценимые в сумме услуги могли бы и стали бы нам оказывать слушатели и чиновники не только по фабричной, но и по почтовой, железнодорожной, таможенной, дворняжской, поповской и всякой другой части, вплоть даже до полицейской и придворной! Если бы у нас была уже настоящая партия, действительно боевая организация революционеров, мы не ставили бы ребром всех таких «пособников», не торопились бы всегда и безусловно втягивать их в самую сердцевину «пелетальщины», а, напротив, особенно берегли бы их, и даже специально готовили бы людей на такие функции, помнили, что многие студенты могли бы больше пользы принести партии в качестве «пособников» — чиновников, чем в качестве «краткосрочных» революционеров. Но — повторяю еще раз — применять эту тактику вправе только вполне уже прочная организация, не испытывающая недостатка в активных силах.

масс, но даже и рабочие-революционеры отстают от стихийного подъема рабочих масс. А этот *факт* самым наглядным образом подтверждает, даже с «практической» точки зрения, не только нелепость, но и *политическую реакционность* той «педагогии», которою нас так часто угощают при обсуждении вопроса о наших обязанностях по отношению к рабочим. Этот факт свидетельствует, что самая первая, самая настоятельная наша обязанность — содействие выработке рабочих-революционеров, стоящих на таком же уровне *в отношении партийной деятельности*, как и интеллигенты-революционеры (мы подчеркиваем слова: в отношении партийной деятельности, ибо в других отношениях достижение такого же уровня рабочими, хотя и необходимо, но далеко не так легко и не так настоятельно). Поэтому *главное* внимание должно быть обращено на то, чтобы *поднимать* рабочих до революционеров, отнюдь не на то, чтобы *опускаться* самим непременно до «рабочей массы», как хотят экономисты, непременно до «рабочих-средняков», как хочет «Свобода» (поднимающаяся в этом отношении на вторую ступеньку экономической «педагогии»). Я далек от мысли отрицать необходимость популярной литературы для рабочих и особо-популярной (только, конечно, не балаганной) литературы для особенно отсталых рабочих. Но меня возмущает это постоянное припутывание педагогии к вопросам политики, к вопросам организации. Ведь вы, господа радители о «рабочем-средняке», в сущности, скорее оскорбляете рабочих своим желанием непременно *нагнуться*, прежде чем заговорить о рабочей политике или о рабочей организации. Да говорите же вы о серьезных вещах выпрямившись, и предоставьте педагогию педагогам, а не политикам и не организаторам! Разве среди интеллигенции нет тоже передовиков, «средняков» и «массы»? Разве для интеллигенции не признается также всеми необходимость популярной литературы и не пишется эта литература? Но представьте только себе, что в статье об организации студентов или гимназистов автор станет, как открытие какое-то, разжевывать, что нужна прежде всего организация «студентов-средняков». Такого автора наверно осмеют — и поделом. Да вы дайте нам, скажут ему, организационные идейки, ежели они у вас есть, а уж там мы сами разберем, кто из нас «средняк», кто выше и кто ниже. А ежели у вас

своих организационных идей нет, — все ваши потуги насчет «массы» и «средняков» окажутся просто скучными. Поймите же, что самые уже вопросы о «политике», об «организации» настолько серьезны, что об них нельзя говорить иначе как вполне серьезно: можно и должно *подготавливать* рабочих (и студентов и гимназистов) к тому, чтобы с ними *можно было заговорить* об этих вопросах, но, раз уже вы заговорили о них, давайте настоящие ответы, не пячьтесь назад, к «среднякам» или к «массе», не отделывайтесь прибаутками или фразами*.

Рабочий-революционер для полной подготовки к своему делу тоже должен становиться профессиональным революционером. Поэтому не прав Б — в, когда он говорит, что так как рабочий занят на фабрике по 11½ часов, то остальные революционные функции (кроме агитации) *поневоле* главной тяжестью ложатся на крайне незначительные интеллигентные силы». Вовсе это не «поневоле» так делается, а по нашей отсталости, потому что мы не сознаем своей обязанности помогать всякому выдающемуся по своим способностям рабочему превращаться в *профессионального* агитатора, организатора, пропагандиста, развозчика и пр. и пр. В этом отношении мы прямо позорно расхищаем свои силы, не умея беречь то, что надо особенно заботливо растить и выращивать. Посмотрите на немцев: у них во сто раз больше сил, чем у нас, но они прекрасно понимают, что действительно способные агитаторы и пр. выделяются «средняками» вовсе не слишком часто. Поэтому они тотчас же стараются поставить всякого способного рабочего в такие условия, при которых его способности могли бы получить полное развитие и полное применение: его делают профессиональным агитатором, его побуждают расширить поприще его деятельности, распространяя ее с одной фабрики на все ремесло, с одной местности на всю страну. Он приобретает опытность и ловкость в своей профессии, он расширяет свой кругозор и свои

* «Свобода» № 1, статья «Организация», стр. 86: «тяжелой поступью рабочий громада будет крепить все требования, которые выставятся от лица русского Труда», — непременно с большой буквы! И этот же автор восклицает: «я вовсе не отхошусь враждебно к интеллигенции, но... (это то самое но, которое Щедрин переводил словами: выше лба уши не растут!)... «но меня всегда страшно сердят, когда придет человек и наговорит очень красивых и прекрасных вещей и требует, чтобы она были приняты за свою (его?) красоту и иные достоинства» (62). Да, меня это тоже «всегда страшно сердят»...

знания, он наблюдает бок-о-бок выдающихся политических вождей других местностей и других партий, он старается подняться сам на такую же высоту и соединить в себе знание рабочей среды и свежесть социалистических убеждений с той профессиональной выучкой, без которой пролетариат *не может* вести упорную борьбу с великолепно обученными рядами его врагов. Так и только так выдвигаются из рабочей массы Бебели и Ауэры. Но то, что в политически свободной стране делается в значительной степени само собою, то у нас должны систематически проводить наши организации. Сколько-нибудь талантливый и «подающий надежды» агитатор из рабочих *не должен* работать на фабрике по 11 часов. Мы должны позаботиться о том, чтобы он жил на средства партии, чтобы он умел во-время перейти на нелегальное положение, чтобы он переменил места своей деятельности, ибо иначе он не выработает большой опытности, не расширит своего кругозора, не сумеет продержаться несколько, по крайней мере, лет в борьбе с жандармами. Чем шире и глубже становится стихийный подъем рабочих масс, тем больше выдвигают они не только талантливых агитаторов, но и талантливых организаторов и пропагандистов и «практиков» в хорошем смысле (которых так мало среди нашей интеллигенции, большей частью немножко по-русийски халатной и неповоротливой). Когда у нас будут отряды специально подготовленных и прошедших длинную школу рабочих-революционеров (и притом, разумеется, революционеров «всех родов оружия»), — тогда с этими отрядами не совладеет никакая политическая полиция в мире, ибо эти отряды людей, беззаветно преданных революции, будут пользоваться также беззаветным доверием самых широких рабочих масс. И это — наша прямая вина, что мы слишком мало «подталкиваем» рабочих на эту общую им с интеллигентами дорогу профессионально-революционной выучки, слишком часто тащим их навад своими глупыми речами о том, что «доступно» рабочей массе, «рабочим-середнякам» и т. п.

В этих, как и в других, отношениях узкий размах организационной работы стоит в несомненной и неразрывной (хотя громадным большинством «экономистов» и начинающих практиков несознаваемой) связи с сужением нашей теории и наших политических задач. Преклонение пред стихийностью вызывает какую-то боязнь хотя на

шаг отойти от «доступного» массе, боязнь подняться слишком высоко над простым прислуживанием ближайшим и непосредственным запросам массы. Не бойтесь, господа! Помните, что мы стоим в организационном отношении так низко, что нелепа даже самая мысль о том, чтобы мы могли подняться *слишком* высоко!

д) «ЗАГОВОРЩИЧЕСКАЯ» ОРГАНИЗАЦИЯ
И «ДЕМОКРАТИЗМ»

А есть среди нас очень много людей, которые так чутки к «голосу жизни», что всего больше боятся именно этого, обвиняя тех, кто держится излагаемых здесь взглядов, в «народовольчестве», в непонимании «демократизма» и проч. Приходится остановиться на этих обвинениях, которые подхватило, разумеется, и «Рабочее Дело».

Пишущему эти строки очень хорошо известно, что петербургские экономисты обвиняли в народовольчестве еще «Рабочую Газету» (что и понятно, если сравнить ее с «Раб. Мыслью»). Нас несколько не удивило поэтому, когда, вскоре после возникновения «Искры», один товарищ сообщил нам, что социал-демократы города X называют «Искру» «народовольческим» органом. Нам это обвинение, разумеется, было только лестно, ибо какого же порядочного социал-демократа не обвиняли экономисты в народовольчестве?

Вызываются эти обвинения недоразумениями двоякого рода. Во-первых, у нас так плохо знают историю революционного движения, что называют «народовольчеством» всякую идею о боевой централизованной организации, объявляющей решительную войну царизму. Но та превосходная организация, которая была у революционеров 70-х годов и которая нам всем должна бы была служить образцом, создана вовсе не народовольцами, а *земле-вольцами*, расколовшимися на чернопередельцев и народовольцев. Таким образом видеть в боевой революционной организации что-либо специфически народовольческое нелепо и исторически и логически, ибо *всякое* революционное направление, если оно только действительно думает о серьезной борьбе, не может обойтись без такой организации. Не в том состояла ошибка народовольцев, что они постарались привлечь к своей организации *всех* недовольных и направить эту организацию на решительную борьбу

с самодержавием. В этом состоит, наоборот, их великая историческая заслуга. Ошибка же их была в том, что они опирались на теорию, которая в сущности была вовсе не революционной теорией, и не умели или не могли неразрывно связать своего движения с классовой борьбой внутри развивающегося капиталистического общества. И только самое грубое непонимание марксизма (или «понимание» его в духе «струвизма») могло породить мнение, что возникновение массового, стихийного рабочего движения *избавляет* нас от обязанности создать такую же хорошую, какая была у землевольцев, создать еще несравненно лучшую организацию революционеров. Напротив, это движение именно *возлагает* на нас эту обязанность, ибо стихийная борьба пролетариата и не сделается настоящей «классовой борьбой» его до тех пор, пока эта борьба не будет руководима крепкой организацией революционеров.

Во-вторых, многие — и в том числе, повидимому, Б. Кричевский («Р. Д.» № 10, с. 18) — неправильно понимают ту полемику против «заговорщического» взгляда на политическую борьбу, которую вели всегда социал-демократы. Мы восставали и всегда будем, конечно, восставать против *сужения* политической борьбы до заговора*, но это, разумеется, вовсе не означало отрицание необходимости крепкой революционной организации. И, напр., в брошюре, названной в примечании, наряду с полемикой против сведения политической борьбы к заговору, обрисовывается (как социал-демократический идеал) организация, настолько крепкая, чтобы она могла «прибегнуть для нанесения решительного удара абсолютизму» и к «восстанию» и ко всякому «другому приему атаки»**. По своей *форме* такая крепкая революционная организация в самодержавной стране может быть названа и «заговорщической»

* Ср. «Задачи русских социал-демократов», стр. 21, полемика против П. Л. Лаврова. (См. Сочинения, 4 изд., том 2, стр. 316—317. Ред.)

** «Задачи рус. соц.-дем.», стр. 23 (см. Сочинения, 4 изд., том 2, стр. 318. Ред.). Кстати, вот еще одна иллюстрация того, что «Раб. Дело» либо не понимает того, что оно говорит, либо меняет свои взгляды «по ветру». В № 1 «Р. Дела» напечатано курсивом: «изложенная суть брошюры совпадает целиком с редакционной программой «Рабочего Дела» (стр. 142). В самом деле? С «Задачами» совпадает воверное, что массовому движению нельзя ставить первой задачей низвержение самодержавия? совпадает теория «экономической борьбы с ховислами и о правительством»? совпадает теория стадий? Предлагаем читателю судить, может ли быть речь о принципиальной устойчивости органа, так оригинально понимающего «совпадение».

организацией, ибо французское слово «конспирация» равносильно русскому «заговор», а конспиративность необходима для такой организации в максимальной степени. Конспиративность есть настолько необходимое условие такой организации, что все остальные условия (число членов, подбор их, функции и проч.) должны быть сообразованы с ним. Было бы поэтому величайшей наивностью бояться обвинения в том, что мы, социал-демократы, хотим создать заговорщическую организацию. Эти обвинения должны быть так же лестны для каждого врага экономизма, как и обвинения в «народовольчестве».

Нам возражат: такая могучая и строго тайная организация, концентрирующая в своих руках все нити конспиративной деятельности, организация по необходимости централистическая, может слишком легко броситься в преждевременную атаку, может необдуманно обострить движение, раньше чем это можно и нужно по росту политического недовольства, по силе брожения и озлобления в рабочем классе и проч. Мы ответим на это: абстрактно говоря, нельзя, конечно, отрицать, что боевая организация *может* повести на необдуманный бой, который *может* кончиться вовсе не необходимым при других условиях поражением. Но ограничиваться абстрактными соображениями в таком вопросе невозможно, ибо всякое сражение включает в себя абстрактную возможность поражения, и нет другого средства *уменьшить* эту возможность, как организованная подготовка сражения. Если же мы поставим вопрос на конкретную почву современных русских условий, то придется сделать положительный вывод, что крепкая революционная организация безусловно необходима именно для того, чтобы придать устойчивость движению и *предохранить* его от возможности необдуманных атак. Именно теперь, при отсутствии такой организации и при быстром стихийном росте революционного движения, *наблюдаются* уже две противоположные крайности (которые, как им и полагается, «сходятся»): то совершенно несостоятельный экономизм и проповедь умеренности, то столь же несостоятельный «эксциративный террор», стремящийся «в развивающемся и укрепляющемся, но еще находящемся ближе к началу, чем к концу, движении искусственно вызвать симптомы его конца» (В. Засулич в «Заре» № 2—3, с. 353). И пример «Раб. Дела» показывает, что *есть уже*

социал-демократы, пасующие пред обеими крайностями. Такое явление неудивительно, помимо остальных причин, и потому, что «экономическая борьба с хозяевами и с правительством» *никогда* не удовлетворит революционера, и противоположные крайности всегда будут возникать то здесь, то там. Только централизованная боевая организация, выдержанно проводящая социал-демократическую политику и удовлетворяющая, так сказать, все революционные инстинкты и стремления, в состоянии предохранить движение от необдуманной атаки и подготовить обещающую успех атаку.

Нам возразят далее, что излагаемый взгляд на организацию противоречит «демократическому принципу». Насколько предыдущее обвинение специфически русского происхождения, настолько это — *специфически заграничного* характера. И только заграничная организация («Союз русских с.-д.») могла дать своей редакции, в числе прочих инструкций, следующую:

«Организационный принцип. В интересах успешного развития и объединения социал-демократии следует подчеркивать, развивать, бороться за широкий демократический принцип ее партийной организации, что особенно необходимо ввиду обнаруживавшихся в рядах нашей партии антидемократических тенденций» («Два съезда», стр. 18).

Как именно борется «Раб. Дело» с «антидемократическими тенденциями» «Искры»; это мы увидим в следующей главе. А теперь присмотримся поближе к этому «принципу»; выдвигаемому экономистами. Всякий согласится, вероятно; что «широкий демократический принцип» включает в себя два следующие необходимые условия: во-первых, полную гласность и; во-вторых, выборность всех функций. Без гласности смешно было бы говорить о демократизме, и притом такой гласности, которая не ограничивалась бы членами организации. Мы назовем демократической организацию немецкой социалистической партии, ибо в ней все делается открыто; вплоть до заседаний партийного съезда; но никто не назовет демократической организацией — такую; которая закрыта от всех не членом покровом тайны. Спрашивается; какой же смысл имеет выставление «широкого демократического принципа», когда основное условие этого принципа *неисполнимо* для тайной организации? «Широкий принцип» оказывается просто звонкой, но

пустой фразой. Мало того. Эта фраза свидетельствует о полном непонимании насущных задач момента в организационном отношении. Все знают, как велика господствующая у нас неконспиративность «широкой» массы революционеров. Мы видели, как горько жалуется на это Б — в, требующий совершенно справедливо «строгого выбора членов» («Р. Д.» № 6, стр. 42). И вот являются люди, хвастающиеся своим «чутьем к жизни», которые при таком положении дел *подчеркивают* не необходимость строжайшей конспирации и строжайшего (а след., более тесного) выбора членов, а — «*широкий* демократический принцип»! Это называется попасть пальцем в небо.

Не лучше обстоит дело и со вторым признаком демократизма, — с выборностью. В странах с политической свободой это условие подразумевается само собою. «Членом партии считается всякий, кто признает принципы партийной программы и поддерживает партию по мере своих сил» — гласит первый параграф организационного устава немецкой социал-демократической партии. И так как вся политическая арена открыта перед всеми, как подмостки сцены перед зрителями театра, то это признание или непризнание, поддержка или противодействие известны всем и каждому и из газет и из народных собраний. Все знают, что такой-то политический деятель начал с того-то, пережил такую-то эволюцию, проявил себя в минуту жизни трудную так-то, отличается вообще такими-то качествами, — и потому, естественно, такого деятеля могут с знанием дела выбирать или не выбирать на известную партийную должность *все* члены партии. Всеобщий (в буквальном смысле слова) контроль за каждым шагом человека партии на его политическом поприще создает автоматически действующий механизм; дающий то, что называется в биологии «выживанием наиболее приспособленных». «Естественный отбор» полной гласности; выборности и всеобщего контроля обеспечивает то, что каждый деятель оказывается в конце концов «на своей полочке»; берется за наиболее подходящее его силам и способностям дело, испытывает на себе самом все последствия своих ошибок и доказывает перед глазами всех свою способность сознавать ошибки и избегать их.

Попробуйте-ка вставить эту картину в рамки нашего самодержавия! Мыслимо ли у нас, чтобы все, «кто признает

принципы партийной программы и поддерживает партию по мере своих сил», контролировали каждый шаг революционера-конспиратора? Чтобы все они выбирали из числа последних того или другого, когда революционер *обязан* в интересах работы скрывать от девяти десятых этих «всех», кто он такой? Вдумайтесь хоть немного в настоящее значение тех громких слов, с которыми выступает «Раб. Дело», и вы увидите, что «широкий демократизм» партийной организации в потемках самодержавия, при господстве жандармского подбора, есть лишь *пустая и вредная игрушка*. Это — пустая игрушка, ибо на деле никогда никакая революционная организация *широкого* демократизма не проводила и не может проводить даже при всем своем желании. Это — вредная игрушка, ибо попытки проводить на деле «широкий демократический принцип» облегчают только полиции широкие провалы и увековечивают царящее кустарничество; отвлекают мысль практиков от серьезной, настоящей задачи вырабатывать из себя профессиональных революционеров к составлению подробных «бумажных» уставов о системах выборов. Только за границей, где нередко собираются люди, не имеющие возможности найти себе настоящего, живого дела, могла кое-где и особенно в разных мелких группах развиться эта «игра в демократизм».

Чтобы показать читателю всю неблагоприятность избранного приема «Раб. Дела» выдвигать такой благовидный «принцип», как демократизм в революционном деле; мы сошлемся опять-таки на свидетеля. Свидетель этот — Е. Серебряков; редактор лондонского журнала «Накануне», — питает большую слабость к «Раб. Делу» и большую ненависть к Плеханову и «плехановцам»; в статьях по поводу раскола заграничного «Союза русских социал-демократов» «Накануне» решительно взяло сторону «Р. Дела» и обрушилось целой тучей жалких слов на Плеханова. Тем ценнее для нас этот свидетель по данному вопросу. В № 7 «Накануне» (июль 1899 г.) в статье: «По поводу воззвания Группы самоосвобождения рабочих» Е. Серебряков указывал на «неприличие» поднимать вопросы «о самообольщении, о главенстве, о так называемом ареопаге в серьезном революционном движении» и писал, между прочим:

«Мышкин, Рогачев, Желябов, Михайлов, Перовская, Фигнер и пр. никогда не считали себя жоками, и никто их не выбирал и

не назначал, хотя в действительности они были таковыми, ибо как в период пропаганды, так и в период борьбы с правительством они взяли на себя наибольшую тяжесть работы, шли в наиболее опасные места, и их деятельность была наиболее продуктивна. И главенство являлось не результатом их желаний, а доверия к их уму, к их энергии и преданности со стороны окружающих товарищей. Боятся же какого-то ареопага (а если не бояться, то зачем писать о нем), который может самовластно управлять движением, уже слишком наивно. Кто же его будет слушать?»

Мы спрашиваем читателя, чем отличается «ареопаг» от «антидемократических тенденций»? И не очевидно ли, что «благовидный» организационный принцип «Р. Дела» точно так же и наивен и неприличен, — наивен, потому что «ареопага» или людей с «антидемократическими тенденциями» никто просто не станет слушаться, раз не будет «доверия к их уму, энергии и преданности со стороны окружающих товарищей». Неприличен, — как демагогическая выходка, спекулирующая на тщеславии одних, на незнакомстве с действительным состоянием нашего движения других, на неподготовленности и незнакомстве с историей революционного движения третьих. Единственным серьезным организационным принципом для деятелей нашего движения должна быть: строжайшая конспирация, строжайший выбор членов, подготовка профессиональных революционеров. Раз есть налицо эти качества, — обеспечено и нечто большее, чем «демократизм», именно: полное товарищеское доверие между революционерами. А это большее безусловно необходимо для нас, ибо о замене его демократическим всеобщим контролем у нас в России не может быть и речи. И было бы большой ошибкой думать, что невозможность действительно «демократического» контроля делает членов революционной организации бесконтрольными: им некогда думать об игрушечных формах демократизма (демократизма внутри тесного ядра пользующихся полным взаимным доверием товарищей), но свою ответственность чувствуют они очень живо, зная притом по опыту, что для избавления от негодного члена организация настоящих революционеров не остановится ни пред какими средствами. Да и есть у нас довольно развитое, имеющее за собой целую историю, общественное мнение русской (и международной) революционной среды, карающее с беспощадной суровостью всякое отступление от обязанностей товарищества (а ведь «демократизм», насто-

ящий, не игрушечный демократизм входит, как часть в целое; в это понятие товарищества!). Примите все это во внимание — и вы поймете, какой затхлый запах заграничной игры в генеральство поднимается от этих разговоров и резолюций об «антидемократических тенденциях»!

Надо заметить еще, что другой источник таких разговоров, т. е. наивность, питается также смутностью представлений о том, что такое демократия. В книге супругов Вебб об английских тред-юнионах есть любопытная глава: «примитивная демократия». Авторы рассказывают там, как английские рабочие в первый период существования их союзов считали необходимым признаком демократии, чтобы все делали всё по части управления союзами: не только все вопросы решались голосованием всех членов, но и должности отправлялись всеми членами по очереди. Нужен был долгий исторический опыт, чтобы рабочие поняли нелепость такого представления о демократии и необходимость представительных учреждений, с одной стороны, профессиональных должностных лиц, с другой. Нужно было несколько случаев финансового краха союзных касс, чтобы рабочие поняли, что вопрос о пропорциональном отношении платимых взносов и получаемых пособий не может быть решен одним только демократическим голосованием, а требует также голоса специалиста по страховому делу. Возьмите, далее, книгу Каутского о парламентаризме и народном законодательстве, — и вы увидите, что выводы теоретика-марксиста совпадают с уроком многолетней практики «стихийно» объединявшихся рабочих. Каутский решительно восстает против примитивного понимания демократии Риттингаузенем, высмеивает людей, готовых во имя ее требовать, чтобы «народные газеты прямо редактировались народом», доказывает необходимость профессиональных журналистов, парламентариев и пр. для социал-демократического руководства классовой борьбой пролетариата, нападает на «социализм анархистов и литераторов», в «погоне за эффектами» превозносящих прямое народное законодательство и не понимающих весьма условной применимости его в современном обществе.

Кто работал практически в нашем движении, тот знает, как широко распространено среди массы учащейся молодежи и рабочих «примитивное» воззрение на демократию. Неудивительно, что это воззрение проникает и в уставы

и в литературу. Экономисты бернштейнианского толка писали в своем уставе: «§ 10. Все дела, касающиеся интересов всей союзной организации, решаются большинством голосов всех членов ее». Экономисты террористского толка вторят им: «необходимо, чтобы комитетские решения обходили все кружки и только тогда становились действительными решениями» («Свобода» № 1, с. 67). Заметьте, что это требование широко применять референдум выдвигается *сверх* требования построить на выборном начале *всю* организацию! Мы далеки от мысли, конечно, осуждать за это практиков, имевших слишком мало возможности познакомиться с теорией и практикой действительно демократических организаций. Но когда «Раб. Дело», которое претендует на руководящую роль, ограничивается при таких условиях резолюцией о широком демократическом принципе, то как же не назвать это простой «погоней за эффектом»?

е) МЕСТНАЯ И ОБЩЕРУССКАЯ РАБОТА

Если возражения против излагаемого здесь плана организации с точки зрения ее недемократизма и заговорщического характера совершенно неосновательны, то остается еще вопрос, очень часто выдвигаемый и заслуживающий подробного рассмотрения. Это вопрос о соотношении местной и общерусской работы. Высказывается опасение, не поведет ли образование централистической организации к перемещению центра тяжести с первой на вторую? не повредит ли это движению, ослабив прочность наших связей с рабочей массой и вообще устойчивость местной агитации? Мы ответим на это, что наше движение последних лет страдает как раз от того, что местные деятели чересчур поглощены местной работой; что поэтому несколько передвинуть центр тяжести на общерусскую работу безусловно необходимо; что такое передвижение не ослабит, а укрепит и прочность наших связей и устойчивость нашей местной агитации. Возьмем вопрос о центральном и местных органах и попросим читателя не забывать, что газетное дело является для нас не более как *примером*, иллюстрирующим неизмеримо более широкое и разностороннее революционное дело вообще.

В первый период массового движения (1896—1898 гг.) делается местными деятелями попытка поставить общерус-

ский орган — «Рабочую Газету»; в следующий период (1898—1900 гг.) — движение делает громадный шаг вперед, но внимание руководителей всецело поглощается местными органами. Если подсчитать вместе все эти местные органы, то окажется*, что приходится круглым счетом по одному номеру газеты в месяц. Разве это не наглядная иллюстрация нашего кустарничества? Разве это не показывает с очевидностью отсталости нашей революционной организации от стихийного подъема движения? Если бы *то же число* номеров газет было выпущено не раздробленными местными группами, а единой организацией, — мы не только сэкономили бы массу сил, но и обеспечили бы неизмеримо большую устойчивость и преемственность нашей работы. Это простое соображение слишком часто упускают из виду и те практики, которые *активно* работают почти исключительно над местными органами (к сожалению, в громадном большинстве случаев это и сейчас обстоит так), и те публицисты, которые проявляют в данном вопросе удивительное дон-кихотство. Практик довольствуется обыкновенно тем соображением, что местным деятелям «трудно»** заняться постановкой общерусской газеты и что лучше местные газеты, чем никаких газет. Последнее, конечно, вполне справедливо; и мы не уступим никакому практику в признании громадного значения и громадной пользы местных газет *вообще*. Но ведь речь идет не об этом, а о том, нельзя ли избавиться от раздробленности и кустарничества; так наглядно выражающихся в 30 номерах местных газет по всей России за 2½ года. Не ограничивайтесь же бесспорным, но слишком общим положением о пользе местных газет вообще, а имейте также мужество открыто признать их отрицательные стороны, обнаруженные опытом двух с половиной лет. Этот опыт свидетельствует, что местные газеты при наших условиях оказываются в большинстве случаев принципиально неустойчивыми, политически лишенными значения, в отношении расхода революционных сил — непомерно дорогими, в отношении техническом — совершенно неудовлетворительными

* См. «Доклад Парижскому конгрессу»¹²⁴, стр. 14: «С того времени (1897 г.) до весны 1900 года вышлн в разных местах 30 номеров разных газет... В среднем появлялось больше одного номера в месяц».

** Трудность эта только кажущаяся. На самом деле нет такого местного кружка, который не имел бы возможности активно ввязаться за ту или иную функцию общерусского дела. «Не говори: не могу, а говори: не хочу».

(я имею в виду, разумеется, не технику печатания, а частоту и регулярность выхода). И все указанные недостатки — не случайность, а неизбежный результат той раздробленности, которая, с одной стороны, объясняет преобладание местных газет в рассматриваемый период, а, с другой стороны, *поддерживается* этим преобладанием. Отдельной местной организации прямо-таки *не под силу* обеспечить принципиальную устойчивость своей газеты и поставить ее на высоту политического органа, *не под силу* собрать и использовать достаточный материал для освещения всей нашей политической жизни. А тот довод, которым защищают обыкновенно необходимость многочисленных местных газет в свободных странах — дешевизна их при печатании местными рабочими и большая полнота и быстрота информации местного населения — этот довод обращается у нас, как свидетельствует опыт, *против* местных газет. Они оказываются непомерно дорогими, в смысле расхода революционных сил, и особенно редко выходящими по той простой причине, что для *нелегальной* газеты, как бы она мала ни была, необходим такой громадный конспиративный аппарат, который требует фабричной крупной промышленности, ибо в кустарной мастерской и не изготовить этого аппарата. Примитивность же конспиративного аппарата ведет сплошь и рядом к тому (всякий практик знает массу примеров такого рода), что полиция пользуется выходом и распространением одного-двух номеров для *массового* провала, сметающего все настолько чисто, что приходится начинать опять сначала. Хороший конспиративный аппарат требует хорошей профессиональной подготовки революционеров и последовательнейшим образом проведенного разделения труда, а оба эти требования совершенно неподильны для отдельной местной организации, как бы сильна она в данную минуту ни была. Не говоря уже об общих интересах всего нашего движения (принципиально-выдержанное социалистическое и политическое воспитание рабочих), но и специально местные интересы *лучше обслуживаются не местными органами*: это кажется парадоксом только на первый взгляд, а на деле указанный нами опыт двух с половиной лет неопровержимо доказывает это. Всякий согласится, что если бы все те местные силы, которые выпустили 30 номеров газет, работали над одной газетой, то эта последняя легко дала бы 60,

если не сто, номеров, а следовательно, и полнее отразила бы все особенности движения чисто местного характера. Несомненно, что такая организованность нелегка, но надо же, чтобы мы сознали ее необходимость, чтобы каждый местный кружок думал и *активно работал* над ней, не ожидая толчка извне, не обольщаясь той доступностью, той близостью местного органа, которая — на основании данных нашего революционного опыта — оказывается в значительной степени призрачной.

И плохую услугу оказывают практической работе те, мнящие себя особенно близкими к практикам, публицисты, которые не видят этой призрачности и отделяются удивительно-дешевым и удивительно-пустым рассуждением: нужны местные газеты, нужны районные газеты, нужны общерусские газеты. Конечно, все это, вообще говоря, нужно, но нужно ведь тоже и думать об условиях среды и момента; раз берешься за конкретный организационный вопрос. Разве это не дон-кихотство в самом деле, когда «Свобода» (№ 1, стр. 68), специально «останавливаясь на вопросе о газете», пишет: «Нам кажется, что во всяком мало-мальски значительном месте скопления рабочих — должна быть своя собственная рабочая газета. Не привозная' откуда-нибудь, а именно своя собственная». Если этот публицист не хочет думать о значении своих слов, то подумайте хоть вы за него, читатель: сколько в России десятков, если не сотен, «мало-мальски значительных мест скопления рабочих», и каким бы это было увековечением нашего кустарничества, если бы действительно всякая местная организация принялась за свою собственную газету! Как бы облегчила эта раздробленность задачу наших жандармов вылавливать — и притом без «мало-мальски значительного» труда — местных деятелей в самом начале их деятельности, не давая развиться из них настоящим революционерам! — В общероссийской газете — продолжает автор — не интересны были бы описания проделок фабрикантов и «мелочей фабричной жизни в разных, не своих городах», а «орловцу о своих орловских делах вовсе не скучно читать. Каждый раз он знает, кого «прохватили», кого «пробрали», и дух его играет» (стр. 69). Да, да, дух орловца играет, но слишком «играет» также и мысль нашего публициста. Тактична ли эта защита прохоборства? — вот о чем следовало бы ему подумать. Мы никому не уступим

в признании необходимости и важности фабричных обличений, но надо же помнить, что мы дошли уже до того, что петербуржцам стало скучно читать петербургские корреспонденции петербургской газеты «Рабочая Мысль». Для фабричных обличений на местах у нас всегда были и *всегда должны будут остаться* листки, — но тип газеты мы должны поднимать, а не принижать до фабричного листка. Для «газеты» нам нужны обличения не столько «мелочей», сколько крупных, типичных недостатков фабричной жизни, обличения, сделанные на примерах особенно рельефных и способные потому заинтересовать *всех* рабочих и всех руководителей движения, способные действительно обогатить их знания, расширить их кругозор, положить начало пробуждению нового района, нового профессионального слоя рабочих.

«Затем, в местной газете все проделки фабричного начальства, других ли властей можно схватывать сейчас же на горячем месте. А до газеты общей; далекой пока-то дойдет известие — на месте уже и позабыть успели о том, что случилось: «Когда, бишь, это — дай бог памяти!» (там же). Вот именно: дай бог памяти! Изданные в 2½ года 30 номеров приходится, как мы узнаем из того же источника, на 6 городов. Это дает на один город в среднем *по номеру газеты в полгода!* И если даже наш легкомысленный публицист *утроит* в своем предположении производительность местной работы (что было бы безусловно неправильно по отношению к среднему городу; ибо в рамках кустарничества невозможно значительное расширение производительности); — то все-таки получим только по номеру в два месяца, т. е. нечто вовсе непохожее на «схватыванье на горячем месте». А между тем достаточно объединиться десяти местным организациям и отрядить своих делегатов на активные функции по оборудованию общей газеты, — и тогда можно было бы *по всей России* «схватывать» не мелочи, а действительно выдающиеся и типичные безобразия раз в две недели. В этом не усомнится никто, знакомый с положением дел в наших организациях. О поимке же врага на месте преступления, если понимать это серьезно, а не в смысле только красного словца, нечего и думать нелегальной газете вообще: это доступно только подметному листку, ибо предельный срок для такой поимки не превышает большей частью одного — двух дней (возьмите,

например, обычную кратковременную стачку или фабричное побоище или демонстрацию и т. п.).

«Рабочий живет не только на фабрике, но и в городе» — продолжает наш автор, поднимаясь от частного к общему с такой строгой последовательностью, которая сделала бы честь самому Борису Кричевскому. И он указывает на вопросы о городских думах, городских больницах, городских школах, требуя, чтобы рабочая газета не обходила молчанием городские дела вообще. — Требование само по себе прекрасное, но иллюстрирующее особенно наглядно ту бессодержательную абстрактность, которой слишком часто ограничиваются при рассуждении о местных газетах. Во-первых, если бы действительно «во всяком мало-мальски значительном месте скопления рабочих» появились газеты с таким подробным городским отделом, как хочет «Свобода», то это неминуемо выродилось бы, при наших русских условиях, в настоящее крохоборство, повело бы к ослаблению сознания о важности общерусского революционного натиска на царское самодержавие, усилило бы очень живучие и скорее притаившиеся или придавленные, чем вырванные с корнем, ростки того направления, которое уже прославилось знаменитым изречением о революционерах, слишком много говорящих о несуществующем парламенте и слишком мало о существующих городских думах. Мы говорим: неминуемо, подчеркивая этим, что «Свобода» заведомо не хочет этого, а хочет обратного. Но одних благих намерений недостаточно. — Для того, чтобы поставить освещение городских дел в надлежащую перспективу ко всей нашей работе, нужно *сначала*, чтобы эта перспектива была вполне выработана, твердо установлена не одними только рассуждениями, но и массой примеров, чтобы она приобрела уже прочность *традиции*. Этого у нас далеко еще нет, а нужно это именно *сначала*, прежде чем позволительно будет думать и толковать в широкой местной прессе.

Во-вторых, чтобы действительно хорошо и интересно написать о городских делах, надо хорошо и не по книжке только знать эти дела. А социал-демократов, обладающих этим знанием, почти совершенно нет *во всей России*. Чтобы писать в газете (а не в популярной брошюре) о городских и государственных делах, надо иметь свежий, разносторонний, умелым человеком собранный и обработанный материал. А для того, чтобы собирать и обрабатывать такой

материал, недостаточна «примитивная демократия» примитивного кружка, в котором все делают всё и забавляются игрой в референдумы. Для этого необходим штаб специалистов-писателей, специалистов-корреспондентов, армия репортеров-социал-демократов, заводящих связи везде и повсюду, умеющих проникнуть во все и всяческие «государственные тайны» (с которыми российский чиновник так важничает и которые он так легко разбалтывает), пролезть во всякие «закулисы», армия людей, обязанных «по должности» быть всеведущими и всезнающими. И мы, партия борьбы против *всякого* экономического, политического, социального, национального гнета, можем и должны найти, собрать, обучить, мобилизовать и двинуть в поход такую армию всезнающих людей, — но ведь это надо еще сделать! А у нас не только еще не сделано в громадном большинстве местностей ни шагу в этом направлении, но нет даже сплошь да рядом и *сознания* необходимости сделать это. Поищите-ка в нашей социал-демократической прессе живых и интересных статей, корреспонденций и обличений наших дипломатических, военных, церковных, городских, финансовых и пр. и пр. дел и делишек: вы не найдете *почти ничего* или совсем мало*. Вот почему «меня всегда страшно сердит, когда придет человек и наговорит очень красивых и прекрасных вещей» о необходимости «во всяком мало-мальски значительном месте скопления рабочих» газет, обличающих и фабричные, и городские, и государственные безобразия!

Преобладание местной прессы над центральной есть признак либо скудости, либо роскоши. Скудости — когда движение не выработало еще сил для крупного производства, когда оно прозябает еще в кустарничестве и почти тонет в «мелочах фабричной жизни». Роскоши — когда движение *вполне осилило уже* задачу всесторонних обличе-

* Вот почему даже пример исключительно хороших местных органов вполне подтверждает нашу точку зрения. Например, «Южный Рабочий» — прекрасная газета, совсем неповинная в принципиальной неустойчивости. Но то, что она хотела дать для местного движения, было не достигнуто благодаря редкому выходу и широким провалам. То, что всего более настоятельно для партии в данный момент, — принципиальная постановка коренных вопросов движения и всесторонняя политическая агитация, — оназалося не под силу местному органу. А то, что она давала особенно хорошего, вроде статей о съезде горно-промышленников, о безработице и т. п. — не представляло из себя строго местного материала и требовалось *для всей России*, а не для одного юга. Таких статей не было и во всей нашей социал-демократической прессе.

ний и всесторонней агитации, так что кроме центрального органа становятся необходимы многочисленные местные. Пусть решает уже каждый для себя, о чем свидетельствует преобладание местных газет у нас в настоящее время. Я же ограничусь точной формулировкой своего вывода, чтобы не подать повода к недоразумениям. До сих пор у нас большинство местных организаций думает почти исключительно о местных органах и почти только над ними активно работает. Это ненормально. Должно быть наоборот: чтобы большинство местных организаций думало главным образом об общерусском органе и главным образом над ним работало. До тех пор, пока не будет этого, мы не сумеем поставить ни одной газеты, сколько-нибудь способной действительно обслуживать движение *всесторонней* агитацией в печати. А когда это будет, — тогда нормальное отношение между необходимым центральным и необходимыми местными органами установится само собой.

* * *

На первый взгляд может показаться, что к области специально-экономической борьбы неприменим вывод о необходимости передвинуть центр тяжести с местной на общерусскую работу: непосредственным врагом рабочих являются здесь отдельные предприниматели или группы их, не связанные организацией, хотя бы отдаленно напоминающей чисто военную, строго централистическую, руководимую до самых мелочей единой волей организацию русского правительства, нашего непосредственного врага в политической борьбе.

Но это не так. Экономическая борьба — мы уже много раз указывали на это — есть профессиональная борьба, и потому она требует объединения по профессиям рабочих, а не только по месту работы их. И это профессиональное объединение становится тем более настоятельно необходимым, чем быстрее идет вперед объединение наших предпринимателей во всякого рода общества и синдикаты. Наша раздробленность и наше кустарничество прямо мешают этому объединению, для которого необходима единая общерусская организация революционеров, способная взять на себя руководство общерусскими профессиональными союзами рабочих. Мы уже говорили выше о желательном типе

организации для этой цели и теперь добавим только несколько слов в связи с вопросом о нашей прессе.

Что в каждой социал-демократической газете должен быть *отдел* профессиональной (экономической) борьбы, — это едва ли кем-нибудь подвергается сомнению. Но рост профессионального движения заставляет думать и о профессиональной прессе. Нам кажется однако, что о профессиональных газетах в России, за редкими исключениями, пока не может быть и речи: это — роскошь, а у нас нет сплошь да рядом и хлеба насущного. Подходящей к условиям нелегальной работы и необходимой теперь уже формой профессиональной прессы должны были бы быть у нас *профессиональные брошюры*. В них следовало бы собирать и систематически группировать *легальный** и нелегальный материал по вопросу об условиях труда в данном промысле, о различии в этом отношении разных местностей в России, о главных требованиях рабочих данной профессии, о недостатках относящегося к ней законодательства, о выдающихся случаях экономической борьбы рабочих этого цеха, о зачатках, современном состоянии и нуждах их профессиональной организации и т. п. Такие брошюры, во-первых, избавили бы нашу социал-демократическую прессу от массы таких профессиональных подробностей, которые специально интересуют только рабочих данного

* Легальный материал особенно важен в этом отношении, и мы особенно отстали в умении систематически собирать и утилизировать его. Не будет преувеличением сказать, что по одному легальному материалу можно еще кое-как написать профессиональную брошюру, а по одному нелегальному — невозможно. Собирая нелегальный материал от рабочих по вопросам вроде изданных «Раб. Мыслью», мы понапрасну тратим массу сил революционера (которого в этом легко заменил бы легальный деятель) и все-таки никогда не получаем хорошего материала, ибо рабочим, знающим сплошь да рядом только одно отделение большой фабрики и почти всегда знающим экономические результаты, а не общие условия и нормы своей работы, невозможно я приобрести таких знаний, какие есть у фабричных служащих, инспекторов, врачей и т. п. и какие в массе рассеяны в мелких газетных корреспонденциях и в специальных промышленных, санитарных, военных и пр. изданиях.

Как сейчас помню свой «первый опыт», которого бы и никогда не повторил. Я возился много недель, доквашивая «с пристрастием» одного ходившего ко мне рабочего о всех и всяческих порядках на громадном заводе, где он работал. Правда, описание (одного только завода!) я, хотя и с громадным трудом, все же кое-как составил, но зато рабочий, бывало, вытирая пот, говорил под конец запятой с улыбкой: «мне легче экстру проработать, чем вам на вопросы отвечать!».

Чем энергичнее будем мы вести революционную борьбу, тем больше вынуждено будет правительство легализовать часть «профессиональной» работы, связывая тем с нас часть нашего бремени.

ремесла; во-вторых, они фиксировали бы результаты нашего опыта в профессиональной борьбе, сохраняли собираемый материал, который теперь буквально теряется в массе листков и отрывочных корреспонденций, и обобщали этот материал; в-третьих, они могли бы служить своего рода руководством для агитаторов, ибо условия труда изменяются сравнительно медленно, основные требования рабочих данного ремесла чрезвычайно устойчивы (ср. требования ткачей московского района в 1885 г. и петербургского в 1896 г.), и свод этих требований и нужд мог бы годами служить прекрасным пособием для экономической агитации в отсталых местностях или среди отсталых слоев рабочих; примеры успешных стачек в одном районе, данные о более высоком уровне жизни, о лучших условиях труда в одной местности поощряли бы и рабочих других местностей к новой и новой борьбе; в-четвертых, взяв на себя почин обобщения профессиональной борьбы и закрепив таким образом связь русского профессионального движения с социализмом, социал-демократия позаботилась бы в то же время о том, чтобы наша тред-юнионистская работа занимала не слишком малую и не слишком большую долю в общей сумме нашей социал-демократической работы. Местной организации, если она оторвана от организаций в других городах, очень трудно, иногда даже почти невозможно бывает соблюсти при этом правильную пропорцию (и пример «Рабочей Мысли» показывает, до какого чудовищного преувеличения в сторону тред-юнионизма можно при этом доходить). Но общерусская организация революционеров, стоящая на неуклонной точке зрения марксизма, руководящая всей политической борьбой и располагающая штабом профессиональных агитаторов, никогда не затруднится в определении этой правильной пропорции.

V

«ПЛАН» ОБЩЕРУССКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ГАЗЕТЫ

«Самый крупный промах «Искры» в этом отношении», — пишет Б. Кричевский («Р. Д.» № 10, с. 30), обвиняя нас в тенденции «превратить теорию, путем ее изолирования от практики, в мертвую доктрину», — «ее «план» общепартийной организации» (т. е. статья «С чего

начать?»*). И Мартынов вторит ему, заявляя, что «тенденция «Искры» умалить значение поступательного хода серой текущей борьбы по сравнению с пропагандой блестящих и законченных идей... увенчалась планом организации партии, который она предлагает в № 4 в статье «С чего начать?»» (там же, с. 61). Наконец, в самое последнее время к людям, возмущенным этим «планом» (кавычки должны выражать проницательное к нему отношение), присоединился и Л. Надеждин в только что полученной нами брошюре «Канун революции» (пздание знакомой уже нам «революционно-социалистической группы» *Свобода*), где заявляется, что «говорить теперь об организации, тянущейся нитками от общерусской газеты, — это плодить кабинетные мысли и кабинетную работу» (стр. 126), это — проявление «литературщины» и т. п.

Что наш террорист оказался солидарным с защитниками «поступательного хода серой текущей борьбы», — это не может нас удивить после того, как мы проследили корни этой близости в главах о политике и об организации. Но мы должны заметить теперь же, что Л. Надеждин, и один только он, попытался добросовестно **вникнуть** в ход мысли не понравившейся ему статьи, попытался ответить на нее по существу, — между тем как «Раб. Дело» не **сказало** ровно ничего по существу, а постаралось только запутать вопрос посредством целой кучи непрстойных демагогических выходов. И, как это ни неприятно, приходится потратить время сначала на расчистку авгиевой конюшни.

а) КТО ОБИДЕЛСЯ ЗА СТАТЬЮ
«С ЧЕГО НАЧАТЬ?»?

Приведем букет тех выражений и восклицаний, с которыми обрушилось на нас «Раб. Дело». «Не газета может создать партийную организацию, а наоборот»... «Газета, стоящая *над* партией, *вне ее контроля* и независимая от нее благодаря собственной сети агентов»... «Каким чудом «Искра» забыла о фактически существующих социал-демократических организациях той партии, к которой она принадлежит?»... «Обладатели твердых принципов и ответственного плана являются и верховными регулиторамц

* См. настоящий том; стр. 1—12. *Ред.*

реальной борьбы партии, диктующими ей выполнение своего плана»... «План изгоняет наши живые и жизненные организации в царство теней и хочет вызвать к жизни фантастическую сеть агентов»... «Если бы план «Искры» был приведен в исполнение, он привел бы к полному вытравлению следов складывавшейся у нас Российской социал-демократической рабочей партии»... «Орган пропагандистский становится бесконтрольным, самодержавным законодателем всей практической революционной борьбы»... «Как должна отнестись наша партия к ее *полному* подчинению автономной редакции» и т. д. и т. д.

Как видит читатель из содержания и тона этих цитат, «Раб. Дело» *обиделось*. Но обиделось оно не за себя, а за организации и комитеты нашей партии, которых будто бы «Искра» хочет изгнать в царство теней и даже вытравить их следы. Какие ужасы, подумаешь! Странно только одно. Статья «С чего начать?» появилась в мае 1901 года, статьи «Р. Дела» — в сентябре 1901 года, теперь уже половина января 1902 года. За все эти 5 месяцев (и до сентября и после сентября) *ни один* комитет и *ни одна* организация партии не выступила с формальным протестом против этого чудовища, которое хочет комитеты и организации изгнать в царство теней! А ведь за это время и в «Искре» и в массе других, местных и не местных, изданий появились десятки и сотни сообщений из всех концов России. Как это произошло, что те, кого хотят изгнать в царство теней, не заметили этого и не обиделись на это, — а обиделось третье лицо?

Произошло это оттого, что комитеты и другие организации заняты настоящим делом, а не игрой в «демократизм». Комитеты прочли статью «С чего начать?», увидели, что это попытка «выработать известный план организации, *чтобы к постройке ее могло быть приступлено со всех сторон*», и так как они прекрасно знали и видели, что *ни одна* из этих «всех сторон» не подумает «приступить к постройке», пока не убедится в ее необходимости и верности архитектурного плана, то они, естественно, и не подумали «обижаться» за продерзость людей, сказавших в «Искре»: «Ввиду неотложной важности вопроса мы решаемся, с своей стороны, предложить вниманию товарищей набросок плана, подробнее развиваемого нами в подготовляемой к печати брошюре». Неужели можно было, при добросовестном отношении к делу, не понять того, что если товарищи

примут предложенный их вниманию план, то они будут проводить его не из «подчинения», а из убеждения в его необходимости для нашего общего дела, а если они *не примут* его, — то «набросок» (какое претенциозное слово, не правда ли?) так и останется простым наброском? Неужели это не демагогия, когда с наброском плана воюют не только тем, что «разносят» его и советуют товарищам отвергнуть этот план, — а тем, что *науьскивают* малоопытных в революционном деле людей на авторов наброска *за одно то*, что они *смеют* «законодательствовать», выступать «верховными регуляторами», т. е. смеют *предлагать* набросок плана?? Может ли наша партия развиваться и идти вперед, если за попытку *поднять* местных деятелей до более широких взглядов, задач, планов и т. п. будут возражать не только с точки зрения неверности этих взглядов, а с точки зрения «обид» за то, что нас «хотят» «*поднимать*»? Ведь вот Л. Надеждин тоже «разнес» наш план, но до такой демагогии, которая уже не может быть объяснена одной наивностью или примитивностью политических взглядов, он не опустился, обвинение в «инспекторстве над партией» он отверг решительно и с самого начала. И потому Надеждину можно и должно на его критику плана ответить по существу, а «Раб. Делу» можно ответить только презрением.

Но презрение к унижающемуся до криков о «самодержавии» и «подчинении» писателю не избавляет еще нас от обязанности распутать ту путаницу, которая преподносится такими людьми читателю. И вот тут мы можем наглядно показать всем, какого пошиба эти ходячие фразы о «широком демократизме». Нас обвиняют в забвении комитетов, в желании или попытке изгнать их в царство теней и пр. Как ответить на эти обвинения, когда мы *не можем* рассказать читателю *почти ничего фактического* о наших действительных отношениях к комитетам, не можем по условиям конспирации? Люди, бросающие хлесткое и раздражающее толпу обвинение, оказываются впереди нас благодаря их развязности, благодаря их пренебрежительному отношению к обязанностям революционера, который тщательно скрывает от глаз света те отношения и связи, которые он имеет, которые он налаживает или пытается наладить. Понятно, что конкурировать на поприще «демократизма» с такими людьми мы раз навсегда отказы-

ваемся. Что же касается до непосвященного во все партийные дела читателя, то единственным средством исполнить свой долг по отношению к нему является рассказ не о том, что есть и что находится *im Werden* *, а *о частичке* того, что было и о чем позволительно рассказывать, как о прошлом.

Бунд намекает на наше «самозванство» **, заграничный «Союз» обвиняет нас в попытке вытравить следы партии. Извольте, господа. Вы получите полное удовлетворение, когда мы расскажем публике *четыре факта* из прошлого.

Первый*** факт. Члены одного из «Союзов борьбы», принимавшие непосредственное участие в образовании нашей партии и в посылке делегата на партийный съезд, основавший ее, договариваются с одним из членов группы «Искры» об основании особой рабочей библиотеки для обслуживания нужд всего движения. Основать рабочую библиотеку не удастся, и написанные для нее брошюры «Задачи русских социал-демократов» и «Новый фабричный закон»**** попадают окольным путем и через третьих лиц за границу, где их и печатают¹²⁶.

Второй факт. Члены Центр. комитета Бунда обращаются к одному из членов группы «Искры» с предложением организовать, как Бунд тогда выражался, «литературную лабораторию». Притом они указывают, что если это не удастся сделать, то наше движение может сильно пойти назад. Результатом переговоров является брошюра «Рабочее дело в России»*****.

Третий факт. Центральный комитет Бунда чрез посредство одного провинциального городка обращается к одному из членов «Искры» с предложением принять на себя редакцию возобновляемой «Рабочей Газеты» и получает, конечно, согласие. Предложение затем изменяется: предлагают сотрудничество, ввиду новой комбинации с редакцией.

* — в процессе становления, возникновения. *Ред.*

** «Искра» № 8, ответ Центрального комитета Всеобщего еврейского союза в России и Польше на нашу статью по национальному вопросу.

*** Мы размещаем эти фанты нарочно не в том порядке, в каком они имели место¹²⁵.

**** См. Сочинения, 4 изд., том 2, стр. 299—326 и 243—291. *Ред.*

***** Кстати, автор этой брошюры просит меня заявить, что она, как и прочие его брошюры, была послана в «Союз» при предположении, что редактором его изданий является группа «Освобождение труда» (в силу некоторых условий он в это время, т. е. в феврале 1899 г., не мог знать о перемене редакции). Брошюра эта будет скоро переведана Лигой.

И на это получается, разумеется, согласие¹²⁷. Посылаются статьи (которые удалось сохранить) — «Наша программа» — с прямым протестом против бернштейниады, поворота в легальной литературе и «Рабочей Мысли»; «Наша ближайшая задача» («организация правильно выходящего и тесно связанного со всеми местными группами органа партии»; недостатки господствующего «кустарничества»); «Насущный вопрос» (разбор возражения, что надо *сначала* развить деятельность местных групп, прежде чем браться за постановку общего органа; настаивание на первостепенной важности «революционной организации» — на необходимости «довести организацию, дисциплину и конспиративную технику до высшей степени совершенства»)*. Предложение возобновить «Рабочую Газету» не осуществляется, и статьи остаются не напечатанными.

Четвертый факт. Член комитета, организующий второй очередной съезд нашей партии, сообщает члену группы «Искры» программу съезда и ставит кандидатуру этой группы на функцию редактирования возобновляемой «Рабочей Газеты». Его предварительный, так сказать, шаг санкционируется затем и тем комитетом, к которому он принадлежал, и Центр. комитетом Бунда¹²⁸; группа «Искры» получает указание о месте и времени съезда, но (не уверенная, можно ли ей будет, по некоторым причинам, послать делегата на этот съезд) составляет также письменный доклад съезду. В этом докладе проводится та мысль, что одним выбором Центрального Комитета мы не только не решим вопроса об объединении в такое время полного разброда, как переживаемое нами, но и рискуем компрометировать великую идею создания партии в случае нового быстрого и полного провала, который более чем вероятен при господствующей неконспиративности; что надо начать поэтому с приглашения всех комитетов и всех других организаций поддерживать возобновленный общий орган, который *реально* свяжет все комитеты *фактической* связью, *реально* подготовит группу руководителей всем движением, — а превратить такую созданную комитетами группу в ЦК комитеты и партия легко уже сумеют, раз такая группа вырастет и окрепнет. Съезд однако не осуществляется вследствие ряда провалов, и доклад по конспи-

* См. Сочинения, 4 изд., том 4, стр. 190—194, 195—200 и 201—206. *Ред.*

ративным соображениям уничтожается, будучи прочтен только несколькими товарищами, в том числе уполномоченными одного комитета.

Пусть теперь читатель сам судит о характере таких приемов, как намек на самозванство со стороны Бунда или как довод «Раб. Дела», что мы хотим изгнать комитеты в царство теней, «заменить» организацию партии организацией распространения идей одной газеты. Да именно комитетам, по неоднократным приглашениям их, и докладывали мы о необходимости принять определенный план общей работы. Именно для партийной организации разрабатывали мы этот план в статьях в «Рабочую Газету» и в докладе съезду партии, опять-таки по приглашению тех, кто занимал такое влиятельное положение в партии, что брал на себя инициативу ее (фактического) восстановления. И только после того, как окончились неудачей *двукратные* попытки партийной организации *вместе с нами* возобновить центральный орган партии *официально*, мы сочли своей прямой обязанностью выступить с органом *неофициальным* для того, чтобы при *третьей* попытке товарищи имели уже перед собою известные результаты *опыта*, а не одни гадательные предположения. В настоящее время некоторые результаты этого опыта находятся уже у всех перед глазами, и все товарищи могут судить, правильно ли мы понимали свою обязанность и что следует думать о людях, которые стараются ввести в заблуждение лиц, незнакомых с ближайшим прошлым, из досады на то, что мы доказывали одним — их непоследовательность в «национальном» вопросе, другим — непозволительность беспринципных шатаний.

б) МОЖЕТ ЛИ ГАЗЕТА БЫТЬ КОЛЛЕКТИВНЫМ ОРГАНИЗАТОРОМ?

Весь гвоздь статьи «С чего начать?» состоит в постановке *именно* этого вопроса и в утвердительном его решении. Единственную, известную нам, попытку разобрать этот вопрос по существу и доказать необходимость отрицательного его решения делает Л. Надеждин, доводы которого мы и воспроизведем целиком:

«...Нам очень нравится постановка в «Искре» (№ 4) вопроса о необходимости общерусской газеты, но мы никак не можем согласиться, чтобы эта постановка подходила под заглавие статьи:

«С чего начать?». Это одно из дел, несомненно крайне важных, но не им, не целой серией популярных листков, не горюю прокламаций может быть положено начало боевой организации для революционного момента. Необходимо приступить к сильным политическим организациям на местах. У нас их нет, у нас шла главным образом работа среди интеллигентных рабочих, массы же вели почти что исключительно экономическую борьбу. *Если не воспитаются сильные политические организации на местах, что значит хотя бы и превосходно поставленная общерусская газета?* Неопалимая купина, сама горящая, не сгорающая, но и никого не зажигающая! Вокруг нее, в деле для нее соберется народ, организуется — думает «Искра». *Да ему гораздо ближе собраться и организовать вокруг дела более конкретного!* Таким может и должна явиться широкая постановка местных газет, приготовление теперь же рабочих сил к демонстрациям, постоянная работа местных организаций среди безработных (неотступно распространять между ними листки и листовки, созывать их на собрания, на отпоры правительству и т. п.). Надо на местах завязать живую политическую работу, и когда явится необходимым объединение на этой реальной почве, — оно будет не искусственным, не бумажным, — не газетами достигается такое объединение местных работ в общерусское дело!» («Канун рев.», с. 54).

Мы подчеркивали те места этой красноречивой тирады, которые наиболее рельефно показывают и неправильность оценки автором нашего плана и неправильность его точки зрения вообще, противопоставляемой здесь «Искре». Если не воспитаются сильные политические организации на местах, — ничего не будет значить и превосходнейшая общерусская газета. — Совершенно справедливо. Но в том-то и суть, что *нет иного средства воспитать* сильные политические организации, как посредством общерусской газеты. Автор просмотрел самое существенное заявление «Искры», сделанное ею *до перехода* к изложению ее «плана»: необходим «призыв к выработке революционной организации, способной объединить все силы и руководить движением *не только по названию*, но и на самом деле, т. е. быть *всегда готовой к поддержке всякого протеста и всякой еслышки*, пользуясь ими для умножения и укрепления военных сил, годных для решительного боя». Но принципиально-то с этим теперь, после февраля и марта, все согласится, — продолжает «Искра», — а нам нужно не принципиальное, а *практическое решение вопроса*, нужно немедленно выставить такой определенный план постройки, чтобы сейчас же *с разных сторон* все могли приняться за постройку. А нас опять от практического решения тащат назад — к принципиально верной, беспорной, великой,

по совершенно недостаточной, совершенно непонятной для широкой массы работающих истине: «воспитывать сильные политические организации!» Не об этом уже идет речь, почтенный автор, а о том, *как именно* воспитывать и воспитать надо!

Неверно, что «у нас шла главным образом работа среди интеллигентных рабочих, массы же вели почти что исключительно экономическую борьбу». В такой форме это положение сбивается на обычное для «Свободы» и ошибочное в корне противопоставление интеллигентных рабочих «массе». У нас и интеллигентные-то рабочие в последние годы «почти что исключительно вели экономическую борьбу». Это с одной стороны. А с другой стороны, никогда и массы не научатся вести политическую борьбу, покуда мы не поможем *воспитаться* руководителям этой борьбы и из интеллигентных рабочих, и из интеллигентов; воспитаться же такие руководители могут *исключительно* на систематической, текущей оценке *всех* сторон нашей политической жизни, *всех попыток* протеста и борьбы различных классов и по различным поводам. Поэтому говорить о «воспитании политических организаций» и в то же время *противопоставлять* «бумажное дело» политической газеты — «живой политической работе на местах» просто смешно! Да ведь «Искра» и подводит свой «план» газеты к «плану» выработать такую «боевую готовность», чтобы поддерживать и движение безработных; и крестьянские бунты, и недовольство земцев, и «возмущение населения против зарвавшегося царского башибузука» и проч. Ведь всякий знакомый с движением знает досконально, что об этом *даже и не думает* громадное большинство местных организаций, что многие из намечаемых здесь перспектив «живой политической работы» *ни разу еще* не проводились в жизни ни единой организацией, что попытка, напр., обратить внимание на рост недовольства и протеста в земской интеллигенции вызывает чувство растерянного недоумения и у Надеждина («господи, да не для земцев ли этот орган?», «Канун», с. 129), и у экономистов (№ 12 «Искры», письмо), и у многих практиков. При этих условиях «начать» можно *только* с того, чтобы побудить людей *думать* обо всем этом, побудить их суммировать и обобщать все и всяческие проблески брожения и активной борьбы. «Живую политическую работу» можно *начать* в наше время

принижения социал-демократических задач *исключительно* с живой политической агитации, невозможной без общерусской, часто выходящей и правильно распространяемой газеты.

Люди, усматривающие в «плане» «Искры» проявление «литературщины», не поняли совершенно самой сути плана, увидев цель в том, что выдвигается как наиболее подходящее в настоящий момент средство. Эти люди не дали себе труда подумать о двух сравнениях; которыми наглядно иллюстрировался предлагаемый план. Постановка общерусской политической газеты — говорилось в «Искре» — должна быть *основной нитью*, держась которой мы могли бы неуклонно развивать; углублять и расширять эту организацию (т. е. революционную организацию, всегда готовую к поддержке всякого протеста и всякой вспышки). Скажите пожалуйста: когда каменщики кладут в разных местах камни громадной и совершенно невиданной постройки, — не «бумажное» ли это дело проведение нитки, помогающей находить правильное место для кладки; указывающей на конечную цель общей работы; дающей возможность пустить в ход не только *каждый* камень; но и *каждый* кусок камня, который, смыкаясь с предыдущими и последующими, возводит законченную и всеобъемлющую линию? И разве мы не переживаем как раз такого момента в нашей партийной жизни, когда у нас есть и камни и каменщики, а нехватает именно видимой для всех нити, за которую все могли бы взяться? Пусть кричат, что, протягивая нить; мы хотим командовать: если бы мы хотели командовать; господа, мы бы написали вместо «Искра № 1» — «Рабочая Газета № 3», как нам предлагали некоторые товарищи и как мы *имели бы полное право сделать* после тех событий, о которых было рассказано выше. Но мы не сделали этого: мы хотели оставить себе свободные руки для непримиримой борьбы со всякими лжесоциал-демократами; мы хотели, чтобы нашу нитку, ежели она проведена правильно, стали уважать за ее правильность, а не за то, что она проведена официальным органом.

«Вопрос объединения местной деятельности в центральных органах вертится в заколдованном кругу, — поучает нас Л. Надеждин, — для объединения требуется однородность элементов, а эта однородность сама может быть создана только чем-нибудь объединяющим, но это

объединяющее может явиться продуктом сильных местных организаций, которые теперь отнюдь не отличаются однородным характером». Истина столь же почтенная и столь же бесспорная, как и та, что надо воспитывать сильные политические организации. Истина столь же, как и та, бесплодная. *Всякий* вопрос «вертится в заколдованном кругу», ибо вся политическая жизнь есть бесконечная цепь из бесконечного ряда звеньев. Все искусство политика в том и состоит, чтобы найти и крепко-крепко уцепиться за такое именно звеношко, которое всего меньше может быть выбито из рук, которое всего важнее в данный момент, которое всего более гарантирует обладателю звеношка обладание всей цепью*. Будь у нас отряд опытных каменщиков, настолько спешившихся, чтобы они и без нитки могли класть камни именно там, где нужно (это вовсе не невозможно, если говорить абстрактно), — тогда мы могли бы, пожалуй, взяться и за другое звеношко. Но в том-то и беда, что опытных и спешившихся каменщиков у нас еще нет, что камни сплошь да рядом кладутся совсем зря, кладутся не по общей нитке, а до того раздробленно, что неприятель сдувает их, как будто бы это были не камни, а песчинки.

Другое сравнение: «Газета — не только коллективный пропагандист и коллективный агитатор, но также и коллективный организатор. В этом последнем отношении *ее можно сравнить с лесами*, которые строятся вокруг возводимого здания, намечают контуры постройки, облегчают сношения между отдельными строителями, помогают им распределять работу и обозреть общие результаты, достигнутые организованным трудом**». Не правда ли, как это похоже на преувеличение своей роли литератором, человеком кабинетной работы? Леса для самого жилища вовсе не требуются, леса строятся из худшего материала, леса возводятся на небольшой срок и выкидываются в печку, раз только здание хотя бы вчерне закончено.

* Товарищ Кричевский и товарищ Мартынов! Обращаю ваше внимание на это возмутательное проявление «самодерзавия», «бесконтрольной авторитетности», «верховного регулирования» и пр. Поплюйте: хочет обладать всей цепью! Пишите же скорее жалобу. Вот вам готовая тема для двух передовиц в № 12 «Рабочего Дела»!

** Мартынов, приведи в «Р. Деле» первую фразу этой цитаты (№ 10, с. 62). опустил именно вторую фразу, как бы подчеркивая этим свое нежелание касаться существа вопроса или свою неспособность понять это существо.

Относительно построек революционных организаций опыт свидетельствует, что их и без лесов удается иногда построить — возьмите семидесятые годы. Но теперь у нас и представить себе нельзя возможности возвести без лесов необходимую для нас постройку.

Надеждин не соглашается с этим и говорит: «вокруг газеты, в деле для нее соберется народ, организуется — думает «Искра». *Да ему гораздо ближе* собраться и организоваться вокруг дела *более конкретного!* Так, так: «гораздо ближе вокруг более конкретного»... Русская поговорка говорит: не плюй в колодец, — пригодится воды напиться. Но есть люди, что не прочь напиться и из такого колодца, в который уже наплевано. До каких только гадостей не договорились наши великолепные легальные «критики марксизма» и нелегальные поклонники «Рабочей Мысли» во имя этой большей конкретности! Как придавлено все наше движение нашей узостью, безинициативностью и робостью, оправдываемой традиционными доводами «гораздо ближе вокруг более конкретного!» И Надеждин, — считающий себя особенно чутким к «жизни», осуждающий особенно строго «кабинетных» людей, обвиняющий (с претензией на остроумие) «Искру» в слабости везде видеть экономизм, воображающий, что он стоит гораздо выше этого деления на ортодоксов и критиков, — не замечает того, что он играет своими доводами на руку возмущающей его узости, что он пьет из самого что ни на есть проплеванного колодца! Да, самого искреннего возмущения узостью, самого горячего желанья поднять преклоняющихся перед ней людей еще недостаточно, если возмущающийся носится без руля и без ветрил и так же «стихийно», как и революционеры 70-х годов, хватается за «эксцикативный террор», за «аграрный террор», за «набат» и т. п. Посмотрите на это «более конкретное», вокруг чего, — он думает, — «гораздо ближе» будет собраться и организоваться: 1. местные газеты; 2. приготовление к демонстрациям; 3. работа среди безработных. С первого же взгляда видно, что все эти дела выхвачены совершенно случайно, наудачу, чтобы сказать что-нибудь, ибо, как бы мы ни смотрели на них, видеть в них что-либо специально пригодное «собрать и организовать» совсем уже несуразно. Ведь тот же самый Надеждин парой страниц ниже говорит: «пора бы нам просто констатировать факт: на местах

ведется крайне жалкая работа, комитеты не делают и десятой части того, что могли бы делать... те объединяющие центры, какие у нас есть теперь, это — фикция, это — революционная канцелярщина, взаимное пожалование друг друга в генералы, и так будет до тех пор, пока не вырастут местные сильные организации». В этих словах, несомненно, наряду с преувеличениями, заключается много горькой истины, и неужели Надеждин не видит связи между жалкой работой на местах и той узостью кругозора деятелей, узостью размаха их деятельности, которые неизбежны при неподготовленности замыкающихся в рамки местных организаций деятелей? Неужели он, подобно автору статьи об организации в «Свободе», забыл о том, как переход к широкой местной прессе (с 1898 года) сопровождался особенным усилением экономизма и «кустарничества»? Да если бы даже и возможна была сколько-нибудь удовлетворительная постановка «широкой местной прессы» (а мы показали выше, что она невозможна, за исключением совершенно особенных случаев), то и тогда местные органы не могли бы «собрать и организовать» все силы революционеров для *общего* натиска на самодержавие, для руководства *единой* борьбой. Не забудьте, что речь идет здесь *только* о «собирающем», об организаторском значении газеты, и мы могли бы предложить защищающему раздробленность Надеждину им же поставленный иронический вопрос: «не получили ли мы откуда-нибудь в наследство 200 000 революционных организаторских сил?» Далее, «приготовление к демонстрациям» нельзя *противопоставлять* плану «Искры» уже потому, что этот план как раз самые широкие демонстрации и предусматривает *как одну из целей*; речь же идет о выборе практического средства. Надеждин опять занутился здесь, упустив из виду, что «приготавливать» демонстрации (до сих пор происходившие в громадном большинстве случаев совершенно стихийно) может только уже «собранное и организованное» войско, а мы именно *не умеем* собрать и организовать. «Работа среди безработных». Опять та же путаница, ибо это тоже представляет из себя одно из военных действий мобилизованного войска, а не план мобилизовать войско. До какой степени и тут недооценивает Надеждин вреда нашей раздробленности, отсутствия у нас «200 000 сил», видно из следующего. «Искру» упрекали многие (в том

числе и Надежди) за бедность сведений о безработице, за случайность корреспонденций о самых обыденных явлениях деревенской жизни. Упрек справедлив, но «Искра» тут «без вины виновата». Мы стараемся «провести питочку» и через деревню, но каменщиков там почти нигде нет, и приходится поощрять всякого, сообщающего даже обыденный факт, — в надежде, что это умножит число сотрудников по этой области и научит всех нас выбирать, наконец, и действительно выпуклые факты. Но материала-то для учебы так мало, что без обобщения его по всей России учиться решительно не на чем. Несомненно, что человек, обладающий хотя приблизительно такими же агитаторскими способностями и таким знанием жизни босяка, какие видны у Надеждина, мог бы оказать агитацией среди безработных неоценимые услуги движению, — но такой человек зарыл бы в землю свой талант, если бы не позаботился оповещать всех русских товарищей о каждом шаге своей работы на поученье и пример людям, которые, в массе своей, и не умеют еще взяться за новое дело.

О важности объединения, о необходимости «собрать и организовать» говорят теперь решительно все, но нет в большинстве случаев никакого определенного представления о том, с чего начать и как вести это дело объединения. Все согласятся, наверное, что если мы «объединяем» отдельные — скажем, районные — кружки одного города, то для этого необходимы *общие учреждения*, т. е. не одно только общее званье «союза», а действительно *общая* работа, обмен материалом, опытом и силами, распределение функций уже не только по районам, а по специальностям всей городской деятельности. Всякий согласится, что солидный конспиративный аппарат не окупится (если можно употребить коммерческое выражение) «средствами» (и материальными и личными, разумеется) одного района, что на этом узком поприще не развернуться таланту специалиста. То же самое относится однако и к объединению разных городов, ибо и такое поприще, как отдельная местность, *оказывается* и оказалось уже в истории нашего социал-демократического движения непомерно узким: мы это подробно доказывали выше на примере и политической агитации и организационной работы. Надо, необходимо надо и прежде всего надо расширить это поприще,

создать *фактическую* связь между городами на *регулярной общей* работе, ибо раздробленность придавливает людей, которые «сидят, как в яме» (по выражению автора одного письма в «Искру»), не зная, что делается на белом свете, у кого им поучиться, как добыть себе опыт, как удовлетворить желание широкой деятельности. И я продолжаю настаивать, что эту *фактическую* связь можно *начать* создавать только на общей газете, как единственном регулярном общерусском предприятии, суммирующем итоги самых разнообразных видов деятельности и тем *подталкивающим* людей идти неустанно вперед по *всем* многочисленным путям, ведущим к революции, как все дороги ведут в Рим. Если мы не на словах только хотим объединения, то надо, чтобы каждый местный кружок *тотчас же* уделил, скажем, четверть своих сил *активной* работе над *общим* делом, и газета сразу показывает ему* общий абрис, размеры и характер этого дела, показывает, какие именно пробелы всего сильнее ощущаются во всей общерусской деятельности, где нет агитации, где слабы связи, какие колесики громадного общего механизма мог бы данный кружок подправить или заменить лучшими. Кружок, не работавший еще, а только ищущий работы, мог бы начинать уже не как кустарь в отдельной маленькой мастерской, не ведающий ни развития «промышленности» до него, ни общего состояния данных промышленных способов производства, а как участник широкого предприятия, *отражающего* весь общереволюционный натиск на самодержавие. И чем совершеннее была бы отделка каждого колесика, чем больше число деталей работников над общим делом, тем чаще становилась бы наша сеть и тем меньше смятения в общих рядах вызывали бы неизбежные провалы.

Фактическую связь начала бы создавать уже одна функция распространения газеты (если бы таковая заслуживала названия газеты, т. е. выходила регулярно и не раз в месяц, как выходят толстые журналы, а раза четыре

* *Оговорка*: если он сочувствует направлению этой газеты и считает полезным для дела стать ее сотрудником, пошывая под этим не только литературное, а вообще всякое революционное сотрудничество. *Примечание для «Рабочего Дела»*: между революционерами, которые ценят дело, а не игру в демократизм, которые не отделяют «сочувствия» от самого активного и живого участия, эта оговорка подразумевается сама собою.

в месяц). Теперь сношения между городами по надобностям революционного дела являются величайшей редкостью и, во всяком случае, исключением; тогда эти сношения стали бы правлом и обеспечивали, разумеется, не только распространение газеты, а также (что гораздо важнее) обмен опытом, материалами, силами и средствами. Размах организационной работы сразу стал бы во много раз шире, и успех одной местности поощрял бы постоянно к дальнейшему усовершенствованию, к желанию воспользоваться готовым уже опытом действующего в другом конце страны товарища. Местная работа стала бы гораздо богаче и разностороннее, чем теперь: политические и экономические обличения, собираемые по всей России, давали бы умственную пищу рабочим всех профессий и *всех ступеней развития*, давали материал и повод для бесед и чтений по самым разнообразным вопросам, поднятым к тому же и намеками легальной печати, и разговорами в обществе, и «стыдливymi» правительственными сообщениями. Каждая вспышка, каждая демонстрация оценивалась и обсуждалась бы со всех сторон во всех концах России, вызывая желание не отстать от других, сделать лучше других — (мы, социалисты, вовсе не отвергаем вообще всякого соревнования, всякой «конкуренции»!), — подготовить сознательно то, что в первый раз вышло как-то стихийно, воспользоваться благоприятными условиями данной местности или данного момента для видоизменения плана атаки и проч. В то же время это оживление местной работы не приводило бы к тому отчаянному «предсмертному» напряжению *всех* сил и постановке ребром *всех* людей, каковым является зачастую теперь всякая демонстрация или всякий номер местной газеты: с одной стороны, полиции гораздо труднее добраться до «корней», раз неизвестно, в какой местности надо искать их; с другой стороны, регулярная общая работа приучала бы людей сообразовать силу *данной* атаки с данным состоянием сил такого-то отряда общей армии (сейчас о таком сообразовании почти никто никогда и не думает, ибо атаки случаются на девять десятых стихийно) и облегчала бы «перевозку» из другого места не только литературы, но и революционных сил.

Теперь эти силы истекают в массе случаев кровью на узкой местной работе, а тогда являлась бы возможность

и постоянно были бы поводы перебрасывать сколько-нибудь способного агитатора или организатора из конца в конец страны. Начиная с маленькой поездки по делам партии на счет партии, люди привыкали бы переходить целиком на содержание партии, делаться профессиональными революционерами, вырабатывать из себя настоящих политических вождей.

И если бы нам действительно удалось достигнуть того, чтобы все или значительное большинство местных комитетов, местных групп и кружков активно взялись за общее дело, мы могли бы в самом недалеком будущем поставить еженедельную газету, регулярно распространяемую в десятках тысяч экземпляров по всей России. Эта газета стала бы частичкой громадного кузнечного меха, раздувающего каждую искру классовой борьбы и народного возмущения в общий пожар. Вокруг этого, самого по себе очень еще невинного и очень еще небольшого, но регулярного и в полном значении слова *общего* дела систематически подбиралась и обучалась бы постоянная армия испытанных борцов. По лесам или подмосткам этой общей организационной постройки скоро поднялись и выдвинулись бы из наших революционеров социал-демократические Желябовы, из наших рабочих русские Бебели, которые встали бы во главе мобилизованной армии и подняли весь народ на расправу с позором и проклятьем России.

Вот о чем нам надо мечтать!

* * *

«Надо мечтать!» Написал я эти слова и испугался. Мне представилось, что я сижу на «объединительном съезде», против меня сидят редакторы и сотрудники «Рабочего Дела». И вот встает товарищ Мартынов и грозно обращается ко мне: «А позвольте вас спросить, имеет ли еще автономная редакция право мечтать без предварительного опроса комитетов партии?». А за ним встает товарищ Кричевский и (философски углубляя товарища Мартынова, который уже давно углубил товарища Плеханова) еще более грозно продолжает: «Я иду дальше. Я спрашиваю, имеет ли вообще право мечтать марксист, если он не забывает, что по Марксу человечество всегда ставит себе осуществимые задачи и что тактика есть процесс роста задач, растущих вместе с партией?».

От одной мысли об этих грозных вопросах у меня мороз подирает по коже, и я думаю только — куда бы мне спрятаться. Попробую спрятаться за Писарева.

«Разлад разладу рознь, — писал по поводу вопроса о разладе между мечтой и действительностью Писарев. — Моя мечта может обгонять естественный ход событий или же она может хватать совершенно в сторону, туда, куда никакой естественный ход событий никогда не может придти. В первом случае мечта не приносит никакого вреда; она может даже поддерживать и успливать энергию трудящегося человека... В подобных мечтах нет ничего такого, что пзвращало или парализовало бы рабочую силу. Даже совсем напротив. Если бы человек был совершенно лишен способности мечтать таким образом, если бы он не мог изредка забегать вперед и созерцать воображением своим в цельной и законченной картине то самое творение, которое только что начинает складываться под его руками, — тогда я решительно не могу представить, какая побудительная причина заставляла бы человека предпринимать и доводить до конца обширные и утомительные работы в области искусства, науки и практической жизни... Разлад между мечтой и действительностью не приносит никакого вреда, если только мечтающая личность серьезно верит в свою мечту, внимательно вглядываясь в жизнь, сравнивает свои наблюдения с своими воздушными замками и вообще добросовестно работает над осуществлением своей фантазии. Когда есть какое-нибудь соприкосновение между мечтой и жизнью, тогда все обстоит благополучно»¹²⁹.

Вот такого-то рода мечтаний, к несчастью, слишком мало в нашем движении. И виноваты в этом больше всего кичащиеся своей трезвенностью, своей «близостью» к «конкретному» представители легальной критики и нелегального «хвостизма».

в) КАКОГО ТИПА ОРГАНИЗАЦИЯ НАМ НУЖНА?

Из предыдущего читатель видит, что наша «тактика-план» состоит в отрицании немедленного *призыва* к штурму, в требовании устроить «правильную осаду неприятельской крепости», или иначе в требовании направить все усилия на то, чтобы собрать, организовать и *мобилизовать*

постоянное войско. Когда мы осмелили «Рабочее Дело» ва его прыжок от экономизма к воплям о штурме (раздавшимся в *апреле* 1901 г. в № 6 «Листка «Р. Дела»»), оно обрушилось, разумеется, на нас с обвинением в «доктринерстве», непонимании революционного долга, в призыве к осторожности и т. п. Нас несколько не удивили, конечно, эти обвинения в устах людей, не имеющих никаких устоев и отделяющихся глубокомысленной «тактикой-процессом», как не удивило и то, что такие обвинения повторил Надеждин, питающий вообще самое величественное презрение к прочным программным и тактическим устоям.

Говорят, что история не повторяется. Но Надеждин изо всех сил старается повторить ее и усердно копирует Ткачева, разнося «революционное культурничество», крича о «набате вечевое колокола», об особой «точке зрения кануна революции» и т. п. Он забывает, повидимому, известное изречение, что, если оригинал исторического события представляет из себя трагедию, то копия с него является лишь фарсом¹³⁰. Подготовленная проповедью Ткачева и осуществленная посредством «ужасного» и действительно устранившего террора попытка захватить власть — была величественна, а «эксцитативный» террор маленького Ткачева просто смешон и особенно смешон, когда дополняется идеей организации середняков.

«Если бы «Искра», — пишет Надеждин, — вышла из своей сферы литературщины, она увидела бы, что это (такие явления, как письмо рабочего в «Искре» № 7, и т. п.) симптомы того, что очень-очень скоро начнется «штурм», и говорить теперь (*sic!*) об организации, тянувшейся нитками от общерусской газеты, это — плодить кабинетные мысли и кабинетную работу». Посмотрите же, какая это невообразимая путаница: с одной стороны, эксцитативный террор и «организация середняков» наряду с мнением, что «гораздо ближе» собраться вокруг «более конкретного», вроде местных газет, — а с другой стороны, «теперь» говорить об общерусской организации значит плодить кабинетные мысли, т. е., говоря прямее и проще, «теперь» уже поздно! А «широкая постановка местных газет», — это не поздно, почтеннейший Л. Надеждин? И сравните с этим точку зрения и тактику «Искры»: эксцитативный террор — пустяки, говорить об организации

именно середняков и о *широкой* постановке местных газет значит открывать настежь дверь экономизму. Надо говорить о единой общерусской организации революционеров, и говорить о ней не поздно до тех самых пор, когда начнется настоящий, а не бумажный штурм.

«Да, насчет организации у нас обстоят дела крайне не блестяще, — продолжает Надеждин, — да, «Искра» совершенно права, говоря, что главная масса наших военных сил — добровольцы и повстанцы... Это хорошо, что вы трезво представляете себе положение наших сил, но зачем же при этом забывать, что толпа *вовсе не наша* и что поэтому она у нас не спросит, когда открывать военные действия, и пойдет «буитоваться»... Когда выступит сама толпа с ее стихийной разрушительной силой, ведь она *может* смять, оттереть «постоянное войско», в которое всё собирались, да не *поспели* вносить чрезвычайно систематическую организацию». (Курсив наш.)

Удивительная логика! Именно потому, что «толпа не наша», неразумно и неприлично кричать о «штурме» сию минуту, ибо штурм есть атака постоянного войска, а не стихийный взрыв толпы. Именно потому, что толпа *может* смять и оттереть постоянное войско, нам обязательно необходимо «поспевать» за стихийным подъемом со своей работой «внесения чрезвычайно систематической организации» в постоянное войско, ибо, чем больше «поспеем» мы внести такой организованности, тем более вероятно, что постоянное войско не будет смято толпой, а встанет впереди и во главе толпы. Надеждин путается потому, что воображает, будто это систематически организуемое войско занято чем-либо отрывающим его от толпы, тогда как на самом деле оно занято исключительно всесторонней и всеобъемлющей политической агитацией, т. е. именно работой, *сближающей и сливающей воедино* стихийно-разрушительную силу толпы и сознательно-разрушительную силу организации революционеров. Ведь вы, господа, валите с больной головы на здоровую, ибо именно группа «Свобода», внося в программу террор, тем самым зовет к организации террористов, а такая организация действительно отвлекла бы наше войско от сближения его с толпой, которая еще, к сожалению, не наша, которая еще, к сожалению, не спрашивает или мало спрашивает нас о том, когда и как открывать военные действия.

«Мы проглядим самую революцию, — продолжает Надеждин пугать «Искру», — как проглядели нынешние

события, свалившиеся нам словно снег на голову». Эта фраза, в связи с приведенными выше, наглядно показывает нам нелепость сочиненной «Свободою» особой «точки зрения кануна революции»*. Особая «точка зрения» сводится, если прямо говорить, к тому, что «теперь» поодно уже рассуждать и готовиться. Если так, о почтеннейший враг «литературщины», — то к чему же было писать на 132 печатных страницах «о вопросах теории** и тактики»? Не находите ли вы, что «точке зрения кануна революции» более приличествовало бы издание 132 тысяч листов с кратким воззванием: «бей их!»?

Проглядеть революцию всего менее рискует именно тот, кто ставит во главу угла всей своей и программы, и тактики, и организационной работы всепародную политическую агитацию, как делает «Искра». Люди, занятые по всей России витьем нптей организации, тянущейся от общерусской газеты, не только не проглядели весенних событий, а дали нам, наоборот, возможность предсказать их. Не проглядели они и тех демонстраций, которые описаны в №№ 13 и 14 «Искры»: напротив, они участвовали в них, живо сознавая свою обязанность идти на помощь стихийному подъему толпы и помогая в то же время, чрез посредство газеты, ознакомляться с этими демонстрациями и утилизировать их опыт всем русским товарищам. Не проглядают они, если живы будут, и революции, которая потребует от нас прежде всего и больше всего опытности в агитации, умения поддерживать (по-социал-демократически поддерживать) всякий протест, умения направлять стихийное движение, оберегая его и от ошибок друзей, и от ловушек врагов!

Мы подошли таким образом к последнему соображению, которое заставляет нас особенно настаивать на плане

* Стр. 62 «Канун революции».

** Впрочем, по вопросам теории в своем «обзрении вопросов теории» Л. Надежди почти что ничего не дал, если не считать следующего, весьма любопытного с точки зрения кануна революции пассажа: «Вершисьявада в ее целом теряет для нашего момента свой острый характер точно так же, как докажет ли г. Адамович, что г. Струве уже заслужил пряжку, или, наоборот, г. Струве опровергает г. Адамовича и не согласится на выход в отставку, — это решительно все равно, ибо настает слушный час революции» (стр. 110). Трудно было бы рельефнее изобразить бесконечную беззаботность Л. Надеждина насчет теории. Мы провозгласили «канун революции» — поэтому «решительно все равно», удастся ли ортодоксам окончательно сбить с позиции критиков! И не замечает наш мудрец, что именно во время революции понадобятся нам результаты теоретической борьбы с критиками для решительной борьбы с их практическими позициями!

организации вокруг общерусской газеты, посредством совместной работы над общей газетой. Только такая организация обеспечит необходимую для социал-демократической боевой организации *гибкость*, т. е. способность приспособляться немедленно к самым разнообразным и быстро меняющимся условиям борьбы, уметь, «с одной стороны, уклониться от сражения в открытом поле с подавляющим своей силой неприятелем, когда он собрал на одном пункте все силы, а, с другой стороны, пользоваться неповоротливостью этого неприятеля и нападать на него там и тогда, где всего менее ожидают нападения»*. Было бы величайшей ошибкой строить партийную организацию в расчете только на взрыв и уличную борьбу или только на «поступательный ход серой текущей борьбы». Мы должны *всегда* вести нашу будничную работу и всегда быть готовы ко всему, потому что предвидеть заранее смену периодов взрыва периодами затишья очень часто бывает почти невозможно, а в тех случаях, когда возможно, нельзя было бы воспользоваться этим предвидением для перестройки организации, ибо смена эта в самодержавной стране происходит поразительно быстро, будучи иногда связана с одним ночным набегом царских янычар¹³¹. И самую революцию надо представлять себе отнюдь не в форме единичного акта (как мерещится, повидимому, Надеждиным), а в форме нескольких быстрых смен более или менее сильного взрыва и более или менее сильного затишья. Поэтому основным содержанием деятельности нашей партийной организации, фокусом этой деятельности должна быть такая работа, которая и возможна и нужна, как в период самого сильного взрыва, так и в период полнейшего затишья, именно: работа политической агитации, объединенной по всей

* «Искра» № 4: «С чего начать?». — «Революционных культурников, не стоящих на точке зрения наука революции, долгота работы ничуть не смущает» — пишет Надеждин (с. 62). Мы заметим по поводу этого: если мы не сумеем выработать такой политической тактики, такого организационного плана, которые были бы непременно рассчитаны на *весьма долгую работу* и в то же время обеспечивали бы самым процессом этой работы готовность нашей партии опознаться на своем посту и выполнить свой долг при всякой неожиданности, при всяком уснорении хода событий, — то мы окажемся просто жалкими политическими авантюристами. Только Надеждин, со вчерашнего дня начавший себя называть социал-демократом, может забывать о том, что цель социал-демократии — коренное преобразование условий жизни всего человечества, что поэтому социал-демократу непозволительно «смущаться» вопросом о долготы работы.

России, освещающей все стороны жизни и направленной в самые широкие массы. А эта работа *немыслима* в современной России без общерусской, очень часто выходящей газеты. Организация, складывающаяся сама собою вокруг этой газеты, организация ее *сотрудников* (в широком смысле слова, т. е. всех трудящихся над ней) будет именно готова *на все*, начиная от спасенья чести, престижа и преемственности партии в момент наибольшего революционного «угнетения» и кончая подготовкой, назначением и проведением *всенародного вооруженного восстания*.

В самом деле, представьте себе очень обычный у нас случай полного провала в одной или нескольких местностях. При отсутствии у *всех* местных организаций *одного* общего регулярного дела такие провалы сопровождаются часто перерывом работы на много месяцев. При наличности же общего дела у всех, — достаточно было бы, при самом сильном провале, нескольких недель работы двух-трех энергичных людей, чтобы связать с общим центром новые кружки молодежи, возникающие, как известно, весьма быстро даже теперь; — а когда это общее дело, страдающее от провала, у всех на виду, то новые кружки могут возникать и связываться с ним еще быстрее.

С другой стороны, представьте себе народное восстание. В настоящее время, вероятно, все согласится, что мы должны думать о нем и готовиться к нему. Но *как* готовиться? Не назначить же Центральному Комитету агентов по всем местам для подготовки восстания! Если бы у нас и был ЦК, он таким назначением ровно ничего не достиг бы при современных русских условиях. Наоборот, сеть агентов*, складывающаяся сама собою на работе по постановке

* Увы, увы! Опять сорвалось у меня это ужасное слово «агент», так режущее демократическое ухо Мартыновых! Мне странно, почему это слово не обижало юристов 70-х годов и обижает кустарей 90-х годов? Мне нравится это слово, ибо оно ясно и резко указывает на *общее дело*, которому все агенты подчиняют свои помыслы и действия, и если нужно заменить это слово другим, то я бы мог остановиться только разве на слове «сотрудник», если бы оно не отзывалось некоторой литературщиной и некоторой расплывчатостью. А нам нужна восставшая организация агентов. Впрочем, те многочисленные (особенно за границей) Мартыновы, которые любят заниматься «взаимным пожалованием друг друга в генералы», могли бы говорить вместо «агент по паспортной части» — «главноначальствующий отдельной частью по снабжению революционеров паспортами» и т. п.

и распространению общей газеты, не должна была бы «сидеть и ждать» лозунга к восстанию, а делала бы именно такое регулярное дело, которое гарантировало бы сй наибольшую вероятность успеха в случае восстания. Именно такое дело закрепляло бы связи и с самыми широкими массами рабочих и со всеми недовольными самодержавием слоями, что так важно для восстания. Именно на таком деле вырабатывалась бы способность верно оценивать общее политическое положение и, следовательно, способность выбрать подходящий момент для восстания. Именно такое дело приучало бы *все* местные организации откликаться одновременно на одни и те же волнующие всю Россию политические вопросы, случаи и происшествия, отвечать на эти «происшествия» возможно энергичнее, возможно единообразнее и целесообразнее, — а ведь восстание есть, в сущности, самый энергичный, самый единообразный и самый целесообразный «ответ» всего народа правительству. Именно такое дело, наконец, приучало бы все революционные организации во всех концах России вести самые постоянные и в то же время самые конспиративные сношения, создающие *фактическое* единство партии, — а без таких сношений невозможно коллективно обсудить план восстания и принять те необходимые подготовительные меры накануне его, которые должны быть сохранены в строжайшей тайне.

Одним словом, «план общерусской политической газеты» не только не представляет из себя плод кабинетной работы лиц; зараженных доктринерством и литературщиной (как это показалось плохо вдумавшимся в него людям), а, наоборот, он является самым практическим планом начать со всех сторон и сейчас же готовиться к восстанию, не забывая в то же время ни на минуту своей будничной насущной работы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

История русской социал-демократии явственно распадается на три периода.

Первый период обнимает около десяти лет, приблизительно 1884—1894 гг. Это был период возникновения и упрочения теории и программы социал-демократии. Число сторонников нового направления в России измерялось единицами. Социал-демократия существовала без рабочего движения, переживая, как политическая партия, процесс утробного развития.

Второй период обнимает три-четыре года, 1894—1898 гг. Социал-демократия появляется на свет божий, как общественное движение, как подъем народных масс, как политическая партия. Это — период детства и отрочества. С быстротой эпидемии распространяется повальное увлечение интеллигенции борьбой с народничеством и хождением к рабочим, повальное увлечение рабочих стачками. Движение делает громадные успехи. Большинство руководителей — совсем молодые люди; далеко не достигшие того «тридцатипятилетнего возраста», который казался г. Н. Михайловскому какой-то естественной гранью. Благодаря своей молодости, они оказываются неподготовленными к практической работе и поразительно быстро сходят со сцены. Но размах работы у них большей частью был очень широкий. Многие из них начинали революционно мыслить как народовольцы. Почти все в ранней юности восторженно преклонялись перед героями террора. Отказ от обаятельного впечатления этой геройской традиции стоил борьбы, сопровождался разрывом с людьми, которые во что бы то ни стало хотели остаться верными Народной воле

и которых молодые социал-демократы высоко уважали. Борьба заставляла учиться, читать нелегальные произведения всяких направлений, заниматься усиленно вопросами легального народничества. Воспитанные на этой борьбе социал-демократы шли в рабочее движение, «ни на минуту» не забывая ни о теории марксизма, озарившей их ярким светом, ни о задаче низвержения самодержавия. Образование партии весной 1898 года было самым рельефным и в то же время *последним* делом социал-демократов этой полосы.

Третий период готовится, как мы видели, в 1897 году и окончательно выступает на смену второго периода в 1898 году (1898—?). Это — период разброда, распада, шатания. В отрочестве бывает так, что голос у человека ломается. Вот и у русской социал-демократии этого периода стал ломаться голос, стал звучать фальшью, — с одной стороны, в произведениях гг. Струве и Прокоповича, Булгакова и Бердяева, с другой стороны — у В. И. — на и Р. М., у Б. Кричевского и Мартынова. Но брели розно и шли назад только руководители: само движение продолжало расти и делать громадные шаги вперед. \checkmark Пролетарская борьба захватывала новые слои рабочих и распространялась по всей России, влияя в то же время косвенно и на оживление демократического духа в студенчестве и в других слоях населения. \checkmark Сознательность же руководителей спасовала перед широтой и силой стихийного подъема; среди социал-демократов преобладала уже другая полоса — полоса деятелей, воспитавшихся почти только на одной «легальной» марксистской литературе, а ее было тем более недостаточно, чем большей сознательности требовала от них стихийность массы. Руководители не только оказывались позади и в теоретическом отношении («свобода критики») и в практическом («кустарничество»), но пытались защищать свою отсталость всякими выпренными доводами. Социал-демократизм принижался до тред-юнионизма и брентанистами легальной и хвостистами нелегальной литературы. Программа «Credo» начинала осуществляться, особенно когда «кустарничество» социал-демократов вызвало оживление революционных не социал-демократических направлений.

И вот, если читатель упрекнет меня за то, что я чересчур подробно занимался каким-то «Раб. Делом», я отвечу на

это: «Р. Дело» приобрело «историческое» значение потому, что всего рельефнее отразило в себе «дух» этого третьего периода*. Не последовательный Р. М., а именно флюгерствующие Кричевские и Мартыновы могли настоящим образом выразить разброд и шатания, готовность идти на уступки и перед «критикой», и перед «экономизмом», и перед терроризмом. Не величественное пренебрежение к практике со стороны какого-нибудь поклонника «абсолюта» характерно для этого периода, а именно соединение мелкого практицизма с полнейшей теоретической беззаботностью. Не столько прямым отрицанием «великих слов» занимались герои этого периода, сколько их опошлением: научный социализм перестал быть целостной революционной теорией, а превращался в мешанину, к которой «свободно» добавляли жидкости из всякого нового немецкого учебника; лозунг «классовая борьба» не толкал вперед к все более широкой, все более энергичной деятельности, а служил средством успокоения, так как ведь «экономическая борьба неразрывно связана с политической»; идея партии не служила призывом к созданию боевой организации революционеров, а оправдывала какую-то «революционную канцелярщину» и ребяческую игру в «демократические» формы.

Когда кончается третий и начинается четвертый период (во всяком случае предвещаемый уже многими признаками); — мы не знаем. Из области истории мы переходим здесь в область настоящего; отчасти будущего. Но мы твердо верим; что четвертый период поведет к упрочению воинствующего марксизма; что из кризиса русская социал-демократия выйдет окрепшей и возмужавшей; что «на смену» арьергарда оппортунистов выступит действительный передовой отряд самого революционного класса.

В смысле призыва к такой «смене» и сводя вместе все изложенное выше; мы можем на вопрос: что делать? дать краткий ответ:

Ликвидировать третий период.

* Я мог бы также ответить немецкой поговоркой: Den Sack schlägt man, den Esel meint man, или по-русски: кошку бьют, невестке поветки дают. Не одно «Раб. Дело», а широкая масса практиков и теоретиков увлеклась модной «критикой», путалась в вопросе о стихийности, сбивалась о социал-демократического на традиционистское пошмание наших политических и организационных задач.

ПОПЫТКА ОБЪЕДИНЕНИЯ «ИСКРЫ» С «РАБОЧИМ ДЕЛОМ»

Нам остается обрисовать ту тактику, которую приняла и последовательно проводила «Искра» в организационных отношениях к «Раб. Делу». Тактика эта выражена вполне уже в № 1 «Искры», в статье о «Расколе в Заграничном союзе русских социал-демократов»*. Мы сразу встали на ту точку зрения, что *настоящий* «Союз русских социал-демократов за границей», который был признан на первом съезде нашей партии ее заграничным представителем, *раскололся* на две организации; — что вопрос о представительстве партии остается открытым, будучи только временно и условно решен тем, что на Парижском международном конгрессе в постоянное Международное социалистическое бюро было выбрано от России два члена, по одному от каждой части расколовшегося «Союза». Мы заявили, что по существу «Раб. Дело» *неправо*, мы решительно встали в принципиальном отношении на сторону группы «Осв. труда», но отказались в то же время входить в подробности раскола и отметили заслугу «Союза» в области чисто практической работы**.

Таким образом наша позиция была до известной степени выжидательная: мы сделали уступку господствовавшему среди большинства русских социал-демократов мнению, что рука об руку с «Союзом» могут работать и самые решительные враги экономизма, ибо «Союз» не раз заявлял о своем принципиальном согласии с группой

* См. Сочинения, 4 изд., том 4, стр. 353—354. *Ред.*

** В основе такой оценки раскола лежало не только оговаривание с литературой, но также и данные, собранные за границей некоторыми побывавшими там членами нашей организации.

«Освобождение труда», не претендуя, будто бы, на самостоятельную физиономию в коренных вопросах теории и тактики. Правильность занятой нами позиции косвенно была подтверждена тем, что почти одновременно с выходом первого номера «Искры» (декабрь 1900) от «Союза» отделились три члена, которые образовали так называемую «группу инициаторов» и обратились: 1. к заграничному отделу организации «Искры», 2. к революционной организации «Социал-демократ» и 3. к «Союзу» с предложением посредничества в ведении переговоров о примирении. Первые две организации сразу ответили согласием, *третья — отказом*. Правда, когда один оратор изложил эти факты на «объединительном» съезде прошлого года, член администрации «Союза» заявил, что их отказ был вызван *исключительно* тем, что «Союз» был недоволен составом группы инициаторов. Считаю своим долгом привести это объяснение, я не могу однако не заметить с своей стороны, что считаю его неудовлетворительным: зная о согласии двух организаций на переговоры, «Союз» мог обратиться к ним и через другого посредника или непосредственно.

Весной 1901 г. с прямой полемикой против «Р. Дела» выступила и «Заря» (№ 1, апрель) и «Искра» (№ 4, май)*. Последняя особенно напала на «Исторический поворот» «Р. Дела»; которое в своем *апрельском* листке, следовательно, уже после весенних событий, проявило неустойчивость по отношению к увлечению террором и «кровавыми» призывами. Несмотря на эту полемику, «Союз» ответил согласием на возобновление переговоров о примирении при посредстве новой группы «примирителей». Предварительная конференция из представителей от трех вышеназванных организаций состоялась в июне и выработала проект договора на базисе подробнейшего «принципиального соглашения», напечатанного «Союзом» в брошюре «Два съезда» и Лигой в брошюре «Документы объединительного съезда».

Содержание этого принципиального соглашения (или резолюций июньской конференции, как его чаще называют) показывает с полнейшей ясностью, что мы ставили *непременным* условием соединения *самое решительное* отрицание

* См. настоящий том, стр. 1—12. Ред.

всех и всяких проявлений оппортунизма вообще и русского оппортунизма в частности. «Мы отвергаем, — гласит 1 п., — всякие попытки внесения оппортунизма в классовую борьбу пролетариата, — попытки, выразившиеся в так называемом экономизме, бернштейнианстве, миллеранризме и т. п.». «В круг деятельности социал-демократии входит... идейная борьба со всеми противниками революционного марксизма» (4, с); «Во всех сферах организационно-агитационной деятельности социал-демократия не должна ни на минуту упускать из виду ближайшую задачу русского пролетариата — низвержение самодержавия» (5, а); «...агитация не только на почве повседневной борьбы наемного труда с капиталом» (5, b); «...«не признавая... стадию чисто экономической борьбы и борьбы за частные политические требования» (5, с); «...«считаем важной для движения критику течений, возводящих в принцип... элементарность... и узость низших форм движения» (5, d). Даже совершенно посторонний человек, сколько-нибудь внимательно прочитавший эти резолюции, увидит из самой уже их формулировки; что они направлены против людей, которые были оппортунистами и экономистами, которые забывали хотя на минуту о задаче низвержения самодержавия; которые признавали теорию стадий, возводили в принцип узость и пр. И кто хотя сколько-нибудь знаком с полемикой против «Р. Дела» группы «Осв. труда», «Зари» и «Искры», тот ни на минуту не усомнится в том, что эти резолюции отвергают пункт за пунктом именно те заблуждения, в которые впадало «Раб. Дело». Поэтому когда на «объединительном» съезде один из членов «Союза» заявил, что статьи в № 10 «Р. Дела» вызваны не новым «историческим поворотом» «Союза»; а чрезмерной «абстрактностью» * резолюций — то один оратор имел полное право посмеяться над этим. Резолюции не только не абстрактны, — ответил он, — а невероятно конкретны: одного взгляда на них достаточно, чтобы видеть, что тут «кого-то ловили».

Это последнее выражение подало повод к характерному эпизоду на съезде. С одной стороны; Б. Кричевский ухватился за слово «ловили», решив, что это — обмолвка, выдающая дурной умысел с нашей стороны («подставить

* Утверждение это повторено в «Двух съездах», стр. 25.

ловушку»), и патетически воскликнул: «Кого же именно, кого тут ловили?». — «Вот, в самом деле, кого?» проницательно спросил Плеханов. — «Я помогу недогадливости товарища Плеханова, — отвечал Б. Кричевский, — я объясню ему, что тут ловили редакцию «Рабочего Дела» (общий хохот). Но мы не дали себя поймать!» (замечания слева: тем хуже для вас!). — С другой стороны, член группы «Борьба» (группы примирителей), говоря против поправок «Союза» к резолюциям и желая защищать нашего оратора, заявил, что выражение «ловили», очевидно; нечаянно сорвалось в пылу полемики.

Что касается меня; то я думаю; что от такой «защиты» не поздоровится оратору, употребившему разбираемое выражение. Я думаю, что слова «кого-то ловили» «в шутку сказаны, да всерьез задуманы»: мы всегда обвиняли «Р. Дело» в неустойчивости; в шатаниях; и потому, естественно; *должны были* постараться *поймать* его, чтобы сделать впредь шатания невозможными. О дурном умысле не могло тут быть и речи, ибо дело шло о принципиальной неустойчивости. И мы сумели «поймать» «Союз» настолько по-товарищески*, что июньские резолюции подписал сам Б. Кричевский и еще один член администрации «Союза».

Статьи в № 10 «Р. Дела» (наши товарищи увидели этот номер только тогда; когда приехали на съезд, за несколько дней до начала заседаний) ясно показали; что с лета по осень в «Союзе» произошел новый поворот: экономисты опять взяли верх; и редакция, послушная всякому «веянию», принялась опять защищать «самых отъявленных бернштейншанцев» и «свободу критики»; защищать «стихийность» и проповедывать устами Мартынова «теорию сужения» сферы нашего политического воздействия (в видах,

* Именно: мы сказали во вступлении к июньским резолюциям, что русская социал-демократия в целом всегда стояла на почве принципов группы «Осв. тр.» и что заслугой «Союза» была в особенности его издательская и организационная деятельность. Другими словами, мы выражали полную готовность предать забвению все прошлое и признать полезность (для дела) работы наших товарищей из «Союза» *под условием* того полного прекращения шатаний, которые мы преследовали «уловлением». Всякий беспристрастный человек, прочитав июньские резолюции, именно так только и поймет их. Если же «Союз» теперь, после того как он *вызвал* разрыв своим новым поворотом к экономизму (в статьях № 10 и в поправках), обвиняет нас торжественно в *неправде* («Два съезда», с. 30) за эти слова об его заслугах, то такое обвинение способно вызвать, конечно, только улыбку.

будто бы, осложнения самого воздействия). Еще раз подтвердилось меткое замечание Парвуса, что оппортуниста трудно поймать какой бы то ни было формулой: он легко подпишет *всякую* формулу и легко отступит от нее, так как оппортунизм состоит именно в отсутствии сколько-нибудь определенных и твердых принципов. Сегодня оппортунисты отвергли *всякие* попытки внесения оппортунизма, отвергли *всякую* узость, обещали торжественно «ни на минуту не забывать о низвержении самодержавия», вести «агитацию не только на почве повседневной борьбы наемного труда с капиталом» и пр. и пр. А завтра они меняют способ выражения и принимаются за старое под видом защиты стихийности, поступательного хода серой, текущей борьбы, превознесения требований, сулящих осязательные результаты, и т. п. Продолжая утверждать, что в статьях № 10 «Союз» не видел и не видит никакого еретического отступления от общих принципов проекта конференции («Два съезда», с. 26), «Союз» обнаруживает этим только полную неспособность или нежелание понять суть разногласий.

После № 10 «Р. Д.» нам оставалось сделать только одну попытку: начать общую дискуссию, чтобы убедиться, солидарен ли весь «Союз» с этими статьями и с своей редакцией. «Союз» особенно недоволен нами за это, обвиняя нас в попытке посеять рознь в «Союзе», в вмешательстве не в свое дело и проч. Обвинения явно неосновательные, ибо при выборной редакции, «поворачивающей» при самом легком ветерке, все зависит именно от направления ветра, и мы определяли это направление в закрытых заседаниях, на которых, кроме членов собравшихся объединяться организаций; никого не было. Внесение от имени «Союза» поправок к июньским резолюциям отняло у нас и последнюю тень надежды на соглашение. Поправки документально засвидетельствовали новый поворот к экономизму и солидарность большинства «Союза» с № 10 «Р. Д.». Из круга проявлений оппортунизма вычеркивался «так называемый экономизм» (ввиду якобы «неопределенности смысла» этих трех слов, — хотя из такой мотивировки вытекает лишь необходимость более точно определить сущность широко распространенного заблуждения), вычеркивался и «мильеранизм» (хотя Б. Кричевский защищал его и в «Р. Д.» № 2—3, стр. 83—84 и еще прямее в

«Vorwärts'e» *). Несмотря на то, что июньские резолюции определенно указали задачу социал-демократии — «руководить *всякими* проявлениями борьбы пролетариата против *всех* форм политического, экономического и социального угнетения», требуя тем самым внесения планомерности и единства во все эти проявления борьбы, — «Союз» добавлял еще совершенно лишние слова, что «экономическая борьба является могучим стимулом массового движения» (сами по себе эти слова бесспорны, но, при существовании узкого «экономизма», они не могли не дать повода к лжетолкованиям). Мало того, в июньские резолюции вносилось даже прямое *сужение* «политики» как посредством удаления слов «ни на минуту» (не забывать о цели низвержения самодержавия), так и посредством добавления слов, что «экономическая борьба есть *наиболее широко* применимое средство для вовлечения массы в активную политическую борьбу». Понятно, что после внесения таких поправок все ораторы нашей стороны стали один за другим отказываться от слова, находя совершенно бесполезным дальнейшие переговоры с людьми, опять поворачивающими к экономизму и обеспечивающими себе свободу шатания.

«Именно то, что «Союз» считал условием *sine qua non* ** прочности будущего соглашения, т. е. сохранения самостоятельной физиономии «Р. Д.» и его автономии, — именно это «Искра» считала камнем преткновения для соглашения» («Два съезда»; стр. 25). Это очень неточно. На автономию «Р. Дела» мы никогда не посягали ***. Самостоятельность его физиономии мы действительно *безусловно отвергали*, если понимать под этим «самостоятельную физиономию» в принципиальных вопросах теории и тактики: июньские резолюции именно и содержат в себе безусловное отрицание *такой* самостоятельности физиономии; ибо эта «самостоятельность физиономии» на практике всегда означала, повторяем, всяческие шатания и поддержку этими шатаниями господствующего у нас и невыносимого в партийном

* В «Vorwärts'e» началась полемика по этому поводу между теперешней редакцией его, Каутским и «Зарей». Мы не преминем познакомить русских читателей с этой полемикой¹³³.

** — абсолютно необходимым. *Ред.*

*** Если не считать стеснением автономии те редакционные совещания в связи с учреждением общего верховного совета объединенных организаций, на которые согласилось в июне и «Раб. Дело».

отношении разброда. Статьями в № 10 и «поправками» «Рабочее Дело» ясно показало свое желание сохранить за собою именно эту самостоятельность физиономии, а такое желание естественно и неизбежно повело к разрыву и объявлению войны. Но мы все готовы были признать «самостоятельную физиономию» «Р. Д.» в смысле сосредоточения его на определенных литературных функциях. Правильное распределение этих функций напрашивалось само собою: 1. научный журнал, 2. политическая газета и 3. популярные сборники и популярные брошюры. Только согласно «Р. Д.» на такое распределение доказало бы *искреннее* желание его свести окончательно счеты с теми заблуждениями, против которых направлены июньские резолюции; только такое распределение устранило бы всякую возможность трений и обеспечило на самом деле прочность соглашения, послужив в то же время базисом для нового подъема нашего движения и новых успехов его.

Теперь ни один русский социал-демократ не может уже сомневаться в том; что окончательный разрыв революционного направления с оппортунистическим вызван не «организационными» какими-либо обстоятельствами, а именно желанием оппортунистов упрочить самостоятельную физиономию оппортунизма и продолжать вносить в умы путаницу рассуждениями Кричевских и Мартыновых.

ПОПРАВКА К «ЧТО ДЕЛАТЬ?»

«Группа инициаторов», о которой я рассказываю в брошюре «Что делать?», стр. 141*, просит меня сделать следующую поправку к изложению ее участия в попытке примирения заграничных социал-демократических организаций: «Из трех членов этой группы только один вышел из «Союза» в конце 1900 года, остальные же — в 1901 году, лишь после того, как они убедились в невозможности добиться от «Союза» согласия на конференцию с заграничной организацией «Искры» и «Революционной организацией Социал-демократ», — в чем и состояло предложение «Группы инициаторов». Это предложение администрация «Союза» сначала отвергла, мотивируя свой отказ от конференции «некомпетентностью» лиц, входящих в состав посреднической «Группы инициаторов», причем выразила желание войти в непосредственные сношения с заграничной организацией «Искры». Вскоре однако администрация «Союза» известила «Группу инициаторов», что она после появления первого номера «Искры», в котором напечатана заметка о расколе в «Союзе», изменила свое решение и не желает входить в сношения с «Искрой». Как объяснить после этого заявление члена администрации «Союза», что отказ «Союза» от конференции был вызван *исключительно* недовольством последнего составом «Группы инициаторов»? Правда, непонятно также согласие администрации «Союза» на конференцию в июне прошлого года: ведь заметка в первом номере

* См. настоящий том, стр. 486—487. *Ред.*

«Искры» осталась в силе, а «отрицательное» отношение «Искры» к «Союзу» еще яснее выступило в первой книжке «Зари» и 4-м номере «Искры», появившихся до июньской конференции».

Н. Ленин

«Искра» № 19, 1 апреля 1902 г.

Печатается по тексту газеты
«Искра»

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Статья Ленина «С чего начать?», опубликованная в «Искре», издавалась местными социал-демократическими организациями отдельной брошюрой. Сибирский социал-демократический союз отпечатал 5 тысяч экземпляров брошюры и распространил ее по всей Сибири. Отдельное издание статьи распространялось также в Самаре, Тамбове, Нижнем-Новгороде и других городах России. — 1.
- ² «Рабочее Дело» — журнал «экономистов», неперIODический орган «Союза русских социал-демократов за границей». Журнал издавался в Женеве с апреля 1899 года по февраль 1902 года под редакцией Б. Н. Кричевского, А. С. Мартынова и В. П. Иваншина. Вышло всего 12 номеров — девять книг.
Критика взглядов «рабочедельцев» дана в книге Ленина «Что делать?» (см. настоящий том, стр. 319—494). — 5.
- ³ «Рабочая Мысль» — газета «экономистов»; выходила с октября 1897 года по декабрь 1902 года. Вышло всего 16 номеров: номера 3—11 и 16 — в Берлине, остальные — в Петербурге. Редактировалась К. М. Тахтаревым и др.
Критику взглядов «Рабочей Мысли» как русской разновидности международного оппортунизма Ленин дал в ряде своих произведений, особенно в статьях, опубликованных в «Искре», и в книге «Что делать?». — 5.
- ⁴ «Искра» — первая общерусская нелегальная марксистская газета, основанная Лениным в 1900 году. Создание этого боевого органа революционных марксистов явилось «основным звеном и основной задачей в цепи звеньев и в цепи задач, стоявших тогда перед партией» (Сталин).
Ввиду невозможности выпускать революционную газету в России из-за полицейских преследований, Ленин еще в сибирской ссылке обдумал во всех подробностях план издания ее за границей. По окончании ссылки, в январе 1900 года, Ленин немедленно приступил к осуществлению своего плана.

Первый номер ленинской «Искры» вышел 11 (24) декабря 1900 года в Лейпциге, последующие номера выходили в Мюнхене, с апреля 1902 года — в Лондоне и с весны 1903 года — в Женеве.

В редакцию «Искры» входили: В. И. Ленин, Г. В. Плеханов, Ю. О. Мартов, П. Б. Аксельрод, А. Н. Потресов и В. И. Засулич. Секретарем редакции с весны 1901 года была Н. К. Крупская. Ленин был фактически главным редактором и руководителем «Искры». Он выступал в «Искре» со статьями по всем основным вопросам строительства партии и классовой борьбы пролетариата России, откликался на важнейшие события международной жизни.

В ряде городов России (Петербург, Москва и др.) были созданы группы и комитеты РСДРП ленинско-искровского направления. В Закавказье идеи «Искры» отстаивала «Брдзола» («Борьба») — первая нелегальная грузинская газета тифлисской социал-демократической организации, ее ленинско-искровской группы. Основоположником и руководителем ленинско-искровских организаций в Закавказье был И. В. Сталин вместе с В. З. Кецховели, А. Г. Цулукидзе и В. К. Курнатовским.

Искровские организации возникали и работали под непосредственным руководством выращенных Лениным и Сталиным профессиональных революционеров (Н. Э. Бауман, И. В. Бабушкин, С. И. Гусев, М. И. Калинин и др.).

По инициативе Ленина и при его непосредственном участии редакция «Искры» разработала проект программы партии (опубликован в № 21 «Искры») и подготовила II съезд РСДРП, состоявшийся в июле-августе 1903 года.

Ко времени созыва съезда большинство местных социал-демократических организаций России присоединилось к «Искре», одобрило ее тактику, программу и организационный план, признало ее своим руководящим органом. В специальном постановлении съезд отметил исключительную роль «Искры» в борьбе за партию и объявил ее Центральным Органом РСДРП.

На II съезде была утверждена редакция в составе Ленина, Плеханова и Мартова. Мартов, вопреки решению съезда партии, отказался войти в редакцию, и №№ 46—51 «Искры» вышли под редакцией Ленина и Плеханова. В дальнейшем Плеханов перешел на позиции меньшевизма и лоббировал включения в состав редакции «Искры» всех старых редакторов-меньшевиков, отвергнутых съездом. Ленин не мог согласиться с этим и 19 октября (1 ноября) 1903 года вышел из редакции «Искры» с тем, чтобы укрепиться в ЦК партии и с этой позиции бить оппортунистов-меньшевиков. № 52 вышел под редакцией одного Плеханова. 13 (26) ноября 1903 года Плеханов единолично, нарушая волю съезда, кооптировал в состав редакции «Искры» бывших ее редакторов-меньшевиков. С номера 52 меньшевики превратили «Искру» в свой орган.

«С этого времени стали говорить в партии о *старой* «Искре», как о ленинской, большевистской «Искре», и о *новой* «Искре», как о меньшевистской, оппортунистической» («История ВКП(б). Краткий курс», стр. 44). — 6.

- 5 Имеются в виду студенческие полнения и выступления рабочих — митинги, демонстрации и забастовки — в феврале и марте 1901 года, охватившие многие города России: Петербург, Москву, Киев, Харьков, Ярославль, Томск, Варшаву, Белосток и др. — 8.
- 6 Имеется в виду корреспонденция «Первое мая в России», напечатанная в «Искре» № 5 (июнь 1901 года), в отделе «Хроника рабочего движения и письма с фабрик и заводов». — 15.
- 7 Ленин имеет в виду «Введение» Ф. Энгельса к работе К. Маркса «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.», которое было извращено при публикации немецкими социал-демократами в 1895 году, а затем истолковано ими как отказ от вооруженного восстания и баррикадной борьбы.
- Полный текст «Введения» по рукописи Ф. Энгельса был впервые опубликован лишь в СССР (см. К. Маркс. Избранные произведения в двух томах, т. II, 1940, стр. 138—156). — 17.
- 8 Ленин имеет в виду столкновение полиции с бастовавшими рабочими фабрики Максвелла в Петербурге в декабре 1898 года. Прибывшие для ареста «зачинщиков» забастовки городовые (200 пеших и 100 конных) несколько часов не могли прорваться в рабочую казарму. Забаррикадовавшиеся рабочие защищались от полиции поленьями, бутылками, обливали полицейских кипятком. — 18.
- 9 Речь идет о расправе царской полиции и казаков с участниками демонстрации 4 (17) марта 1901 года на Казанской площади в Петербурге. В этой демонстрации протеста против отдачи студентов в солдаты участвовали тысячи студентов и рабочих. Царское правительство применило вооруженную силу для разгона демонстрантов. Участники демонстрации были зверски избиты, несколько человек убито, многие искалечены. Это событие было подробно освещено в «Искре» № 3 в апреле 1901 года. — 18.
- 10 Статья Ленина «*Гонители земства и Аннибалы либерализма*» посвящена критике изданной нелегально за границей секретной записки царского министра С. Ю. Витте «Самодержавие и земство» и предисловия к ней, написанного либералом П. Б. Струве.
- Статья Ленина вызвала серьезные разногласия в редакции «Искры». Плеханов и некоторые другие члены редакции высказались против статьи Ленина.
- Полемика вокруг статьи в переписке членов редакции «Искры» длилась около месяца. Ленин принял отдельные предложения об изменениях некоторых частных формулировок, но решительно отказался переменить резко обличительный тон статьи и ее направление. — 19.
- 11 «Заря» — марксистский научно-политический журнал, издавался в 1901—1902 годах в Штутгарте редакцией «Искры».

- В «Заре» напечатаны следующие статьи Ленина: «Случайные заметки», «Гонители земства и Аннибалы либерализма», первые четыре главы работы «Аграрный вопрос и «критики Маркса»» (под заглавием «Гг. «критики» в аграрном вопросе»), «Внутреннее обозрение», «Аграрная программа русской социал-демократии». Всего вышло четыре номера — три книги «Зари»: № 1 — апрель 1901 года (фактически № 1 вышел 23 марта нового стиля), № 2—3 — декабрь 1901 года, № 4 — август 1902 года. — 23.
- 12 Катков, М. Н. — реакционный публицист. Редактировал с 1851 года газету «Московские Ведомости». Был влобным противником не только революционного движения, но и всякого общественного прогресса. Ленин характеризовал Каткова как «черного сторожевого пса самодержавия». — 25.
- 13 «Молодая Россия» — прокламация, выпущенная революционным кружком П. Г. Заичневского в мае 1862 года. Прокламация призывала к революционному выступлению против самодержавия и выдвигала лозунг «социальной и демократической республики Русской» в форме федеративного союза областей. — 26.
- 14 «Современник» — ежемесячный научно-политический и литературный журнал, основанный А. С. Пушкиным; выходил в Петербурге с 1836 по 1866 год. С 1847 года журнал издавался Н. А. Некрасовым и И. И. Панаевым. В журнале сотрудничали: В. Г. Белинский, Н. Г. Чернышевский, Н. А. Добролюбов, Н. В. Шелгунов, М. Е. Салтыков-Щедрин, М. А. Антонович и др. «Современник» — самый передовой журнал своего времени, отражавший стремления революционной демократии. В 1866 году журнал был закрыт царским правительством. — 27.
- 15 «Русское Слово» — ежемесячный литературно-политический журнал, выходивший в Петербурге с 1859 по 1866 год; в нем сотрудничали Д. И. Писарев и Н. В. Шелгунов. Журнал имел большое влияние на передовую молодежь 60-х годов. После «Современника» это был самый прогрессивный журнал своего времени. Закрыт царским правительством в 1866 году. — 27.
- 16 «День» — еженедельная газета; издавалась в Москве с 1861 по 1865 год И. С. Аксаковым. — 27.
- 17 Радищев, А. Н. (1749—1802) — русский писатель и революционер. В своем знаменитом произведении «Путешествие из Петербурга в Москву» он первый открыто выступил против крепостного строя царской России. Был приговорен за это, по приказу Екатерины II, к смертной казни, замененной ссылкой в Сибирь на 10 лет. Возвращен из ссылки по амнистии, но под угрозой новых преследований со стороны царского правительства покончил жизнь самоубийством. Ленин считал Радищева одним из выдающихся прогрессивных деятелей русского народа. — 28.

- 18 *Аракчеев, А. А.* — реакционный деятель царской России конца XVIII и начала XIX века; имел большое влияние на внешнюю и внутреннюю политику в период царствования Павла I и Александра I. С именем Аракчеева связана целая эпоха неограниченного полицейского деспотизма и произвола грубой военной («аракчеевщина»). — 28.
- 19 Имеется в виду восстание декабристов — дворянских революционеров, выступавших против самодержавия и крепостничества. — 28.
- 20 Речь идет об участии войск русского царя Николая I в подавлении революционного движения в Европе в 1848—1849 годах, в частности революции в Венгрии в 1849 году. — 28.
- 21 *Генеральные штаты* — сословно-представительное учреждение во Франции XIV — XVIII веков, состоявшее из депутатов от дворянства, духовенства и третьего сословия; созывались королем для разрешения административно-финансовых вопросов. Генеральные штаты не собирались в течение 175 лет — с 1614 по 1789 год. Созванные в 1789 году Людовиком XVI в целях разрешения финансового кризиса, Генеральные штаты решением депутатов третьего сословия были объявлены Национальным собранием. — 28.
- 22 *Генерал Ванновский*, назначенный в 1901 году министром народного просвещения, в целях успокоения студенческих волнений выступил с либеральными фразами о «любви» к учащейся молодежи и «сердечном попечении» о ней. Проводил ряд значительных реформ в области просвещения, Ванновский продолжал применять репрессивные меры борьбы с революционным студенчеством: аресты, ссылки, исключения из университетов и т. п. — 31.
- 23 *«Правительственный Вестник»* — газета, официальный орган правительства; издавалась в Петербурге с 1869 по 1917 год. — 37.
- 24 *«Собрание нотаблей Людовика XVI»* — собрание знатных лиц из привилегированных сословий Франции, созывавшееся в 1787 и 1788 годах французским королем Людовиком XVI для разрешения финансового кризиса в стране. Собрание отказалось принять постановление об обложении налогами привилегированных сословий, после чего Людовик XVI был вынужден созвать Генеральные штаты. — 39.
- 25 *«Диктатурой сердца»* иронически называлась кратковременная политика заигрывания с либералами царского сановника Лорис-Меликова, назначенного в 1880 году сначала начальником «Верховной распорядительной комиссии» по борьбе с «красноухой», а затем министром внутренних дел. — 40.
- 26 *«Социал-Демократ»* — литературно-политическое обозрение, издававшееся в 1890—1892 годах за границей группой «Освобождение труда». Вышло всего четыре книги.

Ленин цитирует статью В. И. Засулич «Революционеры из буржуазной среды», напечатанную в № 1 «Социал-Демократа» за 1890 год. — 40.

27 *Маккиавелизм* (от имени Маккиавели (1469—1527), политического деятеля и писателя Флорентийской республики) — политика, не останавливающаяся ни перед какими коварными средствами борьбы — обманом, вероломством, предательством и убийством — для достижения своих целей. — 42.

28 «*Народная воля*» — народническое тайное общество, организованное в 1879 году для революционной борьбы с царским самодержавием.

Вскоре после убийства народовольцами царя Александра II (1 (13) марта 1881 года) «Народная воля» была разгромлена царским правительством. Большинство народников после этого отказалось от революционной борьбы с царизмом, стало проповедывать примирение, соглашение с царским самодержавием. Эти эпигоны народничества — либеральные народники 80-х и 90-х годов XIX века — стали выразителями интересов кулачества.

Оценку деятельности «Народной воли» см. в первой главе «Истории ВКП(б). Краткий курс». — 51.

29 «*Отдельное приложение к «Рабочей Мысли»*» — брошюра; изданная редакцией газеты «экономистов» «Рабочая Мысль» в сентябре 1899 года. В брошюре, а в особенности в статье «Наша действительность» за подписью Р. М., откровенно высказывались оппортунистические взгляды «экономистов». Критика этой брошюры дана Лениным в статье «Попытное направление в русской социал-демократии» и в книге «Что делать?» (см. Сочинения, 4 изд., том 4, стр. 234—262 и настоящий том, стр. 333—340, 358, 378). — 53.

30 Партия «*Народного права*» — нелегальная организация демократической интеллигенции, основанная при участии бывших народовольцев в 1893 году (М. А. Натансон и др.); весной 1894 года она была разгромлена царским правительством. Эта организация выпустила два программных документа: «Насущный вопрос» и «Манифест». Большинство народоуправцев впоследствии вошло в партию эсеров. — 64.

31 Ленин имеет в виду положение из работы К. Маркса «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.» (см. К. Маркс. Избранные произведения в двух томах, т. II, 1940, стр. 157). — 65.

32 «*Новое Времля*» — газета, выходившая в Петербурге с 1868 года до октября 1917 года. Вначале умеренно либеральная, с 1876 года она превратилась в орган реакционных дворянских и чиновно-бюрократических кругов. Газета вела борьбу не только против революционного, но и против либерально-буржуазного движения. С 1905 года стала одним из органов черносотенцев. — 66.

- 33 Имеется в виду циркуляр Главного управления по делам печати, разосланный по редакциям журналов и газет после появления в газете «Новое Время» статьи «По поводу рабочих беспорядков». Циркуляр был приведен в «Искре» № 6 (июль 1901 года) в заметке «С.-Петербург» (отдел «Из нашей общественной жизни»). — 66.
- 34 «*Московские Ведомости*» — газета, издавалась с 1756 года; с 60-х годов XIX века выражала взгляды наиболее реакционных монархических слоев помещиков и духовенства; с 1905 года — один из главных органов черносотенцев. Выходила до Октябрьской революции 1917 года. — 68.
- 35 Брошюра «*Тайные документы, относящиеся к закону 2-го июня 1897 года*» издана в Женеве в 1898 году «Союзом русских социал-демократов за границей». — 68.
- 36 «*Гражданин*» — реакционная газета, выходившая в Петербурге с 1872 по 1914 год. С 80-х годов XIX века являлась органом крайних монархистов. Газета существовала главным образом за счет субсидий царского правительства. — 81.
- 37 Работа «*Аграрный вопрос и «критики Маркса»*» была написана Лениным в июне — сентябре 1901 года. Первые четыре главы ее были напечатаны в № 2—3 журнала «Заря» в декабре 1901 года под заглавием «Г. «критики» в аграрном вопросе. Очерк первый» за подписью *Н. Ленин*. Затем они были изданы легально в Одессе (с пометкой: «Дозволено цензурою. Одесса, 23 июля 1905 года») книгоиздательством «Буревестник» в виде отдельной брошюры с измененным заглавием: *Н. Ленин. Аграрный вопрос и «критики» Маркса*. Это заглавие сохранено автором в последующих изданиях как работы в целом, так и отдельных ее частей.
- Главы V—IX впервые были опубликованы в легальном журнале «Образование» № 2, февраль 1906 года. Они снабжены подзаголовками, чего не было в главах I—IV, опубликованных в «Заре» и в издании 1905 года.
- В книге *Вл. Ильина* (В. И. Ленина) «Аграрный вопрос», ч. I, изданной в Петербурге в 1908 году, были впервые напечатаны вместе все девять глав с прибавлением еще двух новых, X и XI, причем к главам I—IV были даны подзаголовки, в текст были внесены некоторые редакционные изменения и добавлено несколько примечаний.
- Глава XII (последняя) впервые была напечатана в 1908 году в сборнике «Текущая жизнь».
- Первые девять глав вошли в состав настоящего тома, главы X, XI и XII, написанные в 1907 году, входят в состав 13 тома четвертого издания Сочинений В. И. Ленина. — 87.
- 38 «*Образование*» — ежемесячный литературный, научно-популярный и общественно-политический журнал; выходил в Петербурге с 1892 по 1909 год. В 1902—1908 годах в журнале сотрудничали марксисты. — 87.

- 39 *«Русское Богатство»* — ежемесячный журнал, выходил в Петербурге с 1876 до середины 1918 года. С начала 90-х годов журнал стал органом либеральных народников и редактировался С. Н. Кривеико и Н. К. Михайловским. Журнал проповедывал примирению с царским правительством и отказ от всякой революционной борьбы с ним, вел ожесточенную борьбу против марксизма и русских марксистов. — 91.
- 40 *«Начало»* — ежемесячный литературный, научный и политический журнал «легальных марксистов»; выходил в Петербурге в первой половине 1899 года под редакцией П. Б. Струве, М. И. Туган-Барановского и др. В журнале кроме «легальных марксистов» печатали свои статьи Г. В. Плеханов, В. И. Засулич и др. Журнал был закрыт царским правительством в июне 1899 года.
Ленин опубликовал в этом журнале несколько рецензий (см. Сочинения, 4 изд., том 4, стр. 51—58, 78—87) и часть третьей главы из книги «Развитие капитализма в России» (под заголовком «Вытеснение барщинного хозяйства капиталистическим в современном русском земледелии») (см. Сочинения, 4 изд., том 3, стр. 157—183).
Ленин имеет в виду статью Булгакова «К вопросу о капиталистической эволюции земледелия», напечатанную в №№ 1—2 и 3 журнала за январь — февраль и март 1899 года. — 91.
- 41 *«Жизнь»* — ежемесячный журнал, издавался в Петербурге с 1897 по 1901 год; в 1902 году выходил за границей. С 1899 года журнал являлся органом «легальных марксистов».
Ленин напечатал в этом журнале статью «Ответ г. П. Нежданову», № 12, декабрь 1899 года и две статьи под заголовком «Капитализм в сельском хозяйстве (О книге Каутского и о статье г. Булгакова)», №№ 1 и 2, январь и февраль 1900 года (см. Сочинения, 4 изд., том 4, стр. 142—147, 89—141). — 92.
- 42 *Мальтузианство* — реакционная теория английского буржуазного экономиста Мальтуса (1766—1834), утверждавшего, что устранение социальных бедствий возможно только путем искусственного сокращения роста народонаселения, то есть путем воздержания от браков и деторождения. — 97.
- 43 См. К. Маркс. «Капитал», т. III, 1936, стр. 581. — 101.
- 44 См. К. Маркс. «Капитал», т. III, 1936, стр. 657. — 102.
- 45 См. К. Маркс. «Капитал», т. III, 1936, стр. 654—656. — 102.
- 46 См. К. Маркс. «Капитал», т. III, 1936, стр. 656—657. — 102.
- 47 *Клановая собственность* — родовая земельная собственность. — 105.

- 48 См. К. Маркс. «Капитал», т. III, 1936, стр. 573. — 107.
- 49 См. К. Маркс. «Теории прибавочной стоимости», т. II, ч. 2, 1936, стр. 57—58. — 110.
- 50 «*Sozialistische Monatshefte*» («Социалистический Ежемесячник») — журнал, главный орган оппортунистов немецкой социал-демократии и один из органов международного оппортуниста. Во время мировой империалистической войны 1914—1918 годов занимал позицию социал-шовинизма. Выходил в Берлине с 1897 по 1933 год. — 118.
- 51 «*Die Neue Zeit*» («Новое Время») — журнал германской социал-демократии, выходивший в Штутгарте с 1883 по 1923 год. В 1885—1895 годах в «*Die Neue Zeit*» были опубликованы некоторые статьи Ф. Энгельса. Он часто давал указания редакции журнала и резко критиковал ее за отступления от марксизма. Со второй половины 90-х годов, после смерти Ф. Энгельса, журнал, являясь проводником каутскианских взглядов, систематически печатал статьи ревизионистов. В годы мировой империалистической войны (1914—1918) занимал центристскую позицию, фактически поддерживая социал-шовинистов. — 124.
- 52 *Исключительный закон против социалистов* был введен в Германии в 1878 году. Этим законом были запрещены все организации социал-демократической партии, массовые рабочие организации, рабочая печать, конфисковалась социалистическая литература, началась высылка социал-демократов. Под напором массового рабочего движения в 1890 году закон был отменен. — 133.
- 53 «*Vorwärts*» («Вперед») — центральный орган германской социал-демократии; газета начала выходить с 1876 года под редакцией В. Либкнехта и др. На страницах газеты Ф. Энгельс вел борьбу против всяческих проявлений оппортунизма. Со второй половины 90-х годов, после смерти Энгельса, в «*Vorwärts*» систематически печатались статьи оппортунистов, господствовавших в германской социал-демократии и во II Интернационале. — 133.
- 54 См. К. Маркс и Ф. Энгельс. «Манифест коммунистической партии», 1939, стр. 32. — 137.
- 55 См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XV, 1935, стр. 73—74. — 138.
- 56 См. Ф. Энгельс. «Анти-Дюринг», 1945, стр. 269—282. — 138.

- 57 *Н.* — он, Николай — он (псевдонимы Н. Ф. Даниельсона) — один из идеологов либерального народничества 80—90-х годов XIX века. — 141.
- 58 «*Der Volksstaat*» («Народное Государство») — газета, центральный орган германской социал-демократии — партии айзенахцев; выходила в Лейпциге с 1869 по 1876 год под редакцией В. Либкнехта. В газете сотрудничали К. Маркс и Ф. Энгельс. — 142.
- 59 См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XV, 1935, стр. 60. — 142.
- 60 Ленин цитирует предисловие Ф. Энгельса ко второму изданию работы «К жилищному вопросу» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XVI, ч. I, 1937, стр. 276). — 142.
- 61 *Руфь* — имя женщины, которая, по библейской мифологии, собирала на чужом поле колосья. Выражение «сбор колосьев *Руфью*» здесь употребляется в смысле обозначения легкого, беззаботного труда. — 152.
- 62 «*Союз социальной политики*» («*Verein für Sozialpolitik*») — объединение немецких буржуазных экономистов; основан в 1872 году. Союз ставил своей целью ликвидировать влияние социал-демократии на рабочий класс и подчинить рабочее движение интересам буржуазии. — 162.
- 63 См. К. Маркс. «Капитал», т. III, 1936, стр. 711. — 168.
- 64 См. Н. Щедрин (М. Е. Салтыков). Полное собрание сочинений, т. XV, 1940, стр. 101—102. — 175.
- 65 Из текста VII и IX глав, впервые опубликованных в журнале «Образование», видно, что Ленин предполагал рассмотреть в этой работе данные французской сельскохозяйственной статистики и подвергнуть анализу «критические» воззрения французского экономиста Мориса. Но этот план остался неосуществленным, и в издании 1908 года Ленин изменил соответствующие места текста, свидетельствовавшие о его первоначальном намерении. Так, из фразы: «Пролетаризация крестьянства продолжается, — это мы покажем ниже на массовых данных немецкой и французской статистики...» было опущено два слова — «и французской». Из фразы: «Быстрый рост городов неуклонно увеличивает число таких «молочных фермеров», и всегда будут находиться, конечно, Гехты, Давиды, Герцы и Черновы (а также, — чтобы не обидеть и Францию, — Морисы, о котором ниже)...» были опущены слова, заключенные в скобки. Окончание фразы: «Поэтому, смешивая эти процессы или игнорируя один из них, легко впасть в самые грубые ошибки, образчик которых мы увидим ниже, при разборе выводов г. Булгакова из французских данных» было заменено новым: «образчики которых рассыпаны во множестве в книге Булгакова». — 202.

⁶⁶ «Объединительный съезд», проходивший в Цюрихе 21—22 сентября (4—5 октября) 1901 года, представлял собой попытку объединения русских социал-демократических организаций за границей на принципиальной марксистской платформе. На съезде присутствовали представители заграничного отдела организации «Искры» — «Зари», организации «Социал-демократ» (включавшей в себя группу «Освобождение труда»), «Союза русских социал-демократов за границей», Бунда и группы «Борьба».

Созыву съезда предшествовала предварительная конференция представителей тех же организаций в июне 1901 года в Женеве. Конференция приняла резолюцию в качестве принципиальной основы для соглашения и совместной работы.

Наметившееся сближение должно было получить официальное оформление на «объединительном» съезде. Однако статьи руководителей Союза, опубликованные в сентябре 1901 года в № 10 «Рабочего Дела», поправки и дополнения к резолюции женевской конференции, внесенные представителями Союза на съезде, показали, что Союз попрежнему стоит на оппортунистических позициях. Представители «Искры» и организации «Социал-демократ», огласив заявление, покинули съезд.

На «объединительном» съезде В. И. Ленин присутствовал и выступал под именем «Фрея». Это было первое публичное выступление Ленина среди русских социал-демократов за границей. — 203.

⁶⁷ «Союз русских социал-демократов за границей» был основан в 1894 году в Женеве по инициативе группы «Освобождение труда». Вначале группа «Освобождение труда» руководила Союзом и редактировала его издания. В дальнейшем в Союзе взяли перевес оппортунистические элементы («молодые» — «экономисты»). В ноябре 1898 года на первом съезде Союза группа «Освобождение труда» отказалась от редактирования его изданий. Окончательный разрыв и выход группы «Освобождение труда» из Союза произошел в апреле 1900 года на втором съезде Союза, когда группа «Освобождение труда» и ее единомышленники ушли со съезда и создали самостоятельную организацию «Социал-демократ». — 205.

⁶⁸ Организация «Социал-демократ» возникла в мае 1900 года, после раскола «Союза русских социал-демократов за границей» на его II съезде (в апреле 1900 года в Женеве). Организация выпустила несколько брошюр. В октябре 1901 года она вместе с заграничным отделом «Искры» — «Зари» объединилась в «Заграничную лигу русской революционной социал-демократии». — 205.

⁶⁹ *Гора* и *Жиронда* — название двух политических группировок буржуазии периода французской буржуазной революции конца XVIII века. Горой — якобинцами — называли наиболее решительных представителей революционного класса своего времени — буржуазии, — отстаивавших необходимость уничтоже-

ния абсолютизма и феодализма. Жирондисты, в отличие от якобинцев, колебались между революцией и контрреволюцией и шли по пути сделок с монархией.

«Социалистической Жирондой» Ленин называл оппортунистическое течение в социал-демократии; пролетарскими якобинцами, «Горой» — революционных социал-демократов. После раскола РСДРП на большевиков и меньшевиков Ленин часто подчеркивал, что меньшевики представляют собой жирондистское течение в рабочем движении. — 207.

- 70 «Любекский партийтаг» — съезд германской социал-демократии, проходивший в Любеке 9—15 (22—28) сентября 1901 года. Центральное место в работе съезда занял вопрос о борьбе с ревизионизмом, оформившимся к этому времени в правое крыло партии со своей собственной программой и литературным органом «Sozialistische Monatshefte» («Социалистический Ежемесячник»). Лидер ревизионистов Бернштейн, задолго до съезда выступивший с ревизией научного социализма, в своей речи на съезде требовал «свободы критики» марксизма. Съезд отверг проект резолюции, предложенный сторонниками Бернштейна. В принятой съездом резолюции было сделано прямое предупреждение Бернштейну, но не был поставлен принципиально вопрос о невозможности пребывания бернштейнианцев в рядах рабочей партии. — 207.

- 71 «Рабочая партия политического освобождения России» — небольшая организация народнического направления, существовавшая в 1899—1902 годах в Мянске, Белостоке и некоторых других городах. В 1902 году члены этой организации вошли в партию эсеров. — 208.

- 72 Бунд — «Всеобщий еврейский рабочий союз в Литве, Польше и России» — был организован в 1897 году, объединял преимущественно еврейских ремесленников западных областей России. На I съезде РСДРП, в марте 1898 года, Бунд вошел в РСДРП. На II съезде РСДРП бундовцы выступили с требованием признать Бунд единственным представителем еврейского пролетариата. После того как съезд отверг бундовский организационный национализм, Бунд вышел из партии.

В 1906 году, после IV («Объединительного») съезда, Бунд вновь вошел в РСДРП. Бундовцы оказывали постоянную поддержку меньшевикам и вели непрерывную борьбу против большевиков. Формально входя в состав РСДРП, Бунд являлся организацией буржуазно-националистического характера. Программному требованию большевиков — право наций на самоопределение — Бунд противопоставлял требование культурно-национальной автономии. Во время первой мировой войны 1914—1918 годов бундовцы стояли на позициях социал-шовинизма; в 1917 году Бунд поддерживал контрреволюционное Временное правительство, боролся на стороне врагов Октябрьской социалистической революции. В годы гражданской войны видные бундовцы сошлись с силами контрреволюции.

- Одновременно с этим среди рядовых членов Бунда начался перелом в пользу сотрудничества с советской властью. Когда ясно обнаружилась победа диктатуры пролетариата над внутренней контрреволюцией и иностранными интервентами, Бунд заявил, что он отказывается от борьбы против советской власти. В марте 1921 года Бунд самоликвидировался, часть его членов вошла в РКП(б) на общих основаниях. Среди вступивших в партию бундовцев были двурушники, которые вошли в партию с целью подрыва ее изнутри; впоследствии они были разоблачены как враги народа. — 209.
- 73 Ленин имеет в виду прокламацию *«Первое письмо к голодающим крестьянам»*, вышедшую в 1892 году за подписью *«Мужичкине доброты»*. Прокламация была напечатана в количестве около 1800 экземпляров в петербургской нелегальной так называемой Лахтинской типографии *«Группы народовольцев»*. — 216.
- 74 *«Заграничная лига русской революционной социал-демократии»* была основана по инициативе В. И. Ленина в октябре 1901 года. В состав Лиги вошли заграничный отдел организации *«Искры»* — *«Зари»* и организация *«Социал-демократ»* (включавшая в себя группу *«Освобождение труда»*). Лига являлась заграничным представителем *«Искры»*. Она издала несколько *«Бюллетеней»* и брошюр, в том числе брошюру В. И. Ленина *«К деревенской бедноте»*. II съезд РСДРП утвердил Лигу в качестве единственной заграничной партийной организации, имеющей уставные права комитета. После II съезда в *«Заграничной лиге»* окопались меньшевики и повели оттуда борьбу против Ленина, против большевиков. — 221.
- 75 Первая глава работы Ленина *«Внутреннее обожрение»* была выпущена отдельной брошюрой в двух изданиях под заголовком *«Борьба с голодающими»*. Первое издание вышло в виде отдельного оттиска из № 2—3 *«Зари»*; второе издание было напечатано в нелегальной искровской типографии в Кишиневе тиражом в три тысячи экземпляров. — 231.
- 76 Ленин цитирует произведение М. Е. Салтыкова-Щедрина *«История одного города»* (см. Н. Щедрин (М. Е. Салтыков). Полное собрание сочинений, т. IX, 1934, стр. 427). — 240.
- 77 Ленин имеет в виду книгу Николая — она (Н. Ф. Даниельсона) *«Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства»*, изданную в Петербурге в 1893 году. — 254.
- 78 *«Русские Ведомости»* — газета, издавалась в Москве с 1863 года либеральными профессорами Московского университета и земскими деятелями; выражала интересы либеральных помещиков и буржуазии. С 1905 года — орган правых кадетов; закрыта после Октябрьской революции 1917 года, как и другие контрреволюционные газеты. — 255.

- 79 *«Свободное Слово»* — издательство, выпускавшее за границей (Англия, Швейцария) произведения Л. Н. Толстого, запрещенные русской цензурой, и брошюры, направленные против преследования сектантов царским правительством. С 1899 по 1901 год издательство выпускало журнал *«Свободная Мысль»*, а с 1901 по 1905 год журнал *«Свободное Слово»*. — 270.
- 80 *«Южный Рабочий»* — социал-демократическая газета, издавалась нелегально группой того же наименования с января 1900 по апрель 1903 года; всего вышло 12 номеров. Газета распространялась главным образом в социал-демократических организациях юга России.
Ленин относил группу *«Южный рабочий»* к тем организациям, «которые, признавая *«Искру»* руководящим органом на словах, на деле преследовали свои особые планы и отличались неустойчивостью в принципиальном отношении». Группа существовала до II съезда РСДРП. Большинство руководящего состава группы впоследствии стало меньшевиками. — 287.
- 81 Ленин дает в собственном переводе выдержку из письма Ф. Лассаля к К. Марксу от 24 июня 1852 года (см. *«Письма Фердинанда Лассаля к К. Марксу и Ф. Энгельсу»*, СПб, 1905, стр. 53). — 293.
- 82 Демонстрация 6 (18) декабря 1876 года была организована рабочими и студентами в знак протеста против произвола самодержавия. Г. В. Плеханов, принимавший участие в демонстрации, произнес революционную речь. Демонстрация была разогнана полицией. Многие участники ее были арестованы и приговорены к ссылке или к каторжным работам. — 295.
- 83 Сборник *«Пролетарская борьба»* № 1 издан *«Уральской социал-демократической группой»*; напечатан в 1899 году в типографии группы. Авторы этого сборника, стоявшие на позициях *«экономизма»*, отрицали необходимость создания самостоятельной политической партии рабочего класса и считали, что политическую революцию можно совершить путем всеобщей стачки, без предварительной организации и подготовки масс, без вооруженного восстания. — 312.
- 84 *«Социал-демократическая рабочая библиотека»* — серия брошюр, издававшихся нелегально в Вильно и Петербурге в 1900—1901 годах. — 312.
- 85 См. К. Маркс и Ф. Энгельс. *«Манифест коммунистической партии»*, 1939, стр. 37. — 313.
- 86 Имеется в виду всеобщая стачка студентов, организованная зимой 1901—1902 года. Стачка охватила до 30 тысяч человек. — 314.
- 87 Ленин имеет в виду дело Дрейфуса, офицера французского Генерального штаба, еврея, осужденного в 1894 году воен-

ным судом к пожизненному заключению по заведомо ложному обвинению в шпионаже и государственной измене. Этот провокационный процесс был организован реакционными кругами Франции. Развернувшееся в стране общественное движение в защиту Дрейфуса вскрыло продажность суда и обострило политическую борьбу республиканцев с монархистами. В 1899 году Дрейфус был помилован и освобожден. Лишь в 1906 году при новом пересмотре дела Дрейфус был оправдан. — 314.

- 88 Книга *«Что делать? Наболевшие вопросы нашего движения»* написана Лениным в конце 1901 — начале 1902 года. В статье *«С чего начать?»*, опубликованной в *«Искре»* № 4 (май 1901 года), Ленин писал, что статья представляет собой «набросок плана, подробнее развиваемого нами в подготовляемой к печати брошюре».

Вплотную к работе над книгой Ленин приступил осенью 1901 г. В *«Предисловии к брошюре «Документы «объединительного» съезда»*, написанном в ноябре 1901 года, Ленин сообщал, что работа «готовится и в непродолжительном времени выйдет в свет». В декабре в № 12 *«Искры»* Ленин опубликовал статью *«Беседа с защитниками экономизма»*, которую впоследствии называл конспектом *«Что делать?»*. В феврале 1902 года Ленин написал предисловие к книге. В начале марта книга *«Что делать?»* вышла из печати в Штутгарте в издательстве Дитца, о чем сообщалось в *«Искре»* № 18, 10 марта 1902 года.

Ленинские идеи, выдвинутые и обоснованные в книге *«Что делать?»*, отстаивал и развивал товарищ Сталин. Его брошюра *«Коротко о партийных разногласиях»*, написанная весной 1905 года, непосредственно примыкает к *«Что делать?»* (см. И. В. Сталин. Сочинения, т. 1, стр. 89—130). Защита ленинских идей, развитых в книге *«Что делать?»*, была посвящена также статья товарища Сталина *«Ответ «Социал-Демократу»*», опубликованная в газете *«Борьба Пролетариата»* в августе 1905 года (см. И. В. Сталин. Сочинения, т. 1, стр. 160—172). Высоко оценивая эту статью, Ленин отмечал данную в ней «прекрасную постановку вопроса о знаменитом «внесении сознания извне»».

Переиздавая в 1907 году *«Что делать?»* в сборнике *«За 12 лет»*, Ленин опустил параграф «а» пятой главы: «Кто обиделся за статью *«С чего начать?»*?» и указал в предисловии, что публикует работу «с самыми небольшими сокращениями, опуская лишь подробности организационных отношений или мелкие полемические замечания». В то же время Ленин добавил пять новых подстрочных примечаний.

В настоящем томе *«Что делать?»* печатается по тексту издания 1902 года, сверенному с текстом издания 1907 года. — 319.

- 89 *Лассальянцы и вйзенатцы* — две партии в германском рабочем движении в 60-х и начале 70-х годов XIX века.

Лассальянцы — сторонники и последователи Ф. Лассалья. Основным ядром лассальянцев был «Всеобщий германский

рабочий союз», основанный Лассалем в 1863 году. Признавая возможность мирного преобразования капитализма в социализм при помощи рабочих ассоциаций, поддерживаемых капиталистическим государством, лассальянцы проповедывали замену революционной борьбы рабочего класса борьбой за всеобщее избирательное право и мирной внутрипарламентской деятельностью.

Маркс резко критиковал лассальянцев и отмечал, что они «в течение ряда лет были помехой для организации пролетариата и кончили тем, что стали просто-напросто орудием в руках полиции». Оценку теоретических взглядов лассальянцев и их тактики Маркс дал в своих произведениях «Критика Готской программы», «Видимые расколы в Интернационале» и в переписке с Энгельсом.

Эйзенахцы — сторонники марксизма, находившиеся под идейным влиянием К. Маркса и Ф. Энгельса. Во главе с В. Либкнехтом и А. Бебелем они учредили на съезде в Эйзенахе в 1869 году Социал-демократическую рабочую партию Германии.

Между этими партиями велась ожесточенная борьба.

Под влиянием подъема рабочего движения и усиления правительственных репрессий обе партии в 1875 году на съезде в Готе слились в единую Социалистическую рабочую партию Германии, в которой лассальянцы представляли оппортунистическое крыло.

Характеристику лассальянцев и эйзенахцев Ленин дал в статье «Август Бебель», написанной в августе 1913 года. — 325.

90 *Гедисты и поссибилисты* — два течения во французском социалистическом движении, возникшие в 1882 году после раскола Французской Рабочей партии.

Гедисты — сторонники Ж. Гедэ — левое, марксистское течение, отстаивавшее самостоятельную революционную политику пролетариата; в 1901 году гедисты образовали Социалистическую партию Франции.

Поссибилисты — мелкобуржуазное, реформистское течение, отвлекавшее пролетариат от революционных методов борьбы. Поссибилисты предлагали ограничить деятельность рабочего класса рамками «возможного» (possible — возможно) при капитализме. В 1902 году поссибилисты совместно с другими реформистскими группами образовали Французскую социалистическую партию.

В 1905 году Социалистическая партия Франции и Французская социалистическая партия объединились в одну партию. В период империалистической войны 1914—1918 годов Ж. Гед вместе со всем руководством Французской социалистической партии перешел на позиции социал-шовинизма. — 325.

91 *Фабианцы* — члены реформистского, оппортунистического «Общества фабианцев», основанного группой буржуазной интеллигенции в Англии в 1884 году. Общество названо по имени римского полководца Фабия Кунктатора («Медлителя»), известного своей выжидательной тактикой, уклонением от решимости.

тельных боев. Фабианцы отвлекали пролетариат от классовой борьбы, проповедывали мирный переход от капитализма к социализму путем мелких реформ.

Характеристику фабианцев Энгельс дал в письме к Зорге 18 января 1893 года. Ленин в своих произведениях неоднократно характеризовал фабианцев. См. его работы: «Предисловие к русскому переводу книги: «Письма И. Ф. Беккера, И. Дигена, Ф. Энгельса, К. Маркса и др. к Ф. А. Зорге и др.», «Аграрная программа социал-демократии в русской революции», «Английский пацифизм и английская нелюбовь к теории» и др. — 325.

- 92 Ленин приводит в собственном переводе выдержку из предисловия Ф. Энгельса к третьему изданию работы К. Маркса «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» (см. К. Маркс. Избранные произведения в двух томах, т. II, 1940, стр. 251). — 327.
- 93 «*Беззаглавцы*» — организаторы и участники журнала «Беззаглавия», издававшегося в Петербурге в 1906 году, — С. Н. Прокопович, Е. Д. Кускова, В. Я. Богучарский и др. «Беззаглавцы» открыто признавали себя сторонниками ревизионизма, поддерживали меньшевиков и либералов, выступали против самостоятельной политики пролетариата. Ленин называл «беззаглавцев» меньшевистствующими кадетами или кадетствующими меньшевиками. — 329.
- 94 *Иловайский, Д. И.* (1832—1920) — историк, автор многочисленных официальных учебников истории, широко распространенных в начальной и средней школе дореволюционной России. В его учебниках история сводилась главным образом к деятельности царей и полководцев; исторический процесс объяснялся второстепенными и случайными обстоятельствами. — 330.
- 95 *Катедер-социализм* — одно из направлений в буржуазной политической экономии, возникшее в Германии в 70—80-х годах XIX века. Представители этого направления проповедывали с университетских кафедр под видом социализма буржуазно-либеральный реформизм. Катедер-социалисты утверждали, будто буржуазное государство является надклассовым, способным примирить враждебные классы и постепенно ввести «социализм», не затрагивая интересов капиталистов и по возможности учитывая требования трудящихся. В России взгляды катедер-социалистов проповедывали «легальные марксисты». — 330.
- 96 *Ганноверская резолюция* — резолюция по вопросу о «Нападении на основные взгляды и тактику партии», принятая съездом германской социал-демократии, происходившим в Ганновере 27 сентября — 2 октября (9—14 октября) 1899 года. Обсуждение этого вопроса на съезде и принятие специальной резолюции было вызвано тем, что оппортунисты, возглавляемые Берштейном, выступили с ревизией марксистской теории и

требовали пересмотра революционной политики и тактики социал-демократии. Резолюция, принятая съездом, отклоняла требования ревизионистов, но в ней отсутствовали критика и равноблагие бернштейнианства. За эту революцию голосовали и сторонники Бернштейна. — 331.

- ⁹⁷ *Штутгартский съезд* германской социал-демократии, происходивший 21—26 сентября (3—8 октября) 1898 года, впервые обсуждал вопрос о ревизионизме в германской социал-демократии. На съезде было оглашено заявление отсутствовавшего Бернштейна, в котором он изложил свои оппортунистические взгляды, высказанные им ранее в ряде статей, и защищал их. Среди противников Бернштейна на съезде не было единства. Одни (Бebel, Каутский и др.) высказывались за идейную борьбу и критику ошибок Бернштейна, но были против применения к нему мер организационного воздействия. Другие — меньшинство — во главе с Р. Люксембург выступали более решительно против бернштейнианства. — 331.
- ⁹⁸ *Старовер* — псевдоним А. Н. Потресова, члена редакции «Искры», впоследствии меньшевика. — 332.
- ⁹⁹ «*О писателе, который застался*» — заглавие одного из ранних рассказов А. М. Горького. — 334.
- ¹⁰⁰ Ленин имеет в виду сборник «*Материалы к характеристике нашего хозяйственного развития*», напечатанный в количестве 2 000 экземпляров в легальной типографии в апреле 1895 года. В сборнике помещена статья В. И. Ленина (под псевдонимом *К. Тулин*) «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве (Отражение марксизма в буржуазной литературе)», направленная против «легальных марксистов» (см. Сочинения, 4 изд., том 1, стр. 315—484). — 334.
- ¹⁰¹ «*Протест российских социал-демократов*» написан Лениным в ссылке в 1899 году. Он был направлен против «Средо» — манифеста группы «экономистов» (С. Н. Прокоповича, Е. Д. Кусновой и других, ставших впоследствии надеждами). Получив «Средо» через свою сестру А. И. Елизарову, Ленин написал резкий обличительный протест.
- «Протест» был обсужден и единодушно принят на совещании 17 политических ссыльных-марксистов, созванном Лениным в селе Ермаковском, Минусинского округа. Колонии ссыльных в Туруханске и Орлове (Вятской губернии) присоединились к «Протесту».
- «Протест российских социал-демократов» был переслан Лениным за границу группе «Освобождение труда». В начале 1900 года «Протест» был перепечатан Г. В. Плехановым в сборнике «*Vademecum* (Путеводитель. *Ред.*) для редакции «Рабочего Дела». — 336.
- ¹⁰² «*Былое*» — исторический журнал; издавался с 1906 по 1907 год в Петербурге в виде ежемесячника. В 1908 году журнал выхо-

- дил под названием «Минувшие Годы» и был запрещен царским правительством. В июле 1917 года в Петрограде издание журнала возобновилось и продолжалось по 1926 год. — 336.
- 103 «*Vadetesit для редакции «Рабочего Дела»*» — сборник материалов и документов с предисловием Г. В. Плеханова, разоблачающих оппортунистические воззрения «Союза русских социал-демократов за границей» и редакции органа этого Союза — журнала «Рабочее Дело». Сборник был составлен Г. В. Плехановым и издан группой «Освобождение труда» в Женеве в 1900 году. — 336.
- 104 «*Profession de foi*» — листовка, излагающая оппортунистические взгляды Киевского комитета; составлена в конце 1899 года. Содержание листовки во многом совпадает с известным «Средо» «экономистов». Критика этого документа дана Лениным в статье «По поводу «Profession de foi»» (см. Сочинения, 4 изд., том 4, стр. 263—273). — 337.
- 105 См. К. Маркс. Избранные произведения в двух томах, т. II, 1940, стр. 445. — 341.
- 106 Ленин приводит в собственном переводе выдержку из предисловия Ф. Энгельса к его работе «Крестьянская война в Германии» (см. К. Маркс. Избранные произведения в двух томах, т. II, 1940, стр. 440—442). — 345.
- 107 «*Русская Старина*» — ежемесячный исторический журнал; издавался в Петербурге с 1870 по 1918 год. — 348.
- 108 «*С.-Петербургский Рабочий Листок*» — нелегальная газета, орган Петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». Вышло два номера: № 1 — в феврале (помечен январем) 1897 года (напечатан в России на mimeографе в количестве 300—400 экземпляров) и № 2 — в сентябре 1897 года в Женеве. — 349.
- 109 «*Рабочая Газета*» — нелегальный орган киевской группы социал-демократов. Вышло два номера: № 1 — в августе 1897 года и № 2 — в декабре (помечен январем) того же года. I съезд РСДРП признал «Рабочую Газету» официальным органом партии. Но после съезда, вследствие полицейского разгрома типографии и ареста членов Центрального Комитета, газета не выходила. — 349.
- 110 Упоминаемое Лениным «частное собрание» происходило в Петербурге между 14 и 17 февраля (26 февраля и 1 марта) 1897 года. На собрании присутствовали В. И. Ленин, А. А. Вапесв, Г. М. Крижановский и другие члены Петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» — «старинки», выпущенные из тюрьмы на 3 дня перед отправкой в сибирскую ссылку, и «молодые», руководившие «Союзом борьбы» после ареста Ленина. — 350.

- 111 *«Листок «Работника»»* издавался в Женеве «Союзом русских социал-демократов за границей» с 1896 по 1899 год. Вышло 10 номеров. Номера 1—8 «Листка «Работника»» вышли под редакцией группы «Освобождение труда». Вследствие поворота большинства членов Союзов «экономизму» группа «Освобождение труда» отказалась редактировать его издания. № 9—10 «Листка «Работника»» был выпущен новой редакцией, образованной Союзом. — 350.
- 112 *«Статья В. И — а»* — статья В. П. Иваншина. — 351.
- 113 В. В. — псевдоним В. П. Воронцова, одного из идеологов либерального народничества 80—90-х годов XIX века. Под *«В. В. русской социал-демократии»* Ленин подразумевает представителей оппортунистического течения в русской социал-демократии — «экономистов». — 352.
- 114 *Гирш-дункеровские профсоюзы* — были основаны в Германии в 1868 году либеральными буржуа Гиршем и Дункером, которые проповедывали «гармонию классовых интересов», отвлекали рабочих от революционной, классовой борьбы с буржуазией, ограничивали задачи профессионального движения рамками касс взаимопомощи и культурно-просветительных организаций. — 357.
- 115 *«Накануне»* — журнал народнического направления; издавался на русском языке в Лондоне с января 1899 по февраль 1902 года. Вышло 37 номеров. Журнал группировал вокруг себя представителей различных мелкобуржуазных партий. — 359.
- 116 Под псевдонимом *Н. Бельтов* Г. В. Плеханов опубликовал известную книгу «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», изданную легально в Петербурге в 1895 году. — 365.
- 117 Речь идет о сатирическом «Гимне новейшего русского социалиста», опубликованном в «Заре» № 1 (апрель 1901 года) за подписью *«Нарцис Тупорылов»*. В нем высмеивались «экономисты» с их приспособлением к стихийному движению. Автором стихотворения был Ю. О. Мартов. — 366.
- 118 В газете «Искра» № 7 (август 1901 г.), в отделе «Хроника рабочего движения и письма с фабрик и заводов» было опубликовано письмо одного рабочего-ткача, свидетельствующее об огромном влиянии ленинской «Искры» на передовых рабочих.
«...Я многим товарищам показывал «Искру» и весь номерок истрепался, а он дорог...», — писал автор. «Тут про наше дело, про все русское дело, которое копейками не оценишь и часами не определишь; когда его читаешь, тогда понятно, почему жандармы и полиция боятся нас рабочих и тех интеллигентов, за которыми мы идем. Они, и правда, страшны и царю, и ховлевам, и всем, а не только ховяйским карманам...

Рабочий народ теперь легко может загореться, уже все тлеет внизу, нужна только искра и будет пожар. Ах, как это верно сказано, что из искры возгорится пламень!.. Раньше каждая стачка была событие, а теперь всякий видит, что одна стачка ничего, теперь свободы нужно добиваться, грудью брать ее. Теперь все, и старик, и малый, все читали бы, да вот горе наше — книжки нет. Я прошлое воскресенье собрал одиннадцать человек и читал: «С чего начать?», так мы до ночи не расходились. Как все верно сказано, как до всего дойдено... Хочется нам письмо в эту самую «Искру» Вашу написать, чтобы она не только учила, как начать, а и как жить и умереть». — 401.

- 119 «Россия» — умеренно-либеральная газета, выходившая в Петербурге с 1899 по 1902 год. — 406.
- 120 «С.-Петербургские Ведомости» — газета, выходила в Петербурге с 1728 года как продолжение первой русской газеты «Ведомости», издававшейся с 1703 года. С 1728 по 1874 год «С.-Петербургские Ведомости» издавались при Академии наук, с 1875 года — при министерстве народного просвещения. Газета выходила до конца 1917 года. — 408.
- 121 Имеется в виду «Группа рабочих для борьбы с капиталом» — небольшая группа, по взглядам близкая к «экономизму», организованная весной 1899 года в Петербурге. Группой был напечатан на мимеографе листок «Наша программа», распространить который не удалось вследствие провала группы. — 414.
- 122 *N. N.* — С. Н. Прокопович, один из активных «экономистов», впоследствии кадет. — 420.
- 123 Ленин имеет в виду свою революционную деятельность в Петербурге в 1893—1895 годах. — 435.
- 124 Имеется в виду брошюра «Доклад о русском социал-демократическом движении Международному социалистическому конгрессу в Париже 1900 г.». Доклад был представлен конгрессу по поручению «Союза русских социал-демократов за границей» редакцией «Рабочего Дела» и издан Союзом в Женеве в 1901 году отдельной брошюрой. В брошюре был включен также доклад Бунда («История еврейского рабочего движения в России и Польше»). — 451.
- 125 Это примечание дано Лениным в конспиративных целях. Факты упомянуты здесь именно в том порядке, в каком они имели место в действительности. — 463.
- 126 Имеются в виду переговоры Петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» с Лениным, написавшим во второй половине 1897 года обе упомянутые в тексте брошюры. — 463.

- 127 Имеются в виду переговоры ЦК Бунда с В. И. Лениным. — 464.
- 128 Рассказывая о *«четвертом факте»*, Ленин имеет в виду попытку «Союза русских социал-демократов за границей» и Бунда созвать весной 1900 года второй съезд партии. Упомянутый Лениным *«член комитета»* — И. Х. Лалаянц (член Екатеринбургского социал-демократического комитета), приехавший в феврале 1900 года в Москву для переговоров с В. И. Лениным. — 464.
- 129 Ленин цитирует статью Д. И. Писарева «Промехи незрелой мысли» (см. Д. И. Писарев. Избранные сочинения в двух томах, т. II, 1935, стр. 124, 125). — 476.
- 130 Ленин имеет в виду следующее место из работы К. Маркса «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта»:
«Гегель замечает где-то, что все великие всемирно-исторические события и личности, так сказать, появляются дважды. Он забыл прибавить: первый раз как трагедия, второй раз как фарс» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. VIII, 1931, стр. 323). — 477.
- 131 *Янычары* — привилегированная пехота в султанской Турции, упраздненная в 1826 году. Янычары грабили население, отличались необычайной жестокостью. Ленин называет янычарами царскую полицию. — 480.
- 132 Это приложение было оценовано Лениным при переиздании «Что делать?» в сборнике «За 12 лет» в 1907 году. — 486.
- 133 В «Искре» № 18, 10 марта 1902 года, в отделе «Из партии» была опубликована заметка «Полемика «Зари» с редакцией «Vorwärts»», подводившая итоги этой полемики. — 491.
-

ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
В. И. ЛЕНИНА

(Май 1901 года—февраль 1902 года)

1901

- Май, до 13 (26).* Ленин начинает работать над книгой «Что делать?».
- Май, 13—15 (26—28).* В № 4 газеты «Искра» опубликована статья Ленина «С чего начать?», в которой он изложил конкретный план построения революционной партии рабочего класса, развитый позже в книге «Что делать?».
- Май — июнь.* Ленин руководит организацией транспортирования газеты «Искра» в Россию.
Ленин ведет переговоры с бакинской искровской группой о перепечатывании «Искры» в местной подпольной типографии, организуемой В. З. Кецховели под руководством И. В. Сталина.
Ленин в письмах к агентам «Искры» дает указание о печатании в искровской типографии в Кишиневе материалов из выходящих номеров «Искры».
- Июнь, до 24 (начало июля).* Ленин пишет статью «Гонители земства и Аннибалы либерализма».
- Июнь, 24 и 26 (июль, 7 и 9).* Ленин выдвигает перед членами редакции «Искры» вопрос о выработке проекта партийной программы.
- Июнь, 24 — июль, 17 (июль, 7—30).* При обсуждении статьи Ленина «Гонители земства и Аннибалы либерализма» в редакции «Искры» вскрываются разногласия между Лениным и Плехановым по вопросу об отношении к либералам. Ленин отказывается менять общий тон статьи и изменять принципиальную позицию по отношению к либералам.
- Июнь.* Статья Ленина «Новое побойще», посвященная Обуховской обороне, опубликована в № 5 «Искры».

Июнь — сентябрь.

Ленин пишет статью «Аграрный вопрос и «критики Маркса», направленную против ревизионистов, «критиков» марксистской теории аграрного вопроса.

Июль.

Ленин в письме к одному из искровцев категорически протестует против плана издания в Петербурге районного органа русской организации «Искры», считая этот план возвратом к кустарничеству.

Статья Ленина «Ценное признание» опубликована в № 6 «Искры».

Июль, 31 — август, 12 (август, 13—25).

Ленин получает из России первую, напечатанную в кишиневской подпольной типографии «Искры», брошюру Н. К. Крупской «Женщина-работница».

Август.

Статья Ленина «Уроки кризиса» опубликована в № 7 «Искры».

Ленин посылает агентам «Искры» в Россию выработанный им проект общерусской организации «Искры».

Сентябрь, 10 (23).

Статья Ленина «Нрепостняки за работой» опубликована в № 8 «Искры».

Сентябрь, 20 (октябрь, 3).

Ленин участвует в совещании представителей заграничных организаций «Искры» и «Социал-демократа» в Цюрихе. Совещание поручает Ленину выступить на «объединительном» съезде заграничных организаций РСДРП.

Сентябрь, 21 (октябрь, 4).

Ленин выступает на «объединительном» съезде организаций «Искры», «Социал-демократа», «Союза русских социал-демократов за границей», Бунда и группы «Борьба» с речью, разоблачающей оппортунизм руководителей Союза.

Сентябрь, 22 (октябрь, 5).

Ленин, вместе с представителями заграничных организаций «Искры» и «Социал-демократа», после оглашения декларации об окончательном разрыве с Союзом покидает «объединительный» съезд.

Конец сентября — начало октября (октябрь).

Ленин ведет переговоры с агентом «Искры», приехавшим из России, и дает указания о создании общерусской организации «Искры».

Ленин участвует в организации создаваемой по его инициативе «Заграничной лиги русской революционной социал-демократии», объединившей сторонников «Искры» и организации «Социал-демократ».

- Октябрь.* Статьи Ленина «Борьба с голодающими», «Ответ С.-Петербургскому комитету» и «Заграничные дела» опубликованы в № 9 «Искры».
- Ноябрь, до 20 (декабрь, до 3).* Статья Ленина «Каторжные правила и каторжный приговор» опубликована в № 10 «Искры».
- Ноябрь, 20 (декабрь, 3).* Статья Ленина «Протест финляндского народа» опубликована в № 11 «Искры».
- Декабрь, до 5 (18).* Ленин в письме искровским организациям в России сообщает о выходе в ближайшее время книги «Что делать?».
- Декабрь, 5 (18).* Ленин в письме к агенту «Искры» категорически возражает против использования искровской типографии в Кишиневе для печатания изданий, близких к «экономизму».
- Декабрь, до 6 (19).* Ленин от имени редакции «Искры» пишет приветственное письмо Г. В. Плеханову в связи с двадцатипятилетним юбилеем его революционной деятельности.
- Декабрь, 6 (19).* Статья Ленина «Беседа с защитниками эконо- мизма» опубликована в № 12 «Искры».
- Между 6 и 10 (19 и 23) дека- бря.* В № 2—3 журнала «Заря» напечатаны статьи Ленина: «Гонители земства и Аннибалы либера- льства», первые четыре главы работы «Аграрный вопрос и «критики Маркса» под заглавием «Гг. «критики» в аграрном вопросе» (первая работа за подписью *Н. Ленин*) и «Внутреннее обозрение».
- Декабрь, 20 (2 января 1902 года).* Статья Ленина «Начало демонстраций» опубли- кована в № 13 «Искры». В этом же номере отме- чается выход газеты «Брѣвола» («Борьба») № 1 — нелегальной грузинской газеты ленинско-искров- ского направления, созданной по инициативе И. В. Сталина.
- Декабрь, 21 (3 января 1902 года).* Ленин получает первый экземпляр «Искры» № 10, отпечатанный в кишиневской подпольной типо- графии «Искры».
- Начало января (середина ян- варя).* Ленин пишет критические замечания на первый проект программы Российской социал-демократи- ческой рабочей партии, составленный Плехановым.

1902

- Январь, 8 (21).* Ленин выступает на совещании редакции «Искры» в Мюнхене с критикой первого проекта программы, составленного Плехановым, и вносит свои поправки и предложения.
- Между 8 и 25 января (21 января и 7 февраля).* Ленин составляет новый проект программы Российской социал-демократической рабочей партии.
- Январь, 15 (28).* Статья Ленина «По поводу государственной росписи» опубликована в № 15 «Искры».
- Конец января (первая половина февраля).* По указанию Ленина основана общерусская организация «Искры» на съезде искровцев в Самаре.
- Февраль, 1 (14).* Статья Ленина «Политическая агитация и «классовая точка зрения» опубликована в № 16 «Искры».
- Февраль.* Ленин пишет предисловие к книге «Что делать?».
- Конец февраля — первая половина марта (март).* Ленин пишет критические замечания на второй проект программы РСДРП, составленный Плехановым.
- Март, 5 (18).* Ленин пишет к Белостокской конференции РСДРП «Доклад редакции «Искры» совещанию (конференции) комитетов РСДРП» и проект революции, участвует в совещании редакции «Искры», инструктирует уезжающего на Белостокскую конференцию делегата «Искры».
- Начало марта (середина марта).* Выходит из печати в Штутгарте книга «Что делать? Наболевшие вопросы нашего движения», в которой Ленин разработал идеологические основы марксистской партии.
-

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	VII—VIII
<i>1901 г.</i>	
С ЧЕГО НАЧАТЬ?	1—12
НОВОЕ ПОВОИЩЕ	13—18
ГОНИТЕЛИ ЗЕМСТВА И АННИВАЛЫ ЛИБЕРАЛИЗМА	19—65
I	24
II	30
III	35
IV	41
V	48
VI	58
ЦЕННОЕ ПРИЗНАНИЕ	66—72
УРОКИ КРИЗИСА	73—77
КРЕПОСТНИКИ ЗА РАБОТОЙ?	78—83
ЗЕМСКИЙ СЪЕЗД	84—85
АГРАРНЫЙ ВОПРОС И «КРИТИКИ МАРКСА»	87—202
I «Закон» убывающего плодородия почвы	91
II Теория ренты	103
III Машины в сельском хозяйстве	113
IV Уничтожение противоположности между городом и деревней. Частные вопросы, поднятые «критиками»	129
V «Процветание передовых современных мелких хозяйств». Пример Бадена	143
VI Производительность мелкого и крупного хозяйств. Пример из Восточной Пруссии	150

VII Баденская анкета о крестьянском хозяйстве	164
VIII Общие данные немецкой сельскохозяйственной статистики за 1882 и 1895 годы. Вопрос о средних хозяйствах	175
IX Молочное хозяйство и сельскохозяйственные товарищества в Германии. Сельское население Германии по положению в хозяйстве	187
«ОБЪЕДИНИТЕЛЬНЫЙ» СЪЕЗД ЗАГРАНИЧНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ РСДРП 21—22 сентября (4—5 октября) 1901 г.	
1. РЕЧЬ 21 СЕНТЯБРЯ (4 ОКТЯБРЯ). (<i>Протокольная запись</i>)	205
2. ВОПРОСЫ, ПРЕДЛОЖЕННЫЕ «СОЮЗУ РУССКИХ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТОВ» НА «ОБЪЕДИНИТЕЛЬНОМ» СЪЕЗДЕ 21 СЕНТЯБРЯ (4 ОКТЯБРЯ) 1901 Г.	210
БОРЬБА С ГОЛОДАЮЩИМИ	211—218
ОТВЕТ С.-ПЕТЕРБУРГСКОМУ КОМИТЕТУ	219—220
ЗАГРАНИЧНЫЕ ДЕЛА	221—222
КАТОРЖНЫЕ ПРАВИЛА И КАТОРЖНЫЙ ПРИГОВОР	223—228
ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРЕНИЕ	229—276
I Голоя	231
II Отношение к кризису и к голоду	251
III Третий элемент	258
IV Две предводительские речи	265
ПРЕДИСЛОВИЕ К БРОШЮРЕ «ДОКУМЕНТЫ «ОБЪЕДИНИТЕЛЬНОГО» СЪЕЗДА»	277—279
ПРОТЕСТ ФИНЛЯНДСКОГО НАРОДА	280—284
О ЖУРНАЛЕ «СВОБОДА»	285—286
БЕСЕДА С ЗАЩИТНИКАМИ ЭКОНОМИЗМА	287—293
К ДВАДЦАТИПЯТИЛЕТИЮ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Г. В. ПЛЕХАНОВА	294
НАЧАЛО ДЕМОНСТРАЦИЙ	295—298
О ПИСЬМЕ «РАБОЧИХ С ЮГА»	299
АНАРХИЗМ И СОЦИАЛИЗМ	300—303

1902 г.

ПО ПОВОДУ ГОСУДАРСТВЕННОЙ РОСПИСИ.....	304—309
ПОЛИТИЧЕСКАЯ АГИТАЦИЯ И «КЛАССОВАЯ ТОЧКА ЗРЕНИЯ»	310—316
ОТВЕТ «ЧИТАТЕЛЮ»	317—318
ЧТО ДЕЛАТЬ? <i>Наболевшие вопросы нашего движения</i>	319—494
Предисловие	321
I Догматизм и «свобода критики».....	325
а) Что значит «свобода критики»?	325
б) Новые защитники «свободы критики»	328
в) Критика в России.....	333
г) Энгельс о значении теоретической борьбы	340
II Стихийность масс и сознательность	
социал-демократии	345
а) Начало стихийного подъема.....	346
б) Преклонение пред стихийностью. «Рабочая	
Мысль»	350
в) «Группа самоосвобождения» и «Рабочее	
Дело»	359
III Тред-юнионистская и социал-демо-	
кратическая политика.....	368
а) Политическая агитация и ее сужение эконо-	
мистами.....	369
б) Повесть о том, как Мартынов углубил	
Плеханова.....	379
в) Политические обличения и «воспитание	
революционной активности».....	382
г) Что общего между экономизмом и терро-	
ризмом?.....	387
д) Рабочий класс как передовой борец за	
демократию.....	391
е) Еще раз «клеветники», еще раз «мисти-	
фикаторы».....	406
IV Кустарничество экономистов и ор-	
ганизация революционеров.....	410
а) Что такое кустарничество?.....	411
б) Кустарничество и экономизм.....	414
в) Организация рабочих и организация рево-	
люционеров	421
г) Рамах организационной работы	436
д) «Заговорщическая» организация и «демо-	
кративизм»	442
е) Местная и общерусская работа.....	450

У «План» общерусской политической газеты	459
а) Кто обиделся за статью «С чего начать?»?	460
б) Может ли газета быть коллективным организатором?.....	465
в) Какого типа организация нам нужна?.....	476
Заключение	483
<i>Приложение.</i> Попытка объединения «Искры» с «Рабочим Делом»	486
Поправка к «Что делать?»	493
<i>Примечания</i>	495—518
<i>Даты жизни и деятельности В. И. Ленина</i>	519—524

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Первая страница газеты «Искра» № 4 со статьей В. И. Ленина «С чего начать?». — 1901 г.	3
Обложка журнала «Заря» № 2—3 — 1901 г., в котором были напечатаны работы В. И. Ленина: «Гонители земства и Аннибалы либерализма», первые четыре главы работы «Аграрный вопрос и «критики Маркса»» (под заглавием «Гг. «критики» в аграрном вопросе») и «Внутреннее обозрение»	21
Титульный лист журнала «Образование» № 2 — 1906 г., в котором были напечатаны V—IX главы работы В. И. Ленина «Аграрный вопрос и «критики Маркса»».....	89
Первая страница рукописи В. И. Ленина «О журнале «Свобода». — 1901 г.	284—285
Первая страница рукописи В. И. Ленина «Анархизм и социализм». — 1901 г.	301
Обложка книги В. И. Ленина «Что делать?». — 1902 г.	320—321

Тираж 600 тыс. экз. (1—250 000).
Подписано к печати 21/IX 1946 г.
Объем 33²/₆ печ. листа + 2 вкладыши
(1¹/₄ печ. л.). М. 07001
Цена 6 р. 60 коп.

★

2-я типография «Печатный Двор»
им. А. М. Горького треста «Поли-
графкнига» ОГИЗа при Совете
Министров РСФСР, Ленинград,
Гатчинская, 26.